РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1998

Редколлегия:

А. А. ГОРЕЛОВ *(отв. редактор)*,
В. И. ЕРЕМИНА, Е. А. КОСТЮХИН, Ю. И. МАРЧЕНКО,
Т. А. НОВИЧКОВА, А. Н. РОЗОВ

Рецензенты

З. И. ВЛАСОВА, Н. П. КОПАНЕВА

ISBN 5-86007-132-9

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, 1998 г.
© «Дмитрий Буланин», 1998 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Новые книги сегодня запаздывают к читателю — особенно отечественные и особенно отяжеленные фундаментальным научным содержанием. Эти «медленные» книги, однако, закладывают запас прочности в потрясенное неореформами здание русской национальной культуры, не единожды страдавшей от разного рода «перестроек», воздвигавших непререкаемость той или иной теоретической догматики.

Верится, что предлагаемый труд может рассчитывать на долговременность жизни: как и прежние тома серии «Из истории русской фольклористики»,[1] данный выпуск будет служить объективному, документально-фактографическому обеспечению исследования далеко не простых процессов развития отечественной науки о фольклоре, на этот раз — в драматично-переменчивых обстоятельствах нашего столетия.

биографий К. Д. Кавелина, А. Д. Григорьева, Б. М. и Ю. М. Соколовых, О. Э. Озаровской, А. М. Листопадова, М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова, А. М. Астаховой, П. С. Богословского — биографий, возникающих на фоне и в связи со спецификой хода большой Истории России. Читатель, в частности, может убедиться, сколь существенной оказалась на этапе пореволюционной эмиграции роль зарубежно-славянской университетской, академической среды для сохранения «золотого запаса» российской науки. Богатейшей летописью духовно-нравственного бытия интеллигенции после гражданской войны предстает переписка братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых. Созданный блистательно одаренными в литературном отношении филологами эпистолярный дневник начала 1920-х гг. развертывает целую вереницу портретов деятелей науки, воскрешает замглившиеся черты неповторимой эпохи. Между прочим, народолюбие ученых, пришедшее не от марксизма, а от демократизма русской культуры XIX в., выступает в переписке с очевидностью.

Как в проблемных очерках, так и в публикациях фольклористического наследия советской поры четко прорисован конфликт между жесткими идеологическими установками государственной власти, ориентировавшей специалистов на цензурную селекцию реального

фонда народной культуры, с одной стороны, и правдой существования самого фольклора, и традициями науки по изучению духовного самосознания народа во всей полноте его проявлений — с другой. Этот конфликт, достигший кульминации в 1930-е гг., не только породил бесчисленные человеческие драмы,[2] но и обеднил и чрезвычайно заузил пространство культурологических исследований и прошлого, и настоящего. Вот почему неоспоримо ценны извлеченные из забвения материалы записей фольклора 1920-х—начала 1930-х гг. и теоретические работы исследователей-народоведов, созданные в те суровые годы. Без них нет ни подлинной истории фольклористики, ни истории народной поэзии.

Среди публикуемых текстов фольклора превалируют северорусские записи, но нашей собирательской науке никогда не была свойственна национальная самопоглощенность, ее внимание естественно направлялось и на фольклор других народностей Российской империи и СССР. Это послужило созданию весьма значимых коллекций разных народов, весомая часть которых хранится ныне в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии наук. Из их числа — калмыцкие песни архива А. М. Листопадова.

Том завершается библиографической подборкой публикаций по русскому фольклору в некогда авторитетнейшем журнале «Slavia».

Заторможенность выхода научных книг не позволяет с желанной оперативностью откликаться на многостороннюю историко-фольклористическую проблематику, интересующую общество. Однако программой издания томов «Из истории русской фольклористики» подразумевается и скорейшее открытие для исследователей тех материалов, которые прежде находились за семью печатями запасников-«спецхранов».

---

[1] Из истории русской фольклористики. Л., 1978; Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981; Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. III.

[2] См., например, монографию Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «„Дело славистов". 30-е годы» (М., 1994. Отв. ред. академик Н. И. Толстой), где рассказано о страшных днях жизни выдающихся славяноведов. Из фольклористов и причастных к изучению фольклора лиц преследованиям подвергались П. Г. Богатырев, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, К. В. Квитка, Н. И. Кравцов, М. Н. Сперанский, Ю. М. Соколов, С. К. Шамбинаго, К. А. Копержинский, В. Н. Перетц, В. Ф. Ржига, А. М. Селищев и др.

I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

(БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СТАТЬИ)

ПИСЬМА А. Д. ГРИГОРЬЕВА В АРХИВАХ ПРАГИ

Публикация А. Н. Мартыновой

Публикуемые ниже письма А. Д. Григорьева хранятся в Литературном архиве Музея национальной письменности в фонде Ю. Поливки[1] и в Центральном архиве Чехословацкой Академии наук. Письма проливают свет на некоторые обстоятельства эмиграционного периода жизни известного русского ученого.

В 1922 г. А. Д. Григорьев (1877—1945) уехал в Польшу, но, как пишет в Предисловии к Описи фонда его биограф А. Флоровский, не нашел применения своим силам в высшей школе и начал преподавать в средней школе в Бресте. В 1923 г. он переехал в Чехословакию, где стал работать сначала в Ужгородской реальной гимназии, а с 1925 г. — в гимназии города Прешова. Лишь выйдя в отставку в 1936 г., А. Д. Григорьев переехал в Прагу, где получил возможность заняться научным трудом.

Но и в предыдущий, допражский, период жизни Александр Дмитриевич не оставлял научной работы. Во всяком случае из писем ясно, что после эмиграции он продолжал подготовку II тома «Архангельских былин и исторических песен» (I и III тома были изданы в 1904 и 1910 гг.). В феврале 1926 г. II том «Архангельских былин» был в основном подготовлен, но издание его не состоялось по не известным нам причинам.

В Центральном архиве Чехословацкой Академии наук сохранилось письмо издательства и типографии «Палас», адресованное в Чешскую Академию наук и датированное 16 октября 1929 г. В письме издательство извещает Академию, что готово опубликовать II том «Архангельских былин» с условием оплаты 500 крон за печатный лист. Но, как известно, издание тома осуществилось лишь в 1939 г. в Праге.

Видимо, печатание тома было закончено в ноябре 1939 г., а 6 декабря А. Д. Григорьев обращается в Третье отделение Чешской Академии наук и искусства с просьбой выделить ему 500 крон на изучение русских наречий. Следует сказать,

---

[1] Музей национальной письменности, Литературный архив, ф. Ю. Поливки, 6/А/22, soupis, c. 565, c. 3.

что, находясь, видимо, постоянно в стесненных материальных условиях, А. Д. Григорьев не однажды обращался в Чешскую Академию наук и искусства за помощью и, судя по резолюциям президента Академии на его письмах, эту помощь получал. Так, в 1928 и 1937 гг. он получил от Чешской Академии по 2000 крон. В 1944 г. А. Д. Григорьев передал подготовленные к печати труды на сохранение в Чешскую Академию наук и искусства, позднее его фонд был переведен в Центральный архив Чехословацкой Академии наук (Особый фонд Александра Дмитриевича Григорьева).

Глубокоуважаемый коллега!

Я очень благодарен Вам за Вашу помощь по моему делу, когда наш школьный <ректорат>[1] отказал мне в службе. Теперь есть разрешение Совета Министров служить мне здесь, и я оставлен на службе на текущий 1924—1925 учебный год.

В настоящее время я решаюсь обеспокоить Вас своей новой просьбой. Дело в следующем.

25 сентября сего 1924 года мой старший сын Ростислав, которому скоро исполнится 19 лет, выдержал экзамен на матуру[2] в качестве экстерниста в Мукачевской реальной гимназии. Он хочет продолжить свое образование на физико-математическом отделении философского факультета Карлова университета или в Политехническом институте. Имея семью в 10 человек, из которых 8 человек живет в Чехии (я, жена, 6 детей), и не имея никакого имущества, я не в состоянии учить его на собственный счет и поэтому принужден просить для воспитания его помощи Чехословацкой республики.

В подтверждение своей просьбы могу привести следующее. В России я был профессором по кафедре русского языка и словесности в университетах Варшавском, Донском (в Ростове-на-Дону) и Томском.

Стоя в стороне от политики, я проявлял особый интерес к славянству. Во время своей заграничной командировки 1905—1906 годов я знакомился с положением в Австрии славян, и в частности чехов и словаков, в Праге в Чешско-русском обществе прочел весною 1906 года лекцию «Общие результаты работ собирателей и исследователей русских былин». На своих лекциях по русскому языку и по славяноведению я знакомил русских студентов с границами и с положением славянских народов в Австро-Венгрии, и в частности чехословаков.

К чехам я относился в России сочувственно. Будучи в 1918 году деканом (а затем проректором) Томского университета, я устроил офицера чешских войск д<окто>ра Виру лектором чешского языка в Томском университете, несмотря на недочеты в его <образовании>[3] и на недостачу у него нужных документов, причем выхлопотал учреждение для него соответствующей должности и оклада жалованья. Для ознакомления русских студентов с чешской культурой я старался пополнить университетскую и факультетскую библиотеки чешскими книгами и изданиями, появлявшимися в Екатеринбурге и Иркутске. Со стороны чехов во время пребывания в Сибири я всегда встречал дружелюбное отношение при встречах с ними как в Томске, так и в других местах Сибири во время своих летних поездок по Сибири для собирания особенностоей русских говоров. Поэтому, когда после ухода чехов из Сибири выяснилось, что в России при коммунистах жить совершен-

но нельзя, я решил выбраться из России в Чехию, наводя справки о Чехии и доставая чешские газеты у чешского представителя в Томске.

Так как с большой семьей выбраться было невозможно, то я, воспользовавшись тем, что родился в Варшаве и первые 20 лет своей жизни провел на территории, вошедшей после войны в Польшу, выехал с семьей в конце 1922 года в качестве польского гражданина в Польшу, а осенью 1923 года перебрался в Чехию, именно в Подкарпатскую Русь.

Не имея возможности, по недостатку средств, лично поехать в Прагу для хлопот о принятии моего сына Ростислава на иждивение, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой помочь моему сыну получить русскую стипендию. Так как срок на эти стипендии заканчивается или, может быть, уже закончился, то необходимо спешить с хлопотами. Хлопотать раньше мы не могли, так как 25 сентября сего года он выдержал устные испытания и только 27 сентября получил аттестат зрелости. Надо добавить, что в польское гражданство мы попали только из-за желания выбраться из Советской России в Чехию.

Проф. А. Григорьев

[1] Чтение слова затруднительно. [2] Аттестат зрелости (*польск.*). [3] Чтение слова затруднительно.

Глубокоуважаемый коллега!

Прежде всего позволю себе выразить свою радость по поводу Вашего выздоровления и благополучного возвращения домой из России.

Последний раз я виделся с Вами в июле 1925 года. Тогда мы говорили о возможности издания моих работ: второго тома «Архангельских былин и исторических песен» и работы о русских говорах Сибири. Вы подали надежду на печатание их Чешской Академией наук и предложили прислать их в Академию. Тогда же, по вашему совету, я был у профессора Махала и Сметанки, но не застал их; очевидно, они уже уехали на дачу. Ввиду того что я переселился из Ужгорода в Прешов, а Вы были больны, я не спешил с посылкой работы в Академию. Только теперь, узнав о Вашем благополучном возвращении, я закончил подготовку к печати второго тома «Архангельских былин» и одновременно с этим письмом Вам посылаю чистовой экземпляр второго тома <в количестве 55 номеров>[1] в Академию наук в Праге. Особо я посылаю в Академию просьбу о напечатании второго тома на счет Академии.

К Вам же, глубокоуважаемый коллега, я обращаюсь поддержать мое ходатайство перед Академией как относительно напечатания, так и относительно гонорара, который для меня, ввиду неустойчивого положения в Чехии, будет иметь большое значение. Я также просил некоторое число авторских экземпляров.

С просьбой о напечатании русских договоров в Сибири я обращусь еще не так скоро, так как надо продолжить разработку собранных материалов, а квартирная обстановка и мое подавленное самочувствие не благоприятствуют этому.

Ответ прошу направить по моему гимназическому адресу <Prešov. St. realne gymnazium. Prof. A. D. Grigorjevu> или по моему домашнему адресу, если он к тому времени не изменится <Prešov. Mojzešova ulica, 16>.

Как живется ученым в России?

Желаю Вам всего хорошего.

С истинным уважением проф. А. Григорьев.

17.II.1926.

Прешов, Майзешова, 16.

В Третье отделение Чешской Академии наук и искусства в Праге.

Печатание второго тома собранных мною «Архангельских былин» заканчивается. Всего будет около 35 печатных листов. Нуждаясь теперь в деньгах, усердно прошу Третье отделение Чешской Академии наук и искусства в Праге выплатить мне возможно скорее 1500 чешских крон в счет следуемого мне гонорара.

Александр Григорьев
профессор в отставке.

16 марта 1939 года. Прага.

[1]В опубликованном II томе «Архангельских былин и исторических песен» 83 номера былин и духовных стихов.

«ВЕРЮ, МЫ ДЛЯ РОССИИ ПРИГОДИМСЯ»

ПЕРЕПИСКА Б. М. и Ю. М. СОКОЛОВЫХ (1921—1923)

Публикация В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой и Э. В. Померанцевой

Предлагаемая публикация переписки двух известных советских фольклористов — братьев Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых относится к самому началу 20-х гг. Единожды за свою совместную жизнь братья-близнецы, близкие друг другу по душевному настрою, оценке окружающих явлений, по совместной работе, жизненным планам, оказались в разных географических точках страны не на месяцы — на годы. Не случись этого, мы были бы лишены возможности почувствовать всю сложность и трепетность их внутреннего мироощущения.

Письма братьев, особенно Юрия, носят исповедальный характер. Только брат брату — с полной откровенностью и столь же полным доверием — могли они сообщать в малейших подробностях события своей личной и общественной жизни.

Мы избалованы чтением писем гениальных и великих людей. Здесь перед нами типичные представители интеллигенции первых советских лет, выросшие в прежних социальных условиях, но принявшие или попытавшиеся принять новый строй всем сердцем, в надежде на основательное и неизменно лучшее. И тем не менее эта интеллигенция испытала всю меру недоверия, а иногда и презрения, и кичливости со стороны представителей местной и центральной аппаратной власти. Б. М. и Ю. М. Соколовы разве только не разделили судьбу тех своих собратьев, кого в 1922 г. за приверженность идеалистической философии выдворили за пределы Москвы и Петрограда.

Далеко не все практические шаги нового режима могли быть приняты. Сформированные культурными традициями старой академической школы, интеллигенты-гуманитарии 20-х гг. позволяли себе скептические и резко критические оценки не только политики отдельных ведомств, но и тех ученых коллег, которые, быстро освоившись в обстановке, поспешили занять руководящие кресла в многочисленных вновь сформированных комиссиях и отделах.

Для истинной русской интеллигенции, к которой принадлежали своим происхождением, образованием, воспитанием и внутренней духовностью братья Соколовы, всегда был значим кодекс чести, по которому «прислуживаться» считалось столь же низким занятием, как предавать. Общественное, благотворительное служение — как потребность души, как проявление натуры, характера, мировоззрения, наконец, — ему братья Соколовы предавались страстно, увлеченно, нимало не забо-

тясь о сохранении своего здоровья. Они оба торопились успеть побольше, словно предчувствуя, что судьба уготовила им не слишком длинную жизнь. «Экий ты, Юрий Матвеевич, скоропостижный», — говаривала известная сказительница Марфа Крюкова, уловив главное в стремительной натуре Ю. Соколова. Служение ради карьеры, подкрепленное мощными материальными вознаграждениями или иными благами, не признавалось достойным уважения, а тем более поклонения. Отсюда — бескомпромиссные или насмешливые характеристики некоторых людей иного склада и жизнеотношения.

В письмах предстают два города России — столичная Москва и провинциальный Саратов. И в каких-то очень важных сторонах, связанных с общественным подъемом, переиначиванием жизни, поисками смысла человеческого существования, они похожи. Сходство обнаруживается и в сумме общих научных и житейских проблем, перед которыми оказывались деятели двух университетов — одного из старейших (Московского) и сравнительно молодого (Саратовского). Общее отчетливо выступает и при конкретных оценках места, роли и наилучших форм организации музейной работы (в Историческом музее Москвы и вновь созданном этнографическом музее Саратовского края). Но, конечно, особое, центральное место в переписке занимает столица — «наша с тобою Москва». Юрий хорошо понимал, как нуждается оказавшийся на периферии Борис в подробнейших отчетах о происходившем.

В понятие «наша Москва» братья вкладывали очень многое. В первую очередь оно подразумевало круг близких и друзей — ученую, писательскую, артистическую среду, работников культурных учреждений (музеев, издательств, газет). В 20-е гг., когда возникли значительные осложнения с публикацией научных книг и статей, духовная жизнь сосредоточилась в многочисленных обществах, салонах. Здесь впервые прозвучали многие из написанных тогда литературных произведений (далеко не все из них получили право быть опубликованными в нашей стране), здесь же апробировались и выносились на суд коллег новые научные идеи, гипотезы. В письмах Ю. М. Соколова, например, с большим тщанием сообщается о заседаниях Общества любителей российской словесности, официальные протоколы которого за 20-е гг. в архивах не сохранились, а Юрий Матвеевич был с 1914 г. летописцем всех событий — ученым секретарем Общества.

«Наша Москва» — это и мир русской этнографической и фольклористической науки того времени, ее проблемы, связанные с потребностью в едином научном центре, своем печатном органе, с необходимостью придать научным дисциплинам статус строго государственного, практически полезного научного знания.

«Наша Москва» — это учителя, профессура Московского университета, друзья отца — профессора Матвея Ивановича Соколова, сокурсники и знакомые с других факультетов и кафедр.

«Наша Москва» — это большая родня, московская и ярославская, часто бывавшая и подолгу гостившая в Москве. Это и свое «родовое гнездо» — дом № 17 на Якиманке, где жила мать Соколовых Елизавета Павловна, где до отъезда в Саратов обитал с семьей Б. М. Соколов и где он потом умер. Дом был населен родными, друзьями. Здесь все жильцы друг друга любили и помогали друг другу.

Письма братьев, разумеется, не предназначались для печати, их передал в архив еще при жизни Юрий Матвеевич Соколов. Личностный характер писем дает возможность почувствовать не только сходство и единение братьев, но и всю разницу их натур: более сдержанный в проявлении своих чувств, строгий, хотя и внутренне страстный Борис Матвеевич, и ироничный, насмешливый, очень откровенный и даже чуть-чуть задиристый Юрий Матвеевич. Характеристики в письмах последнего не-

редко носят, пожалуй, излишне резкий, откровенно эмоциональный характер, бывают продиктованы сиюминутной ситуацией, и потому не всегда, быть может, справедливы. Но и в этом их безусловный интерес и дань эпохе!

Следует, однако, отметить, что резкость Б. М. Соколова нередко связана с иным изначальным отношением к упоминаемому лицу. Сквозь некоторую грубоватость при характеристике Н. К. Пиксанова проступают невольно и любовь и привязанность к нему. Оба брата знали Н. К. Пиксанова всю свою творческую жизнь и дружили с ним долгие годы.

Немалое место в письмах Юрия Матвеевича занимают финансовые отчеты, отражающие постоянные заботы о хлебе насущном. Они дают возможность непосредственно ощутить уровень жизни средней научной интеллигенции тех лет и место материальных запросов в беспрестанных и каждодневных поисках и терзаниях мятущегося человеческого духа, который отнюдь не всегда напрямую связан с достатком и благополучием.

Неразрывность творческого, общественного и личностного начал, обилие в полном смысле слова историографических наблюдений делают переписку Соколовых ценным памятником послереволюционной эпохи.

В письмах мы слышим голос живых людей 20-х гг. XX в. и чувствуем, насколько далеки и одновременно близки нам тревоги, терзания и заботы наших предшественников и учителей.

* * *

Одна из характерных примет 20-х гг. — совмещение учеными, в том числе и молодыми, работы в ряде учебных заведений, научных, культурно-просветительных организациях и обществах, что отчасти объяснялось и высокой степенью общественной активности некоторой части интеллигенции, и нехваткой квалифицированных кадров.

Преследуя цель избежать в комментариях к письмам повторов и оговорок, считаем целесообразным сообщить читателю перечень должностных и общественных обязанностей братьев Соколовых в начале 20-х гг. на основании автобиографий и анкет.

Б. М. Соколов
(8(20).IV.1889, Нежин—30.VII.1930, Москва)

Март 1919—май 1924 — профессор Саратовского университета.

1922—1923 — декан педфака Саратовского университета.

1919—1924 — профессор Института народного образования (ИНО) в Саратове.

1919—1924 — профессор Высших женских курсов иностранных языков в Саратове.

Апрель 1920—1924 — директор Этнографического музея Саратовского края.

1919—1921 — организатор и председатель Просветительной ассоциации Саратовского университета.

1920—1922 — член редколлегии журнала «Культура» (Саратов).

Октябрь 1919 — создатель и организатор этнографического отдела при Саратовском обществе истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ).

1921—1922 — председатель Объединенного комитета студенческих организаций саратовских вузов по борьбе с голодом, а также помощи студенчеству; представитель профессуры Саратова при Нансеновской комиссии помощи голодающим ученым.

С июня 1924 — и. о. директора, затем директор Музея народоведения в Москве.

1924 — профессор 2-го МГУ и Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова.

1924 — сверхштатный сотрудник Научно-исследовательского института языка и литературы (РАНИОН).

1924 — действительный член Российской Академии художественных наук (РАХН).

Член Обществ: истории литературы, Русского географического, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), Московского археологического, Московской диалектологической комиссии, участник «Никитинских субботников», член ряда краевых обществ (Саратова, Костромы, Нижнего Новгорода, Вологды и др.), член Центрального бюро краеведения, Общества любителей российской словесности, Историко-философского общества (Саратов) и др.

Ю. М. Соколов
(8(20).IV.1889, Нежин—15.I.1941, Киев)

1911—1920 — преподаватель частной гимназии М. Г. Брюхоненко, ставшей 159-й советской, а затем — 6-й опытно-показательной школой (МОНО).

1913—1924 — преподаватель (затем профессор) Московской консерватории.

1916—1920 — преподаватель Московского городского университета им. Шанявского.

1919—1930 — преподаватель (профессор) Тверского педагогического института.

С 1919 — преподаватель (доцент, затем профессор) Московского университета по кафедре народной словесности.

1923—1925 — профессор Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова.

1920—1921 — лектор московской Военно-педагогической академии.

1920—1921 — преподаватель на Педагогических курсах (Москва).

1920—1925 — лектор Государственного института слова (ГИС).

1914—1917 — младший помощник библиотекаря библиотеки Государственного исторического музея.

1917—1919 — библиотекарь.

1919—1922 — зав. читальным залом.

Июнь 1922—1929 — и. о. гл. библиотекаря, затем заведующий библиотекой Государственного исторического музея.

1918—1922 — заместитель заведующего Отделом библиотек, а затем заведующий подотделом академических библиотек в Московском библиотечном отделе Наркомпроса (затем — Отделе научных библиотек Наркомпроса).

В 1920 — заведующий подотделом народной словесности в литературном отделе (ЛИТО) Наркомпроса.

С 1922 — действительный член РАХН.

1923 — председатель подсекции народной словесности РАХН.

Ю. М. Соколов состоял членом тех же научных обществ, что и Б. М. Соколов. С 1914 — секретарь Общества истории литературы, с 1921 — товарищ председателя Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАиЭ. Помимо этого был членом Библиографического общества при МГУ, Русского библиотечного общества, Московского лингвистического кружка, Общества друзей Российского исторического музея, общества «Старая Москва», Саратовского, Рыбинского, Тверского, Рязанского обществ изучения местного края и других организаций.

* * *

Инициатор настоящей публикации — Э. В. Померанцева (ученица Юрия Матвеевича Соколова), под руководством которой работа осуществлялась Г. Г. Григорьевой.

Письма Б. М. Соколова публикуются без купюр. Из писем Ю. М. Соколова исключены лишь небольшие фрагменты, содержащие сведения о дальних родственниках, случайных знакомых, болезнях членов семьи и т. п.

В письмах сохранены все особенности авторского стиля и авторская пунктуация. Сокращения в написании отдельных слов восстановлены и даны в угловых скобках. В именной и предметный указатели включены лишь имена и названия, упоминаемые в письмах. В предметном указателе территориальная принадлежность московских учреждений и организаций не обозначена, так как, в отличие от периферийных, они составляют основной массив указателя.

Текст писем и аннотированный именной указатель к ним подготовлены В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой, Э. В. Померанцевой. Предметный указатель — Г. Г. Григорьевой и В. А. Бахтиной. Вступительная статья —В. А. Бахтиной. Примечания к письмам 1, 3, 5, 6, 9, 10 составлены Г. Г. Григорьевой и Э. В. Померанцевой, к письмам 2, 4, 7, 8, 11—34 — В. А. Бахтиной.

Составители выражают глубокую признательность Татьяне Александровне Дынник, Нине Юрьевне Соколовой и Ирине Сергеевне Ненарокомовой за помощь в установлении родственных связей и атрибуции ряда лиц. Г. Г. Григорьева приносит также искреннюю благодарность с. н. с. РГАЛИ Ирине Ивановне Аброскиной за консультации научно-методического характера.

Оригиналы писем хранятся в Государственном литературном музее (ГЛМ), инв. № 50, в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 483. Все подчеркивания в письмах (передаются курсивом) принадлежат их авторам.

№ 1

<8—9 октября 1921 г., Москва>

1921.8.X
суббота

Дорогой Боря!

Ужасно досадно, что не удалось с тобой проститься перед твоим отъездом.[1] В тот день я совершенно замотался в делах. Мне почему-то казалось, что Вы свой отъезд отложите: к тому же хорошо ли проводить Верочкины именины в поезде?..

За эти полторы недели, как мы расстались, как будто чего-либо экстраординарного в моей жизни не произошло, но все же есть и некоторые новые наслоения в душевном мире... В домашней жизни, слава Богу, все благополучно. Дети здоровы, я тоже; Зоя одна чувствует постоянную слабость и упадок сил: с одной стороны мытарит готовка на плите (она — ты хорошо знаешь — всегда тяготилась хозяйством), с другой — совершенно нерационально тратит силы и

время (часто до глубокой ночи) на работу на машинке (ну, зарабатывай в месяц 100—150 тысяч; — но много ли это?) Во всяком случае компенсировать не может это того, что отнимает от детей: забота, обшивка их, главное — ученье, чтение; наконец — безобразное курение, истощающее ее совсем: ведь кровинки в лице нет.

В общем же в доме, повторяю, все благополучно. Денег, правда, маловато, но все же не голодаем. Свой долг пришлю тебе с Пиксановым (о нем ниже).

До чрезвычайности доволен я своею квартирой: какое блаженство заниматься в тиши кабинета; нередко засиживаюсь до 3, даже до 4 ч<асов>.

Недавно (третьего дня) я читал доклад памяти А. Н. Афанасьева по случаю 50-летия со дня его смерти.[2] Я перечитал предварительно главнейшие рецензии на его труд, деланные по мере выхода в свет «Сказок»[3] в «Соврем<еннике>»[4], «От<ечественных> зап<исках>»[5] и др. (Пыпин, Галахов (?), Котляревский и др.).

Вывод, в общем, мой был тот, что высококомпетентные филологи-современники сбивали с правильного пути Афан<асьева>, который руководился вначале в знач<ительной> мере здравым смыслом, избегая поправок языка, стиля в записях и не давая «сводных» текстов. Как известно, Пыпин и др. рекомендовали усиленную «редакцию», обработку записей и «сводные» сказки.[6] Кроме меня делали доклады В. В. Богданов (об «Воззрениях славян на природу»[7]) и Е. Н. Елеонская (о научном значении сб<орника> сказок). С Елеонской мы диаметрально разошлись и после докладов оч<ень> оживленно поспорили. Присутствующие (правда, их было оч<ень> мало) были на моей стороне... Ужасна атмосфера недоброжелательства и руготни в этногр<афической> среде: *<нрзб. 1 слово>* оказывается, Гордлевск<ий> и Васильев не пришли потому, что обиделись, почему мол Богданов устроил памяти Аф<анасьева> заседание этн<нографического> отдела, а не соединенное заседание отдела и Комиссии по нар<одной> слов<есности>[8] и т. д. в этом роде.

Атмосфера взаимной грызни, недоброжелательства, зависти, игры самолюбий и честолюбий царит повсюду. Как-то измельчала жизнь.

В Истор<ическом> музее[9] мои битвы, как ты знаешь, закончились тем, что в Комиссию по реформе[10] избрали Кузьминского вместо меня. Тут было в знач<ительной> мере и недомыслие некоторых лиц. Я по поводу музейских дел имел долгую беседу с Сергиевским Юрием. Я ему высказал напрямки многое; между прочим его политику прижима рублем: некоторым провел повышенные спецставки, моим нет. По моему настоянию дело уладили и ряду лиц выпишут разницу по повыш<енным> ставкам. Сергиевский предлагает мне следующую комбинацию: т. к. самостоятельность отдела чит<ального> зала не пройдет: уж теперь, помимо принц<ипиальных> соображений, это вопрос самолюбия — Щекотова, Малицкого и других, в Главмузее[11] мне моей позиции не отстоять (это я определенно и сам вижу), а в таком случае я оказываюсь *вне* уч<еного> совета музея и т. д. (что, со всех точек зрения, для музея немыслимо), то, чтобы иметь большое и живое самост<оятельное> дело и принимать участие во всей работе музея, мне бы следовало взять отдел функционирования Ист<орического> музея — т. е. заведывание всей показательной частью, открытыми залами, внешкольной работой с публикой. Тут, мол, дело по мне,

где можно широко проявить свою инициативу и т. д. В то же время — я этим стану на равную ступень с Кузьминским и другими моими недоброжелателями.

Конечно, эта работа оч<ень> может быть интересна, но с другой стороны она до крайности ответственна, требует многих сил, главное, отвлечет внимание от моих спец<иальных> интересов в области иные — археол<огию>, историю быта и... меня вышибает из библ<иотечной> сферы, в которой я стал уже совсем своим человеком... Сейчас показ<ательной> частью ведает Незнамов, но им все недовольны, и он, чувствуя это, собирается уйти в как<ой>-н<ибудь> подотдел... Все это так, но, к сож<алению>, не дают мне развернуть работу ту, о которой много думал. Я бы сумел поставить чит<альный> зал на большую высоту! М<ожет> б<ыть>, останусь зав. ч<итальным> з<алом>, тем более, что его теперь более определенно обещают открыть: нажимы ведем со всех сторон[12]... Как тут быть, я и не знаю. Конечно, пан будет оч<ень> рад моему выходу из библиотеки, и я рад уйти от него в нечто вполне самостоятельное, но, с другой стороны, какая колоссальная по новизне работа падет на меня! Правда, при развертывании других зал — XIV, XV, особ<енно> XVI, XVII вв., мне будет очень интересно вживаться в детали быта русского прошлого, но не пострадают ли мои спец<иальные> научн<ые> интересы? Мне указывают на тебя, что область матер<иальной> этнографии не убила тво<их> научн<ых> занятий, а лишь содействовала расширению твоего научного диапазона. Напиши мне, что ты думаешь. Соблазн есть, и — по правде сказать, ты это поймешь (другие объяснят иными соображениями) — соблазн научного свойства. Но, расширяясь, соберу ли себя наконец?

В университ<етской> жизни есть неприятные для меня моменты. Меня — как мне сказал П. Ф. Преобр<аженский> — утвердили штатным проф<ессором>, тогда как, нанр<имер>, Бродский лишь сверхшт<атный> преподав<атель> (роль прежнего прив<ат>-доцента,[13] каж<ется>, даже без права принимать участие в фак<ультетских> засед<аниях>). Пока этого не знает почти никто, но уже кое-кто знает, и чувствую, снова пойдут шпынять меня. А тут твой Пиксанов. Не придержит при себе плохих разговоров про кого-либо, под тем или другим предлогом все рассказывает, кто что про меня говорит. Я его понимаю, он этим дает передышку себе: «мол, не одного меня, Пиксанова, бранят!».

Вчера состоялось на квартире у Сперандуса 1-е заседание группы русск<их> слов<есников> и языковедов Этн<олого>-лингв<истического> исслед<овательского> института.[14] Были действ<ительные> члены: Спер<анский>, Сакул<ин>, А. Соболевск<ий>, Пиксан<ов> (Шамб<инаго> почему-то не пришел), Ушаков. Намечали, кого пригласить ассистентами и сотрудниками. Решили в ассистенты — тех, кто выд<ержал> экз<амены> и был уже препод<авателем>, в сотр<удники> старш<ие> — тех, кто выдержал эк<замены>, в сотр<удники> мл<адшие> — тех, кто еще не додержал или начал только держать. (Схема старая.) В асс<истенты> — Ржига, Шувалов, Фатов и, по наст<оянию> Сак<улина>, Бродский (сверхшт<атным>, т. к. уже шт<атные> места были заняты, я не знаю всего списка). В сотрудни<ки> — Седельников и т. д.

Про меня стал говорить Спер<анский>, что я мол сел на чужое место, стал уже профессором, экзам<енов> не додержал,[15] хотя «за этим самым столом *дал слово*, что не примет назначения без экзаменов» (когда это было, чтоб я *давал слово*?). Правда, Сакул<ин> оборвал его, сказав, что я экз<амены> держать буду. — «Ну да, будет!»... Так меня в Иссл<едовательский> инст<итут> и не предложили.

Конечно, я так и должен был ожидать, но все же была надежда, что будут рассуждать посвежее!

Хорошо. Плюнуть им всем в физиономии и согласиться на экзамен! Но что это будет за экз<амен> в раскаленной от злобы атмосфере! А затем убью свои силы и здоровье, т. к. готовиться снова в совр<еменных> условиях, ты сам знаешь, ужасно. К тому же стать учеником тогда, когда душа рвется по исслед<овательской> работе. У меня в посл<еднее> время так руки и чешутся на научную работу: вечерами занимаюсь. Как я понимаю тебя: ты свободен, свободен, духовно свободен, а меня хотят еще мариновать. Ну, если б я отказался от казнения. Опять тогда сиди без научной аудитории. Я чувствую, что могу зажечь студентов на исслед<овательскую> работу. Меня же искусственно 10 лет держат вдали от университета... Ну, что бы Сперанскому (гл<авным> о<бразом>, ему) прежде облегчить мне дорогу на кафедру, избавив меня от зубрежки и взяв от меня то, чем интересуюсь и занимаюсь. А меня хотят сделать только зубрилой, чтобы пройти искус, кот<орый> они когда-то прошли. Хорошо Бродскому и Фатову, которым облегчили — и правильно — подготовку, — милый Алексей Александрович Шахматов: он счел глупым морить тем, что далеко от научн<ых> интересов...

Ну, Ржиге, Шувалову, Седельникову или какому-ниб<удь> еще Полуносову-Ярусову — позубрить, позудить — одно удовольствие... А мне, мне противно. Не трудно, а противно. Я с удов<ольствием> занялся бы русск<им> языком (мне хочется опять в связи с нек<оторыми> научн<ыми> задачами), но зубрить неск<олько> месяцев подряд, когда хочется работать, — глупо. А, по-видимому, придется. Но я думаю, не поехать ли в к<акой>-л<ибо> другой университет экзаменоваться? Или здесь? — наплевав на злобу и злопыхательство.

По письму ты видишь, какое у меня сегодня настроение: противны многие, и Сакулин, кот<орый> мне одно, за глаза другое; противен Сперанский (ему с трудом прощаю торможение и маринование меня в течение 10 лет), противен Пиксанов, кот<орый> сплетничает...

В такой атмосфере трудно дышится и, м<ожет> б<ыть>, иногда преувеличиваешь то, что в действ<ительности> есть. Так, напр<имер>, сегодня в многолюдном заседании Центр<ального> гум<анитарно>-пед<агогического> института[16] Бродский делал доклад о Петрогр<адском> съезде словесников.[17] В панегирич<еской> форме изложил докл<ады> Сакулина, Ушакова, Рыбниковой, Соловьевой, Жирмунского и назвал всех этих докл<адчиков> героями съезда, сосредоточ<ившими> внимание и вызвавшими всеобщее признание. Но умолчал обо мне. Это настолько несправедливо (я это говорю совершенно твердо, т. к. сам знаю, когда что у меня выходит, когда нет: мой доклад[18] имел огромный успех, меня действ<ительно> съезд полюбил, успех был полный),[19] что М. А. Рыбникова и Е. Е. Соловьева сразу же спросили: «а что же Вы ничего не сказали о докладе Юр<ия> Матв<еевича>?» — «Это особая статья: об этом речь впере-

ди», — ему пришлось ответить. В своей речи Е. Е. Соловьева неск<олько> раз подчеркнула мой большой успех — и доклада и заключ<ительной> речи, кот<орую> и теперь вспоминают петроградцы. Бродск<ому> пришлось брать снова слово и указывать, что он не помянул моего доклада потому, что говорил о тесной группе док<ладов> по литературе, мой же доклад был «обращением яркого этнографа к учит<ельской> массе, чтоб изучала она и прошлое и живое настоящее нар<одной> поэзии», и, «как горячая пропаганда собирательства и изучения, доклад Ю<рия> М<атвеевича> был поистине блестящим, имел гром<адный> успех и служил предметом долгих разговоров в кулуарах съезда». Но мне было неприятно, т. к. можно было подумать со стороны, что все это говорится уже так, для моего «утешения»... Мне же кажется, что в этом случае Бродский, узнав о происш<едшем> в университете, хотел было применить столь часто встречающуюся в подобных случаях фигуру умолчания, но не удалось.

Но к черту все это. Ловлю себя на том, что как будто бы сам становлюсь мелочным, тщеславным и самолюбивым... Мне кажется, моя работа и деятельность должны сами за себя постоять...

Пришлось мне за посл<едние> дни много поработать и в отд<еле> научн<ых> библ<иотек>[20] и в Центр<альной> библ<иотечной> ком<иссии> при Главполитпросвете.[21] На днях начнутся лекции в консерватории и ГИСе.[22] На подгот<овительных> курсах[23] читать не буду. В Тверь[24] должен бы сегодня поехать, но не поеду: есть срочные дела. Организовали мы в музее комитет по устройству выставки в память Достоевского.[25] Я там тов<арищ> председателя. Выставку надеемся открыть к 12 ноября. Завтра открывается выставка памяти Данте[26] в Рум<янцевском> музее.[27] В И<сторическом> музее нашем большая неприятность: третьего дня оказалась взломанной одна из муз<ейных> кладовых и выкрадены ценности, правда, б<ольшей> ч<астью> из числа поступивших в сравнит<ельно> недавнее время в порядке передачи из муз<ейного> фонда. Громила ловкий и, судя по ориентированности в сложном здании музея, должен быть из своих. Идет следствие. Входим и выходим по особым пропускам и т. д.

В воск<ресенье> было заседание О<бщест>ва ист<ории> лит<ературы>.[28] Читал доклад Шамбинаго: «Из наблюдений над стилем Островского».[29] Основная мысль: Островский придавал каждой группе тип<ических> героев и типическую для группы речь (особая речь свах, особая речь полож<ительных> женск<их> персонажей — речь лирич<ески> народная, речь отриц<ательных> женск<их> персонажей — простонар<одная> грубая и т. д.). Подобная речь — не речь, бытующая в действительности, а «сгущенная» речь: в реальн<ой> действ<ительности> так никто не говорит: отсюда Островс<кий> в известной мере символист... Бродск<ий> и Сакул<ин> говорили, что анализом речи персонажей не покрывается задача определен<ия> стиля всего писателя, это лишь одна небольшая частица того, что следует понимать под стилем; упущена гром<адная> область композиции и т. д. Пикс<анов> с педантизмом указал, что в докладе нет строгой логичности: напр<имер>, женск<ие> герои делятся на полож<ительных>, отрицательных и... свах.

Вообще же доклад Шамбинаго, прочитанный, правда, весело, живо, с умелым выбором юморист<ических> цитат, не глубок. У него очень, по-моему, слаба *общая* теоретич<еская> подготовка для решения вы-

бранных им вопросов. Обо многом говорит элементарно, в духе гимназич<еских> сочинений... Легкомысленный человек, хотя и талантливый в... causerie:* на именинах у Люб<ови> Ив<ановны> Фортун<атовой> он всех смешил серьезн<ыми> и анекдот<ическими> рассказами... Кстати, мы побывали с Зоей 17 сент<ября> на пяти именинах: у Нади Вин<оградовой>, Н. В. Гиляровской, Л. И. Форт<унатовой>, Над<ежды> Серг<еевны> Сергеевой (моя сослуж<ивица> по гимн<азии>[30]) и у Веры Майм<*нрзб.*>.

...Заботит меня сейчас подготовка к юбилею Д. Н. Ушакова. По-вид<имому>, вся орган<изационная> часть падает на меня. А между тем, как мне показалось, профессора (Спер<анский>, Сак<улин> и Шамб<инаго>) встретили предложение мое кисловато; Спер<анский>: «мол, зачем и других чествовать не академиков», Сак<улин> и Шам<бинаго> — «почему не нас» — наши юбилеи не были отмечены своевременно. А больше всего боюсь, не сказали бы, что я «подлизываюсь»...

Твой Пиксанов пришел ко мне как-то и сказал, что он остается в Москве: «членом иссл<едовательского> института и профессором по худ<ожественно>-лит<ературному> отделению, а этнол<ого>-лингвистическому отделению[31] предоставляется возможность исправить свою «ошибку» (что-то в этом роде). Обрадовал! На прощание мне вдруг преподнес, что «братья Соколовы — большие хитрюги: не все мне говорят, что знают и что думают, я в этом убедился»... Сакулина он честит направо и налево, Сперандуса, Ржигу, Бродского и т. д., главное, перед людьми, сов<сем> далекими от университета и та<кже> в Ак<адемическом> центре[32]...!

В заместители свои по Саратову не знает, кого и наметить. Гершензон советует ему пригласить... Б. Е. Лукьяновского. «Но, — он не держал экзамены»...

Пикс<анов> человек оч<ень> личный и, к сож<алению>, вносит много ненужного. Зачем он мне передает, что обо мне говорят? Зачем он писал, каким тоном обо мне отзывается Сакулин, зачем мне передал разговор вчера у Сперанского? Вот Ушаков этого никогда не делает: я узнаю лишь по его молчанию, он дает понять, довольны ли мной или нет, но сплетен не плодит и никогда ни с кем не ссорит... Но что-то за посл<еднее> время <и> Ушаков стал как-то вдали. М<ожет> б<ыть>, зная о готовящемся юбилее, не хочет навязываться на дружбу...

Фу-ты, какое мелочное и бабье письмо вышло у меня. Сам себе становлюсь противен. Буду больше и сосредоточеннее работать, а остальное приложится.

Крепко тебя целую

Твой Юр<ий> Сок<олов>

Целую и Веру и Леву.

Как ты доехал? Как музей твой?[33] Что в университете? Какие настроения в Губотнаробе?[34] Пиши мне, пиши.

Я знаю, что тем, что своевременно (до револ<юции>) не сдал экзаменов, я и тебе доставляю неприятности. Но не хочу я сдаваться,

---

* Непринужденный разговор, беседа (*франц.*).

не хочу, чтобы меня мариновали, а все эти Сперанские были бы этому очень рады.

Напиши мне, что ты думаешь насчет экзаменов. Но неужели и с Пешковск<ого> будут их спрашивать? С Сидорова? — Напиши. — Не было бы служебных забот и работы из-за куска хлеба, разделался бы и с экзаменами. Говорить мне о них со Спер<анским> и Сак<улиным>?

А тут доклад хочется о песнях лирич<еских>, надо обработать доклад, чит<анный> на петр<оградском> съезде, для печати, читать по Дост<оевскому> к юбилею, затем так хочется тоже поработать над Некрасовым,[35] готовиться к курсу по нар<одной> сл<овесности>.

9.X. Воскр<есенье>.

Где же время для экзаменов?

Сегодня был на открытии выставки памяти Данте в Рум<янцевском> музее. К сож<алению>, выставку устроили в помещении худож<ественного> отдела в витринах среди картин, никакого отношения к Данте не имеющих. Кроме того, выставка устроена наспех, и ни продуманности в плане нет, ни умелой экспозиции. Немало воспроизведений с картин Джотто, Рафаэля, М. Ан<д>жело и др., <иллюстрированные> издания раскрыты на гравюрах Доре и т. д. Есть издания с 15-го века: самое раннее из имеющихся в Москве — 6-е издание. Изумительно по красоте издание 9-е с цветным портретом Данте в заставке. Из любопытных экспонатов обращает на себя внимание издание н<ачала> XIX века на ит<альянском> яз<ыке> в моск<овской> универс<итетской> типографии, а также экспонат Истор<ического> музея — издание венецианских сочинений Данте с посвящением... нашей Елизавете Петровне и с ее большим портретом. Неожиданная комбинация: Данте и императрица Елиз<авета> Петровна!

На выставке видел многих знакомых: Виноградова Анатолия (одет с иголочки, ликующее лицо и в галстуке с профилем Данте), Д. Н. Егорова (великий ловец), М. И. Щелкунова, Бакланова, Вебера, М. Петровского, Киселева Н. П., А. А. Фомина, А. И. Калишевского, Н. А. Янчука и мн<огих> других. Кстати об Янчуке. Подходит Виноградов ко мне и просит передать тебе, чтобы ты как-ни<будь> поостерегся соглашаться на должность в этн<ографический> музей[36] (по-вид<имому>, директора), т. к. именем Бор<иса> Матв<еевича> пользуется Богданов,. «чтобы спихнуть к<ак>-н<ибудь> Янчука и вообще старается обрисовать Б<ориса> М<атвееви>ча как заядлого врага Янчуку». Я ответил, что Борис очень далек от всей этой грызни, что уехал в наст<оящее> врем<я> в Саратов, по-видимому, хочет там продолжать свое любимое дело и ни на какие посты пока согласия не давал. Через неск<олько> минут ловит меня Янчук и подробно расспрашивает, где ты и что ты, неужели и семью взял, т. е., мол, неужели совсем уехал в Саратов... Вот тут какие все дела. Мерзко в Москве.

Да, я тебе не писал, какие изменения произошли сейчас в Главмузее. Главмузей делится на отделы: общий, музейный, реставрационный, научно-исследовательский и фонда. Пока что определилось, что муз<ейным> отделом будет ведать Машковцев, реставрационным — Грабарь, остальные еще не замещены. Троцкая убеждала пост

завед<ующего> общим отделом и след<овательно> заместителем ее (Троцкой) взять Воскресенского Павла Сер<геевича>, но он отказался; он указал на Юр<ия> Сергиевского, но тот — как мне сказал Воскр<есенский> — получает какое-то большое место в Академическом Центре, тогда Серг<иевский> указал на Малицкого — Малиц<кий> от этой должн<ости> отказался. Кандидата так и не нашли. Зав. реставрац<ионным> отделом — Грабарь; заведующий фондом Трапезников. Что касается Воскресенского, то он взял на себя заведование одним из н<аучных> о<тделов> в фонде. Музейный отдел распадается на н<аучные> о<тделы>: историко-арх<еологических> музеев — зав<едующий> Малицкий, пом<ощник> его — Щекотов; этнографич<еских> — пока Богданов, но, по-вид<имому>, будет вскоре заменен Адлером, кот<орый> совсем перебрался в Москву; областных — провинц<иальных> (?) и нац<иональных> менын<инств> — Эфрос, естеств<енно>-научн<ых> и т. д.; историко-худ<ожественные> музеи — Муратов. В Главмузее сейчас ищут на ответств<енные> должно<сти> завед<ующих> отделами — людей администр<ативного> опыта и практики, а «говорунов» (Муратов, Эфрос и др.) переводят на меньшие посты...

Сейчас я три часа пробыл с Зоей и детьми в открытых залах музея, слушал разные типы объяснения руководительниц. Посещаемость музея громадна.

На выставке Данте встретил Чернышевского, оч<ень> милый человек. Завтра с ним отправлю тебе это письмо и текст приглашений, кот<орые> мы рассылаем повсюду на юбилей.[37] Размножь и передай по своему усмотрению туда, куда нужно: в факульт<ет> (или этн<олого>-лин<гвистическое> отд<еление>),[38] в о<бщест>во,[39] в Губотнароб, в свой музей.

Зоя мне отпечатала 120 повесток. Я сейчас сижу и пишу в Петроград адреса: Ак<адемия> н<аук>, унив<ерситет>, Педаг<огический> музей,[40] педаг<огические> журналы и т. д., и отдельным ученым-языковедам.

Целый вечер сидел у меня Ник<олай> Кир<иакович>, поговорили обо многом, о новых книгах и т. д. Был и разговор о маг<истерских> экз<аменах>, он их принц<ипиальный> защитник, но в отношении меня полагает, что возможно было бы применить и др<угой> способ: рецензия моих печат<ных> и ненапеч<атанных> работ, или письм<енный> доклад на заданную тему, с его защитой. Все это надо подумать.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/3, л. 4—11)

[1] Речь идет об отъезде Б. М. Соколова с семьей в Саратов.

[2] Доклад был прочитан Ю. М. Соколовым на заседании этнографического отдела ОЛЕАиЭ (см. примеч. 8 к наст. письму).

[3] Сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» выходил в 1855—1863 гг. (1—8 вып.).

[4] «Современник» — ежемесячный петербургский журнал, издававшийся Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым (1847—1866).

[5] «Отечественные записки» — ежемесячный петербургский журнал, издававшийся с 1839 по 1867 г. А. А. Краевским, с 1868 по 1884 г. — Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым.

[6] Из рецензентов сказок А. Н. Афанасьева (перечень рецензий см. в кн.: Савченко С. В. Русская народная сказка. Киев, 1914. С. 141; в наше время уточнен и дополнен в приложении к изданию сказок А. Н. Афанасьева в серии «Литературные памятники» (М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 413)) только А. Н. Пыпин (см. библиографию в упомянутых источниках) категорически настаивал на редактировании текстов и конструировании сводных вариантов. Галахова Ю. М. Соколов, очевидно, упоминает как предполагаемого автора статьи в № 12 «Современника» за 1856 г. (отдел Новые книги. С. 29—38), принадлежавшей А. Н. Пыпину, но опубликованной без подписи. А. А. Котляревский, давший отзыв о сказках уже после выхода всего издания (СПб. ведомости. 1864. № 94, 100, 108), высказывался за изъятие из сборников худших вариантов, но не за редактирование текстов. Более подробно о рецензентах «Народных русских сказок» Ю. М. Соколов писал в предисловии к их академическому изданию 1936 г. (Academia: 1936. Т. 1. С. XLV—LII).

[7] Речь идет об исследовании А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1866—1869. Т. 1—3).

[8] Имеются в виду этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), основанного в 1864 г. при Московском университете (первоначально — Общество любителей естествознания), этнографический отдел Общества был организован в 1867 г., а Комиссия по народной словесности при этом отделе — в 1911 г.

[9] Исторический музей (с ноября 1917 г. — Государственный российский исторический музей Наркомпроса, с 8 февраля 1921 г. — Государственный исторический музей) в Москве — крупнейший музей отечественной истории. Основан в 1872 г.

[10] В апреле 1921 г. была создана Комиссия по реорганизации Российского исторического музея. Председателем ее был назначен зам. наркома просвещения М. Н. Покровский, однако участия в ее работе он почти не принимал. Фактически в Комиссии работали сотрудники музея и несколько приглашенных ученых-историков. Руководил работой комиссии Н. М. Щекотов, секретарем ее был Ю. В. Сергиевский.

[11] Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы, созданный в 1920 г. на основе Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе (образован в 1918 г.). С 1921 г. — в составе Главнауки (см. примеч. 50 к п. 9).

[12] Ю. М. Соколов неоднократно ставил перед руководством Исторического музея вопрос о необходимости существования читального зала в качестве самостоятельного отдела (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 232, л. 9—18).

[13] В дореволюционной России — преподаватель, допущенный к чтению частных курсов. Обычно приват-доценты со штатными профессорами конкурировать не могли, так как первым доставались необязательные курсы.

[14] В августе 1921 г. при факультете общественных наук Московского университета был организован ряд научно-исследовательских институтов. Правильное название упоминаемого в письме института — Научно-исследовательский институт языковедения и истории литературы (см.: Летопись Московского университета. 1755—1979. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 187; Кузьмина В. Д. Михаил Несторович Сперанский (1863—1938)//Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 221).

[15] В 1911 г., после окончания Московского университета, Ю. М. и Б. М. Соколовы были оставлены при университете для подготовки к магистерскому званию.

Подготовка включала обширный цикл общих и специальных дисциплин и завершалась экзаменами, обеспечивающими профессорское звание. В отличие от Б. М. Соколова, Ю. М. экзаменов полностью не сдал.

[16] Научно-педагогический институт, созданный в 1921 г. в системе Наркомпроса с целью осуществления программно-методической работы в помощь школе и учителям-гуманитариям. Позднее преобразован в Институт методов школьной работы (см.: Информ. бюлл. МОНО. 1921. № 8—9. С. 20; Родной язык в школе: Педагогический сб. М.; Пг., 1923. Кн. 1(2). С. 146).

[17] Речь идет о съезде преподавателей русского языка и литературы, состоявшемся в Петрограде 5—12 сентября 1921 г. (см.: Педагогическая мысль. Пг., 1921. Кн. 9—12. С. 91—97).

[18] Краткое изложение доклада см.: Педагогическая мысль. 1921. Кн. 9—12. С. 95.

[19] Доклад Ю. М. Соколова «Из практики активного изучения устной поэзии в школе» прочитан 9 сентября 1921 г. В записной книжке Ю. М. Соколова осталась запись: «С о<чень> большим успехом прочел доклад. Был в ударе» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 104, л. 45).

[20] Отдел научных библиотек Наркомпроса был создан в мае 1919 г. и стал центральным органом, руководившим деятельностью государственных, публичных и научных библиотек РСФСР (см.: Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 224).

[21] Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) был учрежден в составе Наркомпроса РСФСР декретом СНК РСФСР от 12 ноября 1920 г. В ведении Главполитпросвета находились все библиотеки РСФСР. Центральная междуведомственная библиотечная комиссия была создана декретом СНК РСФСР от 3 ноября 1920 г. (см.: Материалы к истории библиотечного дела в СССР. (1917—1959 гг.) Л., 1960).

[22] Государственный институт слова — высшее учебное заведение (вечернее), созданное при театральном отделе Наркомпроса в 1918 г. с целью обучения навыкам речевой культуры и ораторского искусства. В числе лекторов ГИС были А. В. Луначарский, В. Я. Брюсов, С. В. Шервинский, Д. Н. Ушаков (см.: РГАЛИ, ф. 872, оп. 1, ед. хр. 64; Толстова Н. А. Внимание, включаю микрофон. М.: Искусство, 1972. С. 38—39).

[23] Вероятно, имеются в виду курсы по подготовке рабочих и крестьян для поступления в вузы, основанные при Московском университете в январе 1919 г. и преобразованные в сентябре 1919 г. Постановлением Наркомпроса РСФСР «Об организации рабочих факультетов при университетах» в рабочий факультет.

[24] С 1919 г. Ю. М. Соколов читал лекции в Тверском ИНО (см. вступительную статью к публикации и примеч. 7 к п. 5), а в летние месяцы выезжал со студентами института в фольклорные экспедиции.

[25] В «Отчете Исторического музея за 1916—1925 гг.» (М., 1926) упоминается комиссия по организации выставки памяти Ф. М. Достоевского, созданная летом 1921 г. «по инициативе библиотеки музея постановлением ученого совета музея» (С. 116).

[26] В октябре 1921 г. отмечалось 600-летие со дня смерти Данте.

[27] Румянцевский музей — собрания книг, рукописей, монет, этнографические и другие коллекции графа Н. П. Румянцева, переданные после его смерти (1826) государству. В 1831 г. были открыты для обозрения в Петербурге, затем перевезены в Москву в дом Пашкова. В составе музея в 1862 г. была основана библиотека (впоследствии — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, ныне — Российская государственная библиотека). Музей в 1921—1927 гг. был расформирован, а его

коллекции (кроме библиотеки и отдела рукописей) переданы в другие московские музеи. О судьбе этнографических коллекций см. также примеч. 1 к п. 34.

[28] Общество истории литературы в Москве основано в 1910 г. группой ученых (М. Н. Сперанский, А. И. Некрасов, М. Н. Розанов, С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржига). Председателем его с 1912 г. был М. Н. Сперанский. Отчет Ю. М. Соколова о заседаниях общества см.: Альманах. Свиток: М., 1922. № 1. С. 169—170.

[29] Доклад лег в основу одной из глав статьи: Шамбинаго С. К. Из наблюдений над творчеством Островского//Творчество А. Н. Островского: Юбилейный сб. [под ред. С. К. Шамбинаго]. М.; Пг., 1923. С. 336—365.

[30] Имеется в виду гимназия М. Г. Брюхоненко, после революции преобразованная в школу. См. вступительную статью к публикации.

[31] В марте 1921 г. историко-филологический факультет Московского университета был влит в факультет общественных наук (ФОН), и на основе первого созданы литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения ФОН. (См.: Летопись Московского университета. С. 186).

[32] Академический центр (Акцентр) — структурная часть Наркомпроса РСФСР, созданная в феврале 1921 г. и осуществлявшая общее теоретическое и методическое руководство научными и художественными учреждениями РСФСР. Во главе Акцентра стоял М. Н. Покровский. Акцентр включал в свой состав отдел (несколько позднее — управление) научных учреждений и библиотек, отдел (несколько позднее — комитет) научно-художественных учреждений и общий отдел. В октябре 1925 г. Акцентр был ликвидирован в результате изменений в структуре Наркомпроса.

[33] Имеется в виду Саратовский этнографический музей. См. примеч. 1 к п. 2.

[34] Губернский отдел народного образования.

[35] Доклад о музее Ф. М. Достоевского был прочитан Ю. М. Соколовым 6 февраля 1922 г. на заседании ученого совета Исторического музея (см. п. 10). Остальные его замыслы осуществлены не были. Лишь много лет спустя он написал статью о Н. А. Некрасове (Некрасов и народное творчество//Лит. критик. 1938. № 2).

[36] Скорее всего, речь идет об этнографических коллекциях Румянцевского музея.

[37] Имеется в виду юбилей Д. Н. Ушакова.

[38] Имеется в виду этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук (с 1922 г. переименованного в педагогический факультет) Саратовского университета.

[39] Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ).

[40] Вероятно, речь идет о Всероссийском педагогическом музее, созданном после революции на основе Петербургского музея военно-учебных заведений (1864—1917).

№ 2

<9 октября 1921 г., Саратов>

9 окт<ября> 1921. Саратов.

Дорогой Юрий!

Вот уже более недели, как я приехал в Саратов. Приехал и совершенно окунулся в самую кипучую деятельность. Встретил меня Сара-

тов очень приветливо. Музей[1] мой оказался в полном порядке. Меня очень ждали. Приехали на этот раз в Саратов как к себе домой. Квартирка наша в музее очень приветлива. Встреча со студентами тоже была очень оживленной: наперебой рассказывали о своих подвигах за это лето. Оказалось, что многие ездили в этногр<афические> поездки и собрали обширный, гл<авным> обр<азом> фольклорный материал.[2] Все это, конечно, радовало. С места в карьер (приехал я в пятницу) <принялся> за в<тяги>вание этнографов в дело помощи голодающим. В воскр<есенье> уже от их имени вел переговоры с председателем Губ<ернского> комитета помощи голодающим (здесь в Саратове сразу был один комитет, куда вошли и большевики и обществ<енные> деятели).[3]

Я предложил: 1) <сорганизовать> музей голода[4] (голода и борьбы с ним в нашем крае) в помещении (как отдел) нашего Этнографич<еского> музея, 2) принять участие в экспедициях по обследованию голодающего населения, 3) взять всей нашей группой (свыше 50 человек) обслуживание двух детских домов и других учреждений в Саратове. Председатель комитета — т. Малецкий (очень влиятельный здесь большевик — председатель Губкома партии) чрезвычайно сочувственно отнесся к этому предложению. Через несколько дней комитет единогласно утвердил поручение мне организации музея голода. Мне же поручено соорганизовать плановую комиссию комитета, долженствующую стать мозгом этого комитета, устанавл<ивающую> планы и характер работы, согласующую деятельность разных учреждений и пр. Я набираю туда до 20 человек, гл<авным> обр<азом> профессуры (экономисты, статистики, этнографы, агрономы, медики, инженеры, юристы и пр.). Я же кооптирован секцией высш<их> учеб<ных> заведений и от нее мне поручено быть председ<ателем> лекционной комиссии, направляющей всю деятельность лекционного дела в Саратове в связи с пом<ощью> голодающим. Мне же поручено комитетом войти в комиссию из трех лиц (меня, статистика Ракитникова (б<ывшего> эс-эра, товар<ища> министра у Чернова) и большевика Фролова) о реорганизации, с целью сближения с делом помощи голодающим выходящей на средства комитета газеты «Голос Поволжья»[5]... Видишь, как я вошел уже в самую сердцевину работы. Моя мысль — связать работу этнографов с долженствующей им быть близкой работой помощи голодающим. М<ежду> пр<очим>, сегодня мы едем со студентами осматривать беженский городок, где студенты будут работать, по моему предложению, в качестве регистраторов-статистов, входя в самую глубину быта и переживаний беженцев и черпая материал, характ<еризующий> голод в местах их оседлости...

Работа кипит. И я нравственно чувствую себя очень бодрым, т. к. чувствую, что как будто могу своим организ<ационным> опытом помочь несколько тому ужасу, кот<орый> царит в здешних местах. Молодежь наша так настроена, что прямо рвется в бой с голодом...

Пережил я и очень тяжелые минуты, когда исполком вдруг постановил в 48 часов очистить музей под квартиру американской миссии.[6] Меня это ужасно возмутило: идти нам на то, чтобы жертвовать жертвователям своими культурными учреждениями. У меня было горячее столкновение в исполкоме: «Я научу Вас уважать местную власть. Что

Вы все — центром тыкаете!». (А я сказал, что без разрешения центра не поеду.) Но за меня заступились очень многие из самой же коммун<истической> партии. Самое горячее <участие> принял т. Малецкий, кот<орый> перенес дело в губком партии. Дом остался за музеем... Но утешаю себя тем, что никакая общественная и организационная работа (как моя этнографическая здесь) не может не иметь терниев. Зато много и удовлетворения — например, когда видишь, как растет и крепнет созданное <тобою> дело, например, организация этн<ографического> изучения здесь среди молодежи, организация этнографического музея.

Приехав сюда, я увидел, что именно в провинции нужнее проявить свои обществ<енные> организ<аторские> способности, если они есть...

Чтобы ты знал, как я теперь работаю, я буду посылать тебе мои записи типа дневника, — ты их сберегай. Подробно все описывать дважды нет возможности, т. к. буквально все время занято и научной, и обществ<енной>, и препод<авательской>, и админ<истративной> работой <...>

<...> Пиши чаще. И вот *чрезв<ычайно> большая* просьба — *присылай аккуратно все новые книги*, особ<енно> по *новой поэзии* и по ист<ории> лит<ературы>, теории искусства и т. д. Пришли мне Кусикова[7] (теор<етические> работы об имажинизме, Львова-Рогач<евского>,[8] Со<колова>,[9] Григорьева[10] *я купил*) — у меня его ничего нет. Пришли книги Цеха поэтов,[11] пришли «Все» Маяковского,[12] «Педагогич<ескую> мысль»[13] (какую я забыл у Иры), «Записки мечт<ателей>»,[14] т. II, № 9 «Вестник литературы»,[15] «Старое и новое искусство»[16] и др.

Как это вышло — что мы не простились.

Детей целую.

Письма почтой не доходят почти. Посылай оказией — ведь саратовцы то и дело в Москве.

Твой Борис.

Дневник чужим не давай. Я сначала его писал лишь для себя.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/8, л. 1—2)

<ДНЕВНИК>

Саратов
Октябрь 2. Воскресенье.

Вчера вновь приехали в Саратов из Москвы. Радостная встреча со студентами-этнографами. Музейцы обрадовали меня: музей нашел в полном порядке, чистоте. Радует бодрость сотрудников. Хорошо на душе: чувствуешь, как крепко сроднился со своей студенческой молодежью.

Сегодня с места в карьер взялся за организацию дела помощи голодающим. От лица студентов-этнографов и своего предложил в Губернском комитете помощи голодающим наше участие. Беседовал с председателем комитета (он же председатель Саратовского губкома партии коммунистов) Малецким. Выставил ему следующие предложе-

ния: 1) организация при Этнографическом музее отдела голодного года, 2) выезды студентов-этнографов на места для собирания сведений о голоде и его описания в связи с работой по этнографии и музею, 3) принятие на попечение и обслуживание одного или двух детских домов в Саратове. На все получил принц<ипиальное> согласие. Просил меня составить краткую докладную записку в комитет. Мысль моя встречена сочувственно (и, видимо, искренно); указана возможность широкой организации собирания сведений о голоде с мест и литературной обработки всего собир<аемого> материала. М<ожет> б<ыть> даже, нам будет передана газета «Голос Поволжья»... Студенты рады возможности активной работы в пользу голодающих и соединения ее с столь всех нас увлекающей задачей этнограф<ического> изучения Саратовского края... Дай Бог!

Был в 7 ч<асов> веч<ера> на М<алой> Сергиевской в церкви на панихиде (по частной инициативе) о ушедших поэтах Алекс<андре> Блоке и <расстрелянном> Гумилеве. Были писатель Скалдин, поэт Зенкевич, проф. Федотов, я и несколько студентов. Очень трогательная панихида — в полумраке церкви. А непосредственно перед ней — венчание. Свадьба и смерть — блоковский сюжет. Горький символ.

Перед панихидой много беседовал со Скалдиным о музейном и театр<альном> деле. Он спрашивал совета — брать ли в свои руки предлагаемое ему заведование театр<альным> отделом в Саратове.

Говорили о Блоке. А. Д. Скалдин — не глупый и интер<есный> собеседник. Жаль — пессимист. С Зенкевичем говорили о новинках в литер<атуре>. Звал их обоих принять участие в деятельности литературного кружка у нас в музее.[17]

А вечер провел в милой компании студентов-этнографов у Тейльман. Много рассказывали о своей этногр<афической> поездке в Мещеру.[18]

Музыка, декламация, пение. Милая, чистая и сердечная молодежь. Хорошо с ней жить!

Молился в церкви — благословил бы Бог работу мою со студентами в пользу голодающих. Ведь столько может оказаться в наше время неожиданностей и тягот.

А думается мне — помощь голодающим — это помощь ближнему! Какое освежение души и какая светлая содержательность всему существованию.

3 окт<ября>. Понед<ельник>.

Сегодня с утра народ. Беседа с С. Н. Черновым об Обществе истории, археологии и этнографии[19] — тяготится множеством дел по обществу, хочет разгрузить себя, а по-моему сам много уделяет внимания пустякам. Приходил Сам. Ив. Быстров — обещал сделать пояснительные надписи в старообр<ядческом> отделе музея. Совещался я со студентами-этнографами о предполагаемой работе по помощи голодающим. Из окна видел, как шли вереницей сотни голодных детей — многие босые, почти раздетые, закрытые вм<есто> одежды одеялами.[20] Жутко.

В университете. Виделся с б<ывшим> ректором Вл. Д. Зерновым — уезжает совсем в Москву, считает, что я поступил благородно, несмотря на моск<овские> уговоры,[21] вернулся в Саратов. Беседовал

с Елпатьевским, Кокушкиным (первый раз после тюрьмы)[22] и другими профессорами. Кокушкин просил меня взять в свои руки библиотеку у<ниверсите>та.[23] Благодарю покорно — своего более интересного и важного дела по горло! Дома писал статью для нового сарат<овского> журнала «Саррабис»[24] о народном искусстве и о создании в Саратове подлинного народного театра, где бы выступали сами крестьяне.[25] А днем беседовал с писателем Львом Гумилевским о новых явлениях литературы и о выходящих в Саратове сейчас журналах «Саррабис» и газете «Голос Поволжья». Обещал сотрудничество.

Мне всегда нравилась газетна<я> работа. Хоть маленький просвет как будто есть.

6 окт<ября>. Четв<ерг>.

Весь день сегодня в волнении. Да и как не волноваться: у меня хотят отнять мое любимое детище, созданный такими трудами, такой энергией мой Этнограф<ический> музей. Вчера вдруг явилось двое людей, заявили, что они представители Губкома, бегло осмотрели музей, загадочно что-то сказали. Я спросил: не зарятся ли они на помещение музея. Сказали, что да, им оно нужно, чтобы спасти голодных детей. Теперь дело не до музеев... А сегодня днем пошел на заседание комиссии по устройству лекций в пользу голодающих. Завед<ующий> Губполитпросветом т. Тележников встревоженно сказал мне, что меня-то и нужно, т. к. меня требует исполком: помещение моего музея предназначается для американской миссии помощи голодающим. Я очень разволновался: что же это такое — помощь иностранцев начинается с того, что они разоряют культурные учреждения. В Москве американцы требовали, чтобы им был отведен особняк, где помещается знаменитая Щукинская галерея французской живописи.[26] А у нас в Саратове сами власти предупредительно вычищают музей под иностранцев. С Тележниковым пошли в исполком к т. Менде. Он сразу же заявил, узнав, кто я, что дело уже решено окончательно и музей должен в 24 часа освободить помещение. Я взволновался, стал горячо доказывать, как ужасно разорение такого учреждения, созданного с такой любовью и рвением и имеющего* такие широкие просвет<ительские> задачи. Сослался и на центр, на Главмузей,[27] на т. Н. И. Троцкую, с которой только что перед отъездом сюда виделся, и заявил, что я должен буду немедленно довести до сведения це<нтра>. Вдруг Менде вскочил, закричал на меня, что ему дела нет до центра, что моя власть — Саратовский исполком: «Я вас научу уважать власть исполкома». Я заявил, что уважаю исполком, но что музейная работа согласуется со всей работой по музеям** республики. Тележников тоже заступался за музей, пришла т. Левина (тоже коммунистка), которая уже раз в мае месяце деятельно отстаивала мой музей от притязаний завед<ующего> Губздравом т. д<окто>ра Мамушина (тоже коммуниста), открывшего в свое время целый поход против моего музея. Менде и мы пошли к заместителю председателя

---

* *В оригинале*: имеющее.

** *В оригинале*: по музею.

исполкома т. Коржерину. Опять горячий разговор, опять отстаивания с моей стороны. Я старался как можно внятнее указать на то разрушение всего моего музея, всего моего дорогого начинания, если его выселят. Тот сказал, что он очень ценит такое горячее отношение к своему делу, но что за американцами нужно ухаживать, что <они хотят> кормить 75 000 детей и музей мой нужно отдать. «Мы его не разрушаем, а только переводим в Радищ<евский> музей».[28] Я им указывал, что перевозка музея — равносильна его смерти, развеска и расстановка предметов по систематическому плану взяла у нас полгода времени, наконец, что <в> Радищ<евском> музее нет и для него-то самого помещения, а не то чтобы еще для одного музея.

Я и Тележников ушли — те остались совещаться. Через некоторое время выходит Менде и гов<орит>, что «вопрос решен окончательно и не в вашу пользу. Вопрос кончен — и прошу в 24 часа выполнить постановление».

Мы пошли к т. Малецкому, тому самому, кот<орый> состоит председателем губернского комитета помощи голодающим и председ<ателем> Губкома партии. Вызвали его за мной. Он сразу вышел. Я передал вкратце в чем дело. Он взволнованно сказал: «Это быть не может — это недоразумение». Пошел к тому, к другому из исполкома. Наконец выходит ко мне — и сказал, что дело переносится в Губком партии и чтобы я ему составил сейчас записку о трудности немедленного выселения музея и указал, чтобы я развил эту мысль лучше. Ибо, если срок для вывоза длинен — то этим самым отпадает возможность воспользоваться помещением, т. к. оно нужно американцам экстренно. Я это и сделал. Затем снова виделся с Малецким, он меня обнадежил. Случился в это время как раз тот д<окто>р Мамушин, какой в свое время так вытрясал мой музей из его помещения. «Ну что, профессор, я очень рад, что вам этот дом в конце концов улыбнулся». Я сказал ему, что, м<ожет> б<ыть>, еще ему рано радоваться, т. к. т. Малецкому, м<ожет> б<ыть>, удастся отстоять дом. Я сказал Малецкому: «Вот товарищ, кот<орый> является заклятым врагом меня и моего музея». Малецкий сказал: «Неужели бы вы, товарищ, положа руку на сердце, отдали бы музей американцам?». Тот ответил, видимо, не ожидая этого, что нет. Это — варварство. Есть целый ряд домов, например, дом, занимаемый милицией на б. Кастрижской, какой мог бы быть отдан американцам. «А откуда вы знаете, что Этнографический музей выселяют?» — спросил Малецкий. А я сказал в шутливой форме, что, наверное, это т. Мамушин шепнул кому надо про мой музей. «Он, — говорю, — у меня много крови испортил за этот год». Мамушин ответил: «Вот мы вашу кровь исправим — в санатории». Милый разговорец: Мамушин много нашим профессорам горя принес...

Пришел домой разбитый нравственно...

А утром сегодня встал со сладкой мыслью броситься со всем сердцем, со всею душою в работу в связи с помощью голодающим. Дело в том, что во вторник я отнес заявление мое от имени всех этнографов в Губернский комитет помощи голодающим о желании принять участие в этой помощи. Председатель Малецкий был очень любезен и благодарил. Просил меня сорганизовать плановую комиссию

при комитете, какая бы занялась разработкой всех проектов и сама бы вырабатывала планы развертывания работы по помощи голодающим. Я взялся, надеясь на профессоров. Вчера был вечером на заседании Губкомпома (Губ<ернского> комитета помощи голодающим). Вчера комитет заседал в обновленном составе. Был выбор президиума. Постановлено просить меня организовать совместно с секцией вуз'а (высш<их> уч<ебных> завед<ений>) при комитете означенную плановую комиссию. Комитет единогласно постановил передать мне организацию музея голода. Вчера же заседал в секции вуз'а, куда меня еще до приезда решили кооптировать по организации лекций. Выбран в лекционную комиссию и комиссию по устройству концерта. В вуз'е были профессора Спасокукоцкий и Чуевский, и также студенты. Председатель — Чуевский. Я пригласил с собой Юшкова. Вчера в газете появилась передовица — «Лед тронулся»,[29] где говорится об интеллигенции — что она взялась за дело помощи, и указывается на мой пример и моих сотрудников <...> А нынче мне дали плевок и мой музей в 24 часа выгоняют вон, да еще чуть не кричат <на> меня и чуть не арестуют, что я со всей горячностью защищаю свое детище...

Не знаю, что и будет, если выселят: как это обольет холодно<й> водо<й> и меня, и моих увлеченных работой студентов.

Как трудно работать!

Сегодня вечером было заседание правления Общества истории, археологии и этнографии. О многом пришлось говорить и спорить.

Был сегодня в редакции «Голоса Поволжья». Заносил для ж<урнала> «Саррабис» свои статьи[30] о народном искусстве. Беседовал с Гумилевским и Зенкевичем о литературе.

Сегодня были у меня А. М. Смирнов, А. Д. Скалдин. После заседания в Обществе был у Юшковых.

Как вчера обругали в газете Гумилевского и Скалдина за речи о Блоке.[31] «Надо разделаться с этой грязью» — так заканчивается статья по их адресу. О нравы! Углядели контрреволюцию.

А мы готовим свой вечер.[32] Саратов все еще не может примениться к новому курсу, какой уже определенно заметен в Москве...

Третьего дня был в здешнем театре на старинной комедии «Лев Гурыч* Синичкин». Играли весело.

А вот на душе сейчас не весело. С такой радостью отдаешься обществ<енной> и научной работе и вот за энергию, инициативу, творчество, бескорыстие — черная неблагодарность, оскорбление.

Но утешаю себя тем, что искренняя горячая общественная работа никогда и никому не дарила одни радости. У нас же в России она всегда была и остается подвигом. Я и сейчас не унываю — особенно если вспомнить биографии различных деятелей науки и литературы. У нас — ТО ли бывало!?

Но... если музей отымут — отымут у меня и сердце. Какой смысл тогда работать в Саратове, где не умеют ценить работу и ее результаты топчут в грязь.

---

* *В оригинале*: Гурвич.

8 окт<ября>. Суббота.

Слава Богу, вчера дело с музеем разрешилось благополучно. Т. Малецкий еще днем сказал в Губернском комитете помощи, чтобы передали мне, что музей останется на месте. Вечером я его видел. Он сказал, что исполкомцы просто не представляли себе, что такое представляет из себя Этн<ографический> музей, вчера побывали в нем и решили его не трогать.

О грозившей передаче дома музея говорил чуть не весь город, и все пожимали плечами от удивления, другие негодовали.

Вечером было заседание президиума Губ<ернского> комитета, и я присутствовал по приглашению Малецкого, как лицо, кот<орому> поручена организация плановой комиссии. Был заслушан сообщенный Малецким план работ комитета, об его конструкции, функциях, средствах, отношениях к иностранцам и пр.

Мне, как это ни странно, пришлось немало выступать. Между прочим, передан в плановую комиссию вопрос о снаряжении экспедиции для обследования голодных мест как предст<авителей> власти, так и лиц разных специальностей. По предложению Н. И. Ракитникова (статистика, бывшего эсера и тов<арища> министра у Чернова) эта экспедиция должна не только исследовать, но и фактически кормить — тогда к ней будет иное отношение. Долго обсуждали сложный вопрос о согласовании работ комитета по оказанию помощи голодающим с работами, связанными с голодом: борьба с недосевом, истреблением скота, инвентаря и пр. Это предложено передать в плановую комиссию, которая должна правильно ставить вопросы, выдвигать особенно важные, созывать, если нужно, особ<ые> совещания.

Долго говорили о правильной информации. А в связи с этим о неудовлетворительности газеты «Голос Поволжья». Решено ее сделать более близкой к задачам комитета, делу помощи и к самому голоду. И здесь выбрали меня, Ракитникова и коммуниста Фролова для рассмотрения вопроса о реорганизации газеты. Наконец, лекционное дело, где я являюсь председателем лекционной комиссии...

Комитет удовлетворил мои предложения о голодном музее, ассигновал 1 000 000 на организационные расходы, включил 2-х сотрудников в свой штат и пр.

Сегодня утром в комитете было заседание, где присутствовали я, Ракитников, Юшков и проф. Чуевский, об организации плановой комиссии. Наметили мы ее состав из 20 человек, куда должны войти экономисты, статистики, финансисты, агроном, этнограф, юристы, инженеры. Затем я приступил уже к переговорам с отдельными лицами.

Начал работу по организации музея:[33] был в Губотнаробе (Флеровский положил резолюцию об оказании всемерного содействия), в Соцвос'е у Лонзингера, в кинофотоподотделе за материалами. Обещано дать все, что имеется. В качестве сотрудников по музею взял Акимову Т. М. и Степанова.

За эти два дня вел беседы с С. И. Быстровым (о старообр<ядческом> отделе этн<ографического> музея), со Скалдиным (об этн<ографическом> музее, Тео[34] и т. д.), с Роммом (о госуд<арственных> театр<альных> мастер<ских>), с представителем Рабкрина, с Ракитниковым о статистич<еском> методе в музее, с Брояловским

(о беженцах и о работе этнографов с ними по опросу, записи и прочее), с Пуль<*нрзб.*> — о газетной и журн<альной> работе (звал в какой-то журнал в пользу голод<ающих> евреев), с Штоленберг об отоплении музея, с Рыковым об экзаменах студентов, поступ<ающих> в университет, с Знаменским о работе и лекциях в ИНО,[35] с Черновым об Обществе и<стории>, а<рхеологии> и э<тнографии> (он прислал мне отказ от звания председателя), с Рудольфом и Сергеевым о музыкально-этнографич<еской> комиссии, с Талли о детских домах для инородцев, с разными студентами об наших унив<ерситетских> делах.

Жизнь кипит. Была бы польза и было бы здоровье.

На улице тяжелая сцена: милиционер ведет группу подобранных на улице детей. Бедные детишки плачут. Лица голодные. Особенно запомнился мальчишка поменьше Левы — оборванный, с промокшими ногами. Еле поспевает за группой и горько плачет.

Мне хочется, чтобы мои этнографы как раз занялись такой работой, которая бы вносила не канцелярскую, а человеческую помощь.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/8, л. 3—8)

[1] Этнографический музей Саратовского края был создан 25 апреля 1920 г. по инициативе Б. М. Соколова на базе основанного в 1887 г. при Саратовской ученой архивной комиссии (впоследствии — общество ИСТАРХЭТ — см. примеч. 19) небольшого краеведческого музея и музея Общества естествоиспытателей. Б. М. Соколов 6 мая стал первым директором музея. Музей первоначально помещался в 6. доме купца Шмидта на углу Армянской (ныне Коммунарной) и Гимназической улиц. Коллекции музея стали пополняться за счет целенаправленной экспедиционной работы саратовских студентов под руководством Б. М. Соколова в селах губернии, а также за счет пожертвований частных лиц. Б. М. Соколов жил с семьей в здании музея. (См.: Соколов Б. Этнографический музей Саратовского края//Известия. 1920. № 102).

[2] В студенческие каникулы некоторые студенты из сельской местности вели систематические записи фольклора в родных местах. Другие небольшими группами выезжали в районы губернии с этой же целью. В начале 20-х гг. студентами Б. М. Соколова было собрано более десяти тысяч текстов. Только часть их увидела свет. См.: Сказки Саратовской области/[Сост. Т. М. Акимова и П. Д. Степанов]. Саратов, 1937; Фольклор Саратовской области/[Сост. Т. М. Акимова; Под ред. А. П. Скафтымова]. Саратов, 1946. Оригиналы хранились в Этнографическом музее (ныне Саратовский областной краеведческий музей). К сожалению, большая часть этих записей утеряна. В настоящее время этнографическая коллекция выделена из состава музея краеведения во вновь созданный Саратовский этнографический музей.

[3] Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК была учреждена декретом ВЦИК от 18 июля 1921 г. Возглавил ее М. И. Калинин. Губернские комитеты помощи голодающим создавались в 1921 г. на местах для организации сбора средств, продуктов питания, одежды, организации общественных столовых, устройства беженцев и пр. Структура Губпомголов определялась в соответствии с местными задачами и условиями.

[4] Музей голода был организован в конце 1921 г. при участии 50 студентов-этнографов, сплотившихся вокруг Б. М. Соколова. В музей собирались образцы пищи голодающих, сведения о положении в голодающих районах, фотоснимки, диаграммы и т. д. 9 октября 1921 г. на заседании этнографического отдела общества

ИСТАРХЭТ было сообщение Б. М. Соколова о создании музея голода (ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 363).

[5] Орган Саратовского губернского комитета общественной помощи голодающим. Выходила в 1921 г. и после пятого номера прекратила свое существование.

[6] В 1921 г. была наконец разрешена деятельность в России благотворительной организации США — Американской администрации помощи (АРА). Условия деятельности АРА определялись договором от 20 августа 1921 г., заключенным в Риге между правительством России и АРА. Для контроля и организации деятельности АРА при правительстве РСФСР была учреждена должность Полномочного представителя правительства РСФСР при АРА, а в губерниях — его уполномоченных. Естественно, для организации деятельности АРА на местах изыскивались помещения. Глава АРА полковник Хаскель, заменивший Г. Т. Кларка, 21 сентября 1921 г. приезжал в Москву для решения ряда организационных вопросов. О работе АРА в России см.: The famine in Soviet Russia 1919—1923. The operation of the Amerikan Relief Administration by Harold H. Fisner. Freeport; New York, 1927. Reprinted — 1971.

[7] По-видимому: Кусиков А. Имажинисты. М., 1920.

[8] Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образоносцы. (Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич). Ревель, 1921.

[9] Соколов И. Имажинистика. М., 1921.

[10] Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета. Имажинисты. М., 1921.

[11] «Цех поэтов» — литературная организация, существовавшая в 1911—1914 гг. в Петербурге. Возобновилась в 1921—1923 гг. Состояла преимущественно из поэтов-акмеистов. В «Цех поэтов» входили Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, О. Э. Мандельштам, В. И. Нарбут, А. А. Ахматова, М. А. Зенкевич, М. Л. Лозинский, И. В. Одоевцева и др. Издавались журнал «Гиперборей», «Альманахи „Цеха поэтов“».

[12] Все, сочиненное В. Маяковским. 1909—1919. Пг.: ИМО, 1919.

[13] «Педагогическая мысль» — общепедагогический журнал. Выходил ежемесячно с января 1918 по 1924 г. в Петербурге, в издательстве Брокгауза и Эфрона. О каком конкретно номере идет речь, неизвестно.

[14] Записки мечтателей. Пб.: Алконост, 1921. № 2—3.

[15] «Вестник литературы» — иллюстрированный журнал; выходил ежемесячно в Петрограде с 1919 по 1921 г., а в 1922 г. вышло только три номера.

[16] Издание не обнаружено. Возможно, имеется в виду кн.: Искусство старое и новое. М.: Алконост, 1921.

[17] О деятельности литературного кружка в музее сведениями не располагаем.

[18] Мещера — с. Мещерское Сердобского района Саратовской губернии.

[19] Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ) — так с 1919 г. стала называться возникшая 12.XII.1886 г. под руководством Н. В. Калачева Саратовская ученая архивная комиссия. Среди первых учредителей комиссии был известный этнограф А. Н. Минх. 27 июля 1922 г. (согласно протоколу № 24 заседания Правления Саратовского университета) общество перешло под попечительство университета (ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 350, л. 13—31). В 1925 г. реорганизовано в Нижне-Волжское общество краеведения, которое к осени 1930 г. было ликвидировано. С 1919 г. С. Н. Чернов — председатель Общества.

[20] Первоначальная деятельность АРА была направлена на питание детей. В дальнейшем, в 1922 г., АРА приняла на себя и заботы о питании нескольких тысяч взрослых. Кроме продовольственной помощи шли грузы с обувью, одеждой, бельем, медикаментами, госпитальными принадлежностями и пр. Американцы обслуживали Заволжье, т. е. районы, подвергшиеся наибольшему бедствию (см.: Отчет Президиума Горсовета Губисполкома. Саратов, 1921).

[21] Речь идет о предложениях, исходящих не из официальных, а из дружеских источников. В частности, от В. В. Богданова — предложение работать в этнографической галерее Румянцевского музея. См. примеч. 27 к п. 1.

[22] Борис Матвеевич провел в Бутырской тюрьме в Москве два месяца (январь и февраль 1920 г.). Заключен он был по ошибке. Освобожден, по-видимому, благодаря настойчивым ходатайствам Ю. М. Соколова, М. Н. Покровского, П. Н. Сакулина и др. За время пребывания в тюрьме ни разу не был допрошен. Нравы в тюрьме начала 20-х гг. были достаточно вольные. Во всяком случае, в Бутырках был свой клуб, в котором Б. М. Соколов трижды выступал с лекциями. Первая речь его «Народное творчество» была произнесена при открытии просветительного клуба в 13-м коридоре Бутырской тюрьмы 8 февраля 1920 г. (текст см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 2, ед. хр. 3238, л. 1—2); вторая лекция — 9 февраля 1920 г. (продолжение предыдущей) «Литература как искусство» (текст и тезисы см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3243, л. 1—15); наконец, третья — «Философия жизни в поэзии Пушкина» прочитана 14 февраля 1920 г. (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3239, л. 1—14).

[23] Научная библиотека при Саратовском университете насчитывала к 1923 г. 259 тыс. томов. Б. М. Соколов был удивлен ее полнотой и богатством (в частности, в 1916—1918 гг. сюда поступила по завещанию часть личной библиотеки И. А. Шляпкина, с 1917 г. начался приток национализированных книг). Здесь можно заниматься наукой — вот вывод, к которому пришел молодой профессор. Однако большая часть книг не была разобрана, и библиотека нуждалась в хорошем руководителе.

[24] «Саррабис» — журнал саратовских работников искусства. Вышло 4 номера журнала в 1921 г. Б. М. Соколов был членом редколлегии.

[25] Статья Б. М. Соколова «Народное искусство» опубликована: Саррабис. 1921. № 3.

[26] Собрание новой французской живописи С. И. Щукина (первое отделение Музея новозападного искусства) располагалось в Б. Знаменском пер., д. 98 (б. дворец Трубецких). В Москве Американская администрация помощи голодающим была размещена в особняке в Староконюшенном пер., д. 35, где помещалась частная коллекция старой французской живописи, принадлежавшая Д. И. Щукину, младшему брату С. И. Щукина. Впоследствии эти коллекции пополнили собрание Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

[27] См. примеч. 11 к п. 1.

[28] Радищевский музей был первым и самым крупным провинциальным художественным музеем в России. Основал музей известный профессор живописи А. П. Боголюбов, внук А. Н. Радищева, и назвал именем деда. Музей был открыт 29 июня 1885 г. в специально построенном для него здании. В нем собраны богатейшие коллекции живописи, графики, скульптуры, фарфора, мебели и т. д.

[29] Лед тронулся [без подписи]//Изв. Сарат. губкома. 1922. 5 окт.

[30] Известна только одна опубликованная статья Б. М. Соколова о народном искусстве. См. примеч. 25.

[31] Статья не обнаружена.

[32] По-видимому, имеется в виду вечер, посвященный памяти недавно умершего поэта. Для Саратова смерть Блока от недоедания была особенно понятной и горькой.

[33] Имеется в виду музей голода.

[34] Тео — Театральный отдел Саргубполитпросвета.

[35] Институт народного образования. См. примеч. 4 к п. 4.

3

<21 октября 1921 г., Москва>

1921.21.X
Москва

Г<оспо>жа Милицына на днях уезжает в Саратов и возьмет это письмо. Я получил твое длинное послание и радуюсь за тебя, что ты так ретиво отстоял свое детище — музей,[1] что его нашел в полном порядке и что твои студенты без тебя не спали, а сумели при всех трудных условиях насобирать огромнейший материал.[2] Жаль, конечно, что тебе слишком много времени придется отрывать от научной работы для общественной благотворительной деятельности, но, с другой стороны, нельзя не приветствовать правильно тобою избранный способ использования новых возможностей для этнографо-собирательских целей. Действительно, соединить этнографические обследования с командировками для оказания помощи голодающим — прекрасная идея. Для работника полное духовное удовлетворение: и научное и альтруистическое. Останется ли только у тебя время для подготовки к лекциям и исследовательских занятий?

Здесь, в Москве, я тоже киплю, как уже тебе и писал. Но ле<кт>орская работа только что началась. Сегодня начал... уроки в гимназии.[3] Ты, знаю, удивишься и ругнешься. Но не было сил отказать, так настойчиво просили мои ученики заниматься с ними. Утром я никак не могу; пришлось согласиться два раза в неделю приходить на *1 1/2* часа. Трогательно то, что ученики будут в эти дни *д в а ж д ы* прибегать в школу. Взял я работу только в одном старшем классе. В консерватории, ГИСе[4] — начало с будущей недели. В обоих учрежд<ениях> слушателей порядочно записалось. В Тверь[5] еще не ездил и не знаю, когда смогу выбраться. В университете бываю на заседаниях обоих отделений худ<ожественно>-лит<ературного> и этн<олого>-лин<гвистического>;[6] начну курс после Рождества.

К сожалению, до сих пор не опубликован список тех профессоров, которые попали в штат, хотя список этот уже окончательно, говорят, составлен. Хотя мне как-то П. Ф. Преображенский и сообщил, что я включен в штат, но сегодня заявил, что в точности не помнит. Т<аким> о<бразом>, создается крайне неопределенное положение. Будет оч<ень> досадно, если я окажусь за флагом, т. к. слишком будет позорно: меня уговорили принять назначение, поставили в обостренное отношение ко многим из старых профессоров, этим способствовали, чтобы меня не провели в исследов<ательский> институт,[7] и вдруг оставят при разбитом корыте. Будет немало злорадства. Но пока что я не знаю еще результатов... Н. К. Пиксанов стал бывать и в зас<еданиях> этн<олого>-линг<вистического> отделения после того как группой профессоров, отсутствовавших в заседании, когда была баллотировка его, было заявлено, что они голосовали бы за Пиксанова. Это заявление оглашал Фриче от имени своего, Гливенки, Переверзева и... моего. Но объявил он в очень тактичной форме. На след<ующее> зас<едание> Пиксанов пришел, его приветствовал Сакулин, указав, что все признают большой научн<ый> авторитет Н<иколая> К<ириа-

ковича> и что, он надеется, возникшие было шероховатости при совместной работе быстро изгладятся...

В Историч<еском> музее[8] я на днях торжествовал победу: в последнем чтении «Устава»[9] мне была дана возможность в посл<едний> раз высказать свои соображения насчет чит<ального> зала и после гор<ячих> дебатов с Щекот<овым> и Ефименко голосованием обнаружилось большинство на моей стороне: 7 против 3. Правда, здесь отсутствовал Кузьминский — не пришел, по-вид<имому>, будучи уверен в том, что со мной не согласятся, и специально ушли Сергиевский (чтобы не вредить мне) и Малицкий (чтобы подчеркнуть свое «благородство» и «рыцарство»). Непростителен только уход Петровского, правда, без задней мысли, но по равнодушию ко всему, что его не касается, хотя он мне обязан тем, что его отдел мы отстояли. Я напрям<ки> потом его отчитал. Все же всегда он был эгоистом, хотя я и дружу с ним и признаю многие его достоинства, прежде всего, довольно тонкий ум. Но долго сердиться я не могу, как и ты. Не знаю, как <пройдет> мой отдел в Главмузее:[10] все зависит от того, в какой форме преподнесет вопрос докладчик — Н. М. Щекотов. Вчера должно было состояться заседание в Главмузее, но не состоялось, т. к. Н. И. Троцкая была в Рум<янцевском> музее[11] на торжественном собрании в память Данте. В посл<едние> два дня в Москве были всё Дантовские торжества.[12] Третьего дня днем — заседание в университете. Я на нем не был, т. к. был занят музейным месткомом. По рассказам, блестяще с ораторск<ой> стороны, разносторонне и поразительно объективно говорил Луначарский. Бесспорный талант. Говорят, были единодушные аплодисменты. Он говорил о Данте вообще. Специально как поэта довольно полно охарактеризовал П. С. Коган. Очень банальную и бездарную речь произнес, по обычаю, И. И. Гливенко. Максим Сергиевский читал о языке Данте толково, но оч<ень> специально. Речь была встречена без хлопка. Изумил своею ограниченностью в противоположность широте и размаху Луначарского Фриче, метавший громы на Данте, что он засадил в Ад будто бы одного коммуниста. Всему заседанию предшествовало, согласно установленной традиции, вступительное слово П. Н. Сакулина, как он сам мне рассказывал, говорившего о том священном трепете, кот<орый> пробуждается в нас при одном имени Данте... Вечером в тот же день был грандиозный концерт в Большом зале консерватории. Вступительное слово было произнесено неутомимым наркомом. Речь опять прекрасная, и, хотя он говорил долго, совершенно не было скучно. Зато совершенным провалом была речь В. Я. Брюсова: говорил безумно долго, тягуче, местами по-учительски элементарно, так что и отдельные интересные замечания о поэтич<еских> подробностях блекли, публика (теперь плохо воспитанная) стала усиленно кашлять, а в один момент, когда Брюсов сделал какую-то паузу, обдумывая дальнейшую речь, — громко зааплодировали, «намекая», что пора кончать. Но он все же дочел до конца: не знаю, что им тут руководило — желание ли настоять на своем или же боязнь не получить того миллиона, кот<орый>, будто бы, ему полагался за речь. Но это сплетни. Муз<ыкальные> номера оч<ень> интересны: под управл<ением> Сука «Симфония» Листа к «Бож<ественной> ком<едии>», Рахманинова из его оп<еры> «Франческа да Римини» и Чайковского симфония «Франч<еска>

да Римини». С успехом был исполнен сонет Данте: Райский (пение), Игумнов (ф<орте>п<ьяно>), Сибор (скрипка), Брандуков (виолончель).

В вок<альных> номерах выступала Нежданова. А. И. Южин с блеском (непосредственно после речи Брюсова) прочитал отрывок об Уголино из «Ада». На концерте была мама, Таня, Лиза, Вася.

Вчера с Ирой был в Рум<янцевском> музее. Заседание было ultra академическое, доклады почти все были до чрезвычайности вялы, особ<енно> доклад Н. П. Киселева об изданиях Данте XV—XVI вв.: сухой перечень, без иллюстрирования. Не понимаю библиогрызунов, как он. Максим Сергиевский читал об изучении Данте в России. Васюк (служ<ащ>ая в худ<ожественной> галерее музея) — об иллюстр<ациях> к Данте. Протасов о влиянии <византийской> поэ<з>ии на Данте. Мих<аил> Петровский — общая характеристика Данте, довольно тонкая (хотя несколько претенциозная), но читает он глуховато, оч<ень> медленно, с слишком большими остановками, и, главное, пишет до утомительности длинными фразами... Не умеют наши ученые учитывать психологию слушателей.

Во вторник было заседание Комиссии по нар<одной> словесности.[13] Вначале происходила нелепая руготня между Вл. Вл. Богдановым и Вл. А. Гордлевским. Последний, как свойственно лицам польского происхождения, все упрекал Богданова за то, что будто бы он сознательно роняет честь и достоинство комиссии; не спросясь ее, устраивает заседание памяти Афанасьева, не прислал заранее на просмотр в Комиссию трудов, предлагаемых к премированию. На этом основании — я в это время выходил — премирование моих организ<ационных> работ по собиранию произв<едений> нар<одной> слов<есности>[14] и предложил проводить премии прямо от отдела.* Т<ак> к<ак> твой отчет[15] был ему ранее известен, то он согласился присоединить свое мнение, не от себя, но от комиссии. Одним словом, развел формальную канитель. К премии представлены твои работы (суммарно по отчету), мои и исследование о жартах** Богатырева.[16] Сегодня в зас<едании> совета о<бщест>ва должны были эти премии провести для оглашения на общем собрании о<бщест>ва 28 октября.[17]

Вчера был один новый служ<ебный> инцидент.[18] Книжная палата[19] в лице Щелкунова прекратила выдачу книг Истор<ическому> музею на том, мол, основании, что И<сторический> м<узей> неправильно использует свои собрания и т. д. Я думаю, что это явилось ответом на поданный мною накануне доклад от имени Отд<ела> научных библиотек[20] о более правильной работе Книжной палаты; в докладе я подчеркивал, что Кн<ижная> пал<ата> не занимается своим прямым делом и не печатает своей «Книжной летописи»,[21] а занимается какими-то химерами. Доклад встретил полное сочувствие и одобрение Бернштейна и Гливенко, но, по-в<идимому>, Щелкунов к<ак>-н<ибудь> разнюхал. Если же нет, то поразительное явление: в

---

* *Так в оригинале.*

** Жарт (*польск.* żart) — насмешка, издевательство, кощунство.

один и тот же день он колет меня, я его — не зная один о шагах другого.

Сегодня в Акад<емическом> центре[22] заседал по назнач<ению> Гливенко в Комиссии по выработке Положения об археолого-этнолог<ических> обществах, комиссиях и институтах. Мы (я, Доброхотов и археограф В. В. Соколов) рассматривали проект, разработанный Ак<адемией> ист<ории> мат<ериальной> культуры в Петрограде,[23] и пришли, не сговариваясь, к одному заключению, что Академия стремится к излишней централизации всего дела в своих исключительно руках, обходя и Главархив,[24] и Главмузей, и Акад<емический> центр, и Главпрофобр;[25] затем неправильно устраняет из археолого-этнологических институтов (как исследовательских и учебных: там предположено два рода учреждений) историко-худож<ественные> дисциплины (хотя в самой Академии есть историко-худ<ожественные> секции), что же касается археографич<еских> и архивных работ в институтах, то стремится отдать их исключит<ельно> контролю Пост<оянной> истор<ической> комиссии при Академии наук,[26] не упоминая опять об Главархиве и его научно-теор<етическом> отделе. Мы постарались координировать работу всех вышеназв<анных> центр<ально>-адм<инистративных> учреждений и Академии, частью сообразуясь с теми указаниями, кот<орые> предложены в особом докладе Петр<оградского> археол<огического> института,[27] собственно Платонова, и в записке Пичеты от Главархива. Если устраивать арх<еолого>-этн<ологические> институты (исслед<овательские> учреждения), то со всеми четырьмя группами дисциплин: археол<огической>, этнол<огической>, истор<ико>-худо<жественной> и археографической, а Арх<еологический> инст<итут> как вуз, с четырьмя факультетами; но для Петрограда можно было бы сохранить, по предложению Платонова, существ<ующие> уже там учреждения: Археол<огический> инст<итут> (с фак<ультетами> археол<огическим> и археограф<ическим>), Инст<итут> истории искусств,[28] и Географ<ический> институт с его этнограф<ическим> факультетом.[29] Кстати, видел ли ты 2 номера «Известий»[30] этого Геогр<афического> инст<итута>, там, между прочим, помещен перечень курсов этн<ографического> факультета и его программа.

Да, забыл написать, хотя и начал: на зас<едании> Ком<иссии> по нар<одной> сл<овесности> Елеонская прочитала доклад «Описание свад<ебного> обряда в Рыбацк<ой> слоб<оде> у Переясл<авского> оз<ера>».[31] Я — решительно, хотя и деликатно — высказался против подобных докладов со стороны ученого специалиста. Пора нам бросить эти quasi научные доклады о виденном и слышанном, с изложением разрозн<енных> фактов, преподносимых без всякой научной системы, обработки и освещения. Прямо даром потерянное врем<я>! Ну, хорошо — записан обряд, а дальше что? В чем дело? Какое место он занимает в ряду других? Для чего читать сырой необраб<отанный> материал? Другое дело — для студ<ентов> и курсист<ок> — там с воспит<ательной> и педаг<огической> целями это бывает необходимо, но в ученом о<бщест>ве пора отказаться от кустарничества, жалкого любительства, бабьих или дамских пересказов своих случайных впечатлений. Действ<ительно>, вправе те, кто на основании таких докладов начинает сомневаться, наука ли фольклористика <...>

Несмотря на многие трудности, беготню, хлопотню, волнения, в общем я жизнью доволен. Как-никак, а она интересна. Что ты изготовил для юбилея Ушакова?

Целую тебя, Веру, Леву. Твой Юри<й> Сок<олов>.

Писал, писал, да самое главное и забыл. С неделю назад у нас было в Ист<орическом> музее общее собрание служащих. Я, по обыкновению, председательствовал... Зашла речь о помощи голодающим. Я, подогретый твоим письмом, а также рассказами приехавшего из Оренбурга Алика Михайловского, обрисовал ужасное положение в голод<ающих> местностях и предложил отчисляемые деньги пересылать тем или другим способом тебе для направления в гол<одающие> местности, но с тем, чтобы ты подробно нам отчитывался и давал бы конкретные сведения, на какую помощь ушли деньги. Чем конкретнее, тем лучше, т. к. каждый хочет быть убежденным, что деньги попали непосредственно в руки нуждающихся. 2% ежемес<ячных> отчислений составит довольно знач<ительную> сумму, пока трудно установить, какую именно, т. к. сейчас ставки меняются. Уже собранные 100 арш<ин> мануфактуры постараюсь послать с m-me Милицыной, но успею ли, не знаю. Прилагаю протокол общего собрания. Пиши официально мне как председ<ателю> месткома музея, как намерен расходовать средства.

Твой Юри<й> Со<колов>.

(ГЛМ. инв. № 50, ед. хр. 201/3, л. 12—14)

[1] См. примеч. 1 к п. 2.

[2] См. примеч. 2 к п. 2.

[3] Бывшая гимназия М. Г. Брюхоненко. См. вступительную статью к публикации.

[4] См. примеч. 22 к п. 1.

[5] О работе Ю. М. Соколова в Твери см. вступительную статью к публикации.

[6] См. примеч. 31 к п. 1.

[7] См. примеч. 14 к п. 1.

[8] См. примеч. 9 к п. 1.

[9] Работа по составлению нового устава в Историческом музее велась с лета 1918 г. См.: Отчет Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 40.

[10] См. примеч. 11 к п. 1.

[11] См. примеч. 27 к п. 1.

[12] См. примеч. 26 к п. 1.

[13] Комиссия по народной словесности ОЛЕАиЭ. Ниже упоминается этнографический отдел того же общества. См. примеч. 8 к п. 1.

[14] См.: Соколов Ю. М. Отчет о работе за 1920—1921 гг. по организации собирания произведений народной словесности//РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 230.

[15] Отчет Б. М. Соколова о его работе в Саратове и Саратовской губернии. Текст отчета не обнаружен.

[16] Сведений о представлении к премиям работ Б. М. и Ю. М. Соколовых и П. Г. Богатырева в окт. 1921 г. в материалах Комиссии по народной словесности не сохранилось (ГЛМ, инв. № 23/171). На закрытом заседании этнографического отдела ОЛЕАиЭ 26 сент. 1921 г. были представлены к премиям организационная и экспедиционная работа Б. М. Соколова в Саратовском крае, экспедиционная

работа Ю. М. Соколова в Тверской губернии и рукописное исследование П. Г. Богатырева о жартах и фацециях (см.: Архив МГУ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 22, л. 4—4 об.).

[17] Совет ОЛЕАиЭ, решавший вопрос о премиях 27 окт. 1921 г., выделил этнографическому отделу только 2 премии: большую и малую. В связи с этим Ю. М. Соколов на очередном обсуждении членами этнографического отдела ОЛЕАиЭ 18 ноября 1921 г. вопроса о премиях от соискания премии отказался. Этнографический отдел постановил присудить большую премию Б. М. Соколову «за образцовую и энергичную организацию научных этнографических работ в Саратове в 1919—1921 гг.: местного этнографического музея, этнографических экспедиций в Саратовском краю и лекций по этнографии для разных кругов населения в Саратове и Саратовской губернии». Малая премия была присуждена П. Г. Богатыреву за рукописный труд «Польские и русские сборники фацеций» (см.: Архив МГУ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 27, л. 2).

[18] Протоколы заседаний Совета и общего собрания ОЛЕАиЭ от 28 октября не обнаружены.

[19] Книжная палата — центр государственной библиографии и статистики печати, научно-исследовательское учреждение в области библиографии, книговедения и издательского дела. Основана в 1917 г. в Петрограде как Российская книжная палата. Декретом СНК РСФСР от 30 июня 1920 г. переведена в Москву. С 1936 по 1987 г. — Всесоюзная книжная палата, ныне — Российская книжная палата.

[20] См. примеч. 20 к п. 1.

[21] «Книжная летопись» — государственный библиографический указатель. С 1920 г. издается в Москве Российской (в 1922—1991 гг. — Всесоюзной) книжной палатой.

[22] См. примеч. 32 к п. 1.

[23] Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) создана в Петрограде в апреле 1919 г. на базе существовавшей с 1859 г. Археологической комиссии. После ряда реорганизаций — Институт археологии АН СССР с центром в Москве и отделением в Ленинграде, ныне — Институт археологии РАН.

[24] Главархив или ГУАД — Главное управление архивным делом при Наркомпросе РСФСР. Создано декретом СНК от 1 июня 1918 г. в Петрограде, в ноябре переведено в Москву. С 30 января 1922 г. ГУАД было передано в ведение ВЦИК и переименовано в Центральный архив РСФСР (Центрархив). Позднее — Главное архивное управление при СНК СССР, ныне —Федеральная архивная служба России.

[25] Главное управление профессионального образования. Учреждено в составе Наркомпроса РСФСР в 1921 г. на базе Главного комитета профессионально-технического образования (утвержден в 1920 г.). В его ведении находились вузы, рабфаки, профессиональные курсы, позднее — ФЗУ и т. п. Прекратил свое существование после июльского (1928) и ноябрьского (1929) пленумов ЦК партии в связи с передачей учреждений профобразования соответствующим наркоматам и ведомствам.

[26] Постоянная историческая комиссия при Академии наук основана в 1903 г., в 1926 г. слита с Государственной археографической комиссией (см.: Архив АН СССР. Обозрение архивных материалов / Под ред. Г. А. Князева. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 28—29).

[27] Петроградский (Петербургский) археологический институт — старейший археологический институт России, основанный в 1877 г. Как и другие археологические институты, был ликвидирован после создания РАИМК.

[28] Российский Институт истории искусств создан в 1912 г., пережил ряд реорганизаций. В 1992 г. ему возвращено первоначальное название. В начале 1920-х гг. находился в ведении Главнауки (см. примеч. 50 к п. 9).

[29] Географический институт в Петрограде — первое и единственное в стране специальное географическое высшее учебное заведение. Открыт 1 сентября 1918 г., в 1925 г. влит в качестве особого (географического) факультета в Ленинградский университет (см.: Известия АН СССР. Сер. геогр. наук. 1968. № 6. С. 127—134).

[30] Известия Географического института. Пг., 1919—1921. Вып. 1, 2.

[31] Заседание комиссии состоялось 16 июля 1921 г. В протоколе обсуждение доклада не зафиксировано (см.: ГЛМ, инв. № 23/171, оп. 1, л. XLI).

№ 4

<16 ноября 1921 г., Саратов>

16.XI.1921
Саратов

Дорогой Юра!

Давненько от тебя и от всех наших не имею писем; а жду их с нетерпением. Так хочется знать, что у вас делается. Что-то даже скучаю, несмотря на то, что весь киплю в работе. Были ли у В. А. Строкина, как юбилей Д. Н. Ушакова, что вообще кругом творится, как твои личные дела, что у нас дома?

Пользуйся всяким случаем посылать письма, не пропускай возможностей. Жду приезда Пиксанова, привезет он и письма и книги. Ради Бога, не забудь закупать для меня и присылать новинок. М<ежду> пр<очим>, по поэзии и вообще изящ<ной> литературе, не говоря уже про ист<орию> литературы, — все, и моск<овское> и петерб<ургское>... Так ждешь всего этого...

Получил ли ты мое письмо, посланное с Рудомино? Там я тебе описывал мои саратов<ские> горения. С помощью голодающим, несмотря на то, что был «уйден» из Комиссии,[1] остаюсь связанным: 1) тем, что продолжаю организ<ационные> дела музея голода.[2] Он за это время значительно вырос. Занял целый зал. Там у меня суррогаты, таблицы, диаграммы, фотографии, плакаты. Нынче был у меня видный большевик из Ком<итета> помощи и остался очень довольным, м<ежду> пр<очим> сказав, что в Москве в Музее голода ничего подобного нет.

2) Приглашен в Плановую комиссию по голоду уже не при Комитете помощи голодающим, а при Губплане эконом<ического> совещания...

Эти дни был занят Достоевским. В унив<ерситете>,[3] ИНО[4] и худож<ественных> мастерских[5] заменил недавно лекции лекциями о Достоевском. Проводил ту мысль, что Д<остоевский> — «наш» больше, чем он был «своим» для его современников, т. к. людей, не могущих по своему душ<евному> строю быть уложенными в «норму»,

теперь бесконечно больше, чем было во время Достоевского... Готовлюсь к ряду публичных выступлений о Достоевском...

А вчера принял участие в публичном диспуте об... имажинистах.[6] И выступил их защитником против одностороннего доклада местного писателя Льва Гумилевского. Я в своем слове дал краткую характеристику теории имажинистов и, указав на здоровые элементы в их творчестве, подчеркнул, что если они не перешагнут через свою догму наибольшего насыщения образами и презрения к глаголу, т. е. действу, то они погибнут, т. к. этим самым они втискивают приемы живописи в чуждую ей область поэзии. Как для слуховых, зрит<ельных> и др<угих> раздражений для нашей восприимчивости есть предел, положенный нашей психикой, так и для насыщения образами наша восприимчивость кладет предел... Давая же свое субъективное отношение к имажинистам, я указал, что Есенина люблю, хотя и не закрываю глаз на его явные отступления от требований худож<ественного> стиля. В Кусикове признаю дарование, Шершеневича не люблю, а Мариенгофа презираю.

Предстоит еще ряд диспутов на темы по соврем<енной> литературе. Их устраивает Гублито[7]... В воскр<есенье> устраиваю заседание памяти Афанасьева — в этнограф<ическом> отделе[8] ...Каждый день имею несчастье слушать самого себя (лекции)[9] и быть руководителем семинариев.[10] Скучно, что некого по своей области здесь послушать и не с кем, помимо студентов (в коих все мое спасение), поделиться... Не надумаешь ли ты приехать? Вот бы обрадовал... Не знаю, приеду ли в декабре в Москву. Откровенно говоря, не хочется трепаться по железным дорогам. Всех наших целую. Верочка и Лева здоровы. Я сам, слава Богу, несмотря на постоянную умств<енную> работу, здоров и бодр.

Всего хорошего.

Любящий тебя брат

Борис.

Пиши чаще, как можно чаще.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/8, л. 9—10)

[1] Неясно, почему Б. М. Соколов был устранен от работы в лекционной Комиссии Губпомгола. Можно только предполагать, что Комиссия становилась все более закрытым учреждением, а приводимые на ней цифры и жуткие факты не подлежали огласке, тем более в печати.

[2] См. примеч. 4 к п. 2.

[3] Саратовский университет был открыт в 1909 г. в составе одного медицинского факультета. В 20-х гг. в нем было уже несколько факультетов, в том числе историко-филологический, на котором начинал работу Б. М. Соколов.

[4] ИНО — Институт народного образования, создан на базе Учительского института, возникшего в 1918 г. Б. М. Соколов с 1919 г. принимал участие в организации ИНО как председатель просветительской ассоциации Саратовского университета. Работали в Институте все крупнейшие ученые университета. Первым директором его был Н. К. Пиксанов (с 22 апреля 1918 г.). С 1922 г. ректор ИНО — С. В. Юшков.

[5] Художественные мастерские были открыты в стране повсеместно в крупных культурных центрах в 1918—1919 гг. как высшие учебные заведения театрального

искусства. В Саратовских мастерских работали все ведущие научные и театральные деятели города. Впоследствии реорганизованы в Саратовское театральное училище, которое в середине 80-х гг. стало факультетом Саратовской консерватории.

[6] Ни текст выступления, ни материалы к нему пока не обнаружены.

[7] Гублито созданы в начале 1920 г. В их обязанность входило, в частности, рецензирование всех рукописей, предназначенных для издания.

[8] Этнографический отдел общества ИСТАРХЭТ. Текст доклада Б. М. Соколова «Памяти А. Н. Афанасьева» см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3020, л. 1—26.

[9] Б. М. Соколов читал лекции по народной словесности, специальный курс о русском героическом эпосе, по древнерусской литературе, по новейшей литературе (в первую очередь поэтической).

[10] Б. М. Соколов организовал работу нескольких семинаров на факультете: по народной лирической песне, оригинальным русским повестям XVII в., апокрифической литературе. Самым многолюдным был спецсеминар по былинам, объединивший интересы студентов и молодых ученых факультета. Кроме этого, Б. М. организовал работу воскресного этнографического семинара, задачей которого стало изучение этнографии народов Саратовского Поволжья, в первую очередь их фольклора. Здесь не только изучалась литература по фольклору, но писались небольшие исследовательские работы по истории и поэтике фольклора. Активно велась подготовка и к экспедиционной работе. Сохранились темы и планы этих занятий.

№ 5

<18 ноября 1921 г., Москва>

18.XI.1921
Москва

Дорогой Боря!

Только сегодня — после огромного, чуть ли не месячного перерыва удается мне побеседовать с тобою. И то купил я это удовольствие путем отказа от участия в заседании этнографич<еского> отдела[1] с докладами фольклористического характера. А побеседовать с тобою есть о чем. Нужно рассказать тебе и мою трагикомедию в университете, и дела в музее,[2] полные всяких неожиданностей, а также про юбилеи Д. Н. Ушакова и В. А. Строкина, и, наконец, про торжества по случаю 600-летия* смерти Данте[3] и 100-летия рождения Достоевского.[4] Видишь, программа послания моего к тебе огромная, а между тем я ее должен во что бы то ни стало выполнить непременно сегодня, т. к. завтра нужно письмо отнести в Академ<ический> центр[5] и через И. И. Гливенко передать Николаю Кириаковичу: он в воскресенье уезжает в Саратов.

Не знаю, с чего и начать. Сначала опишу, как я живу, что делаю, чем занимаюсь.

---

* *В оригинале ошибочно*: 800-летия.

Жизнь с внешней стороны много лучше прошлогодней. Нечего и говорить, какое значение имеет светлая, чистая и теплая квартира. И Зоя, и дети, особенно последние, чувствуют себя бодрее, веселее. Я очень рад за них. С огромным удовольствием торопишься домой после занятий. Абсолютно нет тяги из дому, т. е. того, что переживал в недавние годы, наоборот, хочется сидеть и сидеть у себя в кабинете, читать, работать, писать. Игорь радует меня очень. Учится с увлечением, много читает, делает знач<ительные> успехи в немецком. Элла Генриховна Стефанович, хорошая знакомая <Кестер> и Рудо́мино, очень мне нравится: деликатная, воспитанная, добрая: оказывает немалое влияние на детей, бо́льшую часть дня проводит у нас, шьет на детей, я пользуюсь для себя тем, что часто говорю с ней по-немецки <...> Зоя почти все время дома, стала много играть на рояле, пока на службе нигде не устроилась, если не считать переписки на машинке для музея. Правда, нередко ворчит на недостаток денег, а их, дейст<вительно>, не хватает: слишком задерживают. Правда, совсем нет долгов, но с огромным трудом сводим концы с концами: в прошлый месяц (октябрь) истратили 4 120 250 р. (2 770 250 заработал я; на 1 350 000 Зоя продала свои меха). И это при казенной квартире, дровах и освещении! Правда, нас в доме 6 человек: я, Зоя, дети, немка и прислуга. Конечно, и 4 000 000 мало. Обещанных миллионных окладов еще нигде не платят. Паек[6] задерживают. Обещают на будущей неделе выдать сразу и сентябрьский и октябрьский, а через неделю после этого ноябрьский; обещают выдать одежду (недополученную мною); м<ожет> б<ыть>, в декабре удастся выхлопотать семейный паек... Вот, Боря, какие дела... Если бы не материальная нужда, то все было бы сносно. Я ко всем неприятностям, свалившимся на меня, отношусь — к великому счастью — вполне спокойно, т. к. что все это в сравнении с теми моральными ударами, под которые я попал в прошлом году?! Я теперь привык к пинкам судьбы и верю, что все в конце концов образуется как в личной, так и в общей жизни. Я теперь вижу, что был прав в прошлом году, переборов себя и свою гордость.

Счастье (в нравств<енном> смысле) вырабатывается постепенно, легко ничто не дается, после страданий прошлого года я чувствую себя морально крепче и сильнее.

Вот сейчас я пишу письмо в своем уютном кабинете-келейке, Игорь в соседней комнате с обычной для него выразительностью читает вслух какой-то рассказ, от которого покатываются и Вера (горничная) и Ниночка, в зале Зоя играет Бетховена, Элла Генриховна сидит за столом и что-то шьет.

Ты скажешь — идиллия. Да! Только у тебя она обычна и тебе привычна, а для меня в общем внове, и потому особенно остро мною ощущается и переживается, так сказать, завоевана мною. Я не допустил разрушить детского счастья. Вот почему иногда у меня, несмотря на многие неприятности в жизни, бывает легко и светло на душе.

Правда, этому помогает одухотворенная и осмысленная работа (лекции, которые я люблю, чтение книг) и общение со многими духовно развитыми и мыслящими людьми (в заседаниях обществ и в личных встречах). К сожалению, жизнь так сложна, что не успеваешь охватить всего, что хочешь, не успеваешь и строить жизнь, как бы хотелось...

Читаю я много лекций, но ты меня перещеголял: у тебя 28 акад<емических> часов я насчитал но твоему письму, у меня

всего 16, а в следующем семестре, когда начну читать в университете, будет 18. Я не считаю при этом Тверск<ого> педаг<огического> института,[7] куда все же поеду вскоре.

Сейчас лекции распределяются так: 2 ч<аса> на лит<ературном> фак<ультете> ГИСа,[8] 4 ч<аса> на фак<ультете> рассказыванья там же, 2 ч<аса> в консерватории, 4 ч<аса> в Педагогическом практикуме (университетское отделение б<ывших> Пречистенских курсов[9]), 6 ч<асов> (вечерних) в б<ывшей> гимназии.[10] Я постарался все эти лекции уместить в три вечера подряд: вторник (консерв<атория> и ГИС), среду (гимн<азия> и ГИС), четв<ерг> (гимн<азия> и Пед<агогический> практикум). Правда, читаю в эти дни с 5 1/2 до 10 ч<асов>, но зато четыре вечера свободны от каких-либо вечерних занятий, кроме работы у себя в кабинете, т. е. кроме удовольствия. Днем занят в музее, Акцентре, МОНО и Ц<ентральном> гум<анитарно>-пед<агогическом> инст<ituте>[11] с 10 до 4 ч<асов> все дни. По воскресеньям заседания обществ — истории л<итерату>ры[12] или О<бщест>ва люб<ителей> рос<сийской> словесности.[13] Тягощусь я Акцентром, очень бы охотно передал бы кому-нибудь должность, если <б>... нашелся такой человек, а такого нет. Меня сейчас очень мучает то, что новый университетский устав,[14] несмотря на мои настояния перед И. И. Гливенко пригласить меня в комиссию по редактированию устава, игнорировал наш действующий устав акад<емических> библиотек,[15] получилась несогласованность, отсутствие преемственности, я предвижу огромные недоразумения на практике, президиумы п<убличных> ч<итальных> з<алов> будут основываться на своем уставе, библиотекари на своем, произойдет чепуха; к тому же и неналаженность фин<ансового> аппарата в Ак<адемическом> центре, да и во всем Наркомпросе, по-прежнему будет мешать ровной работе, при неустойчивости во взглядах Гливенки, при его приспособляемости к ветрам с верхов, причем с разных (то Покровский, то Литкенс), я не вижу возможности вести какую-нибудь одну определенную линию, а без этого трудно работать... К тому же я замечаю и какое-то холодное, если даже не больше, отношение ко мне И<вана> И<вановича>. Чем я ему не угодил, я вполне не понимаю, да, по правде сказать, и не особенно хочу понимать, т. к. петербургские деловые люди[16] особой масти, которой я не завидую. Кроме того, я настолько тоскую о сосредоточенной научной работе, что администрирование мне становится с каждым днем постылее (при отсутствии права голоса там, где нужно; слишком много средостений; в прежнее время при непосредственном обращении к Покровскому многие библиот<ечные> дела разрешались быстрее и все же определеннее: часто не соглашаешься с его мнениями, но в общем знаешь, чего человек хочет и чего добивается. Это во всяком случае лучше, чем бюрократ<ический> аппарат без всякого идейного содержания, но с одной тенденцией: «чего угодно-с» перед начальством)... Наконец, мне просто некогда, страшно устается от беготни из одного учреждения в другое...

В университете произошла история, которая в иное время меня бы очень бы разволновала, но я, как писал выше, выработал в себе известное самообладание, которое не позволяет распускаться.

Я узнал постепенно из разных намеков, а потом и более определенно, что я не включен в штат профессуры. По лит<ературе> русской

утверждены штатными профессорами: Сакулин, Пиксанов, Орлов и Переверзев. За бортом из ранее назначенных оказались: Бродский, я и Херсонская... Насколько я знаю, вся эта история объясняется тем, что число кафедр было установлено очень небольшое, т<аким> о<бразом>, пришлось производить отбор. Сакулин и Орлов прошли как специалисты, один по новой, другой — по древней л<итерату>ре. Далее Пиксанова оч<ень> горячо отстаивал Гливенко; Переверзева, как коммунистически мыслящего, Волгин. Т<аким> о<бразом>, нар<одной> словесностью пожертвовали. Три специалиста по новой и ни одного по народной л<итерату>ре. Самое дикое, конечно, в том, что меня сами *назначили*, а потом *отстранили*. Разыграли надо мною злую шутку. Но теперь с людьми, как с людьми, видимо, не принято считаться. Разговору по Москве обо всем этом, разумеется, много. Я стараюсь быть вдали от всех пересудов. Бесспорно, я знаю, есть и злорадствующие. Не утверждены в штате еще М. Н. Розанов и Н. Т. Таланов... Насчет себя я ходил объясняться с А. В. Кубицким. Он смущен всем происшедшим, и я ему верю: ведь он же меня горячо убеждал принять назначение. Он говорит, что так же неловко чувствует себя по отношению ко мне Волгин (комиссия, производившая отбор, кажется состояла из троих <лиц>: Волгина, Кубицкого и Гливенки). Стороной я слышал, что против меня был Гливенко. Что я ему сделал — не понимаю... Кубицкий меня убеждал принять в виде известной «компенсации» — назначение ассистентом в Исслед<овательский> институт,[17] я сначала принял этот разговор лишь как предварительный и не дал сразу отказа. Через неск<олько> дней я уже от ряда лиц узнаю, что меня уже постановлено назначить, но я поспешил к Кубицкому с отказом, т. к. — кто знает — через некоторое время не очутился бы я в положении столь же смешном, как и в университете. Решили бы вдруг сокращать штаты и... опять пожертвовали бы мною... Взрывы бы злости Сперанского и под<обных> я к сердцу не стал бы принимать и не его испугался, отказываясь, а просто-напросто игры мною, перекидывание мною, как мячиком, я не считаю возможным допускать. Кубицкий противился принять мой отказ, но я настоял; через Максима Сергиевского вручил ему решительное письмо. Это было 28 октября, через два дня после юбилея Ушакова. В университете я лекции читать буду, если отделение[18] признает нужным мои курсы. Оно признало. Будут, будто бы, выплачивать и жалование. Но бывать в зас<еданиях> отделения я права иметь уже не буду. Вот тебе и моя история. Правда, занятная?..

Но неужели всем этим серьезно волноваться, гневаться на кого-нибудь, протестовать и т. д.? Все теперь делается как-то странно: без принципа, безответственно, случайно, произвольно. Я, слава Богу, насмотрелся на распоряжение людьми, как пешками. Тебе это хорошо знакомо и по Саратову...

Я отнесся спокойно и ни с кем не говорил на эту тему. Вначале беседовал с Сакулиным, Ушаковым и М. Сергиевским. Последние двое убеждали не принимать назначения в институт, а Сакулин, как всегда, держался как-то двусмысленно: и сообщил, что мне «угрожает назначение», и уверял, что он ничего против не имеет. Вот человек, который, на мой взгляд, растерялся в последнее время, и всех трусит и справа и слева (он — несмотря на свои иногда пышные речи и боевую

осанку — трус). Я думаю и верю, что в конце концов моя работа, как лектора и ученого, сама за себя постоит. Ведь аудитории у меня полны. Я вижу, что меня любят слушать и любят у меня учиться... Я знаю, придут и сами будут просить. Будет время.

Теперь о музее и музейной эпопее. Ты помнишь всю годовую борьбу мою за чит<альный> зал, ты знаешь, как обострился этот вопрос, какое резкое столкновение у меня произошло со Щекотовым, как Кузьминский, не говоря мне этого прямо, за кулисами ставил мне палки в колеса. Но вот в заседании уч<еного> совета в музее 12 окт<ября>, когда было предоставлено мне высказаться в последний раз (уже который!) перед советом, огромное большинство голосовало за меня (Кузьм<инский> отсутствовал).[19] Я был морально удовлетворен: вот что значит убежденность и отсюда настойчивость. Но вскоре Кузьминский стал напирать, и Щекотов снова заколебался. У меня недавно было крупное объяснение с К<онстантином> С<таниславовичем>, я ему и высказал, почему я к нему отношусь недостаточно дружелюбно: я ему указал, что нельзя двуличничать, одно говорить мне, другое Щекотову и т. д. Крепко поговорили... Он все мечтал быть правителем-самодержцем и, по-вид<имому>, старался меня выжить из б<иблиоте>ки, сведя чит<альный> зал до маленького отделения. Но я все же остался при своем убеждении и должности. А тут вдруг неожиданно все обернулось заново: вчера устав музея утвержден, при этом в б<иблиоте>ке ряд отделов уничтожен, а чит<альный> зал признан отделом. Фот так фунт! Удар Кузьминскому. Он, возможно, будет грозить отставкой, но меня просят тогда не отказаться от должности заведующего, т. е., как будет теперь именоваться, — председате<ля> разряда... Фот тебе еще фунт!

Ты видишь, как все в этом мире относительно и преходяще.

Как все дело развернется дальше, не знаю...

Надо тебе описать юбилей Д<митрия> Н<иколаевича>, В<алериана> А<лександровича> и торжества Дант<е> и Дост<оевского>, но очень поздно, а письмо необходимо отправлять завтра. Буду пока краток с тем, чтобы подробные описания прислать вскоре. Юбилеи оба прошли блестяще. Ушаковский так блестяще, что трудно и рассказать. Вся организ<ационная> работа пала <главным образом> на меня, и я рад, что все так ловко смастерил: было людно (136 чел<овек>), уютно, красиво, тепло, радостно. Приветствий было больше 50! Д<митрий> Н<иколаевич> очень меня благодарил. Все тебе опишу. Жаль, Пиксанов не был и не сможет описать. У Строкиных в Петровске[20] было чрезвычайно весело. Все тоже надо описать подробно. Мама еще до сих пор гостит там... И о Данте, и о Дост<оевском> писать сейчас не буду. Устал. Надо спать. Жди подробных описаний...

Изумляюсь твоей активности. Молодец! Но выбирай время на заняти<я> научн<ые>. А в обще<ственной> работе преграды — обычное теперь дело.

Крепко тебя, Веру и Леву целую <...>

Твой брат Юр<ий>

Посылаю тебе две кн<иги> Жирм<унского> и Гроссмана.

P. S. У меня на днях были вечером приехавшие из Одессы совсем в Москву Леонид Петр<ович> Гроссман с женой, Бережков Ф. Ф. с молодой женой и Б. А. Грифцов с мол<одой> женой (три спеца по Достоевскому) и В. Ф. Саводник; прекрасно посидели; накануне был у меня проф. Гальм (венский доцент, с 1914 г. застрявший в плену в России и профессор<ство>вавший в Иркутске с 1917 г. не только по зап<адной> литературе, но и по русской. Занимается и русск<им> фольклором. Ко мне питает симпатии еще с 1914 г., когда бывал у меня не раз).

Н. К. Пиксанов, как только поселился у И. И. Гливенки, перестал бывать у меня. Видимо, боится посещением меня обидеть высокочтимого Ивана Ивановича.

Как Петербург-то полюбил Москву! <...>

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/3, л. 15—20)

[1] Имеется в виду этнографический отдел ОЛЕАиЭ. См. примеч. 8 к п. 1.

[2] Речь идет о работе Ю. М. Соколова в Историческом музее. См. примеч. 9 к п. 1 и вступительную статью к публикации.

[3] См. п. 1 и 3.

[4] 100 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского исполнилось 11 ноября (по ст. стилю — 30 октября) 1921 г. О праздновании юбилея см. разделы хроники журналов «Печать и революция» (1921. № 3), «Вестник литературы» (1921. № 12).

[5] См. примеч. 32 к п. 1.

[6] Речь идет об академическом пайке — ежемесячном натуральном пособии, которое выдавалось в 1919—1923 гг. работникам науки, литературы и искусства, так как низкие заработки не обеспечивали им прожиточного минимума. Научные работники Москвы и Петрограда кроме продуктов питания получали еще и одежду.

[7] Педагогический (поначалу — учительский) институт в Твери был создан в 1917 г. Пережил ряд реорганизаций. В 1919—1921 гг. назывался Тверским институтом народного образования (ИНО). В настоящее время — Тверской государственный университет.

[8] См. примеч. 22 к п. 1.

[9] Пречистенские курсы — первый рабочий университет в Москве. Основаны в 1897 г. На курсах было три отделения: низшей, средней и высшей школы. Отделение высшей школы после Октябрьской революции было переименовано в университетское отделение. В 1919 г. курсы преобразованы в рабфак. В 1921 г. на базе курсов сложились два учебных заведения: Пречистенский рабфак и Пречистенский практический институт (Ю. М. Соколов называет его педагогическим практикумом) — учебное заведение, подготовлявшее практиков-специалистов (см.: Пречистенские рабочие курсы. Первый рабочий университет в Москве: Сб. статей и воспоминаний к 50-летию курсов. (1897—1947). М.: Моск. рабочий, 1948).

[10] Бывшая гимназия М. Г. Брюхоненко. См. вступительную статью к публикации.

[11] См. примеч. 16 к п. 1.

[12] См. примеч. 28 к п. 1.

[13] Литературное научное общество при Московском университете, существовавшее с 1811 по 1930 г.

[14] Устав был составлен на основании «Положения о высших учебных заведениях РСФСР», утвержденного СНК РСФСР в сентябре 1921 г.

[15] Устав академических библиотек (под академическими подразумевались прежде всего вузовские) был выработан на съезде по реформе академических библиотек, состоявшемся 22—26 сентября 1919 г. в Москве, и утвержден Наркомпросом РСФСР 8 февраля 1920 г. Опубликован: Библиотечное обозрение. 1920. Кн. 2. С. 227—234.

[16] О петербургском периоде жизни и деятельности И. И. Гливенко см. письмо Ю. М. Соколова от 7 января—1 февраля 1922 г. (№ 9).

[17] См. примеч. 14 к п. 1.

[18] Неясно, о каком из отделений факультета общественных наук Московского университета в данном случае идет речь (см. примеч. 31 к п. 1).

[19] Более подробная информация о заседании — в письме Ю. М. Соколова от 21 октября 1921 г. (№ 3).

[20] Петровск — ныне пос. Петровское Ростовского района Ярославской области. В Петровске жил друг семьи Соколовых В. А. Строкин (см. указатель имен) и его родственники.

№ 6

<21 декабря 1921 г., Москва>

1921.21.XII.

Дорогой Боря!

Очень, очень жаль, что ты не приехал на конференцию.[1] Так остро чувствовалось твое отсутствие. Временами твое слово бывало необходимо. Но все же и хорошо, что ты не приехал: снова волна тифа, и можно было бы заразиться. Серг<ей> Ник<олаевич> был достойнейшим представителем Саратова и играл одну из самых первых и почетных ролей. Саратовскую, в частности, твою работу ярко и убедительно очерчивал перед собравшимися краеведами.[2] О том, что дала конференция, он тебе подробно расскажет, сообщит тебе и то, что я неожиданно для меня (я был оч<ень> занят другими делами, и переутомлен, и энергию свою не очень развивал) был избран в члены Пост<оянного> бюро,[3] которое должно будет в дальн<ейшем> объединять работу всех местных краевед<ческих> обществ... Я сейчас тебе писать подробно о своих и чужих, и о научных, и о лит<ературных> делах, книгах, предприятиях, мысл<ях> писать* не в состоянии: переработался, мучали посл<едние> дни ужасные бессонницы, голова ломится. Я подробно тебе все напишу...

Живу я очень хорошо, как только можно в наше время. Правда, при этом роль играет привычка: до чего мы притерпелись: чуть-чуть получше стало жить, и стало казаться раем. Дети здоровы, Зоя тоже, я тоже, хотя и устаю, но все находят, что выгляжу в общем хорошо.

В квартире по-прежнему светло, чисто, тепло и уютно. Паек[4] выдали за сент<ябрь>—окт<ябрь> сразу. Через неделю обещают выдать сразу за ноя<брь>—дек<абрь>, да притом семейный: след<ователь-

---

* *Так в оригинале.*

но>, 2 к<г> мяса, 16 ф<унтов> масла, 10 ф<унтов> сахару и т. д. ...!!!

Выдадут материал на пальто, на подкладку вату, мат<ериал> на костюм, штибл<еты>, белье, калоши. Даже и не верится. В деньгах бывают больш<ие> задержки, никогда лишн<их> денег нет, но и нет совершенно долгов вот уже 2 месяца. А это хорошо.

Лекции везде идут успешно. Много читаю. К сож<алению>, совсем нет времени для усид<чивой> научно-исслед<овательской> работы. А ее жажду.

В унив<ерситете> дела снова по отн<ошению> ко мне новые возникают. Сегодня Ушаков сообщил, что по инициативе... А. С. Орлова одна группа профессуры прочит меня на кафедру русской этногр<афии>[5] вместо умерш<его> Н. А. Янчука. Ты уже знаешь о его смерти 5 дек<абря>? Напишу подробно... С его смертью много разн<ых> разговоров. Некоторые злые языки стараются связать его смерть (от тифа) с неприязнью Богданова...

Во главе этн<ографического> отд<ела> Рум<янцевского> м<узея>[6] стоит Анучин. Он прочил себе в заместители Адлера. А Главмузей[7] как будто назначает... Б. С. Жукова...

Максимов в унив<ерситете> на место Янчука хлопочет о вызове Зеленина, но не знаю, как будто моя кандидатура тоже имеет основания. Я бы взял (особенно по выбору отделения),[8] т. к., думаю, это полугодие можно было бы сосредоточиться на фольклоре, а в след<ующее> уже приналечь и на матер<иальную> этнографи<ю>. Ты поможешь.

Не могу писать: так устал.

Радую тебя огромной посылкой свежих книг и журналов.

1) «Вестник литературы»,[9] № 8, 9, 10, 11, 12 (все последнее). 2) «Жизнь искусства», № 1—4 (всё).[10] 3) «Театральное обозрение»[11] (хорош <информационный отдел>), № 1—9 (все). 4) «Изв<естия> Дома литераторов»,[12] № 1—3 (все). 5) «Культура и театр»,[13] № 7 (последний).

Напиши, нужны ли первые?

Итак, 5 информ<ационных> журнал<ов> по литературе, театру и искусству.

6. Пушкин и Достоевский.[14] 7. Достоевский и Пушкин, Дома литераторов.[15] 8. Кони. Некрасов и Достоевский.[16] 9—11. Три книжки Чуковского о Некрасове.[17] 12. Книга об Александре Блоке.[18] 13. Есенин. Пугачов.[19] 14. Пересвет. Альманах Лавки писателей.[20] 15. Анны Ахматовой Anno Domini. 1921!![21] 16. Брюсова пос<ледние> стихи.[22] 17. Глоба. Стихи.[23] 18. Лит<ературный> музеум.[24] Есть интересные вещи. 19. Былое.[25] Посл<едний> номер. 20. В. Фигнер. Воспом<инания>.[26] 21. Короленко. Записки моего современника,[27] т. III. (Есть ли I и II?) 22. Шкловский. Развертывание сюжета.[28]

Всего на сумму 850 000 рублей!!

И то часть куплена со скидкой. Но я думаю, что ты только меня поблагодаришь. (Я трачу в месяц больше 500 000 на книги.) Ведь ты богаче всех новинками в Саратове: тебе для отдыха такая здоровая нища. Это тебе на праздники. В Москву не приезжай: бойся тифа. Брось все занятия. Не пиши никакой научн<ой> работы. Ляг на диван, валяйся и читай все, что прислал. Мысленно побываешь и в

Москве, и в Петрограде. Как приятно, что постен<енно> оживляется кн<ижный> рынок.

Есть еще интересные вещи:

1) «Красная новь»,[29] № 1—3. (Во 2 № оч<ень> интересен рассказ Аросева.)[30] 2) «Печать и револ<юция>»,[31] № 1—2. (Во 2 № интер<есная> статья Покровск<ого> о *<нрзб. 1 слово>*.[32] 3) «Русск<ий> истор<ический> журнал»,[33] № 7 (ряд интер<есных> научн<ых> статей по р<усской> истории).

Их не удалось купить. Нужны ли тебе «Дела и дни»[34] № 1? 2-й номер не вышел еще. «Начала»[35] еще не вышли. «Голос мин<увшего>»,[36] № 1, еще не выходил. Твоя статья будет во 2<-м> №.[37] Говорят, набира<ю>тся «Ученые известия», где твоя статья о Смир<новских> сказках, говорят, скоро выйдет[38]...

Были у меня д<окто>р Лозанов, А. М. Смирнов. Последн<ий> хлопочет насчет книг и уроков. Первый оч<ень> понравился мне. А Смирнов суховат. Я люблю увлекающихся, а он какой-то все же мореный.

Получил за тебя вчера 1 150 000 по Акад<емии> м<атериальной> культ<уры>:[39] 500 аванс + 500 аванс + 150 жал<ованье> за сент<ябрь>. Истратил на книги 850. Остается 300 000, которые и посылаю тебе.

Верочку целую и Левочку.

Крепко тебя об<нимаю>

Весь твой Юри<й> Соко<лов>

Напиши обо всем подробно.

Работать жажда великая, а времени мало. Эх бы 48 часов в сутки!! Очень хочется жить и работать. Я вижу прекрасные дали.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/3, л. 21—22)

[1] Речь идет о первой Всероссийской конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края, созванной Наркомпросом РСФСР 10—20 декабря 1921 г. в Москве. Ю. М. Соколов прочитал на ней доклад «Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ». Б. М. Соколов должен был выступить с докладом «Собирание научных материалов и коллекций как одна из основных задач краеведения». См.: Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края. М., 1921; Вопросы краеведения: Сб. докл., сделанных на Всерос. конф. науч. об-в по изучению местного края в Москве в дек. 1921 г., созванной Акад. центром. <Н.-Новгород>, 1923.

[2] С. Н. Чернов был избран в президиум конференции, многократно выступал в прениях по докладам. Одно из его выступлений опубликовано в «Дневнике» (см. примеч. 1 к наст. письму) конференции.

[3] На конференции было создано Центральное бюро краеведения, в состав которого было предложено войти и Ю. М. Соколову.

[4] См. примеч. 6 к п. 5.

[5] Кафедра русской этнографии этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук Московского университета.

[6] См. примеч. 27 к п. 1.

[7] См. примеч. 11 к п. 1.

[8] Речь идет об этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук Московского университета (см. примеч. 31 к п. 1).

[9] Петроградский журнал, издававшийся в 1919—1922 гг.

[10] Журнал издавался с 1918 по 1929 г. В 1921 г. — издание Петрогубполитнросвета.

[11] Московский журнал, издававшийся в 1921—1922 гг. Подзаголовок: Сцена—музыка—живопись—литература.

[12] Скорее всего, имеется в виду «Летопись Дома литераторов», литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал, издававшийся в 1921—1922 гг. комитетом Петроградского Дома литераторов.

[13] Очевидно, речь идет о журнале московских академических театров «Культура театра», издававшемся в 1921—1922 гг.

[14] По-видимому, сборник: Достоевский и Пушкин / Под ред. и с предисл. А. Л. Волынского [А. Л. Флексер]. Пб.: Парфенон, 1921.

[15] Как и в предыдущих случаях — неточное название. Речь идет о сб. статей: Пушкин. Достоевский. Пб.: Дом литераторов, 1921.

[16] Кони А. Ф. Некрасов. Достоевский: По личным воспоминаниям. Пб.: Кооп. изд-во литераторов и ученых, 1921.

[17] В списке упомянут ряд книг, вышедших в конце 1921 г., но датированных 1922 г. В 1921—1922 гг. вышли следующие книги К. И. Чуковского, связанные с некрасовской темой: Жена поэта (А. Я. Панаева). Пб.: Эпоха, 1921; Некрасов как художник. Пб.: Эпоха, 1922. (Некрасовская б-ка); Некрасовский сборник / Под ред. и со вступ. статьями К. И. Чуковского и В. Е. Евгеньева-Максимова. Пб.: Полярная звезда, 1922; Поэт и палач. Пб.: Эпоха, 1922. (Некрасовская б-ка).

[18] Скорее всего, имеется в виду сб.: Об Александре Блоке. Пб.: Картонный домик, 1921.

[19] Есенин <С.> Пугачов. М.: Имажинисты, <1921>, 1922.

[20] Пересвет. М.: изд-во Н. В. Васильева, 1921. Вып. 1.

[21] Ахматова А. Anno Domini. MCMXXI. <Пб.>: Petropolis, 1921 (на обложке: 1922).

[22] Брюсов В. В такие дни. Стихи 1919—1920. М.: ГИЗ, 1921.

[23] Глоба А. П. Корабли издалека. М.; Пг.: Творчество, 1922.

[24] Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го отд-ния IV секции Государственного архивного фонда)/Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пб., 1921.

[25] Журнал, издававшийся в Петербурге (Ленинграде) с 1906 по 1926 г. с перерывами. В 1921 г. вышел один номер журнала (16), изданный кооперативным издательским товариществом «Былое» и имевший подзаголовок «Исторический журнал».

[26] Фигнер В. Запечатленный труд. М.: Задруга, 1921. Ч. 1.

[27] Имеется в виду многократно переиздававшаяся «История моего современника». В 1921 г. т. 3 вышел в составе 20-томного собрания сочинений В. Г. Короленко, выпускавшегося издательством «Задруга» (Короленко В. Г. Соч.: В 20 т. М.: Задруга, 1921. Т. 19).

[28] Шкловский В. Развертывание сюжета. <Пг.>: ОПОЯЗ, 1921.

[29] Журнал издавался в Москве с 1921 по 1942 г. В 1921—1922 гг. выпускался Госиздатом и имел подзаголовок «Литературно-художественный и научно-публицистический журнал».

[30] Рассказ А. Аросева «Страда» опубликован: Красная новь. 1921. № 2. С. 26—51.

[31] Журнал издавался в Москве с 1921 по 1930 г.

32 В № 2 журнала «Печать и революция» за 1921 г. опубликована рецензия М. Н. Покровского на книгу С. Ф. Платонова «Образы прошлого. Борис Годунов». Пг.: Книгоизд-во «Огни», 1921 (С. 136—140).

[33] Издавался в Петрограде с 1917 по 1922 г. (с грифом: «Российская Академия наук»).

[34] Исторический журнал, издававшийся в Петрограде с 1920 по 1922 г.

[35] Выходил в Петрограде в 1919—1922 гг. (№ 1, 2) с подзаголовком «Журнал истории, литературы и истории общественности».

[36] Журнал истории и истории литературы, выходивший в Москве с 1913 по 1923 г. За 1920/1921 г. был издан один ненумерованный выпуск.

[37] Ни в одном из вышедших в 1920-е гг. номеров журнала «Голос минувшего» статьи Б. М. Соколова не печатались.

[38] Рецензия Б. М. Соколова на «Сборник великорусских сказок архива РГО» (Вып. 1 и 2. Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917 — Записки РГО по отделению этнографии. Т. 44_1, 44_2) опубликована в сб. 2 «Научных известий Акад. центра Наркомпроса за 1922 г.» (С. 255—256).

[39] См. примеч. 23 к п. 3.

№ 7

<28 декабря 1921 г., Саратов>

28.XII.1921
Саратов

Дорогой Юра!

Спасибо тебе за присылку с С. Н. Черновым новых книг из Москвы. Это очень и очень кстати. Ничего, что ты израсходовал 850 000 руб<лей>. Духовная пища нужна не менее вещественной... Я и жалею и не жалею, что на съезде[1] не был, — слишком бы он меня выбил из колеи, да и, действительно, лишняя возможность заразиться. Ну да все равно, не я, так ты выступал. Подробные тезисы твоего доклада читал в дневнике съезда[2] и с ними вполне согласен...

В воскресенье было у нас торжественное заседание по случаю 35-летия Сар<атовского> об<щества> и<стории>, арх<еологии> и этн<ографии>.[3] После двух отчетов — исторических очерков А. А. Гераклитова и С. Н. Чернова говорил об истории образования нижневолжских городов проф. Любомиров, а затем я — «О былинах, записанных в Сарат<овской> губ<ернии>».[4] Их оказалось — 24 (с ранее напечатанными), и удалось сделать небезынтересные выводы. М<ожет> б<ыть>, в скором времени удастся эту работу напечатать здесь... Я теперь, с оживлением печатания в России, твердо решил засесть за обработку и доработку своих многочисленных начатых работ. Очень бы хотелось хоть частично опубликовать из материалов, собр<анных> в Сарат<овском> крае.[5] А главное свою диссертацию.[6] Ради Бога, торопи набором мою работу о Пушкине.[7] Очень жалею, что она не попала в 1-й № «Голоса минувшего».[8] Пиши мне, где получается возможность помещать свои работы. Не сможет ли «Задруга»[9] напечатать мою книгу? Я очень жалею, что опоздал поздравить ее с 10-летним юбилеем. За тобой большой долг: ты еще не описал юбилеев Строкина, Ушакова, чествов<аний> Дост<оевского>, Некрасова и съезд.[10] Жду... Я рад, что, возможно, ты пройдешь в шт<атные>

профессора по русс<кой> этнографии по предложению факультета. Но и не отчаивайся, если встретятся препятствия. Главное не в этом, а в самой научной работе. Как я мечтаю, чтобы как-нибудь осуществилась наша с тобой надежда издавать большой этнографический или (историко)-литер<атурный> журнал. Я верю, что это время неизбежно придет.[11] А пока что маленькая прелюдия к этому делу: я избран от научной секции професс<ионального> союза работников просвещения быть членом редакц<ионной> коллегии журнала союза, а именно в его научной части. Два печат<ных> листа будет отводиться науч<ным> статьям. Кроме того, я хочу широко и твердо поставить научную хронику[12] <...> Видишь — новое дело — еще одна сфера для проявления моих обществ<енных> и науч<ных> организационных способностей. М<ожет> б<ыть>, в будущем какой-нибудь прок и получится. Я очень в претензии на тебя, что ты ни слова не пишешь о маме и сестре. А от них тоже ни строчки нет, а потому мы ничего не знаем, что делается дома.

Ты перевидел целый ряд саратовцев — Чернова, Лозанов<а>, Смирнова, а сейчас Юшкова. Можно сказать, что ты — живая связь Саратова с Москвой. Очень бы я был рад, если бы ты приехал хоть на недельку в Саратов. Правда, приезжай. Вот было бы хорошо.

Пиши чаще. Детей целую.

Твой брат Борис.

Что ты мне ни слова не напишешь, была ли по предложению этн<ографического> отдела нам премия или дело было отменено или решено отрицательно?

P. S. Как и ты, все время жалею, что так мало времени и так желаний много.

Приглашали меня тут принять участие в диспуте на тему о «Смене вех»,[13] но я воздержался.

Пиши о научных, книжных и др. новостях.

Каково же в конце концов твое положение в Ист<орическом> музее? Остался библиотекарем?

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/8, л. 11—12)

[1] Первая Всероссийская конференция научных обществ и учреждений но изучению местного края. См. примеч. 1 к п. 6.

[2] См. примеч. 1 к п. 6.

[3] Заседание состоялось 21 декабря в 1921 г. См. также примеч. 19 к п. 2.

[4] Доклад «О былинах в Саратовском крае» (ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 373, л. 15). Опубликован: Соколов Б. О былинах, записанных в Саратовской губернии. /Научное приложение к журналу «Культура». Саратов. 1922. № 1.

[5] Под руководством Б. М. Соколова были опубликованы только наблюдения над состоянием этнографической традиции в Саратовском крае. См., кроме статьи о былинах: Саратовский этнографический сборник/[Ред. Б. М. Соколов]. Саратов, 1922. Вып. 1. О материалах, записанных в Саратове, см. примеч. 2 к п. 2.

[6] «О взаимоотношениях германского эпоса с русским. (Германские сказания о Зигфриде-Сигурде и русские сказания о женитьбе князя Владимира)». Частично опубликована в Саратове. См.: Соколов Б. Эпические сказания о женитьбе князя

Владимира. Германо-русские отношения в области эпоса//Учен. зап. Сарат. гос. ун-та. Словесно-историческое отд-ние. пед. ф-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3.

[7] Соколов Б. М. М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922.

[8] В журнале «Голос минувшего» не публиковалась.

[9] «Задруга» — Кооперативное товарищество издательского и печатного дела. Существовало в Москве с 1911 по 1922 г., затем продолжало работу за рубежом. Братья активно сотрудничали с этим издательством. Ю. М. был членом правления. Б. М., по-видимому, ведет речь о возможности опубликования своей диссертации по русско-германским эпическим связям.

[10] Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края.

[11] С 1926 г. начал издаваться журнал «Художественный фольклор» — орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН под ред. Ю. М. Соколова. Вышли: Вып. 1. 1926; Вып. 2—3. 1927; Вып. 4—5. 1929. Под ред. акад. С. Ф. Ольденбурга и проф. Б. М. Соколова начал выходить журнал «Этнография» (1926—1929), в 1931 г. реорганизованный в журнал «Советская этнография».

[12] Журнал «Культура» издавался губернским отделом Союза работников просвещения и искусств в Саратове в 1922 г. Вышло всего 3 номера (январь, февраль—март). Журнал имел научное приложение. Б. М. Соколов входил в редколлегию журнала и в редакционную комиссию приложения. В № 1 приложения была опубликована его статья «О былинах, записанных в Саратовской губернии». В разделе хроники № 1 журнала дана подробная информация о работе Саратовского этнографического музея и Саратовского университета по этнографическому изучению Саратовского края, ведущейся по инициативе и под руководством Б. М. Соколова, а также о музее голода, им созданном.

[13] Б. М. Соколов принял участие в диспуте в судьбах русской интеллигенции в связи с появившейся за границей книгой «Смена вех» позже, в феврале 1922 г.

№ 8

<6 января 1922 г., Саратов>

6.I.1922

Дорогой Юра!

Поздравляю тебя с праздником. Как-то все больше и больше вся обстановка в большом городе, как Москва или Саратов, начинает напоминать прежние доревол<юционнные> Святки. Магазинов много, всего, чего ду<ш>а хочет, — были бы деньги. На улицах предпраздничное движение и прочая сутолока. Одно лишь, что вместо рубля и копеек расчет теперь идет сотнями тысяч и даже миллионами.

Как-то ты встречаешь праздник? Думаю, что в значительно лучшем душевном состоянии, чем прежние годы. Эти дни рожд<ения> нового года для меня слишком памятны по тем переживаниям, какие я испытывал ровно 2 года назад во время своего тюремного заключения и прочих тогда свалившихся на меня душевных и физических мытарств. Ну, как ни горько иногда бывает, с другой стороны, испытываешь

счастливое чувство, что все окончилось благополучно и я остался и душевно и физически цел и бодр.[1]

Если, однако, в настоящее время в личной жизни все обстоит значительно счастливее, то в окружающем, особенно в голодающей деревне, царит один сплошной ужас. Это надо видеть. Мой голод<ный> музей[2] все больше и больше наполняется ужасными фактами — суррогатами и фотографиями и пр. А эти два дня я ездил с Н. А. Каменским в уезд — к немцам Поволжья за 70 верст от Саратова на той стороне Волги, — так там полное царство смерти и голода. Около 50% немцев уже погибло и гл<авным> обр<азом> умерло, часть выселилась, куда глаза смотрят. Едят все кошек, собак. В могилы сбрасывают кучами без гробов. Дома стоят заколоченны<ми>. Статистика говорит, что (в селе) нет почти и 20%, которые будут в состоянии продержаться на своем хлебе.[3] Скот почти весь уничтожен. Полное разрушение некогда цветущей области. Вина — не только голод — а полное лишение народа в прошлом году всех (дочиста) запасов, какие у него были. Это работа так называемых тульских отрядов — проводивших систему так называемой «разверстки». Вот результаты. Сердце обливается кровью. А помощи почти никакой нет. Ведь то, что оказывается, — это лишь капля в море. Люди едят, напр<имер>, в Дерг<ачевском> уезде, кожу от полушубков, сапог* и т. д.

Я был вчера на заседании Комиссии по борьбе с голодом при Губплане. Стало ясным одно — все равно ничем не поможешь. Нужны героические усилия, и не только нас, русских, а гл<авным> обр<азом> иностранцев[4] — но время идет и идет. А к весне как трудно перебросить это в далекие глухие деревни в сотнях верст расстояния от станций.

По Сар<атовской> губ<ернии> и по офиц<иальным> данным, сейчас лишь 20% голодающих получают некоторую помощь — остальные обречены смерти. В некот<орых> местах функции волостных комитетов взаимопомощи сводятся лишь к облегчению... рытья могил.

Вот когда все это знаешь, а частью, хотя далеко не так, как есть в более худшей форме на деле, видишь, то можешь представить, есть ли полное душевное спокойствие. И ужас берет от сознания своего бессилия...[5]

В воскр<есенье>, 25 дек<абря> было торж<ественное> заседание О<бщест>ва ист<ории>, арх<еологии> и этн<ографии>.[6] С. Н. Чернов приехал вовремя, за час до заседания. После его и Гераклитова отчетов были прочитаны доклады проф. Любомирова (об образовании нижневолжских городов в связи с вост<очной> торговлей) и мой «О былинах, зап<исанных> в Саратов<ской> губ<ернии>».[7] Заседание прошло с большим подъемом. А вечером у меня же в музее было неофиц<иальное> продолжение торжества. Студенты очень мило представляли шутливые сцены из области этнографии, ист<ории>, <деятельности> общества. Просидели до 7 ч<асов> утра. Было до 100 человек...

---

* *В оригинале*: сапогов.

Эту свою работу я сейчас сдал в печать в научный отдел журнала, изд<ающегося> нашим профессиональным союзом. Я состою редактором этого отдела.

Сдал на днях в печать свою актовую речь и очерк наших этнографических изучений Сарат<овского> края за 2 1/2 года. Это готовится к выпуску 1-й наш этнографический сборник. Помимо моей статьи и очерка, будет напечатан весь мордовский материал. Издается он под моей редакцией...[8]

Слава Богу, начинаем печатать. Торопи «Задругу»[9] и («Голос минувшего»).[10] Кстати, Н. А. Каменский, кот<орый> теперь будет часто бывать в Саратове, мог бы быть агентом «Задруги». Рекомендуй его. А наши сарат<овские> профессора и университет с удовол<ьствием> используют присланное нам предложение «Задруги» снабжать нас книгами.

За присланные тоб<ою> книги очень благодарен. Очень мне понравился роман Белого[11] и книга о Блоке.[12] Но еще многого некогда было прочитать — так безумно завален самыми разнообразными делами...

Умер Короленко.[13] Буду выступать на заседании, устр<аиваемом> университетом. А тут 10-го публичный диспут на тему «Новая школа, ее достоинства и недостатки». А тут заседание об имении Шахматова в Губземотделе, об окончательном укреплении имения за Академией наук и мн<огое> другое.[14]

За тобой большие долги — описания юбилеев и съезда, заседаний. Ты все обещаешь, а не пишешь. Мне же все это так интересно.

Сейчас занят мыслью о создании при моем музее кустарного отдела. Через Н. А. Каменского хлопочу перед Главкустпромом. Итак три музея, близкие по идее, хочу сконцентрировать у себя. Работников — руководителей мало, а музейное дело я считаю исключительно важным — вот и приходится быть организатором. Впрочем, находясь в дружбе со студ<енческой> молодежью, и не то можно сделать. Как твои унив<ерситетские> дела? Опиши мне подробно выставку в Ист<орическом> музее. Это описание помещу в нашем журнале. Будь добр, информируй о лит<ературной> и науч<ной> и худ<ожественной> жизни Москвы подробнее.

Детей целую.

Твой брат Борис.

Вера и Лева целуют и поздравляют.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/9, л. 1—3)

[1] См. примеч. 22 к п. 2.

[2] См. примеч. 4 к п. 2.

[3] По весьма приблизительным данным, к октябрю 1921 г. в Саратовской губернии голодало 893 325 чел. (28% всего населения), а к июню 1922 г. их количество достигло уже 2 090 564 чел. (66% всего населения) (ГАСО, ф. 521, ед. хр. 76, л. 50—54).

[4] Помимо АРА (см. примеч. 6 к п. 2) в 1921 г. Ф. Нансен, известный норвежский ученый, организовал международную комиссию по оказанию помощи голодающим. 28 ноября 1921 г. он приезжал в Саратов. 12 августа 1921 г., по предложению Исполкома Коминтерна, был создан заграничный комитет помощи голодающим

России. В состав комитета вошли: К. Цеткин, А. Барбюс, П. Вайян-Кутюрье, М. Андерсен-Нексе, Б. Шоу, А. Франс, А. Эйнштейн, К. Кольвиц и другие известные литераторы, ученые, художники, общественные деятели Европы.

[5] В отчете о деятельности общества ИСТАРХЭТ в 1921 г. положение в голодном крае характеризуется так: «крестьянские восстания», «людоедство», «эпидемия холеры»; сообщается о смерти двух работников Общества на почве истощения и о болезни в июле 1921 г. Б. М. Соколова, который «был едва спасен от смерти» (ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 373, л. 37).

[6] В декабре 1921 г. Обществу ИСТАРХЭТ исполнилось 35 лет. См. примеч. 19 к п. 2.

[7] См. примеч. 4 к п. 7.

[8] Саратовский этнографический сборник/[Ред. Б. М. Соколов]. Саратов, 1922. Вып. 1. Содерж.: Б. М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского края; Б. М. Соколов. Отчет за 1919—1921 гг.; М. Г. Маркелов. Саратовская мордва (этнографические материалы); П. Г. Любомиров. О важности изучения мордвы; Описание этнографических записей, хранящихся в этнографическом музее Саратовского края. Сост. Т. М. Акимова, М. П. Советов, Н. М. Цыганова, А. И. Тюрина, А. Ф. Земскова, А. Н. Гурьева, В. П. Никольская, Е. С. Тейльман. «Актовая речь», открывающая сборник, была произнесена на собрании в честь 2-й годовщины Саратовского университета 19 дек. 1920 г. 2 апр. 1921 г. на собрании историко-филологического факультета принято решение ходатайствовать перед издательством об опубликовании актовой речи проф. Б. М. Соколова: «Означенная лекция имела значение руководящего пособия в означенной области» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2879, л. 2).

[9] Речь идет об издании изд-вом «Задруга» брошюры Б. М. Соколова «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина». См. примеч. 7 и 9 к п. 7.

[10] В «Голосе минувшего» в 20-е гг. Б. М. Соколов не публиковался.

[11] Белый А. Петербург. Пг., 1916; 2-е изд., перераб. Берлин, 1922.

[12] По-видимому, речь идет о кн.: Львов-Рогачевский В. Поэт-пророк. Памяти А. А. Блока. М., 1921.

[13] 25.XII.1921 г. — смерть В. Г. Короленко. Впоследствии мысли, навеянные этим печальным событием и высказанные в выступлениях, оформились в статью. См.: Соколов Б. М. Предсмертное творение Короленко//Культура. Саратов, 1923. № 2—3.

[14] После смерти академика А. А. Шахматова (1920) Российская Академия наук начала ходатайствовать о закреплении за ней имения своего бывшего президента (в Саратовской губернии). На письме Российской АН в СНК от 21.I.1921 г. резолюция В. И. Ленина о направлении письма в малый Совнарком и обследовании на месте (Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 52. С. 57) Малый Совнарком принял решение запросить Саратовский губисполком. Только 24 февраля 1922 г. Коллегия отдела землеустройства Саратовского губернского земельного управления, рассмотрев ходатайство Российской Академии наук о предоставлении ей в пользование бывшего имения А. А. Шахматова при деревне Губаревке Саратовского уезда Вязовской волости для создания в имении дома отдыха для работников Академии и культурно-хозяйственного центра по садоводству и огородничеству, постановила: имение Шахматова Академии наук передать. Хлопоты взял на себя Б. М. Соколов. Летом 1922 г. в имение приехала целая колония саратовских профессоров и преподавателей (с семьями) и при Б. М. Соколове, как всегда, неизменная группа этнографов, которые вели в окрестных селах записи и наблюдения. Однако, поскольку ни Академия, ни университет средств не имели, имение в 1923 г.

перешло в руки частных арендаторов (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2877, л. 50 и след.).

№ 9

<7 января—1 февраля 1922 г., Москва>

1922.7.I
Сочельник[1]
Москва

Дорогой и милый Боря!

Обо многом, обо многом должен я тебе написать. Не знаю, сумею ли для того воспользоваться сочельником и первым днем Рождества. До сегодняшнего дня почти совсем не было свободного времени, а если и выдавались свободные минуты и часы, нападала лень от усталости и от слишком большого количества разнообразных переживаний. И об науке хотелось бы поговорить с тобой и о новостях литературных, но больше всего места в моем письме, как и в прежних посланиях, займет изложение причудливых (иногда серьезных, иногда мелочных) перипетий моей личной жизненной борьбы. Сколько лет сумятицы, которые сильно потрепали живого человека, жаждавшего активной деятельности, не могшего стать где-нибудь в тени, в уголку от жизни (вроде какого-нибудь богоспасаемого Ржиги или Шамбинаго) и, тихо сплетничая и злословя, пережидать, когда, мол, все обернется само собой так, что к Рождеству будет зажариваться поросенок, а к Пасхе запекаться ветчина... Конечно, не из желания во что бы то ни стало, немедленно, не дожидаясь сроков, есть поросенка и ветчину, бросался я в дело (а иным пошлякам так до известной степени и представляется), но был бы глупым и нечестным человеком, если бы, целиком уйдя в идейную работу, в наши тяжелые годы в забросе бы оставил интересы семьи, детей. Опыт жизни современной столь определенен, что было бы невозможно сомневаться в гибели тех, кто не найдет в себе сил активно сопротивляться беде. Только одни сопротивляются обстоятельствам жизни про себя, потихоньку и помаленьку, расчетливо, не тратя понапрасну энергии, аккуратно наведываясь в распределитель акад<емического> пайка,[2] соблюдая умеренность и почтительность, и, по возвращении домой, беседуя с женой о лучших временах. Другие же живут шумно, открыто, не таясь, не ежась, не теряя своего собственного облика, не скрывая своей физиономии, любя жизнь в целом, со всеми ее противоречиями, со всеми ее нелепостями, смело принимая и смело отражая ее удары. Два типа, два характера, два темперамента <...> Я живу прямо, так сказать, а тихобздунчики, как мыши, из норки выглядывают да глазками во все стороны посматривают. У кого какой вкус жизни! В последнее время у меня наблюдается некоторое раздражение по адресу многих. Слишком много уколов с различных сторон приходится получать. Удивляет беспардонность суждений, люди говорят с кондачка, сплетничают самым безобразным

способом, вредят друг другу страшно... Я стараюсь оставаться самим собою и не стригусь по общему трафарету. Вот это-то, м<ожет> б<ыть>, и злит иных главным образом. Но обо всем этом подробное описание ниже. Пока еще несколько слов о прошлом 1921 годе. 1921-й год для меня был самым счастливым из всех революционных лет: я говорю сейчас и о внешней стороне жизни и о личных (семейных г<лавным> о<бразом>) настроениях. В отношениях научной продуктивности, творческой работы, т<ак> ск<азать>, духовной жизни разговор другой. Как бы то ни было, 1921 год был для меня годом душевного успокоения после промчавшейся надо мной тучи и разразившейся надо мной грозы. В семье установился мир, покой. Зоя — как бы сказать повернее? — смирилась, что ли, одумалась, стала заботливее, поняв, наконец, значение дружной семьи, с большим вниманием стала приглядываться к моей работе, к тому, как трудно дается человеку, рвущемуся к науке, устроение чисто житейских дел, какие (невидимые сторонним людям) ежедневные жертвы приходится ему приносить для того, чтобы предоставить семье необходимый комфорт, который другим людям дается значительно легче, т. к. его достижению они и посвящают себя всецело. В наших русских условиях жизнь ученого (как и писателя) доставляет почти всегда душевное раздвоение. Так вот, со стороны именно житейски-практической мне удалось в этом году добиться многого: прежде всего изменились условия жилищные: после трех лет мучений мы зажили в светлой, уютной, *совершенно изолированной* теплой и чистой квартире. Так хорошо, так уютно, что никуда и не тянет. Но все кажется, что это удобство временное, мимолетное, что меня сгонят с уютного гнездышка... Ты меня прекрасно понимаешь, т. к. и для тебя 1921 г<од> дал тот же уют, как и мне.

Поразительно это совпадение: и я в музее стал жить, и ты в музее.[3]

Ребятами до чрезвычайности доволен: веселые, бодрые, радостные, Игорь учится прекрасно (а ты знаешь, как я ревниво слежу за его развитием и образованием). Удалось в этом году добиться и осуществления своей давней мечты, чтобы в доме звучала иностранная речь, чтобы дети учились и др<угим> языкам. У нас вот уже два месяца живет чудесная дама, образованная, деликатная, тактичная: она у вас в Саратове одно время была преподав<ателем> в средней школе: Элла Генриховна Стефанович (вдова, немка, была замужем за поляком). Если Игорь еще по-нем<ецки> не говорит, но зато усвоил оч<ень> хорошо нем<ецкое> произношение, декламирует нем<ецкие> стихи превосходно, уже немного читает и пишет. Я и с другой стороны оч<ень> рад тому, что живет Элла Генриховна: Зоя невольно поддается ее облагораживающему влиянию. Дома скандалов почти не бывает. Зоя пока не служит нигде: следит за хозяйством, играет на рояле оч<ень> много и занимается музыкой с Игорем. Жизнь бесспорно стала лучше и оттого, что у нас прислуга. Немного громковата, но исполнительна и добра. Что нет ни тени «эксплоатации» (чего я всегда так в отн<ошении> прислуги боюсь), доказывается хотя бы тем фактом, что Вера располнела по всем направлениям вдвое, если не втрое, в сравнении с тем, как она поступила к нам. Едим все, конечно, совершенно одно и то же. Жаль мне только, что не пришлось Зое воспользоваться всеми удобствами домашней нашей жизни, чтобы вполне укрепить свое здоровье (ведь что бы ты про нее ни думал, перенести всю прошлогоднюю историю, перспективу разрыва со мной,

разрушения семьи, внутренне (где-то далеко запрятанное) сознание своей вины, конечно, было нелегко и должно было сильно потрепать нервы) <...> Лечиться ей необходимо, а между тем с 1 янв<аря> я зачислил и ее и Эллу Генриховну на службу в библиотеку Исторического музея..Теперь прошли новые ставки и для реформированного музея[4] установились новые (для библиотеки несколько расширенные, благодаря моим хлопотам) штаты. Научн<ые> сотрудники будут получать по нов<ым> ставкам 2 лимона[5] в месяц (в переводе на золото 15 р<ублей>). Служить в музее, живя в том же здании, конечно, оч<ень> выгодно. При открытии ч<итального> зала днем будет оставаться дома Э<лла> Г<енриховна>, так что в отношении детей (собственно Нины, Игорь в школе) все будет прекрасно...

Теперь о том, как мы живем с денежн<ой> стороны за посл<едние> мес<яцы>. Трудно сказать, сколько полагается по ведомостям получить в тот или другой месяц, но я укажу лишь цифры действ<ительной> получки (со всякими разницами, эпизод<ическими> получками за зав<едование>, за лекции и пр.). В ноябре я получил 4 000 000, в декабре 8 000 000 (т. е. в декабре — 80 р<ублей> золотом, а переводя на хлеб и того меньше, м<ожет> б<ыть>, в 4 раза). Затем получили акад<емический> паек: в н<ачале> дек<абря> за сент<ябрь> и окт<ябрь>, на днях за н<оябрь> и дек<абрь> (хотя не все продукты — масла и муки еще недополучили). Обещают в скором времени (будто бы даже задн<им> числом за два месяца) выдать и семейн<ый> паек (мне бы полагалось на двух детей по полупайку, да записал на маму. Вот было бы хорошо! Больше трех полупайков не дают). Обещают выдать материю на пальто и костюм, сапоги и белье, да ненаверняка. Получал и кое-что из кооператива, да паек по Пречистенскому педаг<огическому> практикуму[6]... Да на днях выдали в консерв<атории> небольшой подарок американцев профессорам консерв<атории>. Вообще не голодаем: хотя ведь, прими во внимание, — шестерых надо напоить и накормить. Все это, сл<ава> Богу, правда, с огром<ным> трудом, но удавалось. Удается и праздник встретить прилично. Вот сегодня, напр<имер>, ели мясной суп (у нас больше месяца *ежедневно* мясной суп), тертый горох на сале (американском), запили... легким виноградн<ым> вином (музейн<ый> кооператив где-то приобрел бочку, я купил 10 б<утылок> по... 25 000!!), закусили сладким пряничком; выкурили по папироске, о чем тебе немедленно и докладываю... Сейчас попью чайку, и всем домом идем ко всенощной. Придя, продолжу свое длиннейшее (обещаю) послание. Часто думаю: «буржуазное житье». Как изголодались три года, так в четвертый год чай, булка кажутся райскими наслаж<дениями>.

Поздравляю тебя, Веру и Леву с праздником. Сейчас пришел из церкви ото всенощной. Был в Казанском соборе.[7] Прекрасное настроение. Светлое. Теперь переживаешь праздничную радостную настроенность вдвойне: и за себя и за детей: вместе с ними переживаешь снова то, что так хорошо было в детстве. Ниночка еще со вчерашнего дня в восторге. Когда украшали с нею елку, то она прямо визжала от радости, безумствовала. А ведь так в общем скромно в сравнении, напр<имер>, с тем, что *мы* видели в детстве. Но все же наконец стало возможным опять радовать детей <...>

Продолжаю уже в первом часу ночи. После купанья все собрались в столовой <...> Зажгли елку. Все танцевали, пели «O Tannenbaum,

о Tannenbaum! Wie grün sind deine Blätter»,* причем Нинка меня все поправляла: не «deine», а «daine». Ты, небось, сейчас смеешься над моей заботой о детском «образовании». Да, это один из моих коньков. Вечер закончился концертом Зои и Эл<лы> Генр<иховны>: Рахманинов, Калинников, Лист, Шопен... Интеллигентно!? Нет, без иронии, право, хорошо. Я и все вечером рождественским очень довольны.

Я очень теперь дорожу домашними радостями, т. к. вне дома за последнее время приходилось переживать разнообразные неприятности, но о них дальше. Вернусь к итогам за 1921 год. В общественной стороне моей жизни были за протекший год удачи. Вспоминаю свой доклад на конференции моск<овских> словесников с концертом тверск<их> нар<одных> песен,[8] свой доклад на учит<ельском> съезде в Петрограде[9] (кстати, в «Педаг<огической>мысли»[10] за 1921, № 8—12, в отчете о съезде весьма сочувственно характеризуется мое выступление),[11] лестное для меня внимание, оказанное мне на конфер<енции> по краеведению выборами в члены Постоянного бюро краеведения,[12] удачные лекции в ГИСе,[13] консерватории, Педаг<огическом> практикуме, явное демонстрирование симпатий ко мне со стороны моих гимн<азических> учеников,[14] постоянные зовы ко мне из Твери от слушателей,[15] выборы в тов<арищи> пред<седателя> Комиссии по нар<одной> словесности,[16] моя победа в борьбе внутри музея за самостоятельность моей работы и за чит<альный> зал и многое другое. Наконец, правда, острый пункт, но все же прикрепивший меня к университету, — назначение меня профессором (с отчислением вскоре в нештатные преподаватели)... Не могу не вспомнить далее радостного участия в организации юбилея любимого из своих учителей Ушакова, участие в юбилее Валер<иана> Александровича, свой летний чудный отдых в Петровске,[17] где на мою долю выпало столько ласки, любви и внимания. Сверх всего этого приятно сознание, что все оч<ень> хорошо и успешно идет у тебя (временную твою болезнь не считаю: ведь она же была преодолена). Итак, 1921 г. лучший из всех последних для меня лично.

Но к самому концу года, да, собственно, в самый его последний день, накануне нового, выпали две неприятности, причины которых довольно сложны и вызывают во мне чувство обиды, уязвленного самолюбия. Полностью эти обе неприятности пока мною еще не осознаны, но я внушаю себе спокойствие. М<ожет> б<ыть>, на них и не следует сильно реагировать. Интересно, как отнесешься к этому ты.

Неприятности с двух противоположных сторон: от Акцентра[18] и от «Задруги».[19]

С Ив<аном> Ив<ановичем> и с его помощником Бернштейном у меня давно негладкие отношения. Они оба искушенные и въевшиеся чиновники в старом смысле слова: один был директором департамента в министерстве Кассо, а затем Игнатьева, другой заведовал Центральным приемным покоем при московск<ой> полиции.[20] Они, я видел, подбирали себе сотрудников — молчаливых, аккуратных, исполнительных, без спросу не смеющих ступить шагу <...> Опять, след<овательно>, младших чиновников в прежнем смысле. Меня же оба сразу невзлюбили. Гливенко видел во мне, как он выражался, — «ярославца»

---

* «О рождественская елка, о рождественская елка! Как зелена твоя крона» (*нем.*).

(понимай — пролазу, «себе на уме», ловкача, оборотистого парня). И Гливенко, и Бернштейн не могли переварить моей самостоятельности, нечиновничьего обращения (говорил я всегда просто, держался ровно и прямо); повсюду им мерещилось, что я «слишком много на себя беру», выступаю на разл<ичных> заседаниях «сам от себя», не спрашиваю их директив, не даю им отчета в работе, неаккуратно посещаю службу и т. д. Не могли и не хотят они понять, что положение мое (и Виноградова) особое: мы с Виноградовым чуть ли не самые «старые» (с 1918 г.) работники в Акцентре,[21] приглашены были работать при условии совмещения службы с музеями, много положили энергии для организации работы, привлекли оч<ень> многих к работе с Наркомпросом тогда, когда почти повсюду еще царил «саботаж», т. к. видели, что только органическая работа совместно с властью может спасти культ<урные> учреждения (музеи, библиотеки) от гибели. Гливенко и Бернштейн в Наркомпросе новые люди и не знают того, что было. Я замечал, что особенно раздражали их мои и Виноградова непосредственные деловые разговоры с М. Н. Покровским. Им, чиновникам, в этом прежде всего мерещился обход ближайшего «начальства». Каплями, переполнившими терпение, были мое участие в неск<ольких> заседаниях вне Акцентра по мандатам Отдела н<аучных> библ<иотек>,[22] а не их (я этому форм<альному> обстоятельству и значения-то не придавал), а, главное, проведение Виноградовым через Совнарком важного декрета[23] о различных преимуществах и правах Рум<янцевского> музея.[24] Воспользовавшись пересмотром списка сотрудников Акцентра «на предмет сокращения штатов» (в связи с поста<новлением> Ларинской комиссии)[25] и отъездом М. Н. Покровского в Петроград, оба «начальника» постановили меня с Виногр<адовым> уволить совсем со службы в Акцентре, но при этом не сократили числа должностей в Отделе научн<ых> библ<иотек>, так что мое место остается теперь вакантным: ясно, что предлог (сокращение штатов) избран был совсем неудачно. Виноградов сейчас уехал в деревню, Покровский в Петрограде, официально мы оба еще не получали извещений об отставке. Решили ждать возвращения М<ихаила> Н<иколаевича> и в открытую с ним поговорить о безобразном обращении с нами зарвавшихся департаментских и полицейских «профессоров». Люди они совершенно безыдейные и заинтересованные исключительно личной карьерой... Насколько я наблюдал, Покровский недоверчиво относится к ним. Ведь не может же он не догадываться, что они обводят и его вокруг пальца... О себе несколько откровенных тебе слов: я в глубине души рад освободиться от админ<истративных> обязанностей, отвлекавших меня и от музейной службы, и от научной работы, но 1) оскорбительно выбрана форма «увольнения» (можно было все наладить иным путем, если они увидели, что совместная работа плохо клеится): я ведь не машинистка какая-нибудь, а ответств<енный> специалист; 2) обидно оставлять дело, к которому подходил с определенных принципиальных точек зрения, беспризорным[26] (Гливенке и Бернштейну до научн<ых> библиотек наплевать, и они в библ<иотечном> деле ничего не смыслят. Друганов и Дитмар милые люди, добрые товарищи, но могут быть лишь хорошими заведующими канцелярии, но не руководителями библиот<ечной> политики). Тот, кого я давно наметил себе в заместители и которому с течением времени хотел бы сдать свою должность, гл<авный> б<иблиоте>карь Донск<ого> университета,[27] препод<аватель> р<усской>

истории в Дон<ском> у<ниверсите>те Вл<адимир> Ив<анович> Писарев еще не перебрался в Москву.

Теперь о другой неприятности. В тот же день (канун нового года), когда я узнал о намеченном «увольнении» из Акцентра, я, слышав о предполагавшемся чествовании С. П. Мельгунова в «Задруге», зашел в ее лавку, чтобы справиться о часе собрания и необходимых взносах. Но Ив<ан> Никанор<ович>, как-то замешавшись, стал напирать, что, оказывается, не все члены Совета приглашаются. Понять было нетрудно, что меня не желают. Через день И<ван> Н<иканорович> разъяснил мне по дружбе, что в некот<орых> кругах мне ставится в вину якобы слишком близкое прикосновение к власти, припоминают все время и мое летнее *назначение* в профессора. Тут я знаю — главным настройщиком является А. А. Кизеветтер, который еще летом в заседании преподав<ателей> Тверск<ого> ИНО[28] делал выпад против меня, будто бы занявшего в унив<ерситете> чужое место, место своих учителей. Но все же любопытно, отчего моей персоной так много занимаются: ведь есть же целый ряд лиц и других, занявших даже штатн<ые> профессорские места по назначению, без всяких экзаменов (напр<имер>, Максимов, Пешковский)... Особенно удивляться, однако, нечего. Когда я принимал назначение (правда, вскоре надтреснутое), я должен был предвидеть, что уколов и неприятностей будет немало. Обострение сплетен и злословия вполне естественно, особенно когда нет достаточного простора для открытого гласного освещения фактов и поступков. А мной лично занимаются много потому, что я у всех слишком на виду, на глазах.

1922.13.I.
Пятница
Накануне «стар<ого>» нового года.

Вот сколько дней прошло с того времени, как я начал писать тебе свое послание. Дело в том, что святки в этом году проходят довольно шумно. Не было свободного часа, чтобы сесть за письма. Сейчас выбралась удачная минута: при пустом зале дежурю в библиотеке музея. Буду писать подробно. В первый день проспал до часу (так долго засиделся ночью за письмом к тебе). С ребятами и Зоей поехал на Красносельскую. Вечером засел в компании за карты, «проработал» до... 9 1/2 утра и проиграл... 2 1/2 миллиона (конечно, б<ольшей> ч<астью>, в долг, т. к. таких сумм свободных не имею). Полсуток спал, вечером был у мамы. Там виделся с С. В. Юшковым, который поразил меня своим искусством графолога; многое определяет довольно верно, хотя не всегда. Самый поздний вечер (мама, Юшков и др<угие> пошли на собин<овский> концерт) провел у Марг<ариты> Ив<ановны> Рудомино, с которой (а также с ее подругой) завязалось более тесное знакомство ввиду того, что Элла Генрих<овна> ее близкий человек. Просидел с тремя девицами (третья— дочка m-me Кестер) до 3 ч<асов> ночи; было непринужденно и весело. На след<ующий> день (понедельник — третий д<ень> праздника) вечером у меня собралась компания: Друганов и Дитмар с женами и специально, по заранее обдум<анному> плану, Рудомино и Зверева (ее подруга), за которыми Др<уганов> и Дит<мар> ухаживают. Было оч<ень> весело. Пришли поздно с лекции Лунач<арского> и Пиксанова о Короленке

мама и Сераф<им> Владим<ирович>. (Лекция Пиксанова была оч<ень> неудачная: после яркой речи Луначарского, она, хотя и произнесена была гладко, была суха, нудна; кроме того, говорят, впечатление портилось из-за частых оговорок П<иксанова>: вместо Короленки он все поминал Достоевского, под влиян<ием> недавних юбилейных речей. Ни одного хлопка. Чего полез? Неймется. В Москве выступать, особ<енно> в первый раз, нужно подготовиться, как следует.) С<ерафим> Вл<адимирович>, как сел за карты, сразу выиграл, ему оч<ень> везет. Играли недолго. После ужина танцевали, а С<ерафим> В<ладимирович> прорицал, т. е. опять характеризовал присутствующих на основании их почерков. Мы с тобой, по его словам, прежде всего руководимся честолюбием. Это главный движущий нерв нашей жизни. Кто знает, м<ожет> б<ыть>, и так. Угостил я всех вином, закупленным через музей... Принять у себя сослуживцев по отделу научн<ых> библ<иотек> мне было необходимо: четыре года работали вместе, ни разу не поссорясь. Они не знают, как будут работать без меня, я, не бывая регулярно, все же всю идейно-теоретич<ескую> часть брал на себя... Вот опять прошла почти неделя, но бумага о моей отставке еще не подписана, Гливенко чего-то боится. Покровский ничего еще не знает, хотя и приехал. Я пока молчу... Брюсов пытается ГИС закрыть, влив некот<орые> его факультеты в организованный им — Брюсовым — литер<атурный> техникум.[29] ГИС сопротивляется, но, конечно, будет съеден. Поразительно, как у нас делается дело: только учреждение встанет на ноги, развернется, как его непременно подсекут в корне.

Во вторник веч<ером> после засед<ания> худ<ожественного> совета в ГИСе я был на елке «маленьких» в гимназии, очень мило сошел вечер, хотя рассердил меня Игорь, нарядившийся в... мои старые брюки и походивший на какого-то дурачка Иванушку вместо гнома, тогда как другие дети все были одеты оч<ень> изящно и красиво. Учительницы не рассчитали, Зоя не доглядела, Вера вместо хороших новых моих штанов дала рваные старые. Хорошо хоть, что Игорь во время вечера не понимал своего глупого положения, а то было бы его оч<ень> жалко: он не виноват, — исполнял советы старших. Самый вечер был с Зоей у Юрия Сергиевского. У него предполагалась компания, но другие изменили, кроме нас пришла одна дама... В среду был на вечеринке моск<овских> преподавателей-словесников в Хлебном пер<еулке>, 15, где обычно по пятницам собирается Пост<оянная> комиссия их.[30] Предполагалось, что вечеринка будет непринужденной и веселой, но в большей своей части она вышла серьезной, как ни напрягал Пав<ел> Никит<ич> все усилия председателя повернуть собрание на веселую дорогу. Какой-то поэт (фамилии*

16.I.1922
понед<ельник>

Опять произошел перерыв в письме. Едва выбрал свободный вечерок. В музее в пятн<ицу> прервали меня, а там пошло одно обстоя-

---

* *Скобка не закрыта. Фраза оборвана.*

тельство цепляться за другое... Продолжаю написанное о вечере преподавателей. Вечер обещал быть веселым и непринужденным, но какой-то поэт вещал, вещал, всех утомил и раздражил. Далее пианист играл какую-то бесконечную симфонию. Приехал Луначарский, прочел свои «сонеты»[31] с большим успехом. Бесспорно талантливый человек. Я наблюдал публику: Пав<ел> Ник<итич> сначала для «интелл<игентского> приличия» сидел с иронич<еской> улыбкой по адресу поэтизирующего наркома, но затем должен был изменить выражение физиономии, убедившись, что аудитория невольно подчинилась искусству, хотя, м<ожет> б<ыть>, скорее искусству декламатора-чтеца, чем поэта... Но, Боря, как мне противно царящее всюду лицемерие: всё высматривают, как другие посмотрят... По отъезде Лун<ачарского> Озаровская декламировала Блока (недурно), а затем «сказывала» нар<одные> сказки и песни (до чего она приторна, слащава, фальшива), иногда противно слушать. Затем выступил я с «докладом» на тему: «Из наблюдений над живым языком словесников (профессоров, преподавателей и литераторов)».[32] Доклад имел большой успех, т. к. пикантность его заключалась в том, что я читал сделанные мною записи (в течение двух лет) ошибок ораторов, наполовину из числа присутствовавших в зале. Сначала называл фамилию провинившегося против литер<атурного> языка, а затем, после паузы (во время которой герой вертелся на стуле, как на горяч<их> углях) читал его ошибку. Досталось и Сакулину, и Е. Е. Соловьевой, и Бродскому, и Луначарскому, и мн<огим>, мн<огим> другим. Много смеялись, но, каж<ется>, никто не обиделся: вперед спросил разрешение собрания называть имена и фамилии. Но создал я себе неск<олько> трудное положение: я знаю теперь, когда буду делать к<акой>-л<ибо> доклад, как будут следить за каждым моим словом. Таков мой нрав: я всегда сам напрашиваюсь на неприятности...

На следующий день — в четверг 12-го — был на заседании в МОНО, потом в засед<ании> Комиссии по нар<одной> словесности у Елеонской на квартире. Присутствовало мало лиц: Гордл<евский>, Елеонск<ая>, я, Шнейдер А. К. («рассказчик») и А. М. Смирнов. Последний делал доклад о словотворчестве в сказке,[33] читанный у тебя в Саратове. Докл<ад> интересный, но, по-моему, приоткрывающий лишь уголок завесы с нар<одно>-поэтич<еского> творчества. Яснее ясного, что нар<одная> поэзия дает богатейший материал для наблюдений над поэтикой и психологией поэтич<еского> мышления (в частности над обусловленностью общих элементов поэтич<еского> языка — звуков, слов, выражений, образов другими: одно слово влечет за собой обычно другое, один звук — другой (ср<авни> твои наблюдения над плавными согл<асными> в эпитетах)). Но вот вопрос: традиция здесь играет роль или элементарная психология и, м<ожет> б<ыть>, физиология: почему шалбы-балбы, шурум-бурум (в татарск<ом> яз<ыке>, каж<ется>, мурум: б в русск<ой> переделке).

На эти вопросы Смирнов А. М. не дает вполне отчетливого ответа. Второй доклад Е. Н. Елеонской (по обычаю крайне бледный и поверхн<остный>): рецензентский отчет о новой нем<ецкой> книжке K. Spiess. Das deutsche Volksmärchen. Verlag von B. G. Teubner in Leipzig und Berlin, 1917. Из серии Aus Natur und Geisterwelt 587 Bändchen.[34] Небольшая книжечка в 124 стр<аницы> размером немн<ого> больше изд<ания> Göschen.[35] Идет речь о нем<ецких>

сказках, почти искл<ючительно> гриммовских.[36] Рассматриваются вопросы содержания и формы сказ<очного>творчества, вопросы о сходстве сюжетов и различии вариантов, о технике сказок, о соврем<енных> отражениях в сказке (приведены 2 случая отраж<ения> мировой войны). Обзор популярный, довольно беглый, но иллюстрир<ованный> примерами из сб<орника> Гримм<ов>. Наск<олько> я сам полистал* книжку и насколько понял из слов Е<лены> Н<иколаевны>, Шпис** совсем не затронул вопросов об *индивид<уальном>* творчестве, о рассказчиках, условий бытования, об эволюции сказочн<ого> творчества на протяжении 19 века, вообще того, что так живо интересует русск<их> фольклористов. Я смотрю, мы в России полнее и разностороннее изучаем, чем немцы. В предисл<овии> автор, правда, подчеркивает, что в Герм<ании> сказки изучались преим<ущественно> с историко-лит<ературной> стороны, подобно чисто лит<ературным> произведениям, и настаивает на более углубленн<ом> изучении сказок на почве историко-бытовой (в связи с ист<орико>-быт<овыми> пережитками, верованиями и т. д.), но насколько во всем этом много нового — не знаю. Меня просили дать к след<ующему> зас<еданию> сумм<арный> отчет о трех аналог<ичных> книжках по сказкам Тим<м>е,[37] ф<он> дер Лейена[38] и <Шписа>. Постараюсь это сделать: оно интересно. Смотрю я, как было бы кстати издание моей книжки: там много свежего (сказка и креп<остное> право, сказка и духовенство, фальсиф<ика-ция> сказок, роль индив<идуального> творчества и т. д.).[39] Но в «Задруге» я узнал на днях, что набор моих сказок исчез, напечат<анные> листы пропали во время конфискации типографии: не знаю, м<ожет> б<ыть>, просто не хотят моего участия. Я буду искать издателя. По-моему, лучше напечатать свою книжку по русск<ой> сказке, чем переводить одну из нем<ецких> книжек. Напиши свое мнение...

Вечером был в своей гимназии; мой класс отличился прекрасной постановкой шарады. До 3 ч<асов> танцевал и болтал с учениками и ученицами. Люблю молодежь.

В пятницу, 13-го утром, в библ<иотеке> писал тебе посл<ание>, а затем меня оторвал Бродский. Мы его пригласили в Ист<орический> музей ученым сотрудником в литер<атурное> отделение.[40] Он энергичный, будет много работать над опубликованием материалов, нужно только будет следить, чтобы издавал через музей, а не только от себя. С 5 ч<асов> веч<ера> до 11 ч<асов> промаялся с ребятами: у них была елка, набраю было до дюжины детей; Игорь вместе с Сергиевскими — девочками, Леночкой (Татя приехала накануне) и Ниночкой инсценировал известный анекдот про русского, приехавшего за границу с кучей мандатов, поразившегося дешевым ценам в ресторане, спросившего себе 20 шт<ук> рябчиков и рассевшегося на площади «спекулировать» ими, в конце концов посаженного в сумасш<едший> дом, причем у его кровати была прибита дощечка с надписью: РСФСР. Играл Игорь оч<ень> интересно, также и Леночка, унаследов<авшая> от отца дар наблюдательности и пародии. Я веселил детвору вовсю: скакал, прыгал, наряжался. Устал до изнеможения. В начале веч<ера> были и взрослые: Зоина родня. Случайно попали в это время и

---

* *В оригинале:* полистовал.

** *В оригинале здесь и ниже*: Списс.

Серг<ей> Ансеров с Таней. Таня привезла приглашение на свадьбу О<льги> А<лександровны> в след<ующее> воск<ресенье> 22-го. Я хочу поехать.

В 11 ч<асов>, когда проводили гостей, мы с Зоей пошли к М. И. Рудомино встречать новый «старый» год. Было 5 молодых дам и девиц, Зоя шестая, а «кавалеров» я да один родствен<ник> Эллы Генриховны. Приехала оч<ень> интересная ее дочь. Время провели довольно весело — хотя я был не в ударе: устал из-за елки. Вернулись домой... в 8 1/2 утра. Угощение было изобильнейшее: девицы поставили, вид<но>, последнюю копейку <...>

Вчера, 15-го, в воскр<есенье> днем опять забегал к нашим, занимал денег у Тати: не хватило на вечер<нее> угощение гостей. В 4 ч<аса> был в заседании Общ<ест>ва люб<ителей> росс<ийской> слов<есности>[41] памяти Короленко. Сакулин говорил, как обычно, торжественно, слегка напыщенно и <...> довольно бледно. Взял один образ и расфасонил: Короленко — поэт света, любил рисовать на фоне тьмы огоньки. Всех призывал ad lucem*. Мендельсон недурно рассказал о жизн<енном> пути Короленко. Львов-Рогачевский сообщил в своей — несколько тягучей — речи нек<оторые> люб<опытные> подробности о похоронах К<ороленко>. Н. Л. Бродский прочел этюд: «Короленко-читатель», о том, как сильно вживался в читаемую худ<ожественную> книгу Короленко, как актуален он был в чтении, как живо творчески реагировал на прочитанное и в детстве, и в зрелом возрасте; сделал, нак<онец>, обзор отзывов Кор<оленко> о разн<ых> писателях. Вышло оригинально и интересно. Читал Н<иколай> Л<еонтьевич> на этот раз достаточно просто.

В последовавшем распор<ядительном> заседании общества избрали поч<етным> членом А. Е. Грузинского — это компенсация за передачу предс<едательского> кресла Павлу Никитичу. Много времени отняло обсуждение вопроса, кому от общества выступить на торж<ественном> зас<едании> пам<яти> Янчука Н. А. Груз<инский> отказался, стали настаивать, чтобы читал я. Я же тоже категорич<ески> отказался: Н<иколаю> А<ндреевичу> я близок не был, капитальных работ по фолькл<ору> и этн<ографии> у него не было, а перечитывать полунаучные и полупоэт<ические> статьи по слав<янским> литературам, украинск<ой> и белор<усской> л<итерату>ре, правда, нет ни интересу, ни, главное, времени. Я настаивал, чтобы читал Сперанский, товарищ со студ<енческих> лет и славист, но тот тоже отказался — не любит торж<ественных> заседаний. О работе в этн<ографическом> отделе[42] будет читать или Гордл<евский> или Богданов... Да, о замещении вакантной после Янчука кафедры русск<ой> этнографии![43] Деканат (Лукин) предложил вопрос о замещении разрешить всеросс<ийским> конкурсом. Т<аким> о<бразом>, моя кандидатура (по-вид<имому>, под влиян<ием> особ<ого> мнения Максимова) не прошла. Мне на конкурс идти нельзя: нет спец<иальных> этнограф<ических>, а не фольклор<истических> трудов. Выставит, по-в<идимому>, кандидатуру Зеленин (но его не пропустят, думаю,

---

* К свету (*лат.*).

судя по настр<оению> этн<олого>-л<ингвистического> отдел<ения>).[44] Максим Сергиевский еще в том засед<ании> выдвигал тебя. Тебе вот надо будет вскоре решать для себя этот вопрос о переезде в Москву. Что касается меня, то и с другой стороны я в скором времени жду щелчка: ходят упорные слухи (мне сказал Кубиц<кий>, затем оба Серг<иевские>) о предстоящем сильном сокращении штатов в у<ниверсите>те; в первую голову на положение бесплатных сторонних преподавателей будут сведены «сверхштатные» профессора (т. е. в том числе и я, и Бродский). Неизвестно, дадут ли начать курс. Говорят, что в отд<ельных> случаях таким бесплатным все же будут поручаться факультетом обяз<ательные> курсы, но это еще не выяснено окончательно. Итак, из Акцентра меня по шапке, на кафедру этнографии только поманили, м<ожет> б<ыть>, совсем вышибут из университета, в Ц<ентральном> гум<анитарно>-пед<агогическом> институте[45] перевели (ввиду сокращ<ения> штатов) из пост<оянных> уч<еных> сотрудников (с 2 000 000) на положение разового консультанта, то же и в МОНО. Вот она, новая эконом<ическая> политика. Не говорю уже о моральн<ом> самочувствии, очень сильно вся эта пертурбация ударила меня с нового года по карману. Остается Ист<орический> муз<ей> — 2 лимона, консерв<атория> — пол-лимона, Пречис<тенские> курсы — триста тысяч; вот и все. Гимн<азия> ничего не дает, а ГИС, по-вид<имому>, закроют. Итак, у меня 3 милл<иона>, да у Зои будет 2; с этим совершенно невозможно прожить. Буду стараться заработать литерат<урным> трудом. Это лучше и в других отношениях: теснее привяжет к научной работе.

Вечером вчера было у меня 3-е праздничное собрание, на этот раз профессорское: Пиксанов с женами[46] (не нравится мне его свояченица...), Бродский, И. Н. Розанов, Петровский, два брата Сергиевских, Юрий с женой, П. С. Воскресенский с женой, мама, Вера Альбертовна, хорошенькая дочка Эллы Генриховны. Угощали мы чаем с печеньем, пирогами и бутербродами. Было, как будто, хорошо все, но веселья особенного не создалось: все же твой Пиксанов сухарь значительный: все как-то вещает, поучает. Да я не могу быть ему особенно рад, когда он закадычный друг Гливенки... Между строк я в разговоре Гливенко здорово насыпал (да и не я один): свояченица так и впилась и глазами и ушами.

Сегодня был в Акцентре, хотел видеть Покровского, но не застал. Меня возмутило, что во всех отделах вывесили списки уволенных за сокращ<ением> шт<атов>, в том числе назв<ана> и моя фамилия. Так не обращаются с квалифиц<ированными> и засл<уженными> работниками. Ни одного слова со мной предварительно. Что Гливенко трусит, видно из того, что он спрятался за местком: объявление вывешено за подписью предместкома, моего бывшего бухгалтера Квасневского. Завтра хочу утром повидать Покровского и ему высказать все начисто. Ко<нечно>, в общем все пустяки и Акцентр, и университ<етская> бестолковщина, все это лишь до новой очередной реорганизации, но раздражения накопилось на душе немало. Ты меня, я думаю, понимаешь. А Зоя, напр<имер>, как следует, по-настоящему, понять, видимо, не хочет, т. к. прицепляется к моим отдельным резким словам. Как не хотят люди понять, что иногда надо человека оставить в покое. Ведь капля по капле, и нервы не в состоянии выдержать. Всё мелочи, всё

пустяки, но когда их целая куча, то, как бы ни любил науку и не видел в ней основную ценность, житейские неудачи больно могут сказаться на самочувствии.

Но я привык за эти годы! Не может идти все ладно, да ладно; без перебоев нет жизни. Сегодня приятность, завтра неудача и обратно. Надо ко всему относиться *легче*. Некоторая броня нужна ежедневно для самого себя, для самосохранения.

Чудно́ все. ГИС, нанр<имер>, закрывают,[47] а новое учреждение Акад<емии> худож<ественной> культуры[48] разбухает; и меня, говорят, на днях предложили в ее члены. Предлагал М. О. Гершензон. Глупость какая-то кругом.

Ах, как иногда бывают противны люди. Все чего-то пыжатся. Сперанский ходит каким-то дурнем, ошалелым, ломит, как медведь, по мостовой, идет мимо, нарочно (ведь я вижу) делает вид, будто его заинтересовала труба на доме. Сакулин не может просто, по-человечески говорить с Луначарским — то напыжится, <а> то так галантно, что готов за него сквозь землю провалиться. «Может быть, Вы удостоите нас чести», «сделайте нам удовольствие...». Даже в этот раз не понравилось, что Д. Н. Ушаков сел нарочно в студенческой компании подальше от президиума.

Твой Пиксафон чрезвычайно *<нрзб. 1 слово>* влюблен. Гливенко настоящий мерзавец, *<нрзб. 2 слова>* Пусть *<нрзб. 2 слова>*, ты его знаешь. Мама что-то все боится, поучает. Ирина какой-то тон взяла безобразный, будто *<нрзб. 2 слова>*. Таню я совсем не могу понять. Про Зою говорить не буду. Только дети <меня> искренно радуют. Мерзопакостное настроение, и переломить сегодня я себя не могу. С трудом удержался, чтобы невольно в кабинет<е> Гливенки <не> надавать ему по физиономии. А что ему руки не буду подавать, так это факт.

Ты ждешь отчетов об юбилее Ушакова и В<алериана> А<лександровича>, о честв<овании> Данте, Достоевск<ого>, Некрасова. Не могу сейчас писать, не в том настроении.

Сегодня читал лекцию на курсах по подготовке акад<емических> библиотекарей.[49] Хотя и хвалили, а я был не в ударе. На душе как-то скверно. И знаю, что глупо ругаться, да хочется отвести душу. Чувствую, что нескладно, безграмотно пишу. Да, наплевать.

Ты, небось, мое письмо будешь читать кое-как, через пять строчек в шестую. Но ты меня просил подроб<ного> письма. А я не виноват, что настроение у меня корявое.

Вере привет и Левочку целую. Твой Юри<й>.

Завтра буду продолжать, а сейчас иду спать. Влюбиться что ли в кого, да так, всем существом.

Вздорный я сам что ли? С каким количеством людей я переругался или поссорился. Сперанский — Кузьминский — Щекотов — Некрасов А. И. — Гливенко — Мельгунов — Елена Корш. Хотя все люди сами цапастые. Но с нек<оторыми> из перечисл<енных> уже давно поссорился. Главное — не задевай меня. Я задиристый, без сдачи не отпущу. Ведь так. А лучше что ли быть подлипалой, тихобздунчиком? А, по-моему, коль рубить, так уж с плеча. Коль ругнуть, так сгоряча. Я знаю, наподдам я завтра жару в Акцентре и легче станет... А кто

их знает, м<ожет> б<ыть>, мне снова накладут по шее. Посмотрим, кто кому.

17.I.1922

Утром был у Покровского. Он, как я и предполагал, ничего о моем увольнении не знал. «Это значит — Иван Иванович, по-видимому, из необходимости сократить штаты». Когда я указал, что моя должность не уничтожена, а объявлена вакантной, то Покр<овский> высказал предположение, что вследствие общего сокращения штатов Главнаука,[50] по-вид<имому>, озабочена тем, чтобы в числе сотрудников состояли лишь лица, целиком отдающие служебное время ей, а не совместители. Я подчеркнул, что меня задевает не самый факт оставления мною службы, а оскорбительная форма увольнения: без предупреждения, без предвар<ительных> переговоров со мною и лживая ссылка на сокращ<ение> шта<то>в. Что здесь по отношению ко мне и Виноградову имела место личная неприязнь Гливенки, явствует из той фразы, кот<орую> обронил И<ван> И<ванович> при мне в разговоре с Бернштейном: «сокращение штатов — какой удобный предлог освободиться от нежелат<ельного> человека». Покр<овский> заявил, что если уволен и Виноградов, то во всей истории и речи не может быть о к<аких>-л<ибо> «оскорбительных» мотивах (так, значит, высоко Покр<овский> ценит Виноградова, что не допускает мысли, чтобы кто-нибудь мог его тронуть. А я-то ведь знаю, как Гливенко ненавидит Виноградова, и знаю, за что он ему мстит). Я сказал, что мне, проработ<авшему> в Акцентре с его возникновения, с 1918 г., на ответств<енной> должности, можно было ожидать более уважительного отношения. Покровск<ий> сказал, что обо всем подробно узнает от Гливенки и выяснит всю историю. Вот И<ван> И<ванович> наговорит на меня, только держись! Но я думаю, что с возвращением Виноградова и Гливенке и Бернштейну нагорит. Если со мною Покр<овский> был оч<ень> любезен, то, — как я уже оч<ень> давно наблюдал, — он все же не симпатизирует мне, не считает «своим». От своего разговора я не ждал больших результатов, однако важно и то, что высказал напрямки. Так, совсем бесследно мой разговор не пройдет, без ответа я выходку Глив<енк>и и Берн<штейна> не мог оставить...

Днем зашел навестить сильно заболевшую дочь Эллы Генриховны. Темп<ература> больше 40°. Очень боюсь, что тиф. Да и меня томит предчувствие тифозного заболевания. Недели полторы тому назад я нашел на себе насекомое, уже напившееся моей кровью.

Тоска на сердце. Знаю, что все пустяки. Да томит нрав нервозного человека. Были бы рестораны с открытыми сценами — непременно бы пошел.

Какая-то тревога на душе и неудовлетворенность. Мало продуктивен в научной работе. Неусидчив. Разбрасываюсь. Разучился сосредоточиваться.

Вышли новые книги: 1) *«Начала»*,[51] № 1 (в кн<ижных> магаз<инах> быстро исчез, не успел для тебя купить), 2) *Анны Ахматовой* «У самого моря»[52] (я не прислал тебе?), 3) *Бехтерев*. Огромная книга «Коллективная рефлексология»[53] (для нас, фольклористов, разрешающих проблемы индив<идуального> и колл<ективного> творчества, очень важная вещь), 4) *Шпет*. «Миросозерцание Герцена»,[54]

5) *«Закат Европы»*. Сб<орник> статей Степуна, Бердяева и др. о Шпенглере.[55] Присылать? Напиши скорее.

Мои дети и Зоя — сейчас на елке у нашей мамы. Я продрог сегодня из-за страшной метели и не пошел. Лягу сейчас в постель и буду читать нем<ецкую> книжку о сказках.

Твой брат Юрий Соколов.

Целую Веру и Леву.

Надоело мне многое. Хочется чего-то острого.

Ты опять работаешь в Губпомголе?[56]

25.I.1922. Татьянин день.

С Татьяной поздравляю тебя, а также с именинницей.[57] Пишу тебе, лежа в постели: вчера слег, вернувшись из поездки в Петровск на свадьбу Ольги Алек<сандровны>. Я знал, что не следует ехать, что заболею, при теперешних условиях езда по ж. д. даром не проходит, но таково было настроение, что во что бы то ни стало нужно было вырваться из Москвы. Праздники закончил так же шумно, как и начал. В четв<ерг> в Крещение с Зоей был у Дитмаров — в перв<ый> раз за три с лишн<им> года знакомства. Жена Дитмара — противница больших собраний. Были Другановы, Ул<ья>нинский и <...> Рудомино. Хозяева были оч<ень> радушны и выставили обильное угощение с выпивкой. Развеселились изрядно. На след<ующий> день днем решил ехать в Петровск. На вокзале встретил Таню и Марью Александровну. Из Москвы выехали часов в <11>, а утром на след<ующий> день были уже в Петровске. Ты представить себе не можешь, что за радость три дня провести в деревне, в поле, в лесу, когда снег искрится и играет на ярком солнце. Бегал на лыжах, гулял по разн<ым> направлениям. Самая свадьба была довольно веселой, хотя я на этот раз не был в особенном ударе и речи мои были бледнее, и не так возбуждал общее веселье, как, напр<имер>, на юбилее В<алериана> А<лександровича>. С одной <стороны>, устал за праздники и расстроен был моск<овскими> неудачами, с другой, — брак О<льги> А<лександровны> мне не по душе <...> На свадьбе приезжих было немало, 3 бр<ата>, оч<ень> много сослуживцев О<льги> А<лександровны> и ее мужа Ив<ана> Ник<олаевича> Хруцкого по аэроскладу <...>

Таня оч<ень> довольна своею судьбою и оч<ень> спелась с Ансеровыми, так что я думаю — они ее совсем без остатка поглотят. Сегодня благословение Тани в Москве, почти все Строкины приехали. Посаж<енной> мат<ерью> будет мама. Никого не приглашают из родных и знакомых <...> Сейчас я лежу в постели. Видимо, здорово простудился, но, с другой стороны, не могу отогнать мысли о возможности тифа: сегодня 14-й, знаю, день, как я нашел на себе насекомое. Скорее же всего просто простуда.

Вчера утром поспел на заседание этн<олого>-лингв<истического> отделения. Лекции большинства проф<ессоров> не могут начаться за отсутствием помещения. Курсы Полторацкой[58] не отделаны. «Лингв<истическая>» аудитория в старом здании у<ниверсите>та лишена мебели. А между тем Сакулин, кончая перед Рожд<еством> свой курс на 1 сем<естр>, заявил, что его должен сменить Соколов по нар<одной> слов<есности>. Это обстоятельство — я для первокурсников сменяю Сакулина — меня беспокоит: нужно приложить больше стараний, чтобы курс был удачен. Сверхшт<атные> профессора, выяс-

нилось, — будут получать жалование, но небольшое. Ах, Боря, какая кругом царит глупость, неразбериха, какое ужасное обнищание. И вместе с тем будущее, даже ближайшее, покрыто мраком неизвестности. Все изолгались и изверились.

Политновостей никаких нет, кроме того, что печатается в газетах. Дома у меня простудилась Нина, Зоя все чувствует себя слабой. Дочь Эллы Генриховны <*нрзб. 1 слово*> заболела сыпн<ым> тифом, и Зоя выхлопотала ей койку в больнице. Вчера ездила навещать. Боюсь за нее. Вчера Таня справляла свое рожд<ение> и именины вм<есто> сегодня, т. к. мама сегодня идет к Строкиным. Было вчера 35 человек молодежи, гл<авным> о<бразом>, жители дома № 17.[59] Ира говорит, что было оч<ень> шумно и весело. Я из-за болезни не пошел. Ну, пока, до свидания. Твой Юра.

27/14 I.1922

Вот уже три с лишним дня пролежал в постели. Не знаю, что со мной. Температура какая-то странная: то 36,5, то 38,1 или даже 38,8. Все тело ломит. М<ожет> б<ыть>, просто инфлуэнца, м<ожет> б<ыть>, что-ниб<удь> тифообразное. За эти дни меня то и дело кто-ниб<удь> навещал: два раза был Петровский, три раза Д. Н. Ушаков, один раз Ив. Н. Розанов, А. И. Калишевский, Ю. В. Сергиевский, Тамара Строкина, М. И. Рудомино, П. И. Лерх из Твери, Г. И. Иванов, д<окто>р Социалист<ической> академии[60] и многие другие. Кто проведать больного, а кто вместе с тем по делу. Хоть я и рад посетителям, но иногда утомляюсь. В промежутки читаю <Шписа>. Завтра кончу. Выводы те же, что и раньше, у меня составились: немцы нас ни в чем не упредили, даже, наоб<орот>, некоторые вопросы нами, русск<ими>, освещены полнее. Сегодня предполагалась у нас в доме по случаю Ниночк<иных> именин вечеринка, но из-за моей болезни перенесли на понедельник: будут наши и Строкины. Сережу с Таней благословили в <*нрзб. 1 слово*> день. Я лежал, но мама, Ира и Таня ходили. Мама благословляла за крестную Тани, если бы был ты, то благословлял бы за крестного Сережи. Вот тебе какой почет. Ансеровы в полном довольствии.

28.I. Суб<бота>.

Все лежу. В<алериан> А<лександрович> не заходил вчера. Не знаю, что со мною. Сегодня вечеринка у Васи: справляет вчерашний день рождения. Сегодня же на вечер звали Ушаковы. Но я болен. Никуда не пойду.

Чего не едет Юшков? Я дожидаюсь его, чтобы с ним отправить это послание.

В пятницу 20 была свадьба П. Н. Каптерева и дочери Шамбинаго. «Слюбились» у Троицы Серг<иева>.[61] Свадьба была вечером в Рум<янцевском> музее. Чай с угощением в доме Шамбинаго. Народу было много, но речей не произносили. Кого приглашали, кого нет — оч<ень> трудно определить, чем руководились. Петровский был, а Сергиевские и я приглашены не были. В Татьянин день в этом году *офиц<иально>* не было занятий в у<ниверсите>те. Группы профессо-

ров справл<яли> Татьяну.[62] Человек 50 было в ресторане «Риш», затем у зоологов, химиков и ботаников, одним словом, у тех, кто имеет спирт <...> Оба брата Сергиевских всю ночь колобродили, напились сильно, как вчера мне повествовал Юр<ий> Вл<адимирович>. Ниночка требует, чтобы непременно от нее поклон я написал Левочке. Она оч<ень> жалеет, что сейчас его нет в Москве. Игорь, Лена, Нина ставят спектакли своего изобретения.

1.II. Среда
1922

Боря!

Ждал, ждал С. В. Юшкова из Петрограда с тем, чтобы отправить тебе свое послание. А С<ерафим> В<ладимирович>, оказывается, давно в Саратове. Сегодня С. Н. Чернов привез от тебя гневное письмо. Но ты видишь — ты несправедлив. Целых три недели пишу тебе чуть ли не каждый день. Сколько дней будешь читать, не знаю. Лежал, лежал я — мне надоело. В суб<боту> 28-го веч<ером> взял да и поехал к Васе. Там все были свои, посидели до 1 часу ночи.

В воскрес<енье> был на зас<едании> Тур<геневской> комиссии Об<щест>ва л<юбителей> р<оссийской> слов<есности>.[63] Читал доклад Л. П. Гроссман. «Композиция „Записок охотника“». Как всегда, его доклад был интересен, но на этот раз не оч<ень> убедителен. Он слишком заострил «формальный» подход: «крепостное право было для Тург<енева> умно продуманным композиц<ионным> приемом», этот де «прием» придал динамичность очеркам, состоящим гл<авным> о<бразом> из портретов и пейзажных картин. В прениях прин<яли> участие Сакулин, Бродский и Роз<алия> Осип<овна> Шор (лингвистка). Сакулин упрекнул в излишнем «формализме», Шор, наоб<орот>, что Гроссману не удалось в достат<очной> мере отделаться от «психологизма», недостаточно «лингвистично» проведен анализ. Одним словом, в Москве спор о форм<альной> поэтике продолжается. Читал ли ты статью Жирмунского в «Началах»?[64] Оч<ень> интересная. С Черновым, на всякий случай, пришлю экз<емпляр> «Начал». Если у тебя уже есть, ты кому-ниб<удь> прод<ашь>. <За время> засед<ания> в воскр<есенье> избрали П. Н. Сакулина почетн<ым> членом о<бщест>ва. Я тебе, каж<ется>, писал, что это не особенно складно, т. к. незадолго перед этим избрали поч<етным> членом Грузинского, отказавшегося от председательствования в пользу Сакулина, а тут позолоту с пилюли и сняли. Это все неумеренный Бродский: все хотел устроить юбилей Сакулину, но если устраивать, то как следует, а вышло ни то ни се. Я предупреждал. После засед<ания> я был с Гроссманами <у> Гудзия. Весело поболтали. Сегодня утром должен был быть на зас<едании> в Госиздате[65] спецов по ист<ории> лит<ературы> и языку: Сакул<ин>, Брод<ский>, Ушаков, я. Но из-за обострившейся болезни не пошел. (Доктор вчера категорически запретил выходить из дому: дать возможность пройти бронхиту.) Думаю, что через Госиздат твои работы проведу. По всем вопросам, кот<орые> ты ставишь, я на днях справки наведу. Много и хорошо ты работаешь. Я тоже должен приналечь. Сколько планов!

Теперь задумываем в И<сторическом> м<узее> издание материалов по Дост<оевскому>.[66] В понед<ельник> будем вскрывать новые бумаги, оставш<иеся> после смерти Анны Григорьевны.[67] Бродский и Ушаков теперь у нас уч<еные> сотр<удники> в библ<иотеке> музея. Скоро надеемся открыть чит<альный> зал. В унив<ерситете> вчера было зас<едание> эт<нолого>-л<ингвистического> отдел<ения>. Мы (целая комиссия: Максимов, Гордл<евский>, я и Ушак<ов>) провалили кандидатуру Налимова на каф<едру> угро-фин<ской> этнографии.[68] Ну куда его, <косно>язычного?

В суб<боту> сгорело все добро В. Н. Харузиной: вся б<иблиоте>ка, материалы, рукописи ее соч<инений> и лекций. Сама она обгорела, но жива. Погибло все. Из-за печурки. Очень, очень жаль В<еру> Н<иколаевну>.

Как не везет этнографии. Ну, до свидания. В голодные местн<ости> не езди.

На днях пришлю подробности.

Твой Юр<ий> Сок<олов>

<...> В понедельник у меня была вечеринка <...> Дети мои и Сергиевские играли спектакль. Было довольно весело.

1.II.1922 продол<жение>

В у<ниверсите>те сегодня экстренное собрание профессоров всех факультетов (по инициативе физ<ико>-мат<ематического> фак<ультета>) по вопросу о материальном положении профессуры. Настроение забастовочное. Деньги не выплачивались за неск<олько> месяцев, паек за н<оябрь>—дек<абрь> выдан был не весь. Но, думается, все кончится благополучно, т. к. с понедельника стали и паек выдавать (недоданное за ноябрь—дек<абрь> и даже за январь все), а также все жал<ованье> до 1 янв<аря>. Откуда-то сразу и деньги нашлись и паек. — Но в общем все как-то тяжело и пакостно. На душе какая-то горечь. Чувствуешь себя каким-то оплеванным.

Не умеем жить и настаивать на своем, не умеем быть твердыми и последовательными. Многого хочешь, но вязнешь в мелочах. Начинается философия. Поэтому кончаю. Из-за чего вы «ругались» с С. Н.,[69] кот<орый> мне об этом мельком неск<олько> раз помянул? Он сегодня опять зайдет и это послание перешлет с кем-то из Сарат<овского> университета.

Твой Ю. С. <...>

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 1—11)

[1] Очевидно, описка. Сочельник отмечается 6 января.

[2] См. примеч. 6 к п. 5.

[3] Ю. М. Соколов в конце 1921 г. переселился с семьей в квартиру, расположенную в здании Исторического музея. Б. М. Соколов в Саратове жил в здании, в котором находился возглавляемый им этнографический музей.

[4] См. примеч. 10 к п. 1.

[5] Лимон — общераспространенное в период инфляции начала 1920-х гг. шутливое название миллиона.

[6] См. примеч. 9 к п. 5.

[7] Казанский собор на Красной площади построен около 1625—1630 гг. на пожертвования кн. Д. М. Пожарского. Освящен в 1636 г. (после пожара и восстановления). Снесен до основания в 1936 г., восстановлен в 1993 г.

[8] Конференция преподавателей-словесников, на которой выступил с докладом «Приемы изучения народной словесности в школе 2 ступени» (опубликован: Родной язык в школе: Педагогический сб. М.:ГИЗ, 1923. Кн. 1. С. 81—87) Ю. М. Соколов и исполнялись песни, записанные во время экспедиции слушателями Тверского ИНО, состоялась 20 апреля 1921 г. в Москве (см.: Информ. бюлл. МОНО. 1921. № 14. С. 6—8).

[9] См. письмо Ю. М. Соколова от 8—9 октября 1921 г. (№ 1), а также примеч. 17—19 к нему.

[10] Журнал, издававшийся в Петрограде с 1918 по 1924 г.

[11] См.: Педагогическая мысль. Пг., 1921. № 9—12. С. 95.

[12] См. письмо от 21 декабря 1921 г. (№ 6) и примеч. 3 к нему.

[13] См. примеч. 22 к п. 1.

[14] Имеются в виду ученики бывшей гимназии М. Г. Брюхоненко. См. анкетные данные Ю. М. Соколова во вступительной статье к публикации.

[15] См. анкетные данные Ю. М. Соколова во вступительной статье к публикации.

[16] О комиссии по народной словесности см. примеч. 8 к п. 1. Товарищем председателя Комиссии Ю. М. Соколов был избран 16 июля 1921 г.

[17] См. примеч. 20 к п. 5.

[18] См. примеч. 32 к п. 1.

[19] См. примеч. 9 к п. 7.

[20] Центральный полицейский покой для душевнобольных был основан А. Н. Бернштейном в 1899 г.

[21] Акцентр был создан в феврале 1921 г. Ю. М. Соколов имеет в виду свою и А. К. Виноградова работу в Наркомпросе РСФСР в области библиотечного дела. 1 сентября 1918 г. Ю. М. Соколов был назначен зам. зав. (В. Я. Брюсова) Московского библиотечного отделения (позднее преобразовано в Отдел научных библиотек) Наркомпроса. См.: История библиотечного дела: Документы и материалы. 1918—1920. М.: Книга, 1975. С. 41).

[22] См. примеч. 20 к п. 1.

[23] Имеется в виду Постановление СНК РСФСР о Государственном Румянцевском музее от 12 декабря 1921 г., основанием для которого послужило письмо в Совнарком из Наркомпроса за подписью М. Н. Покровского с предложениями о реорганизации музея, причислении его библиотеки «к учреждениям первостепенной государственной важности» и др. См.: История Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 100 лет. 1862—1962. М.: Изд. б-ки, 1962. С. 77, 81.

[24] См. примеч. 27 к п. 1.

[25] Возглавляемая Ю. Лариным (М. З. Лурье) комиссия ВЦИК по пересмотру учреждений РСФСР, основной целью которой было сокращение количества работников системы Наркомпроса. Работала в конце 1921—нач. 1922 г.

[26] О деятельности Ю. М. Соколова в области библиотечного дела см.: История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. 1918—1920; М.: Книга, 1975; История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. 1920—1929. М.: Книга, 1979; Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы советской власти. 1917—1920. М., 1974.

[27] Донской университет — ныне Ростовский-на Дону государственный университет. Свою историю начал от русского Варшавского университета, основанного в 1869 г. и в 1915 г. эвакуированного в Ростов-на-Дону.

[28] См. примеч. 7 к п. 5.

[29] Имеется в виду Высший литературно-художественный институт (позднее ВЛХИ им. В. Я. Брюсова), основанный В. Я. Брюсовым в 1921 г. Просуществовал по 1925 г.

[30] Постоянная комиссия преподавателей русского языка была создана 9 декабря 1922 г. по инициативе словесников Центрального гуманитарно-педагогического института (см. примеч. 16 к п. 1) «в целях объединения всех словесников г. Москвы на почве научно- и учебно-педагогической работы» (см.: Родной язык в школе: Педагогический сб. М., 1923. Кн. 1 (2). С. 146). В состав президиума Комиссии вошли П. Н. Сакулин, Д. Н. Ушаков, Ю. М. Соколов, М. А. Рыбникова и др. Ю. М. Соколов был также одним из членов-учредителей Комиссии и ее секретарем (см.: Вестн. просвящения, 1922. № 3—5. С. 37—38).

[31] О каких стихотворных опытах А. В. Луначарского идет речь, неясно. Луначарский, не считая себя профессиональным поэтом, редко отдавал свои стихи в печать; мало публиковались они и после его смерти. См.: Трифонов Н. А. О Луначарском-поэте//РЛ. 1975. № 4. С. 137—144.

[32] Ю. М. Соколов много лет систематически собирал речевые «ляпы» и время от времени делал сообщения на эту тему. См.: Записки о курьезах речи (гимназической, студенческой), собранные за 1915—1931 гг.//РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 252. Особенно он любил читать их тем лицам, чьи оговорки записывал. Ни одна из его работ по этому вопросу опубликована не была.

[33] Доклад лег в основу статьи А. М. Смирнова «Творчество слова в народной сказке». См.: Художественный фольклор. 1927. № 2—3. С. 71—79.

[34] Шпис К. Немецкая народная сказка. Издание В. Г. Тойбнера в Лейпциге и Берлине, 1917. Из серии «О природе и духовном мире». № 587.

[35] О каком из авторов по фамилии Гёшен и о какой книге идет речь, неясно.

[36] Имеется в виду сборник народных немецких сказок, изданный братьями Гримм, Якобом и Вильгельмом, приобретший всемирную известность Kinder- und Hausmärchen. 1812—1814. Bd 1—2.

[37] Скорее всего, имеется в виду книга: Das Märchen von Adolf Thimme. Leipzig: W. Heims, 1909. (Handbücher zur Volkskunde. Bd 2).

[38] Речь идет об одном из двух изданий книги Фридриха фон дер Лейена «Немецкая сказка»: Das deutsche Märchen. Von Friedrich von der Leyen. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1917; Das Märchen. Ein Versuch von Friedrich von der Leyen. 2-te verm. Aufl. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1917. (Wissenschaft und Bildung. Einzeldarstellungen aus allen Gebieten des Wissens. 97).

[39] Книга издана не была.

[40] Н. Л. Бродский был зачислен научным сотрудником в отдел научной библиографии библиотеки Исторического музея.

[41] См. примеч. 13 к п. 5.

[42] Имеется в виду работа Н. А. Янчука в этнографическом отделе ОЛЕАиЭ.

[43] См. примеч. 5 к п. 6.

[44] См. примеч. 31 к п. 1.

[45] См. примеч. 16 к п. 1.

[46] Ю. М. Соколов иронизирует по поводу того, что Н. К. Пиксанов являлся на праздничные вечеринки с женой и свояченицей.

[47] ГИС был закрыт позднее. Упомянутый выше (см. примеч. 29 к наст. письму) Высший литературно-художественный институт был создан в результате «слияния Дворца искусств студии ЛИТО и части ораторского отделения ГИСа» (Родной язык в школе: Педагогический сб. М., 1923. Кн. 2 (3). С. 141).

[48] Имеется в виду Российская (с 1925 г. — Государственная) Академия художественных наук (РАХН). Учреждена 7 октября 1921 г. в Москве. Состояла в ведении художественного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1930 г. преобразована в Государственную Академию искусствознания.

[49] Курсы по подготовке библиотекарей для академических библиотек были открыты в декабре 1918 г. при Народном университете им. Шанявского. Преподавание на курсах вели профессора и преподаватели Московского университета и видные библиотековеды (помимо Ю. М. Соколова М. Н. Сперанский, Ю. В. Готье, И. И. Гливенко, А. К. Виноградов, А. И. Калишевский и др.). В 1922 г. занятия слушателей курсов проходили в библиотеке Московского университета. См.: История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. 1918—1920. М.: Книга, 1975. С. 260; Печать и революция. 1922. № 1. С. 330.

[50] Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса РСФСР. Предшественником Главнауки, образованной в январе 1922 г., было Управление научными учреждениями (создано в феврале 1921 г.). Из писем Ю. М. Соколова достаточно ясно, что Главнаука во многом дублировала функции Акцентра, находясь в подчиненном по отношению к нему положении (хотя по замыслу Акцентр осуществлял преимущественно теоретическое и методическое руководство научными и художественными учреждениями РСФСР). Зав. Главнаукой с 1922 по 1923 г. был И. И. Гливенко (в 1921 г. он же возглавлял Управление научных учреждений). В 1930 г. в связи с реорганизацией Наркомпроса Главнаука была преобразована в сектор науки.

[51] См. примеч. 35 к п. 6.

[52] Ахматова А. А. У самого моря. Поэма. Пб.: Алконост, 1921.

[53] Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.

[54] Шпет Г. Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг.: Колос, 1921.

[55] Освальд Шпенглер и Закат Европы. Н. А. Бердяев, Л. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. М.: Берег, 1922.

[56] См. примеч. 3 к п. 2.

[57] Под именинницей подразумевается, очевидно, Татьяна Матвеевна Соколова, сестра Б. М. и Ю. М.

[58] Высшие женские курсы В. А. Полторацкой учреждены в 1907 г. Вскоре после революции закрыты, как и все частные учебные заведения. Помещение курсов (Никитская, 23) в 1922 г. было передано этнолого-лингвистическому отделению ФОН Московского университета. См.: Отчет Моск. гос. ун-та за 1922 г. М., 1923. С. 94.

[59] В доме № 17 на Якиманке жили близкие родственники Б. М. и Ю. М. Соколовых: мать, сестры (Ирина Матвеевна и Татьяна Матвеевна), брат (Василий Матвеевич). До отъезда в Саратов здесь жил и Б. М. Соколов с семьей.

[60] Высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам. Основана в Москве в 1918 г. С 1924 г. называлась Коммунистической академией. В 1936 г. ликвидирована, входившие в ее состав институты и учреждения переданы в ведение АН СССР.

[61] Троице-Сергиева лавра — крупнейший русский монастырь, расположенный в 71 км к северу от Москвы в современном Сергиевом Посаде. Основан в сер. XIV в. Сергием Радонежским.

[62] День святой великомученицы Татьяны (12 января) ежегодно отмечался студенчеством и профессурой Московского университета, так как университетская церковь носила имя этой святой (в память о 12 января 1755 г., когда императрица Елизавета подписала указ об учреждении университета).

[63] Тургеневская комиссия ОЛРС была создана в 1918 г. к юбилею И. С. Тургенева. Юбилейный комитет высказал пожелание, чтобы она продолжала свою работу по окончании юбилейных торжеств, в связи с чем в ноябре 1919 г. была сформирована постоянная Тургеневская комиссия ОЛРС, председателем которой стал П. Н. Сакулин, а секретарем Н Л. Бродский (см.: Тургенев и его время: Сб. М.; Пг., 1923. С. 1).

[64] Статья В. М. Жирмунского «Задачи поэтики» опубликована в № 1 журнала «Начала» за 1921 г. (С. 51—81).

[65] Государственное издательство РСФСР. Образовано по постановлению ВЦИК в мае 1919 г. путем слияния нескольких издательств. С 1921 г. выполняло функции главного управления по делам печати. В 1930 г. на базе Госиздата создано Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ).

[66] Об издании материалов архива Ф. М. Достоевского см. п. 10 и примеч. 32, 33, 46 к нему.

[67] О заседании ученого совета музея, на котором были вскрыты поступившие в музей ящик и чемодан с материалами архива Ф. М. Достоевского, см. п. 10.

[68] Точнее, упомянутая комиссия отклонила заявку В. П. Налимова на курс лекций по угро-финской этнографии (см. протоколы заседаний этнолого-лингвистического отделения 1-го МГУ № 16—18 за янв.—февр. 1921 г. Архив МГУ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 18, л. 2—9). Кафедры угро-финской этнографии в университете в то время не было.

[69] Вероятно, речь идет о С. Н. Чернове.

№ 10

<26 февраля 1922 г., Москва>

1922.26.II
Прощ<еное> воскре<сенье>

Дорогой Боря!

Сейчас получил от А. Д. Скалдина твои письма. Т<аким> о<бразом>, я снова вполне ориентирован в твоей жизни и работе. Скалдин, хотя приехал еще в понед<ельник>, но смог попасть ко мне только сегодня, т. к. каждый день с утра до ночи проводил время на съезде представителей Губотнаробов.[1] В области просвещения тот же крах, что и везде. Не на что содержать школы и др. просв<етительные> учреждения, и выхода никто не может указать. У Наркомпроса нет определенной и точной системы. Хотя, как ты знаешь, я очень высоко ставлю талантливость (ораторскую, писательскую) Луначарского, и все же не ему руководить ведомством, здесь нужен другой человек.

Про съезд по культ<урному> возрожд<ению> России, про который ты пишешь,[2] я узнал только из твоего письма. Оч<ень> любопытно. При Скалдине зашел ко мне и С. Н. Чернов. Университетское ваше дело как будто улучшается, хотя вчера на совещании при Главпрофобре[3] до оконч<ательного> решения еще не договорились. Чернов и

Голубев надеются на хороший исход. Вл<адимир> Вас<ильевич> еще у меня не был, но, как мне передавал С<ергей> Н<иколаевич>, он хотел ко мне зайти как-нибудь. Кстати о саратовских делах — передай С. В. Юшкову мою настойчивую просьбу немедленно ликвидировать вопрос о библиотеке <Липеровских> для <ИНО>. Опись должна быть в Институте. Без нее <нельзя> принять библиотеку. И кто будет принимать? Необходимо командировать двух студентов, чтобы они по описи приняли книги, уложили и отправили. Ведь получается сплошное безобразие. Два года библиотеку не могут вывезти.[4]

Журнал «Культура»[5] я видел. Конечно, это лучший из провинц<иальных> (да и столич<ных>) профсоюзных журналов. Тон хороший да интересная информация о научн<ой> и худ<ожественной> жизни. Но с внешности вызывает возражения: следовало бы обложку, да поизящнее: тогда и цену можно заламывать, а при такой внешности (напоминающей бесчисленные теперь еженедельники отнаробов,[6] разл<ичных> профсоюзов), боюсь, журнал на книжных витринах не привлечет внимания. Не знаю, с каким магаз<ином> войду в соглашение, м<ожет> б<ыть>, с неск<олькими>. «Задруга»[7] — самый невыгодный. Мельгунов — кулак, как ты правильно его называешь, несмотря на всю его «обществ<енную> принципиальность» и, как он любит говорить, — «обществ<енную> честность». О ходе дела тебе напишу. Что касается твоих статей, то «Пушк<ин> и Мар<ия> Раев<ская>»[8] печатается. Мне рассказывал М. А. Цявловский, что Мельгунов хотел значительно ее сократить, Цявловский же, с трудом, но отстоял ее полную неприкосновенность. Надо будет спросить, будут ли посылать тебе корректуры, по-вид<имому>, нет.

На днях я был в прав<лении> «Задруги». Говорил по вопросу об изд<ании> соч<инений> Достоевского (об этом подробнее ниже) и о своих «Сказках».[9] Мельг<унов> сказал, что, если я доставлю рукопись полностью, чтобы ни строки не изменять в тексте и ни страницы не брать на дом, то вопрос об издании книги будет в правл<ении> обсужден заново. (Старый набор рассыпали.)

Я только жалею, что не заявил протеста против помещения в список намеченных к изданию «Задругой» книг наших «Сказок и песен Белоз<ерского> края».[10] Насколько я помню, мы с тобой с предлож<ением> о переиздании сборн<ика> в «Задругу» не входили. А между тем, боюсь, как бы не вышло с «Задр<угой>» осложнений. «Задруга» много не заплатит или будет тянуть выплату. Я же на днях беседовал с Ник<олаем> Калл<иниковичем> Гудзием, завед<ующим> отделом истории и литерат<уры> в Госиздате,[11] о перепечатании сборника там. Условия таковы: издание продается на 5 лет, за печ<атный> лист (40 000 б. б.)[12] — 15 р<ублей> золотом, выплата в момент подписания договора — 90% всего гонорара, т<аким> о<бразом>, если в марте рубль будет стоить 225 000 р<ублей>, то при 50 л. л. наш сборник (в действ<ительности>, больше, т. к. у нас лист чуть ли не 60 000 б. б.) гонорар будет равняться не менее 750 зол<отых> руб<лей>, т. е. 225 000 750<=>168 750 000, 90% — 151 975 000, т. е. на брата не менее 75 милл<ионов> единовременно.

Гудзий может провести дело быстро.

Пиши мне свое согласие. Я думаю, что при наст<оящих> условиях получить такую сумму денег — это выправить свое матер<иальное>

положение. Я и семья если питаемся хорошо, то совершенно износились. Выдача же одежи по акад<емическому> пайку[13] почему-то отложена, и, м<ожет> б<ыть>, навсегда.

Продал я недавно 5 л. л. ненаписанных статей для сборника по рассказыванию «Живой язык в школе». Вз<ял> темы: народ<ные> рассказчики, «техника сказки», обзор теорий о «сказке».[14] Срок — 1 <и>юня. Получил авансу 3 750 000 — и на следующий день их проиграл. (Вот черт<ы>хнешься ты!)

Два издательства сразу предложили мне напечатать статью «Из наблюдений над живой речью соврем<енной> интеллигенции»[15] (я второй раз читал ее на Никит<инских> субб<отниках> и вызвал много толков, как не преминул отметить твой излюбленный Пиксанов, — «сделали себе на этом карьеру»). Умный человек, точный ученый, но и карьерист же. Только с теми и водится, кто связан со «сферами» (Гливенко, Сакулин, Коган, Фриче).

Одно издательство предложило принять участие в составлении словаря литер<атурных> терминов.[16] Я еще колеблюсь.

Очень неловко чувствую себя по отношению к «Началу» петербургскому. Ведь до сих пор моск<овской> науч<ной> хроники не написал.[17]

Скандал, прямо. Правда, я поосвободился от ряда дел: освобождению от Ак<адемического> центра[18] (как я тебе писал) в глубине души оч<ень> рад, т. к. утро все отдано музею, от секретарства в О<бщест>ве ист<ории> лит<ературы>[19] отказался (ведь 24 засед<ания> за 1921 г., чуть ли не 35 докладов). Где тут найти время для споров и протоколов.

В консерв<атории> из-за холода занятия так с Рожд<ества> и не возобновлялись. В ГИСе[20] на одном факульт<ете> (рассказ) свой курс (семестровый) закончил. Читаю только на лит<ературном> факультете общ<ий> к<урс> и нар<одной> сл<овесности>. Теперь не ГИС, а ИС — частн<ое> уч<ебное> зав<едение>, содержащееся на взносы студентов. На эти взносы дай Бог оплатить только канцелярию, профессорам ничего не остается. Так что благотворительствуем. Но слушают студ<енты> хорошо. Продол<жаю> курс на Пречист<енском> педаг<огическом> практикуме (унив<ерситетское> отделение б<ывших> Пречистенских курсов).[21] Продолжаю занятия в гимназии. Наконец, в понедельник 20 февр<аля> прочел свою первую лекцию в университете.

Лекцией своей я остался доволен. Хотя аплодисментов и не было (по-вид<имому>, этот обычай вообще вывелся в московск<ом> сумрачном университете), но по живому реагированию аудитории на отд<ельные> места лекции и по оживленному говору, с кот<орым> меня окружили слушатели, я видел, что достиг своей цели: заинтересовал курсом. А самое главное в первой лекции — это суметь привлечь внимание и заинтересовать предметом. Было больше 100 чел<овек>. Читаю я для 1 к<урса> этнол<ого>-лингв<истического> и 2 к<урса> лит<ературно>-худож<ественного> отделений.[22] Внешние условия крайне неблагоприятные — аудитория сквернейшая: в старом здании университета, вход с заднего фасада по грязной темной вонючей лестнице в коридор, оттуда одна дверь в комнату-общежитие рабочих по ремонту здания, другая — в «лингв<истическую>» аудиторию.

Освещена ауд<итория> только одной лампочкой, над столом лектора. Поставлено около десятка скамеек, на них может разместиться лишь человек 50. Большинство принуждено стоять. Помещение абсолютно не отапливается. В довершение всего мои лекции назначены на самый поздний час от 9. 20 до 10. 20 веч<ера>!! Представь себе, сколько нужно бодрости, живости, скажу, энтузиазма у лектора, чтобы овладеть вполне этой замороженной, голодной (ведь лекции начинаются с 4 ч<асов>) и усталой публикой... На днях получил извещение из фак<ультетской> канц<елярии>, что лекции для студ<ентов> 1 и 2 к<урсов> перенесены в пом<ещение> б<ывших> курсов Полторацкой[23] (у Ник<итских> вор<от>). Там должно быть лучше, *если поправили* электричество, водопровод, канализацию. Но я сомневаюсь «штоб». Чудно́, право. Наши прежние роскошные аудитории фил<ологического> и юрид<ического> фак<ультетов> почти целиком отданы рабфаку.[24] Я не придерживаюсь того голословно<го> и абсолютно отрицательного взгляда на рабфаки, как многие, м<ожет> б<ыть>, большинство профессоров. Однако полагаю, что в университете главное место должно принадлежать высшей науке, подготовительные же курсы для взрослых (дай Бог им всяч<еского> процветания!) должны иметь свои отдельные помещения. А теперь что? Подготовит<ельные> курсы пользуются всеми внешними удобствами, а основные научные загнаны в дыру.

Первую лекцию свою я посвятил вопросам техники нар<одно>-поэт<тических> произведений (сказок, былин, причетов, лирич<еских> песен) и воздействию нар<одной> поэзии на поэзию XIX и XX вв. (от Пушкина до Блока, Клюева и Есенина). Тема оч<ень> меня занимает. Прочитав книжку Жирмунского о композиции лирич<еских> стихотворений,[25] я еще раз убедился, как много может дать анализ форм<альной>, технич<еской> стороны нар<одной> поэзии для общей поэтики. Нам необходимо с тобой в этой области серьезно и основательно поработать. В книге Жирм<унского> есть ряд мест, вызывающих возражения. Обратил ли ты внимание, что он игнорирует, т<ак> с<казать>, народни<ческую> струю в р<усской> лирике (Кольцов, Никит<ин>, Некрасов, Клюев, Есенин и др.), оттого он и не нашел в р<усской> лит<ературной> лирике нек<оторых> приемов, кот<орые> свойственны нар<одной> поэ<зии> (рефрены, элементы амебейной композиции и др.). Ах, нет времени, а ведь можно было бы написать хороший разбор книг Жирм<унского> в свете эрудиции в нар<одной> поэзии.

Первая моя унив<ерситетская> лекция совпала с торж<ественным> чествованием (в Мал<ом> зале консерв<атории>) памяти Н. А. Янчука. С речью там выступали А. Е. Грузинский, А. А. Борзов, Пасхалов, было оч<ень> много муз<ыкально>-вок<альных> номеров, часть из произведений Янчука, часть из его записей. Организовывал чествование Б. Б. Красин. Мне, к сож<алению>, на зас<едание> попасть не удалось из-за лекции, а также из-за гранд<иозного> вечера, организованного месткомом Ист<орического> музея для служащих музея. Выступали музейн<ые> сотрудники — кто с вок<альными>, кто с музык<альными> номерами, кто с декламацией. На рояле играла и Зоя — и «solo» и в четыре руки с Петровским. Вечер прошел блестяще. Было около 400 человек: и науч<ный> персонал и

служит<ели>. Устраивали вечер для объединения. Досадно и противно только, что пресловутая наша администрация Щекотов, Сухотин (не удержался и Сергиевский) напилась в задних комнатах (тогда как вообще вино было запрещено). Пр<е>дставляешь, какие это разговоры и недовольство вызвало, гл<авным> о<бразом> среди мл<адших> служащих... Меня на выпивку не пригласили: или потому, что стеснялись как главного устроителя вечера и председ<ателя> месткома, или под влиянием крайнего недоброжелательства ко мне со стороны Щекотова, с кот<орым> я имел незадолго перед тем объяснение по поводу допущенной им нелепой статьи С. Городецкого (поэта-комм<униста>) в «Изв<естиях>», где все описание торж<ественного> зас<едания> Уч<еного> Совета для вскрытия новых материалов о Достоевском было переврано.[26]

Я делал основной доклад — об этом в заметке ничего не сказано, а помянут Щекотов, кот<орый> никакого доклада не делал. Не сказано о той роли, кот<орую> играл П. Н. Сакулин, и наконец, оч<ень> неудачно и нетактично были подчеркнуты натян<утые> отношения с др<угими> учрежд<ениями> (понима<й> Центрархивом).[27] Щекотов ставит мне в вину, что я не покадил в своем докладе Гливенке. У меня, конечно, на лесть этому поганцу и язык не мог повернуться. Вообще Щек<отов> — запитуха, недоучившийся гимназист (ведь учился в Уч<илище> *<нрзб. 1 слово>* и 1 г<од>,[28] а ты знаешь, какая оттуда выходит публика). Главное, уж оч<ень> неумен... Его недоброж<елательство> ко мне сказалось даже в таком мелочном факте — вчера Сергиевск<ий> собрал у себя гостей, в том числе были и Щек<отов>, и Сух<отин>. Меня же не пригласил (хотя мы друг у друга до сих пор довольно часто перегащивались). По-вид<имому>, Щек<отов> поставил условием своего прихода мое отсутствие. Конечно, это мелочь из мелочей, но характерная.

Вообще, как я тебе в том письме писал, странная моя участь за посл<еднее> время. В общем располож<енный> к людям, я со многими вздорю и б<ольшей> ч<астью> с теми, кому, по служебному положению, я должен подчиняться: Гливенко, Щекотов, Кузьминский, Сперанский, хотя ведь это же все каждый в своем роде фрукты. Но досадую на себя за характер. Кажется, никто из моск<овских> словесников не может дружить со столькими лицами, как я (кот<орый> связан со всеми самыми разнообр<азными> нитями), и, каж<ется>, я стал оспаривать у других место первого задиры, хотя и не хочу быть им.

Расскажу о нашем муз<ейном> торжестве — вскрытии рукописей Достоевского.[29] Был приглашен Луначарский, но почему-то не приехал. Но были Покровский, Гливенко, жопа Бернштейн, Сакулин (Пиксанов не смог прийти), Гроссман, Чешихин, Дарский, Гудзий (Коган и Фриче не смогли быть) и большинство членов нашего Ученого Совета. Я прочел информ<ационный> доклад о музее Достоевск<ого>[30] и наход<ящихся> в нем материалах, Бродский (он теперь служит уч<еным> сотруднико<м> в библиотеке музея) — о ближ<айших> задачах по изуч<ению> рукоп<исей> Дост<оевского>, Гроссман добавил сведения о материалах по Дост<оевскому>, хранящихся в других местах, М. Н. Покровский сделал важное сообщение о том, что в Грузии у одного частн<ого> лица есть 8 тетр<адей> с рукоп<исями>

Дост<оевского>, по-вид<имому>, вывезенные (похищенные?) из именьица А. Г. Дост<оевской> в Сочах. М<ихаил> Н<иколаевич> предложил Ист<орпческому> музею взять на себя инициативу по вопросу о приобретении этих материалов. В свое время через груз<инское> правит<ельство> предлагали эти рукоп<иси> за 1 1/2 мил<лиона> (в 1918 г.), но Наркомпрос принужден был тогда отказаться.[31] Затем Покровский предложил объединить деятельность обеих комиссий по разбору рукоп<исей> Дост<оевского> — в Центрархиве[32] и Ист<орическом> музее.[33] Сакулин (председательствовавший на собрании) горячо ухватился за эту идею, и теперь у нас дело налаживается. После обмена мнен<иями> приступили к извлеч<ению> из ящика (несгораемый, хранившийся у нас давно, но ключ от него был у А<нны> Г<ригорьевны>)[34] и из кож<аного> чемодана (кот<орый> был отобран у покойного сына Дост<оевского> — Ф<едора> Ф<едоровича> при переезде его с Кавказа в Крым и впоследствии, по хлопотам музея, доставленный в Москву).[35] Нашли много любопытного: две записн<ые> интимн<ые> книжки Д<остоевского> за 60-е годы, наброски к различным романам, масса листков с разл<ичными> заметками, письма Достоевского и к нему.[36] Чрезвычайно курьезный произошел казус: я вынимал из ящика докум<енты> и передавал Покровскому, тот рассматривал их и определял их содержание. В одной из тетр<адей> он обратил внимание на слово коммунизм. «Интересно, что тут про коммунизм говорит Дост<оевский>?» — и читает: «Коммунизм... сорвется».[37] Представь себе впечатление. Нужно же было вычитать это одному из ярых теоретиков коммунизма. На людей мистически настроенных подобные случаи могут произвести сильное действие. Дальше читает: «Атеизм — явление провинциальное».[38] Тут Сакулин уже не выдержал и шутливо заметил: «Вы уж дальше не читайте, М<ихаил> Н<иколаевич>. Того и гляди, еще чего вычитаете». Этот анекд<отический> случай я передаю тебе как курьез, но, конечно, не для огласки, т. к. мало ли чего могут состряпать досужие люди.

Если докум<енты>, открытые у нас, оч<ень> интересны (в другом — жест<яном> сундучке, вскрытом нами еще летом, имеются почти полная автобиография А<нны> Г<ригорьевны> (подлинник) исключ<ительной> ценности и архив Дост<оевского>, т. е. письма к нему, тщательно подобранные и рас<классифицированные>* А<нной> Г<ригорьевной>),[39] то в Центрархиве материал еще более значительный. Там вскрыли: черновики «Прест<упления> и нак<азания>», «Идиота», 2 тетради набросков к «Бесам» (дополнение к двум, имеющимся у нас), большая часть «Подростка» и письма Дост<оевского> к жене (167 писем)![40] Рукописи «Бр<атьев> Карамазовых» нет, за искл<ючением> неск<ольких> листков, открытых у нас в несг<ораемом> ящике.[41] По-вид<имому>, они в Грузии. Теперь, ка<жется>, намечается работа по изучению и опубликованию материало<в>, имеющих *мировое* значение (читал в хронике «Начала» и др. жур<налах>, каким культом окружен Дост<оевский> за границей?).[42]

---

* *В оригинале*: расквалифицированные.

В Центрарх<иве> работает комиссия «сферическая»: Фриче, Коган, Переверзев, Гливенко, Пиксанов, Сакулин, также Бельчиков и адми<нистрация> Центрархива Максаков и Адоратский. Последний, правда, по финансно-изд<ательским> вопросам. Как видишь, много имен, но прямых специалистов по Дост<оевскому> нет, кроме, разве, Переверзева и, до нек<оторой> степени, Пикс<анова> и Сакул<ина>. (Не нравится мне, что Пикс<анов> теперь развивает мысли об атеизме Дост<оевского>.)[43] Ср<авни> библ<иографию> по марксизму.[44] Ох, ловец перед Господом!

В Ист<орическом> музее первоначально была организована «Комиссия по устройству выставки Достоевского».[45] Председ<ателем> был Петровс<кий>, тов<арищем> пред<седателя> — я, секр<етарем> — Розанов И. Н. После Рождества председателем стал я, а Петр<овский> — тов<арищем> предс<едателя>. Кроме служ<ащих> в Ист<орическом> музее некот<орых> словесников — Кузьминского, Кашина, Ульянинского, Тарабр<ина>, Гиляровской были приглашены со стороны специалисты по Достоевскому: Сакулин, Бродский (позднее стал уч<еным> сотр<удником> музея), Чешихин-Ветр<инский>, Гроссман, Бережков, Грифцов и недавно Гудзий. Из-за того, что открытие выставки затянулось (помещ<ение> чит<ального> зала *до сих пор* еще не освобождено Главархивом), и вследствие открытия новых документов задачи комиссии сами собой расширились; теперь явилась в уч<еной> колл<егии> правильная мысль различать две комиссии: одну выставочную (в прежнем составе), вторую (более компактную) по изданию рукоп<исей> Дост<оевского>. Щекотов предполагает в комиссию провести только трех специалистов по Дост<оевскому> (Бродск<ий>, Гроссм<ан>, Чешихин), я же готовлю проект Положения о комисс<ии>, чтобы в нее обязательно действ<ительными> членами вошли наряду с 3 спец<иалистами> по Дост<оевскому> не менее двоих лиц из состава Уч<еного> Совета музея (наиболее бы всего подходила бы эта роль мне, как предс<едателю> ком<иссии> по Выставке Достоевского, и Петровскому, как зав. музеем Достоевского). Остальные же из перечисл<енных> выше лиц могли бы быть членами-сотрудниками и принимать участие по разработке материалов по указанию ред<акционной> комиссии. Ред<акционная> комиссия через свой президиум входила бы в тесный контакт с комиссией при <Центр>архиве.* В четверг было зас<едание> последней с участием Щекотова, моим и Бродского. Договорились, что обе ком<иссии> работают автономно, но по единому плану, вырабатываемому соед<иненным> пленумом обеих комиссий или объедин<енным> собр<анием> президиумов.[46] Лед растаял. Но начнется жаркая борьба при распред<елении> работы. До чего специалисты-словесники рвут друг у друга материал. С трудом удалось мне потушить пожар, разгоревшийся в нашей комиссии между Гроссманом и Бродским. Вообще между ними возникло в Москве соревнование. Бродский был одним из признанных ораторов на лит<ературных> торжествах и застрельщиком в опубликовании различных лит<ературных> сен<с>аций (спор о Белинском,[47]

---

* *В оригинале ошибочно*: Главархиве.

замыслы Тургенева,[48] новый форм<альный> метод,[49] Достоевск<ий>),[50] а тут прибыл Гроссман, оратор значительно высшей мерки (недаром юрист, а затем учился неск<олько> лет в Сорбонне, *прекрасно* владеющий иностр<анными> яз<ыками> и одинаково хорошо ориентированный в зап<адной> и в русск<ой> лит<ературе>). Перевес явно на стороне его. Бродскому обидно. И он подсидел Гроссмана: опубликовал в изд<ании> Центрархива снова «Житие Вел<икого> грешника», с подчеркиванием, что издание Гроссмана нужно квалифицировать хуже, чем как только небрежное.[51] Понимаешь, что выходит из всего этого. Конечно, Гроссман не остается в долгу и... пикировка продолжается. Книг<у> Центрархива[52] постараюсь тебе прислать, там, кроме переиздания «Жития», три главы «Бесов», выпущенные Дост<оевским> уже в гранках: исключ<ительного> интереса «Исповедь Ставрогина про<то>иерею Тихону». Одно жаль, что, поторопясь издать эту брошюру, Центрархив несколько понизил ценность задуманного нами сообща единого издания <неопуб>ликованных рукоп<исей> Достоевского. Но не терпится, что-то вертится. Чувствую, предстоят состязания из-за писем Д<остоевского> между Пиксановым (он уже захватил письма Достоевского к <же>не[53]) и Бродским и Ветринским (большинство писем к Д<остоевском>у у нас).

Ну, довольно о Достоевском. О юбил<ейных> днях я тебе, каж<ется>, подробно писал. Теперь о Пушк<инском> торжестве. По примеру Петрограда и Москва задумала 11 февр<аля> (день смерти Пушкина) ежегодно чтить его память.[54] О<бщест>во словесн<ости> взяло на себя почин в этом деле.[55] Б<ольшой> зал консерват<ории> был снизу доверху забит народом, двор был долгое время запружен молодежью (это приятно и знаменательно). На эстраде находились представители, до двух десятков представителей, ист<орико>-литературных, лит<ературных> и худ<ожественных> организаций Москвы (тебе посылаю программу). Все обещало великий праздник, но вечер вышел донельзя неудачный. Сакулин был не в ударе. Говорил довольно банально и вяло, а главное до ужаса перевирал цитаты из всем известн<ых> стихотворений, так что аудит<ория> подскакивала.[56] Брюсов прочел гимназич<ескую> речь-каталог, помещ<енную> на след<ующий> день в «Известиях».[57] Артисты тоже осрамились. Южин до безобразия искалечил текст «Памятник<а>» («...и тем любезен буду я народу, что чувства добрые я *в людях* пробуждал»; «к нему не зарастет народная *толпа*»). Пашенная на середине забыла сцену с Орликом из «Полтавы» и разыграла обморок. Выручили оперная студия Станиславского[58] и Худ<ожественный> театр («Бор<ис> Годунов»). Отличился Вишневский, и его номер, к счастью, был «под занавес».

Сакулин был подавлен, ссылается на усталость. А артисты — дурачье: ну почему не читать по книге, если не тверд в тексте. Должны были быть Собинов и Станисл<авский>, но первый в этот же вечер выступал в Б<ольшом> театре, а Станиславский <был> болен. В Петербурге торжество, каж<ется>, про<шло> удачнее.

Из других лит<ературных> явлений укажу на очень праздничный вечер, проведенный в Союзе писателей.[59] Читал Бор<ис> Конст<антинович> Зайцев свой новый рассказ «Улица св<ятого> Николая»[60]

(т. е. Арбат — там три церкви св<ятого> Николая). Он дал ряд послед<них> картин: Арбат в 90 гг., в 1905, перед войной, во время войны, в Окт<ябрьскую> рев<олюцию> и в наши дни. Изумительно тонко, без всякой претенциозности, композиционно чудесно (хоть и просто) задумано: во всех картинах проходят неск<олько> одних и тех же образов: старого извозчика, двух поэтов (голубоглазого — А. Белого, золотовласого — Бальмонта). Слушание этого расс<каза> доставило большое эстет<ическое> удовольствие. Как я слышал от А. Орешникова (он тесть Зайцева), рассказ запрещен цензурой. Прямо глупо. Прекрасно стихи читал Ходасевич. Теперь он стал любимым и общепризнанным. Выработался. Тебе как я пришлю его третий сб<орник> стихов «Путем зерна»?[61]

Напиши.

В том же Союзе пис<ателей> было в другой раз выступление Гроссмана. Читал он на тему «Пушкин и дендизм».[62] С внешней стороны доклад написан блестяще, но основная мысль была претенциозна. Он — так выход<ит> из его доклада — видит в Пушк<ине> в разн<ые> периоды жизни опред<еленные> черты дендизма, и, по его мн<ению>, Евг<ения> Онегина Пушк<ин> в перв<ой> гл<аве> обрисовывает как полож<ительный> тип, согласный с его (Пушк<ина>) собств<енными> идеалами. Возражали много. Умно и ядовито, но оч<ень> деликатно возражал Айхенвальд, затем от реальн<ых> фактов биографии (русск<ость>, нац<иональные> навыки, костюм, еда и пр.) говорил Цявлов<с>кий. Нашлись и защитники, вроде поэта Липскерова, кот<орый> даже договорился до того, что для Пушкина русск<ая> баня (в кот<орой> он так любил париться) была только допускаемый дендизмом couleur local<e>*. Смешно!.. Ну, а ирония П<ушкина> к Евг<ению> Онег<ину>, кот<орая> так чувствуется в первой главе? Странно, Гроссман в своем ответе оказался совсем не денди. Я никак не ожидал. Он так грубо, собств<енно> резко, отвечал Айхенвальду. М<ежду> пр<очим> — «Вы не хотели меня понять» (Айх<енвальд> ответил: «Я бы тогда и не пришел») и «у нас разница с вами та, что я считаю П<ушкина> оч<ень> сложным, а вы — оч<ень> простым. Но подчеркивание простоты в П<ушкине> обнаруживает лишь *простоватость* тех, кто такого взгляда придерживается».

Так что ореол Грос<смана> немного потускнел. Он и сам сознает, что оплошал.

В Обществе люб<ителей> рос<сийской> слов<есности>[63] было заседание с докл<адом> Д. С. Дарского: «Пикова<я> дама».[64] Я шел с огромн<ым> интересом. Но разочаровался. Я зна<л> Д<арского> по его работе о мал<еньких> траг<едиях> Пушк<ина>[65] и по Фету,[66] и составил о нем иное мнение. А тут что было: и пророч<еские> прорицания a la Мережковский, и ужасающая пышная риторика провинц<иального> образца, и крайние преувеличения («Пиковая дама» — яркое выражение глубоко<го> мистицизма Пушкина, ставящее ее на велич<айшую> высоту), а главное — актерская, тоже провинц<иаль-

* Местный колорит (*франц.*).

ного> пошиба, декламация. Доклад — декламирует. В прениях <и я> принимал нек<оторое> участие.[67]

В Обществе ист<ории> лит<ературы>[68] бы<л> для нас с тобой оч<ень> интересный доклад С. К. Шамбинаго «Былины о Вас<илии> пьянице». Прослушал я с большим вниманием. Но вижу все те же его трафареты: 1) былины XVI в., 2) гл<авным> о<бразом> из лит<ературных> источников (Мам<аево> побоище, причем разн<ых> редакций,[69] — вот ученый начетчик автор былины — лет<описная> повесть о Тохтамыше),[70] 3) при установл<ении> редакций отнесение записей новых к поздней, искаженной ред<акции>. Я попросил перечислить варианты — вижу *многих* (!) григорьев<ских> не указано (взят только один № из I т., а III т. игнорирован).[71] Он стал уверять, что использовал все. Мне стало досадно, я сбегал за книгой и преподнес ему до десятка вариантов; Ш<амбинаго> стал уверять, что они никчемные. Я сослался на то, что один из них принят Спер<анским> в его издание.[72] У Спер<анского> голова дырявая, конечно, не смог меня поддержать, а что-то даже сомневался. Ну и издатель былин! Так что поспорили. Я погорячился. Распространял<ся> вообще о тенденциозности Ш<амбинаго> и предвзятости. Ржига из дружбы к Ш<амбинаго> заступился за него. Ма<*нрзб.*> — из-за ненависти ко мне. Но в существе дела я был прав. Не следовало только сердиться, это всегда ослабляет позицию. К сож<алению>, не преподнес Шамб<инаго> в тот же день пик<антную> подробность (т. к. неотчетливо ее помнил), по приходе же домой проверил свои воспом<инания>: у Шевырева в лекци<ях> в III т. уже было произведено в 50 гг. то сближение былин с лет<описной> повестью о Тохт<амыше>, которое Ш<амбинаго> как будто выдавал за свое.[73] На след<ующий> день я ему и другим сказал. Но в засед<ании> это произвело бы фурор. (Мне каж<ется>, что Ш<амбинаго> знал.)

Видишь из моего кратк<ого> обзора, сколько интересного в Москве. Не успеваешь быть везде, где интересно. Так, напр<имер>, ни разу не удосужил<ся> побывать в Акад<емии> худ<ожественных> наук,[74] куда перед Рожд<еством> я был избран в члены.[75] Бывал неск<олько> раз на Ник<итинских> суб<ботниках>.[76] Теперь они приобрели большую популярность. Бывает до 40 чел<овек> (из ист<ориков> лит<ературы>) Бродс<кий>, Гроссм<ан>, Гудз<ий>, Шувал<ов>, иногда — редко — Саку<лин>, хочет побывать Пиксанов, и колосс<альное> количество поэтов и беллетристов и драматургов (Волькенштейн, Линскеров, Лидин, Марина Цветаева, поэтесса Парнок, прол<етарский> поэт, оч<ень> симпат<ичный> и дружный со мной В. В. Казин, и прол<етарский> белле<етрист> Н. Н. Ляшко и мн<огие> др<угие>. Жаль, что ничего (кроме хроники об О<бщест>ве ист<ории> лит<ературы>) не успел дать для журнала суб<ботни>ка «Свиток»[77] (а интересный журнал). Когда ты приедешь, непрем<енно> прочитай что-нибудь там (особенно бы хорошо о техн<ической> стороне нар<одной> лирики или эпоса).[78]

В театрах не успеваю бывать, а оч<ень> хочется. Жизнь, видишь, интересная, заполненная, но хочешь и ждешь от себя большего: совершить что-ниб<удь> сильное, а ведь это не только мечта, т. к. силы есть и в себя (как и ты) веры не теряю. Начинают за посл<еднее> время овладевать думы рел<игиозно>-фил<ософского> характера, но

неск<олько> *боюсь* их, т. к. могут затянуть, как, помнишь, в посл<едний> год студенчества. Чувствую потребность в больш<ой> научн<ой> и обществ<енной> работе, а крылья все же связаны. Но верю, мы для России пригодимся. Это не самообольщение, а внутр<еннее> чувство говорит. А усил<ия>, многое делаешь, руководясь внутр<енним> чутьем. М<ежду> пр<очим>, я это оч<ень> остро сознаю во врем<я> к<аких>-н<ибудь> больших и многолюдных заседаний, напр<имер>, общ<их> собр<аний> музея, когда председательствую: чувствую аудиторию, как <дно> чувствую. Недаром столько слышишь всегда хвал<ебных> отзывов о моем умении вести большие собрания. Это верно.

Любопытно, Зоина тетка Вал<ентина> Конст<антиновна>, при<езж>авшая на неделю с Кавказа, замеч<ательная> гадалка. Мне оч<ень> много верно сказала. Она тоже неск<олько> раз повторила, что, хотя я и работник в области интеллектуальной, а руководжусь в жизни б<ольшей> ч<астью> внутренним чувством, чутьем, которое у меня будто бы очень сильно развито. Она указала, что я год тому назад должен был пережить силь<ную> катастрофу (а она о моих сем<ейных> делах ничего не могла знать), а теперь мне предстоит счаст<ливая> будущность, популярность, не богатство, но хор<ошая> обеспеченность и долгое и счаст<ливое> путешествие. Проживу я за 65 лет. Видишь, как все хорошо это — для мнит<ельного> человека.

Что касается семейной моей жизни, то могу сказать следующее: дети здоровы вполне и по-прежнему радуют своей веселостью и успехами. Рад я, что у меня с тобой сыновья наделены эст<етическим> чувством: у твоего чувство ритма, у моего — богатое творч<еское> воображение... Зоя за посл<еднее> время стала больше нервничать, т. к. стала служить и утомляется, а главное, пришлось отказать прислуге. Пресловутая наша дочь народа Вера сделала попытку нас обокрасть (да частично обокрала): соскучилась по деревне и стыдилась приехать домой с пустыми руками. По-человечески оч<ень> понятно, но расстаться все же пришлось. Элла Генр<иховна> (немка) вот уже с месяц хворает, оказалось, сыпным тифом. Больше недели больная пролежала у нас, т. к. доктор ошибочно определил плеврит. Жаль и ее, и что у нас домашняя жизнь из-за этого поразладилась. Э<лла> Г<енриховна> часть хоз<яйственных> забот брала на себя. Теперь временно заменяет ее ее сын (лет 15) Родриг, кот<орый> помогает по хозяйству. В смысле пайков хорошо. Недавно получил за н<оябрь>—дек<абрь> по 2 сем<ейных> (сем<ейный> — 1/2 личного) и за январь личный. Вскоре будут выдавать сем<ейный> за янв<арь> и февр<аль>, а личн<ый> за февр<аль>. Просил я на маму специально один сем<ейный>, но дали только по сем<ейному> пайку на двоих моих детей. Но я все же решил маме регулярно и точно отдавать один сем<ейный>, т. е. четверть того, что получаю. На днях было приятно маме отвезти за два мес<яца> (след<овательно> целый сем<ейный> паек) 35 ф<унтов> муки, 20 ф<унтов> мяса, 4 ф<унта> масла, 2 1/2 ч<ая>, 20 ф<унтов> крупы. Это все же знач<ительная> поддержка. Да, забыл сказать, купил для тебя книг на 300 т<ысяч> да в счет подарка Тане (мы все складыв<ались> <по> 300 т<ысяч>, а деньги по Ак<адемии>[79] за янв<арь> еще не дают).

Слава Богу, успел письмо довести до конца. Теперь могу написать самое главное. Вчера внезапно (накан<уне> чувс<твовал> неб<ольшой> озноб) подн<ялась> тем<пература> до 39. Сейчас столько же. Страшная головная боль. Ломота. Никаких других симптомов. Все же есть мысль, что захворал тифом: две нед<ели> прошло, как отправили Эллу Генриховну.

Все возможно. Но внутреннее чувство твердо говорит мне, что если это и тиф, то я его перенесу. К удивл<ению> своему, к болезни я отношусь довольно спокойно. Это хорошо. Жить же оч<ень> хочется.

Целую тебя, Веру, Леву

Твой брат Юр<ий> Сок<олов>.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 12—24)

[1] Второй Всероссийский съезд работников губернских отделов народного образования состоялся в Москве в феврале 1922 г. Главным на съезде был вопрос об изыскании средств на содержание школ (см.: Съезд Губоно//Известия. 1922. 2 марта; Луначарский А. В. Второй Всероссийский съезд Губоно//Известия. 1922. 9 марта).

[2] В сохранившихся письмах Б. М. Соколова упоминаний о съезде по культурному возрождению России нет.

[3] См. примеч. 25 к п. 3.

[4] В РГАЛИ сохранилась доверенность на имя Ю. М. Соколова от 15 марта 1923 г., по которой он должен был принять на хранение в Исторический музей бывшую библиотеку Липеровских, приобретенную Саратовским университетом (очевидно, на временное хранение для последующей передачи в Саратов). См.: ф. 483, оп. 1, ед. хр. 62, л. 94.

[5] См. примеч. 12 к п. 7.

[6] Отделов народного образования.

[7] См. примеч. 9 к п. 7.

[8] См. примеч. 9 к п. 8.

[9] Ни одно из задуманных Ю. М. Соколовым изданий не осуществилось.

[10] Речь идет о переиздании сборника Б. М. и Ю. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (М.: ОРЯС имп. АН, 1915. Т. 7. С. CXVIII).

[11] См. примеч. 65 к п. 9.

[12] По-видимому, 40 000 печатных знаков (букв).

[13] См. примеч. 6 к п. 5.

[14] Вероятно, имеется в виду сб. «Родной язык в школе». Замыслы Ю. М. Соколова осуществлены не были.

[15] См. п. 9 и примеч. 32 к нему.

[16] По-видимому, имеется в виду: Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов в двух томах/Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова и В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Среди составителей энциклопедии: Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, В. А. Дынник и др.

[17] Речь идет о журнале «Начала». Намерение Ю. М. Соколова подготовить материал для отдела хроники не осуществилось, так как свет увидели всего два номера журнала (см. примеч. 35 к п. 6).

[18] См. примеч. 32 к п. 1.

[19] Об Обществе истории литературы см. примеч. 28 к п. 1. Ю. М. Соколов был секретарем общества с 1916 г. Протоколы общества (в основном довольно краткие) остались в записных книжках и бумагах ученого, непереписанные и необработанные.

[20] См. примеч. 22 к п. 1.

[21] См. примеч. 9 к п. 5.

[22] См. примеч. 31 к п. 1.

[23] См. примеч. 58 к п. 9.

[24] См. примеч. 23 к п. 1.

[25] Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. Пб.: ОПОЯЗ, 1921.

[26] Заметка «Вскрытие ящика с рукописями Ф. М. Достоевского» за подписью С. Г., опубликованная в «Известиях» (1922. 8 февр. С. 3), содержит ряд неточностей и ошибочных утверждений.

[27] См. примеч. 24 к п. 3.

[28] Н. М. Щекотов учился в реальном училище Мазинга в Москве с 1897 по 1901 г., а затем продолжил образование в Германии — в Политехнической академии во Фридберге и Инженерном училище в Мангейме (1902—1908). См.: Даты жизни и творчества Н. М. Щекотова//Щекотов Н. М. Статьи, выступления, речи, заметки. М.: Сов. художник, 1963. С. 342.

[29] В «Отчете Исторического музея за 1916—1925 гг.» (М., 1926) сообщаются следующие сведения о музейном заседании, описанном Ю. М. Соколовым ниже: «6 февраля 1922 года в экстренном заседании Ученого Совета Исторического музея под председательством П. Н. Сакулина и в присутствии зам. наркома по просвещению М. Н. Покровского, заведующего Главнаукой И. И. Гливенко и др. приглашенных лиц были вскрыты несгораемый ящик, хранившийся до тех пор по воле А. Г. Достоевской запертым, и чемодан А. Г. Достоевской, находившийся в Севастопольском отделе ВЧК и доставленный им в Исторический музей при содействии Главмузея» (С. 117).

[30] С 1891 г. в Историческом музее существовал организованный женой Ф. М. Достоевского, А. Г. Достоевской, отдел «Памяти Ф. М. Достоевского», впоследствии пополнившийся большим количеством новых экспонатов и названный Музеем памяти Ф. М. Достоевского (1906). Коллекция рукописей и мемориальных предметов, хранившаяся в музее, была собрана А. Г. Достоевской. В 1929 г. комнаты Ф. М. Достоевского в Историческом музее были закрыты, а материалы переданы частично в рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, частично в литературный музей Ф. М. Достоевского, основанный в бывшей квартире Достоевских (на Божедомке) в 1928 г.

[31] Дальнейшая судьба материалов, о которых говорил М. Н. Покровский, неизвестна. См.: Чешихин-Ветринский В. Е. Архив Достоевского//Утренники. Пб., 1922. Кн. 1. С. 128; Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского//Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957. С. 10.

[32] В ноябре 1921 г., после поступления в Центрархив материалов архива Ф. М. Достоевского, редакционно-издательским комитетом Центрархива была создана Комиссия по научному описанию и изданию материалов о Ф. М. Достоевском в составе: В. М. Фриче (председатель) П. С. Когана, И. И. Гливенко, Н. Л. Бродского, П. Н. Сакулина, В. Ф. Переверзева, Н. К. Пиксанова, Н. Ф. Бельчикова (см.: Архивное дело. М., 1925. Вып. 2. С. 79, 131).

[33] На заседании 6 февраля Ученый Совет Исторического музея постановил начать систематическую публикацию вновь открытых материалов, поручив это специальной комиссии по изданию материалов Музея памяти Достоевского из числа членов ученой коллегии Исторического музея. Комиссия пригласила «в свой состав спе-

циалистов для редактирования отдельных выпусков сочинений и материалов, касающихся Федора Михайловича Достоевского» (см.: Отчет Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 118). О составе комиссии см. также с. 84 наст. письма.

[34] О том, как хранился архив Ф. М. Достоевского при жизни его жены, и об истории ящика и ключа см.: Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского//Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957. С. 3—12; Сухотин П. Из материалов Российского Исторического музея//Красная нива. 1923. № 7. С. 19.

[35] О судьбе материалов Ф. М. Достоевского, принадлежавших его сыну, см.: Чешихин-Ветринский В. Е. Архив Достоевского//Утренники. Пб., 1922. Кн. 1. С. 128; Сухотин П. Из материалов Российского Исторического музея//Красная нива. 1923. № 7. С. 19.

[36] Более точный перечень документов, обнаруженных при вскрытии ящика и чемодана, см. в цитированном выше «Отчете Исторического музея» (С. 117).

[37] По-видимому, М. Н. Покровский прочитал высказывание Ф. М. Достоевского из тетради 1875—1876 гг., содержащей наброски статей «Дневника писателя»: «...коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 111).

[38] Такого высказывания Достоевского обнаружить не удалось.

[39] Сведения о находках 1921 г. см. в «Отчете Исторического музея»: «По смерти А. Г. Достоевской, 22 июля 1921 года, были вскрыты хранившиеся в музее 6 пакетов и 1 железный ящик, пересланные в разное время А. Г. в адрес музея и ранее не распечатывавшиеся согласно ее просьбы» (С. 117). Далее материалы перечисляются.

[40] См.: Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. Ф. М. Достоевский. М.: изд-во Центрархива РСФСР, 1922. Л. III—VIII.

[41] Полный текст рукописи «Братьев Карамазовых», хранившийся после смерти Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской и упоминавшийся в одном из ее завещательных распоряжений, не был обнаружен и позднее. См.: Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского//Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957. С. 8; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 15. С. 395.

[42] О большом интересе к творчеству Ф. М. Достоевского в Англии и «подлинном культе» его в Германии писали авторы раздела хроники журнала «Начала» (1921. № 1. С. 228, 239, 249).

[43] В печатных работах Н. К. Пиксанова начала 1920-х гг. высказываний об атеизме Ф. М. Достоевского не обнаружено. Возможно, Ю. М. Соколов имеет в виду свои личные беседы с Н. К. Пиксановым.

[44] Имеется в виду библиографический указатель: Художественная литература в русской марксистской критике/Сост. Р. С. Мандельштам; Ред. и предисл. Н. К. Пиксанова. Саратов: Гос. изд. Сарат. отд-ние, 1921. Впоследствии переиздавался.

[45] См. примеч. 25 к п. 1.

[46] Замысел издания неопубликованных произведений Ф. М. Достоевского по единому плану, который должны были выработать комиссии Исторического музея и Центрархива, не осуществился. См. перечень публикаций в кн.: Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. М.: Книга, 1968. С. 26—29, а также обзор В. Комаровича «Литературное наследство Достоевского за годы революции» (Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 258—281).

[47] Речь идет о статье Н. Л. Бродского «Развенчан ли Белинский?» (Вестн. воспитания. 1914. № 1), написанной в ответ на очерк о В. Г. Белинском Ю. И. Айхенвальда (см.: Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. 2-е изд. М., 1913.

Вып. 3), пытавшегося дать переоценку творческого наследия В. Г. Белинского с позиций «чистого искусства».

[48] См.: Бродский Н. Л. Замыслы И. С. Тургенева: Материалы к истории его художественного творчества. М., 1917. Впервые опубликовано: Вестн. воспитания. 1916. № 9. С. 72—124.

[49] Что имел в виду Ю. М. Соколов, упоминая о причастности Н. Л. Бродского к понятию «новый формальный метод», неясно.

[50] Перечень работ Н. Л. Бродского, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, и осуществленных им публикаций материалов архива Ф. М. Достоевского см. в кн.: Бродский Н. Л. Избр. труды. М.: Просвещение, 1964. С. 285.

[51] План неосуществленного романа Ф. М. Достоевского «Житие великого грешника» был опубликован Н. Л. Бродским в сб. «Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. Ф. М. Достоевский» (М., 1922. С. 3—40). Там же см. отзыв (С. VIII) о публикации плана «Жития» Л. П. Гроссманом (Гроссман Л. П. Творчество Достоевского. Одесса, 1921).

[52] Имеется в виду упомянутый выше сборник (см. примеч. 51 к наст. письму).

[53] Письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской были изданы без участия Н. К. Пиксанова (см.: Письма Ф. М. Достоевского к жене/Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова; Общ. ред. В. Ф. Переверзева. М.; Л.: ГИЗ, 1926). Н. К. Пиксанов опубликовал в журнале «Печать и революция» (1924. № 6. С. 56—72) несколько писем Ф. М. Достоевского, часть которых уже появлялась в печати, и издал отдельной книгой ряд писем писателей Ф. М. Достоевскому из новых поступлений в Центрархив (см.: Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.; Пг.: ГИЗ, 1923).

[54] 11 февраля 1921 г. собрание представителей литературных и культурно-просветительных учреждений и организаций, состоявшееся в петербургском Доме литераторов, вынесло решение о ежегодном чествовании А. С. Пушкина в день его смерти (см.: Декларация о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти//Вестн. литературы. 1921. № 3. С. 17). В январе 1922 г. состоялось заседание представителей литературных обществ Москвы, постановившее праздновать ежегодно 11 февраля «Пушкинский день» (см.: Печать и революция. 1922. № 1. С. 333).

[55] Торжественное заседание, посвященное 85-летию со дня смерти А. С. Пушкина, было организовано по инициативе Общества любителей российской словесности 11 февраля 1922 г. в Большом зале Московской консерватории под председательством П. Н. Сакулина, «при участии ряда московских литературно-научных обществ, учреждений и организаций» (см. отчет о заседании в кн.: Пушкин. Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности/Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: ГИЗ, 1924. С. 247—248).

[56] Речь П. Н. Сакулина «В веках» опубликована: Литературные отклики: Сб. М., 1923.

[57] Речь В. Я. Брюсова «Разносторонняя деятельность Пушкина» опубликована в «Известиях» (1922. 12 февр.).

[58] Оперная студия К. С. Станиславского была организована при Большом театре в 1919 г. В 1928 г. преобразована в Оперный театр им. К. С. Станиславского. В 1941 г. в результате объединения с музыкальным театром им. В. И. Немировича-Данченко создан существующий до наших дней Музыкальный театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

[59] Всероссийский Союз писателей создан в начале 1921 г.

[60] Рассказ опубликован в сборнике с одноименным названием. См.: Зайцев Б. К. Улица святого Николая: Рассказы 1918—1921 гг. Берлин: Слово, 1923.

[61] Ходасевич В. Ф. Путем зерна. III книга стихов. 2-е, доп. изд. Пг.: Мысль, 1921.

[62] Одноименная статья Л. П. Гроссмана, датированная 1918 г., опубликована: Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. С. 3—36.

[63] См. примеч. 13 к п. 5.

[64] См. отчет о заседании, состоявшемся 5 февраля 1922 г., в кн.: Пушкин. Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М.; Л., 1924. С. 243—247.

[65] Дарский Д. С. Маленькие трагедии Пушкина. М.: Моск. худ. печатня, 1915.

[66] Дарский Д. С. «Радость земли». Исследование лирики Фета. М.: Ф. К. Некрасов, 1916.

[67] Изложение выступления Ю. М. Соколова см. в кн.: Пушкин. Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М.; Л., 1924. С. 245.

[68] См. примеч. 28 к п. 1.

[69] Речь идет о летописных повестях о Мамаевом побоище. Ю. М. Соколов упрекает С. К. Шамбинаго, осуществившего научную публикацию нескольких редакций «Сказания о Мамаевом побоище» и написавшего большое исследование о летописной литературе, посвященной Куликовской битве (см.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906), в преувеличении влияния летописных источников на былины.

[70] Летописные повести о нашествии Тохтамыша на Москву опубликованы: Полное собрание русских летописей. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1853. Т. 6. С. 98—103; 1859. Т. 8. С. 42—48.

[71] Имеется в виду сборник: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб.: Изд. имп. АН, 1904. Т. 1; 1910. Т. 3).

[72] Речь идет о сборнике: Русская устная словесность / Под ред., с ввод. статьями и примеч. М. Сперанского. Т. 1. Былины. Т. 2. Былины. Исторические песни. М.: Сабашниковы, 1916, 1919. Текст былины «Васька-пьяница», опубликованный А. Д. Григорьевым (см.: Архангельские былины... Т. 3. С. 76—84), перепечатан в отредактированном виде в томе 1 сб. М. Н. Сперанского на с. 228—238.

[73] См.: Шевырев П. С. История русской словесности. Лекции. М., 1858. Ч. 3. С. 291—294.

[74] См. примеч. 48 к п. 9.

[75] См. вступительную статью к публикации.

[76] «Никитинские субботники» — литературное объединение, организованное (1914) и возглавлявшееся Е. Ф. Никитиной. В заседаниях, происходивших на квартире Е. Ф. Никитиной, участвовали известные писатели и литературоведы. В 1922 г. при объединении было создано издательство «Никитинские субботники», впоследствии (1931) слившееся с издательством «Федерация».

[77] Альманах литобъединения «Никитинские субботники», выходивший в 1922—1926 гг. (№ 1—4). В № 1 за 1922 г. в разделе хроники помещены без подписи отчет о работе Общества истории литературы за 10 лет и перечень докладов, прочитанных его членами, очевидно, составленные Ю. М. Соколовым, с 1916 г. выполнявшим обязанности секретаря Общества.

[78] Б. М. Соколов воспользовался советом брата несколько позднее, уже после переезда в Москву. 31 января 1925 г. он прочитал на заседании «Никитинских субботников» доклад о композиции народной лирической песни.

[79] Имеется в виду РАХН. См. примеч. 48 к п. 9.

№ 11

<20 марта 1922 г., Москва>

20.III.1922

Дорогой Юра!

Слава Богу, поправляешься. Бог даст, и опухоль твоей ноги пройдет. Страшно хочется повидаться с тобой: но, пожалуй, будет благоразумнее воздержаться от посещения тебя в госпитале.[1] Что будет, если оба будем больны. Впрочем, от сыпняка нигде не застрахуешься. Верочка от всей души жалеет тебя и волнуется за твое здоровье.

Здесь все спрашивают о тебе: Сакулин, Сперанский, Пиксановы, Гливенко, Чешихин-Ветринский, «Задруга»,[2] все наши словесники, — одним словом, вся наша с тобой Москва. Меня принимают за тебя[3] и удивляются, как это ты вдруг так скоро поправился. Такой, <напр>имер, случай был с Грузинским в Обществе словесности.

Был я на заседаниях О<бществ>а ист<ории> литературы с дурацким докладом Н. Ш<емшурина>[4] и с хорошим докладом Фатова (об орловском Тург<еневском> музее).[5] В Общ<естве> словесности Вересаев читал интер<есные> главы из большой повести «В тупике» — об интеллигенции современной.[6] Было засед<ание> этнографич<еского> отдела с докладами о крымских татарах и Куфтина о гончарной технике. Вчера вечером я был у Сакулина: были Вересаев, Гливенки, Пиксановы, Шувалов, Чешихин и я. Очень интересно посидели. Сейчас я занят хлопотами об устройстве публич<ной> лекции в Полит<ехническом> музее[7] «О голоде в Саратовском крае». Устраиваю от имени О<бщества> е<стествознания>, а<нтропологии> и этн<ографии>. Вообще стараюсь пробудить чувство человечности в одеревеневшей интеллигенции. Целые дни бегаю по разным учреждениям, хлопоча об Сар<атовском> у<ниверсите>те, ИНО,[8] музеях,[9] Кубу[10] и пр. У Гудзия был. Очень они о тебе спрашивают. О сборнике дело двинул — результаты еще неизвестны.[11] Пока всего хорошего. Поправляйся скорее. Мне хочется дождаться твоего выздоровления. Если ты виделся с невесткой проф. Рыкова, то знай, что Рыковы — одни из самых близких ко мне и Вере лиц в Саратове. Жена Рыкова — на редкость милая и добрая дама.

Целую тебя.

Борис.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/9, л. 4)

[1] 24 февраля 1922 г. Ю. М. Соколов заболел сыпным тифом. Лежал в Первом красноармейском коммунистическом госпитале в Лефортово. 7 апреля был выписан.

[2] См. примеч. 9 к п. 7.

[3] Братья-близнецы отличались большим внешним сходством. Это обстоятельство способствовало возникновению всевозможного рода анекдотов и рассказов (в том числе основанных и на имевших место случаях), широко быто-

вавших в близких им литературных и научных кругах. Составился даже цикл анекдотов на эту тему, часть из которых Б. М. и Ю. М. записали (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 87). В 20-е гг., когда еще не было гонений на генетиков, братья наблюдались в Евгеническом институте и заполняли по просьбе ученых соответствующие анкеты. В 1924 г. они заняли 1-е место среди 18 пар близнецов (см.: Там же, л. 8).

[4] Неизвестно, о каком докладе идет речь.

[5] Музей И. С. Тургенева в Орле открыт 24 ноября 1918 г. в доме родственницы и наследницы писателя О. В. Галаховой.

[6] Роман «В тупике» В. В. Вересаева написан в 1920—1923 гг. Впервые отрывки из романа опубликованы в «Южном альманахе». Симферополь, 1922. Кн. 1; в журналах: Красная новь. 1922. № 4, 5; Петроград. 1923. № 1; На вахте. Грозный, 1924. № 6; в сб.: Революционная проза. Киев, 1924. № 1. Полностью: Недра: Лит.-худож. сб. М., 1923. Кн. 1 и 2; 1924. Кн. 3.

[7] Политехнический музей в Москве создан в 1872 г. на основе первой в России Политехнической выставки. Политехнический музей — место встреч художественной интеллигенции с читателями и слушателями, проведения лекций, бесед и других культурно-просветительных мероприятий. Лекция Б. М. Соколова в музее не состоялась.

[8] См. примеч. 4 к п. 4.

[9] См. примеч. 1 и 4 к п. 2.

[10] КУБУ — комиссия по улучшению быта ученых. В конце 1921 г. при Совнаркоме РСФСР по инициативе В. И. Ленина создана центральная комиссия (ЦЕКУБУ). В 1930 г. реорганизована в комиссию содействия ученым (КСУ).

[11] Сборник «Сказки и песни Белозерского края». См. заявление бр. Соколовых в литературно-художественную секцию Госиздата по поводу переиздания книги (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2879, л. 3). См. также примеч. 13 к п. 12.

№ 12

<24 марта 1922 г., Москва>

24.III.1922

Дорогой Юра!

Жду с нетерпением твоего выздоровления, чтобы повидаться и потолковать. Целые дни занят, необычайно устал от беготни по всем прав<ительственным> учреждениям (Главнаука,[1] Главпрофобр,[2] Всерабиспрос,[3] Цекубу,[4] Наркомфин,[5] Наркомнац,[6] Главмузей,[7] и пр., пр., пр.) в связи с хлопотами по делам Саратовского унив<ерситета>,[8] ИНО,[9] музея,[10] общества[11] и пр. Такая от всего этого трепанья усталость и душевная пустота. По вечерам бываю или в театре (впрочем редко) или у знакомых.

Занят также мыслью о лекции «Голод в Сар<атовском> крае». Теперь она устраивается в четв<ерг> 30 в университете в физич<еской> аудитории (1000 билетов), устраиваю через студенческие организации помощи голодающим. Не знаю, как сойдет. Дело такое, что приходится

быть между двух огней. Настроение интеллигенции (не молодежи) меня удручает: или отвертывание, равнодушие или критич<еское> качание головой и ничегонеделание... Ну, как Бог даст. Я стою на твердой позиции обязательной в нравственном отношении работы всех в пользу голодающих...

У Ускокова буду нынче вечером. Завтра веч<ером> хочу быть у Никитиной, кот<орую> вчера видел.

Буквально все о тебе спрашивают. И твоя болезнь известна всей тебя знающей Москве.

Нынче в Ист<орическом> музее почти все приняли <меня за тебя>,[12*] поздравляли с выздоровлением и необычайно удивлялись бодрости вида.

Об издат<ельских> делах. Гудзий очень старается, но удастся ли со сборником сейчас,[13] сказать трудно. Кроме того, Н. К. Гудзий советует это дело проводить позднее — в апреле — тогда расчет значительно выгоднее.

<Думаю>** также через него продвинуть вопрос с напечатанием моей диссертации.[14] Мою рукопись «О сказителях» в Госиздате затеряли.[15] Это какое-то похоронное бюро.

Жду со дня на день корректуры статьи в «Голосе минувшего» о Пушкине[16] ... Книги, какие ты говорил, отчасти купил. Ты только не читай — говорят, это очень вредно.

Ну-ка какую шутку выдумала Татьяна! Впрочем, я, как и все наши, очень благожелательно отношусь к ее выбору. Человек ид<ейный> и талантливый.[17]

В воскр<есенье> в Общ<естве> люб<ителей> росс<ийской> слов<есности> М. Н. Сперанский делает доклад о сказителе Широкой[18] (из Арх<ангельской> губ<ернии>), а сказитель будет петь былины. Мне Сперанский не сказал ни слова. Экая боязнь конкуренции.

Бываю у Пиксанова — упоен своим положением.

Желаю всего доброго. И скорейшего переезда домой. Жажду с тобой повидаться.

Любящий тебя Борис.

Наши все целуют тебя.

Относительно ЧУВИЛЯ[19] нынче у Ушакова наведу все справки.

Б. С.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/9, л. 5—6)

[1] См. примеч. 50 к п. 9.

[2] См. примеч. 25 к п. 3.

[3] Всероссийское объединение работников искусств и просвещения — профессиональный союз, созданный для защиты интересов художественной и научной интеллигенции в 1918 г.

[4] См. примеч. 10 к п. 11.

---

* *В оригинале*: тебя за меня.

** *В оригинале*: делаю.

[5] Народный комиссариат по финансовым вопросам. Создан в октябре 1917 г. на 2-м съезде Советов.

[6] Народный комиссариат по национальным вопросам. Создан в октябре 1917 г. на 2-м съезде Советов.

[7] См. примеч. 11 к п. 1.

[8] См. примеч. 3 к п. 4.

[9] См. примеч. 4 к п. 4.

[10] См. примеч. 1 к п. 2.

[11] См. примеч. 19 к п. 2.

[12] См. примеч. 3 к п. 11.

[13] Речь идет о переиздании сборника братьев Соколовых «Сказки и песни Белозерского края». Сборник, опубликованный в 1915 г. тиражом всего 1000 экз., был к тому же арестован по распоряжению Российской АН и изъят из продажи по причинам то ли политического, то ли морального характера, как оскорбляющий вкус и нравственность публики излишней сатирической заостренностью и фривольностью. Уже через несколько лет он стал библиографической редкостью. Переиздание сборника не осуществилось. См. также примеч. 11 к п. 11.

[14] См. примеч. 6 к п. 7.

[15] Брошюра Б. М. Соколова «Сказители» вышла из печати в 1924 г.

[16] В «Голосе минувшего» в 20-е гг. не была опубликована ни одна статья Б. М. Соколова.

[17] Речь идет о женихе Т. М. Соколовой П. Г. Скосыреве, ученике Б. М. Соколова в Саратовском университете.

[18] О каком из сказителей по фамилии Широкой идет речь, неясно. А. Д. Григорьев в т. 2 «Архангельских былин и исторических песен» (Прага, 1939) называет нескольких жителей с. Долгая Щель (близ устья р. Кулой), носивших фамилию Широкой и знавших эпос. От двух из них им записаны (в 1901 г.) и опубликованы (в упомянутом сборнике) в общей сложности 10 былинных текстов. Возможно, появление Широкого в Москве связано с поездкой на Кулой О. Э. Озаровской (см. п. 19 от 7 июля 1922 г.).

[19] Чувильн(к?)а — волж. птичка, пташка; печенье жаворонки...; глиняная уточка, свистулька (В. И. Даль).

№ 13

<1 апреля 1922 г., Москва>

1922.1.IV.
1 Комм<унистический> госпит<аль>
Зараз<ный> барак № 2
Палата № 2

Дорогой Боря!

С первым настоящим весенним днем.[1] Светло, яркое солнце в палате. Сейчас еще восьмой час утра. Настроение прекрасное, каж<ется>, в первый раз за всю болезнь. Хочется на волю, главное, переменить обстановку. Здесь замучило одиночество и безделье. Только вчера впервые позволили читать газету. Соседи мои в палате — мальчик

8 лет, сын дворника госпитального (юркий мальчонка), и три сменявшихся: курсант, гвард<ейский> кадр<овый> офицер Павловск<ого> полка, а теперь красноарм<ейский> портной — добрый, но нервный парень — поляк, латыш и русск<ий> вместе: дед — поляк, бабка латышка, отец говорит по-лат<ышски>, мать — русская, из Витебск<ой> губ<ернии>. Офицер оч<ень> много интер<есного> рассказывал про герм<анскую> войну (он — георг<иевский> кавалер), а портной чрезвычайно любопытно дал мне представление о настроениях крестьянства в Белоруссии. Какое антисемитск<ое> движение. Страшно подумать, что может вдруг прорваться. Газеты ничего нового мне не дали. Я так и ждал. Коммунисты сдают позицию за позицией, как и следовало ожидать. Уже окончательно взят курс на «единый фронт»,[2] следовательно, соглашение с «соглашателями»:[3] предположен съезд представ<ителей> всех трех интернационалов,[4] на Ген<уэзской> конференции,5 по-вид<имому>, придется сделать огромные уступки в финан<совой>, эконом<ической> и, конечно, политич<еской> областях. НЭПО [нэп] возвращает нас к сильной налоговой системе (кварт<ирная> и другие платы) и т. д. и т. д. Я глубоко верю, что Россия выберется на прямую через эволюцию коммунистов, м<ожет> б<ыть>, очень ускоренную. Но смущает полный финанс<овый> крах, а к лету голод даже в центре. Но ведь выкарабкаемся; Россия не может погибнуть. Я в течение месяца много передумал и еще больше укрепился в вере в Россию и в русск<ий> народ. Револ<юционная> встряска была, по-вид<имому>, необходима, много жертв принесла Россия, но выйдет из испытания страной богатой и могущественной. Только бы подольше пожить, чтобы «прийти на тучные их нивы подышать». Как был оптимистом до болезни, таким остался и после.

Смешно только на себя: какой-то своеобразный психоз владел мною недели две после кризиса. Напала странная чувствительность, сентиментальность. От пустяков плакал или приходил в восторг. Доктор считал меня оч<ень> нервно-возбужденным, заливал бромом. Потом я неделю спал здорово. Теперь чувствую, что действ<ительно> поправляюсь. Бром уже дня четыре не пью, сплю без него. Настроение улучшается. Вспоминая свою болезнь, немного досадую на себя: задержив<ающие> центры послабели и у меня осталось какое-то смутное сознание, что я как будто лишне разоткровенничался по некоторым вопросам с соседом-офицером, что на меня находили временами какие-то припадки болтливости (с няньками, сестрами, докторами); какой-то непр<иятный> осадок на душе от воспоминания о своем истерич<еском> припадке (когда болела нога), которым, я боюсь, напугал ребят своих. Как будто бы излишне сентиментально написал начало письма К. С. Кузьминскому (хотя, м<ожет> б<ыть>, его и не понадобилось передавать ему).

Нервное потрясение после тифа, однако, слава Богу, коснулось только, т<ак> ск<азать>, эмоциональной стороны, но не умственной. Голова свежа, память хорошая, хочется работать научно (но, конечно, буду себя всячески сдерживать). Только бы переменить поскорее обстановку. Месяц одиночки в больнице! Мечтаю о санатории. Дома, пож<алуй>, действ<ительно> буду нервничать. Здесь в больн<ице> уход за мной исключит<ельный>, начиная с доктора, кончая нянями.

боюсь заразиться возвр<атным> тифом (сюда попадают на день, на два возвратники), боюсь холеры (здесь лежал один холерный, но это держат в строгом секрете, мне проболтался один служащий). Одним словом, много страхов. Эти страхи одно время сильно мучили. Но все это — взвинч<енные> нервы...

Сейчас у меня большая радость. Я десять минут ходил по комнате (первый раз был опыт третьего дня — 2 мин<уты>, причем не мог ступать на больн<ую> ногу), а сегодня стоял на обеих ногах твердо, по комнате ходил один, правда, с костылем (на всякий случай) с левой стороны, пел песни от удовольствия, чем доставил огромную радость Петьке, который хохотал до упаду. Сегодня буду просить ванну. А то три недели не мылся. Но ванну возьму только в том случае, если натопят палату. Выше 4° тем<пература> в комн<ате> не повышалась. Лежал целый месяц, свернувшись калачиком, боясь высунуть палец из-под одеяла (их, слава Богу, на мне целых пять; если бы было меньше, то погиб бы).

Эх, скорей бы отсюда. Но доктор велит окрепнуть. Ем чрезв<ычайно> много. Зоя мне навезла пирогов, мяса, бульона, молока, масла, конфет, сахару. Пожираю все, как корова! <...>

Боря! Когда мы увидимся и где? В санатории? Мне об очень многом нужно серьезно с тобой поговорить. Ты подавай на конкурс на каф<едру> р<усской> этнографии.[6] А я, м<ожет> б<ыть>, устроюсь в конце концов штатным по нар<одной> слов<есности>, если не в ближ<айший> год, то через год. Маг<истерские> экзамены неприм<енно> сдам.[7] Летом подготовлюсь.

Желаю тебе огромного успеха от завтр<ашней> лекции. Обставляй только как можно больше фактами. Вчера в «Изв<естиях>» были кое-какие цифры о хищении голодн<ых> грузов. Вот этой статистики (особ<енно> насчет взяток) — побольше, и бей на неожиданность цифр, можешь некот<орые> цифры написать на доске; хороши ли, убедительны и показательны ли диапозитивы? Если они слабы, это оч<ень> уменьшит эффект. Разжалобь к концу. Закончи энту<зиа>стическим призывом к молодежи. Одним словом, обдумай лекцию с внешней ее стороны. Составь план эмоц<иональных> повышений и понижений. В таких лекциях, как твоя, эмоц<иональная> работа на первом месте, только надо экономно эмоц<иональные> силы расходовать. Не расплачься раньше времени. Сначала читай совершенно спокойно и лишь постепенно повышай тон. Кое-где допусти негодование, чтобы лекция была темпераментная, а не искл<ючительно> сентиментальная. Вот мой рецепт. Еще раз желаю успеха, в котором уверен.

Поклон и привет всем — маме, Васе (пристыди его: в теч<ение> месяца не мог собрать свои дряхлеющие кости и хоть на костылях доползти до трамвая В, а мне так хотелось с ним поговорить, расспросить насчет Ак<адемического> центра.[8] Говорят, Главнаука[9] все денежки берет себе, а подведомств<енным> учреждениям посылает шиши и фиги), Шуре, Ире (которая, конечно, сегодня меня навестит), Тане и трубадуру жениху[10] («К черту Таню, мою невесту». Милые стихи. Весьма талантливо), Ник<олаю> Пав<ловичу> (которого я строго осуждаю за то, что, забравшись в скворешник, совсем бросил науку. Эх, слабохарактерность!) и всему царствующему дому № 17.[11]

Вот только, Боря, не можешь ли исполнить мою просьбу (я, каж<ется>, уже раз к тебе обращался с нею): узнай, что такое значит слово чувиль (Костр<омская> губ<ерния>. Отсюда фамилия — Чувиляева). Есть песня: «Чувиль, мой чувиль,//чувиль, чувиль, виль, виль, виль». М<ожет> б<ыть>, до тебя моя просьба не доходила? А ведь сроку осталось дня два. Как же я уеду, не объяснив, что такое значит чувиль?[12] Что наша Ирочка? Ведь недавно стукнуло 26 лет. Я ее в этот день приветствовал. Память у меня так освежилась, что вспомнил все дни рожд<ений> и анг<елов> и по стар<ому>, и по новому стилю. Напр<имер>, четырнадцатого по нов<ому> стилю была память по бабушке Авдотье. А я ее помню только по фот<ографической> карточке. И здоровье же было у наших дедов. Легкие, сердце, почки доктора нашли у меня в идеальн<ом> состоянии. Вот нервы — это или собств<енное> приобретение, или немного от мамы... Хотя мама стала нервничать перед тем, как родить Ирочку. Таким о<бразом>, у Ирочки и у Тани мамины нервы, а у нас самостоятельно заработанные. Так вот Ирочка? Девка-то хорошая, а так пропадает. Как поправлюсь, куплю ей белый воротничок. К ней оч<ень> пойдет. Будет кокетлива против своего желания. Но до этого времени хорошо бы поместить Иру в санаторий, в тот самый, где буду я. Сергиевский так Иру уважает и боится, а она не может ему сказать о своем здоровье.

Ну-с всего доброго! Пришли мне чувиль и 1 шт<уку> пирожного с кремом.

Твой Юр<ий> Сокол<ов>...

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 25—28)

[1] Сверху в письме сделана приписка рукой Ю. М. Соколова: «(Нет. 1-е апр<еля> обмануло: весенним было только раннее утро».)

[2] Лозунг, провозглашенный III (1921) и V (1924) Конгрессами Коминтерна, призывавший всех рабочих, независимо от их партийной принадлежности, к объединению для классовой борьбы с капитализмом.

[3] «Соглашателями» коммунисты называли социал-демократов (сторонников 2 и 2 1/2 интернационалов).

[4] Конференция трех интернационалов состоялась 3—6.VI.1922 г. в Берлине.

[5] Международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, проходившая в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. при участии представителей 29 государств. Одним из главных решавшихся на ней вопросов был вопрос о нормализации экономических и политических отношений между Советским и капиталистическими государствами.

[6] В Московский университет, этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук.

[7] См. примеч. 15 к п. 1.

[8] См. примеч. 32 к п. 1.

[9] См. примеч. 50 к п. 9.

[10] Жених Т. М. Соколовой поэт П. Г. Скосырев.

[11] См. примеч. 59 к п. 9. См. также текст п. 14 и вступительную статью.

[12] См. примеч. 19 к п. 12.

№ 14

1922.2.IV
Воскресенье

Стыдно, стыдно и стыдно. Опять забросили меня. Ведь из вашего дома никого не было в течение недели. Поражаюсь и обижаюсь на Васю. Ведь если он боится перенести домой заразу, то мог бы от меня прямо проехать в Европейские бани, а оттуда уже на Якиманку.[1] Ну Ник<олай> Павл<ович> — отпетый человек. Сам себя отпел раньше времени. Ира, м<ожет> б<ыть>, плохо себя чувствует.

Но и ты, Боря, не узнал мне про чувиль,[2] не пишешь писем, не купил книг, о которых я просил. Ни разу не прислал ничего вкусного.

А я, когда ты сидел в Бутырках,[3] чуть ли не через день сам ходил за *<нрзб. 1 слово>* и мерз в очереди по 6 часов.

Нет, я вижу — каждый из вас занят только самим собою.

Но, м<ожет> б<ыть>, вы все больны там?

Так известите.

P. S. У меня эту ночь была опять повышенная температура <...> А кто знает, м<ожет> б<ыть>, опять какое осложнение нарастает.

Ну как твоя лекция?[4]

Сейчас опять ходил. Стою и ступаю совсем твердо на обе ноги. Ходил в коридор, из окна смотрел на весну. Как хочется вырваться скорее на свободу или к образ<ованным> людям хотя бы в санаторий. Мне до ужаса надоел мой сосед — парень из Белоруссии, на него нашел психоз болтливости, говорит, говорит, не дает покою. В первый день было интересно: он рассказал свою жизнь, про отца, про командные польские курсы на Ордынке, при которых он состоит портным. Все это с бытовой точки зрения было интересно. Но бедный парняга за отсутствием других тем ежедневно мне от начала до конца рассказывает то же самое. Не знаю, куда бежать. На меня же, наоб<орот>, в течение посл<едней> недели нашли молчаливость и сон. Вот я боюсь, что вдруг в санатории так же будет: будем друг другу надоедать и опротивеем.

Попроси у Васи изготовить мне экстренно палку-клюку с резин<овым> наконечником. Но палку твердую. Нет ли у кого в доме № 17.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 29—30)

[1] См. примеч. 59 к п. 9 и вступительную статью.
[2] См. примеч. 19 к п. 12.
[3] См. примеч. 22 к п. 2.
[4] См. тексты п. 11, 12.

№ 15

3.IV.1922
Пон<едельник>

Солнечно, тепло, радостно. Если и сегодня никто не придет, не знаю, что сделаю. Сейчас показывал доктору, как умею ходить. Гулял без костыля и без палки. Немного прихрамываю на левую ногу — это пройдет. Доктор похвалил. Советует, однако, пробыть в госпитале, по кр<айней> мере, до четверга. Ну, все равно два дня лишних — пустяки. Как сошла твоя лекция?[1] Ни один экземпляр соколовской породы не хочет ко мне прийти. Помни: обстоят<ельное> письмо, чувиль,[2] книги и пирожное. Это справедл<ивый> налог. Не выполнишь его, в будущем прибегну к реквизиции. Мой сосед Адам Адамович Ивбуль, как проснулся, начал сказку про белого бычка. Это он из почтения к моей учености меня развлекает. Петька дразнится: «К тебе и сегодня твоя баба (т. е. жена) не придет». Одним словом, веселая компания.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 29—30)

[1] См. тексты п. 11, 12.
[2] См. примеч. 19 к п. 12.

№ 16

<22 мая 1922 г., Саратов>

22.V.Саратов

Дорогой Юра!

Пишу тебе наспех, т. к. минутки нет свободной: весь в делах, заботах и не столько личных, сколько общественных. Ты знаешь, что я сейчас являюсь представителем (заместителем) Международного Союза помощи студентам.[1] Приезжавший сюда недавно студент англичанин мистер Грант уговорил меня быть его заместителем. Мне неудобно было отказаться, и сейчас я руковожу кормлением 2000 студентов. Питание прекрасное: 1/2 ф<унта> белого хлеба, 2 стакана какао с сах<аром> и молоком, рисовая каша или бобы с салом. Кроме того, я уже более 1/2 года являюсь председателем общестуденческой организации и, как таковой, принимаю горячее участие в обширной работе по помощи голод<ающим>; к сожалению, обстоятельства таковы, что помощь гл<авным> обр<азом> ограничивается самим голод<ающим> студенчеством. Но и здесь при 12 000 сарат<овских> студентов работы по горло... Другие заботы связаны с имением Акад<емии> наук памяти А. А. Шахматова. Имение я уже принял и через недели 2 уезжаю туда вместе с группой профессоров и их

семьями.[2] Много хлопот и по музейным делам и университетским, где я состою председателем этн<олого>-лингв<истической> секции педагогич<еского> (теперь вм<есто> общ<ественных> наук) факультета.[3]

На днях были мои именины. Была гл<авным> обр<азом> молодежь, профессоров я почти не приглашал. Студенчество до 35 чел<овек> было у меня на вечере. Поднесли мне серебр<яный> позолоченный подстаканник на память и сказали трогат<ельное> приветствие, которое прилагаю при сем.

Сегодня у меня вечером гости: человек 10 профессоров с женами и англичане — представители английской миссии помощи голод<ающим> детям. Я с ними познакомился, и им приятно провести вечер в частной професс<орской> компании.

Посылаю тебе вышедший на днях оттиск с моей статьей об этн<ографическом> изучении Сар<атовского> края из 1-го тома «Сар<атовского> этн<ографического> сбор<ника>».[4] В него войдет обширная работа Маркелова (на р<усском> и морд<овском> языках) о сарат<овской> мордве (этн<ографические> материалы). Передай оттиски поскорее по назначению. Прилагаю 3 оттиска для тех особенно важных лиц, для кого это будет интересно. Оттисков у меня очень мало. Хорошо бы, если были бы печат<ные> отзывы. М<ожет> б<ыть>, ты найдешь нелишним для осведомления об областной работе передать оттиск Луначарскому и в Акад<емический> центр.

Пока всего хорошего. Поправляйся. По-моему, напрасно, что не поехал в Калугу.[5] М<ожет> б<ыть>, летом приедешь ко мне? Вот бы было хорошо.

Люб<ящий> тебя Борис. Детей целуй.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/9, л. 7)

[1] Речь идет о Европейском союзе помощи студентам, возникшем в 1920 г. В начале 20-х гг. его возглавлял английский общественный деятель Гиббсон. Цель союза — организация помощи голодающим студентам непосредственно на местах. Союз имел своего представителя из числа студентов (в данном случае идет речь о Гранте); заместитель этого уполномоченного выбирался из местной профессуры или студенчества. Выбор пал на Б. М. Соколова.

[2] См. примеч. 14 к п. 8 и примеч. 6 к п. 18.

[3] Структура факультетов и кафедр, особенно гуманитарного профиля, менялась: в 1917—1918 гг. был историко-филологический факультет; в апреле 1919 г. факультет общественных наук (ФОН). В начале 1922 г. факультет общественных наук был переименован в педагогический.

[4] См. примеч. 8 к п. 8.

[5] В Калуге жила сестра Н. М. Соколова (Татя).

№ 17

<27 мая 1922 г., Узкое>

1922.27.V
Узкое

Дорогой Боря!

Пишу тебе второе большое письмо после болезни. Первое было отправлено с профес<сором> Рыковым. Почему ты мне ничего не пишешь? О твоей жизни знаю по устному маминому пересказу письма Веры, писанного перед твоими именинами. Я рад за тебя, что поездка в им<ение> Шахматовых тебя несколько освежила,[1] а то рассказы видевших тебя в Москве о твоем внешнем виде не были особенно утешительны. Мне на днях А. С. Орлов задавал вопрос, что тянет тебя и меня нерасчетливо и расточительно тратить энергию. «Такая трата энергии, — говорит он, — вам даром не пройдет. Сожжете себя раньше времени». Что ему отвечать? Почему? — Так уже созданы. — Но все же тебе надо поберечь себя и воспользоваться летом. Меня заставляет отдохнуть болезнь, так что я не знаю, стоит ли уж очень сильно на нее жаловаться. Она мне много дала в смысле упорядочения себя в душевном да и в физ<ическом> отношениях.

Пишу я тебе сие послание из санатория для ученых, устроенного Цекубу[2] в б<ывшем> имен<ии> Петра Ник<олаевича> Трубецкого «Узкое»,[3] в 12 верстах от Москвы по Калужскому шоссе — за Воронцовом и Воробьевыми горами. Здесь живал со своей семьей и Серг<ей> Ник<олаевич>, у него здесь умер Вл<адимир> Соловьев.

Имение прекрасное. Деревянный большой дом в стиле позднего ампира, со всех сторон парк, пруды. Сейчас особенно хорошо — май месяц. Распустилась сирень, вишни, яблоки, черемуха. Деревья так сильно пахнут, что в первые дни совершенно одуревал от воздуха и ароматов. Птицы поют без умолку. После трех месяцев комнатного заточения так радостно попасть в земной рай. Санаторий устроен на славу. Чистота безукоризненная. Кормят, как на убой (м<ежду> пр<очим> — совершенно даром). Служащий персонал оч<ень> интеллигентный (м<ежду> пр<очим>, жена заведующего — внучка Льва Серг<еевича> Пушкина). Сейчас народу немного. Всего 8 чел<овек> больных: проф<ессор> механики Евг<ений> Ал<е>ксандрович Бо́лотов (теперь московский, а в течение 3 лет посл<едних> был ректором Каз<анского> ун<иверсите>та), его жена, проф<ессор> адм<инистративного> права Матв<ей> Дм<итриевич> Загряцков (ты его помнишь, конечно, хотя бы по Нижегор<одскому> ун<иверсите>ту), оставл<енная> при ун<иверсите>те по гражд<анскому> праву Марья Вл<адимировна> Житенева (оч<ень> образов<анная> барышня), два преподавателя Горной академии — палеонтолог Ал<е>кс<а>ндр Матв<еевич> Жирмунский (не родственник В<иктора> М<аксимовича>) и инженер-металлургист Як. Як. Энслен, наконец — я. Проводим время мирно, тихо и дружно, стараемся друг другу не надоедать. Любопытные иногда бывают разговоры на самые разнообр<азные> темы из самых разнообр<азных> областей знания. В этом отношении полезно и освежающе действует общение лиц не одной, а многих специально-

стей. Погода стоит все время чудесная. Поэтому поправка идет заметно успешно.

Приехали мы сюда 22 в понед<ельник>, сегодня 27 — суб<бота> — почти неделя. Бесспорно уже успели посвежеть, загореть и даже пополнеть. К сож<алению>, нога моя не дает мне возможности делать большие прогулки. Но, с другой стороны, — это м<ожет> б<ыть>, и хорошо: набегаться еще придется. Лучше отдохнуть, как следует. Действовать нога стала лучше, но к вечеру все же отекает. Не могу никак понять, отчего подолгу не могу заснуть. Ведь целый день на воздухе. Казалось бы, сон должен одолевать. Но, по-вид<имому>, нервы все еще в возбужд<енном> состоянии и не приходят в норму. Настроение также бывает иногда какое-то угнетенное — но, я думаю, что это последние тучи моей болезни. Через неделю, надеюсь, я совершенно оживу. На первых порах, естественно, воздух, полная свобода — опьяняют.

Поездка сюда, в Узкое, была для меня довольно неожиданной. Я подал на всякий случай заявление в КУБУ о санатории, так, без особой надежды — т. к. все санатории переполнены, но вот посчастливилось: ЦЕКУБУ как раз открыл новую санаторию. Между прочим, каж<ется>, 50% мест предназначено для провинц<иальных> ученых и прежде всего из голодных местностей. Имей это в виду и для себя и для своих саратовских colleg. Я рад, что попал в санаторию, а не поехал со своими на дачу. Устройство в неблагоустроенной даче (я тебе, каж<ется>, писал, что Зоя наняла дачу по Александр<овской> ж<елезной> д<ороге>, 20 верста, д. Вырубово) невольно бы волновало, отнимало силы. Правда, рассуждать так с моей стороны несколько эгоистично, но надо же поправиться как следует. Дача снята совместно с Ковганкиными и Зерчаниновыми. Не больно я рад такой комбинации: с Н<иколаем> Т<имофеевичем> я никогда не был близок: не умеет он по-человечески говорить. Впечатление такое, что как будто все ломается... За детей я рад. Им так хотелось в деревню. Да и Зое нужно поправляться: у ней оч<ень> острое малокровие — белá, uno полотно. Доктор прописал мышьяк и запретил курить. В посл<еднее> время чуть было переезд на дачу не осложнился: заболела прислуга Дуняша сильной формой малярии (темп<ература> 42,5°). Но после неск<ольких> дней ужасных припадков попрошла, и Дуняша поехала вместе с Зоей. Переезжать они должны были в четверг — в Вознесенье. Элла Генриховна на днях должна будет уехать в Латвию. Так судьба устроила, что кроме несчастья — моей болезни — Элла Генр<иховна> пользы никакой не принесла. Месяц ездила в Киев, четыре месяца хворала. Дети нем<ецким> яз<ыком>, кон<ечно>, занимались при таких условиях немного.

Боюсь я, вполне ли вытравили тиф у нас в квартире. На днях умер от тифа живущий под нами Николай Еделев *<нрзб.>*. Жаль старика.

Я чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что последние месяцы не принимал никакого участия в муз<ейной> жизни. В музее происходили неприятные столкновения. Все воевал пан Кузьминский с Щекотовым. В отдельных случаях и Щекотов бывал виноват своею обычною грубостью и резкостью в словах. Но Кузьминский за последнее время совсем одурел от злобы... и обвинил всю нашу администрацию (Щек<отов>, Серг<иевский>, Сух<отин> и Щерб<атов>) в преступлениях, чуть ли не в каком-то прикосновении к известной краже со

взломом из кладовой музея.[4] Дело Щекотовым было поставлено тогда на офиц<иально>-форм<альную> почву, и в настоящее время особая комиссия из представителей Рабкрина,[5] Акцентра[6] и, каж<ется>, угол<овного> розыска разбирается в кляузе. По-моему, Кузьминский просто потерял всякую сдержку и дошел до геркулесовых столпов. Можно возмущаться нетактичностью Щекотова, излишним бюрократизмом Сергиевского, но поддаваться бабьим сплетням a la Елена Федоровна (не обошлось дело без ее языка) — просто глупо. Дело кончится, думается, уходом или Щекотова, или Кузьминского. Скорее всего, последнего, т. к. слишком очевидно, что он зарвался. Понимаешь, как из-за всех этих историй трепались бы мои нервы. Главное, — не щадят имени любимого учреждения.

Как все это на руку тем лицам и учреждениям, которые давно музею не симпатизируют...

Чит<альный> зал освобождают. К моему приезду (я в санатории пробуду до 22 июня) будет приготовлено и самое устройство зала.

Ждет меня после выздоровления масса дела. Прежде всего должен буду составить 3 сборника сказок для Госиздата. Я тебе, каж<ется>, писал, что заключил договор: составить 3 сб<орника> по 5 л<истов>, 2 сб<орника> для средн<его> возраста, 1 для младш<его>, 2 <иста> — предисловие.[7] Невыгодные только условия: по 7 р<ублей> за лист сказок. Но взял из-за аванса (25% = 32 000 000) — нужны были оч<ень> деньги. Тебя Ал<е>кс<а>ндр Фед<орович> Насимович (пом<ощник> зав<едующего> отд<елом> детск<ой> л<итерату>ры Госиздата) — писатель, написавший «Херувимскую»[8] в «Свитке», просил составить 2 сб<орника> былин для средн<его> возраста[9] на тех же условиях: 1 л<ист> былин — 7 р<ублей> золотом, 1 л<ист> предисловия — 40 р<ублей> золотом, 1 р<убль> золотом в мае расценивался в 700 000 р<ублей>. Если ты согласен, напиши об этом или прямо ему или через меня. Ив<ан> Ник<анорович> Розан<ов> берется составить сборники нар<одной> лирики.[10] Бери — тебе составить не трудно. Переписку на машинке Госиздат оплатит: вот и Вере заработок: 500 000 — 1 л<ист> машинки. Зоя будет переписывать.

Сборник наш Белоозерский,[11] по-в<идимому>, не будет куплен, т. к. оч<ень> дорого обойдется печатание. Ведь Союз печатников за набор установил какую-то кошмарную плату! Делать же выжимки из сказок — несообразно ни с чем. Я во всяком случае против. Если не могут всего сборника, то пусть берут сказки, но уже целиком их. Я, кроме Гудзия, говорил и с Чефрановым* и с Калашниковым, ни к чему не пришли.

Побывал я в неск<ольких> заседаниях перед отъездом в санаторию. Так, 2 раза был в О<бщест>ве л<юбителей> рос<сийской> сл<овесности>. Один доклад Ю. И. Айхенвальда о «Гавриилиаде» Пушкина. Ты знаешь, что Томашевский роскошно издал «Гавриилиаду» и снабдил ее всем научн<ым> аппаратом.[12] Однако полагаю, что лучше бы было роскошно издать какое-либо другое сочинение Пушкина, а комментарии — исследование о «Гавриилиаде» напечатать в акад<емическом> журнале, вроде «Пушкина и его современников».[13]

---

* *В оригинале*: Чафрановым.

Роскошь издания «Гавриилиады» бесспорно расчитана на спрос широкой публики, падкой до «клубнички».

Айхенвальд прочитал докл<ад> оч<ень> интересный.[14] Основная его мысль верная — кощунственно-порнографич<еский> замысел Пушкина значительно ниже самого исполнения, которое своею поэзией свело на нет многое из того, что было задумано. В этом отношении, говорю, Айхенвальд прав; действ<ительно>, поэтичность (правда, не всей поэмы, а отдельных ее мест) оч<ень> высока и смягчает самую грубость сюжета. Однако Айхенвальд переборщил, перемудрил, обсерьезил эту пушкинскую «шалость» (термин Вяземского). Он заговорил о великих проблемах, поставленн<ых> Пушк<иным> в «Гавриилиаде» — от Бога ли любовь или от дьявола и т. д. Но эти и подобные вопросы, как на этот раз совершенно верно указал Шувалов, не Пушкиным подняты, а заключены в тех лит<ературных> материалах, которые послужили Пушкину для поэтич<еской> обработки. М<ежду> пр<очим>, Томашевским убедительно доказано, что источником «Гавриилиады» явились не франц<узкие> антиклерик<альные> произведения вроде Вольтера и Парни, а др<евне>христ<ианские> апокрифы.

Но самое любопытное было в заседании — ответы Айхенвальда своим оппонентам. Сколько искусства, виртуозности, ядовитости скрыто в с виду спокойной манере Айхенвальда спорить. Другой доклад был Цявловского о новинках пушк<инской> л<итерату>ры. 1) Поляков. «Смерть Пушк<ина>»,[15] 2) «Неизд<анный> Пушкин»,[16] 3) «Гавриил<иада>» в изд<ании> Томаш<евского>, 4) Гофман. «Введение в науку о Пушкине».[17]

На следующий день после заседания, посвященного «Гавриилиаде», я был на заседан<ии> Археол<огического> о<бщест>ва[18] о Владим<ирской> иконе Божьей матери. Читал А. И. Анисимов. Доклад оч<ень> хороший. Первая часть — обзор всех историч<еских> сведений и упоминаний об иконе — с XII в. Вторая часть — о реставрационной работе. Получилась совершенно отчетливая картина постеп<енных> наслоений на первоначальном письме.[19] Заседание происходило у нас в Ист<орическом> музее, и, след<овательно>, икона была перед публикой. Я снова был загипнотизирован (как года два тому на выставке) невыразимым взором глаз Богоматери. Отчасти под влиянием доклада Анисимова, отчасти по другим мотивам прочел (не целиком, но в существ<енных> частях) 2-й том иконографии Н. П. Кондакова (оч<ень> полезная вещь)[20] и перечел всю историю иконописи Грабаря.[21] Чудесное искусство.

В О<бщест>ве слов<есности> еще раз был на заседании — в посл<еднее> воскр<есенье>. Читал А. С. Орлов «Из средневекового миросозерцания».[22] Доказывал, что русское средневековье в культурном отношении мало чем отличалось от западноевропейского. Но доклад, как все доклады Орлова, общего характера, был составлен как-то с кондачка, импрессионистично, обще, бездоказательно. Вообще Орлов лишен синтезирующей способности. Второй доклад был Н. К. Гудзия «Об объеме истории р<усской> л<итерату>ры»[23] (преимущественно древней). Ничего особенного нового, но и ничего еретического. Во всяком случае, оч<ень> правильная постановка вопроса о том, какие произведения, не задавшиеся спец<иально> поэтич<ескими> целями, должны быть привлекаемы к ист<орико>-лит<ературному> изучению.

Он высказывался, 1) что должны быть изучаемы и произведения не поэтич<еские> по заданиям (проповеди, апокрифы, послания и т. д.), но заключающие в себе поэтич<еские> элементы, и 2) что для древнего периода л<итерату>ры этот круг должен быть шире, т. к. искусство лишь постепенно дифференцировалось и обособлялось из массы синкретического творчества (в древнее время наука, мораль, поэзия были более тесно спаяны). Все это хорошо и правильно. И я не знаю, почему Сакулин оч<ень> резко возражал Гудзию, обвиняя его в том, 1) что он повторил только то, что сказано в методологии Перетца,[24] 2) запутал то, что стало более или менее твердо устанавливаться: изучение лишь худ<ожественных> произведений Гудзий заменяет-де изучением «всего, что написано». Это было несправедливо, т. к. Гудзий этого не говорил. Чувствуется, что через голову ученика Сакулин (я от него не ожидал) сводил счеты с Перетцем, кот<орого> он не любит. Гудзий страшно был смущен и обижен таким приемом. Ах, как хочется Сакулину в академики!

В Диалект<ологической> комиссии[25] было оч<ень> интер<есное> заседание с докл<адом> А. И. Соболевского «Неск<олько> этимологий»,[26] а также с докл<адом> Н. Н. Дурново о границах РСФСР:[27] он провел границы с зап<адными> буферными государствами по диалект<ологической> карте. Получилась картина — прямо кошмарная! Конечно, эти границы могут быть лишь оч<ень> кратковременными. Слишком очевидно груб<ое> нарушение и этнограф<ического> и диалект<ного> принципа. Заставь к<акого>-н<ибудь> студента с оф<ициальной> карты РСФСР перенести границы на диалектол<огическую> карту. Эффект огромный.

В театрах я нигде не был. Сидел (за искл<ючением> вот 4-х заседаний) все дома, изредка выходил в Александр<овский> сад или в садик на Театр<альной> площади. Зато порядочно прочел для души. Я тебе уже писал о своих чтениях по истории христианства. Прочел всю (здесь кончил) книгу Новгородцева «Об общ<ественном> идеале».[28] Замечательная вещь. Прекрасн<ым> языком написана. Я ее читал из неотразимой потребности освежить душу, проверить свое убеждение, что есть и должна быть общественная мораль, общее для всех право, гарантирующее свободу каждой личности, что есть начала добра, с которыми прежде всего и человек, и общество, и государство должны сообразоваться. Эта книга и сама по себе дала нравствен<ное> удовлетворение, а, главное, дала возможность лучше формулировать свое давнишнее убеждение. Религ<иозные> и моральные проблемы меня и раньше, ты знаешь, оч<ень> интересовали и волновали, и особенно обострились за время тяжелой болезни, а также в результате тех мор<альных> крахов, кот<орые> пришлось пережить и в обществ<енной>, и в личной жизни.

Занимаюсь и ист<орико>-лит<ературными> проблемами. Сейчас читаю Эйхенбаума «Молодой Толстой».[29] Интересно, но до чрезвычайности односторонне. Поэтич<еское> творчество Толстого обособлять от философского и морального, по-моему, невозможно. Мне кажется, производится вивисекция единого творческого процесса. Напрасно Эйхенбаум (и вся школа Шкловского) стремится обособить худож<ественную> работу от всей ост<альной> душ<евной> и дух<овной> жизни. Это невозможно. Абстрагировав поэтич<ескую> продукцию, эти ученые делают из поэт<ических> форм какую-то самостоят<ель-

ную> субстанцию, и, что всего хуже, из нее выводят многие душ<евные> и дух<овные> акты. Сами увлеченные формализмом, они формализм незаметно приписывают и самим изучаемым авторам. Вот два примера: у Руссо и у Толстого наблюдается тяга к соц<иальным> и педаг<огическим> вопросам — «следствие *расшатанности* искусства, которое было выбито из замкнутой области эст<етических> канонов и должно было заново нащупывать для себя пи<щу>».[30] Итак, общ<ественные> искания Толстого — следствие не его душ<евной> напряженности, а следствие расшатанности форм искусства.

Или Эйхенбаум утверждает, что все «правила жизни», кот<орые> Толстой в дневниках составлял для себя, для своего поведения — происходили просто из любви к построению всяких схем: «Философия, опирающаяся на метафизич<еские> предпосылки и на интуицию, была чужда ему, — он предпочитает стройное течение силлогизмов, потому что внимание его направлено не на самую философию, а на *метод* логизирования».[31]

Хорошо, можно быть увлеченным исканием научн<ых> методов, но к методологии сводить и творческую работу писателя — поэта и моралиста — это значит искажать природу явлений.

Хотел бы я написать обобщающую крит<ическую> статью о методах формальной школы Шкловского. Уже пора поставить какие-то границы. Происходит подмена одних понятий (сложных, синкретичных, жизненных) другими (простыми, ясными, но абстрактными и сухими).

Ведь, правда, что-то не тае?

А затем язык новых теоретиков — «остр<анение>»,* и «установка на...». Ты давал ли темы студентам по определению основ новой школы? Дай, это полезно. Полезно формулировать то, что Шкловскими и Эйхенбаумами разбросано в разн<ых> местах, собрать воедино, дать этому смотр и пробрать...

О твоих печ<атных> работах сообщить ничего нового не могу. «Сказителей» не разыскали.[32] Печатание «Раевской»[33] не подвигается из-за какой<-то> общетипографской заминки. Так, по кр<айней> мере, говорил мне Ив<ан> Никан<орович>.

Приятным для меня сюрпризом была встреча в О<бщест>ве л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> накануне моего отъезда с Ник<олаем> Павл<овичем> Сидоровым. Он постарел и похудел, но по-прежнему умен и убедителен. Оч<ень> хорошо говорил по докладу Гудзия. Жаль, что не пришлось побольше побеседовать с ним. Каж<ется>, летний семестр он будет читать в у<ниверсите>те. Я буду читать с осени сразу для двух курсов, 1-го и 2-го. Следовало бы настоять, чтобы дали мне еще семинарий, но решил отложить вопрос до послелетних заседаний отделения.

Уже здесь, в санатории, слышал разговор о том, будто бы предположено факультет общ<ественных> наук перевести целиком в Лицей (Наркомпрос перебрался на Срет<енский> бульвар) и еще более коммунизировать.[34] Но мне что-то не верится.

Отдел науч<ных> библ<иотек> уничтожен совсем.[35]

---

* *В оригинале*: остраннение.

По библ<иотечной> части остался в Главнауке один Друганов, а Дитмар при нем — «консультантом». Среди библиотекарей — уныние. Идейное библ<иотечное> движение 18-го—20-го гг. кончилось так бесславно. Великий грех на чиновничьей душе Ив<ана> Ив<ановича> Гливенко. До идейных ли побуждений ему!

Мама собирается (т. е. мечтает) прокатиться в Спасское,[36] только нет денег. Получили бы мы за сборник, непременно помогли бы. Ты как будто хочешь поехать на дачу в им<ение> б<ывшее> Шахматовых. Что же? Это оч<ень> хорошо. Непременно так и сделай. Как Таня? Не соскучилась? Ира все в том же положении. Наезжают женихи (Сережа Нен<арокомов> несколько раз был в Москве, Ахманов из Костромы, Урсинович — несколько раз заходил), но она ни с места.

Гордая девица.

Привет Вере, Тане, Леве.

Крепко тебя целую.

Твой брат Юрий Соколов.

P. S. Не знаю, выжил ли д<ядя> Саша рыбинский. Он был оч<ень> плох. Оч<ень> о нем жалею.[37]

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 31—38)

[1] См. примеч. 14 к п. 8 и примеч. 6 к п. 18.

[2] См. примеч. 10 к п. 11.

[3] Ныне санаторий РАН.

[4] См. п. 19, 20.

[5] Рабкрин — Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) — наркомат, орган государственного контроля в 1920—1934 гг.

[6] См. примеч. 32 к п. 1.

[7] Сборники подготовлены не были.

[8] Речь идет о рассказе А. Насимовича «Херувимская», опубликованном в альманахе «Свиток» (1922. № 1).

[9] Б. М. Соколов эту работу не выполнял.

[10] Сборники не составлены.

[11] Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. Речь идет о возможном их переиздании в Госиздате. См. примеч. 11 к п. 11 и примеч. 13 к п. 12.

[12] Пушкин А. С. Гавриилиада/Ред., коммент. и примеч. Б. Томашевского. Пг., 1922.

[13] Пушкин и его современники: Материалы и исследования/Комиссия для изд. соч. Пушкина при ОРЯС АН. Пг., 1903—1930. Т. 1—10.

[14] Ю. И. Айхенвальд прочел этюд о «Гавриилиаде» как художественном произведении на заседании Пушкинской комиссии ОЛРС 14 мая 1922 г. Краткое содержание доклада и прения по нему см.: Пушкин: Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М.; Л., 1924. С. 272—275 (Отдел хроники).

[15] Поляков А. С. О смерти Пушкина. (По новым данным). Пг.: Госиздат, 1922.

[16] Неизданный Пушкин. М.; Пг., 1923.

[17] Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. 2-е изд., доп. Пб.: Атеней, 1922.

[18] Археологическое общество — имеется в виду Московское. Основано в 1864 г. Имело славяновосточную и археографическую комиссии. Руководили им граф

А. С. Уваров и его жена П. С. Уварова. Активными членами общества были Д. Н. Анучин, В. А. Городцов и др. Заседания проходили в Историческом музее.

[19] См. об этом: Домонгольский период древнерусской живописи. Вопросы реставрации: 2-й сб. Центр. гос. реставрационных мастерских. М., 1928.

[20] Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. СПб., 1914—1915. Т. 1—2.

[21] Грабарь И. Э. История русского искусства. М., б. г. Т. 1—6.

[22] Доклад А. С. Орлова не опубликован. Тема его находится в русле его активных занятий древнерусской литературой. См.: Орлов А. С. 1) Лекции по истории древнерусской литературы. Читаны на высших женских курсах В. А. Полторацкой. М., 1916; 2) Домострой: исследование. М., 1917. Ч. 1 и ряд других работ.

[23] Сведениями о публикации доклада не располагаем. Очевидно, что он был прологом к последующему обобщающему труду: Гудзий Н. К. История древней русской литературы: Учебник для вузов. М., 1938.

[24] Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.

[25] Московская диалектологическая комиссия (МДК) создана при Российской Академии наук при содействии А. А. Шахматова. Существовала с 1903 по 1932 г.

[26] Тема доклада соотносится с циклом работ ученого в этот период. См.: Соболевский А. И. 1) Русско-скифские этюды//Известия ОРЯС АН. 1921. Пг., 1923. Т. 25. С. 1—44; 2) Русско-скифские этюды (окончание)//Там же. 1922. Л., 1924. Т. 27. С. 252—332; 3) Новые русско-скифские этюды//Там же. 1926. Л., 1926. Т. 31. С. 10—30; 4) Название рек и озер русского Севера//Там же. 1927. Л., 1927. Т. 32. С. 1—42.

[27] Доклад тесно соприкасается с изданным в 1915 г. Московской диалектологической комиссией «Опытом диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии», в подготовке которого помимо Н. Н. Дурново принимали участие Д. Н. Ушаков и Н. Н. Соколов.

[28] Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1917. Вып. 1.

[29] Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922.

[30] Цитата из работы Эйхенбаума «Молодой Толстой» (С. 32). Подчеркнуто Ю. М. Соколовым.

[31] Цитата из книги Эйхенбаума «Молодой Толстой» (С. 15). Допущена неточность в цитировании: у Эйхенбаума «явно чужда», у Ю. М. Соколова «была чужда». Подчеркнуто Ю. М. Соколовым.

[32] См. примеч. 15 к, п. 12.

[33] Соколов Б. М. М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина.

[34] В начале 20-х гг. происходила реорганизация общественно-гуманитарных факультетов вузов. В соответствии с декретом В. И. Ленина от 4 марта 1921 г. в высшие школы РСФСР вводился научный минимум обязательных для преподавателей дисциплин. В их числе: исторический материализм, теория пролетарской революции, политико-экономический строй РСФСР.

С созданием ФОНов (см. примеч. 31 к п. 1) началось централизованное распределение (партийными и советскими учреждениями) мест в университет. Так, в 1922 г. ФОН МГУ принял 1808 слушателей, 60% которых являлись членами партии или комсомольцами (История Московского университета. М., 1955. Т. 2. С. 89—92).

[35] См. примеч. 20 к п. 1.

[36] В с. Спасском Ярославской губ. «за Волгою» жили родные Елизаветы Павловны — семья дьякона Александра Алексеевича Масальского.

[37] С А. Ф. Образцовым у братьев сложились особые отношения дружбы и доверия. Б. Соколов еще в 1911 г. писал Юрию из Рыбинска: «С д<ядей> Сашей,

ты знаешь, как всегда, мы дружим. И он очень хорошо относится, постоянно всем и подробно интересуется, много расспрашивал про вас. С ним интересно то, что, несмотря на свой священнический сан, он не замкнулся в сфере сословных интересов, а стоит на уровне интеллектуального развития» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1827, л. 3—4).

№ 18

<18 июня 1922 г., Саратов>

18.VI.1922

Дорогой Юра! Как твое здоровье? Совсем не имею от тебя известий, и это меня очень огорчает. Ты все же сейчас не так занят, как я, и у тебя времени может найтись больше, во всяком случае. Я же буквально не имею времени. Правда, недели <полторы> назад я переехал на дачу в академическое имение А. А. Шахматова.[1] Но прожил там всего 4 дня и затем, приехав в Саратов на свой приемный и деловой день, безнадежно застрял в городе. Дело в том, что как раз приехал главноуполномоченный Европейского союза помощи студентам[2] англичанин мистер Гиббсон, и я целые дни занят с ним, т. к. тебе известно, что я являюсь заместителем уполномоченного этого союза в Саратове и вот уже 2 месяца руковожу иностранным питанием студентов. Конечно, дело живое, но чрезвычайно ответственное, т. к. из 12 т<ысяч> студентов имеется возможность кормить всего 2 тысячи.

Кроме того, я являюсь по-прежнему председателем объединенных студ<енческих> комис<сий> помощи голодающим. Теперь с уменьшением голода в округе центр нашей работы перемещается на утоление студенческих нужд.

Мистер Гиббсон, известный общественный деятель в Англии, очень милый и высококультурный человек. К сож<алению>, говорит только по-англ<ийски>, но его переводчик В. Н. Муравьев — москвич — преподав<атель> ГИСа, друг И. А. Ильина, Трубецкого, знакомый Аристова, Петровских, Габричевского. Оба они остановились у меня в музее.

Целые дни заседания, собрания, то со студентами, то с профессорами.

Но на меня легло еще одно важное и еще более ответственное (при русских профессорских взаимоотношениях) дело — питание самих профессоров. Нансен постановил выдавать периодически по 2000 посылок русс<ким> профессорам. На Саратов отведено 150 посылок. И вот на меня возложена обязанность быть представителем профессуры. Условия такие. Комиссия распределительная образуется из 3 лиц: представителя иностранцев (англичанин Кук),[3] представит<еля> русского правитель<ства> (т. Бирман — уполномочен<ный> при иностран<ных> организациях в Саратове)[4] и профессора, по взаимному согласию обеих этих сторон. Выбор пал на меня. Англичане ездили к ректору, и тот тоже указал на меня.

КУБУ[5] также высказался за желательность моей кандидатуры. Но все же честь честью, а трудность и сложность своим чередом...

Много у меня хлопот и по музею и по управлению имением; как-никак приходится без копейки денег вывертываться и с пашней (24 дес<ятины>), и с огородами, и с лесом, и с покосом. А нет ни лошади, ни коровы![6] Чудеса! Я как-то всегда не задумываюсь и верю в счастье.

Верочка, заболевшая коклюшем, на даче значительно поправилась. У Левочки кашель почти прошел. Таня страшно располнела. Я очень рад, что она гостит — это очень приятно и Верочке, кот<орая>, поэтому, не одна, а то ведь меня почти совсем не видит...

Сейчас только что вернулся после тысячного студенч<еского> собрания с мистером Гиббсоном, где пришлось председательствовать. Ты сам понимаешь, как это трудно и ответственно. Но сошло очень хорошо.

Ах! Юра, все-таки увлекательна общественная работа, связанная с известной идеалистической и альтруистической целью, она подымает дух, но и страшно нервирует, утомляет, порой приносит разочарования и огорчения. Все же на душе есть сознание, что недаром поработал и недаром пожил для других — недаром в духовном смысле. В материальном смысле я несу эту работу (м<ожет> б<ыть>, это несправедливо для семьи) совсем даром...

Когда я поехал на дачу, я думал там целиком отдаться науке, и должен сказать, что в четыре проведенных дня там настроился на этот научно-исследовательский лад. Я решил во что бы то ни стало привести к концу мою работу об Егории Храбром,[7] а, с другой стороны, начать работу давно мной задуманную по народной лирике. Но обстоятельства заставили, как видишь, уехать в Саратов и вновь с головой уйти в общественное дело.

А бывают и не<прият>ные моменты. Тут недавно ни с того, ни с сего дурак проф<ессор> Ильинский (славист), вспомнив, что 2 года назад студенты-этнографы высмеяли его в особой юмористической поэме «Григориада», отомстил мне тем, что в пьяном виде назвал мне мою студ<енческую> компанию хулиганской, а когда я спросил, «почему», — ответил, что «каков пои, таков и приход».

На следующий день, дав ему протрезвиться, я пошел для объяснений, но он не дал удовлетворяющего меня ответа. Люди не знают, что сказать, и вот зависть, неспособность злит людей, отсутствие находчивости и пр<очее> толкают его на грубость и гадость. А я, между прочим, этого самого Ильинского все время выводил из тяжелого положения, поддерживал его на факультете, на днях поссорился даже с другими профессорами, чтобы во имя справедливости не лишить его права на командировку, предоставил ему место на даче,[8] выхлопотал в свое время ему квартиру и мн<огое> др<угое>. Ну, с подобного рода явлениями и тебе не раз приходилось встречаться. Людишки всегда людишки. Сначала меня это очень оскорбило, а потом подумал, что с дурака нечего и спрашивать. Типичный ограниченный буквоед с ограниченным миросозерцанием. Мои друзья очень возмущены таким диким и несправедливым поступком. Черт с ним! А тем не менее все-таки на дачу в Губаревку едет (сейчас жена, а потом и сам,

когда вернется из Петербурга). Удивительная беспринципность и нахальство...

Что слышно о моем «Пушкине»?[9] Давал ты по адресатам мою книжку об этн<ографическом> изучении края[10] и будет ли где рецензия?

К сожалению, все оттиски мои разошлись.[11] М<ожет> б<ыть>, удастся еще напечатать. Всего было 50 экз<емпляров>. Часть раздал здесь, часть послал через тебя в Москву, часть в Петроград.

Напиши свое мнение. Очень скучаю без писем от тебя и с нетерпением ожидаю. Очень огорчен смертью дяди Саши.[12] Очень и очень жаль его. Как там тетя Аня и дети?

Что, нельзя рассчитывать на твой приезд? Вот было бы хорошо. Губаревка[13] — настоящий земной рай. Был бы очень рад, если бы мама и Ира приехали бы. Понуждай к этому.

Целую тебя и детей. Привет Зое.

Любящий тебя брат Борис.

Пиши, пиши и пиши.

Заказные письма приходят хорошо.

Б. С.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/9, л. 8—11)

[1] См. примеч. 14 к п. 8.

[2] См. примеч. 1 к п. 16.

[3] Уполномоченные от международной комиссии постоянно менялись; в Саратов приезжали Карр, Вебстер, Грегг, Эллингтон, Эйкер и др.

[4] Постановлением ВЦИК от 7 декабря 1921 г. функции Полномочных представителей РСФСР при АРА были расширены — они объединили деятельность всех заграничных организаций помощи голодающим.

[5] См. примеч. 10 к п. 11.

[6] 16 мая 1921 г. Б. М. Соколову было послано официальное письмо за № 592 из Российской Академии наук за подписью ее «непременного секретаря» академика С. Ольденбурга. В письме сообщалось, что Российская Академия назначает Б. М. Соколова быть уполномоченным по вопросу устройства в Губаревке в имении А. А. Шахматова Дома отдыха памяти великого ученого. Здесь предполагалось организовать «культурный центр как просветительный, так и хозяйственный, с огородом и фруктовым садом». К официальному документу было приложено личное письмо С. Ольденбурга Б. Соколову с «огромнейшей просьбой» взять на себя эту нелегкую миссию (см.: ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 159, л. 1). 12 мая 1922 г. академик С. Ольденбург в письме Б. М. Соколову выражал признательность за его хлопоты по поводу усадьбы А. А. Шахматова, за сообщение о постановлении саратовского губземотдела передать имение Академии. Вместе с тем С. Ольденбург извещал Соколова об отправке официального разрешения поселиться в Губаревке летом 1922 г. саратовским ученым, так как из-за финансовых затруднений Академия в права владения пока вступить не может (см.: ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 159, л. 3).

[7] Недавно опубликованная работа Б. М. Соколова, анализирующая один из сюжетов (с вариантами) духовных стихов: Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром: Исследование и материалы / [Подгот. В. А. Бахтина]. М.; Наследие, 1996.

[8] Речь идет об имении А. А. Шахматова.

[9] См. примеч. 8 к п. 10.

[10] Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. См. примеч. 8 к п. 8.

[11] См. п. 16.

[12] См. примеч. 37 к п. 17.

[13] Имение А. А. Шахматова в Вязовском районе Саратовской губернии.

№ 19

<7 июля 1922 г., Москва>

1922.7.VII. Пятн<ица>.

Дорогой Боря!

Прочитал вчера большое Верино письмо к маме. Очень рад за вас, что так прекрасно устроились с летним отдыхом: прекрасная местность и хорошая компания.[1] Я тоже оч<ень> доволен летом. Из санатория приехал 20 июня. Поправился вполне: помолодел, разжирел, повеселел. Бодр и готов к работе. С переездом в Москву сразу окунулся в дела. В музее за отъездом Кузьминского в месячный (думаю, что значительно больший, если не полный) отпуск, исполняю обязанности г<лавного> библиотекаря и, след<овательно>, председателя разряда и т. д. Снова состою председателем месткома[2] и, как таковой, был членом комиссии по сокращ<ению> штатов музея. Нас сократили с 250 до 150. Здорово?! Резали по живому телу. С реш<ающим> гол<осом> в комиссии только были Щекотов и я. Конечно, как всегда в подобных случаях, было оч<ень> много тяжелых переживаний. Ведь так иногда трудно бывает определить, кого оставить, кого уволить. Но в общем все <обош>лось довольно благополучно. Атмосфера в музее стала разряжаться, т. к. дело, возбужденное Кузьминским, подходит к концу и, как говорят, совершенно реабилитирует тех лиц, на кого по указаниям Кузьм<инского> падало подозрение. Гнусная и главная глупая (!) история. Основываться на бабьих и служительских сплетнях при возбуждении серьезного дела![3] По-моему, К<онстантин> С<таниславович> промахнулся сильно.

Дома я стараюсь работать. Составляю 3 сборника сказок для детск<ого> и юнош<еского> возраста.[4] К сож<алению>, не удается подобрать такие тексты, которые бы не требовали редакт<орской> обработки. Придется текст исправлять в стил<истическом> отношени<и>. Ведь это не научное, а худ<ожественно>-лит<ературное> издание.

Согласился написать для Лит<ературной> энциклопедии (сб<орник> под ред<акцией> Львова-Рогачевского с участием Гроссмана и Айхенв<альда>) статью «Народная словесность» 3/4 л<иста>.[5] Срок скоро. Не знаю, как выйдет. Обдумываю переработку заново своей книги о сказках.[6] Нужно поинтереснее обработать не<которые> главы.

О твоей «Раевской»[7] точных свед<ений> еще не получил, т. к. выбраться в «Задругу» при всем желании не успел: так много дела. Твоя брошюра-отчет о этн<ографических> работах в Сар<атовском> крае[8] производит большое впечатление. Я еще не всем раздал, кому следует, т. е. часть народу в отпуску, часть отсиживается дома. Днем в служ<ебные> часы ни на минуту выйти из музея не имею возможности.

Молодец ты. Рад и горжусь за тебя. Развил колосс<альную> энергию. Одно только скажу: очень ты неряшлив в языке. Есть ужасные фразы. Неужели так трудно за собой следить? Я тебе пришлю как-нибудь свой экз<емпляр> твоей брошюры с моими подчеркиваниями и исправлениями. Мне корявости твоего языка бросаются в глаза и уши оттого, что слишком я привык следить за строением фраз в учених<еских> работах. Тебе это производить приходилось в меньшей степени, почему ты и не развил в себе навыка стилист<ического> контроля.

Вчера у Е. Н. Елеонской с огромным интересом слушал сказки, запис<анные> О. Э. Озаровской прошлой осенью в Арх<ангельской> г<убернии> на р<еке> Кулое.[9] Замечательный язык. Если можно возражать против некот<орых> вещей в чисто фил<ологическом> отношении, то с худож<ественно>-арт<истической> стороны запись превосходна. Озаровской временами удается воспроизводить оч<ень> хорошо интонацию сказочника, и это может делать действ<ительно> только артист. Вот почему я всегда чувствовал себя вполне правым, когда горячо рекомендовал артистам-«рассказчикам» ехать учиться рассказыванию в деревню непосредственно у крестьян. С Озар<овской> ездил художник-портретист и пейзажист, сделал замечательные зарисовки сказочников и ландшафтов. Пожил я вчера душою на Севере и в Руси XVII в. — Вот она, подлинная-то Русь.

В понед<ельник> в Ист<орическом> музее — чествование Н. П. Лихачева по поводу 30-летия его доктората (докт<орская> степ<ень> и бум<ажные> знаки в 1892 г.). Лихачева чествовали недавно в Петрограде, теперь в Москве. Деят<ельность> его поистине многогранна: р<усская> история, иконография, палеография, дипломатика, фрагистика, нумизматика, генеалогия, библиография и т. д. Я устраиваю выставку его сочинений. Выставка, правда, неполная (нельзя в короткий срок собрать все труды Лихачева — до 150), но показательная. С докладами выступят М. К. Любавский, А. В. Орешников, Протасов, А. И. Соболевский.

Вчера у меня был В. В. Богданов. Его этн<ографический> музей,[10] по-видимому, займет помещение б<ывшего> уч<ебного> округа, т. к. Акцентр[11] скоро въезжает в Наркомпрос на Срет<енском> бульваре.

В<ладимир> В<ладимирович> должность зав<едующего> отделением р<усской> этнографии «приберегает» для тебя: пока наряду с заведованием всем отделом сам В<ладимир> В<ладимирович> заведует и р<усским> отделением. Куфтин — зав<едующий> вост<очным>, Жуков — иностр<анным>, Свешников — славянским. Очень В<ладимир> В<ладимирович> тянет тебя в Москву. Вопрос о замещ<ении> кафедры р<усской> этн<ографии> на этн<олого>-линг<вистическом> отделении[12] висит в воздухе. Как будто еще не открывали конкурса.

Мой курс по нар<одной> сл<овесности> в у<ниверсите>те на буд<ущий> год утвержден, но с Бродским произошел казус. Несмотря на битком на<бит>ые аудитории у Бродского, Лукин (декан) зачеркнул все курсы Бродского на буд<ущий> год, — мол, могут эти курсы читать штатные. С большим трудом удалось П. Н. Сакулину отстоять хотя бы семинарий для Бродского. Все рассматривают <выходку> Лукина как результат его личного недоброжелательства к Николаю Леонтьевичу. Я удивляюсь все же последнему. Почему не переменить довольно двусмысленное положение в Моск<овском> ун<иверситете> на основат<ельную> кафедру в Саратовском. Но его не убедишь.

В Москву перебирается Н. П. Сидоров. Весною он уже читал свой курс (оказывается, и он сверхштатный). На буд<ущий> год предполагает уже совсем обосноваться в Москве.

Дома у меня все было благополучно (видишь, я пишу без всякой связи: страшно тороплюсь, т<ак> к<ак> скоро 4 ч<аса>, и Вебер, у отца которого остановился Бутенко, уйдет), но недавно заболела Ниночка корью. Доктор сказал, что и Игорь непримен<но> заболеет на днях. Дети на даче. За болезнь не боюсь. Корь обязательна, и хорошо, что напала на детей летом.

Зоя уехала совсем к ним, т. к. ей пришлось уйти со службы в музее:[13] при сокращении штатов всех жен попросили о выходе. Я оч<ень> рад — дети будут при матери.

На дачу езжу на суб<боту> и воск<ресенье> каждую неделю. Кругом прекрасно, но сама дача оч<ень> плоха: тесно, протекает крыша, дом среди деревни. Ну, да ничего.

Кормимся только пайками (ак<адемический>[14] + муз<ейный> + Преч<истенские> курсы[15]). Денег почти не платят. На днях по музею получили лишь за апрель. Но я не унываю. Выкарабкаемся опять как-нибудь. Ты, каж<ется>, с мат<ериальной> стороны обставлен довольно благополучно. Мама уехала в Калугу.[16] Жаль — твое письмо было получено на след<ующий> день ее отъезда. Письмо твое так убедительно, что мама, м<ожет> б<ыть>, поехала бы к тебе, хотя она оч<ень> жалеет Татю, которая обижается на всех нас, ее забывших. Пишешь ли ты или Вера когда-нибудь?

Крепко целую тебя, Веру, Леву, Таню.

Горячий привет Юшковым, Черновым, Рыкову, Гераклитову, а та<кже> Ильинским. Всего доброго.

Твой Юрий.

Жду от тебя обещанного большого письма.

Тв<ой> Ю. С.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 39—42)

[1] См. п. 18.

[2] Ю. М. Соколов регулярно и на длительные сроки избирался председателем месткома в Историческом музее за годы работы.

[3] Речь идет о краже музейных ценностей, о той атмосфере подозрительности и недоверия, в которую оказались втянуты все сотрудники музея благодаря не очень

тактичным и бездоказательным обвинениям в адрес ряда лиц, которые допустил К. С. Кузьминский. См. текст п. 20.

[4] Сборники не были составлены. См. п. 17.

[5] Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Помимо статьи «Народная словесность» Ю. М. Соколов написал статью «Народная литература», а также ряд других. См. п. 20.

[6] В издательстве «Задруга» в серии брошюр «Крестьяне о себе» предполагалось печатание книги Ю. Соколова «Русские сказки» (3-я книга серии) (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2705, л. 21). Вероятно, Ю. М. Соколов имеет в виду эту работу. В свет она не появилась.

[7] См. примеч. 33 к п. 17.

[8] Имеется в виду оттиск статьи Б. М. Соколова «Этнографическое изучение Саратовского края» из кн.: Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1.

[9] О. Э. Озаровская с 1914 г. ездила на Север за сказками. Собранные ею материалы составили сб. «Пятиречие» (Л., 1931).

[10] Имеется в виду этнографический отдел в Румянцевском музее.

[11] См. примеч. 32 к п. 1.

[12] В Московском университете. См. примеч. 31 к п. 1.

[13] З. С. Соколова некоторое время работала в музее.

[14] См. примеч. 6 к и. 5.

[15] См. примеч. 9 к п. 5.

[16] См. примеч. 5 к п. 16.

№ 20

<4—17 сентября 1922 г., Москва>

1922.4.IX.
Москва
Историч<еский> музей

Дорогой Боря!

Целую вечность не писал тебе. Причин этому много, но главная, как ни странно, — лень. Лень писать о себе. О тебе же у меня были сведения из писем твоих, Веры и Тани к маме, из рассказов саратовцев (Юшковых и др.). О<т> тебя ко мне лично писем давно не имею, кажется, с месяц. Думаю, что ты, по-прежнему, с утра до ночи занят, несмотря на летнюю пору. Я очень рад, что дело у тебя спорится как общественно-педагогическое, так и главное — научное. Полагаю, что своего Егория Храброго[1] ты закончил. Смотрел ли ты IV в<ыпуск> «Русских древностей в памятниках искусства» И. И. Толстого и Н. Кондакова. СПб., 1891, стр. 169 — о монетах Ярослава Мудрого (с изобр<ажением> Георгия),[2] а также статью Я. И. Смирнова в 25 томе «Древностей» Моск<овского> арх<еологического> общества о Георгии Победоносце[3] и статью того же Смирнова в трудах посл<еднего> Киевского съезда (описание снимков с фресок Киевского собора, частью уже теперь погибших).[4] О рельефе в Мих<айловском> монастыре в Киеве с изображением

Георг<ия> Побед<оносца> и Дмитр<ия> Сол<унского> = изобр<ажению> Яросл<ава> Мудр<ого> и Изяслава ты, кажется, знаешь. (Помещены были, м<ежду> пр<очим>, в ж<урнале> «Искусство»[5].) А. И. Некрасов о них написал статью,[6] о которой ты с ним не то разговаривал, не то переписывался. Идея твоя (историч<ески> конкретная основа для дух<овного> стиха) правильная, и А. В. Орешников, а также А. С. Орлов как-то, когда я им о твоей работе говорил, весьма сочувственно к ней отнеслись. Желаю тебе успеха. Я очень завидую тебе: удалось выбрать время для самостоятельной научной работы-исследования. Мне популяризационные работы (бесчисл<енные> лекции по нар<одной> сл<овесности>) порядком надоели. Тут в течение посл<еднего> месяца (в несколько присестов) написал ряд статей (самого общего характера) по нар<одной> словесности для издающегося словаря литературных терминов (редакция В. Л. Львова-Рогачевского[7].) Одну статью большую — «Нар<одная> словесность» — и целый ряд по отд<ельным> видам ее: былины, сказки, истор<ические> песни, думы, обрядовые песни, лирика, частушки, дух<овные> стихи, заговоры, загадки, пословицы, поговорки. Всего вышло 2 с лишним печатных листа. Не скажу я, чтобы был им<и> особенно доволен: писал между делом, наспех: обдумывать формулировки и снабдить незатасканными примерами не было времени. Ах, как надоело так работать: торопливо, без увлечения, а главное — надоело повторяться. Правда, написание переч<исленных> статей потребовало пересмотра (хотя и беглого) общих руководств (Спер<анского,[8] Милл<ера>,[9] Шамб<инаго>,[10] Коробки,[11] Аничкова[12] и др.), что нелишне перед началом учебного сезона, но только раздразнил аппетит на серьезное изучение основных трудов (хочу непременно как следует перечитать «Поэтику» Веселовского[13] и «Золотую ветвь» Фрэзера).[14] За все статьи получил лишь 40 милл<ионов> (за 1 л<ист>), да получу завтра за 1/2 л<иста>, за остальные 1/2 не получу ничего, т<ак> к<ак> по своей вине не смог сжать текста. (Сжимать же опять некогда, да и скучно.) Зое за переписку заплатили 12 мил<лионов>. Вот тебе и все. Немного. Другую работу — составление 3 сб<орников> сказок для Госиздата, несмотря на взятый аванс, не успел сделать: перечитал много сказок, но вижу (я, кажется, тебе писал), необходимо перерабатывать тексты, если сборник в педаг<огическом> отношении сделать образцовым и если не сдирать всего с Афанасьева.[15] Как увидел, что работа требует времени, а вместе с тем она опять не научная, а популяризационная — скучно стало. Лекции читаю с большим удовольствием, т. е. вернее с меньшей неохотой, чем пишу то, что самому уж слишком хорошо знакомо. Свою книгу о сказках так еще и не обрабатывал.[16] А надо. Знаю, что надо. Непременно сделаю. Обзор нем<ецкой> научной литературы о сказках также не написал еще.[17] Знаю, что глупо. Но вот в чем еще дело. После тифа не могу вполне чувствовать себя здоровым: необходимо беречь силы, а между тем я по возвращении из санатория пустился во все тяжкие. Через месяц-полтора обнаружились головокружения, сердечные (нервные) боли, стали опять сильно отекать ноги. Доктор заявил, что я по крайней мере двух месяцев не долечился. Настойчиво советовал вести спокойный, более уравновешенный образ жизни. Приходится слушаться. День располагаю так: с 10 до 4 (за иск<лючением> суб<боты> и воскр<есенья>, когда музей закрыт) я в музее безвыходно, с 4 до 6 обедаю и обязательно сплю, с 6 пишу, читаю или на заседаниях. Ложусь в 1 ч<ас>—2. К сожалению, иногда порядок

нарушается. Напр<имер>, сегодня вместо послеобед<енного> отдыха пошел в у<ниверсите>т в канцелярию по делам, а затем друг за другом принимал семерых гостей: Н. Л. Бродского, В. Ф. Ржигу, Н. Ф. Познанского (кот<орый> перебрался недавно в Москву), А. И. Некрасова (тоже совсем в Москве), Зоиного брата А. Н. <*нрзб. 1 слово*> с тов<арищем> и Ник<олая> Павл<овича>.

После этого заканчивал статью (закончил),[18] пишу тебе письмо, а голова трещит от усталости. Дома у меня все слава Богу. Ниночку Зоя уже привезла вчера с дачи. Игоря и весь скарб перевезет в среду. Начинается зимний сезон. Зоя не будет служить, что лучше: за детьми нужен присмотр. Прислуга есть (даже две все лето; одной придется отказывать: еще не решили — которой). Элла Генр<иховна>, слава Богу, выехала. А прожила целое лето: пришлось кормить и поить, а дети не учились. Зато Э<лла> Г<ериховна> сшила неск<олько> платьев и сделала неск<олько> шляп. На днях закончу приведение в порядок своей библиотеки; разбирала мне ее Ира петерб<ургская>, да не закончила, и пойдет правильная жизнь по-зимнему. С лекциями устраиваюсь так: 4 ч<аса> в у<ниверсите>те (2 ч<аса> на 3 курсе лит<ературно>-худ<ожественного> отделения, 2 ч<аса> на 1 и 2 курсах этн<олого>-лингвистического — большая аудитория, 2 ч<аса> в консерватории, 2 ч<аса> в Институте слова на фак<ультете> рассказчиков,[19] 2 ч<аса> на 1 к<урсе> пречистенского педаг<огического> практикума[20]), в университете и в Инст<итуте> слова курсы по нар<одной> слов<есности>, в конс<ерватории> и Преч<истенском> практ<икуме> — общие курсы по р<усской> литературе. Очень уговаривали ездить по разу на 2 дня в месяц в Тверь:[21] дал согласие. Там два курса: нар<одной> слов<есности> и поэтики. Кроме того, остаюсь научн<ым> экспертом в Ц<ентральном> гуман<итарно>-пед<агогическом> институте[22] и в научно-лит<ературном> бюро МОНО[23] по вопросам преподавания литературы. Состою членом Краеведческого бюро (вот Богданов ничего не сумел сделать там! Я же был болен). Пед<агогический> институт, МОНО и Кр<аеведческое> бюро будут брать по 2 часа днем в неделю. К этому прибавить по 6 ч<асов> в музее — в течение пяти дней в неделю. Итого всего часов: 10 лекц<ий> + 6 консульт<аций> + 30 муз<ейных> (хотя имею право 24) = 46, след<овательно>, в среднем в день — почти 8. А для научной работы, для литературной где время? Доктор не велит за 8 ч<асов> заходить. Вот тебе и на! Ну, да ничего. Ем я довольно сытно, хотя и не роскошно. Денег (в средн<ем> теперь 200 милл<ионов> в мес<яц>) едва-едва хватает. Приходится сокращать аппетиты. Выручает в знач<ительной> мере акад<емический> паек и небольшие пайки по музею и преч<истенскому> практикуму. Другим приходится тяжелее, чем мне. Каз<енная> квартира, каз<енное> отопл<ение> + освещ<ение>, паек, 200 м<иллионов> жал<ованья> (по музею 105 вместе с местком<ом>) — все это все-таки по теперешним временам не так плохо. Одеваюсь опрятно. Жизнь как-никак не та, что была, напр<имер>, в 1919—1920 гг. Теперь живем, по кр<айней> мере, по-человечески. Не знаю, как устроюсь с учительницей языков (французского и немецкого) для детей. Необходимо пригласить (приходящую) во что бы то ни стало. Музыке учить будет Зоя.

В музее работы оч<ень> много, но интересной: готовлю к открытию чит<альный> зал. Решил сначала открыть 1 сент<ября>, пришлось отложить до 15-го. Целый месяц замещал Сергиевского по администра-

тированию музеем, а Орешников Щекотова. Серг<иевский> и Щек<отов> были в отпуску. Я же с 1 июля состою временно глав<ным> библиотекарем. Кузьминский не вернулся вовремя из отпуска, и Щекотов, уезжая, назначил меня гл<авным> биб<лиотекарем> временно до открытия чит<ального> зала. Кузьмин<ский> тогда пришел удостоверить, что ему еще нужен месяц лечения. Не знаю, приедет ли к 7-му числу, когда срок истекает. Ужасное тяжелое чувство от всей пакости, которая поднята. В пятницу 1-го в «Изв<естиях>» и «Правде»[24] появилась заметка о следствии, которое ведется по делу администрации музея. Заметка производит отвратительное впечатление. Неужели Кузьминский добивался того, чтобы перед всеми загрязнить музей? И на кого невольно посыпались удары? Первым делом на Ник<олая> Серг<еевича>, которому тот же Кузьм<инский> всем обязан с юных лет. Если он и не хотел этого результата, то все же виновен, т. к. вызвал всю историю. Нельзя из задетого самолюбия мстить так, что удары приходятся не по противнику, а по всем, кто вокруг. Я думаю, что ему в конце концов будет стыдно возвращаться в музей. Тяжелое дело, но я уверен, что скоро все образуется.

В Москве сейчас и по другому случаю тяжело: тебе известно, думаю, — подверглись высылке ряд ученых: Бердяев, Франк, Ильин, Фельдштейн, Кизеветтер, из литер<аторов> — Айхенвальд, Осоргин, Степун, из «Задруги» — Кудрявцев, Озерецковский, выслан (это уж совсем не по чину) Изюмов, далее Мякотин, в Петрограде Лосский и целый ряд других лиц. В Москве, след<овательно>, пострадали Союз писателей,[25] Вольная Академия духовной культуры,[26] «Задруга»,[27] философские кружки. Жить будет скучнее, т. к. этими организациями все же вводилось оживление в духовную атмосферу. Интересно, что многие из указанных лиц в чисто политическом отношении совершенно лойяльны.

Подошел к концу лист. Надо кончать письмо и идти спать. Крепко целую тебя, Веру, Леву и Таню. Поклон Пете и сарат<овским> друзьям.

Твой Юр<ий> Соколов.

Прошлую суб<боту>, воскр<есенье>, вт<орник> я был в Калуге. Хорошо провел время, только — простудился <...>

Вот какие главные новости.

Вчера один какой-то твой бывш<ий> ученик по институту сообщил мне, что ты умер: он прочитал об этом в харьковских газетах!!!

Вчера ночью ты мне снился.

Корректура твоей книги[28] прислана на днях Цявловскому. Но в «Задруге» произошла из-за арес<тов> задержка.

<5 сентября 1922 г., Москва>

5.IX.1922
Втор<ник>

Сегодня утром у меня в музее был А. М. Смирнов. Он направляется на днях в Саратов — додерживать экзамены. С ним я и отправлю письмо. Вечером я был у Н. К. Пиксанова. Он много наплодил книжек: 1) «Мольер и Гриб<оедов>» — ты видел,[29] 2) «Биб<лиогра>фия марксистской критики»[30] — вся разошлась, 3) «Пушкинская студия» — только что появилась: это второе издание саратовской книжки.[31] Печа-

тает подобные же книжки по Тургеневу,[32] истории р<усского> театра,[33] и особенно интересны по старой русской повести.[34] Переиздает «Два века»,[35] приготовил 2-й Тург<еневский> сб<орник>,[36] Грибоедовский сборник[37] и Пушкинский.[38] Что и говорить, работы полезные, но все библиографо-справоч<ные> или <сырые> материалы. С ним сегодня побеседовали обо многом. Сперандус все меня продолжает ругать. Да кого он не ругает? Я перестал внимание обращать... Пиксанову я поделил<ся> <твоею> мыслью о необходимости ист<орико>-лит<ературного> журнала.[39] А, оказывается, уже ведутся переговоры с Госиздатом. Инициатива исходит... от Бельчикова (из Главархива). Он совещался с Пиксановым. Пиксанов предлагает гл<авное> редакторство Сакулину, с ред<акционной> коллегией из: Пикс<анова> (XVIII в.), Гудзия (др<евне>р<усская> л<итерату>ра) и меня (нар<одная слов<есность>). В кач<естве> технич<еского> организатора — Бельчиков. Ты знаешь, я Бельчикова не больно люблю, но он практик, а при журнале необходим такой человек. Гудзий и я — оба подвижные. Сакулин с огромными литер<атурными> связями и авторитет. Пиксанов — методичен. В таком составе редакция очень работоспособна. Пока все это секрет. Но я, когда предложат, соглашусь.

Отпечатаны и сброш<юрованы> «Научные известия», но пока не выпускаются в свет: ждут 2-го сборника со статьями в марксистском духе и тогда выпустят одновременно.[40] Единств<енный> экземпляр (Гливенки) я видел у Пиксанова.

Предположен еще журнал по вопросам теоретич<еской> поэтики — издатель Академ<ия> худ<ожественных> наук, редактором предположен М. А. Петровский. Это замысел Пиксанова.[41] Выйдет вскоре ж<урнал> «Искусство» той же Академии;[42] там будут статьи и по литер<атуре> (м<ежду> пр<очим>, большая статья по поэтике Сакулина).[43] На днях вышел 1 № журнала «Шиповник»[44] со стихотворениями лучших поэтов и филос<офско>-публ<ицистическими> статьями Бердяева, Степуна, Абр<ама> Эфроса и др.

Купи № сегодняшних «Известий» (от 5.IX — № 198) с приложением о различных изданиях Госиздата и частных издательств, а также № интересен и тем, что там помещена большая статья (анонимная, но напис<анная> Малицким) об Ист<орическом> музее,[45] его состоянии и задачах. Статья хорошая и кстати. Скоро должна будет появиться и заметка о чит<альном> зале. Досадно, что прекрасное учреждение и культурнейшая его деятельность загрязнены клеветой. Вчера начался снова допрос свидетелей, и сегодня зав<едующего> хоз<яйством> у нас арестовали. Я все же по-прежнему глубоко уверен в полной чистоте всей администрации.

Пока прощай. Твой Юрий.

<7 сентября 1922 г., Москва>

1922.7.IX.
четверг

Дорогой Боря!

Письмо еще не отправлено, и поэтому опять имею возможность сделать приписку.

Вчера вечером был в Доме ученых: собрались все те, кто в течение летних месяцев лечился в санатории ЦЕКУБУ. Дом ученых помещается

на Пречистенке (16): особняк б<ывший> Коншиной. Роскошное помещение, хотя и аляповато, по-купечески изукрашенное. Собрались и молодежь, и старцы. М<ежду> пр<очим>, были Сакулин, Реформатский (химик), <Анучин>, М. Н. Розанов, А. <В.> Филиппов, Загряцков, М. А. Петровский, М. А. Голубцова, скульптор Андреев, муз<ыкант> Мейчик с женой-артисткой, Кречетович и мн<огие> др<угие>. Было всего человек 50—60. Был дан концерт студийцами Чеховской студии Худ<ожественного> театра:[46] это Станиславский (он тоже лечился в санатории) прислал вместо себя. Огромное удовольствие доставила своею бесподобно шутливою игрою-имитацией молоденькая жена Мейчика (это вторая; первая, как известно, была расстреляна неск<олько> лет назад: обвинялась, каж<ется>, в спекуляции).

Несмотря на грусть, от которой трудно совсем отделаться — из-за насильной высылки ряда ученых за границу, — жизнь берет свое; ведь нельзя всё плакать. Необходимо поосвежиться. Иначе не выдержать.

Сегодня весь день в работе. Кузьминский прислал извещение, что ввиду производимого следствия, не желая оказывать давления на служащих, он просит продлить срок его отпуска. Это был правил<ьный> выход: бывать в музее, по-вид<имому>, ему теперь стыдно: столько лиц невинно страдают из-за него.[47]

Был я сегодня в Книжной палате. Добился наконец восстановления нашего права на обяз<ательный> экземпляр, которого мы лишились весною, когда М. Н. Покровск<ий> наш № (всего их 25) передал Главиолитпросвету. (М<ежду> пр<очим>, ваша библиотека, — по-моему, публичная — получает обязат< ельный> экземпляр. Или университетская?)

Новый директор Книжн<ой> палаты[48] Яницкий мне показал ее всю. Я этому был очень рад. Вся картина мне ясна теперь. Число выпускаемых в год книг в РСФСР подходит теперь к половине того, что издавалось до революции. Явно выправляемся: в 20 г. число книг пало чуть ли не до одной 10-й: с 30 тыс<яч> до 3-х.

Видел я в Книж<ной> палате М. А. Цявловского (он заведует архивом и библиогр<афической> библиотекой палаты). Он проверил корректуру твоей книги по коп<ии>, напечат<анной> на машинке: говорит, что она очень неисправна. По оригиналу твоему рукописному (кот<орый>, как ты говорил, в «Задруге») он проверит, когда получит книгу в сверстанном виде. Цявловский забыл, что я ему передавал твою просьбу. Поторопись написать мне, кому именно ты в «Задруге» отдавал свой оригинал.[49]

Затем я был в МОНО на зас<едании> научно-метод<ического> бюро. Видел Ушакова и др. Учителя на Губ<ернском> шк<ольном> совете попрекали нас, составителей программы-minimum. Но критиковать любую программу легко: не все поместишь — скажут, пропусков много, все — скажут: перегружена.[50] После обеда пошел на экзамен в Пречист<енский> педаг<огический> институт,[51] просидел с Лукьяновы<м> три часа. Видел там и А. А. Сергеева, который говорил мне, что отредактировал 6 т<омов> дневника Николая Романова и часть уже отослана для печатанья за границу.[52] По-вид<имому>, это все будет печатано для всеобщего сведения. Во 2 № «Красного архива»[53] будут напечатаны письма Ник<олая> II к Алисе за посл<едние> четыре года войны: весь он был во власти А<лександры> Ф<едоровны> и Распутина.[54] Жалкий и ничтожный человек.

А. А. Сер<геев>, Б. Е. Лук<ьяновский>, Ив. М. Соловьев шлют тебе привет, а также Н. П. Цветкова, которую вчера я встретил на улице.

После экзамена заходил в чит<альный> зал Рум<янцевского> музея,[55] чтобы посмотреть работу и переговорить о библ<иотечных> делах с Другановым. В окт<ябре> будет Губ<ернский> библиот<ечный> съезд, а в декабре Всероссийский. Хочу организовать п<од>секцию Академ<ической> библ<иотеки> при Губ<ернском> отделе Работпроса и через союз вести свою линию оживления библ<иотечного> дела в вуз<ах> и научных учреждениях.[56]

Вот тебе и мой один день. Обалдел. Не успел днем и вздремнуть, хотя бы минутку.

Твой Юр<ий> Сок<олов>.

P. S. В Москву приехал, каж<ется>, на время Е. В. Петухов: с ним я виделся вчера в Доме ученых.

Как у вас устроилось с Сиповским? Он приехал? Приехал Бугославский. Прямо Москва наводнилась словесниками.

P. S. Сегодня мне Сергеев сказал, что как-то на неделе читал в «Изв<естиях>» о твоем музее голода.[57] Я не видел.

<9 сентября 1922 г., Москва>

1922.9.IX.
Суб<бота>

Получил вчера твою высококомическую телеграмму.[58] Ответ на нее оказался написанным, как ты можешь видеть из первых л<истов> моего письма. Значит, много у тебя денег, если ты можешь посылать срочные телеграммы для удовлетворения минутного каприза. А в общем все это довольно весело.

Вчера вечером был я у Н. П. Сидорова. С огромным удовольствием побеседовал с ним. О чем только мы не говорили, и, как всегда с ним, не сплетнями занимались, а по существу. Во сколько раз он тоньше, самостоятельнее и глубже Ник<олая> Леонтьевича. Оказывается, вся идея работы «Тургенев и сектанты»[59] и даже многие детали возникли первоначально в голове Сидорова и были лишь подхвачены и размалеваны Бродским, при этом без соблюдения чувства меры. И разве это в первый раз? У Сидорова умонастроение такое, что следует, по его мнению, ввести в границы скочивших выше головы «формалистов» в истории литературы. Книга Эйхенбаума о «Молодом Толстом»[60] так же не удовлетворила Н<иколая> П<авловича>, как и меня (я тебе об этом, помнится, писал еще из санатории). Сидоров будет читать курс поэтики в Пречист<енском> институте,[61] несколько сходный курс на факультете рассказывания Института слова,[62] по курсу 2-<х>часовому методики литературы в 1 и 2 университетах, 6 ч<асов> р<усского> языка на рабфаке Института К<арла> Маркса[63] и 12 ч<асов> на рабфаке Горной академии.[64] Последний рабфак разместился в здании б<ывшего> Учительского института[65], и Н<иколай> П<авлович> поэтому получил две комнаты в квартире б<ывшей> Флеровых. Елиз<авета> Феоф<ановна> еще из Рязани не приезжала. Н<иколай> П<авлович> пока живет с сыном. Сидоров посылает тебе большой привет и по-прежнему сочувственно следит за твоими работами. Я отнес ему свой экземпляр твоей брошюры о сар<атовских> этнограф<ических> пред-

приятиях. Говорят, в одном из № «Известий» был сочувственный отзыв о твоем музее голода.[66] Не сказали только имени устроителя. Во вчерашнем № (от 8.IX) «Известий» помещена заметка о нашем чит<альном> зале.[67]

Сегодня вечером иду к Сакулину, у него будет Е. В. Петухов и, по всей вероятности, Пиксанов.

Сейчас сижу и поправляю экзамен<ационные> тетради Пречист<енского> института: занимаюсь этим из-за денег: по 1 1/2 мил<лиона> тетрадь. У меня их сейчас 40.

Вечером допишу, вернувшись от П<авла> Н<икитича>.

Твой Юр<ий> Соколов.

<10 сентября 1922 г., Москва>

10.IX.
Воскр<есенье>

У Сакулина были кроме меня Е. В. Петухов и Петр Лаз. Маштаков, с которым это письмо, м<ожет> б<ыть>, и будет отправлено к тебе, если П. Л. достанет завтра билет в Саратов. Если же нет, то вместе с моим письмом А. М. Смирнов повезет к тебе письма и бумаги из Петрограда.

Вчера у Сакулина узнал, что В. В. Сиповский закрепляется в Петрограде и, следовательно, кафедра по новой литературе у вас опять вакантна. С кем же ты в конце концов договоришься? Гудзий перевез свою библиотеку в Москву и, по-видимому, не будет склонен куда-либо перемещаться. Трудно тебе там одному.

Сегодня днем был у меня в гостях П. Л. Маштаков; у нас с ним кроме филол<огических> — общие библиотечные интересы: он библиотекарь Петр<овского> горного института <...>

Твой Юрий.

На работе очень устал.

<11 сентября 1922 г., Москва>

11.IX.1922
Понед<ельник>

Маштаков поехал в Пензу. В Саратов, м<ожет> б<ыть>, и не заедет. Письма и разные поручения (на записке) оставил у меня. Пошлю или с А. М. Смирновым, или с <Ко>валенко<вым>, который заходил ко мне сказать, что на днях направляется в Саратов. Вот сколько оказий.

Сегодня получил твое письмо от 4.IX (на конверте сарат<овский> штемпель 7.IX). Радуюсь твоим удачам на семейном, общественном и научном путях. По письму твоему вижу, как ты ждал от меня вестей. Зато и посылаю тебе сразу целую пачку. День сегодня опять прошел весь на народе. Музей, КУБУ[68] (сегодня выдали 60 лим<онов>[69] за июль—август), книжн<ые> магазины, затем экзаменовал университетских девиц у себя в музее (принимаю только курсы Шамб<инаго>, Сперанского, но не свой: ведь он только был начат. Некот<орые> студенты, однако, настаивают из-за необходимости выполнить пресловутый minimum).

Днем у меня толчея (несмотря на записку, что от 4 до 6 я сплю): Бродский, Коваленков, Н. И. Зеленцов, Н. Ф. Познанский, а утром А. М. Лебедев и П. Л. Маштаков. Прямо беда. К вечеру так разболелась голова, что пришлось уйти из дому. Зашел в Союз писателей и там поспал за рассказом Ив<ана> Новикова «Возлюбленная земля» — очень слащаво и растянуто на этот раз.[70] У Новикова есть ряд недурных вещей. В Союзе, м<ежду> пр<очим>, познакомился с Петром Орешиным, который, приняв меня за тебя, чуть было не бросился в объятия.[71] Подарил мне свою новую книжку: «На голодной земле».[72] О тебе он сохранил самые восторженные воспоминания...

Ссылаемые москвичи еще не уехали, так, м<ежду> пр<очим>, Осоргин М. А. был сегодня в Союзе...

Читаю сейчас книгу Мансикки «Die Religion der Ostslaven».[73] Ничего особенно нового: пересказ на нем<ецком> яз<ыке> тех памятников преим<ущественно> христ<ианской> поуч<ительной> литературы, которые исследованы после Тихонр<авова>[74] и др<угих> стариков Аничковым[75] и Гальковским.[76] Все аккуратно, но почти все известно. Пожалуй, более всего интересна 1-я глава — археол<огические> сведения (т. е. данные раскопок), но, конечно, для археолога-специалиста тоже ничего не да<ет>.

Да, об археологах. Ты пишешь, что зав<едующим> Губмузеем назначен Рыков. Я тоже думаю, что это оч<ень> хорошо. Но про скандал со Скалдиным[77] я узнал уже сегодня утром от В. А. Городцова, которого Главмузей направляет в Саратов обследовать дело. Городцов пока колеблется, но, по-в<идимому>, все же скоро поедет.

Пока всего доброго. Завтра, по-в<идимому>, опять придется дописывать.

Как хочется выступить с большим хорошим докладом хотя бы в Обществе люб<ителей> рос<сийской> словесности. Много тем. Будет ли время? Я действительно давно нигде с научн<ыми> сообщениями не выступал. Стыдно.

<16 сентября 1922 г., Москва>

16.IX.1922
Суббота

Вот как залеживается письмо. Маштаков уехал в Пензу, а ни Смирнов, ни Коваленков все еще не заходят. Получил третьего дня твою телеграмму насчет Гудзия. Но он, как раз накануне, уехал в санаторию на неделю. В разговоре со мной он высказывал колебание насчет кафедры в Саратове, т. к. получил здесь, в Москве, штатную кафедру на пед<агогическом> фак<ультете> 2-го Госуд<арственного> университета и недавно перевез свою библиотеку в Москву. Здесь он обеспечен и материально хорошо. Однако высказал обиду и удивление, что ты ему ничего не писал. Думаю, что не поедет в Саратов.

Но в это время Пиксанов переговорил (без всякого участия с моей стороны) с Петуховым и пишет тебе письмо с советом приглашать его на кафедру. Правда — почтенный человек и авторит<етное> имя. Но, к сож<алению>, он специалист гл<авным> о<бразом> по древней л<итерату>ре, хотя Пиксанов уверяет, что Петухов за посл<едние> годы занимался и XVIII и первой четв<ертью> XIX века: составлял след<ующую> часть своего известного курса.[78]

Я очень занят делами, а главное, чувствую себя неважно: бесспорно плохо стало работать сердце, от этого переутомление и отеки. Недавно, во время делового разговора в Госиздате, случился обморок: «первый звонок», как выразился доктор <...>

Крепко целую. Твой Юрий.

<17 сентября 1922 г., Москва>

17.IX.1922

Дорогой Боря!

Алексей Матвеевич едет сегодня. С ним отправляю письма. Вчера приехал С. Н. Чернов — выясняет вопрос с Гудзием и Петуховым. Он не знал (как и ты), что Петухов здесь. По-вид<имому>, Гудзий откажется.

Прочел твою статью в «Сар<атовских> известиях».[79] Молодец ты. Завтра мамины именины. Родства съехалось со всех сторон!!

Писать некогда. Сейчас торопит А<лексей> М<атвеевич>, а я иду в зас<едание>О<бщест>ва <истории> л<итерату>ры. В Москве сейчас С. Ф. Ольденбург. Повидаюсь с ним.

Твой Юрий Соколов.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 43—53)

[1] «Песнь о Ярославе I. (Духовный стих Егорий на Руси)», рукопись Б. М. Соколова. См. примеч. 7 к п. 18.

[2] Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. 4.

[3] Смирнов Я. Устюжское изваяние св. Георгия московского Большого Успенского собора//Древности: Тр. имп. Моск. арх. об-ва. 1916. Т. 25.

[4] Речь идет об археологическом съезде, но не последнем и не киевском. См.: Смирнов Я. И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVII в. Киевский альбом 1651 г. князя Януша Радзивила. Изображение Ярослава с семейством на фреске Киево-Софийского собора по рисунку 1651 г.//Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1908. Т. 2. С. 197—512.

[5] Искусство. М., 1909. № 1.

[6] Некрасов А. Рельефні портрети XI століття//II Наукови Збірник Української Академії Наук, 1925. Т. 20. См. также: «Очерки декоративного искусства древней Руси» (М., 1924), где помещены фотографии с рельефных изображений Ярослава Мудрого (св. Георгий Победоносец) и Изяслава Святославича (св. Дмитрий Солунский).

[7] См. примеч. 5 к п. 19.

[8] Сперанский М. Н. Русская словесность: Устная поэзия повествовательного характера. М., 1917.

[9] Миллер В. Ф. 1) Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1; 1910. Т. 2; 2) Русская народная поэзия. М., 1909—1910. Литография

[10] Шамбинаго С. История русской народной словесности. [Литограф. курс лекций]. М., 1914.

[11] Коробка Н. И. Опыт обзора истории русской литературы для школ и самообразования. СПб., 1909.

[12] Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

[13] Веселовский А. Н. Собр. соч. М., 1911. Т. 1.

[14] В начале 20-х гг. еще не был сделан русский перевод книги Дж. Фрезера. Ю. М. Соколов мог читать на английском языке изд.: Fraser J. The golden Bough. London, 1900. В 1922 г. вышло также сокращенное издание на английском языке (с полного английского 12-томного издания).

[15] Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 5 т. М., 1914. См. п. 17 и 19.

[16] См. примеч. 6 к п. 19.

[17] Обзор так и не был написан.

[18] По-видимому, имеется в виду одна из статей для «Литературной энциклопедии» или весь цикл их.

[19] См. примеч. 22 к п. 1.

[20] См. примеч. 9 к п. 5.

[21] См. примеч. 7 к п. 5, а также анкетные данные Ю. Соколова во вступительной статье.

[22] См. примеч. 16 к п. 1.

[23] МОНО — московский отдел народного образования Наркомпроса.

[24] Информация о факте хищения из кладовой ценных предметов старины и привлечении к судебной ответственности директора и председателя коллегии музея Щекотова, ученого секретаря Сергиевского, литератора Сухотина, зав. хозяйственным отделом Романовского, а также бывшего кн. Щербатова помещена в «Судебном отделе» газ. «Известия» (1922. 1 сент.) и в «Правде» (1922. 1 сент.).

[25] См. примеч. 59 к п. 10.

[26] Вольная Академия духовной культуры возникла в Москве осенью 1919 г. по инициативе Н. Бердяева. Собирались участники (в числе их были С. Н. Булгаков и П. Флоренский) в помещении Политехнического музея. В 1922 г. распущена.

[27] См. примеч. 9 к п. 7.

[28] Имеется в виду корректура книги «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина».

[29] Пиксанов Н. К. Грибоедов и Мольер: Переоценка традиции. М., 1922.

[30] Мандельштам Р. С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики: Библиогр. указазатель/[Ред. Н. К. Пиксанов]. 2-е изд. Саратов, 1922.

[31] Пиксанов Н. К. Пушкинская студия: Введение в изучение Пушкина, темы, вопросники, библиография//Научно-педагогический сборник Саратов. ин-та нар. образования. Саратов, 1921; 2-е доп. изд. — Пг., 1922.

[32] Пиксанов Н. К. Тургенев и его время: Историко-литературный семинарий. М., 1919.

[33] Пиксанов Н. К. Русский театр. Студия по истории драмы и сцены. М., 1923.

[34] Пиксанов Н. К. Старорусская повесть: Введение, тема, вопросник, библиография, тексты. М., 1923.

[35] Пиксанов Н. К. 1) Два века новой русской литературы: Введение, темы, вопросники, библиография. М., 1922; 2) Два века русской литературы. М.; Пг., 1923.

[36] Второй Тургеневский сборник: Письма. Воспоминания. Исследования. Библиография. М., 1924.

[37] Пиксанов Н. К. Грибоедовский сборник: Неизданные документы. Летопись жизни Грибоедова. Библиография. М., 1923.

[38] Пиксанов Н. К. [ред.] Пушкин. М.,1924.

[39] См. п. 7.

[40] Имеются в виду: Научные известия Академического центра Наркомпроса: Сб. 2. Философия, литература, искусство. М., 1922.

[41] Вероятно, имеется в виду несколько позднее осуществленное издание: Труды ГАХН. Литературная секция. М., 1927—1928. Вып. 1. Ars poetica 1. 1927. Вып. 2. Ars poetica. 2. 1928. Вып. 3. Достоевский. 1928.

[42] Искусство: Журнал РАХН. М., 1923—1928. В 1923 г. вышел т. 1; в 1925 г. — т. 2; в 1927 г. — т. 3, кн. 1—4; в 1928 г. — т. 4, кн. 1—4.

[43] Сакулин П. Н. К вопросу о построении поэтики//Искусство. Изд. РАХН. М., 1923. № 1.

[44] Шиповник. Сборник литературы и искусства/Под ред. Ф. Степуна. М., 1922. № 1.

[45] Статья об Историческом музее, его возникновении, культурном, научном значении под названием «Наши культурные хранилища-гиганты (Российский исторический музей)» (без подписи) помещена: Известия. 1922. 5 сент.

[46] Чеховская студия существовала при МХАТ в 1912—1922 гг. Ею руководил М. А. Чехов.

[47] Речь идет о расследовании обстоятельств хищения, имевшего место в музее, в котором Кузьминский обвинил некоторых сотрудников. См. п. 17, 19.

[48] См. примеч. 19 к п. 3.

[49] Речь идет о книге Б. М. Соколова «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина».

[50] К 1924 г. научно-педагогическая секция Государственного Ученого Совета Наркомпроса подготовила новые школьные программы, схема которых была опубликована в 1922 г. Основные их принципы — связь школы с жизнью и комплексность обучения. Ю. М. Соколов как член научно-методического бюро МОНО принимал участие в их составлении.

[51] См. примеч. 9 к п. 5.

[52] В России дневник публиковался позже. См.: Дневник Николая II с 1 по 31 июля 1914 г./Предисл. Д. Заславского; Подгот. А. Сергеев//Красный архив. 1934. № 3 (64).

[53] «Красный архив» — исторический журнал; выходил в Москве в 1922—1941 гг.

[54] Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной/Предисл. М. Н. Покровского; Подгот. А. Сергеев//Кр. архив. 1923. № 4.

[55] См. примеч. 27 к п. 1.

[56] Первый Московский губернский съезд проходил 28—31 октября 1922 г. Рассматривались вопросы создания единой сети библиотек Москвы и Московской губернии и принципы комплектования библиотеки. Первый Всероссийский библиотечный съезд собрался позднее 1—7 июля 1924 г. Идея объединения академических библиотек чрезвычайно занимала Ю. М. Соколова. Неоднократные попытки ее осуществления к успеху не привели. В 1918 г. на первом совещании «академических библиотекарей» был создан проект нового Устава, борьба за него продолжалась до 1921 г. Не дало практических результатов и первое совещание работников московских академических библиотек (март 1923 г.). 2 февраля 1924 г. на заседании представителей научных библиотек Москвы Ю. М. Соколов вновь констатирует безрезультатность всех усилий в этом направлении (см.: История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1920—1929. М., 1979. Вып. 2. С. 157—158).

[57] Вероятно, произошла ошибка. В «Известиях» (1922. 30 авг.) была опубликована заметка С. Тагер «С комиссией Коминтерна по Поволжью. Музей и институт для изучения голода в Самаре».

[58] Текст телеграммы не сохранился.

[59] Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922.

[60] Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. 3-е изд. Пб.; Берлин, 1922.

[61] См. примеч. 9 к п. 5.

[62] Имеется в виду ГИС — Государственный институт слова. См. примеч. 22 к п. 1.

[63] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ), создан при Социалистической Академии (см. примеч. 60 к п. 9), с 1922 г. — при ВЦИК, с 1924 г. — при ЦИК СССР.

[64] Московская горная академия основана в 1918 г. по инициативе В. И. Ленина. С 1921 г. ректором ее был И. М. Губкин. В 1929 г. на базе нефтяного факультета Горной академии вырос Московский нефтяной институт им. И. М. Губкина, а в 1930 г. горный факультет был преобразован в Московский горный институт.

[65] В 1918—1919 гг. все Учительские институты были реорганизованы в Институты народного образования (ИНО).

[66] См. выше примеч. 57.

[67] Заметка (без подписи): Открытие большого читального зала//Известия. 1922. 8 сент.

[68] См. примеч. 10 к п. 11.

[69] См. примеч. 5 к п. 9.

[70] Новиков Ив. Возлюбленная — земля. Повесть написана в 1922 г. Издавалась неоднократно.

[71] П. Орешин был хорошо знаком с Б. М. Соколовым по Саратову; он был уроженцем Саратовской губернии и нередко выступал в публичных диспутах в университетской аудитории.

[72] Орешин П. На голодной земле. Поэма. М., 1922.

[73] Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven Qutllen. Helsinki, 1922.

[74] Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. СПб.: М., 1863. Т. 1, 2.

[75] Аничков Е. Б. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

[76] Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. 2 (сборник поучений). (Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 18); Т. 1 — Харьков, 1916.

[77] А. Скалдин, будучи заведующим Художественным музеем им. А. Н. Радищева (см. примеч. 28 к п. 2), был обвинен в присвоении книг и экспонатов музея. «Дело Скалдина» публиковалось в нескольких мартовских номерах газеты «Саратовские известия» в 1923 г. (№ 64, 66, 68, 69).

[78] Петухов Е. В. Русская литература: Древний период. 3-е изд. Пг., 1916.

[79] Речь идет, по-видимому, о статье Б. М. Соколова «О народном искусстве» к предстоящему этнографическому концерту (Саратовские известия. 1922. № 228).

№ 21

<29 октября—19 ноября 1922 г., Узкое, Москва>

1922.29.X.
Узкое

Дорогой и милый Боря!

Опять почти месяц, а м<ожет> б<ыть>, и больше месяца, не писал тебе. Я ведь опять в санатории. Две недели лежал дома, затем уехал

в Узкое, где пробуду до 5 ноября. Жаль, конечно, что пришлось лечиться в то время, когда следовало бы читать лекции; но что же делать? Доктор говорит, что лучше сейчас, в начале учебного года, поправлять свое здоровье, чем в разгар работы свалиться и уже надолго. Что со мною? Миокардит* — расширение сердца и ослабление сердечных мышц: последствие сыпного тифа и того обстоятельства, что я слишком рано счел себя поправившимся вполне. По правде, следовало бы целое лето после санатория бездельничать, жить в полном покое на даче, на свежем воздухе. А я сразу же ушел в дела, административные, хлопотливые. — Вот и результаты!!

В музее, как я тебе писал, летом пришлось одно время замещать Сергиевского, все время быть главным библиотекарем, т. к. Кузьминский сначала был в отпуску, затем якобы лечился, наконец, временно отстранился от посещения службы — под предлогом, что не желает подать кому-либо повод думать об оказываемом им давлении на подчиненных. Недавно, без меня, его, как совместителя (он занимает теперь большое место в Госиздате), перевели из штатных в сверхштатные... Меня на время моей болезни замещает Петровский. На днях я на трое суток ездил в Москву. М<ежду> пр<очим>, торжественно открыли чит<альный> зал. Говорили речи Щекотов (туманно и тягуче), я (говорят, оч<ень> отчетливо, ясно, по существу, но говорил я на этот раз без подъема: обстановка в музее при создавшемся положении тяжелая), затем Гроссман читал доклад о «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской.[1] Было до 300 ч<еловек> народу, преим<ущественно> учащейся молодежи.

Читальный зал наконец открыт. Как будто бы маленькое дело, а сколько потребовалось энергии, хлопот, усилий, настояний, начиная хотя бы с горячих споров и со Щекотовым и с Кузьминским, когда они оба ополчались на меня и так противились образованию из ч<итального> з<ала> особого отдела.[2] Некоторым казалось тогда, что меня скушали с маслом, но не тут-то было: моя взяла! Далее надо было расширить штаты, добиться освобождения ч<итального> з<ала> из-под архива, настоять на исправлении канализации, водопровода, вентиляции, телефона и т. д. и т. д., подобрать справочную б<иблиоте>ку в неск<олько> тысяч томов, составить несколько каталогов, выработать инструкции и правила и т. д., и т. д., и т. д. Все же есть у нас с тобой организаторские способности. Жаль только, очень жаль, что понадорвались физические силы. Но, м<ожет> б<ыть>, Бог даст, это ослабление сил лишь временное явление!

Как я хотел начать по-настоящему лекции: ведь два триместра пропущено мною! Но вот пришлось пропустить целый месяц и в осеннем триместре! Сакулин очень недоволен, т. к. нарушаются планы занятий и, главное, как он мне говорил, — студенты оч<ень> ждут моего курса. У меня 10 часов: 2 часа общих курса ист<ории> р<усской> л<итерату>ры для 1 к<урса> Пречист<енского> практикума,[3] 2 ч<аса> подобного же курса в консерватории для 2 к<урса>,

---

* *В оригинале*: медиокардит.

2 ч<аса> о народном сказывании на фак<ультете> рассказывания Инст<итута> слова,[4] 2 ч<аса> нар<одной> словесности для 1 и 2 курсов этн<олого>-лингв<истического> отд<еления>, 2 ч<аса> фольклора для 3 к<урса> лит<ературно>-худ<ожественного> отд<еления> у<ниверсите>та. Обещал было ездить по разу в месяц в Тверь, но теперь придется отказаться. Ведь главное библиотекарство в музее и работа ч<итального> зала будут отнимать время. Затем за правило поставил прочесть неск<олько> докладов зимою: и спец<иальных> научных и публичных, м<ежду> пр<очим>, один — в О<бщест>ве люб<ителей> словесности намечен: памяти Даля.[5] Я здесь в санатории недавно имел случай убедиться, что могу читать с большим успехом, даже с исключительным.

Здесь в Узком для меня в этот приезд создалась обстановка довольно занятная: наиболее почтенные по возрасту и положению люди были явно предубеждены против меня. Главное лицо здесь, конечно, А. А. Грушка, друг Шамбинаго (которого я — по мнению некот<орых> — обидел), декан правой оппозиции к новому у<ниверсите>ту и ко всем тем, кто туда пришел, и главное, близкий друг Елены Федоровны Корш, которая по моему адресу, по известным тебе причинам, мечет громы и молнии, шлет с шипением и слюною проклятия на мою голову. Далее — Матв<ей> Кузьмич, тоже посматривающий с осторожкой. Из молодых — Фед<енька> Петровский, адъютант Аполлона Аполлоновича, оч<ень> недалекий, но оч<ень> сплетенный парень, не могущий простить моего либерализма, а по его пониманию даже «социализма». Затем огромное число совсем мне неведомых людей, за исключением А. М. Пешковского, с которым мы давно дружим. Были здесь и Чаплыгины, муж с женою, люди почтенные и уважаемые, которые всяких ученых и ораторов видывали. Приехал из Петрограда Пяст — поэт и блестящий декламатор, особенно чуткий к формальной стороне речи. Жил здесь и композитор проф<ессор> консерватории Кенеман. Читались здесь доклады m-me Коте по психологии животных — по оч<ень> интересному вопросу, и по психопатологии — старика Викторова, и стихи Брюсова, Блока, Бальмонта, В. Иванова, самого Пяста. Аполл<он> Аполл<онович> повторял свою известную речь — доклад памяти Достоевского, Ф. Ф. Кенеман давал ежедневно концерты, начиная от Бетховена до Скрябина, а также из своих произведений... Сначала я держался спокойно, старался отдохнуть как следует, а затем общество, дамы (кот<орые> оказывают мне внимание, и очень серьезное) заставили вмешаться в шумиху. И я выступил с докладом: специально для санатории «Из наблюдений странствующего фольклориста». Просто-напросто рассказал много эпизодов и сценок из деревенской жизни, из встреч, прочел ряд песен, легенд, много частушек. Говорил образно, живо и с большим юмором. Просто-напросто был в большом ударе. Слушали меня решительно все (40 человек), ни один не вышел, хохотали до упаду. А когда кончил, то в такой раж пришли, что я совсем был ошарашен. Пешковский подбежал ко мне и полез целоваться, Кенеман отказался что-либо играть, «чтобы не нарушить впечатления», Пяст публично заявил, что впервые слышит такую художественную устную беллетристику (я решительно все говорил наизусть, за исключением сочиненных самим частушек-эпиграмм на присутствующих).

Пытался было возражать мне Федор, но я его в таких дураках оставил, что он чуть не заплакал. Он стал уверять, что деревня ждет барина; вот у скольких, мол, баб он наблюдал выражение радости при встречах с барином. Я же Феде сказал, что, конечно, всякое наблюдение окрашивается в субъективные цвета: «кто хочет быть прежде всего барином, прежде всего и запомнит симпатии к барам». Тут вся аудитория зааплодировала мне. Надо иметь в виду, что Федя сидел в белых штанишках, с модным галстуком на шее, рисовался перед одной дамой. Возненавидел он меня пуще прежнего. Старики, вроде Грушки, хохотали во время доклада очень; я видел (ведь Гр<ушка> слышит меня лишь впервые), что он не ожидал таких эффектов. Но — знаю — мне ставил в вину насыщенность комизмом, хотя я определенно не ставил целью давать чего-либо серьезного, строго научного. Доклад был для санаторного салона.[6] Вот прошло уже больше 2 недель, а доклад все вспоминается с большим сочувствием. С Гр<ушкой> мы стали все больше и больше беседовать. Был устроен (гл<авным> о<бразом>, мною) прощальный вечер для одной уезжавшей партии — было оч<ень> весело, непринужденно и остроумно. Гр<ушка> был в восторге, и, вижу, он стал совсем по-другому меня расценивать. Теперь — я знаю — он многое рассматривает иначе, чем прежде. Ты не думай, что я «подъезжал» к нему, «подлизывался» — нет, я даже сторонился. Но приятно сознавать, что можно людей побеждать. Грушка звал к себе или к Каптеревым на вечера, Чаплыгины усиленно приглашали к себе... Но что я за пустяки тебе пишу, как мальчишка? Но ты поймешь меня: предубеждения создаются по наговору и по сплетням, как интересно наблюдать постепенное их исчезновение.

<30 октября 1922 г., Узкое>

30.X.1922. Понедельник.

Хотел было сегодня отправить письмо утром с отъезжавшими на автомобиле, но решил продолжить писание. Занятия наукой мои здесь одно время наладились, но поездка в Москву перебила их, а кроме того, потребовалось больше быть на воздухе и больше спать днем, т. к. ночью (совершенно не понимаю, почему) мучала бессонница. Читал я здесь и надеюсь дочитать 1 т. соч<инений> Александра Веселовского.[7] Я в прежние годы читал почти все его статьи по поэтике, но частями и вразбивку. Теперь решил перечитать все полностью вновь. Это хорошо, но оч<ень> мало нахожу для себя нового, что бы мною не учитывалось раньше. Слишком много — и в «Вопросах психол<огии> творчества» Лезина,[8] и в различных курсах, пособиях, учебниках — пересказано, изжевано, популяризировано. Язык же самого Веселовского большого удовольствия не дает: пишет тяжело, местами как-то обрывочно, недостаточно точно. Перечесть — повторяю — однако считаю необходимым. Так и подмывает писать серьезное исследование и все больше и больше останавливаться на темах по лирическ<ой> и обрядовой (свадебной) поэзии. Необходимо выступить с серьезным большим трудом и прежде всего для себя самого, для удовлетворения своей жажды творческого дела. Думаю, что сумрачные годы (и в обществ<енной> и личной жизни) прошли, гори-

зонты расчищаются, и мы выходим на ровную дорогу. Вот моя вера, мой оптимизм.

Ну как твои дела? От С. Н. Чернова слышал, что из-за твоей кандидатуры в деканы была некоторая борьба, называли и другое имя, но теперь будто бы все разногласия устранены.[9] Чувствуешь ли только ты в себе достаточно сил для новой большой административной работы? Желаю от всей души успеха, если ты за работу эту все же возьмешься. Очень трудно сглаживать шероховатости в отношениях между людьми в наше время, богатое предубеждениями и априорной настроенностью. Ведь есть просто болтуны, сплетники, мелкие людишечки, которые жалят, кусают, цапаются. Но у тебя есть и такт и воля. Всего доброго.

Как устроилось со свадьбой? Завтра посылаем телеграмму. Горячо поздравляю новобрачных. Рад, очень рад за Таню. Мне Петя представляется и хорошим, и интересным человеком. Спасибо тебе, что так много хлопот и забот взял на себя.[10] Я — выбитый из колеи болезнью, — к сожалению, не в состоянии был бы принять должного участия в свадьбе, к тому же сижу абсолютно без денег. У нас в Москве опять денежн<ый> кризис: жалования мало, опять деньги падают с катастроф<ической> быстротой, выплату задерживают. Что это за жизнь в 250 мил<лионов> в среднем (за посл<едние> 4 месяца) + паек + каз<енная> квартира. Чохом все не более 400 милл<ионов> — и это на 4 + прислуга! Конечно, неважно. Но духом, по обычаю, не падаю... Крепко целую маму. Задержи ты ее у себя подольше: пусть подкрепнет душою и телом. Ира, каж<ется>, не едет на свадьбу. Да и хорошо: ей нужно просто лечиться: одна тень. Надеюсь, что т<етя> Аня на днях уедет, и Ирочке можно будет приняться за лечение. Постараюсь убедить уехать в санаторию, куда Серг<иевский> и я ее устраиваем.

Целую тебя, Веру, Леву, маму, Таню, Петю.

Твой любящий брат Юрий.

Поклон добрым знакомым. Как хочется с тобою обо многом, обо многом поговорить.

<19 ноября 1922 г., Москва>

19.XI. Воскресенье.

Дорогой Боря!

Вот когда — через двадцать дней! — приходится заканчивать письмо. Жизнь идет как-то суматошно. С трудом за ней поспеваешь. И сейчас пишу урывком. Ф. Е. Аронов сегодня зайдет за письмами и за твоими книгами. Посылаю тебе 8 экз<емпляров> твоей рец<ензии> на сборник Смирнова[11] (всего было получено 15 экз<емпляров>). Ушаков, получивший их от Сакулина во время моего житья в санатории, раздал 5: Уш<акову>, Сак<улину>, Голан<ову>, Дурн<ово>, Сидорову. Я оставил еще 2 экз<емпляра>: для себя и для библ<иотеки> музея. Остальные посылаю тебе. Дошел ли до вас 2 в<ыпуск> «Научных известий», где и напечатана эта рецензия?

На днях получил и 25 экз<емпляров> твоих «Раевской и Пушкина».[12] Мне, да и всем, очень нравится изданьице. По-моему, изящно.

Получено 25 экз<емпляров>. Пущена книга в продажу по 7 милл<ионов>. Казалось бы, тут бы и продавать твои авторские, но, мне каж<ется>, я поступаю согласно воему желанию: 15 экз<емпляров> оставляю для раздачи моск<овским> пушкинистам: сейчас им платить по 7 милл<ионов> оч<ень> трудно. Я дал себе, Ветринскому и в Ист<орический> музей, сегодня дам Гершензону, Пиксанову, Бродскому, Сакулину, Сидорову (Цявловский и Розанов, думаю, получат из «Задруги»), Гроссману. Об остальных 6 экз<емплярах> мне напиши поскорее.

Поздравляю тебя от всей души. Ты молодцом. В один год 4 работы: две в Саратове, две в Москве![13] Скорей бы печатать свою диссертацию.[14] А то вот в сборнике в честь Малеина напечатана статья Лященко о русс<ко>-сканд<инавских> отнош<ениях>, отразивш<ихся> в р<усском> эпосе.[15] Я ее еще не читал, но Н. П. Сидоров говорил, что жаль — она предвосхищает то, что тобою с таким старанием и самостоятельностью обосновывалось.

Приезжай скорей в Москву, чтобы прочитать свой доклад о дух<овных> стихах.[16]

Не особенно радует меня то, что ты задавлен админ<истративной> работой. Как бы она тебя не съела целиком.

Я, конечно, в худшем положении, чем ты, т. е. с точки зрения продуктивности научной. Болезнь выбила из колеи, а затем лекции и адм<инистративные> дела, и, наконец, характер.

Сейчас я в течение двух недель (приехал я 6-го) вхожу в дела. Открыли в музее чит<альный> зал, отпраздновали юбилей героев труда (Орешн<икова>, Тарас<енко> и 4 служителей), начал лекции в консерватории, ГИСе,[17] педаг<огическом> Преч<истенском> институте[18] и в унив<ерситете> на этн<олого>-л<ингвистическом> отделении. Читаю с удовольствием, но, как ни странно на первый взгляд, с наименьшим в университете: уж очень погана обстановка: скверное помещение, темнота, дерев<янные> перегородки. Никак не могу отделаться от впечатления какой-то преднамеренной загаженности, заплеванности, пренебрежения. Я думал об этих лекциях, как о празднике, но этого не получается, хотя аудитория и внимательная. Никак еще не могу раскачаться, воодушевиться. Да и из-за того, что я начал курс поздно, плохо было оповещено, слушателей всего 80 чел<овек>, а я ждал ауд<иторию> в неск<олько> сот человек. Как-то и желание пропадает... Но, конечно, я преодолею эти первые настроения; нужно взять и себя в руки, и слушателей.

В Обществе л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> в то воскр<есенье> праздновали 250-<ле>тие русск<ого> театра докладами Шамбинаго (о 1-ом театре на Руси — хорош<ий> до<клад>) и Пиксанова (каталог-словарь членов О<бщест>ва, связ<анных> с театром, — скука смертная). Украсил вечер В. Н. Давыдов, теперь гастролир<ующий> в Москве. Его избрали поч<етным> членом о<бщест>ва, а также А. А. Бахрушина и В. Н. Перетца. (Кстати, в сб<орнике> в ч<есть> Малеина прекрасн<ая>, говорят, статья Перетца о «Сл<ове> о п<олку> И<гореве>» и нар<одной> слов<есности>.)[19]

Сегодня иду на зас<едание> Пушк<инской> комиссии.[20] Саводник будет читать об ант<ичных> мот<ивах> в поэзии Пушкина.[21]

Без меня произошло в О<бщест>ве слов<есности> резкое столкновение между Пикс<ановым>, читавшим доклад об областном принцип<е> в истории новой р<усской> л<итерату>ры,[22] и Бродским. Бродский (не без личной досады на Пикс<анова>, отнявшего у него курсы в у<ниверсите>те) с запальчивостью заявил: «в докладе у Вас, что интересно, то не ново, а что ново, то абсолютно не интересно» и т. д. в этом роде. Дело дошло до того, что самол<юбивый> Пиксафон прислал Сакулину письмо о невозмож<ности> дальше выступать в О<бщест>ве, где Бр<одски>й позволяет себе оскорблять, и требовал извинений. Бродский, встретившись с П<иксановым> в Госиздате, пошел было на примирение, но разговор кончился уже полным разрывом. Не хорош тон Бродск<ого>, но Пиксаф<он> надоел всем, что решительно всюду выступает с докладами и б<ольшей> ч<астью> оч<ень> скучными. Хочет играть первую скрипку, но это ему не удается. Лучше бы сидел, да и писал свои высокополезные научн<о>-библиограф<ические> книжки.

Итак, акад<емическая> моя жизнь кипит: лекции, засед<ания> (вчера был после долг<ого> перерыва у Никитиной), музей... А тут еще — особ<енно> <*нрзб. 1 слово*> две недели свой жизни в санатории крутил роман с одной дамой, весьма интересной, светской, молодой. Мне было весело и хорошо, она отдавала мне предпочтение перед другими, ухаж<ивавшими> за ней. Но неожиданно дело приняло для одного человека (Сер. Юл. Кулаковского, мол<одого> фил<олога>, с кот<орым> я было сдружился) трагический оборот, со слезами, обмороками, истериками. Глупее всего, что А<поллон> А<поллонович> Г<рушка> (от нечего делать и из любви играть роль) вмешался в пользу Кулаковского. Происходили интереснейшие qui pro quo вроде того, что он в 3 ч<аса> ночи сторожил, где я буду возвращаться со свидания, а я его принял за прислугу Грушу (разница в одной букве) и чуть было не пошутил с нею... Как-нибудь при свидании расскажу тебе... Ничего особенно серьезного. Все уж я кончил, но поразвлечься было интересно. Что же касается Кулаковского, то он какой-то сумасшедший, а Гр<ушке> на старости лет захотелось пикантн<ых> переживан<ий>.

Ну пока всего доброго. Крепко целую и страшно жажду видеть.

Твой Юрий.

Продолж<ение>

Обо многом не написал. У меня накопилось до 10 заказов на лит<ературные> работы. Между прочим, одно, которое должен поделить с тобою: 3/4 листа написать очерк нар<одной> слов<есности> с тем, чтобы ты на других 3/4 л<иста> написал очерк др<евне>русской л<итерату>ры, художественн<ой>, с некот<орыми> линиями к нар<одной> слов<есности>. Это для небольшой колл<ективной> книжки о русск<ой> л<итерату>ре, издающ<ейся> под ред<акцией> Бродского в и<з>дательстве Френкеля,[23] где издается и Лит<ературная> энц<иклопедия>, для которой я пишу ряд статей. Надо написать в 1 мес<яц>. Пришли свое согласие. Интересен сборник для издательства «Денница»[24] — «Скоморошьи юмор<истические> песни».[25] Буду работать над этим с особ<енным> удовольствием. В

О<бществе> л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> через месяц должен буду прочесть доклад «Даль как этн<ограф> и беллетрист».[26] В среду в Преч<истенском> инст<итуте> произнесу краткое слово «Л. Толстой как художник».[27] Жизнь полна, интересна, но мало времени и денег. В пятницу справили свадьбу Нади, Зоиной двоюр<одной> сестры. Вышла замуж за инженера. На след<ующей> неделе Н. П. Хвостов хочет венчаться, но у него нет даже штанов. Как будут жить — не могу себе представить.

Перед Таниным Петей оч<ень> виноват. Основат<ельно> начал им писать большое послание, но меня уверили, что они вот-вот приедут. Так и не исполнил своего намерения.

Я глубоко убежден, что они весьма счастливы. Хотелось бы поскорее увидеть. Маму целую крепко, поздравляю и желаю еще побольше погостить и отдохнуть. Т<етя> А<ня>, слава Богу, уехала. Ирина до сих пор, по-моему, в себя не пришла.

Право, какая-то альтруистка. Зачем же до бесчувствия. Третьего дня я был на празднике у Васи: справляли 10-летие свадьбы. Очень счастливы и совершенно влюблены друг в друга. Над ребенком оба обмирают. Ну, слава Богу. Верочку целую и целую. Левочку тоже.

Твой Юрий.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 54—61)

[1] Доклад опубликован: Гроссман Л. Из воспоминаний А. Г. Достоевской//Искусство. 1923. № 1. С. 342—356. Л. Гроссман подготовил к печати и текст воспоминаний. См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М.; Л., 1925.

[2] См. примеч. 12 к п. 1.

[3] См. примеч. 9 к п. 5.

[4] См. примеч. 22 к п. 1.

[5] См. примеч. 26 к наст. письму.

[6] В записной книжке Ю. Соколова с пометой: «3/X—1922. Узкое» набросок его выступления — РГАЛИ, ф. 486, оп. 1, ед. хр. 239, л. 56—57.

[7] Веселовский А. Н. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.

[8] Вопросы теории и психологии творчества/Под ред. Лезина и Харциева. Харьков, 1906. Т. 1—8.

[9] См. анкетные данные Б. М. Соколова во вступительной статье к публикации.

[10] Речь идет о свадьбе сестры Татьяны Матвеевны и Петра Георгиевича Скосырева. Свадьба состоялась в Саратове, и молодые несколько месяцев жили у Б. М. Соколова.

[11] Соколов Б. Уголок русского сказочного мира (по поводу нового сборника великорусских сказок) [рецензия]//Науч. известия Акад. центра Наркомпроса. Сб. 2. Философия, литература, искусство. М., 1922.

[12] Соколов Б. М. М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922.

[13] В 1922 г. у Б. М. Соколова было 17 публикаций (включая журнальные и газетные статьи). Полностью их перечень приводится впервые: 1. М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922; 2. О былинах, записанных в Саратовской губернии//Науч. приложение к журналу «Культура». Саратов, № 1; 3. Этнографическое изучение Саратовского края//Саратовский

этногр. сборник. Саратов. Вып. 1; 4. Отчет об этнографической работе по изучению Саратовского края за 1919—1921 гг.//Там же; 5. Об этнографическом изучении края//Сарат. известия. 14 мая; 6. Рец. на кн.: Абакумова С. Насколько прочен текст былины//Новое дело: Науч.-пед. вестн. ф-та Казан. гос. ун-та. Казань, 1922. Кн. 3; 7. Уголок русского сказочного мира (по поводу нового сборника великорусских сказок)//Науч. известия Акад. центра Наркомпроса [1922]. Сб. 2. Философия, литература, искусство. М.; 8. О народном искусстве к предстоящему этнографическому концерту//Сарат. известия. № 228; 9. Саратов как культурный центр//Сарат. известия. № 197; 10. Дни нашей жизни//Художественный Саратов. № 1; 11. Музей голода//Черная година. Саратов. № 1; 12. От музея голода//Культура. № 2—3; 13. Лев Толстой и голод//Черная година. № 1; 14. Неужели гибель музеев?//Сарат. известия. № 208; 15. Жизнь зовет//Художественный Саратов. № 3; 16. Студенчество, на помощь!//Сарат. известия. № 45; 17. Памяти академика А. А. Шахматова//Изв. ОРЯС АН. Т. 25. Пг.

[14] Диссертация Б. М. Соколова называлась: «О взаимоотношениях германского эпоса с русским. (Германские сказания о Зигфриде-Сигурде и русские сказания о женитьбе князя Владимира)». См. примеч. 6 к п. 7.

[15] Лященко А. И. Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде//Sertum bibliologicum: Сб. в честь проф. П. Малеина. Пг., 1922.

[16] Имеется в виду работа Б. М. Соколова, написанная им в Саратове, «Духовный стих "Егорий на Руси"». См. примеч. 7 к п. 18.

[17] См. примеч. 22 к п. 1.

[18] См. примеч. 9 к п. 5.

[19] Перетц В. Н. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве»//Sertum bibliologicum: Сб. в честь проф. П. Малеина. Пг., 1922.

[20] На заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете 5 февраля 1922 г. было принято решение о возобновлении работы Пушкинской комиссии. Председателем комиссии избран Н. К. Пиксанов, товарищем председателя М. А. Цявловский, секретарем Н. Н. Фатов.

[21] Доклад В. Ф. Саводника «Античные образы в поэзии Пушкина» был прочитан 19 ноября 1922 г. на заседании Пушкинской комиссии ОЛРС. Содержание доклада и прений см.: Пушкин: Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М., 1924.

[22] 24 октября 1917 г., произнося текст вступительной лекции в Саратовском университете, Н. К. Пиксанов избирает тему «Областные культурные гнезда». С таким же докладом в 1922 г. он выступает в ОЛРС и РАХН. Доклад повторен на краеведческой конференции (см. тезисы доклада Н. К. Пиксанова: Культурные гнезда в провинции (литература в крае)//Дневник 2-й Всесоюзной конференции по краеведению. Москва, 9—14 дек. 1924 г. № 1—4. М., 1924). В сокращении доклад опубликован в журнале «Искусство» (1925. № 2). Полностью: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.

[23] Неясно, о каком сборнике идет речь. Указанные предполагаемые работы Б. М. и Ю. М. Соколовых не написаны.

[24] «Денница» — частное издательство в Москве (ответств. лицо А. А. Генженцев).

[25] Сборник не был подготовлен.

[26] Доклад Ю. Соколова «Даль как этнограф и беллетрист» не опубликован (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 260).

[27] Текст в архиве не обнаружен.

№ 22

<5 декабря 1922 г., Москва>

1922.5.XII
Вторник
Москва

Дорогой Боря!

С. В. Юшков передал мне твое письмо, завтра он уезжает и обещал забежать опять. Поэтому тороплюсь тебе набросать несколько строк.

Какая счастливая у тебя сейчас полоса: вышло сразу 4 работы:[1] 1) «Раевская и Пушкин», 2) «Этн<ографический> сб<орник>», 3) рец<ензия> на сб<орник> Смирнова и 4) наконец, твоя статья памяти А. А. Шахматова, помещенная в последней книжке «Известий» Академии наук. Правда, я ее еще не видел, но мне говорил проф. Бенешевич. Один экземпляр он привез Мих<аилу> Несторовичу. Думаю, что на днях и я получу ее из Академии. Но статьи «Крест<ья>не о Шахматове»[2] там нет: по-видимому, опоздала к окончанию книжки.

Очень приятно за тебя, что в один год столько печатных работ у тебя, а, кроме того, две большие приготовлены к печати.[3] Сборник в честь Малеина еще не читал. Точное заглавие книги: «Sertum bibliologicum. II. 1922. Сборник, посвященный проф. Малеину». Статья Лященко: «Былины о Соловье Будимировиче».[4] Надеюсь, что твоей работы[5] эта статья все же не обесценит, т. к. в основу положено исследование другого былинного сюжета. Относительно необходимости скорее печатать твою «диссертацию» я согласен, но — где? В Госиздате едва ли возьмут специальную работу. «Задруга»[6] же ликвидируется. На воскресенье назначено чрезвычайное общее собрание о ликвидации товарищества. Попробую переговорить в издательстве «Денница», где мне, как я тебе писал, предлагали составить сборник скоморошьих песен[7] и куда я до сих пор не могу собраться. Не поверишь — днем я чрезвычайно занят: музеем гл<авным> образом. На днях Кузьминский прислал просьбу в Главмузей[8] об откомандировании его в Госиздат.[9] Главмузей запросил коллегию нашего музея, и, конечно, было дано согласие. По-видимому, скоро буду проводиться через ученый совет. Необходимо, что<бы> в переходное время не выпускать возжей из рук, а при теперешних условиях так трудно следить за всеми. Оч<ень> доволен я росту посетителей ч<итального> зала, правда, медленному, но верному. Начали с 8 ч<еловек>, а теперь дошли уже до 45. Организовал выставку книж<ных> новинок и этим вызвал большое сочувствие публики. Озабочен широкой пропагандой за наш ч<итальный> зал. Теперь тепло, светло, уютно.

О печатании своих «Сказок»[10] мало думаю — некогда обрабатывать, но материалом книжки пользуюсь <для> унив<ерситетского> курса.[11] Курс с каждой лекцией приобретает все большее количество слушателей и явно нравится манера моего чтения. Завтра — 4-я лекция. Курс по фольклору на лит<ературно>-худ<ожественном> отделении начну уже с будущего полугодия. Вообще всеми своими курсами удовлетворен. Конечно, хотелось бы больше готовиться (а то, в сущ-

ности, импровизирую), но некогда. Уж очень много интересного намечено к прочтению. Сейчас, напр<имер>, с большим увлечением читаю лекции по психоанализу знаменитого Freud'a,[12] интересные вещи и для личной жизни, и для разъяснения литер<атурных> и фольк<лорных> проблем: бред, галлюцинации, сновидения и — поэтич<еское> творчество.

Недавно вышел № 1 ж<урнала> «Запад», издание «Всемирной литературы»:[13] помимо переводов соврем<енных> иностранных романов, повестей, стихотворений, обзоры лит<ературно>-худож<ественной> жизни Европы и Америки (тип ж<урнала> «Начала»[14] и даже типографск<ий> шрифт тот же).

На днях от Н. К. Пиксанова получил сборник «Русские песни. Изборник народной лирики, составл<енный> в Вологде К<а>ртыковым под ред<акцией> Н. К. Пиксанова».[15] 2-й экз<емпляр> посылаю тебе. Я еще не читал сборника, но Пиксанов в письме ко мне поясняет, что некот<орые> переработки текстов были допущены без его, Пиксанова, ведома. Сборник отвечает, по-моему, назревшей потребности. У нас есть сб<орники> былин, дух<овных> стихов, но антологии нар<одной> лирики не было... Надо будет рецензировать.[16] А тут Н. П. Сид<оров> и Н. Л. Бродский попросили написать отзыв об их «Темнике и библ<иографии> по нар<одной> сл<овесности>».[17] Я взялся было за просмотр, да и увлекся: много новых тем возникло в голове, масса всплывает необходимых дополнений, есть существенные возражения против плана и расположения библ<иографического> материала. Все это нужно обдумать и написать. Идея «Темника» прекрасная, но жаль будет, если он окажется выполненным небрежно, спустя рукава. Не хватает Н<иколаю> П<авловичу> и Н<иколаю> Л<онтьевичу> пиксановской выдержки и пунктуальности, столь необходимых для всякой библиографической работы. А ведь так бывает противно пользоваться указателем, где нет ни точности, ни ясности.

Правлю сейчас и стеногр<афическую> запись за своим докладом на съезде по краеведению.[18] Завтра отдают в печать. Хочу завтра вечером попасть на зас<едание> Бюро краеведения, куда не попадал до сих пор из-за совпадения часов заседаний с моими лекциями в университете. Посылаю тебе неск<олько> книг: 1) сб<орник> лирики,[19] 2) хрест<оматию> Бр<одского>, Сид<орова> и Менд<ельсона> по XVIII в.[20] — только что вышла, 3) «Свиток» № 2,[21] 4) брошюру Бродского,[22] 5) бро<шюру> Сакулина,[23] а 6) также 2 экз<емпляра> твоей «Раевской».[24] Оставил еще 2 у себя: для Гудзия (оч<ень> просил) и Гершензона. Оч<ень> просил В. И. Масальский, но больше у меня нет. В «Задруге» спрошу на днях о возможности достать, но, каж<ется>, уже все разошлись: ведь книга напечатана всего в одной тысяче экземпляров.

Происходили тут заседания разн<ых> обществ, но на нек<оторых> из них я не был из-за перегруженности делами. Так, не удалось быть на зас<едании> О<бщест>ва л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> с докл<адом> Фатова Н. Н. «Детство и юность Леон<ида> Андреева по новым материалам» (раздобытым Фатовым в Орле),[25] зас<едании> Пушк<инской> комиссии[26] с блестящим (по отзывам многих) докладом Л. П. Гроссмана «Об анекдоте у Пушкина»,[27] зас<едании> лит<ературной> секц<ии> Ак<адемии> худ<ожественных> наук[28] с докладом (разбитым наголову) Б. А. Грифцова «Проза Лер-

монтова» (Б. А. доказывал парадокс<альную> мысль, что напрасно Лермонтов, истинный мастер прозы, писал стихи!),[29] зас<едании> О<бщест>ва ист<ории> л<итерату>ры[30] с докладом Н. Н. Русова «Елагина (мать Киреевских) по новым биогр<афическим> материалам». Был на докладе Саво<дника> и Гинзбур<г>а (я тебе писал, каж<ется>)[31] о Пушкине в Пушк<инской> комиссии, зас<едании> Диал<ектологической>[32] комиссии (Дурново доказывал, что у нас в русск<ом> языке существует не три категории грам<матического> рода, а четыре (в мужск<ом> два — мужск<ой> одуш<евленный> и мужск<ой> неодуш<евленный>). Наша лингвист<ическая> левая (Буслаев и комп<ания>) ликовала ниспровержению еще одного устаревшего кумира. В общем признали, что Дурново стоит на верном пути форм<ального> искания, но необходимо отменить путающую старую терминологию. Был два раза на Ник<итинском> субботнике.[33] В посл<еднюю> субботу, между прочим, слушал доклад писателя Лидина, только что вернувшегося из Германии, о культ<урной> и лит<ературной> жизни Берлина. Плоховато живется там русск<ой> интеллигенции. В Берлине русских... 300 000!! Русских издательств — 36! Много русск<их> типографий. Но большинство живет впроголодь, как и немецкая интеллигенция. Раздолье в Германии лишь лицам, обладающим англ<ийской>, фр<анцузской> и амер<иканской> валютой. Поэтому иностранцами кишит Берлин. Никогда Берлин не роскошествовал и не развратничал так, как теперь: но вся роскошь (товаров много) не для немцев, а для нахлынувших богатых путешественников... Кстати, у Е. Ф. Никитиной вот уже 5 раз позировал перед художником. Мой портрет (масл<яными> краск<ами>) выходит недурно <...>[34] А тут еще гости да в гости. От этого трудно уберечься, тем более, что почти полгода пролечился. Все зовут. Был у Ушаковых, Сакулина (правда, в соединении с заседанием лит<ературного> отд<еления> Ц<ентрального> гум<анитарно>- пед<агогического> института),[35] вчера на Красносельской[36] (за три месяца в первый раз — там же вчера <бы>ли вместе с нами Д. Н. и А. Н. Ушаковы: я лег раньше спать, а они просидели до половины восьмого утра!). Вообще Д. Н. Ушаков и Александра Ник<олаевна> как-то оч<ень> привязались к нашей семье. Очень часто бывают Бродский, Сергиевский Ю., Розанов И. Н., Петровский М. А. На воскр<есенье> звал к себе Пиксанов. С. Н. Чернов с женой лишь на днях уехали в Петроград. (Да, о докладах еще: раз у М. Петровского собрались Ярхо, Кулаковский, я, Шор. Последняя читала свои переводы из «Панчатантры». Вот эрудитная девица — страсть![37] Ярхо, по-прежнему, оч<ень> доволен собой — отсиделся в гол<одное> время в Устинье, а теперь, когда стало полегче жить, вернулся опять в Москву. Много рассказывал о сербах. Надумал уйму работ...) Был на зас<едании> Центр<альной> комиссии препод<авателей>-словесников: Б. Е. Лукьяновский прочел прекрасный доклад о работе учителей-словесников за 5 лет революционных в Замоскворецком районе. Культ<урный> уровень шк<ольных> работников, слава Богу, начал снова подниматься (и мат<ериальное> положение их в Москве поулучшилось)... Был я как-то в Доме ученых опять на концерте. Интересно провел время. У меня образовался (благодаря санатории) новый и очень широкий круг знакомых... Заинтересовавшая меня санузкая дама развелась с мужем, но, слава Богу, уехала в Петроград совсем жить. Я рад, т. к. увлечение прошло.

Попировал на 2-х свадьбах: Нади (Зоиной двоюродной сестры) и Ник<олая> Павловича. Т<аким> о<разом>, свадьба Ник<олая> П<авловича> была московским продолжением саратовской свадьбы Тани и Пети.[38] Очень мне нравятся наши молодые. Жалею, что не удалось в свое время из-за болезни прийти на помощь при устройстве их торжества. Надеюсь, что в скором будущем что-ниб<удь> им куплю, а пока, по обыкновению, сижу совершенно без денег, несмотря на то что при казенной квартире за ноябрь «настрелял» 800 мил<лионов> (правда, здесь многие задержаны платежи за прежние месяцы, т. е. фактически в течение ноября 800 мил<лионов> получил. А что 800 мил<лионов>, когда в Москве трамвайный билет за одну станцию — 1 миллион стоит). Свадьба Н<иколая> П<авловича> вызывает и грустные мысли: как будут жить, уж слишком нищ молодой-то! Думаю, что в конце концов из холодной конуры молодые переберутся все же к Ник<олаю> Ив<ановичу>. Свадьба была дов<ольно> веселая. Ник<олай> Ив<анович> читал свои стихи, сочиненные к торжеству, говорились речи, танцевали... Что-то есть и подкупающее в том, что молодежь совершенно не задумывается, как будут жить, на что, надеются на «авось» и на взаимную дружбу.

Во вторник прошла неделя, на второй день после свадьбы Ник<олая> Павл<овича> у меня собрались три пары молодых: Таня — Петя, Ник<олай> Павлович и Мар<ина>, Надя и Юр<ий> Вас<ильевич>, пришли также Ира[39] и Сережа (Ненарокомов): так что налицо были все градации молодоженства. Был у меня в это время случайно и П. С. Сухотин. Все поэты (Петя, Ник<олай> Павл<ович> и Сухот<ин>) читали свои стихи. К сож<алению>, не раздобыл я вина, понадеялся на Сережу, который обещал привезти, а он не сумел...

Что-то не заходят ко мне молодые: видимо, заняты разными делами да гостями.

Ребятишки у меня более или менее здоровы <...> У меня доктор нашел значит<ельное> сокращение сердца, но перебои. Прописал микстуру, режим и фосфор. У Зои легочный процесс прекратился, но непременно не в порядке нервы и тоже сердце... А вот сейчас оторвался от письма, чтобы накрывать Зою шубами и ставить к ногам горячую бутылку: вдруг страшный озноб схватил ее без жара. Что такое? Голова болит три дня. Не тиф ли уж? Боюсь и думать...

Но, Бог даст, все, м<ожет> б<ыть>, пустяки. Мо<ожет> б<ыть>, просто результат бессонницы.

Ирочкой, ее внешним видом, я необычайно доволен. В отношении универс<итетских> ее дел сержусь: до сих пор так и не собралась к Челпанову, а он опять поминал о ней. Уж слишком вся отдалась христианскому подвигу смирения и услужения ближним.

Мамочку, Верочку, Левочку и тебя крепко целую. С нетерпением жду твоего приезда. Конечно и непременно в этот раз останавливайся у меня. Это тебе сократит множество времени, а мы с тобою всласть наговоримся. Ведь почти год мы с тобой не виделись. Как мама думает насчет Москвы? Конечно, приятно было бы ее видеть, но, м<ожет> б<ыть>, для нее в Саратове лучше. Слишком много тревог в Москве.

Твой брат

Юрий.

P. S. За печатание твоего курса новейш<ей> л<итерату>ры[40] слегка побаиваюсь. Не торопишься ли? Хотя смелость города берет!

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 62—64)

[1] См. примеч. 12 и 13 к п. 21.

[2] Статья не была опубликована ни в этом, ни в другом изданиях. В архиве не обнаружена.

[3] Имеется в виду статья о духовном стихе «Егорий на Руси» (см. примеч. 7 к п. 18) и, по-видимому, вышедшие в 1923 г. в Саратове «Очерки развития новейшей русской поэзии. 1. В преддверии символизма».

[4] См. примеч. 15 к п. 21.

[5] Имеется в виду диссертация Б. М. Соколова о взаимосвязях германского эпоса с русским. См. примеч. 6 к п. 7.

[6] Издательство «Задруга» было ликвидировано в 1922 г. (часть его сотрудников была арестована и выслана из страны). См. примеч. 9 к п. 7.

[7] Сборник не был составлен.

[8] См. примеч. 11 к п. 1.

[9] См. примеч. 65 к п. 9.

[10] См. примеч. 4 к п. 19, а также п. 20.

[11] Ю. М. Соколов читал курс народной словесности.

[12] Freud S. Die Traumdeutung. Leipzig; Wien, 1900. В русском переводе: Фрейд С. Психологические этюды. Поэт и фантазия. М., 1912.

[13] Запад: Литература. Театр. Искусство. Культура. Наука: 1922—1923, Вып. 1—10.

[14] См. примеч. 35 к п. 6.

[15] Русские песни: Изборник народной лирики/Составлен М. Н Картыковым; Предисл. проф. Н. К. Пиксанова. Вологда: Изд. Вологод. обл. отд-ния госиздательства, 1922.

[16] Рецензия печатная не появилась, но М. Н. Картыков несколько лет спустя в письме в Госиздат с просьбой переиздать его сборник ссылается на положительный отзыв Ю. М. Соколова и прилагает его рукописный текст (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 264, л. 3—4).

[17] Речь идет об отзыве на рукопись книги «Русская устная словесность. Темы. — Библиография. — Программы для собирания произведений устной поэзии/Сост. Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров», вышедшей в 1924 г. В предисловии книги, посвященной памяти В. Ф. Миллера, выражается благодарность Ю. М. Соколову за сообщение ряда ценных библиографических данных и Б. М. Соколову за помощь советами.

[18] См. примеч. 1 к п. 6.

[19] Т. е. упомянутый выше сборник М. Н. Картыкова.

[20] Историко-литературная хрестоматия. Ч. 3. Литература XVIII в. С вводными статьями, примечаниями, вопросами и темами/Сост. Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. М., 1922.

[21] Свиток. М., 1922. № 2.

[22] По-видимому, имеется в виду кн.: Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922.

[23] По-видимому, имеется в виду кн.: Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. М., 1922. Ч. 1.

[24] Соколов Б. М. М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922.

[25] См.: Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева по неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М., 1924.

[26] См. примеч. 20 к п. 21.

[27] Доклад опубликован: Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. П., 1923.

[28] См. примеч. 48 к п. 9.

[29] Ю. М. Соколов не совсем точен. Доклад Б. А. Грифцова назывался «О прозаизмах в лермонтовской поэзии». См.: Кондратьев А. И. Российская академия художественных наук//Искусство. 1923. № 2. С. 422.

[30] См. примеч. 28 к п. 1.

[31] См. примеч. 21 к п. 21.

[32] См. примеч. 25 к п. 17. См.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1927.

[33] См. примеч. 76 к п. 10.

[34] Портрет работы художника А. А. Куренного находится в настоящее время в Литературном музее в Москве. Там же и портрет Б. Соколова того же автора.

[35] См. примеч. 16 к п. 1.

[36] На Красносельской жили родители З. С. Соколовой.

[37] См.: Панчатантра: Избр. рассказы/Пер. с древнеинд., предисл. и примеч. Р. О. Шор. М., 1930.

[38] Татьяны Матвеевны Соколовой и Петра Георгиевича Скосырева.

[39] Ирина Матвеевна Соколова.

[40] Соколов Б. М. Очерки развития новейшей русской поэзии. I. В преддверии символизма. Саратов, 1923.

№ 23

<15—16 декабря 1922 г., Москва>

1922.15.XII.

Дорогой Боря!

Наспех пишу, т. к. занят и т. к. уверен в твоем весьма скором приезде. Мне очень хочется, нестерпимо хочется повидаться с тобой, давно я не говорил с тобою о делах и пустяках. Таня и Петя[1] (правда, я их видел всего 3 раза) порасскажут о моей жизни. Весь в делах и в возне. В музее вчера наконец-то исключили Кузьминского со службы: был прочитан его донос. Что за подлость в самом стиле его послания. Безобразие! Очень много грязи. Пока еще все утихомирится и вычистится![2]

Начал письмо у Д. Н. Ушакова, а дописываю у Васи. Петя уже ушел на вокзал, а Таня должна зайти к Васе. Всё урывками и урывками. Потом забота: совсем нет денег. Вообще нет, даже на трамвай. Да и дома, когда денег нет, настроение скверное. Не умеют люди быть терпеливыми. Всегда как бы виноватый какой-то.

На службе забот не оберешься. Лекции идут полн<ым> ходом. В унив<ерситете> [нагрузка] все растет. Было неск<олько> заседаний. В Постоянной комиссии препод<авателей> русск<ого> языка[3] Пиксанов делал доклад о др<евне> р<усской> повести,[4] но таким петухом держался, что меня зло взяло. Орлов и я выступали, старались очень

деликатно говорить, но Пиксафон не выдерживает никаких возражений и обидчиво огрызается. Одна мука с ним. В воскрес<енье>, однако, был у него, у него были Гроссманы и Гудзий. Поболтали домашним способом и очень мило и приятно.

В субб<оту> был у Никитиной. Беллетрист Яковлев прочитал прекрасный рассказ из совр<еменной> жизни «В четыре часа утра».[5] В воскрес<енье> было зас<едание> О<бщест>ва ист<ории> лит<ературы>. Оч<ень> хорошо прочла Крестова доклад об одном из люб<имых> образов Тургенева (жизнь-река). Доклад Ко<*нрзб.*>ого о раннем Чехове был скучнее... В среду был у приятеля-музейца Бубсигинова: там были Озаровская, писатель Замятин, Книпович (дама — друг и секретарь Блока) и А. А. Золотарев из Рыбинска.

Так бегут дни за днями. Не успеваю жить, а жить так хочется. Дома бы все хорошо (квартира и все удобства), если бы поровнее характер моей жены <...> Так иногда досадно за нее. Находит на нее иногда что-то, черт разберет. А иногда все хорошо. Быть бы самому сдержаннее, ровнее, не обращать внимания, но не могу, таков уж создан, никак не поставишь точку.

Тут переволновался за нее и Игоря. В тот день, как тебе писал, заболела она и Игорь. Доктор предположил тиф. Валериан уверяет, что это возврат<ный>. Но вот прошло 1 1/2 недели. Приступы не повторились. Ничего не понимаем. Теперь, пока что, оба, и Зоя и Игорь, совсем здоровы...

Не найду я рамок жизни. Не умею ею управлять... Спокойствия бы больше, хладнокровия, находчивости.

Ну, да плевать.

Приезжай скорее, хоть душу отведу.

Крепко целую тебя, Веру, Леву.

Мамочку обнимаю.

Юрий.

1922.16.XII.

(*ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/4, л. 65—68*)

[1] Т. М. Соколова и П. Г. Скосырев.

[2] См. п. 17, 19, 20.

[3] Постоянная комиссия преподавателей русского языка была организована в конце 1921 г. при Научно-педагогическом институте в целях объединения всех словесников Москвы на почве научной и учебно-педагогической работы. В состав президиума комиссии вошли: П. Н. Сакулин, Д. Н. Ушаков, К. П. Спасская, М. А. Рыбникова, Ю. М. Соколов, Н. Л. Бродский, В. В. Голубков и др.

[4] См. вступительную статью Н. К. Пиксанова к его библиографическому пособию: Старорусская повесть: Введение, тема, вопросник, библиография, тексты. М., 1923.

[5] Рассказ А. С. Яковлева назывался «В четыре часа ночи». Читан 9.XII.1922 (см.: ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 95). См. сб.: Молодая Россия. Берлин, 1923).

№ 24

<22 января 1923 г., Саратов>

22.I.1923

Дорогой Юрий!

Вот уже неделя с лишним, как в Саратове.

Страшно доволен Москвой. Действительно, удалось как-то встряхнуться и с новыми силами и моральной поддержкой вернуться в Саратов. Кажется, никогда с таким удовольствием и пользой не гостил в Москве.

Сейчас меня закружили в разной работе, начались факультеты, правления, коллегии, комиссии и пр. и пр.

Все у нас здоровы. Теперь в музее тепло, т. к. топят.

В мест<ных> «Известиях» была очень хвалебная рецензия на моего «Пушкина».[1] Еще в Москве нигде не появлялись? Пришли, если были, с П. С. Рыковым. Окажи, пожалуйста, Павлу Сергеевичу содействие по части книг, м<ожет> б<ыть>, ты разрешишь ему, пока он в Москве, брать на дом.

Это прекрасный и добрый товарищ.

Посылаю тебе на всякий случай доверенность на получение денег от Бродского, из «Печати и революции»[2] и «Жизни национальностей».[3] Бродский обещал выхлопотать мне плату за лист моей статьи «Др<евне>-рус<ская> литерат<ура>».[4] На днях за нее засаживаюсь.

Поздравляю Ниночку с днем рождения. Про нее и Игорчика много рассказывал своим. Поблагодари Зою за гостеприимство.

Все находят, что я вернулся из Москвы необычайно веселым.

Пока всего хорошего.

Спасибо тебе!

Любящий тебя брат

Борис.

Пиши чаще и обо всем.

Тебе совет — больше пиши для печати.

Б. С.

Попроси Зою переписать мои бумажки, какие привез Пав<ел> Серг<еевич> Рыков.

(РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1827, л. 25—26)

[1] Имеется в виду книга Б. М. Соколова «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина». См.: Марко Брук [рец.]//Сарат. известия. 1923. № 9.

[2] Неясно, за что получены деньги. В эти годы статей Б. М. Соколова в журнале не было.

[3] За статью: Соколов Б. М. К организации этнографического изучения на местах//Жизнь национальностей. М., 1923. № 2.

[4] Для издания: Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т./Под. ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. М.; Л.: Л. Д. Френкель, 1925. Статья для энциклопедии написана не была.

№ 25

<26 января 1923 г., Саратов>

26.I.

Дорогой Юра! Уже весь закружился в различных делах, особенно по деканству. Но Москва дала мне много бодрости и энергии, так что за работу вновь взялся бодро и свежо. Пришлось побывать в различных гостях у профессоров, у меня было большое собрание. Вчера профессора москвичи отпразновали как следует *Татьяну*,[1*] и я был совершенно «готов». Но ныне голова бодра, такое «освежение» тоже оказалось полезным. С той недели приступлю к лекциям, семинарам и пр. 8 февр<аля> организую в общесаратовском масштабе чествование Пушкина.[2] И, кроме того, организовываю комитет по устройству чествования в апреле Островского.[3] Сегодня получил большое количество корректуры своих очерков по новейшей литературе.[4] Формат (маленький в 8) и шрифт очень изящны. Что-то страшновато — буду стараться избежать по возможности ляпсусов. В сверстанном виде буду посылать корректуру, если будет возможность, тебе. Что новенького у тебя? и вообще в нашей словесной Москве? Жду скорого обстоятельного письма. Надеюсь, что ты оказал всякое содействие моему большому приятелю Павлу Сергеевичу Рыкову... За эти дни удалось прочитать много соврем<енной> беллетристики и с громадным интересом читал загранич<ный> роман Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито — великий провокатор».[5] Этот роман — умная и ядовитая сатира на старый мир и на кустарничество в строении нового мира, нашего. Прочти!

Мама завтра уезжает. Очень беспокоится о квартире в Москве. Жаль, что ее гощение под конец омрачилось этими волнениями. Жаль ее отпускать от себя. Молодые наши еще не устроились ни со службой как следует, ни с квартирой и пока живут у меня.[6]

Вера и Левочка, слава Богу, здоровы. Тебя целуют. Пусть Игорчик напишет Леве письмо печатными буквами, это для него большая радость.

Пока всех благ. Видел ли ты еще раз С. Ф. Ольденбурга и попросил ли его послать акад<емические> издания, в част<ности>, сборник в честь Шахматова[7] и для меня?

Всем, всем большой поклон. Привет Зое. Детей целую. Пиши скорее. Твой Борис.

(*ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/10, л. 1*)

[1] 25 января — Татьянин день по новому стилю. См. примеч. 62 к п. 9.

[2] Пушкинский юбилей прошел в Саратове 8 февраля 1923 г. Б. М. Соколов делал основной доклад (Художественный Саратов. 1923. № 3. С. 9).

---

* Курсив наш. — *В. Б.*

[3] Юбилейные торжества по случаю 100-летия со дня рождения А. Н. Островского состоялись 16 апреля 1923 г. Докладчик — Б. М. Соколов (Художественный Саратов. 1923. № 10. С. 10).

[4] Соколов Б. М. Очерки развития новейшей русской поэзии. I. В преддверии символизма. Саратов, 1923.

[5] Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... Берлин, 1922.

[6] Сестра Т. М. Соколова (Скосырева) и ее муж П. Г. Скосырев.

[7] Изв. ОРЯС АН 1920 г. Посвящается памяти Алексея Александровича Шахматова. Пг., 1922. Т. 25.

№ 26

<8—10 февраля 1923 г., Москва>
<8 февраля 1923 г.>

1923.8.II. Четверг

Дорогой Боря!

Павел Сергеевич завтра уезжает в Саратов, и я тороплюсь написать тебе письмо обо всем, что было интересного за то время, как ты покинул Москву. Ты уехал 12-го янв<аря>, следовательно, прошел почти целый месяц. Не знаю, с чего и начать.

Начну с семейных дел. Зоя сильно хворала, лежала в постели больше недели и сейчас еще не совсем поправилась. Температура доходила до 40°, сильный кашель, боли в груди. Доктора то считали, что это инфлуэнца или испанка, то полагали, что это вспышка легочного процесса. Курить теперь Зоя бросила совершенно, а то перед самой болезнью выкуривала до 50 папиросок в день. Ну где при подобных условиях не захворать! К тому же, конечно, не могло не сказаться на ее самочувствии и здоровье мое увлечение Валентиной Александровной,[1] сильно развернувшееся за месяц. Трудно определить свое чувство, да и не хочется говорить об этом, но на этот раз я захвачен не на шутку. Не знаю и не хочу знать, чем все это кончится, но сознаю себя очень и очень счастливым. Т. е. скорее сознавал бы, если не ослаблялось такое светлое, красивое, веселое и радостное состояние чувством жалости к моей неверной, взбалмошной, капризной и в то же время изнывающей от ревности и сейчас так страдающей жене. Странная, непонятная эта вещь — любовь. Вот когда почувствовала Зоя возможность моего отхода, ухода, или, как это ни назови, — то сейчас же стихла, смирилась, сжалась. Ревность ее не знает предела. А я — я между двух огней. И вижу — мне Зою жалко, но той я увлечен. Мне она кажется и умной, и талантливой, и красивой. С нею, с Вал<ентиной> Александровной, мне всегда весело, всегда радостно, всегда не умолкая мы говорим, смеемся, шутим и совсем, совсем не ссоримся; как будто давно-давно знакомы. Я не знаю, как определить то, что она чувствует ко мне. Я знаю только, что она всегда мне рада, что она меня предпочитает решительно всем, с

кем она знакома в Москве (а за ней ухаживают целые толпы). Мы с нею ходим и в театры, ездили и за город, бываем на разных собраниях и литер<атурных> заседаниях. И она не смущается тем, что вся наша историко-литературная и частью худож<ественно>-лит<ературная> Москва говорит об этом. «Роман» мой стал притчей во языцех. Я, м<ожет> б<ыть>, сам виноват: переживаю и переживаю его слишком открыто, несколько аффектированно и даже афишированно, но...

<10 февраля 1923 г., Москва>

Вот когда приходится продолжать письмо. Павел Серг<еевич> не уехал — едет послезавтра, а у меня произошли неожиданно неприятные события в музее (о них ниже), отвлекшие меня от письма да и вообще выбившие меня из колеи. Но — говорю — о них ниже.

Пока же опять о моем романе. У нас был в несколько дней «антракт», а вот вчера веч<ер> у Никитиных, сегодня в О<бщест>ве любителей словесности опять встретился и пошла писать губерния. Сейчас только что пришел из театра — в Большом были с нею на балете — «Дон-Кихоте». По возвращении подвергался, конечно (это так понятно), суровым обличениям Зои. И жаль ее, и досадно, т. к. она мне повторяет иногда буквально те самые слова, которыми в былое время не раз я одаривал ее. Как в жизни все меняется. Иногда является, не скажу — какое-то чувство злорадства, а скорее сознание справедливого возмездия: «вот, понимаешь, что значит не уважать твоей любви, преданности, верности...». Правда, я искренно жалею, что с самого начала мое увлечение было чуть-чуть громко обстановлено, сделалось предметом обсуждений, всеобщего внимания.

Но тут были свои причины: 1) (помнишь) свара (перед твоим приездом) между мной и Зоей, повлекшая за собой ослабление вожжей по отношению к своему поведению, 2) желание во что бы то ни стало с головой окунуться в новое сильное, яркое переживание... Теперь мне иногда кажется (как будто в некот<ором> противоречии с началом моего письма), что я свое чувство преувеличил, но я еще не в состоянии противиться ему: за полчаса не знаю, что буду делать, куда пойду, о чем с нею буду говорить... Глупо, иногда кажется смешным, мальчишеским, гимназическим. Пусть так, а все же хорошо... если бы не Зоины чувства и если бы не ревность и обида Гудзия,[2] который по своем возвращении из Киева был поражен сложившейся обстановкой. Скоро вернется из-за границы и Кулаковский: вот ему будет сюрприз: второй раз я ему перехожу дорогу.[3] Что же делать? Все делалось мною ненарочно, а так само собою.

Выкидываю я иногда совершеннейшие глупости. Так, напр<имер>, чтобы облегчить мне возможность частых посещений квартиры Валентины Александровны (к ней нужно проходить через комнаты хозяев — очень почтенной аристократической семьи), мы с В<алентиной> А<лександровной> придумали: выдавать меня иногда за тебя:[4] однажды я зашел за В<алентиной> А<лександровной> (чтобы идти в театр на «Периколу») и стал представляться хозяевам как новое лицо — проф. Соколов. В<алентина> А<лександровна> называла меня Бор<исом> Матвеевичем, я хмурил лоб, делал серьезное лицо, поддерживал усиленно «профессорское» достоинство, отвечал свысока,

поругивал легкомысленного брата Юрия, сердился на свою даму, что она слишком долго собирается, и т. д. Хозяева были поражены до чрезвычайности нашим сходством, хотя одна пожилая особа и находила, что Юр<ий> Матв<еевич> веселее, живее, у него более добродушный вид, глаза больше и взгляд открытее... Дело зашло так далёко, что немыслимо стало раскрывать хозяевам истину (они оч<ень> почтенные люди) и я оч<ень> тебя прошу, когда приедешь в Москву, при возможной встрече с ними виду не подать, что ты с ними никогда знаком не был... Вот до чего доходят мои амурные шалости.

Я вообще после тифа не то что поглупел, а превратился в подростка. Мне все кажется, что я только начинаю жить...

Но не думай, что я занят лишь любовью.

<10 февраля 1923 г., Москва>

10.II.1923. Воскр<есенье>

В одно из воскресений (28 янв<аря>) я прочитал доклад в Обществе л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> о Дале как этнографе-беллетристе.[5] Обсуждения не было (заседание было поминальное), но все, начиная с Сакулина, нашли, что доклад был оч<ень> интересный, отчетливый и живой. Я его читал <полтора> часа, а писал — одну ночь. И какую? — Следующую за Татьяниной: сел в 11 ч<асов> веч<ера>, встал из-за стола в 8 ч<асов> утра — накануне чтения доклада.

Главное внимание сосредоточил на анализе белл<етристических> приемов Даля. Меня просят доклад повторить. М<ожет> б<ыть>, повторю в Ак<адемии> худ<ожественных> наук.

Вчера был на зас<едании> сакулинского кружка. Там студент В. И. Шишов читал о Дале, и я был, т<ак> ск<азать>, почетным оппонентом. Хотя этот Шишов (довольно деятельный студент) и обстоятельно работу готовил, но доклад его вышел и бледным и сухим, скорее некрологом, чем ист<орико>-лит<ературным> очерком. Ведь важно, как преподнести работу...

Сегодня было зас<едание> О<бщества> л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> с докл<адом> Дарского о Пушкине и Достоевском.[6] Я на доклад из-за музейн<ых> дел запоздал, но, говорят, он был претенциозен и парадоксален: мысль та, что Пушкина мы все воспринимаем через... романы Достоевского... Заострил слишком тему... Интересно было сообщение Цявловского о нек<оторых> бумагах, открытых в архиве Бартенева и относящихся к смерти Пушкина.[7] Наконец, Гинзбург сообщил обзор громадн<ой> литер<атуры> о Пушкине за революц<ионные> годы (что-то свыше 150 названий разных книг, журн<альных> и газ<етных> статей) и продемонстрировал свою книжную выставку пушкинианы...[8]

В пятницу в Пост<оянной> ком<иссии> препод<авателей> р<усского> яз<ыка>[9] Евдоксия Фед<оровна> Никитина прочла свой доклад «Образы и словотворчество» у соврем<енных> писателей, собственно лишь о футуристах. Доклад был с большими претензиями на серьезность, а в действ<ительности> мешанина чужих (крайне противоречивых) мнений о футуризме. Винегрет, да какой! Сакулин прав: дамская головка плоховато работает. Перечитала массу и ничего

не переварила, и она свалила в кучу и Чуковского, и Ив<анова>-Разумника, и Чулкова и т. д. Ну, да что спрашивать. Дама она, в конце концов, безвредная, да к тому же своими субботниками[10] делает много приятного. Я ее не браню (как делают некоторые другие из ее пост<оянных> посетителей), но думаю: не спрашивайте с нее того, чего она дать не может.

В Общ<естве> ист<ории> лит<ературы>[11] в то воскресенье (4-го фев<раля>) делал доклад о Дан<ииле> Заточнике Шамбинаго.[12] Доказывал, что моление Д<аниила> Зат<очника> написано по схеме одного виз<антийского> послания Федора Продрома к императору (собств<енно>, мысль не оригинальная, высказанная *<нрзб. 1 слово>*), но А. С. Орлов, говоривший больше часу, с фактами в руках доказал, что 1) и в России, кроме моления Д<аниила> З<аточника>, было немало анолог<ичных> «посланий» и 2) в Византии это была довольно развитая форма л<итерату>ры (м<ежду> пр<очим>, сочинения византийца Глики ближе к Заточнику, чем сочинен<ие> Продрома). С Продромом у Д<аниила> З<аточника>, по-моему, общее лишь что-то во внешнем биогр<афическом> положении и гл<авным> о<бразом> в психологич<еской> ситуации человека, попавшего в немилость. Орлов говорил доказательно, но с большими (даже через край) любезностями по адресу своего друга-соперника, а Н. П. Попов по-семинарски валял правду-матку напрямки... Легкомыслен человек этот Шамбинаго.

В ром<ано>-герм<анской> секции исслед<овательского> института — т. е. у М. Н. Розанова[13] я был на докладе Н. Н. Лямина «Образы у Бодлера». Трехчасовой доклад представл<ял> собою... статистический подсчет образов у Бодлера. Сколько раз поминается в «Цветах зла» рука, нога, волосы, кожа, подвязки, чулки, даже слюна возлюбленной... Вот и весь доклад. Никаких почти выводов нельзя сделать, к тому же образы оторваны в докладе от контекста, а от этого многое теряет свой смысл. Вал<ентина> Але<ксандровна> написала оч<ень> остроумную стих<отворную> эпиграмму, имевшую <большой> успех. Смысл ее таков: опасно быть влюбленной в филолога — того и гляди подсчитает поцелуи, подвязки, да и когда умрешь, филолог спустится через несколько лет в могилу, чтобы определить, как пахнет труп возлюбленной (у Бодлера, м<ежду> пр<очим>, не раз говорится о трупном запахе)... Метод Лямина чересчур элементарный и примитивный...

Огромный интерес вызвала тема доклада (в лит<ературной> секции Ак<адемии> худ<ожественных> наук) Столярова (философа, занимающегося литер<атурными> проблемами) «Критика формального метода».[14] Читал он доклад 5-го в понед<ельник>, а завтра будут прения: выступят Петровский, Грифцов, Гроссман, Бережков, Ярхо, *<нрзб. 1 слово>* и др. Доклад был [более] прочитан с артистичностью, даже некоторой рисовкой, но по существу представлял метафизико-логическую игру, чем серьезную критику.

Основная мысль доклада: в акте худ<ожественного> творчества «материал» и «прием» играет сравнительно небольшую и второстепенную роль; основа худож<ественного> произведения — в видении поэтом-художником образа; работа худож<ника> заключается в высвобождении видимого поэтом образа от массы лишнего материала (ненужные осколки мрамора, отсекаемые резцом) при помощи «приемов»... Но Столяров (местами остроумно высмеивающий чрезмерные притяза-

ния формалистов повсюду усматривать «приемы») упускает из виду, что в процессе творчества оч<ень> часто самый материал (масса камня, слова́) и приемы (рифма, напр<имер>) подсказывают, вмешиваются активно в самую гущу творч<еской> работы автора, во многом ее обусловливают. Автор не только подчиняет себе материал, но и подчиняется его природе, подчиняется и тем орудиям, которыми пользуется. Завтрашнего дня жду с большим нетерпением...

Неск<олько> заседаний провел в Краев<едческом> бюро.[15] Очень трудно спорить с Богдановым: уж очень упорен и схоластичен. Недавно опять были горячие прения о сб<орнике> «Краев<едение> и школа».[16] Причем большинство соглашалось с комбинированным планом, выработ<анным> из моего и из плана А. А. Яхонтова. Но в посл<еднем> зас<едании> Богданов опять уперся...

Выдержал я принципиальный спор с Гливенко в зас<едании> лит<ературно>-худ<ожественного> отделения ФОНа.[17] Гливенко хочет сосредоточить преподавание литературы на лит<ературно>-худ<ожественном> отделении, а преподавание языка на этн<олого>-лингв<истическом>, разорвав т<аким> о<бразом> подготовку преп<одавателей> русск<ого> яз<ыка> и слов<есности> в ср<едней> школе <...>

В нач<але> марта назначили мой доклад в подкомиссии преп<одавателей> р<усского> яз<ыка> «Соврем<енная> поэзия и нар<одная> словесность». С большим увлечением займусь этой интер<есной> темой.[18]

Другой доклад: в Гуман<итарно>-пед<агогическом> институте «Новости по изуч<ению> нар<одной> слов<есности>»[19] — через две недели.

Зовут меня обязательно в Тверь. Поеду в нач<але> марта. Зовут читать лекции в Лит<ературно>-худ<ожественном> институте Брюсова, но колеблюсь, т. к. учреждение не внушает особенного доверия.[20]

Лекции повсюду начал и читаю с удовольствием.

В унив<ерситете> посл<едняя> моя лекция по нар<одной> сл<овесности> прошла с большим успехом: читал очень весело и живо. Был в настроении...

Теперь о твоих науч<ных> делах.

1. а) В Госиздате младш<ий> Каптерев обещал продвинуть «Сказителей»[21] быстро.

б) Насчет изд<ания> лекций <по> нар<одной> слов<есности>[22] — думает, что пройдет, т. к. зондировал почву. Ты проспект присылай.

2. У Салаевых Сидоров устроил твою книгу.[23] Скоро, м<ожет> б<ыть>, даже и печатать. Просил сообщить тебе.

3. В Лит<ературной> энц<иклопедии> статью ждут.[24] Посылаю 100 мил<лионов> аванса, 200 дошлю на днях.

4. Насчет «Печ<ати> и рев<олюции>»[25] не добьюсь от Бродского толка, т. к. Н<иколай> Л<еонтьевич> предпочитает попадать ко мне в дом в мое отсутствие.[26]

Сидоров обещает устроить мои «Сказки»...[27]

Планов, работ сколько!

Не знаю, где печатать Да<ля>.[28]

Ну, теперь о муз<ейных> делах. Во вторник 12/II — назначено дело Ист<орического> музея в губ<ернском> суде. У Щекот<ова> и Сух<отина> защитник Брусиловский, у Сергиевского и Орешникова —

Ордынский. Обвинен<ия> в небрежности по службе. Я думал, что меня вызовут свидетелем, но <они> не вызывают. Я уверен в оч<ень> хорошем исходе судебн<ого> дела.[29]

Неприятность, о кот<орой> я тебе <пишу>, следующая: в пятницу 9-го утром обнаружено наводнение в библиотеке. Вода, переполнившая бак, стоящий на чердаке библиотеки, протекла по всем этажам ее и сбежала по лестницам в вестибюль с Красной площади. Причины до сих пор неизвестны, т. к. технич<еская> сторона в полной исправности. Ведем расследование. Сначала казалось, что катастрофа громадна, но теперь размеры ее выяснились и не столь ужасны. Пострадало не бол<ее> 3000 книг из миллионной б<иблиоте>ки. Мы все эти намоченные книги перенесли в чит<альный> зал, поставили шесть электр<ических> вентиляторов и сушили. Дело идет успешно. Но я за эти три дня избегался: в пятницу раз 15 поднялся вверх по лестницам. Сердце оч<ень> разболелось. Обидно видеть злорадство некот<орых> служащих библиотеки, принадлежащих к партии Кузьминского. Главное — скрыть даже свои чувства не могут...

Дело странное, к тому же перед самым судебным процессом! Всякие мысли приходят в голову.

Вот, каж<ется>, самое существенное из моей жизни.

Маму вижу оч<ень> редко. Она март хворала. Ира до сих пор у нас не бывает, и ни она, ни Зоя ни шагу не сделали навстречу к примирению... Васю «уплотнили»: переместил<и> в проходную комнату. Маму пока не тронули...

Крепко тебя целую, и Верочку, и Леву. И молодых.[30] Они у тебя или свили свое гнездо?

Мои детишки здоровы. Бой-ребята: меня дразнят «Дынницей». Ну и воспитание! Ничего не поделаешь.

Твой Юр<ий> Сок<олов>.

P.S. Меня просили сообщить тебе, что 25 февр<аля> в воск<ресенье> состоится чествование в Ист<орическом> музее С. К. Богоявленского по случаю 25-летия его уч<еной> деят<ельности>. Непременно пришли приветст<вия> от себя и учреждений.

Что же не шлешь мне корректуру своей книжки по совр<еменной> поэзии?[31]<...>

Сейчас половина 4-го ночи. Пора спать.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 3—11)

[1] В. А Дынник.

[2] В записной книжке Ю. М. Соколова (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 106, л. 24), который любил и с удовольствием использовал экспромты В. А. Дынник, осталась запись стихотворения В. А., адресованного Н. К. Гудзию в ответ на некоторые высказывания последнего.

I. «Но, дорогая Валентина Александровна, вы должны быть, по крайней мере, графиней...» (из письма <Н. К. Гудзия В. Дынник>).

II. «Валентина Александровна любит загадывать шарады»

(Изречение Н. К. Г.) <Н. К. Гудзия>.

Вы оценить меня умели,
Мое тщеславье разгадав:
Да, мне был нужен в самом деле

В мужья — по крайне мере, граф.
Но сердце трепетно и тайно,
Презрев тщеславия обман,
Ждало любви необычайной,
Огнекипящей, как вулкан.
К мечтам судьба так благосклонна,
Ни той, ни этой не поправ:
И вот — меня получит в жены
Не просто граф, а этно-граф.

В. Д.

[3] Ю. М. Соколов имеет в виду свое пребывание в санатории Узкое.

[4] См. примеч. 3 к п. 11.

[5] Текст доклада Ю. Соколова «Даль как этнограф и беллетрист» см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 260.

[6] См.: Дарский Д. Демонизм Пушкина и Достоевского. М., 1922. 11 февраля 1923 г. перед студентами 1-го МГУ Д. Дарский вновь повторил доклад «Пушкин и Достоевский» (Пушкин: Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М., 1924).

[7] С этим докладом М. А. Цявловский выступал и во Всероссийском Союзе писателей 25.VII.1921 г. Полностью бумаги из архива П. И. Бартенева опубликованы в кн.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина/[Сост. Б. Модзалевский, Ю. Оксман и М. Цявловский]. Л.: Атеней, 1924. С. 75—118.

[8] Л. С. Гинзбург сделал доклад «Пушкин в революционной России (1917—1923)» и устроил выставку книг, вышедших за последние пять лет (Пушкин: Сб. 1. Пушкин и Общество любителей российской словесности. М., 1924. С. 251—252).

[9] См. примеч. 3 к п. 23.

[10] См. примеч. 76 к п. 10.

[11] См. примеч. 28 к п. 1.

[12] Сведениями о публикации доклада не располагаем.

[13] Имеется в виду секция литературного отделения ГАХН.

[14] Доклад М. П. Столярова «Критика формального метода поэтики» был произнесен в литературной секции ГАХН 5.II.1923 г. (см.: Кондратьев А. И. Российская академия художественных наук//Искусство, 1923. № 1. С. 422).

[15] См. примеч. 3 к п. 6.

[16] Сборник не вышел.

[17] См. примеч. 31 к п. 1.

[18] Впоследствии появилась статья Ю. М. Соколова: А. Прокофьев и народная песня//Лит. критик. 1936. № 1.

[19] См. примеч. 16 к п. 1. Текст доклада не обнаружен.

[20] В 1922 г. Ю. М. Соколов начал работать в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, где читал курс по народной словесности и вел мастерскую фольклора. В 1925 г. институт был ликвидирован.

[21] Соколов Б. М. Сказители. М., 1924.

[22] Лекции по народной словесности Б. М. Соколова хранятся в РГАЛИ, частично написанные рукой Б. М. Соколова, частично в записи студентов Саратовского и Московского университетов (в частности, Т. М. Акимовой) (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1). Лекции изданы не были.

[23] Речь идет о книге Б. М. Соколова «Собиратели народных песен П. В. Киреевский, П. И. Якушкин и П. В. Шейн» (М., 1923), выпущенной книгоиздательством товарищества «В. В. Думнов, наследники братьев Салаевых».

[24] Имеется в виду статья «Древнерусская литература и фольклор». Ни эта, никакая другая статья в «Литературную энциклопедию» Б. М. Соколовым не напи-

саны. Упоминание о нем как об авторе во вступительной статье к энциклопедии ошибочно. См.: Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925.

[25] «Печать и революция» — русский советский ежемесячный журнал критики и библиографии. Возник в Москве в 1921 г. (орган Госиздата). Отличался энциклопедизмом, стремлением к всеохватности и широте знаний. В 1930 г закрыт. Первые три года выходил нерегулярно.

[26] Имеется в виду получение Б. М. Соколовым денег за какую-то услугу, оказанную журналу; статей Б. М. в эти годы в журнале не было.

[27] Неясно, о каких «Сказках» речь: о сборнике (для детей и юношества) или об исследовательской работе по сказкам. См. примеч. 4 и 6 к п. 19.

[28] О замыслах такого рода нам ничего не известно.

[29] См. п. 17, 19, 20.

[30] Т. М. Соколову и П. Г. Сокосырева.

[31] Соколов Б. М. Очерки развития новейшей русской поэзии. I. В преддверии символизма. Саратов, 1923.

№ 27

<10 февраля 1923 г., Саратов>

10.II.

Дорогой Юра!

К сожалению, писать много некогда — на носу лекция через час. Нынче всю ночь сидел и день. Читаю сейчас о Брюсове (2-я лек<ция>), а след<ующая> будет о других старших символистах. Книжка моя «В преддверии символизма» уже вся набрана, держу корректуры. На той неделе, думаю, — выйдет.[1] И прошло — и что-то страшно <...> Целые дни занят админ<истративными> обязанностями, этим тяжелым и обременительным деканством.[2] С каким бы удовольствием отказался бы от него — да, видимо, придется этот год дотянуть.

Вообще же — здоров, бодр, жизнерадостен. Работа спорится — только на все не хватает времени. Как ты? Редко пишешь — и это мне досадно. Собственно, ведь писем после нашего свидания я от тебя и не имею. Жду обстоятельного письма с Пав<лом> Сер<геевичем> Рыковым. Вот милый человек! Правда? С. Н. Чернов вернулся из Петерб<урга>, привез мне оттиски о Шахматове.[3]

Пиши.

Целую <тебя и> детей.

Зое поклон.

Твой Борис.

Что слышно об издании моей диссерт<ации>?[4] Не зайдешь в маг<азин> «Маяк»[5] на Петровке — спроси у Кроленко, Михайлова или костромского профессора Сакетти.

Не встречал ли рецензий на моего Пушкина?[6]

С удов<ольствием> вспоминаю моск<овское> гощение. Привет Уш<акову>, Бр<одскому>, Сид<орову>, Шув<алову> и всем.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 350/10, л. 2)

[1] Соколов Б. М. Очерки развития новейшей русской поэзии. I. В преддверии символизма. Саратов. 1923.

[2] См. анкетные данные Б. М. Соколова во вступительной статье.

[3] Оттиски статьи Б. М. Соколова «Памяти академика А. А. Шахматова» см.: Изв. ОРЯС АН. 1922. Т. 25.

[4] Диссертация Б. М. Соколова посвящена русско-немецким сопоставлениям в эпосе. Ю. М. Соколов пытался, но неудачно, пристроить публикацию ее в Москве. Частично она была опубликована в Саратове в 1923 г. См. примеч. 6 к п. 7.

[5] Книжный магазин «Маяк» помещался на Петровке, 7.

[6] На книгу Б. М. Соколова «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина» было пять рецензий. О первой Б. М. говорит в п. 24. Другие: Аксенов И. А.//Печать и революция. 1923. Кн. 1; Фатов Н.//Молодая гвардия. 1923. № 1; Ефимов Н. История русской литературы в годы революции: (Опыт библиографической сводки)//Печать и революция. 1922. Кн. 7; Сушицкий В.//Студенческая мысль. Саратов. 1923. № 2.

№ 28

<3 марта 1923 г., Москва>

1923.3.III. Суб<бота>

Дорогой Боря!

А. М. Смирнов завтра зайдет за письмом моим к тебе, но я не успел (несмотря на огр<омное> желание) написать его тебе. Ограничиваюсь коротенькой записочкой. Я чрезвычайно занят и музеем, и лекциями (кот<орые> идут в<есьма> успешно), и посещением научных обществ, а также нахожусь в каком-то чаду по причинам тебе известным.[1] Сегодня, сейчас, уезжаю в Тверь, чтобы немного вздохнуть и осмотреться, главное — посмотреть на себя со стороны. Оч<ень> тяжело.

Крепко тебя целую.

Твой брат Юрий.

P.S. Посылаю тебе 2 книжки: Азадовского[2] и Пиксанова.[3] На грубую рецензию Аксенова в «Печ<ати> и рев<олюции>»[4] на твою «Раевскую»[5] не обращай внимания. Она не обидна, т. к. слишком глупа.[6] (По-вид<имому>, тут нужно было задеть «Задругу».) Все (Пиксанов, Гроссман, Бродс<кий>) жалеют, что они не заявили о своем желании поместить свою статью.[7]

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 12)

[1] Отношения с В. А. Дынник.

[2] Азадовский М. К. Легенда о Щапове//Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1.

[3] Неясно, какую книгу Н. К. Пиксанова из его многочисленных библиографических пособий, выходивших в эти годы, Ю. М. Соколов имеет в виду. Возможно, «Грибоедов и Мольер. (Переоценка традиции)» (М., 1922).

[4] См. примеч. 6 к п. 27.

[5] «М. Н. Раевская — княгиня Волконская в жизни и поэзии Пушкина».

[6] По мнению И. А. Аксенова, в работе Б. Соколова нет ни свежего материала, ни оригинальной интерпретации. «Все это было», работа «компилятивна», рассчитана, по-видимому, «на спекуляцию популярным заголовком» (Печать и революция. 1923. Кн. 1. С. 211—212).

[7] Ни Пиксанов, ни Гроссман, ни Бродский на работу Б. М. Соколова не отозвались.

№ 29

<18 мая 1923 г., Москва>

18.V.1923

Дорогой Боря!

Да, не писал тебе совсем. Очень хотелось поговорить с тобою, но жизнь так наполнена, что совершенно не хватало времени. И сейчас не придется писать подробно, т. к. С. В. Юшков сегодня уезжает, и я должен послать к нему на квартиру это письмо и работу Скафтымова[1] (которую, кстати, я так и не успел прочитать: Сперанский совсем на днях мне ее прислал). Буду говорить о главном.

В своем чувстве к Вал<ентине> Александровне я очень счастлив, и она меня очень крепко любит. Слава Богу, я могу говорить это с полной убежденностью, т. к. опыт прошлого научил меня не верить сразу, а проверять, испытывать, наблюдать и заключать. С каждым днем наша любовь становится крепче, глубже и ближе. Оба мечтаем о том, чтобы скорее повенчаться. К сожалению, здесь крупные препятствия: ни у меня, ни у Вал<ентины> А<лександровны> нет совсем денег. Давно так постыдно не сидел на мели, как сейчас. Жалование или задерживают, или дают частями. Поэтому приходится занимать, по получке сразу все отдавать кредиторам. Глупо. К тому же из-за отъезда моего служителя Кобякина в отпуск (он лишь сегодня вернулся) я больше двух недель очень плохо и нерегулярно обедал. Теперь и продукты все вышли. Паек получу лишь 22-го. Конечно, можно было бы заработать лит<ературным> трудом. Ведь так много у меня всяких заказов принято. Пиши только и получай. Но... времени нет. Служба (местком, библиотека — с весьма сложными отношениями), лекции (их я на буд<ущий> год сокращу: столько вечеров пропадает), заседания научные и др<угие>, поездка в Тверь, развод, а главное, вполне понятная и непреодолимая потребность видеться с любимым человеком. Приходится из-за дальности расстояния (В<алентина> А<лександровна> вчера из Хамовников перебралась на Плющиху, д. 22, кв. 6)

столько тратить времени и сил. Да тут я на днях до безобразия натер ногу, и она у меня оч<ень> разбаливается. Да простудились мы оба: В<алентина> А<лександровна> и я оба кашляем, оба с насморком. Она похудела и побледнела. Надоело обоим это мотание <...> Вчера у мамы вечером Вал<ентина> Александ<ровна> была очень тиха, грустна и молчалива. Боюсь, подумают, что она чем-то недовольна или фон наводит, тогда как ей просто-напросто очень нездоровится. С трудом досидела вчера. Мы ушли рано. Мне жалко, что Сер<афим> Вл<адимирович> может о ней составить превратное мнение и свои впечатления передать вам. Конечно, в силу многого пережитого за посл<еднее> время, и у меня, и у нее исчезла та жизнерадостность, которая таким сильным ключом била первые месяцы моей влюбленности. Правда, мать В<алентины> А<лександровны> теперь поняла, что она полюбила не на шутку, и перестала мучить ее своими уговорами и увещаниями. Но, по-в<идимому>, еще не примирилась. Сестра же Т<атьяна> А<лександровна> как будто уже совсем настроилась на другой лад <...> Ну, да со всеми этими родств<енными> отношениями — я глубоко верю — все уладится. Теперь о разводе.

Суд развел моментально, но признал, что если мать хочет детей оставить при себе, то это ее право. Лишь в случаях душ<евной> болезни жены, какого-либо предосуд<ительного> поведения — можно детей брать отцу против воли матери. Пришлось примириться. Документов еще не получил: все некогда зайти. Дети меня волнуют: очень, очень редко ко мне приходят, хотя когда приходят, то очень нежны. Зоя враждебна ко мне. Писала письма довольно грубоватые насчет денег: напоминала о моем отцовском долге. Это было на след<ующий> день по получении мною аванса в музее. Видимо, друзья (Серг<иевские>) сразу сообщили, и она напугалась, что я ей не пришлю. А мне просто не с кем было накануне послать. О друзьях: из каких соображений, не знаю, подчеркивающе «приходят к ней на помощь». И Уш<аков>, и Серг<иевский> бывают у нее очень часто. Ушаков выписал пайк<овые> посылки на мое имя, но в ее адрес: боится, что ли, что я не поделюсь. Серг<иевский> посоветовал Щекотову меня через Ученый Совет все еще не проводить в гл<авные> библиотекари (я все еще исп<олняющий> обяз<анности> по назначению), т. к., мол, при консервативном составе нашего Совета многие из-за моего развода с Зоей могут положить мне черняков. Не хитрит ли Юр<ий> Владимирович? В музее много интриг. Особенно это сказалось при перевыборах месткома.

Я всегда проходил единогласно, а на этот раз выдвигались и др<угие> кандидатуры (м<ежду> пр<очим>, Евг<ения> Корша), шла какая-то закулисная игра (в кот<орой>, я теперь узнал, принимала участие и администрация, гл<авным> о<бразом> Сергиевский), при голосовании были в отнош<ении> меня и воздержавшиеся, и два голоса против, целый ряд лиц демонстративно на выборы не пришел. Я был все же избран огромн<ым> большинством: каж<ется>, 80 из 86 голос<ов>, но чувствовал всю сложную сеть всяческих соображений и замыслов. Все это противно. И, слава Богу, я этому всему придаю не оч<ень> большое значение. У меня так много в душе сейчас светлого, красивого.

Очень радуют меня лекции в университете, а также в Брюс<овском> Выс<шем> лит<ературно>-худ<ожественном> институте,[2] где

вот уже седьмая лекция подряд заканчивается взрывами аплодисментов. Как-то удалось попасть в точку. В унив<ерситете> аудитория по-прежнему держит<ся> оч<ень> устойчиво, и я сам чувствую, как любят мой курс. Со студ<ентами> я отправляюсь в нач<але> июня (числа 5—6) в Брон<ницкий> уезд к Петру Глебовичу Яркову.[3] Записалось в экс<педицию> до 40 человек. Через этн<олого>-лингв<истическое> отделение, деканат моя просьба о ден<ежной> субсидии пошла в правление у<ниверсите>та, а оттуда пойдет в Главпрофобр.[4] По-видимому, деньги (всего 1 1/2 миллиар<да>) отпустят. Относятся к моим затеям оч<ень> сочувственно. На будущий год я объявляю (уже прошло через этн<олого>-л<ингвистическое> от<деление>) курс (для 1 к<урса>) по уст<ной> слов<есности> (буду читать обрядовую), затем семинарий (для 2 к<урса>) по поэтике устной словесности. Боюсь только, что из-за предстоящей реформы (у нас вновь сливают этн<олого>-лин<гвистическое> и лит<ературно>-худ<ожественное> отделения) и представленного деканатом плана с оч<ень> огранич<енным> числом лекций курс будет отменен, хотя едва ли. Студенты будут требовать. Они мне признавались, что курс мой открывает глаза им на <то>, чего они совсем не видели вокруг себя.

В Тверь я поеду опять 27-го мая и пробуду там до 3 июня. 27—28 Вал<ентина> Ал<ексан>др<овна> будет там читать публи<чную> лекцию по новейш<ей> р<усской> литературе, 29—30 я заканчиваю свои курсы, а 31—3 еду со студентами в Стар<ицкий> уезд.[5] Еще предстоят хлопоты в Главпрофобре на поездку... На буд<ущий> год В<алентина> А<лександровна>, по-видимому, будет ездить со мною в Тверь для своего курса поэтики. Грифцов предлагает ей через меня и курс поэтики в ГИСе.[6] Вообще у нас с ней работа будет кипеть. Ведь я же буду всячески облегчать (при своих отношениях и связях) вхождение в разл<ичные> моск<овские> научн<ые> организации и учреждения.

В Госиздате я виделся с Иорд<анским> раза два. Пока одобрены 3 сб<орника> ска<зок>: «Мужик и барин»,[7] «Мужик и поп»,[8] «Мужик и купец»[9] (по 5 л<истов>). Первые два я возьму на себя: у меня материал подготовлен, а ты возьми 3-й, если хочешь. «Сказители»[10] твои еще не движутся, прочие наши с тобой планы задерживаются, т. к. их еще Иорд<анский> не успел провести, где следует. Завтра опять пойду к нему.

Очень просит Бродский прислать статью о др<евней> л<итерату>ре[11] и мою статью о нар<одной> словесности.

Новостей литерат<урных> больших нет. Вышла книжка Сиповского «Поэзия народа» (о соврем<енных> кр<естьянских> и прол<етарских> поэтах).[12] Газеты хвалят, а кое-кто поругивает за подлизывание к совр<еменным> тенденциям.

Свадьбу хотелось бы сделать перед самым Покровским постом, но 1) не успеем, 2) нет денег, 3) по старому стилю это «май». Хотя посмотрим. Свадьба будет в Москве (где-ниб<удь>, не говоря предварительно, кроме самых близких, обвенчаемся). Если же свадьбу отложим на после поста, то, м<ожет> б<ыть>, приедем венчаться к тебе в Губаревку.[13]

Боря, как хочется зажить жизнью, полной душевной радости и красоты.

Валентина Александровна тебе, Вере и Леве шлет свой дружеский привет. Она вас всех троих очень полюбила. Целую Веру и Леву, а также молодых.[14]

Твой брат Юрий.

Сейчас заходил Н. А. Дорогутин. Очень просил напомнить, что Святский ждет тво<ей> обещ<анной> стат<ьи> для 2 № «Краеведения».[15] Что ты задержал?

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 14—15)

[1] По-видимому, имеется в виду рукопись книги А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин», которая будет опубликована в Саратове в 1924 г.

[2] См. примеч. 29 к п. 9.

[3] Бронницкая экспедиция (точнее — практика) состоялась 16—18 июля 1923 г. Приняло участие 32 студента 1-й МГУ. Собранные 1064 текста хранятся: РГАЛИ, ф. 1426.

[4] См. примеч. 25 к п. 3.

[5] 1-я Старицкая экспедиция состоялась в июне 1920 г. В ней приняло участие 25 студентов Тверского педагогического института под руководством Ю. М. Соколова и музыковеда С. М. Любского. Повторная — летом 1923 г. Незначительная часть материалов этих экспедиций хранится в кабинете истории литературы Тверского педагогического института (теперь — университета).

[6] См. примеч. 22 к п. 1.

[7] Барин и мужик: Рус. нар. сказки /[Ред. и предисл. Ю. М. Соколова]. М.; Л., 1933.

[8] Поп и мужик: Рус. нар. сказки/[Ред. и предисл. Ю. М. Соколова]. М., 1931.

[9] Сборник не был составлен ни Б. М., ни Ю. М. Соколовыми.

[10] Рукопись Б. М. Соколова о сказителях, все же опубликованная в 1924 г.

[11] Статья Б. М. Соколова о древнерусской литературе написана не была.

[12] Сиповский В. В. Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней. Пг., 1923.

[13] Имение А. А. Шахматова в Саратовской губернии, где летом 1922 г. и, как предполагалось, летом 1923 г., профессора Саратовского университета и их семьи должны были жить и работать. См. примеч. 14 к п. 8 и примеч. 6 к п. 18.

[14] Т. М. Соколова и П. Г. Скосырев.

[15] В журнале «Краеведение» в 1923 г. не было опубликовано ни одной статьи Б. М. Соколова, а в 1924 г. — три рецензии.

№ 30

<24 мая 1923 г., Москва>

24.V.1923.

Получил твое грозное послание с Крупянской. Ну чем же я виноват, что твой друг и приятель Серафим[1] не совсем по-ангельски поступил со мной — сказал, что он остановился у Якобсен по Борисоглебскому переулку, не то в доме № 8, не то в доме № 14. Я посылал утром служителя с письмом и с работой Скафтымова,[2] а Якобсенов,

оказывается, ни в доме 8 ни в доме 14 никаких нет. Вот письмо и пролежало до сих пор. Завтра непременно отправляю заказным с этою припиской.

Я за посл<едние> дни совсем было расклеился: очень простудился, но теперь опять как будто ничего. В суб<боту> или в воскр<есенье> еду с В<алентиной> А<лександровной> и Т<атьяной> А<лександровной> в Тверь. 28-го (в Духов день) В<алентина> А<лександровна> будет читать пуб<личную> лекцию «Пути современной поэзии» с декламационными иллюстрациями Т<атьяны> А<лександровны>, а я 30-го выступаю с лекцией «Нар<одная> русская песня» в сопровождении прекрасного студ<уденческого> хора. Любский опять взялся за прежнюю свою талантливую работу с учащейся молодежью.

Свадьбу придется отложить числа до 15 июля, т. к. пост начинается не с 14 июня, как я думал, а 4-го. Ясно, что не успеем. Я еду на перв<ые> числа июня в экскурсию с тв<ерскими> студ<ентами>,[3] а 7—8 в Брон<ницкий> уезд с моск<овскими> студентами.[4] Эти все перспективы несколько бодрят.

Как выяснилось пока на посл<еднем> заседании предм<етной> комиссии, и мой курс, и мой семинарий на буд<ущий> год состоятся. Студенчество само (без моей инициативы) ревниво следит, чтобы курс вошел обязательно в основ<ные> планы. Я оч<ень> рад такому отношению молодежи.

В посл<едних> заседаниях О<бщества> ист<ории> лит<ературы> нес<колько> раз выступал в прениях. Так, оч<ень> много пришлось говорить по докладу А. М. Смирнова «Сказки о падчерице».[5] Я в корне не согласен с его методом работы лишь над русскими вариантами, причем им делаются, лишь на основании их, этнологич<еские> выводы, относящие нас к первобытной поре. Это возможно лишь по изучению сюжета во всем объеме его мирового распространения. Выступал также по докладу Н. Мендельсона, доказательно утверждавшего влияние некот<орых> статей Шевырева на раннего Островского и Ап. Григорьева. Сидоров и Мендельсон на заседании настойчиво меня просили продолжить свои работы над Шевыревым.[6]

В Ак<адемии> худ<ожественных> наук читал как-то доклад Н. К. Гудзий «Звуковая инструментовка у Тютчева»;[7] доклад действ<ительно> подчеркнул, как много у Тютчева звукописи и звукоподражания, аллитераций. Но доклад был неск<олько> спешный, неск<олько> неровный, без строгой системы. Конкретн<ых> выводов почти не было. Констатировался и так уже довольно известный факт, что Тютчев очень любил зв<уковую> инструментовку. В прениях, как обычно в таких случаях (сколько раз я слышал это за посл<едние> годы), указывалось: 1) хорошо бы точно арифметически подсчитать все отдельн<ые> случаи инстр<ументовки> (Лямин),[8] 2) что нужно связать инструментовку с элементами ритма, по кр<айней> мере, постараться нащупать связь (Шенгели),[9] 3) что зв<уковая> инструментовка м<ожет> б<ыть> «случайна», часто она встречается в простой разговорной речи («Степка стянул постромки» — Пиксанов) и т. д. В<алентина> А<лександровна> написала след<ующий> экспромт и тут же части публики прочла:

Н. К. Гудзию:

Пускай в символике согласных
Вы не нашли с собой согласных.
И бр и пр не долетели
До слуха чуткого Шенгели.
И сделать Вам пытался Лямин
По арифметике экзамен.
И осуждающе молчали
Уста когда-то милой Вали.
Пускай немало Вам изъянов
Старался указать Пиксанов.
Ведь сам он сделал резюме,
Аллитерируя на «мэ».

Знаешь манеру Ник<олая> Кириаковича мычать?

В Обществе люб<ителей> р<оссийской> сл<овесности> я был как-то на скучнейшем чтении скучнейшего романа старейшей старушки Маклаковой-Нелидовой. Ну разве можно таких выпускать? Ведь теперь уже 20-е годы XX века, а не 80-е годы XIX! Я говорил Сакулину, что подобными докладами создается репутация о<бщест>ва как общества какого-то застоя. П<авел> Н<икитович> признавался, что он оч<ень> волнуется отдаленностью от Общ<ества> любителей выдающихся новейших писателей и предполагает к<ак>-н<ибудь> созвать у себя посовещаться А. Толстого, Вересаева и нек<оторых> других об оживлении о<бщест>ва приливом свежих писательских сил.

В Центр<альном> бюро краеведения[10] по-прежнему скучно. Ах, как всех морит Богданов. Дорогутин работает оч<ень> усердно. Намечается бюро предположенного на осень съезда по изучению человека. Подбор лиц будет персональный. Дорогутин сообщал мне, что и я буду туда включен.

Да, интересную я на днях получил бумагу из Рыбинска. Рыб<инская> публ<ичная> б<иблиоте>ка избрала меня своим почетным членом «в ознаменование заслуг по организации в Москве большого чит<ального> зала при Ист<орическом> музее» и в память о кровных моих связях с Яросл<авской> губ<ернией>, и в конце выражается надежда, что... помогу б<иблиоте>ке присылкой книг. Ярославский подход к делу!

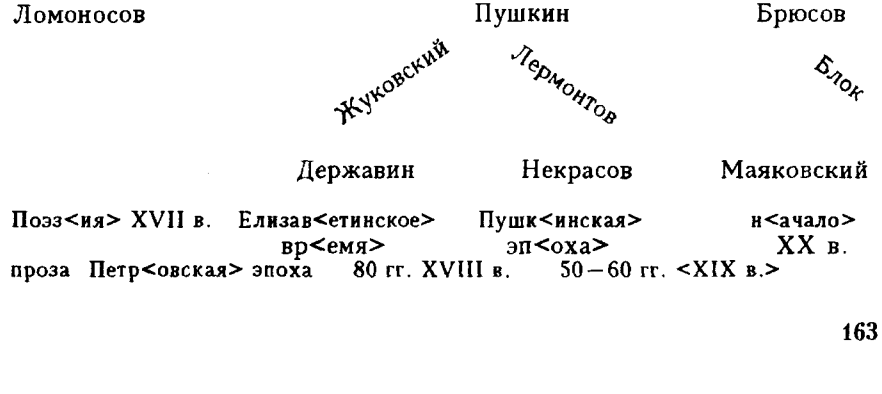
На Никит<инских> суб<ботниках> бываю редко. Две недели назад был с В<алентиной> А<лександровной>. Попал удачно. Читал <Волькеншейн> свою оч<ень> хорошую, «хорошо сделанную» новую пьесу «Священный Далай-Лама»,[11] из жизни тибетского высшего духовенства, полной всяких гнусных интриг и злодейств. Оказ<ывается>, убийство далай-лам приближенными — явление почти обязательное на протяжении столений. Пьеса написана сочным языком, ямбич<еским> своб<одным> стихом (напом<инает> стих «Бориса Годунова»), и, главное, очень театрально слажено: каждый акт заканчивае<тся> эффектом, вполне оправданным всем предыдущим ходом действия. Большинству пьеса оч<ень> понравилась. Но — типично для Волькенштейна — его дух<овного> «ядра», его speciphicum как-то не нащупаешь. Мастер, но не творец.

В Ак<адемии> худ<ожественных> наук в субб<оту> был торж<ественный> акт. Фриче говорил нудную речь о Шекспире.[12] Доказывал (это он доказывает уже оч<ень> давно), что, судя по

произведениям (разобран<ным> с социол<огической> точки зрения), Ш<експир> — дворянин-феодал, противник нарождающейся буржуазии; след<овательно>, вернее всего, то лицо, которое выдается обычно за Шекспира (актер не из двор<янской> среды) — лицо подставное; в XVI—XVII вв. высшее дворянство еще стыдилось числиться в рядах писателей, а писать любило... Вторым выступал Н. К. Пиксанов с отчетом о деят<ельности> Академии. Сумел на этот раз развернуть картину действ<ительно> большой работы, проделанной Ак<адемией> за 1 1/2 года. За это время прочитано было в разн<ых> секциях до 200 докладов. Членов числится (вместе с сотрудниками) тоже до 200. Вечером состоялся банкет в Доме ученых. Я с В<алентиной> А<лександровной> был. Но не рад, что и попал: уж слишком быстро перепились и было оч<ень> мало остроумного. Больше всего напились (к великому стыду председательствовавшей О. Д. Кам<енев>ой) Фриче (прозванный на этот раз Беатриче), наш С. В. Шувалов и Шпет. Шувалов ко всем лез целоваться. Шпет дразнил, а Фриче все заступался за М. Н. П.,[13] честь которого, по мнению его, была задета неосторожными словами Густава Густавовича. С трудом успокоили. Я поднимал тост за избр<ание> в вице-президенты Н. К. Пиксанова, и он был очень доволен.

В Николин день были именины Гудзия. У него было оч<ень> много народу: Пиксановы, Гроссманы, Яницкие, Бородины, И. Н. Розанов, Бродский и др. Я расхворался и не пошел! Была одна В<алентина> А<лександровна>. Гудзий, испугавшись, не обиделся ли я почему-ниб<удь> на него, приходил сейчас ко мне навещать. А я на него немного посердился: он иногда ведет себя как-то разгульно-шутовски, а это досадно, и я хотел его немного проучить... У него оч<ень> больна жена: менингит. М<ожет> б<ыть>, и не выживет. Он говорит, что оч<ень> страдает. Не удалась у него жизнь. Во 2-м у<ниверсите>те[14] ему все палки в колеса ставят Фатов и Цинговатов. Ух, штучки!

В воскр<есенье> был я с В<алентиной> А<лександровной>, Т<атьяной> А<лександровной> и К<сенией> А<лександровной> (всем пансионом) и с Н. К. Гуд<зием> у И. Н. Розанова. Он нам читал свою статью, которой оч<ень> дорожит: «Ритм литер<атурного> движения».[15] И<ван> Н<иканорович> рисует интересную схему прибоев и отбоев, напр<имер>, поэтической струи: большие культурные истинные поэты Ломоносов — Пушкин — Брюсов перемежаются поэтами низшей культуры, поэтами-публицистами, смешивавшими задачи чистой поэзии с чем-то иным, гетерогенным — Державин — Некра-



сов — Маяковский. Соединяющими звеньями, поэтами переходных эпох являются такие, как Жуковский, Лермонтов, Блок. Есть схема чередований господства прозы и поэзии.

Статья написана оч<ень> хорошим языком, тщательно обработана. Видимо, старался. Но схемы, конечно, произвольны и могут вызывать оч<ень> много сомнений. Я, напр<имер>, во <всяком> случае не могу считать Ломоносова, по призванию, бóльшим поэтом, чем Державина. Пушкина Ив<ан> Никан<орович> как-то суживает, выдвигая на первый план его чисто формальную работу и затушевы<ва>я его отзывчивость на жизнь, его юмор, склонность к колкой сатире... Вся эта философия истории р<усской> л<итерату>ры у И<вана> Н<иканоровича>, мне каж<ется>, обусловлена желанием разгадать, что нас ждет в ближ<айшем> будущем. Вывод его: нас ждет расцвет прозы, а из поэтов придет поэт-лирик, связанный с традицией Лермонтова... Так Ив<ан> Н<иканорович> хочет, оставаясь лишь в пределах чисто лит<ературных> явлений (не соци<альных>), наметить ритмы посл<едовательности> лит<ературных> смен. Мне кажется, что что-то в конце концов нащупается, но пока что каждый строит свои схемы крайне субъективно и произвольно.

Мечтаю писать хорошую книгу по поэтике (формальной) нар<одной> поэзии.[16] Ах, как можно много в этой области сделать. Вал<ентина> Але<кс>ан<др>овна очень меня поддерживает в этих мечтах.

Теперь о делах семейных. Зоя оч<ень> настойчива бывает насчет денег. Я, получая в <месяц> 4 миллиарда, половину отдаю ей. Из 2 1/2 пайков — 1 1/2 ей (а в посл<едние> оба раза мы паек получали в двойном размере: выдавали каждый раз за два месяца). Дети не могут голодать при этих условиях. Да, тут были еще два раза америк<анские> посылки. Администрация устраивает Зою с детьми в музее под Каширой, который переходит в ведение музея. Там будет дом отдыха, первым делом, конечно, для администрации — Щек<отов>, Серг<иевский>, Сух<отин>, Романов<ский>, Кулаковский и Зоя. Я оч<ень> рад за нее, что о ней так заботятся. Но вместе с тем как-то чудно́.

Боря! Хочу работать. Так много об этом думаю и все еще безалаберничаю. Такой неугомонный. Глупо как-то. Пора, пора браться за ум и усаживаться за хорошую работу. Главное, если бы не было бы сил и желан<ия>, а то и силы чувству<ю>, и желание большое, а как-то вот неск<олько> лет выбился из колеи и не могу вправиться.

Крепко целую тебя, Веру, Левочку, Таню, Петю.

Ира сегодня была у доктора. Тот нашел, что у нее был процесс в правом легком, что она вообще оч<ень> слаба, что ей нужен как можно скорейший отдых, питание, воздух. Жаль ее очень. Очень жаль. А мама (не пиши ей этого), по-моему, как-то не понимает всего. Все к мелочам придирается, ропщет по пустякам. Надо им жить отдельно. Как мама не может уяснить этого факта. Татя со мной вполне согласна. Вася тоже. Сообща постараемся Ирине жизнь устроить на буд<ущий> год лучше, маме тоже.

Твой Юрий С<околов>

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 16—18)

[1] С. В. Юшков.

[2] См. примеч. 1 к п. 29.

[3] См. примеч. 5 к п. 29.

[4] См. примеч. 3 к п. 29.

[5] Доклад А. М. Смирнова — начало работы над докторской диссертацией «Сказки о мачехе и падчерице», завершившейся к 1939 г.

[6] Ю. М. Соколов начал заниматься исследованием деятельности С. Т. Шевырева еще в студенческие годы. См. неопубликованную его статью «С. Т. Шевырев как историк русской литературы» — РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3571. Такое же название имела его магистерская диссертация: Там же, ед. хр. 222. Соколов Ю. М. 1) Грановский и Шевырев//Голос минувшего. 1913. Кн. 3; 2) Миросозерцание Шевырева. Доклад, прочитанный в Об-ве истории и литературы//Беседы: Сб. Об-ва истории и литературы в Москве. М., 1915. Вып. 1.

[7] Доклад Н. К. Гудзия, прочитанный в ГАХН 7.V.1923 г., назывался «Инструментовка стиха у Тютчева». Опубликован: Гудзий Н. К. Аллитерация и ассонанс у Тютчева//Slavia. 1927. Roč. 5.Seš. 3. S. 456—469.

[8] См. о методике Н. Н. Лямина текст п. 26.

[9] В 1923 г. в Москве вышло 2-е изд. книги Г. Шенгели «Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика». В Литературной секции ГАХН им прочитаны доклады: 23.X.1922 г. — «Органическая метрика русского стиха» и 8.X.1923 г. — «Лирическая композиция Тютчева».

[10] См. примеч. 3 к п. 6.

[11] Пьеса В. М. Волькенштейна «Великий Лама» читана 12 мая 1923 г. (см.: ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 114). Опубликована не была.

[12] Ю. М. Соколов имеет в виду заседание Ученого Совета ГАХН 19 мая 1923 г., на котором был произнесен доклад В. М. Фриче «Проблема о Шекспире». Концепция В. М. Фриче изложена в его книге: Фриче В. Шекспир. М., 1926.

[13] По-видимому, имеется в виду М. Н. Покровский.

[14] Имеется в виду 2-й МГУ, созданный в 1918 г. на базе Высших женских курсов (основаны в 1872 г. профессором Московского университета В. И. Герье) и впоследствии преобразованный в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Ныне это Государственный педагогический университет им. В. И. Ленина. Московский университет в период существования 2-го МГУ (до 1930 г.) именовался 1-м МГУ.

[15] Статья И. Розанова «Ритм эпохи. Опыт теории литературных отталкиваний» опубликована в альманахе «Свиток» (М. 1924. № 3).

[16] Книга не была написана.

№ 31

<6 июня 1923 г., Москва>

6.VI.1923.

Дорогой Боря!

Пишу наскоро. Подробное, огромное письмо пришлю со Скафтымовым.

Поездка моя в Тверь[1] и в Старицкий уезд[2] была прекрасной. Вал<ентина> А<лександровна> выступает с огр<омным> успехом.

Моя публичная лекция прошла тоже с огромным успехом. Экспедиция записала больше 300 частушек, сделал<а> 15 нотных записей, собрала много лир<ических> и свад<ебных> песен. Крестьянство встречало нас оч<ень> радушно. Наблюдений интересных оч<ень> много. У меня все благополучно. Вася здоров. Свадьбу, к сож<алению>, отложили на месяц. Таня вчера приехала с мужем. Гераклитова видел. Ира на днях уехала в Калугу.

Целую крепко тебя, Верочку (о кот<орой> Геракл<итов> вчера пел дифирамбы Вале) и Леву.

В<алентина> А<лександровна> шлет тебе привет и поцелуй Верочке и Леве.

Твой Юри<й>.

Желаю успехов экспедиции.[3] Рад, что ты бросил деканство,[4] и хорошо, что спадут с тебя заботы по именью.[5]

Посылаю корректуру. Немедленно посылай обратно.

Ю. С.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 19)

[1] См. текст п. 30.

[2] См. примеч. 5 к п. 29.

[3] Летом 1923 г. Б. М. Соколов со своими студентами-этнографами выезжал в экспедицию в Петровский уезд Саратовской губернии. Участники экспедиции посетили 25 сел разнообразного национального состава, собрали 400 экспонатов для выставки, сделали 200 фотографий, около 100 зарисовок, чертежей, записали 2000 фольклорных текстов (см.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 419, л. 7). С итогами экспедиции Б. М. Соколов не раз выступал в Саратове: в обществе ИСТАРХЭТ, университете, в ИНО и т. д. Карандашную запись основных положений выступления Б. М. Соколова «Результаты этнографической экспедиции в Петровский уезд Саратовской губернии» см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 233, л. 182—187.

[4] Точных сведений о сроке оставления Б. М. Соколовым работы в качестве декана установить не удалось: его письмо с сообщением об этом не сохранилось.

[5] См. примеч. 14 к п. 8 и примеч. 6 к п. 18.

№ 32

<6 августа 1923 г., Москва>

1923.6.VII понед<ельник>
Москва

Дорогой Боря!

Больше двух месяцев не писал тебе. Случай редкостный и необычайный. Я думаю, ты неудомеваешь, в чем дело. А дело самое простое: некогда. Некогда писать большое письмо, маленькое же не в моем

духе. Другая причина моего молчания — надежда очень скоро увидеться с тобою. Этой надеждой я жил целых два месяца, и вот, когда все как будто уже наладилось, чтобы ехать к тебе, приходится вновь отложить путешествие.

Сначала обо всем, связанном с моей свадьбой и свадебным путешествием, и буду тебе писать; об остальном во второй половине письма. Личные мои дела занимали с Рождества самое главное место в моей жизни. В этой области были сосредоточены главнейшие мои мысли и чувства. К сожалению, до сих пор еще не удалось (а «роман» мой длится уже восемь с половиной месяцев!) завершить всей уже давно наладившейся «программы». Правда, я с женой разошелся, формально развелся (еще 2-го мая) и получил уже на руки соответствующее удостоверение, но ни гражданского, ни церковного брака еще не заключил. Как раз завтра будем в комиссариате, в воскресенье 12-го в церкви вступать в новую жизнь. В чем же у нас задержка? — В деньгах и только в деньгах. Были некоторые обстоятельства, вначале задержавшие наши шаги «на путях к новой жизни», теперь они отпали. Совершенно. Родные Валентины Александровны заочно, лишь по письмам судившие о намерении ее выходить замуж за меня, были против ее брака особенно из-за моего довольно сложного семейного положения, познакомившись со мною и расследовав дело на месте, успокоились, и, как будто, я могу уверенно говорить об установившихся добрых и даже теплых отношениях. С Татьяной Александровной мы уже старинные друзья; брат же Михаил Александрович, рекомендовавший в своих письмах Вале еще с десяток лет воздерживаться от брака, оказался на деле значительно менее ригористичным и не только отвлеченно думающим философом, но очень живым, отзывчивым и просто талантливым человеком. Он, оставл<енный> при унив<ерситете> по философии и психологии, в последние годы интересуется гл<авным> о<бразом> психотехникой и, кроме того, пользуется большим успехом в Киеве в качестве лектора по вопросам современной литературы, выступает с докладами, участвует в прениях и особенно часто в очень поп<улярных> в Киеве «литер<атурных> судах». С осени намерен перебраться в Москву, чтобы работать в моск<овских> психол<огических> науч<ных> учреждениях: психолог<ическом> институте Челпанова и Северского,[1] психоневрол<огическом> институте Нечаева,[2] в Педологическом инст<итуте> Рыбникова[3] и в Институте труда.[4] С виднейшими представителями психол<огической> наук<и> в Москве он перезнакомился и говорит, что Москва в наст<оящее> время — подлинный научный центр и в этой области. Действительно, Москва стягивает к себе научные силы со всех концов России. О словесниках буду писать дальше. Возвращаюсь к родным В<алентины> А<лександровны>. Мих<аил> Алек<сандрович>, пробыв в Москве три недели, уехал обратно в Киев. Вместе с ним приехала в Москву мать Вали — Вера Давыдовна, мнения которой моя невеста с таким нетерпением ждала и несочувствием нашему браку очень мучилась. Я не могу и до сих пор понять, почему Валя так боялась неодобрительного ко мне отношения со стороны своей матери. Я, по характеристике ее, данной обеими сестрицами, представлял себе встретить над<менную>, несколько манерную даму, придающую большее, чем следует, значение внешней стороне жизни, быта, облика, — и встретил очень скромную, слегка даже застенчивую, очень серьезную и по существу думающую

женщину, очень трезво и требовательно относящуюся к детям и вовсе не потворствующую им в их слабостях — тщеславии и некотором самолюбовании. Отношения с В<ерой> Д<авыдовной> у нас вскоре же установились самые простые и ровные. Вообще (по нашему теперь общему мнению) было допущено вначале много шум<а> из ничего. Отчасти виновата во всем этом моя поэтичная невеста, которая написала первые письма о своих отношениях ко мне в столь грациозно шутливом тоне, что невольно пробудила сомнения у своих в серьезности принятых решений. За поэтическую шалость пришлось поплатиться несколькими месяцами неприятных раздумий и переписки. Теперь все пережитое — лишь поле воспоминаний и запоздалых сожалений. Если бы с самого начала многое было сказано просто и начистоту, мы давно бы путешествовали по Волге и затем приятно проводили бы время в Губаревке. Пока же — сидим на мели, и с этой мели удалось сдвинуться лишь наполовину. Месяц тому назад я с Валей рассчитал, что на свадьбу и свадебное путешествие необходимо 30 миллиардов. Решил их занять. Не тут-то было — никто денег только под доброе имя не дает: требуют обеспечения каким-нибудь залогом. При теперешних превратностях судьбы так легко можно оказаться неоплатным должником: захвораешь, засадят к<уда>-н<ибудь>, задержат жалование и т. д. Я надеялся на верного человека — Друганова, но тот, как ни бился, раздобыть для меня денег не смог. Я с Валей приналегли на литер<атурную> работу. Ты знаешь, у меня литературных планов, начатых статей и книг, под кот<орые> частью взяты авансы, много. Возобновил в Госиздате разговоры о 1)«Кольц<ове> и Никит<ине>»,[5] 2) трех сборниках* сатирич<еских> сказок для взрослых[6] (Иорданский требовал скорейшего представления хоть одного сборника, но я не успел представить, а тот отказывался заключать договор до составления хоть одного сборника, т. к., по-вид<имому>, знал мою замашку затягивать выполнение взятой на себя работы по получении аванса. Перед поездкой в Италию полпредом <Ио>рданский вновь повторил, что сборники нужны, но заклю<чит> договор лишь по представлении первого выпуска), 3) о трех сборниках сказок для детей (обещают повысить гонорар с 7 до 20 р<ублей> за лист, но опять лишь по представлении в гот<овом> виде одного тома),[7] 4) о своей книге «Сказки»[8] (книга передана на отзыв В. Ф. Переверзеву, а он торчит все время на даче и до него никак не доберутся). Хотели было мы приступить сразу за составления сказ<очных> сборников, но подвернулась очень выгодная работа — экстренное писание статей для 1 т<ома> «Лит<ературной> энц<иклопедии>» Френкеля. Целый ряд слов оставался без статей, да и мы поизобрели новых. Лист оплачивается в 40 р<ублей> зол<отом>, и оплата предполагалась сразу по написании. Мы каждый написали на один лист с четвертью, след<овательно>, на 50 р<ублей> зол<отом> или 6 миллиардов, всего на 12 миллиардов. Я написал большие статьи: «Народная литература», «Детская литература», «Странствующий сюжет», «Легенда», «Лубочные картинки».[9] Валя: «Трафарет», «Шаблон», «Традиция», «Кинодрама», «Мемуары», «Дневник», «Письма», «Автограф» и мн<огие> др<угие>. Кроме того, проверили

---

* *В оригинале*: сборников.

корректуру своих прежних статей (их у меня было ок<оло> 12). Рассчитывали мы, что нам выкинут деньги сразу на бочку, как только подадим рукопись, не тут-то было: вот уже две недели водят нас за нос, завтра обещают наверняка заплатить, и т<аким> о<бразом> мы наполовину, как я сказал, сдвигаемся с мели. Получил я недавно 2 миллиарда за рецензии учеников (Саводника, Шалыгина, Сиповского, Лебедева) в Пед<агогической> секции ГУСа.[10] В том месяце я получил весьма значит<ельную> сумму в 10 червонцев за этнограф<ические> материалы для одного нем<ецкого> издателя. Жалования всего пл<атят> мне (в июне ок<оло> 5 мил<лиардов>, в июле 7 милл<иардов>), уходит целиком на свою жизнь и детей, которым я даю официально две трети своего муз<ейного> жал<ования>, а в действ<ительности> больше — в июне 2500 р<ублей>, в июле 3500 р<ублей>.

В общем, мы на те деньги, кот<орые> у нас были и завтра будут, все устраиваем, что нужно, для свадьбы: костюмы, платья, обувь. На самую свадьбу (церковь и угощ<ение>) нужно <еще> миллиардов 5, и их у нас нет. На поездку к тебе minimum милл<иардов> 10; в один конец от Н<ижнего> Новг<орода> до Саратова в каюте 1 кл<асса> для двоих — 4 милл<иарда>, до Нижнего 1 миллиард, на еду в дороге миллиарда 1 1/2, итого уже 6 1/2 миллиарда. Очень хотелось сразу после свадьбы поехать к тебе, но, как ни старались, ничего не выходит. Никто взаймы не дает. 5 милл<иардов> все же надеюсь как-нибудь вырвать, а на дорогу нет. Как же быть? Приходится поездку опять отложить, чтобы заняться составлением сборников сказок и хлопотать о заключении договора на оную книгу... Если у тебя вдруг бы нашлась возможность обернуть какие-ниб<удь> суммы и ты бы заимообразно (сроком на месяц) прислал бы нам, то мы бы покатили к тебе и там у тебя между гуляньем занялись работой и, вернувшись в Москву, получили бы гонорар. В конце концов, как бы тяжело ни было расставаться с мечтою о поездке сразу после свадьбы, пришлось два удовольствия разделить и сейчас отдаться целиком предсвадебным хлопотам. М<ожет> б<ыть>, ты надумаешь приехать на свадьбу? Вот было бы хорошо! Свадьбу думаем устраивать на Плющихе (Валя живет: Плющиха, 22, кв. 6 — адрес на случай хотя бы поздр<авительной> телеграммы). Можно было бы устроить совсем по-будничному, без всякого традиц<ионного> ритуала, подвенеч<ных> платьев и т<ак> д<алее>, но ведь хочется сделать все поэтичнее, ведь свадьба — праздник жизни. Особенно мне так хочется <это> для Вали. На свадьбе будет немного народу: из Валиных знакомых и родных: В<ера> Д<авыдовна>, Т<атьяна> А<лександровна>, двое Апостоловых, дядя и Мариша, из моих: мама, д<ядя> Паша (пос<аженный> отец), Вася, Н<иколай> П<авлович>, Сережа, м<ожет> б<ыть>, т<етя> Лида и т<етя> Аня, кот<орая> приедет из Твери. Вот и все. Венчаться будем в 7 ч<асов> в воскресенье. В этот день в церкви предстоит праздник; значит, церковь будет хорошо убрана. Посторонним никому о дне и месте свадьбы не говорили, чтобы не вышло каких-нибудь неприятностей <...> Дети же все же мною обеспечены и деньгами и акад<емическим> пайком <...> Роскошной жизни доставить не могу: и сам сижу как на каком-то бивуаке. В посл<еднее> время обедаю и даже пишу больше у Дынников, т. к. иначе еще больше бы времени уходило на разъезды, кот<орые> и так очень

дают о себе* знать. Родные Зои меня продолжают очень ругать. Понимаю их досаду, но не оправдываю их поступков: ведь они же прекрасно знают, кто и что — причина моего развода. Детей, я чувствую, систематически стараются отчудить от меня, и ребятки будто этому поддаются: Игорь мне ни одной строчки не прислал, несмотря на обещание. Живут дети с Зоей в нашем муз<ейном> доме отдыха в Спасо — <*нрзб. 1 слово*> под Каширой. Устроились хорошо, я за них рад.

Каковы мои научные дела? — Истекшим акад<емическим> годом я, в общем, доволен. Прочитан был оч<ень> удачно ряд курсов. Особенно дорого мне, что в университете хорошо оч<ень> зарекомендовал себя как лектор. Курс мой посещался до самого конца, аудитор<ией> очень доволен. На будущий год это дает возможность строить новые планы (о них ниже). Со студентами установились самые хорошие и даже теплые отношения. <С> огромным успехом прошли лекции в Высш<ем> лит<ературно>-худ<ожественном> институте Брюсова.[11] Все лекции до конца сопровождались аплодисментами. Как-то попал в точку, а экзамены мне доказали, что студенты института очень заинтересовались, а некоторые даже увлеклись предметом. В консерват<ории> и ГИСе[12] лекции шли своим порядком. Гисят-слушателей я также присоединил к своей этн<ографической> поездке в Бронн<ицкий> уезд.[13] Менее всего я был доволен (или, лучше сказать, был совсем недоволен) аудиторией Преч<истенского> педаг<огического> института,[14] где публика была собрана с бору да с сосенки — б<ольшей> ч<астью> лица, не попавшие в силу слабой подготовки в другие высшие учебные заведения. Им читал и сам спустя рукава. На будущий год там больше читать не буду — не хочу. В Тверск<ом> институте восстановил прерванную было работу. Читал два курса (нар<одную> сл<овесность> и др<евнюю> лит<ературу>) и вел семинарии (по др<евней> литературе). Старший выпускной курс меня порадовал весьма приличными рефератами. Со студ<ентами> и с [А]. Н. Вершинским ездил в Стар<ицкий> уезд.[15] Поездка была и очень удачна. Выступал я в Твери и с публичной лекцией «Поэты соврем<енной> деревни».[16] Прочел очень живо, был в ударе. Успех был очень большой, было и много народу. За два дня до меня читала публичную лекцию Валя, а Т<атьяна> А<лександровна> сопровождала лекцию декламацией. Тема лекции «Пути соврем<енной> поэзии». Валя име<ла> также очень большой успех, и Т<атьяна> А<лександровна> тоже. Поездка в Тверь была задумана отчасти с целью перезнакомить Валю и твер<ских>. В результате на будущий год Валя приглашена преподавательницей института: будет читать курсы «Новейш<ей> р<уской> л<итерату>ры» и «Поэтики».

Планов на буд<ущий> год строим много. Боюсь, не слишком ли я забрался лекциями. Намечены на буд<ущий> год следующие курсы: I. В университете: 1. курс нар<одной> словесности, 2 триместра;[17] 2. семинарий «Поэтика нар<одной> словесности», 3 триместра; 3. практикум «Методы собирания фолькл<орных> материалов», 1 триместр. II. Консерватория; 1. курс «Новая русск<ая> л<итерату>ра»; 2. курс «Поэтика» (хочу попрактиковаться в этой области). III. ГИС: обычный курс «Народное сказывание» (для факультета рассказыванья; общий же курс для всех факультетов дан Е. Н. Елеонской — это

---

* *В оригинале*: себя.

все Грушка старается). IV. В<ысший> лит<ературно>-худ<ожественный> институт: 1. курс «Нар<одная> словесность», 3 трим<естра>, 2. семин<арий> по нар<одной> словесности. V. Тверск<ой> педаг<огический> инст<итут>: 1. курс «Народная словесность», 2. курс «Др<евняя> л<итерату>ра», 3. семин<арий> по нар<одной> сл<овесности>, 4. семин<арий> по др<евней> л<итерату>ре. — Всего в триместр 22 часа!!

На днях встретившийся мне Н. П. Сидоров (кстати — просил написать тебе от него горячий привет) очень убеждал меня сократить лекторскую преподавательскую работу и больше внимания уделить работе литературной.

Из лит<ературных> замыслов моих, кроме перечисленных выше, могу указать еще такие: 1) статья и редактирование сб<орника> «Краеведение и школа» (за тобой для этого сборника долг),[18] статья об этногр<афических> экскурсиях для журнала «Краеведение»,[19] 3) еще ряд слов для «Энц<иклопедического> словаря» Д. Н. Ушакова,[20] 4) писание статей для след<ующих> т<омов> Лит<ературной> энциклопедии Френкеля (за тобой опять долг — статья по др<евне>р<усской> л<итерату>ре).[21] Решил во что бы то ни стало написать неск<олько> докладов для О<бщества> л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности> и Ак<адемии> худ<ожественных> наук: 1) «Совр<еменная> поэзия и нар<одная> словесность», 2) «Совр<еменная> беллетристика и нар<одная> словесность», 3) «Поэзия соврем<енной> деревни», 4) «Из поэтики нар<одной> словесности».[22] Для Никитинск<ого> субботника хотелось бы написать статью о проштуд<ированных> мною романах Пильняка и Эренбурга[23] (зачем я буду воздерживаться от своих суждений в вопросах, решать которые считают себя вправе гораздо менее моего компетентные люди)... М<ожет> б<ыть>, у тебя на даче попробую некот<орые> из намеченных работ написать.

Очень хотелось бы подготовить к печати большой сборник «Фольклор в записях студентов Моск<овского> 1 университета и Тверского педагогического института».[24] Материал за три экскурсии накопился очень большой. Мечтаю поскорее приехать к тебе и сравнить собранные мною частушки и песни с твоими, сопоставить три репертуара: московский, тверской и саратовский.[25]

Поездки мои особенно были удачны в педагогическом отношении. Очень я рад, что московские студенты приобщились к собират<ельской> работ<е>. Можно с гордостью сказать, что в Моск<овском> университете почин коллективной работы по собиранию путем экскурсий принадлежит мне. До сих пор преподавали нар<одную> словесность лица, далеко стоявшие от непосредственного изучения живой старины... Деревня тверская дала мне много новых наблюдений. Как за три года (мы были частью в тех селениях, которые посещали в 1920 г.) изменился культурный облик. Деревенская жизнь бесспорно стала другой. Изменилась в лучшую сторону. Обо всем этом буду подробно, много говорить с тобою. Если у тебя соберутся студенты-этнографы, могу сделать небольшое сообщение о впечатлениях этнографа. Моск<овская> деревня (Брон<ницкий> уезд) дала еще больше интересного материала. Мы были у Петра Глебовича Яркова, кот<орый> принял нас весьма радушно, перезнакомил с окрестными крестьянами и сам развернулся вовсю. Студенты, как те, так и другие, в восторге от экскурсий. А я рад за них. Сколько, думаю, интересного раздобыл ты. Вот наговоримся всласть. Необходимо искать издателя. Наш русский Госиз-

дат едва ли раскачается на подобное предприятие: печатан<ие> сырого этнограф<ического> материала, и надежды я некоторые возлагаю на... американца! Со мною познакомился америк<анский> писатель Вильямс, прожив<ающий> в России с целью изучения быта крестьян и желающий, м<ежду> пр<очим>, проехать к тебе, чтобы постранствовать по Саратовской губернии. Он очень милый, насколько можно судить по двум встречам. Американцы — думаю — найдут, как находили раньше (вспомним Тана-Богораза)[26] средства для чисто научного дела... В. В. Богданов решительно против помещения в возобновляемом «Этногр<афическом> обозрении»[27] фолькл<орных> материалов. Вообще В<ладимир> В<ладимирович> закис. В Бюро краеведен<ия>[28] бывать — сущая скука. Ах, какой бюрократ-прожектер! Как-то охота отпадает бывать в Бюро, несмотря на большую симпатию к энергичному Дорогутину.

Нужно бы тебе написать очень много про наши научн<ые> о<бщест>ва словесников. Но подробности отложу до личного свидания. Сейчас только скажу, что О<бщест>во л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности>, Акад<емия> худ<ожественных> наук работали всю зиму оч<ень> энергично. Что же касается О<бщест>ва ист<ории> л<итерату>ры, то оно позахирело. Сперанский разогнал как-то людей. Вокруг него какие-то все замухрышки.

Я, каж<ется>, писал тебе, что приходилось выступать в прениях по докл<аду> Сидорова «Был<ины> о Добр<ыне>» и столкнуться в споре с Шамбинаго, по докладу Мендельсона о Шевыреве, по докладу А. М. Смирнова о сказках.[29]

Будущий год обещает быть очень богатым докладами: и в трех перечисл<енных> о<бщест>вах, и в Тур<геневской>,[30] и Пушк<инской> комиссиях,[31] и в Никит<инских> субботниках,[32] и в Союзе писателей.[33] Мы с Валей подумываем устраивать (правда, на первых порах изредка) у себя небольшие литерат<урные> собраньица.

Каковы твои планы на будущий год? Ты приедешь скоро на выставку? А как же мы-то без тебя будем гостить?

Да... Твоя книжка у Думнова и Салаевых о собирателях народной песни мною дважды прокорректирована,[34] портреты к ней подобраны, и теперь она совсем готова к печати, но есть опасения, что цензура придерется: я многое почеркал, но тон всей книжки настолько народнически-патриотический, что того и гляди ее не пропустят. Я третьего дня был у Вл. Ал<е>ксандр<овича> Тартмана, выясня<л>, не следует ли тебе что получить, но оказалось, что тебе выплачена даже небольшая часть с проданной цены. Расчет окончательный возможен лишь по выходе книги в свет.

Что касается твоей книжки о сказителях,[35] то она пока все лежит без движения. С отъездом Иорданского неизвестно, кто будет заведовать л<итературно>-худ<ожественным> отделом Госиздата.[36] Редактором по р<усской> л<итерату>ре там назначен В. Ф. Переверзев, по зап<адной> л<итерату>ре — И. И. Гливенко. Ивана Ивановича на днях уволили из Главнауки.[37] Вместо него пригласили коммуниста Петрова, врача, бывшего наркомздрава Дальневосточной республики.[38] Зубов, по-в<идимому>, тоже уйдет, а на его место назначат инспектора Главнауки коммуниста Ларикова. Т. Н. Креницын теперь уже снижен: из секретарей зав<едующего> Главнаукой переведен в секретари зав<едующего> науч<ными> учреждениями. Петров привел своего секретаря Николая Баскина. Я на днях был на приеме у Петрова. Все хлопочу об

обяз<ательном> экземпл<яре>, <которого> лишили нашу библиотеку с 1-го марта. У меня тяжба с Главполитпросветом.[39] Для Ив<ана> Ив<ановича> смещение было неожиданностью; ему предложили остаться помощником Петрова, но Гливенко отказался. Не знаю, что лучше. Говорят, Петров плохо знает научн<ый> мир. А, м<ожет> б<ыть>, это и лучше? М<ожет> б<ыть>, он будет более объективен и беспристрастен, чем лицо, слишком тесно связанное с акад<емическим> миром.

Как наши общие друзья-словесники? Все живут лучше, чем в прежние годы. Всё еще денег недостаточно, но жизнь стала налаженнее. Бродский по-прежнему у студентов пользовался громадн<ым> успехом, а у властей не пользуется признанием.[40] Курса все еще ему не разрешают, только семинарий. В конце года студенты устроили ему очень торжественное и теплое прощание. Сидоров также приобрел засл<уженную> популярность. Пожалуй, мы втроем — наиболее посещаемые профессора. Что касается других — то Сакулин в этом году не читал. Весь год ушел у него на председательствован<ие> и пуб<личные> выступления. Где, где он только не председателем! Было три торжества: Островского, Белинского, Пушкина. Первое — в Мал<ом> театре, посл<едние> два — в консерватории.[41] Самое удачное, пожалуй, Белинского. Пушкинское было опять подмочено артистами. Так зачитали публику, что ужас!.. Гроссман по-прежнему блистал! Из его выступл<ений> с особенн<ым> блеском были доклад о Ставрогине (Бакунин — прототип Ставрогина) и о Пушкине.[42] Пиксафон по-прежнему скучен, х<отя> и плодовит. Гудзий сейчас с Ив<аном> Ник<аноровичем> Роз<ановым> в санатории в Царск<ом> Селе. Гудзий как будто бы стал неск<олько> успокаиваться... В Москву ожидается Белецкий из Харькова. Все бегут сюда. Ты бы его звал в Саратов.

На днях был у меня Елеонский С. Ф. из Н. Новг<орода>, просит порекомендовать его куда-нибудь в Москве. Бежал из Нижнего...

Как твои помыслы насчет Петрограда? Хорошо бы, если бы тебе удалось там устроиться.[43] Вот перегащивались бы с тобою. Как хочется поскорее с тобой увидеться и поговорить. Как здоровье Пети? Он поправился? Хотя Ирочка на меня что-то рассердилась, я рад, что настоял на ее поездке к тебе. Ведь какую глупость выдумала: оставаться в Москве. Ей можно возвращаться на службу лишь тогда, когда она совершенно поправится. Очень рад, что Верочка выздоровела. Я тоже думаю, что у нее была простуда, а не малярия. Вообще у вас насчет малярии как? Не опасно?

Как я рад за маму, что она наконец-то получила пенсию, да большую. Мама совсем ожила. Главное — чувство самостоятельности. Разъезжает даром на трамваях с какой-то гордостью. Мама давно бы укатила куда-нибудь, если бы я не задерживал ее своею свадьбою. Вася здоров и счастлив. Дядя Паша тоже. Сережа очень устает со своею службою.

Вчера В<ера> Д<авыдовна> и я с Валей были у мамы. Мама показывала семейные альбомы. Как много припомнилось из нашей общей с тобой жизни. На днях я Вале показывал протоколы нашего детского «Об<щест>ва помощи бедным»[44] и журнал «Societas collg<i>arum».[45] Опять нахлынула тысяча воспоминаний.

Надо кончать письмо. Скоро наговоримся вдоволь. Ах, эти деньги — деньги. Главное препятствие.

Крепко целую тебя, Верочку, Иру, Таню, Петю, Левочку. Какая большая семья у тебя теперь! Привет моим знакомым и друзьям Черно-

вым, Юшковым, Скафтымову. Валечка тебе, Вере, Леве, Тане, Пете, Ире шлет горячий предродственный привет. Т<атьяна> А<лександровна> также кланяется по belle родственному. Она — belle Tatiana.

Любящий брат

Юр<ий> Сок<олов>.

Закончен труд, завещанный от Бога мне, грешному.

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 20—27)

[1] Институт психологии создан по инициативе проф. кафедры философии МГУ Г. И. Челпанова на частные средства при историко-филологическом факультете Московского университета в 1912 г., с 1944 г. — в системе Академии педагогических наук СССР.

[2] Психоневрологический институт открыт в Москве в 1920 г. Существовал до 1925 г.

[3] Педологический институт создан в 1921 г.

[4] Институт труда — Институт охраны труда (ИОТ).

[5] Работы были начаты, но не завершились. См. статью «Никитин и народная песня»: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 260.

[6] См. примеч. 7 и 8 к п. 29. Третий сборник не составлен. Ю. М. Соколов предлагал эту работу Б. М. Соколову.

[7] См. текст п. 15.

[8] См. примеч. 6 к п. 19.

[9] Помимо указанных Ю. М. Соколов написал следующие статьи: былины, духовные стихи, заговоры, исторические песни, лирические песни, пословицы, народная словесность, обрядовая песня, причитания, думы, свадебные песни, сказка, частушки, загадки.

[10] ГУС — Государственный ученый совет Наркомпроса, при котором работала научно-педагогическая секция, занятая составлением программ.

[11] См. примеч. 29 к п. 9.

[12] См. примеч. 22 к п. 1.

[13] См. примеч. 3 к п. 29.

[14] См. примеч. 9 к п. 5.

[15] См. примеч. 5 к п. 29.

[16] Частично материалы были использованы в публикациях: Соколов Ю. М. 1) Что поет и рассказывает деревня // Жизнь национальностей. 1924. № 1; 2) Песни и рассказы современной деревни // Колхозник. 1935. № 2.

[17] Триместр — в современном употреблении — семестр, т. е. половина учебного года.

[18] Сборник не появился в свет.

[19] Статья не была написана.

[20] Имеется в виду однотомный толковый словарь русского языка — «Малый Ларусс», инициатива создания которого исходила от В. И. Ленина. К делу был привлечен В. Брюсов, затем И. Гливенко, который перепоручил организацию работы Д. Н. Ушакову. Были привлечены специалисты разных профессий, составлена картотека. Однако «Малый Ларусс» не появился. См. подробнее: Левашов Е. А., Петушков В. П. У истоков советской лексикографии // Изв. АН СССР. Сер. ОЛЯ. Вып. 2. 1970. Т. 29. С. 165—173, а также: Валерий Брюсов. Лит. наследство. М., 1976. Т. 85. С. 246—251.

[21] Статья не была написана.

[22] 19.XI.1923 г. Ю. М. Соколов сделал в литературной секции ГАХН доклад «Мотивы современного устного творчества».

[23] Статья о Пильняке и Эренбурге не написана.

[24] Сборник составлен не был.

[25] Материалы, где бы делалось подобное сопоставление, не обнаружены. В сообщении Б. М. Соколова от 26 сентября 1923 г. говорится, что в его распоряжении находится материал объемом на 80 п. л. (из Хвалынской и Петровской экспедиций), включающий практически все жанры фольклора (см.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. хр. 419, л. 39).

[26] По-видимому, имеется в виду публикация в Америке сибирских материалов В. Г. Тана-Богораза: The Eskimo of Siberia. By Waldemar Bogoras. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. New York, 1913. Vol. 8, part. 3. P. 417—456.

[27] Журнал, выходивший в Москве с 1889 по 1916 г., не был возобновлен в 20-е гг.

[28] См. примеч. 3 к п. 6.

[29] См. текст п. 30.

[30] См. примеч. 63 к п. 9.

[31] Пушкинская комиссия при Обществе любителей Российской словесности в Московском университете.

[32] См. примеч. 76 к п. 10.

[33] См. примеч. 59 к п. 10.

[34] См. примеч. 23 к п. 26.

[35] Соколов Б. М. Сказители. М., 1924.

[36] См. примеч. 65 к п. 9.

[37] См. примеч. 50 к п. 9.

[38] Дальневосточная республика (ДВР) — демократическая республика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, буферное государство между Советской Россией и Японией. Существовала с 1920 по 1922 г. Столица — Верхнеудинск, затем — Чита.

[39] См. примеч. 21 к п. 1.

[40] См. текст п. 19.

[41] 75-летие со дня смерти В. Г. Белинского, 100-летие со дня рождения А. Н. Островского, 124-я годовщина со дня рождения А. С. Пушкина.

[42] Доклад опубликован: Гроссман Л. Бакунин и Достоевский//Печать и революция. 1923. № 4. С. 82—112; см. также: Гроссман Л., Полонский В. Спор с Бакуниным и Достоевским. Л., 1926. Ряд этюдов Л. Гроссмана о Пушкине см.: Гроссман Л. Собр. соч.: В 4 т. М., 1928. Т. 1.

[43] Переговоры о возможности Б. М. Соколова перебраться в Петроград нам неизвестны.

[44] Устав и протоколы заседания семейного благотворительного общества «помощи бедным» с 6.V.1901 по 23.III.1902 г. см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2. Общество, имевшее своего председателя (Б. Соколова) и казначея (Ю. Соколова), регулярно вело приходно-расходную книгу. Помощь оказывалась в первую очередь крестьянам с. Спасского Ростовского уезда Ярославской губернии, где летом жила семья Соколовых.

[45] Ежемесячный рукописный журнал «Sacietas collegiarum» выпускался в 10-й мужской Московской гимназии учениками 3-го класса с участием братьев Соколовых. В журнале (вышло 3 номера) печатались стихи, рассказы, юморески собственного сочинения. К № 3 вышло приложение, посвященное Гоголю. Хранится в РГАЛИ (ф. 483, оп. 1, ед. хр. 9).

№ 33

<3 ноября 1923 г., Москва>

1923.3.XI.
Москва

Дорогой Боря!

Не удается писать так часто, как бы хотелось. Вот уже с месяц, как ты уехал, а я не собрался засесть за письмо.

Ввиду многого, о чем хотелось бы те<бе> писать, придется писать обо всем понемногу.

Сначала о твоих делах. Уже многие знают, что ты перебираешься в Москву для организации нового Музея национальностей (кажется, он так будет называться).[1] Вл<адимир> Вл<адимирович> со мной на этот счет не говорил ни слова, несмотря на довольно частые встречи со мною, но зато Н. А. Дорогутин, Жуков, даже сестра покойного А<лексея> В<ладимирови>ча Маркова говорили о твоем предстоящем переезде, как о предрешенном факте. Дорогутин знает и те условия, на которых ты переезжаешь: каз<енная> квартира, одноврем<енное> завед<ование> и саратовским музеем,[2] помощник Богданова, но с достаточной долей самостоятельности. Будто бы Троцкая в течение двух часов беседовала с Вл<адимиром> Вл<адимировичем> о предстоящей организации огромного музея. Сейчас действует при Главмузее особая комиссия по приспособлению ряда экспонатов и построек выставки для буд<ущего> музея. В комиссии находятся Богданов, Григ<оро>в, Кондрашов, Жуков, еще неск<олько> лиц и Дорогутин. Последний лишь временно — до твоего приезда...

В Центр<альном> бюро краеведения идут подготов<ительные> работы к созыву 2-го Всер<оссийского> краеведч<еского> съезда.[3] В понед<ельник> будет заседание организац<ионного> бюро. Фольклорную п<од>секцию Петроград признал сущ<ественно> необходимой, и «куратором» по Петроградск<ому> отделению избрал С. Ф. Ольденбурга. Я глубоко убежден, что мы многого достигнем в объединении публики, занимающейся нар<одной> словесностью.

Сборник «Краев<едение> и школа» подбирается довольно хорошо. Непременно присылай обещанную статью о краевед<ческих> праздниках и «Из опыта краеведч<еской> работы в высш<ей> школе».[4] Через месяц будем печатать. Большинство статей уже подано.

На тему «Краев<едение> и школа» я буду читать актовую речь в тверск<ом> институте через неделю. Материалы сборника мне как раз пригодятся.

Надо будет писать статью для журнала «Революция и культура»,[5] издав<аемого> моск<овским> губпросом. Журнал с историко-лит<ературными> статьями. Редактор — Яковлев (да, вспомнил, мы сговаривались с ним, когда ты его привел вместе с Пильняком ко мне).

Торопит меня с карточками (еще слов 15) Ушаков для Малого энц<иклопедического> словаря.[6]

Госиздат опять прислал напоминания о Кольцове и о детск<их> сказках. Книгу о сказках (лекции мои) едва ли в Госиздат примут. Думаю пойти к Думнову.

На 25-<е> ноября назначили мой доклад в О<бществе> л<юбителей> рос<сийской> слов<есности>: «Одна из записных книжек Льва Толстого». Придется упорно ею заняться.[7]

19-го в Политехн<ическом> музее — концерт нар<одной> музыки и песни, уст<р>аиваемый Толст<овским> о<бщест>вом.[8] Н. Н. Апостолов просил меня сказать вступит<ельное> слово на тему: «Л. Толстой и нар<одная> поэзия».[9]

Видишь, сколько литерáтурных дел. Не знаю, как и справлюсь.

Ведь это все — между лекциями.

А лекций много. Идут они у меня очень успешно.

В Твери мы с Валей пробыли три дня. Начали курсы. У Вали был очень большой успех. У меня там работа тоже ладится, но одно затруднение: приходится читать комбинир<ованный> курс по нар<одной> сл<овесности> и др<евней> литературе. А мне эта мешанина не очень улыбается. Готовиться к тверск<им> лекциям совсем не приходится.

В моск<овском> В<ысшем> л<итературно>-худ<ожественном> институте (у Брюсова) лекции проходят с исключительным успехом. Аудитория больше 300 человек. Каждая ле<кция> заканчивается аплодисментами. Удалось ввести новшество: среди студентов оказался хороший регент, любитель нар<одной> песни; он соорганизовал хор, который уже один раз иллюстрировал песнями мой курс. Я читаю *обрядовую поэзию. На Рождестве предполагаю устроить* гранд<иозную> инсценировку нар<одной> свадьбы.[10] Ко мне сегодня придут совещаться регент и режиссер (слушатель — артист Худ<ожественного> те<атра>).

В унив<ерситете> лекциями я также оч<ень> доволен. А особенно семинарием. Народу много — более 200 чел<овек>! Это при нашем сокращенном теперь составе студентов. Я читаю для 2-го курса, но очень исправно посещают мои лекции и студенты 3-го курса, слушавшие меня в прошлом году. Объявил больше 40 тем — все по разным вопросам поэ<тики> устной словесно<сти>. Чувствую, что темы пришлись по душе. Ограничиваю темы всегда конкретным материалом. Та или другая задача должна быть проработана по одному какому-либо определенному сборнику. Кроме вопросов символики и композиции, как у тебя, уделил много внимания темам по евфонии и по сравнит<ельному> анализу поэзии устной и книжной.[11]

Много студенты всех трех вуз<ов> дают мне материалов, своих записей. Чувствую, что передал большое увлечение нар<одной> словесностью.* Это меня очень окрыляет.

В ГИСе[12] в это полугодие решил не читать; в консерватории вм<есто> 4 у меня 2 часа, и лекции еще не налаживаются по нераспорядительности администрации.

---

* *В оригинале*: словесности.

Валя стала читать на курсах для рабочих при Мос<ковском> губ<ернском> сов<ете> проф<ессиональных> союз<ов> (МГСПС) в помещ<ении> Пречист<енского> рабфака.[13] Очень жалею, что ей не удалось в этом году читать где-ниб<удь> из моск<овских> высш<их> уч<ебных> завед<ений>. Петровский тяготится своими лекциями в Брюс<овском> инст<итуте>[14] по этике и, м<ожет> б<ыть>, передаст Вале свой курс.

В университете у нас большие нестроения и вследствие этого у многих оч<ень> плохое настроение.[15]

Произошел недавно большой скандал на лекции Павла Никитича. Он читал на 1-м курсе и, поздравив новое студенчество со вступлением в у<ниверсите>т, вместе с тем высказал сожаление о многих, кто оказался непринятым в у<ниверсите>т или исключенным из у<ниверсите>та. В след<ующий> раз, когда Сак<улин> пришел в аудиторию, поднялся один студент и стал категорически требовать себе слова. П<авел> Н<икитич> попросил его подать записку с тем, чтобы ответить на нее в перерыве, если найдет нужным делать ее предметом обсуждения в аудитории, или же переговорит со студентом после лекции. Студент же не унимался. П<авел> Н<икитич> вышел из себя и, повысив голос, потребовал, чтобы студент замолчал и не мешал лекции. Студент продолжал гнуть свою линию. Тогда П<авел> Н<икитич> с возм<ущением> ушел из аудитории. Собрался митинг. Студент стал обвинять Сакулина в том, что он высказывает взгляды на у<ниверсите>т, противоречащие желаниям и настроениям нового студенчества, а также будто бы в том, что Сак<улин> излагает предмет в нежелательном освещении, далеком от подлинного марксизма. Ответа студенту дать никто не смог, т. к. по требованию ячейки митинг был прекращен, как устроенный без надлежащего разрешения <...> Сакулин перестал по собст<венному> же<ланию> читать лекции на 1 курсе, продолжал занятия на 3-ем.

Вскоре все курсы Сакулина были объявлены необязательными, лишь факультативными.

А вчера мне Ушаков сообщил, будто бы П<авел> Н<икитич> уже уволен из университета. Но это известие требует еще подтверждения. П<авел> Н<икит ич> будто бы подал или только собирается подать записку Каменеву, Луначарскому и Яковлевой о положении беспартийной профессуры.

Под угрозой оч<ень> скорого удаления из у<ниверсите>та находится Н. Л. Бродский. Деканат его семинар не включил в расписание и потребовал, чтобы Бродский прекратил его ведение. Но Бродский заявил, что он уйдет из у<ниверсите>та лишь с постановления ГУСа или Главпрофобра,[16] во всяком случае высшей инстанции.

Из у<ниверсите>та уволен ряд историков — Егоров, Готье, Бахрушин, Ю. Сергиевский, а также историки искусства Недович, Гиацинтов, из юристов — Загряцков и мн<огие> другие. Некоторые из них уволены совсем, другие переведены из штатных в сверхштатные. Кто из переч<исленных> попал в ту или друг<ую> группу я, как следует, не знаю.

В Петрог<радском> у<ниверсите>те уволено о<чень> много профессоров. Физико-мат<ематическому> факультету предложено це-

ликом выйти в отставку с тем, чтобы персонально каждым из профессоров подавались заявления о желании вновь работать.

Одним словом, идет полная перелицовка вузов. Все мы находимся в неопределенном положении.[17]

Теперь о научных обществах.

Было 2 заседания в Обществе любителей рос<сийской> слов<есности>. Первое с докл<адом> Фатова об Андрееве[18] я пропустил (был в Твери), второе было посвящено Тютчеву. И. Н. Розанов описал приливы и отливы славы Тютчева. Стал он известным лишь через 30 лет по напечатании первого стихотв<орения> — в 50-е гг. Через 10 лет на 25 о нем замолкли опять речи. Воскрешен Т<ютчев> был символистами, но они его модернизировали. Теперь пора Тютчеву отвести законное его место, пора объект<ивного> исследования. Н. К. Гудзий прочел доклад о поэтике Тютчева.[19] Но доклад его никого не удовлетворил: поверхностно прошелся по рубрикам теории словесности, снабдив кажд<ую> двумя-тремя примерами из Тютчева. Таких работ не нужно. Они ничего не дают. Уж если касаться поэтики, то к<акой>-л<ибо> одной черты, но досконально, или одного какого-либо произведен<ия>, но полно.

В лит<ературной> секции Ак<адемии> худ<ожественных> наук был однажды доклад Шенгели о композиции тютч<евских> стихотворений,[20] но докладчик слишком запутался в надуманных, но не продуманных схемах, и доклад вызвал недоумение.

Полным скандалом можно назвать доклад И. И. Гливенко «Физиолог<ические> основы поэзии».[21] Это что-то чудовищное по своей элементарности, глупости и тупоумию. Не понимает самых простых вещей. Доказывает, что давным-давно стало азбучн<ой> истиной — вроде того, что «каждый читатель по-своему воспринимает худож<ественное> произведение», или «нагромождением деталей часто достигается не отчетливость картины, а наоборот картина становится трудн<ой> для восприятия». Философских и психолог<ических> предпосылок Гливенко никаких дать не мог. Не мог сказать, различается ли худ<ожественное> восприятие от обычного, есть ли какое-либо различие между реальной действ<ительностью> и художественной. Абсолютно не признавал возможности эстет<ического> воздействия таких произведений, логич<еский> смысл которых не ясен, но муз<ыкально>-эмоц<иональная> сторона очень сильна. В прениях принимали участие фил<ософ> Каган (не П. С.), Ярхо, Шор, я, Шпет, Гершензон. Ив<ан> Ив<анович> только сердился, огрызался, говорил глупости. Такая досада на его тупость. Чиновник, но не ученый...

На след<ующий> день в фил<ософской> секции Академии М. А. Петровский делал доклад «Онтологическая проблема образа».[22] Никому из словесников о докл<аде> не сказал (объясняет, что не был уверен в своих силах), читал одним философам. Те, по словам Пети,[23] наговорили ему кучу комплиментов и указывали, что такого рода доклад особ<енно> важно слушать словесникам, хромающим в знании филос<офских> и психол<огических> проблем...

Вчера вечером у нас на квартире состоялось небольшое лит<ературное> собранье, организованное по инициативе хор<ошего>

знакомого Вали — Сер<гея> Дм<итриевича> Мстиславского (помнишь, — М-ский в «Рус<ских> вед<омостях>» — военный обозреватель; он один из основателей Вольфилы — Вольн<ой> фил<ософской> акад<емии>,[24] приятель многих видных литераторов — Белого, Ив<анова>-Разумника, Блока и др.).

Были: Мстиславские, муж и жена, И. Н. Розанов, Н. К. Гудзий, С. А. Кржижановский (теперь по лит<ературной> части работает в Камерн<ом> театре), Вершилов (режиссер 2-й студ<ии> Худ<ожественного> театра), поэт Антокольский, Ашукин, Ев<гения> Федоровна Книпович — личный секретарь Блока, М. Н. Бабенчиков, Леон. Ник. Соболев — молодой человек-переводчик.

Книпович прочла чрезвыч<айно> инт<ересный> доклад «4 редакции „Розы и Креста“ Блока».[25] Сопоставление редакций дало возможность более отчетливо представить себе отд<ельные> образы — т<ак>, н<апример>, образ Странника — поэта Гаэтана, какого-то получеловека-полупризрака, выясняется из первых редакций как какая-то грозная, безразличная к добру и злу, «третья сила», присутствие которой в жизни так всегда остро чувствовал Блок.

Прения были дов<ольно> оживленны, хотя наш брат историк литературы был бы несколько недоволен: литераторы и поэты говорят часто как-то безответственно, импрессионистично, часто бьют на внешний эффект мысли, а не ищут строгой истины. Но все же было очень интересно.

Затем Соболев читал свой оч<ень> хороший перевод на фр<анцузский> яз<ык> «Розы и Креста». Фр<анцузским> яз<ыком> он владеет блестяще. До 20 лет почти не знал русск<ого>, т. к. жил в Париже.

Разошлись в половине 2-го.

У нас будут такие лит<ературные> беседы через пятницу. Любопытно иногда соединять публику театральную, литераторскую и историко-литературную.

Были мы в прошл<ую> субботу в перв<ый> раз на субботнике у Никитиной. Там впервые слушали мол<одого> беллетриста Леонова[26] (реалист-фантаст). Бесспорный, большой талант. Будет крупнейшей величиной. Очень понравился. Сегодня он будет продолжать свой большой рассказ из жизни моск<овской> интелл<игенции> в 1918 году. Образы ярки, жизненны, отчетливы и жутковаты...

Евд<оксия> Фед<оровна> ведет семинарий во 2-м университете с большим успехом. Сумела дать интер<есные> темы. Ведет сем<инарий> по новейшей, соврем<енной> литературе. Пусть нет строгой учености, но я считаю нужным, чтобы студенты-словесники ориентировались бы в соврем<енной> поэзии. Прошла пора, когда можно было выходить из университета, не прочитавши ни одного из соврем<енных> авторов. Знакомство с соврем<енностью> — одно из необх<одимых> условий в образовании преподавателя словесности.

Ник<олай> Кириак<ович> поражает мир. Пророчество Фатова (в «Печ<ати> и рев<олюции>»)[27] уже осуществилось. Н<иколай> К<ириакович> на первой лекции признал, что самый научный, самый строгий и единств<енный> метод — марксистский и что только теперь явилась возможность этим методом работать. Быстро эволюционирует.

Как быстро от цветов на гроб юноши-князя[28] до пролетарской идеологии. Посоветуй m-me Бутенко на имеющейся у нее брошюре написать новый девиз омоложенного Николая Кириаковича.

Прерываю пока письмо. Иду навестить маму. У нее не был, кажется, с твоего отъезда. — Ну нет минуты свободной!

(ГЛМ, инв. № 50, ед. хр. 201/5, л. 30—34)

[1] Мысль о создании в Москве Центрального музея народоведения появилась в среде научной интеллигенции и в чиновничьих кругах вскоре после образования СССР (II Съезд Советов, 30 декабря 1922 г.). Объективно решение данного вопроса ускорила открывшаяся в Москве в 1923 г. первая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которую со всех концов страны было свезено большое количество предметов быта, образцов местных ремесел, построек и т. д. Окончательно необходимость открытия такого музея стала очевидной в конце 1923 г. Кроме материалов выставки решено было влить во вновь открывающийся музей этнографическую коллекцию Румянцевского музея (см.: ГАРФ, ф. 2307, оп. 3, ед. хр. 182, л. 70).

[2] От такого совмещения Б. М. Соколов отказался.

[3] Открылся в Москве в декабре 1924 г.

[4] Сборник не опубликован. Сохранились титульный лист и содержание, в котором значатся статья Ю. М. Соколова «Изучение словесности на местном материале» и статья Б. М. Соколова «Этнографическая краеведческая работа студентов в высшей школе» (см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 248, л. 17—20). Указанные статьи Б. М. Соколовым не были написаны.

[5] Журнал Мосгубпроса «Революция и культура» не вышел. Журнал того же названия с пометой на титуле «2-е изд»., но под руководством иной редакции (Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, А. В. Луначарский, И. К. Луппол и др.), стал выходить с ноября 1927 г. в изд-ве «Правда». Статья Ю. М. Соколова там не появлялась. В архивах не обнаружена.

[6] См. примеч. 20 к п. 32.

[7] Доклад был прочитан в указанный срок. Материалы к нему см.: РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 262, л. 1—183.

[8] Толстовское общество возникло в Москве в 1911 г. Издавало «Толстовские ежегодники», в которых печатались архивные материалы и статьи. Просуществовало до середины 20-х гг., затем функции Общества взял на себя музей Л. И. Толстого.

[9] Текст выступления Ю. М. не сохранился. Тема «Л. Толстой и народное творчество» отражена частично в пуликациях Ю. Соколова: «Лев Толстой и сказитель Щеголенок» (см.: Летописи гос. лит. музея. М., 1948. Кн. 12); во вступительной статье к сборнику: Жислина С. Рассказы о Толстом. Тула, 1941.

[10] Инсценировка состоялась и имела шумный успех.

[11] Тетради с записями семинарских занятий со студентами Ю. М. Соколова находятся в РГАЛИ, в основном фонде Соколовых (ф. 483).

[12] См. примеч. 22 к и. 1.

[13] См. примеч. 9 к п. 5.

[14] См. примеч. 29 к п. 9.

[15] См. текст п. 9.

[16] См. примеч. 25 к п. 3.

[17] В отчете члена Моссовета В. Я. Брюсова, прикрепленного к ФОНу 1-го МГУ, о чистке в университете в 1923 г., в частности, сказано: «Чистка состава профессо-

ров и преподавателей была произведена на фракционном собрании профессоров и преподавателей ФОНа. Эта чистка, в которой принимали участие многие видные партийные деятели, в том числе зам. наркома М. Н. Покровский, была проведена *очень твердо.* Ряд профессоров, пользующихся громким именем, был отстранен от преподавания в Университете ввиду их общественно-политических взглядов, их идеалистического мировоззрения т. под<обных> соображений — напр., проф. Челпанов» (см.: Валерий Брюсов. Лит. наследство. М., 1976. Т. 85. С. 253).

[18] См. примеч. 25 к п. 22.

[19] Исследование Н. К. Гудзием поэтики Тютчева см.: Гудзий Н. К. 1) Аллитерация и ассонанс у Тютчева//Slavia. 1927. Roč. 5. Seš. 3. S. 456—469; 2) Тютчев в истории русского символизма//Изв. ОРЯС АН СССР. 1930. Т. 3. С. 465—549.

[20] Доклад Г. А. Шенгели «Лирические композиции Тютчева» прочитан в литературной секции ГАХН 18.IX.1923 г.

[21] Доклад И. И. Гливенко «Физиологические основы поэзии (восприятие поэтического произведения)» прочитан 29.X.1923 г. (см.: ГАХН. Отчет 1921—1925. М., 1926. С. 25).

[22] Ю. М. Соколов не совсем точен. Действительно доклад состоялся 30.X.23 г., но назывался он «Выражение и изображение в поэзии». Опубликован в сб.: Художественная форма/[Под ред. А. Г. Циреса]. М.: Изд. ГАХН, 1927. С. 51—80.

[23] Петя — П. Г. Скосырев.

[24] Вольная философская ассоциация (Вольфила) учреждена в Петрограде в ноябре 1919 г., прекратила работу в мае 1923 г. Объединяла философов и поэтов различных течений. В Москве в 1921—1923 гг. существовало отделение Вольной философской ассоциации. В работе ассоциации принимали участие А. Белый, А. Блок, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, Р. В. Иванов-Разумник, К. С. Петров-Водкин и др.

[25] Специальных текстологических исследований Е. Книпович нами не обнаружено. Однако в докладе литературной секции ГАХН «Из воспоминаний об Ал. Блоке» она использует опубликованные и комментирует неопубликованные стихи поэта (Искусство. 1923. № 1. С. 423). В мае 1924 г. в ГАХН на заседании ассоциации по изучению творчества А. Блока Е. Книпович произносит вступительное слово и читает неизвестные отрывки из драмы А. Блока «Роза и крест» (см.: ГАХН. Отчет 1921—1925. М., 1926. С. 120).

[26] 3 ноября 1923 г. Л. М. Леонов начал чтение повести «Конец мелкого человека». В обсуждении ее приняли участие: В. Я. Парнах, Н. М. Беленький, Ю. М. Соколов (подчеркнувший, что «впечатление от повести очень большое»), В. М. Волькенштейн и др. (см.: ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 123). Повесть впервые опубликована: Кр. новь. 1924. № 3. В этом же году отдельное издание: Леонов Л. Конец мелкого человека. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1924.

[27] В «Печати и революции» (1923. № 4. С. 248) Н. Н. Фатов, рецензируя книгу Н. К. Пиксанова «Старорусская повесть. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования», дает в сноске обещание в следующем номере журнала прорецензировать книгу Пиксанова «Два века», которая, по мнению Фатова, настолько ясна по мысли, что «должна заставить его (Пиксанова. — *В. Б.*) эволюционировать в сторону полного принятия философских основ экономико-материалистического диалектически-марксистского метода». Рецензия появилась в № 7 журнала. В ней Фатов, основываясь на вступительной статье самого Пиксанова, где тот излагает «историю эволюции своих научных взглядов» в сторону «литературно-эстетического метода», выражает надежду, что эволюция Пиксанова будет

продолжаться и приведет к «синтетическому методу на основе экономико-материалистского понимания исторического процесса» (С. 252—253).

[28] По-видимому, имеется в виду: Слово в память его высочества князя Олега Константиновича, произнесенное Н. К. Пиксановым. Пг., 1914.

№ 34

<21 ноября 1923 г., Саратов>

21.XI.1923

Дорогой Юра!

Если мне на днях придется отправить мои книги, по случаю, в вагоне одного инженера, и квартиры мне еще не будет к этому времени отведено, то прошу тебя выхлопотать от Н. М. Щекотова разрешение на нек<оторое> время (до моего приезда) сложить мешки с книгами в Ист<орическом> музее.[1] Когда буду отсылать, тебя извещу. И вообще попрошу тебя принять заботы по перевозке этих книг на то или другое место. Тебе помогут братья Веры Юльевны, кот<орым> я говорил. Деньги за перевозку уплатит Главмузей, тем более что возчик у них тот самый, который постоянно перевозит для Ист<орического> муз<ея>. (Ты его знаешь — рыжий мужик.)

Приехал — весь погрузился в работу. Статья моя вышла в 53 страницы.[2] С благодарностью вспоминаю о гощении в Москве.

Мой отъезд в Саратове — злоба дня.[3] Даже в газетах уже писали.[4]

Кстати, здесь в С<аратове> узнал, что мне на выставке присужден диплом 1 степени.[5]

Целую тебя и Валю.

Привет Т<атьяне> А<лександровне>, К<сении> А<лександровне> и всем.

Твой Борис.

(РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1827, л. 27—28)

[1] В конце 1923 г. Б. М. Соколова пригласили в Москву для организации Центрального музея народоведения, директором которого он был назначен (с июня 1924 г.). Помимо директорства Б. М. Соколов руководил в музее финско-татарским и славяно-русским отделами. За два месяца до смерти (в апреле 1930 г.) Б. М. Соколов оставил службу в музее, главным образом по состоянию здоровья. В 1948 г., во избежание параллелизма в работе, принято решение объединить Гос. музей народов СССР (Москва) с Гос. музеем этнографии (Ленинград). Установлено название музея — Гос. музей этнографии народов СССР. Коллекции музея народоведения переехали в Ленинград.

[2] Имеется в виду статья «Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Германо-русские отношения в области эпоса», опубликованная в «Ученых записках» Саратовского университета (см. примеч. 6 к п. 7)

[3] 12 декабря 1923 г. состоялось итоговое собрание общества ИСТАРХЭТ. После отчетного доклада председателя С. Н. Чернова о деятельности общества в 1923 г. началась церемония проводов Б. М. Соколова. Ректор университета С. Р. Миротворцев передал Б. М. Соколову письмо-приветствие от всех коллег. Выступили: М. П. Советов, П. С. Рыков, Д. И. Артоболевский, Н. Родин, А. Н. Лозанова, Н. Г. Аполлова, С. И. Быстров, А. А. Гераклитов и П. Т. Любомиров. Б. М. Соколов единогласно был избран почетным членом общества ИСТАРХЭТ. По предложению издателя В. З. Яксанова, Б. М. Соколова оставили председателем этнографического отдела (несмотря на его отъезд и в надежде на будущее сотрудничество) во вновь избранном составе руководства общества.

[4] Информация в «Саратовских известиях» (1923. № 294) «О студенческой этнографической экскурсии». В ней сообщалось о докладе Б. М. Соколова по итогам экспедиции в Петровский уезд Саратовской губернии (на соединенном заседании педагогического факультета Саратовского университета и общества ИСТАРХЭТ присутствовало около 1000 чел.). После доклада — прощание с Б. М. Соколовым, отъезжавшим в Москву. От имени университета выступил ректор профессор С. Р. Миротворцев, от педагогического факультета и губоно — профессор П. С. Рыков, от ФОНа — профессор С. Ю. Юшков. Выступали А. П. Скафтымов, М. Т. Маркелов и др. В конце студенческий хор под руководством И. Д. Тулупникова исполнил народные песни, записанные в Петровском уезде.

[5] Экспедиция студентов-этнографов под руководством Б. М. Соколова в Петровский уезд Саратовской губернии имела дополнительное задание от губернского и главного (в Москве) выставочных комитетов: собрать нужные экспонаты для подотдела домоводства и быта Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Было собрано до 400 экспонатов, сделано до 200 фотографических снимков и 100 рисунков в красках. Работа была оценена дипломом 1-й степени. (Диплом этот в настоящее время экспонируется в одном из залов Саратовского краеведческого музея.) Саратовская пресса сообщила о дипломе. См.: М-ыч. Саратовская губерния получила призовую награду на Всесоюзной выставке//Сарат. известия. 1923. № 256.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдотья — Евдокия Федоровна (урожд. Болотова) — бабушка Б. М. и Ю. М. Соколовых по линии отца — 100

Адлер Бруно Фридрихович (1874—?) — этнограф, географ, музейный работник — 20, 49

Адоратский Владимир Викторович (1878—1945) — деятель КПСС, историк, философ; акад. (1932); в 1920—1929 гг. — зам. зав. Центрархивом (до 1922 г. именовался Главархивом) — 84

Азадовский Марк Константинович (1888—1954) — фольклорист, литературовед — 156

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — литературный критик, в 1922 г. выслан из РСФСР — 79, 86, 106, 107, 115, 121

Акимова Татьяна Михайловна (1899—1987) — фольклорист, проф. (1966); ученица Б. М. Соколова, член общества ИСТАРХЭТ (с 1920 г.), научный сотрудник Саратовского Этнографического музея (с 1921 г.) — 30

Аксенов Иван Александрович (1884—1935) — поэт, драматург, переводчик и литературный критик — 156

Александра Николаевна см. Ушакова А. Н.

Александра Федоровна (наст. имя Алиса Гессен-Дармштадская) (1872—1918) — российская императрица, жена Николая II —123

Алексей Матвеевич см. Смирнов (Кутаческий) А. М.

Алиса см. Александра Федоровна

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель — 140, 179

Андреев Николай Андреевич (1873—1932) — скульптор, засл. деятель искусств (1931) — 123

Анисимов Александр Иванович (1877—1937) — историк древнерусской живописи, реставратор, литературовед, музейный работник — 107

Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — историк литературы, фольклорист, критик, приват-доцент Киевского, Петербургского университетов. Эмигрировал в 1920-е гг. — 119, 126

Анна Григорьевна см. Достоевская А. Г.

Ансеров Александр Сергеевич — священник, друг отца Б. М. и Ю. М. Соколовых и семьи — 73

Ансеров Сергей Александрович — друг детства Б. М. и Ю. М. Соколовых, сын А. С. Ансерова — 67, 73

Ансеровы — 71, 72

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) — поэт — 180

Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог; акад. (1896), почетный член Академии наук (1898), проф. Московского университета (с 1884 г.), президент ОЛЕАиЭ (с 1890 г.), один из создателей журнала «Этнографическое обозрение» — 49, 123

Аполлон Аполлонович см. Грушка А. А.

Апостолов Н. Н. — зав. архивом рукописей Л. Н. Толстого в Толстовском музее в Москве — 177

Апостоловы — знакомые Ю. М. Соколова и семьи Дынник — 169

Аристов Федор Федорович (1888—1932) — литературовед, славист, проф. Московского университета (с 1922 г.) — 112
Аронов Ф. Е. — саратовский знакомый Б. М. Соколова — 134
Аросев Александр Яковлевич (1890—1938) — партийный и государственный деятель, писатель — 50
Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — фольклорист, историк, литературовед — 14, 36, 41, 119
Ахманов — знакомый И. М. Соколовой — 110
Ахматова Анна Андреевна (1889—1966) — поэт — 49, 70
Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — поэт, детский писатель, критик и библиограф — 180

Бабенчиков М. Н. — зав. музейным фондом филиального отделения Исторического музея — 180
Бакланов Николай Борисович (1881—1959) — архитектор, график, педагог, историк архитектуры и прикладного искусства; в нач. 1920-х гг. — зав. отделом архитектуры Исторического музея — 19
Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества — 173
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист — 86, 132
Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — историк, археограф; основатель и редактор журнала «Русский архив» — 150
Баскин Николай — секретарь зав. Главнаукой (с 1923 г.) — 172
Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929) — театральный деятель, основатель и пожизненный директор театрального музея в Москве — 135
Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — историк; чл.-корр. АН СССР (1939) — 180
Белецкий Александр Иванович (1884—1961) — литературовед, акад. АН СССР (1958), АН УССР (1939); с 1921 г. — проф. Харьковского университета — 173
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — критик — 84, 173
Белый Андрей (псевд.; наст. фамилия и имя Бугаев Борис Николаевич) (1880—1934) — поэт и прозаик, теоретик символизма — 56, 86, 180
Бельчиков Николай Федорович (1890—1953) — литературовед, чл.-корр. АН СССР (1953); засл. деятель науки РСФСР (1947) — 84, 122
Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1943) — византинист, чл.-корр. АН СССР (1924) — 139
Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, литератор, публицист, общественный деятель — 71, 121, 122
Бережков Ф. Ф. — член ОЛРС, автор статьи «Достоевский на Западе (1916—1928)», вошедшей в сб. «Достоевский» (М., 1928) (Тр. Гос. Академии наук. Лит. секция. Вып. 3) — 47, 84, 151
Бернштейн Александр Николаевич (1870—1922) — психиатр, с 1920 г. — зав. научным отделом управления научных учреждений Акцентра Наркомпроса, а затем зам. зав. Главнаукой — 36, 61, 62, 70, 82
Бетховен Людвиг ван (крещен в 1770—1827) — немецкий композитор — 43, 132
Бехтерев Владимир Михайлович (1857—1927) — невропатолог, психиатр, психолог, физиолог, морфолог — 70
Бирман — уполномоченный Полномочного представительства правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим в Саратовской губернии — 112
Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт — 26, 29, 49, 56, 65, 81, 132, 145, 163, 164, 180
Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) — фольклорист, этнограф, славист, театровед — 36
Богданов Владимир Владимирович (1868—1949) — этнограф; с 1894 по 1930 г. — ученый секретарь этнографического отдела ОЛЕАиЭ, с 1899 г. —

секретарь редакции журнала «Этнографическое обозрение», с 1908 г. — сотрудник Румянцевского музея, с 1923 г. (после передачи этнографических коллекций Румянцевского музея в Центральный музей народоведения) — зав. отделом восточных славян в Центральном музее народоведения, с 1921 г. — председатель московского отделения Центрального бюро краеведения; преподаватель Московского университета — 14, 19, 20, 36, 49, 67, 116, 120, 152, 162, 172, 176

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — художник, проф. живописи, основатель Саратовского музея русского искусства (1885) и Саратовской школы живописи — 33

Богоявленский Сергей Константинович (1871—1947) — историк, архивист, чл.-корр. АН СССР (1929) — 153

Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт — 151

Болотов Евгений Александрович — проф. механики, ректор Казанского университета (1919—1920) — 104

Борзов Александр Александрович (1874—1939) — физико-географ, геоморфолог, доктор географических наук (1935), засл. деятель науки РСФСР (1935), проф. Московского университета (с 1918 г.), член ОЛЕАиЭ, сотрудник библиотеки Румянцевского музея (позднее — Гос. библиотеки им. В. И. Ленина) — 81

Бородины — 163

Брандуков Анатолий Андреевич (1856—1931) — виолончелист, педагог, музыкальный деятель; с 1921 г. — проф. Московской консерватории — 36

Бродский Николай Леонтьевич (1881—1951) — литературовед, лектор, педагог; с 1918 г. — приват-доцент, позднее — проф. Московского университета, научный сотрудник отдела научной библиографии библиотеки Историче-ского музея — 15—18, 45, 65, 66—68, 73, 74, 82, 84, 85, 87, 117, 120, 124, 126, 135—137, 140—142, 146, 152, 156, 159, 163, 173, 178

Брояловский — 30

Брусиловский А. Е. — адвокат, член коллегии защитников — 152

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт; с 1918 по 30 декабря 1919 г. — зав. Библиотечным отделом (в июне 1919 г. преобразован в Отдел научных библиотек), позднее — зав. Литературным отделом Наркомпроса — 35, 36, 49, 64, 85, 132, 152, 155, 163, 170

Бубсигинов — этнограф, музеевед — 145

Бугославский Сергей Алексеевич (1890—1946) — доктор филологических наук, проф., специалист в области древнерусской литературы и музыкального фольклора — 124

Буслаев Алексей Александрович (1887—?) — лингвист, этнограф, член ОЛЕАиЭ, до 1922 г. — помощник ученого секретаря Исторического музея — 141

Бутенко Вадим Аполлонович (1877—?) — историк, проф. Саратовских университета и ИНО, член философско-исторического общества при университете и общества ИСТАРХЭТ — 117

Бутенко — жена В. А. Бутенко — 181

Быстров Самсон Иванович (1884—1933) — специалист по истории старообрядчества в Саратовской губернии, член ИСТАРХЭТ, муж внучки Н. Г. Чернышевского Н. М. Чернышевской — 26, 30

Валентина Александровна, Валя см. Дынник В. А.

Валентина Константиновна — тетя З. С. Соколовой — 88

Валериан Александрович, Валериан см. Строкин В. А.

Васильев Николай Васильевич — фольклорист, с 1911 по 1921 г. — казначей Комиссии по народной словесности ОЛЕАиЭ, с 1921 по 1926 г. вместе с Ю. М. Соколовым — товарищ председателя Комиссии — 14

Васюк см. Черемухина-Васюк Н. М.

Вася см. Соколов В. М.

Вебер Владимир Карлович — инженер-электрик, действ. член Общества

любителей мироведения в Петрограде — 117
Вебер Георгий Карлович (1876—?) — историк, педагог; в 1920-х гг. — проф. Тверского ИНО — 19
Вера — прислуга в семье Ю. М. Соколова — 43, 59, 64, 88
Вера — знакомая Соколовых — 18
Вера, Верочка см. Соколова В. Ю.
Вера Альбертовна — дочь Э. Г. Стефанович — 68, 70, 72
Вересаев Викентий Викентьевич (1867—1945) — писатель — 94, 162
Вершилов Борис Ильич (1893—1957) — режиссер, засл. артист РСФСР; работал во 2-й студии Московского художественного театра в 1919—1924 гг. — 180
Вершинский Анатолий Николаевич — преподаватель Тверского ИНО — 170
Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — литературовед, акад. Петербургской АН (1880) — 120, 133
Ветринский см. Чешихин-Ветринский В. Е.
Виктор Максимович см. Жирмунский В. М.
Викторов — проф. психологии — 132
Вильямс (Williams) Альберт Рис (1883—1962) — американский журналист; с июня 1917 до августа 1918 г. жил в России — 172
Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888—1946) — писатель, автор ряда историко-литературных работ; с 1921 г. — директор Румянцевского музея, а после его реорганизации — директор Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (до 1925 г.) — 19, 62, 70
Виноградова Надежда Сергеевна — знакомая Ю. М. Соколова — 18
Вишневский (наст. фамилия — Вишневецкий) Александр Леонидович (1861—1943) — актер Московского художественного театра, засл. деятель искусств РСФСР и Герой труда (1933) — 85
Владимир Васильевич см. Голубев В. В.
Владимир Владимирович см. Богданов В. В.
Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, акад. (1930); с 1919 по 1930 г. — проф., с 1921 по 1925 г. — ректор Московского университета — 45
Волконская (урожд. Раевская) Мария Николаевна (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского — 79, 109, 116, 134, 139, 140, 156
Волькенштейн Владимир Михайлович (1883—1974) — поэт, драматург и театральный деятель — 87, 162
Вольтер (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель — 107
Воскресенский Павел Сергеевич — директор библиотеки Политехнического музея и ОЛЕАиЭ (1920-е гг.) — 20, 68
Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, литературный критик — 107

Габричевский Александр Георгиевич (1891—1968) — искусствовед, теоретик искусства, преподаватель Московского университета, член Академии художественных наук — 112
Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк литературы, писатель — 14
Гальковский Николай Михайлович — специалист в области южнославянского фольклора и этнографии —126
Гальм Иван Оттокарович — проф. Иркутского университета (с 1917 г.), специалист по русской и западной литературе, в 20-е гг. жил в Австрии — 47
Гераклитов Александр Александрович (1867—?) — историк-краевед, преподаватель Саратовского университета (с 1918 г.), член обществ ИСТАРХЭТ и философско-исторического при университете — 52, 55, 117, 166
Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли — 18, 69, 135, 140, 179
Гёшен (Göschen) — 65
Гиацинтов Владимир Егорович (1858—1933) — искусствовед, проф. Мо-

сковского университета и 2-го МГУ — 178
Гиббсон — английский общественно-политический деятель, уполномоченный Комитета помощи голодающим в Поволжье — 112, 113
Гиляровская (урожд. Лобанова) Наталия Владимировна — зав. отделением литературы в отделе научной библиографии Исторического музея — 18, 84
Гинзбург Лев Самойлович — филолог — 141, 150
Гливенко Иван Иванович (1868—1931) — литературовед, с 1921 г. — проф. Московского университета; в 1921—1923 гг. — зав. управлением научных учреждений Акцентра, а затем Главнауки — 34—37, 42, 44, 45, 47, 61, 62, 64, 65, 68—70, 80, 82—84, 94, 110, 122, 123, 152, 172, 173, 179
Гливенки — 94
Глика Михаил — византийский писатель XIII в. — 151
Глоба Андрей Павлович (1888—1964) — поэт, драматург, переводчик — 49
Голанов Иван Григорьевич (1890—?) — языковед и диалектолог, преподаватель Московского университета — 134
Голубев Владимир Васильевич (1884—1954) — математик и механик, чл.-корр. АН СССР (1934), засл. деятель науки и техники РСФСР (1943); генерал-майор инженерно-технической службы; с 1917 г. — проф., в нач. 1920-х гг. — ректор Саратовского университета — 79
Голубцова Мария Александровна (1888—1925) — зав. отделением архива Исторического музея — 123
Гордлевский Владимир Александрович (1876—1956) — тюрколог, акад. АН СССР (1946), автор работ по турецкому языку и фольклору, истории турецкой литературы, этнографии и истории Турции; с 1913 г. — председатель Комиссии по народной словесности ОЛЕАиЭ — 14, 36, 65—67, 74
Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт — 82
Городцов Василий Алексеевич (1860—1945) — археолог, проф. Московского университета с 1918 г. — 126
Готье Юрий Владимирович (1873—1943) — историк, археолог, акад. АН СССР (1939) — 178
Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — историк литературы, филолог, исследователь творчества А. С. Пушкина, с 1923 г. — эмигрант — 107
Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — живописец и искусствовед, народный художник СССР (1956), чл.-корр. АН СССР (1943) и Академии художеств СССР (1947), организатор и активный сотрудник московского отдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины (1918), позднее — сотрудник сложившихся на ее основе музейного отдела Наркомпроса (1918) и Главмузея (1920) — 19, 20, 107
Грант — английский студент, председатель Международного союза помощи голодающим студентам России —102
Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — поэт, драматург, дипломат — 121
Григоров Сергей Павлович (1886—?) — музейный работник; в 1920-х гг. — сотрудник Главмузея — 176
Григорьев Александр Дмитриевич (1874—1940) — фольклорист, историк древнерусской литературы — 87
Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — литературный критик, поэт — 161
Григорьев С. — один из теоретиков имажинизма — 25
Гримм, братья Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859) — немецкие филологи — 66
Грифцов Борис Александрович (1885—1950) — литературовед, искусствовед, переводчик — 47, 84, 140, 151, 159
Гроссман Леонид Петрович (1888—1965) — писатель, литературовед — 46, 47, 73, 82, 84—87, 115, 131, 135, 140, 151, 156, 173

Гроссманы — 145, 163
Грузинский Алексей Евгеньевич (1858—1930) — литературовед, фольклорист; с 1896 г. — член ОЛРС; с 1909 по 1921 г. — его председатель — 67, 73, 81, 94
Грушка Аполлон Аполлонович (1880—1929) — филолог и лингвист, проф. кафедры классической филологии Московского университета и других высших учебных заведений; с 1928 г. — чл.-корр. АН СССР — 132, 133, 136, 170
Гудзий Николай Каллиникович (1887—1965) — литературовед, акад. АН УССР (1945); проф. Московского университета с 1922 г., член Академии художественных наук — 73, 79, 82, 84, 87, 94, 96, 97, 106—109, 122, 125—127, 140, 145, 149, 161—163, 173, 179, 180, 182
Гумилев Николай Степанович — (1886—1921) поэт — 26
Гумилевский Лев Иванович (1890—1976) — писатель, уроженец Саратовской губернии, с 1925 г. — в Москве — 27, 29, 30, 41
Густав Густавович см. Шпет Г. Г.

Давыдов Владимир Николаевич (псевд.; наст. фамилия и имя Горелов Иван Николаевич) (1849—1925) — актер, педагог, народный артист Республики (1922), актер Александринского театра в Петербурге (1880—1924) — 135
Даль Владимир Иванович (1801—1872) — писатель, лексикограф, этнограф, чл.-корр. Петербургской АН (1838) — 99, 132, 137, 150, 152
Даниил Заточник — древнерусский писатель, автор «Моления Даниила Заточника» (XIV в.) — 151
Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт — 17, 19, 20, 35—37, 42, 46, 69
Дарский Дмитрий Сергеевич (1883—1957) — литературный критик, сотрудник Исторического музея и Книжной палаты — 82, 86, 88, 150
Державин Гаврила Романович (1743—1816) — поэт — 163, 164
Дети см. Соколов И. Ю. и Соколова Н. Ю.
Джотто ди Бондоне (1266 или 1267—1337) — итальянский живописец — 19
Дитмар Борис Петрович (1878—?) — географ; с 1918 по 1922 г. — сотрудник Отдела научных библиотек, позднее — Отдела охраны природы Наркомпроса — 62, 63, 65, 71, 110
Дитмары — 71
Дмитрий Николаевич см. Ушаков Д. Н.
Доброхотов — 37
Доре Гюстав (1832—1883) — французский график — 19
Дорогутин Николай Алексеевич — фольклорист, этнограф, член ЦБК с 1921 г., председатель московского отделения ЦБК (с 1932 г.) —160, 162, 172, 176
Достоевская Анна Григорьевна (урожд. Сниткина) (1846—1918) — жена Ф. М. Достоевского — 74, 83, 85, 131
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — писатель — 17, 19, 40—43, 46, 47, 49, 52, 64, 69, 74, 79, 82—85, 132, 134, 150
Достоевский Федор Федорович (1871—1921) — сын Ф. М. Достоевского, специалист по коннозаводству — 83
Дочь Эллы Генриховны см. Вера Альбертовна
Друганов Иван Алексеевич — сотрудник Отдела научных библиотек Наркомпроса — 62, 63, 65, 71, 110, 124, 168
Думнов Владимир Васильевич (1854—?) — книгоиздатель и книготорговец; с 1885 г. — руководитель фирмы «Наследники братьев Салаевых» в Москве — 172, 177
Дуняша — прислуга в семье Ю. М. Соколова — 105
Дурново Николай Николаевич (1876—1936) — языковед, чл.-корр. АН СССР (1924) — 108, 134, 141
Дынник Валентина Александровна (1898—1979) — литературовед, переводчик; вторая жена Ю. М. Соколова — 148, 149, 151, 157—170, 172, 173, 177, 178, 180, 183

Дынник Вера Давыдовна (1874—1924) — мать В. А. Дынник — 158, 167—169, 173
Дынник Михаил Александрович (1896—1971) — проф. философии, чл.-корр. АН СССР, брат В. А. Дынник —167
Дынник Татьяна Александровна (р. 1900) — историк театра; сестра В. А. Дынник — 13, 158, 161, 163, 167, 169, 170, 174, 183
Дынники — 169
Дядя Паша см. Соколов П. П.
Дядя Саша рыбинский см. Образцов А. Ф.

Егоров Дмитрий Николаевич (1878—1931) — историк-медиевист; проф. Московского университета; с 1921 г. работал в Румянцевском музее (после реорганизации — в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина), возглавляя библиографическую работу по всеобщей истории — 19, 178
Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских — 141
Елена Николаевна см. Елеонская Е. Н.
Елена Федоровна см. Корш Е. Ф.
Елеонская Елена Николаевна (1873—1951) — фольклорист и этнограф, бессменный секретарь Комиссии по народной словесности ОЛЕАиЭ — 14, 37, 65—67, 116, 170
Елеонский Сергей Федорович (1891—1960) — историк литературы XVIII в., литературовед, фольклорист, проф. Нижегородского университета — 173
Елизавета Петровна (1709—1762) — российская императрица — 19
Елизавета Феофановна см. Сидорова Е. Ф.
Елпатьевский Владимир Сергеевич (1877—1957) — зоолог, проф. Саратовского университета (1918—1925), зав. кафедрой зоологии Саратовского ветеринарного института — 27
Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — поэт — 41, 49, 81, 83
Ефименко Петр Петрович (1884—1969) — археолог, специалист по палеолиту, акад. АН УССР (1945); зав. отделом памятников народного творчества в Историческом музее до 1922 г., затем — зав. отделом славяно-финской археологии — 35

Жирмунский Александр Матвеевич (1887—?) — палеонтолог, преподаватель Горной академии в Москве — 104
Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) —филолог, фольклорист, акад. АН СССР (1966) — 16, 46, 73, 81
Житенева Мария Владимировна — юрист, преподаватель Московского университета — 104
Жуков Борис Сергеевич (1892—?) — антрополог, преподаватель Московского университета, член оргкомитета первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края; с 1924 г. — зав. отделением иностранной этнографии Центрального музея народоведения в Москве — 49, 116, 176
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт — 163, 164

Загряцков Матвей Дмитриевич — проф. административного права, работал в Нижегородском университете до 1923 г. — 104, 123, 178
Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — писатель; в 1921 г. избран председателем Всероссийского союза писателей; с 1922 г. — эмигрант — 85
Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — писатель; с 1932 г. — эмигрант — 145
Зверева — подруга М. И. Рудомино — 63
Зеленин Дмитрий Константинович (1878—1954) — фольклорист, диалектолог и этнограф, чл.-корр. АН СССР (1925), акад. Болгарской Академии Наук (1946); с 1916 г. — проф. Харьковского университета, с 1925 г. — Ленинградского университета — 49, 67
Зеленцов Н. И. — преподаватель гимназии М. Г. Брюхоненко — 126

Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973) — поэт-акмеист, уроженец Саратовской губернии — 26, 29
Зернов Владимир Дмитриевич (1878—1946) — проф. физики, ректор Саратовского университета (1918—1921) — 26
Зерчанинов Н. Т. — родственник З. С. Соколовой — 105
Зерчаниновы — родственники З. С. Соколовой — 105
Знаменский Сергей Петрович — преподаватель Саратовского ИНО; с 1921 г. — преподаватель кафедры русской литературы Саратовского университета — 31
Золотарев А. А. — этнограф, краевед из Рыбинска, член ЦБК — 145
Зоя см. Соколова З. С.
Зубов Николай Николаевич — зав. отделом научных учреждений Академического центра (с 1923 г.) — 172

Иван Иванович см. Гливенко И. И.
Иван Никанорович см. Розанов И. Н.
Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, теоретик символизма — 132
Иванов Георгий Иванович — доктор Социалистической академии — 72
Иванов-Разумник (наст. фамилия Иванов) Разумник Васильевич (1878—1945) — филолог, критик — 151, 180
Ивбуль Адам Адамович — сосед Ю. М. Соколова по госпитальной палате — 102
Игнатьев Павел Николаевич (1870—1926) — государственный деятель; в 1915 г. назначен на пост министра просвещения, в 1916 г. ушел в отставку, так как правительство отвергло его проекты; после Октябрьской революции — эмигрант — 61
Игорь, Игорчик см. Соколов И. Ю.
Игумнов Константин Николаевич (1873—1948) — пианист, педагог, нар. артист СССР (1946), доктор искусствоведения (1940); с 1899 г. преподавал, позднее занимал руководящие должности в Московской консерватории — 36
Изюмов Александр Филаретович (1885—?) — старший ассистент Центрархива, входил в совет «Задруги»; выслан из РСФСР в 1922 г. — 121
Изяслав (1024—1078) — сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский — 119
Ильин Иван Александрович (1882—1954) — философ, проф. Московского университета; выслан из РСФСР в 1922 г. — 112, 121
Ильинские 117
Ильинский Григорий Андреевич (1876—1937) — языковед-славист, проф. Саратовского университета (1920—1927) — 113
Иорданский (псевд. Негорев) Николай Иванович (1876—1928) — участник российского социал-демократического движения с 1899 г.; меньшевик; журналист; зав. литературно-художественным отделом Госиздата; в 1923—1924 гг. — полпред СССР в Италии — 159, 168, 172
Ира, Ирочка см. Соколова И. М.
Ира петербургская см. Соколова И. И.

Каган М. — философ, член философского отделения Академии художественных наук — 179
Казин Василий Васильевич (1898—1981) — поэт — 87
Калашников А. Г. — зав. редакционным сектором, член правления Госиздата — 106
Калинников Василий Сергеевич (1866—1900/1901) — композитор — 61
Калишевский Антон Иеронимович (1863—1925) — библиотековед; в 1891—1908 гг. работал в Румянцевском музее, с 1908 по 1925 г. — директор библиотеки Московского университета — 19, 72
Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — партийный и государственный деятель; в 1921—1926 гг. — председатель Моссовета — 178
Каменева Ольга Давыдовна (урожд. Бронштейн) (1883—1941) — театральный деятель, директор театра Мейерхоль-

да, жена Л. Б. Каменева, сестра Л. Д. Троцкого — 163
Каменский Николай Александрович — работник Главкустопрома — 55, 56
Каптерев Павел Николаевич (1889—1955) — доктор географических наук; в 20-е гг. специализировался в области гуманитарных наук; сотрудник П. А. Флоренского в Комиссии по охране памятников искусства и старины в Троице-Сергиевой лавре; сын известного историка церкви Н. Ф. Каптерева; в 1933 г. арестован вместе с П. А. Флоренским и работал с ним на Сковороднинской мерзлотной станции в Уссурийском крае (при ГУЛАГе); с 1917 по 1921 г. — секретарь и зам. декана историко-филологического факультета Московского университета; с 1921 по 1923 г. — научный сотрудник и ученый секретарь Института научной философии при Московском университете — 72, 152
Каптеревы — 133
Картыков М. Н. — фольклорист-собиратель, краевед — 140
Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — министр народного просвещения (1910—1914), приобретший известность гонениями на прогрессивное студенчество и профессуру и усилением надзора за учащимися — 61
Кашин Николай Павлович (1874—1939) — литературовед, театровед; доктор филологических наук (1938); с 1920 г. зав. кабинетом для научных занятий при библиотеке Исторического музея — 84
Квасневский Александр Александрович (1872—?) — зав. финансовым под-отделом Отдела научных библиотек Наркомпроса РСФСР (с дек. 1918 г.) — 68
Кенеман Федор Федорович (1873—1937) — пианист, педагог, композитор, проф. Московской консерватории с 1912 г. — 132
Кестер — подруга М. И. Рудомино, дочь сотрудницы Наркомпроса Е. Л. Кестер; с 1915 по 1920 г. жила в Саратове — 43, 63
Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк, деятель кадетской партии; проф. Московского университета; в 1922 г. выслан из РСФСР — 63, 121
Киреевские — 141
Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — философ, критик, публицист — 141
Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, — 141
Киселев Николай Петрович (1884—1965) — книговед, проф. (1938); с 1910 г. работал в библиотеке Румянцевского музея (после реорганизации — в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина) — 19, 36
Кларк Г. Т. — 32
Клюев Николай Алексеевич (1887—1937) — поэт — 81
Книпович Евгения Федоровна (1898—1989) — критик, литературовед — 145, 180
Кобякин Григорий Григорьевич — служитель Исторического музея — 157
Коваленков Александр Иванович (1888—?) — юрист, проф. кафедры уголовного права Саратовского университета (1919—1925) — 125, 126
Ковганкины — родители и родственники З. С. Соколовой — 105
Коган Петр Семенович (1872—1932) — историк литературы, критик, популярный лектор; проф. Московского университета и ряда других вузов; с 1921 г. — президент Академии художественных наук — 35, 80, 82, 84
Кокушкин Николай Михайлович — с 1912 г. проф., зав. кафедрой акушерства и гинекологии медицинского факультета Саратовского университета — 27
Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт — 81, 168, 177
Кондаков Никодим Павлович (1844—1925) — историк византийского и древнерусского искусства, акад. Российской АН (1898), действительный член Петербургской Академии художеств (1893); с 1920 г. жил за рубежом — 107, 118

Кондрашов — музейный работник — 176
Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, писатель, общественный деятель — 49
Константин Станиславович см. Кузьминский К. С.
Коншина — домовладелица — 123
Коржерин — зам. председателя Саратовского губисполкома — 28
Коробка Николай Иванович (1872—1920) — литературовед, критик — 119
Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — писатель — 49, 56, 63, 64, 67
Корш Евгений Федорович (1879—?) — зав. отделом России XIX в., главный хранитель и член правления Исторического музея, сын акад. Ф. Е. Корша — 158
Корш (в замуж. Кречетович) Елена Федоровна — помощник зав. отделом книг по теории искусства библиотеки Исторического музея, дочь акад. Ф. Е. Корша — 69, 106, 123, 132
Коте Надежда Николаевна — биолог и психолог — 134
Котляревский Александр Александрович (1837—1881) — славист, археолог, этнограф — 14
Красин Борис Борисович (1884—1936) — музыкальный деятель, собиратель музыкального фольклора; после революции руководил (в разное время) рядом музыкальных учреждений, а также музыкальными отделами управлений Наркомпроса (Главнауки, Главполитпросвета, Главпрофобра) — 81
Креницын Т. Н. — сотрудник Главнауки Наркомпроса — 172
Крестова Людмила Васильевна (1892—?) — литературовед, преподаватель московских вузов — 145
Кречетович — 123
Кржижановский Сигизмунд Доминиканович (1887—1950) — писатель, театровед — 180
Кроленко Александр Александрович (1889—1970) — издательский деятель и книговед; в 1920—1921 гг. — зав. библиотечным сектором политотдела Петроградского военного округа; в конце 1921—нач. 1922 г. — зав. издательством «Academia» — 155
Крупянская Вера Юрьевна (1897—1985) — фольклорист, этнограф — 160
Ксения Александровна см. Марцишевская К. А.
Кубицкий Александр Владиславович (1880—?) — философ; в 1920-х гг. — проф. факультета общественных наук Московского университета и сотрудник Института научной философии при Московском университете; с 1921 г. — член правления университета — 45, 68
Кудрявцев В. М. — зам. председателя правления кооперативного издательства «Задруга» — 121
Кузьминский Константин Станиславович (1875—1940) — литературовед, искусствовед, книговед; в 1921 г. — зав. библиотекой Исторического музея — 14, 15, 35, 46, 69, 82, 84, 98, 100, 105, 106, 115, 121, 123, 131, 139, 144, 153
Кук — представитель Комитета помощи голодающим в Поволжье — 112
Кулаковский Сергей Юлианович (1892—?) — историк французской литературы, научный сотрудник НИИ языковедения и истории литературы при Московском университете, преподаватель университета — 136, 141, 149, 164
Кусиков Александр Борисович (псевд.; наст. фамилия Кусикян) (1896—1977) — поэт-имажинист — 25, 41
Куфтин Борис Александрович (1892—1953) — археолог, этнограф, член этнографического отдела ОЛЕАиЭ, акад. АН Груз. ССР — 94, 116

Лариков — инспектор Главнауки — 172
Ларин Ю. (наст. фамилия и имя — Лурье Михаил Зальманович (Александрович)) (1882—1932) — деятель революционного движения, экономист, литератор — 62
Лебедев А. М. — педагог, в нач. 20-х гг. — редактор журнала «Родной язык в школе» — 126

Лева, Левочка см. Соколов Л. Б.
Левина — работник Саратовского губисполкома — 27
Лезин Борис Андреевич (1880—1940) — филолог, профессор Харьковского университета — 133
Лейен Фридрих, фон дер (1873—1966) —немецкий филолог-германист, фольклорист и историк литературы — 66
Лена, Леночка см. Сергиевская Елена
Леонов Леонид Максимович (1899—1995) — писатель — 180
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт — 140, 141, 163, 164
Лерх Петр Иванович — преподаватель химии Тверского ИНО — 72
Лидин Владимир Германович (1894—1979 — писатель — 87, 141
Лиза см. Образцова Елизавета
Липеровские — владельцы библиотеки — 79
Липскеров Константин Абрамович (1889—1954) — поэт, драматург, переводчик — 86, 87
Лист Ференц (1811—1886) — венгерский композитор — 35, 61
Литкенс Евграф Александрович (1888—1922) — зам. наркома просвещения по организационно-административной части (с октября 1920 г.), по образованию юрист, во время гражданской войны — политкомиссар одной из армий в Сибири — 44
Лихачев Николай Петрович (1862—1936) — историк, акад. АН СССР (1925); организатор и руководитель музея палеографии — 116
Лозанов Владимир Николаевич (1889—?) — зав. лабораторией кафедры кожно-венерических болезней медицинского факультета Саратовского университета — 50, 53
Лозанов Николай Николаевич — саратовский врач-отоларинголог — 50, 53
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — ученый, поэт — 163, 164
Лонзингер Август Федорович (1881—?) — преподаватель немецкого языка в Саратовском университете и в Саратовском ИНО; зав. отделом соцвоспитания (Соцвоспрос) Губотнароба — 30
Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — философ; в 1922 г. выслан из РСФСР — 121
Лукин Николай Михайлович (1885—1940) — историк, акад. АН СССР (1929); в 1921 г. был избран деканом факультета общественных наук Московского университета — 67, 117
Лукьянов Владимир Вениаминович — преподаватель Пречистенского практического института — 123
Лукьяновский Борис Евгеньевич — филолог, педагог, член Общества истории литературы в Москве с 1912 г. — 18, 124, 141
Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) государственный и общественный деятель, нарком просвещения, писатель, критик — 35, 63—66; 69, 78, 82, 103, 178
Львов-Рогачевский В. (псевд.; наст. фамилия и имя — Рогачевский Василий Львович) (1874—1930) — критик и литературовед — 25, 67, 115, 119
Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — историк, акад. АН СССР (1929); ректор Московского университета в 1911—1917 гг. — 116
Любомиров Павел Григорьевич (1885—1935) — историк, проф. и зав. кафедрой русской истории Саратовского университета (1920—1930); член саратовской Архивной комиссии (с 1910 г.); председатель отдела истории общества ИСТАРХЭТ — 52, 55
Любский Сергей Михайлович — фольклорист-музыковед, преподаватель теории пения и музыки в Тверском ИНО — 161
Лямин Н. Н. — филолог, сотрудник НИИ языковедения и истории литературы при Московском университете — 151, 161, 162
Ляшко Николай Николаевич (1884—1953) — писатель — 87
Лященко Аркадий Иоакимович (1871—1931) — историк литературы и фольклора, чл.-корр. АН СССР (1928) — 135, 139

Маклакова-Нелидова (псевд. — Нелидова; урожд. Королева) Лидия Филип-

повна (1851—1936) — писательница — 162
Максаков Владимир Васильевич (1886—1964) — историк, профессор (с 1931 г.), участник революционного движения (с 1903 г.), организатор архивного дела в СССР; в 1922 г. — ученый секретарь коллегии и член редакционно-издательского отдела Центрархива — 84
Максимов Александр Николаевич (1872—1941) — этнограф; в 1919—1930 гг. — проф. Московского университета, в 1919—1935 гг. — библиограф Румянцевского музея, а затем Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина — 49, 63, 67, 74
Малеин Александр Иустинович (1869—1938) — доктор классической филологии, чл.-корр. Российской АН, проф. Московского университета и Педагогического института в Петрограде — 135, 139
Малецкий Р. — член президиума Саратовского губкома РКП(б) и Саратовского губисполкома, зам. отв. секретаря губкома — 24, 25, 28, 30
Малицкий Георгий Леонтьевич (1886—?) — зав. отделом музееведения Исторического музея; член Общества истории литературы (с 1912 г.) — 14, 20, 35, 122
Мама см. Соколова Е. П.
Мамушин — представитель губздрава, кандидат в члены Саратовского губисполкома 9-го созыва, врач-психиатр — 27, 28
Мансикка Вильо Петрович — этнограф и фольклорист, финно-угровед — 126
Мариенгоф Анатолий Борисович (1897—1962) — поэт-имажинист — 41
Марина — жена Н. П. Хвостова — 142
Мариша см. Апостоловы
Маркелов Михаил Тимофеевич (1899—?) — этнограф и фольклорист; ученик Б. М. Соколова, член саратовского общества ИСТАРХЭТ, научный сотрудник этнографического музея Саратовского края; занимался изучением саратовской мордвы, впоследствии сотрудник Центрального музея народоведения — 103
Марков Алексей Владимирович (1877—1917) — фольклорист, эпосовед — 176
Маркова Нина Владимировна — сотрудник отдела этнографии Румянцевского музея (в 1920 г.) — 176
Маркс Карл (1818—1883) — немецкий философ, экономист, политический деятель — 124
Марцишевская Ксения Александровна (1897—1988) — филолог-романист, редактор; подруга В. А. Дынник, впоследствии — жена И. Н. Розанова — 163, 183
Марья Александровна см. Строкина М. А.
Масальский Владимир Иванович (1874—1943) — юрист, родственник братьев Соколовых — 140
Мать Валентины Александровны см. Дынник В. Д.
Машковцев Николай Георгиевич (1887—1962) — историк искусства, художественный критик; чл.-корр. Академии художеств СССР, засл. деятель искусств РСФСР; в нач. 1920-х гг. — преподаватель Московского университета и хранитель Третьяковской галереи — 19
Маштаков Петр Лазаревич (1872—?) — этнограф, научный сотрудник Комиссии по изучению племенного состава страны, Академии художественных наук, библиотекарь Горного института — 125, 126
Маяковский Владимир Владимирович (1895—1930) — поэт — 25, 163, 164
Мейчик Марк Наумович (1880—1950) — пианист; в 1919—1921 гг. — первый директор Института музыкальной драмы (ныне ГИТИС) — 123
Мельгунов Сергей Петрович (1880—1956) — историк и публицист, один из руководителей партии народных социалистов; в 1913—1923 гг. — один из редакторов журнала «Голос минувшего» и руководитель издательства «Задруга»; с 1923 г. — эмигрант — 63, 69, 79
Менде П. Я. — заведующий рабоче-крестьянской инспекцией саратовского Губисполкома, председатель гу-

бернской Комиссии помощи голодающим — 27, 28
Мендельсон Николай Михайлович (1872—1934) — литературовед, фольклорист — 67, 86, 140, 161, 172
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — писатель, философ, литературовед — 86
Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт — 19
Милицына Людмила Павловна — преподаватель рабочего факультета Саратовского университета и зав. французским отделением Института иностранных языков при университете; в 1921—1922 гг. преподавала в Московском университете — 34, 38
Миллер Всеволод Федорович (1848—1913) — фольклорист, языковед, этнограф, археолог, акад. Петербургской АН (1911) — 119
Михаил Несторович см. Сперанский М. Н.
Михаил Николаевич см. Покровский М. Н.
Михайлов — издательский работник — 155
Михайловский Александр Григорьевич — журналист, с 1902 по 1918 г. — сотрудник газеты «Русские ведомости» — 38
Михайловский Алик см. Михайловский А. Г.
Мольер Жан-Батист (1622—1693) — французский комедиограф, актер, театральный деятель — 121
Мстиславские —180
Мстиславский (наст. фамилия Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943) — писатель, журналист —180
Муравьев В. Н. — переводчик, преподаватель ГИС —112
Муратов Павел Павлович (1881—1950) — писатель, искусствовед; с 1922 г. — эмигрант — 20
Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, публицист; с 1918 г. — эмигрант —121

Надя — двоюродная сестра З. С. Соколовой — 137, 142
Налимов Василий Петрович (1879—?) — этнограф, автор работ о верованиях и материальной культуре коми; с 1922 г. — проф. 2-го Московского университета; член ОЛЕАиЭ — 74
Нансен Фритьоф (1861—1930) — норвежский ученый, исследователь Арктики, почетный член Петербургской АН; один из организаторов помощи голодающим Поволжья — 112
Нарбут Владимир Иванович (1888—1938) — поэт — 32
Насимович Александр Федорович (1880—1974) — писатель, помощник зав. отделом детской литературы Госиздата — 106
Недович Дмитрий Саввич (1889—?) — искусствовед, проф. Московского университета, член Академии художественных наук — 178
Нежданова Антонина Васильевна (1873—1956) — певица нар. артистка СССР—36
Незнамов Петр Александрович (1880—?) — зав. отделом исторической географии и картографии Исторического музея в 20-е гг. — 15
Некрасов Алексей Иванович (1885—1950) — искусствовед; специалист по истории древнерусского искусства; проф. Московского университета (1918—1930), Московской консерватории (1916 или 1917—1923) и ряда периферийных вузов; зав. отделением древностей Румянцевского музея (1918—1919), один из учредителей и член Общества истории литературы; с нач. 1920-х гг. — действительный член ГАИМК, Академии художественных наук, научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН — 69, 119, 120
Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878) — поэт —19, 21, 49, 52, 69, 81, 163
Немка см. Стефанович Э. Г.
Ненарокомов Сергей Алексеевич (1890—1967) — специалист по немецкой литературе, впоследствии редактор Учпедгиза, муж И. М. Соколовой; в 20-е гг. служил в армии — 72, 110, 142, 169, 173

Ненарокомова Ирина Сергеевна — 13
Ненарокомова Лидия Осиповна (1862—1937) — мать С. А. Ненарокомова, подруга Е. П. Соколовой — 169
Нечаев Александр Петрович (1870—?) — сотрудник Психоневрологического института; специалист по педагогике и экспериментальной психологии — 167
Никитин Иван Саввич (1824—1861) — поэт — 81, 168
Никитина Евдоксия Федоровна (1893, по другим источникам — 1895—1973) — литературовед, организатор «Никитинских субботников» — 96, 136, 141, 145, 150, 180
Никитины — 149
Николай II (1868—1918) — последний российский император — 123
Николай Андреевич см. Янчук Н. А.
Николай Иванович — знакомый Б. М. и Ю. М. Соколовых — 142
Николай Кириакович см. Пиксанов Н. К.
Николай Леонтьевич см. Бродский Н. Л.
Николай Павлович см. Сидоров Н. П.
Николай Павлович см. Хвостов Н. П.
Николай Сергеевич см. Щербатов Н. С.
Николай Тимофеевич см. Зерчанинов Н. Т.
Нина, Нинка, Ниночка см. Соколова Н. Ю.
Новгородцев Павел Иванович (1886—1924) — юрист и философ, проф. Московского университета (с 1904 г.) — 108
Новиков Иван Александрович (1877—1959) — писатель — 126

Образцов Александр Федорович — священник из г. Рыбинска Ярославской губернии, муж А. П. Образцовой — 110, 114
Образцова Анна Павловна (урожд. Соколова) (1870—?) — тетя Б. М. и Ю. М. Соколовых по линии матери — 114, 134, 137, 169
Образцова Елизавета — двоюродная сестра Б. М. и Ю. М. Соколовых — 36
Озаровская Ольга Эрастовна (1874—1933) — исполнительница северных русских сказок, собирательница фольклора — 65, 99, 116, 145
Озерецковский В. С. — зав. технической частью издательства «Задруга»; выслан из РСФСР в 1922 г. — 121
Ольга Александровна см. Строкина О. А.
Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, акад. АН СССР; с 1904 по 1929 г. — непременный секретарь президиума Академии наук — 55, 127, 147, 176
Ордынский С. П. — юрист, член коллегии защитников — 153
Орешин Петр Васильевич (1887—1938) — поэт и прозаик; уроженец Саратова, с 1919 по 1924 г. живший там постоянно; в 1925 г. переехал в Москву — 126
Орешников Алексей Васильевич (1855—1933) — нумизмат, чл.-корр. АН СССР (1928); с момента открытия Исторического музея в 1883 г. до конца жизни работал в нем, заведуя нумизматическим отделом — 86, 116, 119, 121, 135, 152
Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — историк древнерусской литературы, акад. АН СССР (1931); с 1918 по 1930 г. — профессор Московского университета — 45, 46, 49, 104, 107, 119, 144, 151
Осоргин (псевд.; наст. фамилия Ильин) Михаил Андреевич (1878—1942) — писатель; с 1916 по 1922 г. — сотрудник журнала «Голос минувшего», член кооперативного товарищества «Задруга», товарищ председателя московского отделения Всероссийского союза писателей, редактор газеты «Помощь» Всероссийского комитета помощи голодающим; в 1922 г. выслан из РСФСР — 121, 126
Островский Александр Николаевич (1823—1886) — драматург — 17, 126, 147, 161, 173

Павел Никитич см. Сакулин П. Н.
Павел Сергеевич см. Рыков П. С.
Пан см. Кузьминский К. С.
Парни Эварист (1753—1814) — французский поэт — 107

Парнок София Яковлевна (1885—1933) — поэтесса, переводчица — 87

Пасхалов Вячеслав Викторович (1873—1951) — музыковед, фольклорист, засл. деятель искусств РСФСР (1950), доктор искусствоведения (1944); с 1900 г. — сотрудник нотного отдела Румянцевского музея, позднее — зав. нотным отделом Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, с 1901 г. — член музыкально-этнографической комиссии при ОЛЕАиЭ — 81

Пашенная Вера Николаевна (1887—1962) — актриса, нар. артистка СССР (1937) — 85

Переверзев Валериан Федорович (1882—1968) — литературовед, с 1921 г. — проф. Московского университета — 34, 35, 45, 84, 168, 172

Перетц Владимир Николаевич (1870—1935) — литературовед, акад. Петербургской АН (1914) и АН УССР (1919) — 108, 135

Петров Федор Николаевич (1876—1973) — государственный и партийный деятель, профессор-медик; в 1920—1922 гг. зам. председателя Совета Министор Дальневосточной Республики, член Дальбюро ЦК РКП(б); в 1923—1927 гг. нач. Главнауки — 172, 173

Петровские — 112

Петровский Михаил Александрович (1887—1940) — литературовед, переводчик, преподаватель Московского университета (с 1917 г.); с 1912 г. — зав. научно-библиографическим отделом, старший библиотекарь Исторического музея, зав. подотделом теоретической поэтики Академии художественных наук (с 1923 г.) — 19, 35, 36, 68, 72, 81, 84, 122, 123, 131, 141, 151, 178, 179

Петровский Федор Александрович (1890—1978) — филолог-классик, переводчик произведений античной и средневековой поэзии и прозы, преподаватель Московского университета — 132, 133

Петухов Евгений Вячеславович (1863—1948) — филолог, специалист по древнерусской литературе, чл.-корр. Академии наук (1916) — 124, 125, 126, 127

Петька — сосед Ю. М. Соколова по госпитальной палате — 102

Петя см. Скосырев П. Г.

Пешковский Александр Матвеевич (1878—1933) — языковед, проф. Московского университета (1921—1924) — 19, 63, 132

Пиксанов Николай Кириакович (1878—1969) — литературовед, чл.-корр. АН СССР (1931); проф. Саратовского университета (1917—1921), директор Саратовского учительского (педагогического) института (затем ИНО) (1918—1921), действительный член (с 1921 г.), а затем вице-президент (1922—1923) Академии художественных наук, в Московском университете преподавал с 1921 г. — 11, 14, 15—18, 20, 34, 40, 42, 45—48, 63, 64, 68—80, 82, 84, 85, 87, 96, 121, 122, 125, 126, 135, 136, 140, 141, 144, 145, 156, 161—163, 173, 180, 181

Пиксановы — 94, 163

Пиксафон см. Пиксанов Н. К.

Пильняк (псевд.; наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894—1941) — писатель — 171, 176

Писарев Владимир Иванович — преподаватель русской истории в Донском университете, краевед — 63

Пичета Владимир Иванович (1878—1947) — историк, акад. АН СССР (1946) и АН БССР (1928); с 1918 по 1921 г. — главный инспектор Главархива — 37

Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, акад. (1920—1931) — 37

Познанский Николай Федорович — историк древнерусской литературы — 120, 126

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — историк, партийный и государственный деятель, акад. АН СССР (1929); с 1918 г. до конца жизни — зам. наркома просвещения РСФСР; с 1918 г. руководил Акцентром, с 1922 г. — Центрархивом — 44, 50, 62, 64, 68, 70, 82, 83, 123, 163

Полторацкая В. А. — владелица высших женских курсов — 71, 81
Полуносов-Ярусов — член Общества истории литературы в Москве — 16
Поляков Александр Сергеевич (1882—1923) — библиограф, историк русской литературы и русского театра — 107
Попов Николай Петрович (1864—?) — филолог, зав. отделением греко-славянских рукописей Исторического музея — 151
Преображенский Петр Федорович (1894—1941) — историк, автор работ по истории Древней Греции и Рима, этнографии, истории международных отношений; с 1921 по 1937 г. — проф. Московского университета — 15, 34
Прислуга см. Вера
Продром Феодор (ок. 1100—ок. 1170) — византийский поэт и прозаик XII в. — 151
Протасов Николай Дмитриевич — зав. отделом византийских памятников Исторического музея — 36, 116
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт — 49, 52, 79, 81, 85—87, 96, 106, 107, 113, 123, 134, 135, 139—141, 146, 147, 150, 155, 163, 164, 173
Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — брат А. С. Пушкина — 104
Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — литературовед, этнограф, фольклорист, акад. Петербургской АН (1898) — 14
Пяст (псевд.; наст. фамилия Омельянович-Павленко-Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт символистского круга, переводчик — 132

Раевская М. Н. см. Волконская М. Н.
Райский Назарий Григорьевич (1876—1958) — певец, педагог, засл. деятель искусств РСФСР (1944), доктор искусствоведения (1941); в 1919—1929 гг. преподавал в Московской консерватории — 36
Ракитников — сотрудник рабоче-крестьянской инспекции Саратовского губисполкома — 24, 30
Распутин (псевд.; наст. фамилия Новых) Григорий Ефремович (1872—1916) — фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны — 123
Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец — 19
Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943) — композитор — 35, 61
Реформатский Сергей Николаевич (1860—1934) — химик-органик; с 1920 г. — проф. Киевского ИНО — 123
Ржига Вячеслав Федорович (1883—1960) — литературовед, исследователь древнерусской литературы; проф. ряда вузов; в Московском университете преподавал с 1914 г. — 15, 16, 18, 58, 87, 120
Родриг — сын Э. Г. Стефанович — 88
Розанов Иван Никанорович (1874—1959) — литературовед, книговед; с 1918 г. — проф. Московского университета; с 1919 г. — зав. отделом истории книги Исторического музея; владелец уникальной библиотеки русской поэзии; брат М. Н. Розанова — 63, 68, 72, 84, 106, 109, 135, 141, 163, 164, 173, 179, 180
Розанов Матвей Никанорович (1858—1936) — литературовед, акад. Российской АН (1921); в 1911—1929 гг. — проф. Московского университета; брат И. Н. Розанова — 45, 123, 151
Романов Николай см. Николай II
Романовский Н. П. — зав. технически-хозяйственным отделом Исторического музея — 164
Ромм А. М. — ректор Высших гос. мастерских театрального искусства в Саратове — 30
Рудольф Леопольд Морицевич (1877—?) — проф. класса теории Саратовской консерватории — 30
Рудомино Маргарита Ивановна (1900—1990) — основатель и первый директор (1921—1973) Библиотеки иностранной литературы (ныне Всероссийская гос. библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино) — 40, 43, 63, 67, 72
Русов Николай Николаевич (1884—?) — писатель, литературовед, критик — 141

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, философ — 109
Рыбников Николай Александрович (1880—1961) — психолог, педагог проф., чл.-корр. Академии педагогических наук — 167
Рыбникова Мария Александровна (1885—1942) — фольклорист, педагог-филолог, преподаватель ГИС (с 1923 г.) — 16
Рыков Павел Сергеевич (1884—1942) — проф. археологии Саратовского университета (1920—1937); директор Саратовского научно-исследовательского археологического института (с 1922 г.), член общества ИСТАРХЭТ — 31, 104, 117, 126, 146—149, 155
Рыковы — 94

Сабашниковы Михаил Васильевич (1871—1943) и Сергей Васильевич (1873—1909) — братья, книгоиздатели — 176
Саводник Владимир Федорович (1874—1940) — историк литературы — 47, 135, 169
Сакетти — профессор-филолог — 155
Сакулин Павел Никитич (1868—1930) — литературовед, акад. АН СССР (1930), проф. Московского университета; с 1921 г. возглавлял ОЛРС — 15—19, 34, 35, 45, 46, 64—67, 69, 71, 73, 80, 82—85, 87, 94, 108, 117, 123, 125, 126, 131, 134—136, 140, 141, 162, 173, 178
Салаевы Иван Григорьевич (?—1858) и Афанасий Григорьевич (?—1854) — братья, книгоиздатели и книгопродавцы — 152, 172
Свешников Петр Петрович — зав. славянским отделом этнографической коллекции Румянцевского музея; научный сотрудник Московского университета, впоследствии сотрудник Центрального музея народоведения — 116
Святский Д. О. — фенолог, краевед, ученый секретарь ЦБК, член Русского общества любителей мироведения в Петрограде — 160
Северский — 167
Седельников Александр Дионисиевич (1888—1934) — историк древнерусской литературы, преподаватель Московского университета; старший научный сотрудник отдела рукописей Исторического музея; с 1920 г. — помощник зав. отделом греко-славянских рукописей Исторического музея — 15, 16
Серафим, Серафим Владимирович см. Юшков С. В.
Сергеев Александр Александрович (1886—?) — историк, зав. отделом Центрархива, член редколлегии журналов «Архивное дело» и «Красный архив» — 123, 124
Сергеев Алексей Алексеевич (1889—?) — преподаватель музыки в Саратовском университете и в Саратовском ИНО, зав. учебной частью Высших государственных мастерских театрального искусства в Саратове — 31
Сергеева Надежда Сергеевна — учительница московской школы, бывшей гимназии М. Г. Брюхоненко — 18
Сергеенко Мария Ефимовна (1892—1987) — преподавательница латинского языка в Институте иностранных языков в Саратове; преподавательница Саратовского университета, член философско-исторического общества при университете, позднее преподавала в Ленинградском университете —162
Сергей Николаевич см. Чернов С. Н.
Сергиевская Елена — 66, 73, 74
Сергиевская Нина — 66
Сергиевские — 68, 72—75, 158
Сергиевский Максим Владимирович (1892—1946) — филолог-романист, проф. (1924), засл. деятель науки РСФСР (1945); в нач. 1920-х гг. — преподаватель Московского университета и зав. отделом всеобщей литературы библиотеки Румянцевского музея — 35, 36, 45, 68
Сергиевский Юрий Владимирович (1886—?) — историк; ученый секретарь и член административно-хозяйственной коллегии Исторического музея (с 1921 г.), преподаватель Московского университета — 14, 20, 35, 64, 68, 72,

82, 100, 105, 106, 120, 121, 131, 134, 141, 152, 158, 164, 178
Сережа см. Ненарокомов С. А.
Сестра А. В. Маркова см. Маркова Н. В.
Сибор (наст. фамилия Лифшиц) Борис Осипович (1880—1961) — скрипач, педагог, засл. артист РСФСР (1925); в 1921—1951 гг. преподавал в Московской консерватории — 36
Сидоров Николай Павлович — литературовед, фольклорист, проф. Московского университета (с 1922 г.), преподаватель 2-го МГУ; член Общества истории литературы в Москве (с 1911 г.) — 19, 101, 102, 109, 117, 120, 124, 126, 134, 135, 140—142, 152, 156, 161, 171, 172, 173
Сидорова Елизавета Феофановна — жена Н. П. Сидорова — 126
Сиповский Василий Васильевич (1872—1930) — фольклорист, историк литературы; с 1921 г. — чл.-корр. Российской АН; с 1922 г. — проф. Петроградского университета — 124, 125, 159, 169
Скалдин Алексей Дмитриевич (1885—1943) — писатель, театральный критик, искусствовед, в нач. 20-х гг. — преподаватель музейно-театрального дела в Саратовском ИНО, управляющий зрелищными предприятиями Саргубполитпросвета, директор Художественного музея им. А. Н. Радищева — 26, 29, 30, 78, 126
Скафтымов Александр Павлович (1890—1968) — литературовед; засл. деятель науки РСФСР (1947); с 1921 г. — преподаватель, с 1923 г. — проф. кафедры русской литературы Саратовского университета, с 1924 г. — зав. кафедрой — 157, 160, 165, 173
Скосырев Петр Георгиевич (1900—1960) — поэт, переводчик, муж Т. М. Соколовой — 99, 121, 134, 137, 142, 144, 147, 153, 160, 164, 166, 173, 179
Скосырева (урожд. Соколова) Татьяна Матвеевна — жена П. Г. Скосырева, сестра Б. М. и Ю. М. Соколовых — 36, 69, 71, 72, 88, 96, 99, 100, 110, 113, 117, 118, 121, 134, 137, 142, 144, 147, 153, 160, 164, 166, 173
Скрябин Александр Николаевич (1871/1872—1915) — композитор и пианист — 132
Смирнов-Кутаческий Алексей Матвеевич (1876—1958) — фольклорист, историк литературы — 29, 50, 53, 65, 121, 125—127, 134, 139, 156, 161, 172
Смирнов Яков Иванович (1869—1918) — историк искусства, археолог, акад. Российской АН (1917) — 118
Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — певец, нар. артист Республики (1923) — 63, 85
Соболев Леонид Николаевич — переводчик — 180
Соболевский Алексей Иванович (1856/1857—1929) — филолог, акад. Российской АН (1900); автор исследований по истории русского языка, диалектологии, топонимике, этнографии; составитель сборника «Великорусские народные песни» (СПб., 1895—1902. Т. 1—7) — 15, 108, 116
Соколов В. В. — археограф — 37
Соколов Василий Матвеевич (1884—1935) — старший брат Б. М. и Ю. М. Соколовых, бухгалтер — 36, 72, 73, 99, 101, 103, 137, 144, 153, 164, 166, 169, 173
Соколов И. — поэт-имажинист — 25, 33
Соколов Игорь Юрьевич (1912—1990) — сын Ю. М. Соколова, впоследствии химик, канд. наук — 25, 43, 48, 53, 56, 59—64, 66, 69, 71, 74, 88, 105, 117, 121, 142, 145—147, 153, 155, 158, 164, 169, 170
Соколов Лев Борисович (1915—1973) — сын Б. М. Соколова, впоследствии балетмейстер — 18, 31, 38, 41, 46, 50, 56, 60, 61, 69, 71—73, 88, 89, 110, 113, 117, 120—122, 134, 137, 142, 145, 153, 160, 164, 166, 173
Соколов Матвей Иванович — отец Б. М. и Ю. М. Соколовых, проф. Московского университета — 10
Соколов Павел Павлович — дядя Б. М. и Ю. М. Соколовых, брат Е. П. Соколовой — 169, 173
Соколова Александра Николаевна (1889—1963) — жена В. М. Соколо-

ва, сотрудник Библиотеки АН СССР — 99
Соколова Вера Юльевна (урожд. Якобсон) (1895—1956), жена Б. М. Соколова — 13, 18, 38, 41, 46, 50, 56, 60, 65, 69, 71, 72, 89, 94, 104, 106, 110, 113, 115, 117, 118, 121, 122, 134, 137, 142, 145, 147, 153, 160, 164, 166, 167, 173, 183
Соколова Елизавета Павловна (урожд. Соколова) (1862—1939) — мать Б. М. и Ю. М. Соколовых; дочь священника Спасо-Преображенского собора в г. Рыбинске Ярославской губернии — 11, 36, 46, 63, 64, 68, 69, 71, 72, 88, 99, 100, 110, 114, 115, 117, 118, 127, 134, 142, 145, 147, 153, 155, 164, 169, 173, 181
Соколова Зоя Семеновна (урожд. Ковганкина) (1891—1961) — историк, сотрудник Исторического музея, первая жена Ю. М. Соколова — 14, 18, 20, 43, 48, 59—61, 63, 64, 66—73, 88, 99, 105—107, 114, 117, 119, 120, 136, 142, 145—149, 153, 155, 158, 164, 167, 170
Соколова Ирина Ивановна — двоюродная сестра Б. М. и Ю. М. Соколовых по линии отца, сотрудник Института растениеводства в Петрограде — 120
Соколова Ирина Матвеевна (1896—1960) — научный сотрудник отдела музееведения Исторического музея, специалист по керамике; сестра Б. М. и Ю. М. Соколовых — 25, 36, 69, 99, 100, 101, 110, 114, 134, 137, 142, 153, 164, 166, 172, 173
Соколова Наталия Матвеевна (1886—1959) — сестра Б. М. и Ю. М. Соколовых, жила с мужем в Калуге — 66, 117, 164, 167
Соколова Нина Юрьевна (1916—1995) — дочь Ю. М. Соколова, впоследствии доктор биологических наук — 13, 25, 43, 48, 53, 56, 59—61, 63, 69, 71—74, 89, 105—107, 117, 120—122, 142, 146, 147, 153, 155, 158, 164, 166, 169, 170, 172
Соколова Татьяна Матвеевна см. Скосырева Т. М.
Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист — 104
Соловьев Иван Михайлович (1878—?) — педагог, научный сотрудник Центрального гуманитарно-педагогического института в Москве — 124
Соловьева Евгения Егоровна (1869—1945) — педагог-методист, автор учебников по развитию речи, букварей и школьных хрестоматий — 16, 17, 65
Спасокукоцкий Сергей Иванович (1870—1943) — профессор медицинского факультета Саратовского университета, хирург, акад. АН СССР (1942) — 29
Сперандус см. Сперанский М. Н.
Сперанский Михаил Несторович (1863—1938) — историк русской литературы, славист, византолог, этнограф, фольклорист; акад. Российской АН (1921); с 1907 по 1923 г. — проф. Московского университета; с 1921 по 1929 г. — зав. отделом рукописей Исторического музея — 15—19, 45, 67, 69, 82, 87, 94, 96, 119, 122, 125, 139, 157, 172
Станиславский (псевд.; наст. фамилия Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938) — режиссер, актер, педагог, теоретик театра, основатель Московского художественного театра — 85, 123
Степанов Павел Дмитриевич (1898—?) — проф. археологии Саратовского университета; с 1920 г. — член общества ИСТАРХЭТ, с 1921 г. — научный сотрудник этнографического музея — 30
Степун Федор Августович (1884—1965) — философ, историк и социолог культуры, литератор; в 1922 г. выслан из РСФСР — 71, 121, 122
Стефанович Элла Генриховна — учительница, воспитательница детей Ю. М. Соколова в 1921—1922 гг. — 43, 59—61, 63, 64, 67, 68, 70, 88—90, 105, 120
Столяров М. П. — философ — 151
Строкин Валериан Александрович (1870—1963) — домашний врач и близкий друг семьи Соколовых, главный врач

больницы Красного Креста на Собачьей площадке в Москве — 40, 42, 46, 52, 61, 69, 71, 72, 145
Строкина Ольга Александровна — сестра В. А. Строкина — 67, 71
Строкина Марья Александровна — сестра В. А. Строкина — 71
Строкина Тамара — племянница В. А. Строкина — 72
Строкина Татьяна — 67, 71, 72
Строкины — 46, 71, 72
Сук Вячеслав Иванович (1861—1933) — дирижер, народный артист Республики (1925) — 35
Сухотин Павел Сергеевич (1884—?) — литературовед, поэт, переводчик, член коллегии Исторического музея — 82, 105, 142, 152, 164

Таланов Н. Т. — в нач. 20-х гг. — нештатный преподаватель Московского университета — 45
Талли — 31
Тан-Богораз Владимир Германович (1865—1936) — этнограф, писатель; с 1921 г. — проф. ряда ленинградских вузов — 172
Таня см. Строкина Т.
Таня, Татьяна см. Скосырева Т. М.
Тарабрин Иван Мемнонович (1876—?) — ученый секретарь (до 1920 г.), затем зав. отделом архива Исторического музея — 84
Тарасенко — сотрудник Исторического музея — 135
Тартман Владимир Александрович — издательский работник — 172
Татьяна Александровна см. Дынник Т. А.
Татя см. Соколова Н. М.
Тейльман Евгения Георгиевна — ученица Б. М. Соколова, член Общества ИСТАРХЭТ; учительница — 26, 50
Тележников Ф. — зав. Саратовским губполитпросветом — 27, 29
Тетя Аня см. Образцова А. П.
Тетя Лида см. Ненарокомова Л. О.
Тимме Адольф (Thimme Adolf) (1857—?) — немецкий филолог — 66
Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) — литературовед, археограф, акад. Петербургской АН (1890); проф. Московского университета (с 1859 г.) — 126
Толстой Алексей Николаевич (1882/1883—1945) — писатель, общественный деятель — 162
Толстой Иван Иванович (1880—1954) — филолог-классик, проф. Петроградского университета и Педагогического института, сотрудник РАИМК — 118
Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — писатель — 108, 109, 124, 137, 177
Томашевский Борис Викторович (1890—1957) — литературовед, текстолог — 106, 107
Тохтамыш (?—1406) — золотоордынский князь, захвативший и разграбивший Москву в 1382 г. — 88
Трапезников Трифон Григорьевич (1882—?) — работник Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, зав. отделом изящных искусств Румянцевского музея (1918—1924) — 20
Троцкая (Седова) Наталья Ивановна (1882—1962) — жена Л. Д. Троцкого (Бронштейна); с 1918 г. возглавляла музейную работу в Наркомпросе, с 1920 г. — председатель Комитета помощи раненым и больным красноармейцам (Всерокомпом); с 1929 г. — в эмиграции — 19, 20, 27, 35, 178
Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) — языковед, литературовед, преподаватель Московского университета, с 1922 г. — проф. Венского университета; сын С. Н. Трубецкого — 112
Трубецкой Петр Николаевич, кн. (1858—1911) — предводитель дворянства Московской губернии, член Государственного совета — 104
Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905) — религиозный философ, публицист и общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета — 104
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель — 73, 84, 85, 122, 124, 145
Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт — 161, 179

Ульянинский Николай Юрьевич (1872—?) — библиограф, библиофил; в 20-е гг. — зав. справочно-библиографическим отделением в отделе общего функционирования Исторического музея — 71, 84
Урсинович — знакомый И. М. Соколовой — 110
Ускоков — 96
Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942) — языковед, специалист по русскому языку, чл.-корр. АН СССР (1939); преподавал в Московском университете с 1907 г. — 15—19, 38, 40, 45, 46, 49, 52, 61, 69, 72—74, 96, 123, 134, 141, 144, 156, 158, 171, 176, 178
Ушакова Александра Николаевна — жена Д. Н. Ушакова — 141
Ушаковы — 72, 141

Фатов Николай Николаевич (1887—1961) — литературовед, проф. (с 1928 г.); в Московском университете преподавал с 1918 г. — 15, 16, 94, 140, 163, 179, 180
Федор, Федя, Фединька см. Петровский Ф. А.
Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — проф. Саратовского университета (1920—1922), специалист по истории западноевропейского средневековья; член общества ИСТАРХЭТ; с 1925 г. — эмигрант — 26
Фельдштейн Михаил Соломонович (1885—?) — историк права и политических учений, проф. Московского университета, Института народного хозяйства в Москве; в 1922 г. выслан из РСФСР — 121
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт — 86
Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — народница, писательница — 49
Филиппов Алексей Васильевич (1882—?) — проф. ВХУТЕМАС, член Академии художественных наук, специалист по керамике — 123
Флеровский — сотрудник Саратовского губотнароба — 30
Флеровы — 124
Фомин Александр Александрович (1868—1929) — основатель и первый директор Гос. центральной театральной библиотеки (в 1921 г. — Библиотека Малого театра), проф. Московского университета и других вузов; автор работ по истории литературы XIX в. — 19
Фортунатова Любовь Ивановна — соседка Ю. М. Соколова по квартире, жена учителя б. гимназии М. Г. Брюхоненко — 18
Франк Семен Людвигович (1877—1950) — религиозный философ; в 1922 г. выслан из РСФСР — 121
Фрейд Зигмунд (1856—1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа — 140
Френкель Н. М. — филолог, книгоиздатель — 136, 148, 168, 171, 172
Фриче Владимир Максимович (1870—1929) — литературовед, искусствовед, акад. АН СССР (1929); руководил Институтом языка и литературы при РАНИОН (с 1922 г.), литературными отделами Института красной профессуры и Коммунистической академии — 34, 35, 80, 82, 84, 162, 163
Фролов М. А. — зав. Саратовским губернским отделом социального обеспечения — 24, 30
Фрэзер Джеймс Джордж (1854—1941) — английский этнограф и религиовед, проф. Кембриджского университета (с 1921 г.) — 119

Харузина Вера Николаевна (1866—1931) — этнограф, первая женщина-проф. этнографии в России; в 1907—1923 гг. читала курс этнографии на Высших женских курсах, в Археологическом институте, в Московском университете — 74
Харциев Василий Иванович (1865—1937) — педагог, автор многих исследований по теории поэтического творчества, методике преподавания русского и украинского языков — 137
Хаскель — 32
Хвостов Николай Павлович — сосед Е. П. Соколовой по дому № 17 на Якиманке — 99, 101, 137, 142, 169

Хвостов Николай Павлович — сосед Е. П. Соколовой по дому № 17 на Якиманке — 99, 101, 137, 142, 169
Херсонская Екатерина Павловна (1876—1948) — педагог, лектор, редактор, театральный деятель, библиотековед; с 1920 по 1925 г. — преподавательница Московского университета; с 1921 г. — член Академии художественных наук — 45
Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт — 86
Хруцкой Иван Николаевич — муж О. А. Строкиной — 71

Цветаева Марина Ивановна (1892—1941) — поэт — 87
Цветкова Н. П. — знакомая братьев Соколовых — 124
Цинговатов Алексей Яковлевич (1892—?) — преподаватель Академии социального воспитания и Московского университета; специалист по новой и новейшей литературе, методике преподавания литературы, член Академии художественных наук — 163
Цявловский Мстислав Александрович (1888—1947) — историк литературы, пушкинист — 79, 86, 87, 107, 121, 123, 135, 150

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — композитор — 35
Чаплыгин Сергей Александрович (1869—1942) — один из основоположников аэродинамики, акад. АН СССР (1929) — 132, 133
Чаплыгины — 132, 133
Челпанов Георгий Иванович (1862—1936) — философ, психолог, проф. Московского университета, основатель и директор Московского психологического института — 142, 167, 175
Черемухина-Васюк Наталия Михайловна — сотрудник отдела изящных искусств Румянцевского музея (с 1918 по 1924 г.) — 36
Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик; министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания — 24, 30
Чернов Сергей Николаевич (1887—1942) — проф. русской истории, краевед; в 1917—1927 гг. работал в Саратовском университете; председатель общества ИСТАРХЭТ — 26, 31, 48, 52, 53, 55, 73, 74, 78, 79, 105, 134, 141, 155
Черновы — 117, 173
Чернышевский Михаил Николаевич (1858—1924) — литератор, библиограф; младший сын Н. Г. Чернышевского; первый директор дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове; собиратель, издатель литературного наследия отца; член общества ИСТАРХЭТ — 20
Чефранов С. В. — зам. зав. редакционного сектора и член правления Госиздата — 106
Чехов Антон Павлович (1860—1904) — писатель — 145
Чешихин см. Чешихин-Ветринский В. Е.
Чешихин-Ветринский (наст. фамилия Чешихин) Василий Евграфович (1867—1923) — историк русской литературы, переводчик, критик, публицист — 82, 84, 85, 94
Чуевский Иван Афанасьевич (1858—1926) — ординарный проф. (с 1909 г.), позднее декан медицинского факультета Саратовского университета, член общества ИСТАРХЭТ — 29, 30
Чуковский Корней Иванович (наст. фамилия и имя — Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969) — писатель, литературовед, переводчик — 49, 151
Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель и критик — 151

Шалыгин — сотрудник Государственного ученого совета — 169
Шамбинаго Сергей Константинович (1871—1948) — литературовед, фольклорист; с 1900 г. — приват-доцент, с 1914 г. — проф. Московского университета — 15, 17, 18, 58, 72, 87, 119, 125, 132, 135, 151, 172
Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — языковед, историк

древнерусской литературы, исследователь русского летописания, текстолог; акад. Российской АН (1894) — 16, 56, 102, 105, 112, 139, 147, 155
Шахматовы — 105, 110
Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — критик, историк литературы, поэт; акад. Петербургской АН (1847) — 87, 161, 172
Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург, поэт — 162, 163
Шемшурин Николай Федорович — этнограф, фольклорист — 94
Шенгели Григорий Аркадьевич (1894—1956) — поэт, переводчик, журналист, исследователь стиха, преподаватель литературы — 161, 162, 179
Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893—1942) — поэт-имажинист, переводчик — 41
Широкой — сказитель — 96
Шишов В. И. — студент Московского университета — 150
Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, литературовед, критик — 49, 108, 109
Шнейдер Александр Карлович — сотрудник ГИС, популярный чтец и лектор — 65
Шопен Фридерик Францишек (1810—1849) — польский композитор — 61
Шор Розалия Осиповна (1894—1939) — языковед и историк литературы, ученый секретарь фольклорной подсекции Академии художественных наук — 73, 141, 179
Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ — 71
Шпет Густав Густавович (1879—1940) — философ; в 1907—1923 гг. — преподаватель Московского университета (с 1918 г. — проф.); в 1923—1929 гг. — вице-президент Академии художественных наук — 70, 163, 179
Шпис Карл фон (Spiess Karl von) (1880—?) — немецкий исследователь народной культуры; основные работы — по фольклору, этнографии, народному искусству немцев — 65, 72
Штоленберг — 31
Шувалов Сергей Васильевич (1879—?) — филолог, проф. Московского и Нижегородского университетов, секретарь ОЛРС, член Академии художественных наук — 15, 16, 87, 94, 107, 156, 163
Шура см. Соколова А. Н.
Шура (рыбинская) см. Образцова А. П.

Щекотов Николай Михайлович (1884—1945) — художественный критик, музейный работник, редактор, художник; с 1921 по 1925 г. — директор Исторического музея — 14, 20, 35, 46, 69, 82—85, 106, 115, 121, 158, 164, 183
Щелкунов Михаил Ильич (1884—1938) — издательский работник, журналист, историк книги, библиофил; один из основателей Российской центральной книжной палаты в Москве, а также музеев книги при Книжной палате и при Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина (1924) — 19, 36
Щербатов Николай Сергеевич (1853—?) — научный сотрудник отделения домашнего обихода и член коллегии Исторического музея — 105, 114, 121

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед — 102, 108, 109, 124
Элла Генриховна см. Стефанович Э. Г.
Энслен Яков Яковлевич — преподаватель Горной академии, инженер-металлург на кафедре технологии металлов — 104
Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, журналист — 147, 171
Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — искусствовед, литературовед, переводчик; научный сотрудник музейного отдела Наркомпроса (с 1918 г.) и Академии художественных наук (с 1921 г.) — 20, 122

Южин (псевд. Сумбатов) Александр Иванович (1857—1927) — актер Малого театра, драматург, театральный

деятель; нар. артист Республики (1922) — 36, 85
Юрий Васильевич — муж двоюродной сестры З. С. Соколовой (Нади) — 142
Юшков Серафим Владимирович (1888—1952) — историк права, чл.-корр. УССР (1939), акад. АН КазССР (1946); с 1918 по 1926 г. — проф. Саратовского университета, с 1922 г. — ректор ИНО в Саратове; с 1921 г. — член горсовета в Саратове, член обществ ИСТАРХЭТ и философско-исторического — 29, 30, 53, 63—65, 72, 73, 79, 139, 157, 158, 160
Юшковы — 29, 117, 118, 173

Якобсен — 160
Яковлев — (Трифонов-Яковлев) Александр Степанович (1886—1953) — писатель — 145
Яковлев — журналист (?) — 176
Яковлева В. Н. (1884—1941) — секретарь МК РКП (б) (с 1920 г.); секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) (с 1921 г.); зам. наркома просвещения РСФСР (с 1922 г.) — 178
Яницкие — 163
Яницкий Николай Федорович — зав. Российской центральной книжной палатой, проф. Московского института журналистики — 123
Янчук Николай Андреевич (1859—1921) — этнограф, редактор журнала «Этнографическое обозрение», член ОЛЕАиЭ, автор ряда работ по фольклору и истории литературы восточных славян, по отдельным вопросам антропологии, археологии и истории — 19, 49, 67, 81
Ярков Петр Глебович (1875—1945) — поэт, исполнитель-импровизатор, знаток и собиратель русских народных песен, руководитель крестьянского хора (с 1919 г.) — 159, 171
Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) — великий князь киевский — 118, 119
Ярхо Борис Исаакович (1889—1942) — литературовед, специалист по средневековой литературе и фольклору, переводчик; преподаватель Московского университета (до 1921 г.), член Академии художественных наук — 141, 151, 179
Яхонтов Александр Александрович — преподаватель курсов родиноведения при ЦБК, зав. подотделом образования подростков и внешкольной работы Главсоцвоса — 152

УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ,[1] СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ

Академии и специальные академические подразделения (центры)

Академия истории материальной культуры см. Российская Академия истории материальной культуры

Академия художественной культуры см. Российская Академия художественных наук

Академия художественных наук см. Российская Академия художественных наук

Вольная академия духовной культуры — 121

Вольная философская академия см. Вольная философская ассоциация

Горная академия — 104, 124

Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) — 37, 50

Российская Академия наук (Петроград) — 20, 37, 56, 139

Постоянная историческая комиссия (Петроград) — 37

Российская Академия художественных наук (РАХН; иначе: Государственная Академия художественных наук — ГАХН) — 69, 87, 88, 122, 140, 150, 151, 161, 162, 163, 171, 172, 179

Социалистическая академия — 72

Учреждения просвещения и образования

Университеты

Донской университет (Ростов-на-Дону) — 62, 63

Казанский университет — 104

Киевский университет — 167

1-й Московский государственный университет (Московский университет) — 15—18, 34, 35, 42, 44, 45, 49, 53, 56, 63, 68, 71—74, 78, 80, 81, 95, 99, 104, 109, 117, 120, 124, 125, 132, 135, 136, 139, 140, 152, 158, 159, 161, 170, 171, 173, 177, 178

Рабочий факультет (Подготовительные курсы) — 17, 81

Филологический факультет — 81

Факультет общественных наук (ФОН) — 109, 152

Литературно-художественное (художественно-литературное) отделение — 18, 34, 45, 80, 120, 132, 139, 152, 159

Этнолого-лингвистическое отделение — 18, 34, 45, 68, 71, 74, 80, 116, 120, 132, 135, 139, 152, 159

Кафедра русской этнографии ФОН (Кафедра этнографии эт-

[1] Вслед за официальным наименованием учреждения, общества, съезда в скобках указан расхожий устный вариант названия, встречающийся в переписке Соколовых.

нолого-лингвистического отделения) — 49, 53, 67, 68, 99, 116
Кафедра угро-финской этнографии ФОН (Этнолого-лингвистическое отделение) — 74
Научно-исследовательский институт языковедения и истории литературы при ФОН (Этнолого-лингвистический исследовательский институт; Исследовательский институт) — 15, 16, 18, 34, 45, 51
Юридический факультет — 81
2-й Московский государственный университет — 124, 126, 163, 180
Нижегородский университет — 104
Петроградский университет — 20, 178
Саратовский университет — 18, 20, 26, 27, 29, 31, 40, 41, 56, 74, 94, 95, 102, 117, 125, 126, 155
Педагогический факультет — 103
Этнолого-лингвистическое отделение (секция) педагогического (общественных наук) факультета — 20, 103

Институты

Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова (Литературно-художественный институт Брюсова; Литературный техникум) — 64, 152, 158, 170, 177, 178
Географический институт (Петроград) — 37
Этнографический факультет — 37
Государственный институт слова (Институт слова, ГИС, ИС) — 17, 34, 44, 61, 64, 68, 69, 80, 112, 120, 124, 132, 135, 159, 170, 177
Институт истории искусств (Петроград) — 37
Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (Институт Карла Маркса) — 124
Институт народного образования Московского городского университета им. А. Л. Шанявского (Учительский институт) — 124
Институт охраны труда (Институт труда) — 167
Институт психологии (Психологический институт) — 167
Педологический институт — 167
Петровский горный институт — 125
Петроградский археологический институт (Археологический институт) — 37
Пречистенский практический институт (Пречистенский педагогический практикум; Педагогический практикум; Пречистенский рабочий факультет; Пречистенские курсы) — 44, 60, 61, 68, 80, 117, 120, 123—125, 131, 135, 137, 170, 178
Психоневрологический институт — 167
Саратовский институт народного образования (Саратовский ИНО) — 31, 40, 79, 94, 95
Тверской педагогический институт (Тверской ИНО) — 44, 61, 63, 120, 132, 159, 161, 170, 171, 176, 177
Центральный гуманитарно-педагогический институт (Гуманитарно-педагогический институт) — 16, 44, 68, 120, 141, 152

Другие учебные заведения

Высшие женские курсы В. А. Полторацкой (Курсы Полторацкой) — 71, 81
Курсы по подготовке библиотекарей для академических библиотек (Курсы по подготовке академических библиотекарей) — 69
Опытно-показательная школа МОНО № 6 (Гимназия) — 34, 44, 61, 64, 66, 68, 80
Саратовские художественные мастерские — 40

Органы власти

Наркоматы и органы государственного, партийного, профсоюзного руководства культурой, наукой

Академический центр (Акцентр) — 18, 20, 37, 42, 44, 61—63, 68—70, 80, 99, 103, 106, 116

Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Центральный архив РСФСР (Центрархив, Главархив) — 37, 82—85, 122
Научно-теоретический отдел Главархива — 37
Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями (Главнаука) — 70, 95, 99, 110, 172
Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) — 37, 78, 95, 159, 178
Московский губернский совет профсоюзов (МГСПС) — 178
Главный комитет кустарной промышленности (Главкустпром) — 56
Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы (Главмузей) — 14, 19, 20, 27, 35, 37, 49, 95, 126, 139, 176, 183
Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) — 17, 123, 173
Губернский комитет помощи голодающим (Саратов) (Губкомпом; Губпомгол) — 24, 25, 28—30, 40, 71
Лекционная комиссия — 27, 29, 30, 40
Губернский плановый комитет экономического совещания — 40
Плановая комиссия по борьбе с голодом — 28—30, 40, 55
Объединенные студенческие комиссии помощи голодающим — 112
Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) — 95
Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос) — 44, 62, 78, 83, 109, 116
Государственный ученый совет (ГУС) — 169, 178
Педагогическая секция — 169
Отдел научных библиотек — 17, 36, 62, 64, 109
Народный комиссариат финансов РСФСР (Наркомфин) — 95
Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин; РКИ) — 31, 106
Саратовский Губком РКП(б) — 24, 25, 27, 28
Саратовский исполком — 24—28
Саратовское губернское земельное управление. Отдел землеустройства (Губернский земельный отдел) — 56
Саратовский губздрав — 27
Совнарком — 62
Центральное (Главное) бюро краеведения (Бюро краеведения; Краеведческое бюро; Постоянное бюро ЦКБ) — 48, 61, 120, 140, 152, 162, 172, 176

Отделы органов власти

Губернский литературный отдел (Гублито) (Саратов) — 41
Губполитпросвет (Саратов) — 27
Театральный отдел (Тео) — 26, 30
Московский отдел народного образования (МОНО) — 44, 65, 68, 120, 123
Московский губернский школьный совет — 123
Московский губернский отдел работников просвещения (Работпроса) — 124
Саратовский губернский отдел народного образования (Губотнароб) — 18, 20, 30

Комиссии

Диалектологическая комиссия — 108, 141
Комиссия ВЦИК по пересмотру учреждений РСФСР (Ларинская комиссия) — 62
Комиссия по выработке Положения об археолого-этнологических обществах, комиссиях и институтах — 37
Комиссия по народной словесности см. Общество *любителей естествознания*, антропологии и этнографии при Московском университете
Комиссия по научному описанию и изданию материалов о Ф. М. Достоевском (Комиссия по изданию рукописей Достоевского) — 84

Комиссия по организации выставки памяти Ф. М. Достоевского (Комитет по устройству выставки в память Достоевского) — 17, 84
Комиссия по реорганизации Российского исторического музея (Комиссия по реформе) — 14, 115
Комиссия по устройству лекций в пользу голодающих — 27
Музыкально-этнографическая комиссия (Саратов) — 31
Подкомиссия преподавателей русского языка — 152
Постоянная комиссия преподавателей русского языка (Постоянная комиссия преподавателей-словесников) — 64, 144, 150
Центральная комиссия преподавателей-словесников — 141
Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме РСФСР (ЦеКУБУ; Комиссия по улучшению быта ученых; КУБУ) — 94, 95, 104, 105, 113, 122, 125
Центральная междуведомственная библиотечная комиссия — 17

Съезды

Второй Всероссийский съезд работников губернских отделов народного образования (Съезд представителей губотнаробов). Москва. Февраль 1922 г. — 78
Первый Всероссийский библиотечный съезд. Москва. 1—7 июля 1924 г. — 124
Первый губернский библиотечный съезд. Москва. 28—31 октября 1922 г. — 124
Съезд преподавателей русского языка и литературы. Петроград. 5—12 сентября 1921 г. (Учительский съезд в Петрограде; Петроградский съезд словесников) — 16, 19, 61

Конференции

Первая Всероссийская конференция научных обществ и учреждений по изучению местного края (Съезд по краеведению; Конференция по краеведению). Москва. 10—20 декабря 1921 г. — 48, 52, 61, 140
Вторая Всесоюзная конференция по краеведению (Второй Всероссийский краеведческий съезд). Москва. Декабрь 1924 г. — 176
Конференция преподавателей-словесников (Конференция московских словесников). Москва. 20 апреля 1921 г. — 61

Общества

Археологическое общество — 107, 118
Общество истории литературы (Москва) — 17, 44, 80, 87, 94, 127, 141, 145, 151, 161, 172
Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАиЭ) — 36, 94
Совет общества — 36
Этнографический отдел — 14, 36, 42, 53, 67, 94
Комиссия по народной словесности — 14, 36, 37, 61, 65
Общество любителей российской словесности (Общество словесности; ОЛРС) (Москва) — 44, 67, 73, 85, 86, 94, 96, 106, 107, 109, 126, 132, 135—137, 140, 149, 150, 162, 171, 172, 177, 179
Пушкинская комиссия — 135, 140, 141, 172
Тургеневская комиссия — 73, 172
Толстовское общество — 177
Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ) — 20, 26, 29, 31, 41, 52, 55, 95
Этнографический отдел — 41

Творческие союзы

Вольная философская ассоциация (академия) — 121, 180

Всероссийский союз писателей (Союз писателей) — 85, 86, 121, 126, 172
Дом ученых — 122, 141, 163
«Никитинские субботники» (Субботники у Е. Ф. Никитиной) — 80, 87, 136, 141, 145, 149, 151, 162, 171, 172, 180

Общественные союзы

Всеросийское объединение работников искусств и просвещения (Всерабиспрос) — 95
Европейский союз помощи студентам (Международный союз помощи студентам) — 102, 112

Музеи

Всероссийский педагогический музей (Петроград) (Педагогический музей) — 20
Государственный исторический музей (Исторический музей) — 14, 15, 17, 19, 20, 35, 36, 38, 42, 46, 53, 56, 59—64, 66, 68, 74, 80—84, 88, 96, 105—107, 115—122, 125, 131, 132, 134, 135, 136, 139, 144, 152, 156—158, 162, 164, 183
Музей И. С. Тургенева (Орловский тургеневский музей) — 94
Музей памяти Ф. М. Достоевского (Музей Достоевского) — 82, 84
Политехнический музей — 94, 177
Румянцевский музей — 17, 19, 20, 35, 36, 49, 62, 72, 124, 116, 117
Этнографический отдел — 19, 49, 116
Художественный музей им. А. Н. Радищева (Саратов) (Радищевский музей) — 28, 94, 126
Центральный музей народоведения (Музей национальностей) — 176
Этнографический музей (Саратов) (Саратовский музей) — 18, 20, 24—26, 28—31, 34, 56, 59, 94, 95, 102, 112, 113, 146, 176
Музей голода (Голодный музей) — 24, 26, 29, 30, 40, 55, 94, 95, 125

Театральные учреждения

Большой театр — 85—149
Малый театр — 173
Московская консерватория — 17, 34, 35, 44, 60, 61, 68, 80, 81, 85, 120, 131, 132, 135, 170, 173, 177
Московский Камерный театр — 180
Московский художественный академический театр (Художественный театр) — 85, 123, 177, 180
Чеховская студия — 123
Оперная студия К. С. Станиславского — 85

Издательства

Государственное издательство РСФСР (Госиздат) — 73, 79, 96, 106, 119, 122, 127, 131, 136. 139, 140, 152, 156, 159, 168, 171, 172, 177
«Денница» — 136, 139
«В. В. Думнов, наследники братьев Салаевых» — 152, 172, 177
«Задруга» — 52, 56, 61, 63, 66, 79, 94, 116, 121, 123, 139, 140, 156
«Л. Д. Френкель» — 80, 136, 168, 171

Книжная палата — 36, 123

Газеты

«Голос Поволжья» — 24, 26, 27, 29, 30
«Известия» — 82, 85, 99, 121, 122, 124, 125
«Правда» — 121
«Русские ведомости» — 180
«Саратовские известия» — 146

Журналы

«Былое» — 49
«Вестник литературы» — 25, 49
«Голос минувшего» — 50, 52, 56, 96
«Дела и дни» — 50
«Жизнь искусства» — 49
«Жизнь национальностей» — 146
«Запад» — 140
«Известия Академии наук» — 139
«Известия Дома литераторов» — 49

«Искусство» — 119, 122
«Краеведение» — 160, 171
«Красная новь» — 50
«Красный Архив» — 123
«Культура» — 53, 56, 79
«Культура и театр» — 49
«Начала» — 50, 70, 73, 80, 83, 140
«Отечественные записки» — 14
«Педагогическая мысль» — 25, 61
«Печать и революция» — 50, 146, 152, 156, 180
«Революция и культура» — 176
«Русский исторический журнал» — 50
«Саррабис» — 27, 29, 56
«Свиток» (альманах) — 87, 106, 140
«Современник» — 14
«Театральное обозрение» — 49
«Шиповник» — 122
«Этнографическое обозрение» — 172
«Societas collgiarum» — 173

Церкви, монастыри

Казанский собор (Москва) — 60
Троице-Сергиева лавра (Сергиев) — 72
Церковь на Малой Сергиевской (Саратов) — 26

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акцентр	— Академический центр Наркомпроса
АН	— Академия наук
АРА	— Американская администрация помощи
Вольфила	— Вольная философская ассоциация
Всерабиспрос	— Всероссийское объединение работников и служащих просвещения
2-й МГУ	— 2-й Московский государственный университет
ВХУТЕМАС	— Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАИ	— Государственная академия искусств
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области
ГИС	— Государственный институт слова (см. ИС)
ГИТИС	— Государственный институт театрального искусства
ГЛМ	— Государственный литературный музей. Фольклорное собрание
ГУАД	— Главное управление архивным делом
Главархив	— Главное управление архивным делом при Наркомпросе
Главлит	— Главный комитет по делам литературы Наркомпроса
Главмузей	— Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства старины, народного быта и природы
Главнаука	— Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса
Главнацмен	— Главный комитет по национальным меньшинствам Наркомпроса
Главполитпросвет	— Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса
Главпрофобр	— Главное управление профессионального образования Наркомпроса
Главсоцвос	— Главное управление Наркомпроса по социальному воспитанию и политехническому образованию детей
Госиздат	— Государственное издательство РСФСР
Губземотдел	— Губернский земельный отдел
Гублито	— Губернский литературный отдел
Губотнароб	— Губернский отдел народного образования
ГУС	— Государственный ученый совет Наркомпроса
ДВР	— Дальневосточная Республика
ИМЭ	— Институт К. Маркса и Ф. Энгельса

ИНО — Институт народного образования
ИОТ — Институт охраны труда
ИС — Институт слова (см. ГИС)
ИСТАРХЭТ — Общество истории, археологии и этнографии (Саратов)
КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Российской Академии наук
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава страны
КУБУ (КУБУЧ) — Комиссия по улучшению быта ученых (см. Цекубу)
ЛИТО — Литературный отдел Наркомпроса
МГСПС — Московский губернский совет профессиональных союзов
МГУ — Московский государственный университет
МДК — Московская диалектологическая комиссия
МОНО — Московский отдел народного образования Наркомпроса
Наркомнац — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наркомфин — Народный комиссариат финансов РСФСР
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР
ОЛЕАиЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОЛРС — Общество любителей российской словесности при Московском университете
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук
ОПОЯЗ — Общество изучения теории поэтического языка
ОРЯС АН — Отделение русского языка и словесности Академии наук
Рабфак — Рабочий факультет
Рабкрин — Рабоче-крестьянская инспекция
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РАН — Российская Академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАХН — Российская Академия художественных наук
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РЛ — «Русская литература»
Тео — Театральный отдел
ФОН — Факультет общественных наук
ЦБК — Центральное бюро краеведения
ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (см. КУБУ)
Центрархив — Центральный архив РСФСР при Наркомпросе

Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

ТЕРМИН «СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР» В 1930-е ГОДЫ

Он долго болел, наш товарищ, наш друг, и ему и всем близким не хотелось верить, что болезнь все крепче и жестче сжимает его в предсмертных тисках.

В сентябре 1996 г. Леонарда Ивановича Емельянова не стало.

Ушел один из самых темпераментных фольклористов наших дней, теоретик Божьей милостью, которому судьба отвела прожить, может быть, не такие уж краткие годы (67 лет), но годы, сотрясаемые ломками общественного строя, культуры, науки России, отмеченные страстным социальным, научным правдоискательством поколений. Это непосредственнейшим образом сказалось на формировании молодых генераций и всем «сюжете» биографии Леонарда Емельянова, словно рожденного специально решать «проклятые вопросы» фольклористики, а вместе с тем служить гражданскому обновлению своей страны.

Он пришел в науку о народной поэзии после окончания филологического факультета Ленинградского университета, поступив в 1953 г. в аспирантуру Пушкинского Дома. Его дальнейшие интересы определились в русле многостороннего изучения историко-песенного фольклора XIV—XVIII в., когда в Секторе народнопоэтического творчества закипала большая работа над сводными антологиями русских исторических песен. Диссертационное исследование песенности позднего средневе-

ковья, предпринятое Емельяновым, внесло немало огня в разгоревшуюся дискуссию о жанровой природе исторической песни и не раз получало смысл практической рекомендации издателям серии «Памятники русского фольклора». В статьях «Некоторые вопросы генезиса исторической песни» и «Из истории определения исторической песни» (1957—1958) (см. в конце данной книги список опубликованных трудов Л. И. Емельянова) перед нами сразу предстал масштабно мыслящий ученый, глубокий истолкователь национального песенного историзма, четко разграничивший эстетические возможности русского эпоса и собственно исторической песни в отражении живой действительности, аналитически безупречно трактовавший органические связи фольклора и древнерусской словесности. Фундаментальность его теоретического базиса выразилась в тщательно-взвешенном и вместе прагматично-«хозяйственном» отношении к былиноведческому наследию дореволюционной науки, в смелом отвержении бессмысленного жупела «буржуазности», нелепо прилагавшегося к таким ученым, как Ф. И. Буслаев, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский, или ярлыков, наклеивавшихся ревнителями марксистско-ленинского благочестия на А. П. Скафтымова и В. Я. Проппа. Одновременно он отстаивал существенно иные, нежели заявленные в трудах уважавшихся им старших современников, взгляды на ряд кардинальных проблем изучения историко-песенного фольклора. Изначально он был и остался знамением нового этапа, наступившего в отечественной фольклористике, которая трудно освобождалась от догм сталинской поры и выходила к перспективным научным концепциям.

Зоркий, пристальный, неподражаемо остроумный в живой полемике, Леонард Иванович принял участие, кажется, во всех крупнейших «баталиях» середины 50-х—80-х гг. о специфике фольклора, о границах применения фольклористической методики к материалам народной культуры, о состоянии современного народного творчества, об истории фольклористики, о приемах анализа контактов литературы и фольклора, всякий раз демонстрируя завидную логику и неизменную корректность. Этими достоинствами отмечена и его монография «Методологические вопросы фольклористики» (1978), на которую не любят ссылаться его научные противники, не простившие ему неотразимой доказательности ни в опровержении добросовестных их заблуждений, ни в обезоруживающей критике ограниченности их воззрений.

Между тем не единожды Л. И. Емельянову довелось испытать и партийно-политическое шельмование в связи с его стойкой гражданственной защитой — в научных, в литературно-публицистических выступлениях — реалистических представлений о народе и его трагической истории (в частности, в хрущевские 1961—1962 и брежневский 1973 годы). Но в самые непогожие сезоны его выручали принципиальность подхода к людям, явлениям жизни, взыскующая честности любовь к родной культуре, мудрое понимание неизбежной «турбулентности» российского бытия.

Самая последняя статья Леонарда Ивановича, посвященная «эксцессам» развития науки в 1930-е гг., публикуемая в настоящей книге, — свидетельство многогранной талантливости человека, которого мы потеряли.

А. А. Горелов

В известной сказке Василия Шукшина «До третьих петухов» есть такой эпизод — осада монастыря чертями. Усыпив строгую, но слишком уж простоватую бдительность монастырской стражи, черти овладевают святой обителью и изгоняют оттуда законных ее хозяев. Они ликуют, празднуя победу над смиренной монастырской братией, пля-

шут, поют, увлеченно и радостно богохульствуют. И вот апогей этого шабаша, этого глумливого торжества:

«Тут вышел из ворот Изящный черт и обратился ко всем.

— Мужички, — сказал он, — есть халтура! Кто хочет заработать?

— Ну? А чего такое? — зашевелились монахи. — Чего надо-то?

— У вас там портреты висят... в несколько рядов...

— Иконы.

— А?

— Святые наши, какие портреты?

— Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

— И кого же заместо их писать? — тихо спросил самый старый монах.

— Нас».

Чертям, как видим, мало было захватить монастырь, мало — привести в покорность его обитателей. Им надо было еще унизить побежденных, унизить настолько, чтобы те признали в пришельцах своих новых богов. Чтобы раб не только не роптал на свой тяжкий жребий, но всячески прославлял и воспевал его.

Сказка, говорят, — складка. Однако складывается она не на пустом месте. Вот и в нашей жизни, в нашей истории — и не такой уж давней — тоже были и свои «монастыри», и свои «монахи». Ну, свои бесы, разумеется. Правда, тогда, в 20—30-е гг., реальные князья отечественной тьмы поступали со своими оппонентами куда круче, нежели их сказочные прототипы. Но и они, как известно, были весьма неравнодушны к славе мирской, а лучше сказать, к славословию в свою честь, к коему и принуждали людей всеми возможными и невозможными средствами.

Изъявлений этого рода они, естественно, ожидали прежде всего от литературы и искусства. И ожидания эти в общем-то не были напрасными — придворных поэтов и живописцев хватало всегда. Однако уважающий себя тиран редко бывает удовлетворен воздаяниями придворной поэзии, какими бы пышными они ни были; уж он-то знает им цену. Тиран с характером, с воображением алчет другого — всеобщего, всенародного поклонения, гимнов и рукоплесканий. Фанфарам герольдов он предпочитает тимпаны ликующей толпы и громовые здравицы легионов. Он жаждет войти в молву, в народное предание, в героический эпос, где доныне живы славнейшие имена древности. Приобщиться к этому сонму бессмертных, войти в него именем народа и от имени народа — вот сокровенная мечта тирана.

Но как этого достичь? Как приручить это честнейшее и независимейшее из всех искусств — фольклор? Как проникнуть в него, не имея должных заслуг перед его создателем — перед народом? В герои литературы можно прошествовать, как в президиум, или прокрасться, как на чужой праздник; в герои фольклора — никак и никогда. Туда надо иметь именное приглашение.

В теории академическая наука и официальная пропаганда не испытывали на этот счет ни малейших затруднений или сомнений. Они твердо знали, каким должен быть «советский фольклор», и столь же твердо были убеждены в том, что такой фольклор существует повсеместно. И то сказать: как вопрошало одно авторитетное фольклорное издание того времени, «может ли не петь, не творить народ среди этих

чудес (имеются в виду «сказочные годы социалистического строительства, сталинские пятилетки, преображение города и села». — *Л. Е.*), которые требуют поэтического образа, требуют лирического чувства, требуют напевного слова! И народное творчество распускается пышным садом вокруг социалистического строительства, сопровождает каждый шаг его, отмечает каждую новую победу. Новый человек <...> поет о себе — и поет о Сталине, который стал частью души каждого нового человека, который озарил своим гением, своей человечностью, своей сильной волей, своей улыбкой жизнь народов советской страны, стал самым близким, самым родным человеком».[1]

Это — теория. Ну, а практика?

С практикой дело обстояло сложнее, гораздо сложнее. Ибо, во-первых, фольклора, того фольклора, который подтверждал бы прогнозы и декларации официальной пропаганды, фольклора, «распускающегося пышным садом вокруг социалистического строительства» и т. д., — такого фольклора, увы, просто-напросто не существовало. Добровольно, по своему, как говорится, почину народ не желал прославлять ни чудеса «великого перелома», ни триумфы Сталина и его соратников в борьбе с «врагами народа», ни какие-либо другие канонизированные, возведенные в ранг государственных символов явления и события великой сталинской эпохи. Как и всегда в такие лихие времена — а эпоха, визитной карточкой которой стал 1937 г., вполне заслужила такое название, — он, народ, либо угрюмо безмолвствовал, либо если уж все же высказывался, то говорил и пел совсем не то, что допускалось его статусом «хора» — славящего и возглашающего. Этот фольклор (единственно подлинный фольклор того времени) почти не дошел до нас. Лишь редкие-редкие его образцы уцелели еще в кой-каких архивных закоулках, не обнаруженные в свое время многочисленными идеологическими досмотрщиками. Впрочем, как можно догадываться, вряд ли он и был слишком обильным, этот дерзкий и неподкупный фольклор: в пору широчайших и жесточайших репрессий судьбы его создателей и хранителей часто оказывались весьма трагичными, и песня, частушка, пословица или анекдот исчезали, так и не успев укрепиться в широкой устной традиции. Записывать же их — даже в сугубо научных целях — было делом далеко не безопасным. Ибо в глазах официальной науки это был не фольклор даже, а просто антисоветский агитпроп, злобный голос недобитых «врагов народа». Если в 20-е гг. фольклористы, воспитанные в традициях классической русской науки, еще не считали себя вправе игнорировать этот важный факт массового сознания и кое-что все же записали, то несколько лет спустя фольклор этот уже не только не записывался, но и по возможности уничтожался везде, где его успели записать: следы этой варварской работы можно увидеть в архивах еще и сегодня.

А на полях, очищенных от этой «сорной травы», новые сеятели неутомимо старались посеять и вырастить новое народное творчество, новый «фольклор», который, по их представлениям, должен был унаследовать авторитет старого, классического, и в то же время

---

[1] Творчество народов СССР: Сб./Под. ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. М.: Ред. «Правды», 1938. С. 1.

стать послушным выразителем официально узаконенных идей и мнений. Так была задумана и без промедления начала осуществляться беспрецедентная по своему размаху и цинизму операция, цель которой заключалась в абсолютной, исчерпывающей подмене подлинно народного отношения к действительности, выражавшегося в настоящем фольклоре, совершенно иным, сконструированным в соответствии с официальными рекомендациями и подлежащим отражению в «новых» народнопоэтических формах.

Чтобы создать впечатление, будто это новое «народное творчество» есть законный преемник и прямой продолжатель классического фольклора, инициаторы и организаторы этой культурно-идеологической спекуляции для начала попытались придать новому творчеству черты максимального сходства с фольклором старым, классическим. Была сделана попытка возродить древнейшие фольклорные жанры — былины, сказания, сказки и т. п. — на новой, сугубо современной тематической основе. Как это делалось? Очень просто. К известным сказителям, знатокам и хранителям старого фольклора, прикреплялись на правах своего рода литературных кураторов ученые-фольклористы или писатели, которые должны были оказывать своим подопечным так называемую «творческую помощь». В их обязанности входило: поставлять сказителям актуальные темы, снабжать их нужными материалами (книгами, журналами, газетами, реферируя их при необходимости), организовывать для них поездки по стране, чтобы помочь им, как тогда выражались, «набрать конкретные представления и образцы». Словом, это было типичное натаскивание, имевшее целью вещими устами сказителей увековечить лукавые умыслы официальной пропаганды.

Сказители, конечно же, понимали, чего от них ждут. И, надо отдать им должное, старались, в меру своих возможностей, эти ожидания оправдать. Они переложили в былины биографии Ленина и Сталина; они воздали славу каждому из героев революции и гражданской войны — разумеется, тем лишь, кто к 1937 г. еще продолжал официально считаться таковым; наконец, они воспели наиболее громкие свершения сталинской эпохи — коллективизацию, покорение Арктики, Конституцию и т. п. В общем они пытались выполнить задачу, которую официальной пропаганде никак не удавалось навязать настоящему, подлинному фольклору, которая была бы просто немыслима в нем.

Слов нет, художественная сторона продуктов сказительского новотворчества вряд ли кого-нибудь могла ввести в заблуждение, и фольклористам пришлось в свое время проявить немалую изобретательность, чтобы доказать, что стихотворные монстры вроде «новин» М. Крюковой или П. Рябинина-Андреева все-таки чего-нибудь да стоят. Однако сторона эта, собственно, мало кого и интересовала. Ибо дело было не столько в ней, сколько в принципиальной возможности выражать от имени народа определенные идеи, возводить их в ранг общенародных, общепризнанных и безусловных. Эту возможность и должно было обеспечить сказительское новотворчество.

Здесь нельзя не сказать еще об одной характерной уловке, широко применявшейся в науке и публицистике тех лет. Заключалась она в том, что хотя в сказительском новотворчестве всячески подчеркивалась его фольклорная (якобы) природа, часто, однако, его обозначали и другим

термином — «народное творчество». Достигалось этим гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Ибо если к народному творчеству, строго говоря, может быть отнесено всё, что создается представителями народа — даже литература! — то фольклор — это совершенно особая форма народного творчества, в характеристике которой уже нельзя ограничиться лишь ссылкой на народность ее происхождения. Фольклор — это не просто народное творчество, но творчество, выражающее и отражающее полную суверенность народной социально-политической и художественной мысли, выражение того самого «своего мнения» об истории, которое, по словам М. Горького, всегда было у народа. Вот потому-то и важно было уравнять в правах оба эти понятия — народное творчество и фольклор. Устанавливая принадлежность определенного произведения к «народному творчеству» — а сделать это можно было с тою же неотразимой убедительностью, с какою Остап Бендер доказал, что Киса Воробьянинов — мальчик («Кто скажет, что это девочка, пусть бросит в меня камень»), всякий получал, таким образом, возможность доказать и его принадлежность к «фольклору». Практический же результат этой смелой логической операции был тот, что представление о «советском фольклоре», как и самый «корпус» этого фольклора, отныне можно было формировать, что называется, по своему усмотрению. Послушная, управляемая, по сути своей «придворная» поэзия, обладающая презумпцией народности, — в такой поэзии сталинская эпоха нуждалась более, чем в какой-нибудь другой. Именно она должна была стать тем прямым путем, которым новейшие цезари стремились войти в народную молву, в предание, в эпос. Именно ей было предназначено стать той новой иконой, на которой хотели быть запечатленными шукшинские бесы. Наконец, именно она должна была утвердить в обществе ту мысль, что никакой другой народной поэзии, никакого другого фольклора, кроме нее, нет и быть не может.

Над созданием этого «фольклора» кто только тогда не трудился. Клубная самодеятельность, агитколлективы, стенная печать, сказители, акыны, ашуги, жирши, профессиональные и даже весьма известные поэты и композиторы — в общем, все, кто стремился оставить хоть какой-нибудь след в «золотой книге народного творчества», как любили тогда выражаться. Характерным памятником этого «фольклора», его своеобразной классикой стал знаменитый в свое время сборник «Творчество народов СССР», выпущенный в 1937 г. редакцией «Правды» к двадцатой годовщине Октября. Как утверждалось в предисловии к книге, редакция стремилась дать в ней «только лучшие, типичные произведения советского фольклора». Лучшие они, быть может, и были, эти 250 произведений, отобранных из 600 печатных листов, которыми располагала редакция, но к фольклору ни одно из них не имело никакого отношения. Если у кого зарождались на этот счет какие-либо сомнения, то имя по крайней мере одного из трех главных редакторов сборника — начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса — помогало очень скоро от таких сомнений избавиться...

Ныне об этой книге, как и вообще о так называемом «советском фольклоре» тех лет, почти не вспоминают. И, пожалуй, напрасно. Потому что в сопоставлении с реальной действительностью тех времен, правда о которой сегодня со все большей широтой становится известна,

книги, подобные «Творчеству народов СССР», наводят на многие размышления. На какие? На те же самые, какие рождает и литература того времени, литература известного рода, конечно. Правда, литература в этом отношении оказывается предметом гораздо более простым, нежели фольклор. Потому что если наряду с парадно-лживой беллетристикой 20—30—50-х и более поздних годов до нас дошли и подлинные литературные шедевры тех времен, если, к счастью, иногда оказывается, что рукописи и в самом деле не горят, то о фольклоре, о подлинном фольклоре, этого, увы, сказать нельзя, поскольку даже о фольклоре XVI—XVII вв., например, мы знаем гораздо больше, чем о фольклоре советского времени. Ведь не секрет, что и в «постсталинский» период от имени единственно законного народного творчества представительствовали произведения, весьма близко напоминавшие экспонаты из «Творчества народов СССР» (песни о кукурузе, например, о космосе, о неизбежной и уже недалекой победе нашей буренки над коровой «из штата Айова» и т. п.). Если этот «инкубаторский» фольклор сегодня популяризуется уже не столь агрессивно, как прежде, то ведь и подлинный фольклор по-прежнему считается этаким политическим озорством, если не хулиганством, каким еще недавно считались частушки и анекдоты «брежневского», скажем, цикла.

Сегодняшняя литература извлекла из своего прошлого твердый и ясный урок — она поняла, что ни при каких обстоятельствах нельзя лгать. Фольклору, подлинному фольклору, этот урок и не нужен, ибо фольклор никогда и не лгал. Урок же этот должна извлечь наука о фольклоре. Фольклористика.

А. Н. МАРТЫНОВА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. С. ВИНОГРАДОВА

1

Георгий Семенович Виноградов, известный русский ученый, фольклорист, этнограф, литературовед, диалектолог, родился 19 апреля 1887 г. в большом сибирском селе Тулун Иркутской губернии.

Тулун в то время представлял собой один из промышленных и торговых центров губернии. В нем располагалось несколько заводов — кожевенный, пимокатный, пивоваренный, винокуренный, снабжавших не только окрестные села и деревни промышленными товарами и местными продуктами, но поставлявших их в города Красноярск и Иркутск. Удобное расположение по Московскому тракту, между крупными городами Восточной Сибири, на берегу реки Ии, притоке Оки, способствовало процветанию в селе бойкой торговли, оживленной хозяйственной жизни. Обширные пойменные луга, засеянные поля окружали Тулун и служили основой крепкого земледелия и животноводства.

В начале 1860-х гг. в Тулун из Нижнеудинска перебрался отец будущего ученого — Семен Федорович Виноградов. Здесь он нанялся в почтовые ямщики, построил дом и женился на местной девушке. Георгий Семенович был пятым ребенком в семье и с раннего детства отличался способностями и трудолюбием. Он прекрасно учился в школе, а благодаря каллиграфическому почерку подрабатывал, переписывая расписания школьных уроков, ноты и другое по заказам учителей и священника. В школе действовал драмкружок, и Георгий Виноградов участвовал в постановках спектаклей, любил петь народные песни, которые знал прекрасно.

В тринадцатилетнем возрасте мальчик, по настоянию школьного законоучителя Смирнова, был определен в церковноприходскую школу в селе Кутулык, что расположено по Московскому тракту на полпути между Тулуном и Иркутском.

В 1903 г., успешно закончив школу, по желанию отца и ходатайству Смирнова, он был принят в Иркутскую духовную семинарию. Но стать священником Г. С. Виноградову не пришлось: в 1905 г. он был отчислен с третьего курса за участие в нелегальном кружке, созданном семинаристами. Оставшись без средств к существованию, Георгий Се-

менович сдал экзамен на звание учителя, однако по причине «неблагонадежности» устроиться на работу не мог и перебивался репетиторством и другими случайными заработками. В 1907 г. он вынужден был вернуться в Тулун, там вскоре был арестован и водворен в Иркутскую тюрьму, где и просидел восемь месяцев. В тюрьме он не терял времени и, по собственному выражению, «осилил физику, доконал английский и взялся за астрономию» (позднее он овладел также и французским и немецким языками). В 1909 г., после освобождения, Г. С. Виноградов вновь возвращается в Тулун. Но жажда знаний и систематического обучения не давала покоя, и в 1911 г. молодой сибиряк отправляется в Петербург с надеждой поступить в университет. Потерпев неудачу, Георгий Семенович устраивается на работу в биологическую лабораторию и, стремясь пополнить образование, посещает курсы Фребелевского общества, слушает лекции известных ученых: по философии — Н. О. Лосского, зоологии — С. И. Метельникова, астрономии — Н. А. Морозова и др. Это был период выбора своего пути в науке. Выбрать направление, цель в жизни помогло участие Георгия Семеновича в Камчатско-Алеутской выставке, которая состоялась в Петербурге в 1912 г. и на которой он работал экскурсоводом. Именно тогда, видимо, определился его интерес к этнографии, фольклору, к тому, что можно назвать объемным словом — народоведение. С этого времени Г. С. Виноградов начинает серьезно готовиться к научной работе: он слушает курс лекций по этнографии Л. Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии Академии наук, под руководством А. А. Макаренко и В. И. Иохельсона занимается по специальным этнографическим темам, изучает литературу по сибиреведению, усердно посещает музеи.

В 1913 г. Г. С. Виноградов возвратился в Сибирь и получил место учителя в начальной церковноприходской школе в селе Коркино Енисейской губерни, в 18 километрах от Красноярска, где и проработал два года. Это был новый, очень плодотворный период его жизни. Работая в школе, в выходные дни он уезжает в Красноярск и изучает документы в местном музее. В каникулы совершает походы по Тулунской волости, собирая этнографические и фольклорные материалы: по народной медицине, народному календарю, местным говорам, обрядам, записывает песни, приметы, поверья, произведения иных жанров русского народного поэтического творчества. Д. С. Сизых, лично знавшая Г. С. Виноградова, вспоминала: «Как педагог Георгий Семенович вел ежедневные наблюдения над детьми и записи их словесного творчества. Но как собиратель не ограничивался этим. Ежегодно в летние школьные каникулы он совершал походы. Независимо от погоды — будь то в палящую сибирскую жару или в непогодь — на дорогах меж лесов и полей можно было встретить идущего из деревни в деревню Виноградова в русской косоворотке, в сандалиях, с рюкзаком за плечами. Он был удивительно выносливый, обладал крестьянской закалкой и никогда не жаловался на усталость. Он знал, где искать, и умел находить. „С кем бы ни соприкасался этнограф, — утверждал он, — отовсюду получает то живое начало, тот живой элемент, который содержится в народе“».[1] В это время появляется первая печатная работа

[1] Сизых Д. Педагог-фольклорист Сибирские огни. 1963. № 4. С. 171.

Г. С. Виноградова «Песни отживающего поколения», в которой автор обращает внимание на необходимость фиксации угасающих явлений народной жизни.

Вне сомнения, работа в сельской школе, с крестьянскими ребятишками много дала будущему исследователю детского фольклора.

Г. С. Виноградов рано заинтересовался вопросами сибиреведения. По свидетельству Д. Сизых, он рассказывал в 1912 г.: «Случайно наткнулся на груду книжек журнала "Сибирские вопросы" за 1908 год; читал некоторые статьи с упоением: все время не покидает интерес к изучению родины. Не к ознакомлению, а именно к изучению».[2] С тех пор до конца жизни его не оставляли замыслы, связанные с исследованием «Судьбы славянского племени Сибири», задуманным в четырех томах. В 1930-е гг. он писал жене: «Занялся "Судьбами". Детское не оставил, но не спешу с ним, только коплю материал, а "Судьбы" отнимают у меня теперь дневные часы и занимают ночные мечты. Работаю я при содействии одного ученого старца П. К. Симони. Он и советует, и книгами снабжает меня усердно и обильно, и людей указывает. Я у него бываю часто, наведывает и он меня».[3] В фонде Г. С. Виноградова в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сохранились материалы, свидетельствующие о его большой подготовительной работе по вопросам сибиреведения. Изучение быта, языка, мировоззрения и духовной жизни старожилого населения Сибири становится одной из главных тем исследования Г. С. Виноградова, основную идею которого он формулировал так: «Процесс несения византийско-русской культуры сибирским народам и судьба носителя этой культуры — вот содержание и смысл задуманного сочинения».[4] К сожалению, этот замысел Г. С. Виноградова, как и многие другие, остался, видимо, неосуществленным. Во время блокады Ленинграда дом, где он жил, сгорел от прямого попадания бомбы. Сгорели его книги, рукописи, подготовленные к печати труды.

В 1915—1916 гг. Г. С. Виноградов преподает русский язык и литературу в частной женской гимназии в Чите, но его не удовлетворяют ни работа, в которой он не имел возможности проявить инициативу, ни городская жизнь. Он пишет жене: «Здесь, в Чите, как ни верти, мне не по душе. Обычно у нас сутолока, от которой я отвык. А в тишине только и можно привести себя в порядок. Хорошие люди, милые, ласковые живут со мной, но... мужик я, и простоты во всем хочу, а этого нет. Я скучаю по деревне, по народной речи, по деревенской простоте. Я люблю семейный дух — от него веет здоровьем и народной мудростью».[5] Г. С. Виноградов возвращается в Тулун, где продолжает педагогическую и исследовательскую работу. Наиболее значительный труд этого периода — исследование «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири», опубликованное в 4-м выпуске «Живой старины» в 1915 г. Работа, основанная на большом и интересном материале, который автор собирал в течение

---

[2] Там же. С. 172.

[3] Там же. С. 174.

[4] РО ИРЛИ, р. V, кол. 174, п. 5, № 2, л. 50.

[5] Сизых Д. Педагог-фольклорист. С. 172.

нескольких лет, была отмечена серебряной медалью Русского географического общества, а ее автор получил звание члена-сотрудника РГО.

В 1918 г. в Иркутске был открыт университет, и Г. С. Виноградов, семья которого состояла из четырех человек (жена, двое детей и старая мать), не имея диплома об окончании средней школы, решает подать заявление с просьбой о зачислении в университет. Вскоре без экзаменов он был принят на заочное отделение историко-филологического факультета. «Студент неопределенного курса» — так называл он себя — успешно учился в университете, работал преподавателем и вел исследовательскую работу.

После окончания университета и сдачи магистерского экзамена Г. С. Виноградов получает должность доцента на кафедре этнографии, а в 1926 г. становится профессором. Он читает лекции и ведет специальные семинары по этнографии, фольклору и языкознанию. По воспоминаниям его студентов, Г. С. Виноградов был замечательным преподавателем. На его лекции, простые по изложению, но интересные по содержанию, приходили студенты других отделений. Он никогда не повторялся, всегда приводил новые примеры, материалы, факты. Со студентами держался как с равными, с азартом спорил, ездил в экспедиции, любил шутки и сам имел острый язык. На экзаменах профессора Виноградова провалы были редки, что и неудивительно: большинство его учеников печаталось в «Сибирской живой старине», редактором которой он был.

С 1923 г. Г. С. Виноградов развивает научно-организационную деятельность. Под совместной редакцией его и М. К. Азадовского начинает выходить этнографический сборник «Сибирская живая старина», получивший затем статус журнала. С 1923 по 1929 г. вышло 9 выпусков, и в каждом из них публиковались исследования и материалы Г. С. Виноградова. Рецензируя первые шесть выпусков «Сибирской живой старины», академик С. Ф. Ольденбург писал, что с первого выпуска сборник обратил на себя внимание этнографов, что его программа тщательно продумана и не менее тщательно выполнена. Он писал также, что в сборниках помещен ряд чрезвычайно важных для истории изучения человека в Сибири статей, а богатые и хорошо подобранные библиографические материалы «дополняют картину». Рецензент отмечал, что редакторы «Сибирской живой старины» «стоят на точке зрения новейших научных течений, требующих отчетливого знания того, что сделано в данной области до нашего времени...». С. Ф. Ольденбург обратил также внимание на следующее: «Интересной особенностью "Сибирской живой старины" является уделение особенного внимания детскому быту и творчеству, которым посвящено семь статей. ...Материал здесь собран в значительной мере в связи с программою Г. Виноградова "К изучению детских игр у бурят", Иркутск, 1922. Небольшая вводная статья редакции указывает на научное и педагогическое значение собирания подобного материала».[6] С. Ф. Ольденбург считает, что в статье Г. С. Виноградова «Детский народный календарь» («Сибирская живая старина». Вып. 2) особенно любопытны методологические указания. Внимание рецензента привлек-

---

[6] Ольденбург С. Ф. Сибирская живая старина // Этнография. 1927. № 1. С. 234.

ла и первая программная статья Г. С. Виноградова «Этнография и современность»: «Статья живая, убежденная и полная ценных замечаний о том, что наполняет весь быт и что мы еще пока можем закрепить записями и исследованиями... Автор указывает на то, что придет время, когда этот новый быт в свою очередь станет во многом старым, и будущие поколения упрекнут нас за то, что мы так мало сохранили из того, что было живо при нас».[7]

В 1920-е гг. крепнет и расширяется в стране собирательская работа, активное участие в ней принимают местные краеведы, подчас не имеющие достаточных научных знаний и подготовки. Возникает нужда в программах по собиранию этнографических и фольклорных материалов. Г. С. Виноградов, придававший огромное значение составлению программ, принимает самое активное участие в их разработке. В 1924—1925 гг. под совместной редакцией Виноградова и Азадовского выходят 4 выпуска «Библиотеки собирателя», из них третий выпуск — «Детский фольклор и быт. Программа наблюдений» — составлен самим Г. С. Виноградовым, а второй — «О собирании материала для словаря русского старожилого населения Сибири. Опыт программы» — Г. С. Виноградовым совместно с П. Я. Черных. Кроме того, Г. С. Виноградов подготовил программу и инструкцию по изучению народной медицины (Иркутск, 1923) и эскиз программы по собиранию материалов народного краснословия, который он включил в «Заметку об изучении народного ораторского искусства» («Сибирская живая старина». Вып. 3—4).

В 1926 г. в «Сибирской живой старине» (Вып. 1(5)), а затем отдельной брошюрой выходит статья Г. С. Виноградова «Народная педагогика. Отрывки и наброски». После ее публикации в письме к О. И. Капице от 25 июня 1926 г. Г. С. Виноградов мрачно шутил: «Мою "Народную педагогику" не очень ругайте. Она не такою родилась. Ее люди обидели: сделали выемку из середины (опорочили идеологию), отрубили большой конец (за тот же порок), и мои "отрывки" стали еще отрывочнее, а "наброски" — близки к "отброскам"».[8]

Однако даже в таком обезображенном, сокращенном виде, в каком появилась статья, она до сих пор является основополагающей при изучении вопросов, связанных с народным воспитанием.

Сетуя на то, что во всей полноте вопрос о народной педагогике никогда не ставился и что капитальных работ после труда Е. А. Покровского «Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России» (М., 1884) не создано, Г. С. Виноградов раскрывает и причины столь существенных пробелов в народоведении. Автор считает, что затруднения при изучении народной педагогики заключаются не только в отсутствии методологии и методики исследования, но и в общественной атмосфере: «Потребовалось несколько десятилетий, чтобы "подлая", т. е. народная, поэзия уравнялась в правах на внимание с поэзией "книжной". Видимо, такую же судьбу придется пережить народной педагогике» (С. 3. Здесь и далее в тексте

---

[7] Там же. С. 238.

[8] РО ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 42, № 19, л. 4.

цитируем изд.: Народная педагогика. Иркутск, 1926). Отсутствие методологии сказывалось в том, что не было установлено понятие «народная педагогика», не определены ее содержание, границы, источники изучения, методы разработки и др. Именно Г. С. Виноградов своей работой закладывает основы преодоления этих затруднений. Однако следует отметить, к сожалению, что «неблагоприятная общественная атмосфера», о которой в 20-е гг. писал Георгий Семенович, осталась неизменной, и до сих пор не создано научной работы по русской народной педагогике, хотя такие исследования осуществлены учеными некоторых народов нашей страны, причем в своих работах они, как правило, отталкиваются от трудов Г. С. Виноградова.

Одним из источников изучения народной педагогики автор считает фольклор для малых детей, созданный взрослыми. «Поэзия пестования», «поэзия материнства» — так назвал эту область словесного творчества Г. С. Виноградов, отделив ее от детского фольклора. В русской фольклористике существует и другая точка зрения по этому вопросу, сформулированная еще в 20-е гг. О. И. Капицей: «...под детским фольклором мы понимаем как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество».[9] Полемизируя с О. И. Капицей, Г. С. Виноградов писал, что отнесение к детскому фольклору произведений, созданных взрослыми для малых детей, имеет мало оснований: «Детский фольклор составляют произведения, которых не включает репертуар взрослых; это совокупность произведений, исполнителями и слушателями которых являются сами дети. Рассматриваемая же группа, как *творчество взрослых для детей*, и составляющая репертуар, главным образом, взрослых, должна быть обособлена: это — создание женщины-матери и пестуньи, это — материнская поэзия, или поэзия пестования... Мало того, что отнесение этого вида словесного творчества к детскому фольклору неправильно, оно затемняет очень важную черту поэзии пестования: трудно указать другой вид словесных произведений, где бы женская стихия в поэтическом творчестве проявилась более беспримесно» (С. 27).

Автор считает, что поэзия пестования является самым богатым источником, который может раскрыть идеи, способы, средства народной педагогики. Этот вид словесных произведений вызван едва ли не исключительно педагогическими надобностями и составляет особый отдел фольклора, устную литературу, своеобразную хрестоматию для детей разных возрастов: колыбельные песни, затем потешки, приговорки, забавы, небылицы, сказочки, загадки. Автор статьи указал и на другие источники изучения народной педагогики — словесные произведения, в которых с большой силой и глубиной выражен народный опыт в деле воспитания. Например, пословицы, содержащие мысли и наставления, касающиеся воспитания и обучения: *Где гроза, тут и милость; Отец али мать дитю люби, а не оказывай* и др. Просматривая сборники пословиц и поговорок, убеждаешься, насколько прав Г. С. Виноградов в том, что в фольклоре, и в частности в афоризмах, отражены взгляды, идеалы, убеждения, мысли о воспитании людей старшего поколения. Воспитание ребенка в народе начинается до его рождения. От беремен-

---

[9] Капица О. И. Детский фольклор. Л., 1928. С. 5.

ной женщины требуется, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, ибо *Каково хожено, таково и рожено.* И, уж конечно, *Каков в колыбельку, таков и в могилку,* и *Каково семя, таково и племя, От доброго кореня* — добрая и отрасль. Народная педагогика широко представлена в пословицах, где даны верные и четкие указания относительно воспитания детей; их не мешало бы знать и современным родителям. Прежде всего, пословицы утверждают, и совершенно справедливо: *Ребенок, что воск, что хочешь, то и слепишь,* а коль так, то *Умел сына родить, умей и научить,* поскольку может быть иначе: *Оттого парень с лошади свалился, что мать криво посадила.* Учить нужно с раннего детства: *Учи, когда поперек лавки лежит, а когда вдоль ляжет, не научишь,* а потому *Корми ложкой, а дави ножкой.* В народных изречениях заключена целая программа воспитания детей, в них не забыто ничего: ни значение игрушек (они нужны, но излишества вредны), подарков, которыми не рекомендуется баловать: *От батюшки отопочки, от матушки ошметочки* — и то почти за подарочек! Пословицы признают в воспитании прежде всего личный пример родителей, поскольку: *Сам шатун* — и детки пошаточки; *Свинья рылом в землю* — и порося не в небо; *Щенята лают* — у собаки же слышат. О детях необходимо заботиться с рождения, потому что *Кто без призора в колыбели, тот весь век не при деле,* но не подобает баловать детей, носиться с ними, как кошке с котятами, поскольку *Засиженное яйцо всегда болтун, занянченный сынок всегда шатун* и *Маслена головка* (т. е. щеголь) *отцу-матери не кормилец.* Не следует также слишком заботиться о припасах для детей (что не мешало бы учесть современным родителям): *Паси, чтоб вскормить, не паси, чтоб озолотить.* Примеров пословиц педагогических (не ставлю кавычек: иначе их не назовешь) можно было бы привести во много раз больше.

Среди других источников изучения народной педагогики Г. С. Виноградов называет приметы, сказки, загадки, скороговорки, а также игры, забавы, игрушки и др.

Определяя понятие «народная педагогика», Г. С. Виноградов пишет: «У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появляющихся новых поколений, известные цели и задачи воспитания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения и др. Совокупность и взаимозависимость их и дают то, что следует назвать народной педагогикой». И поскольку педагогика как научная дисциплина есть систематизированное знание о воспитании и обучении, то народная педагогика, если под этим термином понимать совокупность навыков и приемов, применяемых в целях формирования личности, — не столько система, сколько сумма знаний и умений. Народные воззрения на воспитание, обучение облечены в непривычную форму и не имеют зафиксированной истории своих идей, целей и методов. В отличие от научной, обремененной «рядами материализованных мыслей», скопленных в книгохранилищах, она сохраняется и передается только в устной традиции и поэтому хранит и несет не все свое прошлое, а лишь то из него, что признается нужным в данный момент, и «лишается того, что в данный момент народной жизни утратило значение так же легко, как дерево осенью теряет пожелтевшие листы» (С. 5).

С середины 20-х гг. Г. С. Виноградов публикует работы по детскому фольклору, охватившие почти все жанры детской устной словесности и все стороны детского быта. В первом выпуске «Сибирской живой старины» (1924) он печатает со своим предисловием материалы А. Поповой «Детские игры и забавы в сибирской деревне», затем последовали его собственные работы: «Детский народный календарь» (1924. Вып. 2), «Детская сатирическая лирика» (1925. Вып. 3—4), «Народная педагогика» (1926.Вып. 5), «Детские тайные языки» (1926. Вып. 2(6)), «Детские игровые прелюдии» (1928. Вып. 7; 1929. Вып. 8—9) и др. Эти работы были задуманы Г. С. Виноградовым как подготовительный материал для обобщающего свода устной детской поэзии. Но ему удалось издать лишь первую книгу, посвященную «игровым прелюдиям» — считалкам и жеребьевкам («Русский детский фольклор»). Последующие книги должны были составить исследования и этюды об игровых песнях, о календарном, бытовом и потешном фольклоре, о сатирической лирике, сказках и др. В заключительной книге свода автор намеревался дать классификацию произведений детского словесного творчества, осветить историю собирания и изучения, раскрыть его теоретическое и прикладное значение.

2

Начиная с XIX в., когда народное поэтическое творчество стало объектом исследований, детский фольклор привлекал внимание ученых, но это внимание проявлялось, в основном, в накоплении материала. Попутно, а подчас случайно детский фольклор записывали фольклористы, этнографы, диалектологи и публиковали вместе с другими материалами. Постоянное и устойчивое внимание к детской словесности возникает в 1860-е гг. и усиливается в последующие десятилетия. Собирателями были предприняты и попытки классификации материала, но это было практическое, теоретически не осмысленное распределение детского фольклора по группам на основании тех или иных признаков (П. В. Шейн, А. Ф. Можаровский и др.). Подобные практические классификации, предпринимаемые собирателями при публикации материалов, а также их комментарии о смысле и значении записей, явились началом теоретических разработок детского фольклора. Но только началом. К середине 1920-х гг. материал по детскому фольклору был собран недостаточно, а записанный разбросан по разным изданиям и архивам, не описан, терминология его не определена, методология исследования не разработана. Детский фольклор существовал как бы на периферии русской фольклористики.

Работы Г. С. Виноградова явились поворотным этапом в изучении этой области фольклора.

По признанию Георгия Семеновича, основой его собрания материалов по детскому фольклору и этнографии послужили личные детские воспоминания, затем последовала регулярная собирательская работа, непосредственные наблюдения над жизнью детей в сельских школах, экспедициях, походах. После публикации в «Сибирской живой старине» работы «Детский народный календарь» Г. С. Виноградов стал получать записи текстов детского словесного творчества от собирателей из десятков населенных пунктов разных областей и краев страны. Уже в

скором времени число записей составляло около восьми тысяч текстов. К сожалению, ни собственные записи Г. С. Виноградова, ни записи его корреспондентов не сохранились (за исключением текстов опубликованных, которые составляют лишь небольшую часть его собрания): они погибли во время блокады.

Первые результаты исследований Г. С. Виноградова в области детского фольклора и этнографии — спецкурсы, которые он начал читать в 1922 г. в Иркутском университете: детская этнография и фольклор, народная педагогика.

В 1925 г. в Иркутске выходит книжечка Г. С. Виноградова «Детский фольклор и быт. Программа наблюдений», написанная как практическое руководство к наблюдению над детским бытом и языком, к записи произведений детской художественной словесности. Автор определяет объем и содержание понятий «детская этнография» и «детский фольклор», объясняет практическое и прикладное значение детской устной поэзии: «Психологи выделили изучение детства как обособившееся ответвление своей науки; лингвисты сделали то же, и есть немало оснований поступить таким же образом в этнографических изучениях» (С. 3).

При составлении программы Г. С. Виноградов учитывал, что работать с ней будет, в основном, местная интеллигенция, хорошо знакомая с детским бытом, но не владевшая методикой собирания и не представлявшая конечной цели своей деятельности. Свою цель при составлении программы автор видит в том, чтобы «дать чертеж, в котором линиями и точками наметить границы и общее направление работ наблюдателя, предоставив каждому наложить краски, исправить направление данных линий, заменить неуверенно поставленные точки отчетливыми линиями». Программа должна была вооружить необходимыми познаниями сотни собирателей детского фольклора и одновременно дать им возможность творчески подойти к объекту исследования. Автор считает, что начать работу следует с общего обзора детской жизни в течение года и в таком обзоре необходимо раскрыть, в каких условиях, при каких обстоятельствах, каким образом исполняется данный вид фольклора. Собирателю необходимо познакомиться со всем кругом детских интересов, многообразных проявлений детской жизни: занятиями, играми, забавами, включив в круг наблюдаемого детскую мифологию (демонологию), общественную жизнь, зачатки правового быта, детское искусство.

Программа учитывала составление словаря детской речи. Г. С. Виноградов считает, что в результате такой работы можно было бы составить словарь детской речи какой-то определенной провинции, региона, создав не словарь отдельного ребенка, а представив богатство местной народной детской речи. Автор мечтает о том, что составлением лексикона детской речи займутся школьники и учителя, и поэтому оживет родной язык в школе, и что полезнейшие и интереснейшие занятия дадут хорошо составленный детский лексикон.

Привлекая особенное внимание наблюдателей к общественной жизни и правовому быту детей, Г. С. Виноградов выделяет следующие его стороны, требующие исследования: артели (рыбацкие, складчины), дележ добычи, преступные организации, временные объединения, договорно-обязательное право, детские суды и др.

В 1925 г. в «Сибирской живой старине» (Вып. 3—4), а затем отдельной книжечкой выходит работа Г. С. Виноградова «Детская сати-

рическая лирика», представляющая собой этюд, посвященный определению термина «детский фольклор» и исследованию различных видов детской сатиры. Впервые в русской фольклористике в научный обиход была введена группа сатирического детского фольклора, предпринята его классификация, объяснен характер бытования этих произведений, начато изучение их поэтического строя. Форма «научного этюда» позволила автору соединить в этой, как и других работах, теоретические выводы и яркие, живописные «зарисовки с натуры», касающиеся формы исполнения сатирических произведений и их эмоционального воздействия на детей. Г. С. Виноградов не без оснований полагает, что «шевелящее, задирающее за живое» обнаруживается уже в детском словесном творчестве, едва ли не в более едкой форме, чем у взрослых, и что «детскому творчеству ирония еще недоступна, в нем — смех жесткий, едкость ничем не смягчаемая» (С. 7).

Неоднократно в своих работах Г. С. Виноградов ставил вопрос о преподавании фольклора в школе. Этой проблеме посвящена его статья «Детский фольклор в школьном курсе словесности».[10] Изучив школьные программы, Г. С. Виноградов пришел к выводу, что классические произведения народного творчества в слове сложны для детей, не имеющих жизненного опыта, необходимой подготовки и культуры, и поэтому им неинтересны. Автор считает, что такие сложные произведения устного народного поэтического творчества, как былины, нецелесообразно включать в программы младших и средних классов школы, поскольку дети не могут понять глубину их содержания и совершенство формы: «...былину ученик находит в книге, а не в исполнении мастера, и потому не может получить правильного представления об этом виде художественного творчества. Произведения классической народной поэзии взрослых не могут служить материалом для изучения основ поэтики, литературоведения, поскольку они недостаточно доступны детям. Такие жанры фольклора, как пословицы, поговорки, былины, песни, следует вводить лишь в программы старших классов» (С. 54). Но существует, по мнению Виноградова, обширная область фольклора, изучение которой должно быть включено в школьные программы: «Едва ли можно найти материал более близкий, затрагивающий интересы и потребности детского возраста и потому самый занимательный, чем тот, который связан с детским бытом, с повседневной детской жизнью... Это детский фольклор» (С. 57). Автор считает, что у детей, когда они приходят в школу, уже есть своя неписаная хрестоматия, по которой они могут учиться: без забот и усилий учителя они владеют вполне достаточным для проработки курса материалом. Обосновав желательность и необходимость изучения в школе детского фольклора, Виноградов предпринял его описание, впервые в русской фольклористике подвергнув научной классификации. В детском фольклоре он выделил пять разделов или групп: игровой фольклор (песенки, связанные с игрою; молчанки, жеребьевки, считалки), потешный (потешки, перевертыши, сечки, каламбуры и др.), бытовой (песенные заговоры, детские заклинания, приговорки), календарный (масленичные песни, рождественские припевы и др.), сатирическая лирика (дразнилки, издевки, поддевки попрошай-

[10] Родной язык в школьном курсе словесности. 1927. № 2.

ки и др.). Все эти произведения, писал Г. С. Виноградов, известны детям, активно бытуют в их среде, доставляя исполнителям и слушателям искреннюю радость и наслаждение. Они близки и понятны детям и могут служить материалом при изучении многих вопросов поэтики художественного произведения, теории литературы. На знакомом и близком детям материале преподавателю нетрудно дать понятия о рифме, метре, эпитетах, сравнениях и др. Совершенно справедливо Виноградов утверждает, что едва ли можно найти более совершенный и более доступный материал для выяснения понятия ритма, чем такие виды детского фольклора, как считалки, сечки.

Идеи о методике преподавания фольклора в школе Г. С. Виноградов проверил на практике. В 1925 г. он прочитал доклад на эту тему для школьных учителей, и многие из них в своей практической работе в течение двух лет осуществляли мысли Г. С. Виноградова. Их работа оказалась успешной и плодотворной. Но ни замечательные идеи ученого, ни плодотворное осуществление их на практике ничего не изменили ни в школьных программах, ни в учебной и педагогической литературе. К сожалению, и в настоящее время преподавание фольклора в школе остается на том же, если не на гораздо низшем, уровне, чем в 20-е гг.

Исследования Г. С. Виноградова в области детского быта и фольклора в 1920-е гг. шли в общем русле возрастания внимания и интереса к проблемам детской культуры в широких культурных, научных и общественных кругах (психологические исследования Л. С. Выготского, лингвистические — Н. Рыбникова, В. А. Рыбниковой-Шиловой и др.). В 1922 г. на базе специальной детской библиотеки, созданной с помощью О. И. Капицы при петроградском Институте дошкольного воспитания, возникает студия детских писателей, сыгравшая заметную роль в истории советской детской литературы. Руководителями студии становятся С. Я. Маршак и О. И. Капица. В 1927 г. при отделении этнографии Русского географического общества была создана Комиссия по изучению детского быта, языка и фольклора, председателем которой стала О. И. Капица. Тем самым, по выражению Г. С. Виноградова, детский фольклор был авторитетно признан достойным внимания ученых отделом науки о народном художественном творчестве в слове.

В 1928 г. в Ленинграде выходит книга О. И. Капицы «Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение, собирание, обзор материалов». Как свидетельствует название, книга содержала историю собирания и изучения детского фольклора, отдельных его видов, наблюдения над поэтикой произведений детской устной народной словесности. При некоторых недостатках книги[11] она явилась первым опытом описания детской устной словесности и заполнила пробел в изучении этой области фольклора.

Г. С. Виноградов принимает активное участие в работе Комиссии, возглавляемой О. И. Капицей. В декабре 1927 г. он дважды выступал на первых заседаниях Комиссии с программными докладами о задачах и методах изучения детского фольклора и этнографии. После переезда в Ленинград он становится постоянным и деятельным членом Комиссии,

---

[11] См.: Виноградов Г. С. Детский фольклор//Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 166—167.

участвуя в ее научных и организационных заседаниях. Его статья «Из наблюдений над детским потешным фольклором» была опубликована в сборнике «Детский быт и фольклор» (1930), выпущенном Комиссией.

В 7—9 выпусках (1928—1929) «Сибирской живой старины», а затем отдельной книгой (Иркутск, 1930) выходит фундаментальный труд Г. С. Виноградова «Русский детский фольклор. Игровые прелюдии». Монография посвящена жанру считалок. Определяя цель работы, Г. С. Виноградов писал, что он намерен привести в известность накопленный материал, определить его объем и содержание, осветить произведения со стороны их формы, состава и построения. Поставленную задачу автор выполнил блестяще. Глубина постановки и разработки проблем, связанных со спецификой жанра, сильнейшая научная аргументация, эрудиция автора, обширный материал позволяют назвать эту работу выдающимся исследованием в области детского фольклора, по сию пору не только не превзойденным, но не имеющим даже близких аналогов.

Монография состоит из исследования и сборника текстов, снабженного комментарием. Материал сборника приведен в строгую систему, тщательно подобраны варианты текстов, имеющих точную паспортизацию. Исследование составляют двадцать глав, и посвящено оно важнейшим вопросам содержания, бытования и поэтики считалок. Автор дал определение игрового фольклора, осветил историю собирания и изучения этого вида детского словесного творчества, впервые в науке предпринял внутрижанровую классификацию, решил или поставил вопросы происхождения, бытования, географического распространения считалок. В основу классификации жанра Г. С. Виноградов положил его словарный состав. Такая классификация вполне обоснованна, и до сих пор в науке не было предложено ничего лучшего. Автор выделил три группы считалок: числовки, заумные и заменки. Считалки-числовки — это стихи, содержащие счетные слова (Раз, два...), заумные (искаженные) счетные слова (Первинчики, другинчики...) и эквиваленты числительных (Анзы, дванзы...). К заумным Г. С. Виноградов отнес считалки, целиком или частично состоящие из бессмысленных слов; к считалкам-заменкам — стихи, не содержащие ни заумных, ни счетных слов. Органичной и важной частью исследования являются главы о поэтике считалок. Автор анализирует композицию, семантику, лексику, синтаксис, словообразование, метро-ритмическую систему, уделяя особое внимание зауми в считалках.

Книга о считалках, по замыслу Г. С. Виноградова, должна была стать первой в ряду исследований по детскому фольклору. Последующие книги он хотел посвятить другим жанрам: игровым песням, календарному, бытовому, потешному, сатирическому фольклору, детской сказке и др. Последняя книга, замыкающая все издания, должна была включить историю изучения детского фольклора, классификацию устной детской поэзии, этюд о философском и прикладном значении исследований детского художественного творчества в слове.

Та часть архива Г. С. Виноградова, что сохранилась и находится в фольклорном хранилище Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, свидетельствует об огромной подготовительной работе ученого в этом направлении. Мелким красивым почерком, аккуратно, без единой помарки скопированы из печатных источников тысячи текстов произведений детского фольклора.

Тщательно и скрупулезно собирал Виноградов сведения о собирателях, исследователях, публикаторах детского фольклора. Во все концы страны к разным адресатам рассылал Георгий Семенович письма с просьбой сообщить те или иные факты биографии собирателей, исследователей детского фольклора, прислать фотографию. К сожалению, замысел Г. С. Виноградова остался неосуществленным. Беспокоясь о подготовке «Свода русского детского фольклора», в письме к О. И. Капице от 18.IX.1936 г. Г. С. Виноградов писал с горьким чувством: «Вышло шестое издание книги "От двух до пяти". Хорошо: "своя рука — владыка". Не смею наводить тень на таланты автора и многие достоинства книги, но не могу постичь одного: кому нужна такая книга? Ученому? — Он ей не поверит. Популяризатору? — Автор — сам популяризатор. Студенту? — Ему надо обращаться к ученому. Писателю? — Может быть. Я не писатель и за писателя не решаюсь отвечать. Знаю только, что по этой книге, в прежних ее изданиях, писатели еще не писали ничего. Родителям? — Пожалуй: сколько новых "материалов" доставят автору!.. Не примите моих суждений за злословие, Ольга Иеронимовна. Мне грустно, когда я думаю о судьбе *безусловно нужных* научных предприятий. Когда появится в свет Ваш свод материалов по детскому фольклору? За последние шесть лет на сколько сантиметров подвинулось вперед изучение детского фольклора и языка? А ведь именно *в эти* шесть лет выпущено шесть изданий книги "От двух до пяти"... Книга последнего издания более 20 печатных листов».[12]

Замысел Г. С. Виноградова и О. И. Капицы не осуществлен и по сию пору: «Свод русского детского фольклора» не издан.

В 1936 г. в письме к О. И. Капице Г. С. Виноградов писал о том, что хочет просить редакцию «Советского фольклора» пустить его в журнал с большой статьей энциклопедического характера о детском словесном творчестве, поскольку «больше мне двинуться некуда». Статья тогда же, видимо, была подана в редакцию «Советского фольклора», но, как это и предвидел автор, опубликована не была. До 1978 г. она считалась утерянной,[13] но была обнаружена в Рукописном отделе Института русской литературы среди неразобранных редакционно-издательских материалов отдела народного творчества и подготовлена к печати автором настоящей статьи.[14]

Работа «Детский фольклор» имеет обобщающий характер и освещает целый ряд вопросов, касающихся детской устной народной словесности. В краткой форме автор излагает историю собирания и изучения детского фольклора, предлагает классификацию жанров, рассматривает вопросы происхождения, бытования и исполнения детского фольклора, ставит проблемы поэтики.

---

[12] РО ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 42, № 19, л. 63—65.

[13] Мельников М. Н. Виноградов как собиратель и исследователь детского фольклора//XI науч. сессия Новосибирского пединститута. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 104.

[14] Виноградов Г. С. Детский фольклор.

3

В 1930 г. Г. С. Виноградов оставляет Иркутский университет и переезжает в Ленинград. Причины и обстоятельства срочного переезда, повлекшего за собой прекращение плодотворной профессорско-преподавательской и научно-организационной деятельности, до сих пор не выяснены, во всяком случае не освещены в печати. Пока можно лишь предположить, что не по своей воле ученый оставил любимую работу, и причины кардинального решения, принятого им, кроются в общей атмосфере общественно-политической и идеологической обстановки в стране. К 1930 г. многое изменилось в народоведении. В 1920-е гг. русская фольклористика и этнография развивались в значительной степени в русле краеведческих исследований. Краеведческая работа шла успешно и плодотворно. В декабре 1921 г. в Москве состоялась Первая конференция Научных обществ по изучению местного края, после чего было создано Центральное Бюро краеведения при Российской Академии наук, а в 1923 г. вышел первый номер журнала «Краеведение». Помимо уже существовавших краеведческих региональных обществ открываются новые, и довольно быстро вся страна покрывается сетью краеведческих организаций. В первом номере журнала «Краеведение» в статье от редакции отмечалось, что краеведческие организации продолжают расти, развиваться, ведут культурную работу, «поддерживая неугасимый огонь любознательности в деле познания разных уголков России во всех отношениях и тем созидая и синтезируя великое единое — познание всей нашей страны в ее целом». В марте 1923 г. в России (не считая Москвы и Петрограда) функционировало более 230 краеведческих обществ, их отделений и кружков и 285 музеев. Организуются съезды, конференции, издаются программы по собиранию фольклорных и этнографических материалов.

Вопрос о необходимости записи и изучения современного фольклора, исследования живых процессов, происходящих на глазах, охвата народного быта во всех его многогранных проявлениях ставится в работах крупнейших фольклористов и этнографов. Эта задача была сформулирована и в упоминавшейся выше программной статье Г. С. Виноградова «Этнография и современность». В ней Г. С. Виноградов подчеркивал, что народоведение имеет особенно большое значение в эпохи бурные, критические, когда наиболее цельно проявляется основная сущность народа: именно в такие исторические моменты изучение и наблюдение фактов современной народной жизни помогают исследователям понять сходные явления в отдаленном и недалеком прошлом. По мнению автора, перед фольклористами и этнографами стоят задачи изучения в динамике различных явлений народной жизни: семейно-социальных отношений, проявлений умственной деятельности, области искусства, записи детского фольклора, поскольку он активно отражает новые явления жизни.

Эти задачи Г. С. Виноградов ставил не только перед фольклористами и этнографами, изучавшими быт и словесное творчество взрослых; он настойчиво повторял в своих работах мысль о необходимости изучения мира детства, его культуры.

В 1920-е гг. оживленная работа ведется и в области школьного народоведения. Публикуются программы, инструкции, пособия для учащихся и учителей школ по собиранию фольклорных и этногра-

фических материалов,[15] проводятся конференции по вопросам краеведения в школе.[16] Авторы статей, программ, докладчики считают, что краеведческим материалом должны быть «насыщены все предметы в школе», что «школьное краеведение должно быть связано с жизненными запросами и нуждами местного края».

Еще в 1925 г. Г. С. Виноградов опубликовал статью «Этнография в курсе школьного краеведения»,[17] имеющую непреходящую ценность. Основной ее тезис: изучение гуманитарных наук (истории, языка, теории словесности) невозможно без знаний этнографии. По мнению автора, наблюдения над детскими играми важны и интересны потому, что большая их часть является имитацией жизни и деятельности взрослых и отражает не только прошлые, но и новые, нарождающиеся явления жизни.

Но в 1930-е гг. результаты объективных остросовременных наблюдений народной жизни, быта и культуры уже не отвечали требованиям официальной государственной идеологии, ненужными оказались исследования мира детства во всем его объеме, фольклора во всем жанровом многообразии. Происходит «сворачивание» краеведческой работы, пока она почти вовсе не замирает. Строгой цензуре подвергаются фольклорные публикации. Из архивов изымаются и уничтожаются фольклорные материалы, не отвечающие государственной идеологии. Этот процесс происходит и позднее. Так, в 1947 г. в фольклорном хранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР люди в серых плащах изъяли и уничтожили не только тексты «антисоветских» частушек, но и жестоких романсов.

Одновременно и в советской педагогике происходят необратимые процессы, и исследование детства приобретает узкопедагогическую, схоластическую направленность. И если в 1920-е гг. исследования Г. С. Виноградова протекали в общем русле возрастания интереса к проблемам детства, то в 1930-е гг. его труды оказались ненужными, была прервана деятельность талантливого ученого, заложившего основы этнопедагогики. Его обширные замыслы в области изучения мира детства остались не реализованы, его исследования, давно ставшие библиографической редкостью, никогда не переиздавались. На несколько десятилетий была «заморожена» фольклорно-этнографическая работа о детстве.

С переездом в Ленинград начался новый, очень трудный этап жизни Г. С. Виноградова: вынужденный отход от профессорско-преподавательской и научно-организационной деятельности, от любимой работы в области детского фольклора, материальная необеспеченность, отсутствие жилья, зависимость от случайных заработков. Но научно-исследовательская работа Г. С. Виноградова продолжалась и по-прежнему была широкой и многогранной, хотя ее направление не-

---

[15] См., например: Никифоров А. И. Этнография в школе. С приложением 66 программ для учащих и учащихся по собиранию материала в разных областях этнографии и фольклора. Л., 1926; Еременко П. Новозыбковский уезд: Пособие для школ, изб-читален, кружков самообразования и др. Новозыбков, 1925.

[16] См.: Краеведение и школа: Дискуссионный сборник. Вологда, 1926. (Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт).

[17] Сборник трудов Иркутского университета. Иркутск, 1925. Вып. 9.

сколько сместилось. Она связана с тремя академическими институтами: Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), Институтом этнографии, Институтом языка и мышления. В ИРЛИ Г. С. Виноградов участвует в переиздании классических сборников фольклора: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева и «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, в академическом издании произведений Н. В. Гоголя, в выпуске тома «Литературного наследства», посвященного М. Ю. Лермонтову.

Г. С. Виноградов сотрудничает в журнале «Советская этнография», периодических сборниках «Советский фольклор», для трехтомного труда «Русский фольклор» пишет главы о причитаниях, загадках, детском фольклоре, принимает участие в подготовке первых томов словаря современного русского литературного языка. Не оставляет он и «детской» темы. В сборнике «Детский быт и фольклор», выпущенном Комиссией по детскому фольклору, быту и языку (1930), публикуется его статья «Из наблюдений над детским потешным фольклором», а в «Бюллетене» Этнографической комиссии Украинской Академии наук — статья о детской сказке («Дитяча казка»), где он раскрывает само понятие детской сказки и помещает несколько текстов.

В эти же годы Г. С. Виноградов работает над сборником «Русские плачи», который выходит в большой серии «Библиотеки поэта» в 1937 г. Сборник явился первой антологией похоронных и рекрутских причитаний, выполненной на истинно научном уровне. Вступительная статья к сборнику написана Г. С. Виноградовым совместно с Н. П. Андреевым. Продолжая работать над темой причитаний, Г. С. Виноградов пишет статью для сборника М. М. Михайлова «Русские плачи Карелии» (Петрозаводск, 1940) и для сборника статей «Фольклор Карело-Финской ССР» совместно с А. Н. Лозановой статью о плачах в Карелии (Петрозаводск, 1941).

Работая в рукописном отделе ИРЛИ, Г. С. Виноградов подготовил описание архива академика А. Н. Веселовского,[18] архива трудного для обработки не только по причине большого объема, но и вследствие его специфики, связанной с исключительной широтой научных интересов фондообразователя, обилием текстов на иностранных языках, обширной переписки (несколько сотен корреспондентов), трудночитаемого почерка. На основе этой описи Г. С. Виноградовым был написан обзор архива и опубликован (после его смерти) в 1947 г. в «Бюллетене Рукописного отдела ИРЛИ» (М.; Л., 1947. Т. 1. С. 58—65). Г. С. Виноградов принимал участие в подготовке 16-го тома Сочинений А. Н. Веселовского, изданного в 1938 г., опубликовал несколько похоронных причитаний из его архива, записанных его корреспондентами, и собственные записи академика, в том числе тексты детского фольклора (Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1941. № 7. С. 161—168), неизданную статью А. Н. Веселовского «Из Новгородской глуши», содержащую его полевые наблюдения (Советская этнография: Сборник статей. М., 1939. Т. 2. С. 11—19). Кроме того, в 1939 г. Г. С. Виноградов вместе с М. П. Алексеевым подготовил к переизданию один из основных трудов А. Н. Веселовского — «Южно-

---

[18] См. об этом: Азбелев С. Н. Г. С. Виноградов и рукописное наследие А. Н. Веселовского//Дети и народная культура. Четвертые Виноградовские чтения. 15—20 мая 1990 г.: Тез. докл. Новосибирск, 1990. С. 5—6.

русские былины», включив в него многочисленные дополнения А. Н. Веселовского, не напечатанные ранее.

В 1940 г. в сборнике статей «Советская этнография» Г. С. Виноградов публикует статью «Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского». Автор статьи проделал колоссальную работу: проанализировал все опубликованные произведения Н. Г. Чернышевского и его переписку, собрав и систематизировав многочисленные высказывания писателя, касающиеся народоведения, предпринял изучение этнографических концепций Н. Г. Чернышевского. В это же время Г. С. Виноградов пишет статью «Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского "В лесах"», в которой доказывает, что главным источником для писателя был труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Последняя научная работа Г. С. Виноградова — статья «Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе», напечатанная в «Литературном наследстве» (М., 1941. Т. 43—44).

В тяжкие дни блокады Ленинграда Г. С. Виноградов, несмотря на свой возраст и плохое здоровье, вместе с другими сотрудниками нес круглосуточные дежурства по охране здания института. Тяжело больной, он был эвакуирован в Алма-Ату, откуда вернулся в Ленинград 30 мая 1945 г. Вернулся очень больной, перенес сложную операцию, но она не помогла, и 17 июля 1945 г. Георгия Семеновича Виноградова не стало.

Таков трудный и плодотворный научный путь замечательного русского ученого Г. С. Виноградова, крупнейшего специалиста по детскому фольклору, видного деятеля сибирского краеведения, этнографа, диалектолога. Его отличала высокая требовательность к своим работам: в исследованиях, письмах прослеживаются сомнения в правомерности выводов, стиля изложения, полноте материалов. Зато авторы даже самых скромных работ по детскому фольклору постоянно испытывали на себе его доброжелательное внимание. Так, по поводу каждой популярной детской книжечки О. И. Капицы следуют рецензии, письма, в которых отмечается все положительное в содержании, оформлении; критические советы даны в самой деликатной форме. Вот только критика по поводу внешнего оформления книги может быть жестковатой: и формат не тот, и рисунки нужно помельче... «И окончательно было бы хорошо, если бы наши художники отказались русских мужиков и баб изображать пошехонцами».[19]

Г. С. Виноградов никогда и никого не забывал поблагодарить за оказанную большую и малую помощь. Неоднократно в его работах выражена благодарность Зеленину, Никифорову. Капице, Азадовскому и другим — за материалы, советы, библиографию...

Он помнил юбилеи собирателей, публикаторов детского фольклора и писал статьи, некрологи, посвященные К. А. Авдеевой, П. А. Бессонову, М. В. Красноженовой, О. И. Капице.

---

[19] *РО ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 42, № 19, л. 5.*

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР В РАБОТАХ 1930-х ГОДОВ

(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ А. М. АСТАХОВОЙ и Г. С. ВИНОГРАДОВА)

Публикация ***И. М. Колесницкой*** *и* ***Т. Г. Ивановой***

В личном архиве А. М. Астаховой сохранилась папка, озаглавленная «Материалы Комиссии по детскому быту и фольклору Этногр<афического> отдела Р<усского> Г<еографического> О<бщества>».[1] На листке, вложенном в папку, рукою А. М. Астаховой написано: «Материалы эти переданы мне в таком неупорядоченном виде из библиотеки РГО после вынужденного отъезда секретаря Комиссии Н. М. Элиаш (1937 г.). А. Астахова». Содержание записки дает возможность предположить, что названная папка оказалась в руках А. М. Астаховой в результате каких-то драматических обстоятельств жизни Н. М. Элиаш.

Как известно, Комиссия по детскому быту, фольклору и языку была организована при Географическом обществе 6 декабря 1927 г. по инициативе О. И. Капицы, известной к тому времени своими работами по детскому фольклору и педагогической деятельностью в Институте дошкольного образования, а затем в Педагогическом институте им. А. И. Герцена.[2] Организаторы Комиссии (председатель — О. И. Капица, секретарь — Н. М. Элиаш) и ее члены развернули большую работу по собиранию и изучению детского фольклора в разных направлениях.

В 1930 г. была издана книга «Детский быт и фольклор» — первый и, к сожалению, единственный сборник, который вышел под эгидой Комиссии. Здесь были опубликованы три статьи О. И. Капицы: «Первый сборник детского фольклора (памяти П. А. Бессонова)»;[3] «Библиография по детскому быту, фольклору и языку (с 1917 по 1928 год)»[4] и «Обзор некоторых трудов по детскому фольклору на английском языке».[5] В последней из названых работ автором были охарактеризованы труды английских, немецких, американских и французских исследователей дет-

---

[1] В настоящее время папка находится в личном архиве семьи И. М. Колесницкой.

[2] См. об этом: Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора О. И. Капицей//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 149—164.

[3] Детский быт и фольклор/Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930. Сб. 1. С. 11—13.

[4] Там же. С. 42—50.

[5] Там же. С. 50—57.

ского фольклора конца XIX—начала XX в. Завершая статью, О. И. Капица подчеркнула своеобразие исследований детского фольклора в английской и русской науке: «В работах английских исследователей <...> выдвигается на первый план вопрос происхождения детского фольклора и сохранившихся в нем пережитков разных эпох. Вопросы формальной стороны, столь характерные для детского фольклора, и отражения в нем детского творчества мало затронуты, в противоположность русским исследователям, которые уделяют им много внимания».[6] Говоря об интересе русских ученых к «формальной стороне», О. И. Капица имела в виду прежде всего такие труды, как статья Г. С. Виноградова «Из наблюдений над детским потешным фольклором. „Сечки“»[7] или же известная работа А. И. Никифорова «Народная детская сказка драматического жанра».[8]

Предметом внимания членов Комиссии были также явления материальной культуры, связанные с жизнью детей. Так, в статье «Русская крестьянская игрушка» Л. Г. Оршанский рассматривает игрушку как произведение примитивного искусства. Его интересует процесс возникновения и эволюции игрушки, сходство форм и типов игрушки у примитивных народов, интернациональные и национальные черты в ней, влияние городской культуры.

Материалы сборника «Детский быт и фольклор», «Отчет о деятельности комиссии <...> в 1928 году», составленный Н. М. Элиаш,[9] а также повестки дня заседаний Комиссии, сохранившиеся в папке А. М. Астаховой, позволяют определить основные направления работы этого органа.

В сфере внимания Комиссии постоянно находился детский фольклор и быт народов СССР. На заседаниях были прочитаны доклады «Быт детей коряков» (С. Н. Стебницкий), «Быт якутских детей» (И. П. Сойкконен), «Жизнь детей кочевого и оседлого населения Камчатки (бытовая параллель)» (Е. П. Орлова), «Опыт изучения быта вотяцких детей» (К. П. Герд), «Эскимосский ребенок» (А. С. Форштейн), «Уход за новорожденными детьми у киргизов и казахов» (Ф. А. Фиелструп), «Куклы у ольчей» (С. В. Иванов), «Анимистические представления карельских детей» (Н. А. Никитина), «Рождение и первые годы ягнобского ребенка» (Е. М. Пещерова). Комиссия интересовалась также бытом детей зарубежных народов: В. В. Оде-Васильев «Воспитание арабского ребенка, его первые шаги», Н. П. Дыренкова «Типы колыбелей у турецко-монгольских племен», С. Я. Маршак «Английские народные детские песни».

Отдельной темой проходит ряд докладов, посвященных городским детям: А. В. Пруссак «Детские школьные журналы», Н. И. Озерецкий «Дети-нищие города Москвы», Л. Г. Оршанский «Ближайшие задачи изучения быта детей Ленинграда», А. И. Смирнов «О материалах по детскому фольклору (Московско-Нарвский, Володарский районы г. Ленинграда)».

Однако главное место в работе Комиссии занимали устная поэзия и быт крестьянских детей России, причем во главу угла здесь ставился региональный принцип изучения. В сборнике «Детский быт и фольклор» была опубликована статья Т. М. Ломаченковой о жизни девочек-нянь, построенная на материалах Тверской

---

[6] Там же. С. 56.

[7] Там же. С. 13—22.

[8] Сказочная комиссия в 1927 году: Обзор работ/Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1928. С. 49—64.

[9] Элиаш Н. М. Отчет о деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку в 1928 году//Детский быт и фольклор/Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930. Сб. 1. С. 7—10.

губернии.[10] На Комиссии заслушаны доклады А. П. Серебренникова «Питание детей в Смоленском уезде Смоленской губернии», его же сообщение «Быт крестьянских детей двух деревень Смоленской губернии», доклады П. А. Александровой «Мальчики-пастухи Ржевского уезда Тверской губернии», М. В. Красноженовой «Ребенок в крестьянском быту (по материалам бывшей Енисейской губернии)», М. Я. Покровской «Наблюдения над бытом детей поморов Мурманского побережья», В. И. Чернышева «Сказки детей Пушкинской волости», Н. И. Гаген-Торн «Отношение к детям в колыбельной песне в великорусской деревне».

Благодаря энергичной работе Комиссии различные научные учреждения, ведущие экспедиционную работу, стали включать в свои программы по собиранию фольклора и специальные пункты, касающиеся этнографии детства. Так, в 1928 г. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция Института истории искусств на Мезень. Здесь устно-поэтическое творчество детей собирала И. М. Левина, сделавшая позднее на Комиссии доклад «Детский фольклор Мезенского уезда».[11] В 1933 г. Фольклорная секция Института антропологии и этнографии направила в с. Шокшозеро Ленинградской области Н. М. Элиаш, которая сделала записи сказок, песенного творчества, заговоров, свадебного обряда и т. д.[12] Собранные сведения о детском фольклоре были обобщены исследовательницей в докладе «Колыбельная песня, детский фольклор и язык деревни Шокшозеро».

Самой ценной частью содержимого папки из архива А. М. Астаховой являются рукописи двух неопубликованных статей: А. М. Астаховой «Из быта и фольклора Тарбагатайского района Бурято-Монголии» и Г. С. Виноградова «Сказки как источник детского поэтического творчества». Внутри папки сохранилась другая, разорванная папка, на которой имеется надпись: «Детский быт и фольклор. Вып. 2. Статьи, подготовленные для печати». Очевидно, что названные работы предназначались для этого неосуществленного издания.

Как следует из бумаг, 28 января 1935 г. на заседании Комиссии был прочитан доклад А. М. Астаховой об устно-поэтическом творчестве детей Тарбагатайского района. Сообщение А. М. Астаховой было ею построено на материалах экспедиции Института антропологии и этнографии АН СССР и Государственного Института культуры Бурято-Монгольской АССР, которая состоялась 25 июля—27 августа 1934 г.[13]

За месяц работы среди семейских Забайкалья (русское старообрядческое население здешнего края)[14] экспедицией было записано 1450 словесных текстов (песен,

---

[10] Ломаченкова Т. М. Девочки-няни//Там же. С. 28—35.

[11] Материалы, собранные И. М. Левиной, хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13. Известна статья собирательницы по пинежским материалам: Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище//Крестьянское искусство СССР. II. Искусство Севера. Л., 1928. С. 201—234.

[12] Н. Э. [Элиаш Н. М.]. Поездка в Шокшозеро (1933 г.)//Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 219—220.

[13] См.: Астахова А. М. Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурято-Монгольской АССР//Сов. этнография. 1935. № 1. С. 122—123.

[14] О семейских см.: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920; Попова А. М. Семейские: (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; Долотов А. Старообрядчество в Бурятии: (Семейские в Забайкалье). Верхнеудинск, 1931; Мотицкий В. П. Старообрядчество Забайкалья: Прошлое и настоящее. Улан-Удэ, 1976; Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1985.

частушек, сказок, преданий, рассказов о гражданской войне, загадок, пословиц, заговоров, причитаний, духовных стихов, описаний свадебных обрядов и т. д.). В настоящее время данный материал хранится в фольклорном архиве Института русской литературы (р. V, кол. 42, п. 1—12).[15] Произведения детской устной поэзии находятся в папках 8, 10 и 11.

Судя по черновикам протокола заседания Комиссии от 28 января 1935 г., доклад А. М. Астаховой вызвал доброжелательный интерес слушателей, причем помимо чисто научных аспектов в аудитории нашла отклик практическая направленность сообщения собирательницы. Один из слушателей отмечал: «Искание смерти детьми, игра на деньги, катание за грузовиками — признаки имеющейся детской безнадзорности, ждущей своих работников по охране детства Тарбагатайского района». Приведенные строки из протокола заседания очень характерны для деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку. Члены Комиссии пытались не только изучать детство, но и участвовать в преобразовании жизни детей.

Публикуемая ниже статья А. М. Астаховой построена на материалах доклада. Статья представлена в двух машинописных экземплярах; имеются также авторские черновые наброски. Машинописные варианты А. М. Астаховой не были до конца вычитаны. Так, не исправлены многочисленные, опечатки (например, на с. 1 «Ветка» напечатано как «Вятка»). Можно отметить отдельные лакуны на месте слов, не разобранных машинисткой. Такие фрагменты нами реконструированы; в публикуемом тексте статьи они даются в квадратных скобках. Публикаторами также уточнены ссылки на литературу, все сноски даются в соответствии с современными правилами. Статья печатается с небольшими купюрами, которые отмечены отточиями в угловых скобках. При подготовке работы А. М. Астаховой к печати было сочтено возможным опустить отдельные фрагменты, где дается социальная характеристика жизни деревни 1930-х гг. (создание колхозов, появление первых детских садов, роль пионерских отрядов в школах и т. д.).

Если для А. М. Астаховой обращение к детскому устно-поэтическому творчеству было лишь незначительным эпизодом в ее научной биографии, то для Г. С. Виноградова изучение детского фольклора и народной педагогики стало делом всей его жизни. Труды Г. С. Виноградова в области детской устной поэзии давно стали классикой нашей фольклористики.[16] Вклад ученого в развитие науки о народном творчестве высоко оценен советскими исследователями.[17] Начиная с 1987 г. в разных

---

[15] О фольклоре семейских также см.: Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969; Болонев Ф. Ф. 1) Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ, 1975; 2) Народный календарь семейских Забайкалья: (Вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.

[16] См. его работы: Детский народный календарь//Сибирская живая старина. 1924. № 2. С. 55—86; Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925; Детская сатирическая лирика//Сибирская живая старина. 1925. № 3—4. С. 65—106; Народная педагогика. Иркутск, 1926; Детские игровые прелюдии//Сибирская живая старина. 1928. № 7. С. 47—88; 1929. № 8—9. С. 119—174; Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. Кн.1; Дитяча казка//Дитячий фольклор. Киев, 1930. С. 17—30. (Бюлетень Етнографічної комісії Всеукраїнської Академії Наук. № 14) и др.

[17] Сизых Д. 1) Педагог-фольклорист//Сибирские огни. 1963. № 4. С. 170—174; 2) Труженик науки: (Г. С. Виноградов—этнограф и фольклорист)//Сибирь: [Альманах]. 1971. № 1. С. 98—103; Астахова А. М. Георгий Семенович Виноградов (к 80-летию со дня рождения)//РЛ. 1966. № 3. С. 195—201; Мельников М. Н. Талантливый исследователь быта и творчества сибиряков: К 80-летию со дня рождения Г. С. Виноградова//Сибирские огни. 1966. № 11. С. 163—164.

городах России проводятся Виноградовские чтения, которые стали уже традиционными и успели завоевать авторитет в фольклористических кругах.[18]

В 1920-е гг. Г. С. Виноградов жил в Иркутске. Однако он находился в постоянной переписке с О. И. Капицей и благодаря ей был в курсе дел Комиссии.[19] В одном из писем конца 1920-х гг. — недатированном — он живо интересовался: «Как в этом году идут дела Комиссии? Много ли докладов, накоплений, достижений? Когда я пытаюсь представить себе заседание у Вас, хорошо вижу председателя, секретаря, Павла Константиновича[20] — милого старца-ребенка <...> Не знаю, когда удастся побывать с вами вместе, когда увижу Вас. Почему-то не думаю, что нескоро».[21] И действительно Г. С. Виноградову во время его приездов в Ленинград неоднократно доводилось участвовать в заседаниях Комиссии по детскому быту, фольклору и языку и делать на них свои доклады. Так, он присутствовал на первом заседании Комиссии 6 декабря 1927 г., где был заслушан его программный доклад, в котором автор «выдвинул необходимость изучения детских коллективов, артелей, сообществ, изучение детского языка, вопросов детского мировоззрения и процессов детского творчества».[22]

Среди бумаг папки А. М. Астаховой сохранился листок с пометами Н. М. Элиаш: «1928 г. Янв<арь>. Доклад Г. С. Виногр<адова>. Организ<ационный>». Это, по-видимому, «краткий доклад об очередных задачах изучения детского фольклора», упомянутый в Отчете Н. М. Элиаш,[23] где она говорит о январском заседании Комиссии.

В 1930 г. Г. С. Виноградов переезжает из Сибири в Ленинград. Теперь наконец-то у ученого появилась желанная для него возможность регулярно посещать заседания Комиссии по детскому быту, фольклору и языку. В повестке дня от 4 мая 1930 г. значится сообщение Г. С. Виноградова «Основные задачи изучения детского языка».

Статью ученого «Сказка как источник детского поэтического творчества» предположительно можно датировать началом 30-х гг., так как самая поздняя литература, на которую ссылается автор, относится к 1930 г. Необходимо отметить, что эта работа совершенно иного плана, чем статья А. М. Астаховой о быте и фольклоре детей Тарбагатайского района. Исследование Г. С. Виноградова не построено на материалах экспедиции в определенный регион, а является плодом многолетних теоретических размышлений автора над вопросом о том, какое место занимает детский фольклор в устном поэтическом творчестве русского народа, как детская народная поэзия соотносится с фольклорным репертуаром взрослого населения. Как нам кажется, многие идеи ученого, высказанные в этой работе, и сегодня остаются очень свежими и актуальными.

---

[18] О целях и задачах Виноградовских чтений подробнее см.: Мухлынин М. Памяти фольклориста//Изв. культуры России. 1989. № 3. С. 63—65.

[19] В личном архивном фонде О. И. Капицы сохранилось 38 писем Г. С. Виноградова: РО ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 42, ед. хр. 19 (крайние даты: 13 августа 1925 г.—28 ноября 1936 г.). Кстати, отметим, что богатейший фонд О. И. Капицы, очень мало еще введенный в научный оборот, представляет огромный интерес в плане изучения деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку.

[20] П. К. Симони.

[21] РО ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 42, ед. хр. 19, л. 40 об.

[22] Элиаш Н. М. Отчет о деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку в 1928 году. С. 8.

[23] Там же.

Статья Г. С. Виноградова печатается полностью, без сокращений, с учетом карандашных рукописных вставок исследователя. Публикаторами сверены цитаты и оформлены в соответствии с современными правилами сноски.

А. М. Астахова

ИЗ БЫТА И ФОЛЬКЛОРА ДЕТЕЙ ТАРБАГАТАЙСКОГО РАЙОНА БУРЯТО-МОНГОЛИИ

Предлагаемый очерк основан на материале, собранном мною летом 1934 года в двух больших селах Тарбагатайского района БМАССР[1] — Тарбагатае и Большом Куналее.[2] Население этих сел — русские, так называемые «семейские». Это старообрядцы, переселенные правительством еще в середине XVIII в. из Ветки и из Стародубья, куда они попали из средней России в конце XVII—начале XVIII в. во время гонений на раскол.[3] Происхождение названия «семейские» исследователи обычно связывают с характером их переселения: они пришли в Сибирь и селились там не одиночками, а целыми семьями.

Кроме семейских в с. Тарбагатае живут еще и «сибиряки» — русское сторожильческое население, пришедшее сюда в более ранние годы колонизации. Они составляют всего около 15% населения.

Но как и везде в Забайкалье, так и в Тарбагатае, семейские и сибиряки не смешались и образуют до сих пор две обособленные этнографически своеобразные группы, занимая даже отдельные, разделенные речкой, части села: «Семейшина» и «Сибирь». Большой же Куналей — село исключительно семейское.

Работая по теме «фольклор колхозов семейских», я, естественно, должна была захватить и фольклорные явления в детской среде на фоне общего быта семейских. Собранный таким образом материал, касающийся детей, не является исчерпывающе полным, однако все же достаточно характерен и типичен, чтобы говорить о нем в отдельной статье <...>

Размеры настоящей статьи не позволяют дать развернутой картины детского быта, начиная с самых первых дней младенчества. Ограничусь поэтому лишь некоторыми моментами, в которых особенно сильно сказались контрасты семейской деревни — власть бытовых и идеологических пережитков и столкновение их с элементами нового быта и мировоззрения.

В Тарбагатае больница с акушерским отделением, в Б. Куналее — фельдшерский пункт, однако в силу традиции «бабка» и до сих пор главное лицо при родинах. Она принимает ребенка, «погружает», то

---

[1] БМАССР — Бурято-Монгольская автономная советская социалистическая республика (*примеч. Т. Г. Ивановой и И. М. Колесницкой*).

[2] Астахова А. М. Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурято-Монгольской АССР//Сов. этнография. 1935. № 1. С. 122—123.

[3] Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области//Известия Сиб. отд-ния. Рус. геогр. об-ва. 1872. Т. 3, № 3. С. 120—133; Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1922.

есть крестит, если он слаб,[4] нажевывает ему первую соску — нажеванный хлеб с сахаром или с «лампасы» — в реденькой тряпичке, через которую ребенок постепенно высасывает нажеванное. На второй или третий день бабка моет ребенка и родильницу в жаркой бане, заговаривает от «грызи», «сглаза» и прочих бед.

«Жева́нка» в дополнение к груди, которую ребенок сосет «три поста», зверски раскачиваемая (сверху вниз) зыбка, подвешенная к очепу, в которой ребенок остается обычно до появления в семье следующего младенца («Инавот и до пети годов качаетца»), — обычный физический обиход младенца. В случае заболевания — часто помощь тех же бабок или средства переходящей из поколения в поколение семейной «лечебной» мудрости.

Элементы нового культурного быта до сих пор еще довольно слабо проникали в раннее младенчество. Ясли в колхозах открывались только на время «страды», и только с осени этого года, да и то не во всех колхозах Тарбагатая и Куналея, они должны были стать постоянными.

Необходимо отметить, что, несмотря на всю силу традиции и достаточно крепкую еще веру в бабок, матери все же чаще и чаще начинают обращаться за медицинской помощью в больницу. Также можно считать почти сломленным упорное в недавнее еще время сопротивление оспопрививанию («печать антихристова»), в силу которого болезнь ежегодно уносила или уродовала десятки детей. Однако и до сих пор вследствие отсутствия должной гигиены младенчества смертность среди маленьких детей еще очень высока (до 2/3).

Интересно отметить остатки древних запретов, связанных с появлением на свет младенца и с первыми днями его жизни. Один запрет касается самой родильницы и заключается в том, что старательно скрывают от всех окружающих факт наступления родов почти до самого решительного момента. Особенно стараются скрыть это от девушки: «За девку до аднава́ воласа будеш маятьця». В силу этого запрета иногда родильница и вовсе остается без помощи. Другой запрет относится уже к самому ребенку: не показывать его никому до шести месяцев во избежание «сглазу». Обычай этот сейчас уже начинает выводиться: «Нов́ые не берегут, не закрывают»; «Дети советские крепкие, сглазу не боятса» (одна молодая женщина из Б. Куналея).

С самого рождения ребенок становится в подчинение «власти родительской» и бытовой традиции. Некрещеные дети встречаются у семейских крайне редко, так же как и дети с новыми именами. Ребенок носит под рубашечкой крест, рано приучается, войдя в горницу, истово креститься на образа, затверживает непонятные для него слова молитвы. Девочкам внушается любовь к семейскому костюму, и лишь немногие из них втихомолку мечтают о «сибирском» платье.

Вообще в период раннего детства до школы семья и улица семейской части села являются почти единственными факторами воспитательного и образовательного воздействия. Лишь в этом году в Тарбагатае открылись на время страды две детские площадки, да и то плохо оборудованные и стянувшие поэтому к себе очень незначительное количество детей.

---

[4] Впоследствии в таком случае перекрещивает уставщик или поп.

Таким образом, дети в первые годы формирования своего сознания находятся всецело под влиянием среды, в значительной части темной и отсталой. Они рано впитывают первобытно-дикие представления о мире и окружающем — о бесах, которые стерегут каждый шаг людей, о «волховитках», наводящих порчу на людей, скот, хлеб, о происхождении дождя, грома и других природных явлений «от Бога» и т. п. От одной маленькой девочки лет семи мною записано следующее магическое заклинание от бесов: «Крест сохранитель, крест красота церковна, крест верам держенье, крест ангелам слава, крест бесям язва».

Случалось слышать также от детей, что «воспа — чертова печать», что «курить — грех», утверждение, что «скоро светопреставление будет». Наконец, беседы детей, что лучше умереть, так как «вот хлеба нет» — на тему, являющуюся отголосками суждений взрослых <...>

Конечно, мы видим и другие противоположные явления. Семейское село выдвинуло ряд активных и сознательных участников революции, в семьях которых дети видят и слышат иное: рассказы о партизанском движении в Тарбагатайском районе, о том, как с вилами и косами жители Тарбагатая и Куналея давали отпор белым бандам, выражение интереса и заботы в отношении колхозного строительства и т. п.

Однако отмеченные мною выше отрицательные влияния более распространены, составляя как бы общую почву, на которой взращивается детское сознание.

К этому следует прибавить еще довольно значительную часто грубость в семьях в отношении детей, взрослых друг к другу и к детям: детей нередко бьют, а брань настолько распространенное бытовое явление, что даже самые маленькие дети имеют уже в своем лексиконе некоторый запас ругательных слов.[5]

Отрицательное влияние дети воспринимают и на улице, принимая постоянно, в качестве внимательных слушателей, участие в уличных сборищах женщин, судачащих на завалинках о разных семейных и деревенских делах <...>

* * *

Игровая деятельность семейских детей находилась под моим непосредственным наблюдением лишь в течение одного летнего месяца. В этот период дети все свое свободное от разных домашних работ время проводили на улице или на задворках, образуя обычно половозрастные группировки. Игр с определенными правилами я в живом их бытовании почти не зарегистрировала. Несколько раз лишь видела игру, которую дети обозначают названием «Тарелки ломать» и в которую играют обычно дети младшего возраста 5—8 лет. Взявшись за руки, они быстро кружатся, затем резко разнимают руки, причем нужно устоять на ногах. Любимым же времяпрепровождением ребят явилась — у совсем маленьких и у детей лет до восьми — игра в песок: постройка «городу́шек», рытье «колодцев» и т. п.; у девочек постарше — игра в куклы, катанье на самодельных качелях — досках, по-

[5] Отметим этнографичность этих ругательств: антихрист, аспид, змей, змей проклятый, сатана, язва.

ложенных поперек бревна, купанье, а главным образом, отмеченное уже выше присутствие в качестве слушателей при беседах сидящих на улице взрослых женщин. Любимым же развлечением мальчиков явилось неустанное катанье их на грузовых машинах, особенно в Тарбагатае, где МТС[6] и машины в течение всего дня проносятся по селу. С изумительной ловкостью мальчуганы на всем ходу машин цепляются за задок, карабкаются в грузовик и затем, также на полном ходу, соскакивают. В этой опасной забаве они готовы проводить целый день, и даже несчастные случаи[7] с некоторыми из них не могут их остановить.

Произведенный, однако, мной опрос ребят выявил довольно большое количество игр, бытующих среди них. В числе этих игр мы находим целый ряд игр спортивного типа, как разные виды ловиток («кошки-мышки»,[8] «лисичка-собачка»,[9] «га́ри, га́ри ясно»,[10] «голубки»[11]); пряталки («палочка-складалочка»); игры в мяч («пристенок»,[12] «лапта»,[13] «выживаем»,[14] «в кашку»[15]); семь разновидностей «бабок»;[16] игру «в зоску»;[17] «жгуты».[18]

Из перечисленных игр две имеют небольшие приговоры: «Га́ри, га́ри ясно» («Гарю, гарю на камушке о задней парочке») и «Палочка-складалочка» («Палочка складалочка на мести лежит»).

Некоторые из игр сохраняют календарное приурочение: так, «в зоску» играется весной, «скалки» (один из видов «бабок») — зимой.

Из игр сюжетных с развернутым диалогом зарегистрированы мной следующие: «в коршуна»,[19] «волки»,[20] «гуси»,[21] «пасу, пасу барашка»,[22] «цари»,[23] «каски».[24] Все записанные варианты сохранили свою

---

[6] МТС — машинно-тракторная станция (*примеч. Т. Г. Ивановой и И. М. Колесницкой*).

[7] Я сама была свидетельницей довольно серьезных ушибов и ранений, которые получили несколько ребят, вытряхнутых из грузовика.

[8] Ср.: Игры народов СССР: Сб. материалов, составленный В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. М.; Л., 1933. № 140, 141.

[9] Там же. № 31.

[10] Там же. № 935.

[11] Разновидность «кошки-мышки» — голубок вырывается из круга, его ловят.

[12] Обычная игра в мяч в стену с фигурами по уговору.

[13] Игры народов СССР. № 1350—1387.

[14] Двое перекидывают мячик, а двое перебегают так, чтобы мяч не задел.

[15] Одна партия старается засечь мячом членов другой, находящихся в очерченном круге — «сухарях». Убегающие могут прятаться в другом круге — «кашке».

[16] Игры народов СССР. № 1200—1225.

[17] Там же. № 1272.

[18] Там же. № 1462.

[19] Там же. № 112.

[20] Там же. № 50.

[21] Там же. № 96.

[22] Там же. № 93.

[23] Чаще известна под названием «короли» («Здравствуй, король». — «Здравствуйте, дети, где вы были?» и т. д.).

[24] Игры народов СССР. № 422.

обычную структуру и песенки, произносящиеся речитативом. В качестве образца приведу игру «Пасу, пасу барашка»:

«Сидять в ряд на лавочке. Адин гаварит:

Пасу, пасу барашка,
Волк придёть,
Усех заберёть,
До косточки,
До малосточки,
До куриной галавы,
До седой бороды!

Кто гаварит, ему волк гаварит: „Валяй, тебе матка купила запан". Он придёть к дому и спросит: „Матка, ты мне купила запан?". Она скажет: „Ничего я не купила".

Патом матка пайдёть смотреть. Если нет баран, то спрашивает пастуха: „Где баран?" — „Пить ушол". Ана ево начинает гонять, начинает гаварить: „Куда барана дел, куда барана дел?". Он апять пасть. Ани (волки) ево апять помают. Он апять барана патерял. Ана апять ево гоняет.

Пока всех не украдут».

Довольно обширной также является группа игр с пением и с воспроизведением в действии того, о чем поется. Наибольшее число из них хороводные. Это «Летели две птички»,[25] «Сидела дрема»,[26] «Заинька»,[27] «Корзиночка»,[28] «В бабушку Федосью», «Караварь»,[29] «Просо сеяли»,[30] «Хороню я золото».

Привожу запись игры «В бабушку Федосью»:

Какую-нибудь выберем, в круг станем, кричим:

У бабушки Федосьи
Было семеро детей.
Ани ели всё не ели,
Друг на дружку всё гледели,
Разом делали вот так.

Разные движения пальцами, руками. Кто не успеет, идёт за бабушку Федосью».

Интересна трансформация в детской среде спустившихся в нее старых обрядовых пѐсен. Так, общеизвестная игра «Просо сеяли» имеет следующее окончание (после перехода девицы):

— В нашем по́лке скачетца, скачетца.
— В нашем по́лке плачетца, плачетца.
— В нашем по́лке пряннички, пряннички.
— В нашем по́лке булоцки, булоцки.

---

[25] Там же. № 455.

[26] Там же. № 544.

[27] «Заинька, рви цветочки...» и т. д.

[28] Выбор цветов: «В этой корзинке много цветов...».

[29] Тоже игра в выбор: «Караварь, караварь, ково любиш, выбирай».

[30] Игры народов СССР. № 621.

Игру эту, как и многие другие игры этой группы, дети называют «школьныши» в противовес тем, которые они «узнают сами», то есть перенимают друг от друга и более старших. «Школьные» же это те, которым они научаются в школе и в которые преимущественно в школе и играют. Это — «Корзиночка», «Дрёма», «Летели две птички». Таким образом, здесь мы наблюдаем интересный процесс возвращения через школу в крестьянскую, но уже детскую среду старинных игровых песен, когда-то бытовавших в среде взрослых.

Очень любопытна переработка старой обрядовой игры «Хоронение золота». Сохранив свою любимую основу, игра придала ей детски наивную форму. Играют девочки:

«Много народу посядят. Адна прячет стекалеечку. А другая отгадывает, какая-нибудь девочка. Гаварят:

Хороню я золото,
Хороню я серебро,
Цисто серебро пропало,
Все закýржавелó.
Меня мать будет бить,
Сударáми[31] колотить.

Если атгадает, то идёт женишка искать. Ани спрашивают: „В той стороне? По этой?“ (то есть по какой стороне живет женишок). Ана скажет. Ани атгадывают, какой мальчик. Кто атгадает, тот атгадывает, а ани апять прячут стекалеечку».

Из игр, несомненно занесенных из города, следует назвать «Телефон» и новую, завезенную в Б. Куналей комсомольскую игру в «Голосование». При быстром перечислении, за что голосуют (за бедняков, кулаков, колхозы и т. п.), быстро поднимают руки, проголосовавший неправильно платит фант.[32]

Что касается игрушек, то в руках маленьких детей я их замечала редко, хотя на окнах домов нередко можно увидеть покупные игрушки — куклы и звери из папье-маше. Чаще всего у малышей видишь баночки и щепочки. У детей постарше уже видим самодельные игрушки: у мальчиков каталки — одно или два колеса, прикрепленные на палке, деревянные тележки, рогатки для стрельбы в птиц; у девочек — куклы.

Куклы делают из тряпок, наряжают в семейские сарафанчики с запанами,[33] делают кички. Летом свертывают в виде кукол большие капустные листья, обертывая их тряпками. Устраивают кукольные квартирки, на окнах — миниатюрные для маленьких кукол, в завознях — большие для себя и своих «детей», больших кукол. Играют в «молодухи», наряжаются сами, делают из платков кички, ходят с «детьми» в гости друг к другу, угощаются и т. п.

Других игр, в которых дети воспроизводили бы жизнь взрослых, мне наблюдать не пришлось.

---

[31] Кулаками.

[32] Аналогична известной игре с подниманием руки при правильном обозначении того, что может лететь (утки летят, воробьи летят, аэроплан летит, собака летит <...> и т. п.).

[33] Фартуки.

* * *

Довольно значительное количество хорошо сохранившихся игр с песенками, приговорами, диалогом уже свидетельствует о живучести в среде семейских детей словесно-музыкального фольклора. Наблюдения в других областях говорят нам о том же. Широко распространены среди детей считалки, дразнилки, поддевки и другие виды детского фольклора в узком собственном смысле этого слова (фольклор, бытующий только у детей). Кроме того, сохраняется еще в живом фольклорном обиходе ряд заклинаний природных явлений: ветра, дождя, солнца. Мне самой пришлось однажды наблюдать трехлетнего ребенка, который около получаса бежал за бабочкой, неустанно приговаривая:

Бабка, бабка,
Сядь на печку,
Я скую
Тебе колечко.

Другой раз — видеть девочку лет восьми, произносящую заклинание во время сильнейшего порыва ветра перед грозой:

Вихорь, вихорь,
Не жанись,
К тебе на свадьбу
Не пайду
И рушник
Не принесу.

Но помимо собственно детского фольклора семейские дети владеют еще большим репертуаром молодежной частушки, которая распевается ими постоянно: качаются ли они на качелях, метут ли горницу, во время других работ по дому, сидя под окном на завалинке, забравшись куда-нибудь на горку или пробегая по улице с каким-нибудь поручением.

Кроме того, дети знают ряд песен, усвоенных ими из фольклорного репертуара взрослых, а также и песен, выученных ими в школе, знают загадки, сказки, которые, потеряв совсем почти свое былое значение во взрослой среде, сохраняются еще у детей. Наконец, мне говорили, что даже множество причитаний, прочно удерживающихся в старших возрастных кругах, не только известно девушкам (у одной девушки я сама записала причитание), но и детям. Однако проверить это утверждение не удалось.

Остановимся на отдельных разделах фольклорного репертуара детей.

Большинство записанных вариантов собственно детского фольклора являются чрезвычайно традиционными и общеизвестными. Многие из считалок дают точное или почти точное повторение материала, помещенного у Г. С. Виноградова[34] и П. В. Шейна:[35] «Шел солдатик

---

[34] См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. Кн. 1.

[35] См.: Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 3—51.

(или татарин) из больницы», «Ниточка-иголочка», «Заяц белый, куды бегал», «У маленькой корзинке», «Шла кукушка мимо сети», «Ехал мужик по дороге», «Домик, домик двуэтажный», «Аты-баты, шли солдаты», «Разик, двазик» и др. Иные представляют, правда, некоторые бóльшие или мéньшие варьяции опубликованных ими, новую контаминацию известных в других сочетаниях мотивов. В качестве образца этих последних приведу следующие считалки:

1. Раз, два, кружева,
   Три, четыре, прицепили,
   Пять, шесть, косы есть,
   Семь, восемь, сено косим,
   Девять, десять, вышел красный месяц,
   А над месяцем луна,
   Девка с мальчиком жыла,
   Ты, луна, падай карету,
   А я сяду и паеду,
   Поглежу, какой наряд,
   Сини брюки, красный хлаг.
2. Ниточка, иголочка,
   Синенька стеколочка,
   Рыбка рак —
   Маленький дурак.
3. Строны, звоны,
   Ичи, пачи,
   Три вирды качá,
   Па мякие калача.
4. В бане веники мачёны,
   Шолка брёна прикачёна,
   Вилы, грабли, брус украли,
   Полтораста рублей дали.

Той же крепкой традиционностью отличаются: поддевки, молчанки, и прочее. Например, общеизвестна молчанка «Сорок кадушек жареных лягушек»: идет перечисление насекомых и затем — «кто цё скажет, тот всё съесть». Или:

Чок, чок,
Зубы на крючок,
Кто цё скажет,
В лоб щелчок.

Гораздо больше непосредственного местного творчества в дразнилках, хотя и среди них заметное место занимают известные и в других местах, как, например:

Ерохá требухá
Съел корову
Да быка

или

Настёнок —
Кривой поросёнок,
На камешке родился,
Гавёшком подавился

или чрезвычайно популярная:

Катя, Катя,
Катерина,
Нарисована
Картина,
Ни рукою,
Ни пером —
Из лохани
Помелом.

Большинство дразнилок связано с именами или прозвищами самих ребят или их родителей, например:

1. Горшок-черепок,
   Только в печку
   Не сади
   (про девочку Гашу).
2. Грунциха — груздь зелёный
   (про девочку, отца который зовут Грунич).
3. Максим Горький.

Есть дразнилки, основанные на внешнем виде осмеиваемых:

1. Квашня («мальчик, толстое брюхо, наестся — ходит так» — показывает).
2. Лоханка с соплями.
3. Бабка («карапузик маленький»).

Реже встречаем дразнилки, возникшие как обличение определенных нравственных свойств:

1. Давунья пестерёвская крыса (девочка из соседней деревни Пестерёво — плакса. «Плачет — слеза давит»).
2. Пластинин — убражала («убражает — модничает»).

О детских заклинаниях я уже говорила. Кроме приведенных выше, мы еще имеем обращения к дождю и к солнцу:

1. Солнышко, солнышко,
   Выглени в окошечко:
   Детацки плацют,
   Есть хоцют.

(«Когда мы купаемся, оно под облака войдёт, мы и просим»).

2. Дождь, дождь, припусти,
   Мы поедем на кусты
   Богу молитьца,

Царю кланйтьца.
Царь сирота,
Аткрывай варата
Ключиком, замочком,
Шолковым платочком

(«Когда маленький идёт, а мы просим»).

3. Дождь, дождь,
Поливай нашу рожь
Дедушкину пшаничку,
Наш ячмень
Паливай весь день

(«Когда плохой идёт»).

Из репертуара взрослых дети раньше всего усваивают материал, который им нужен при выполнении поручаемых им обязанностей — нянчить своих младших братьев и сестренок. Материал этот — колыбельные песни, байки, в живом бытовании представляющие обычно импровизированный узор, наносимый на несложную схему основного мотива. Варианты записанной мной са́мой популярной в Тарбагатайском районе байки об отсылке буки под сарай наглядно показывают это свободное обращение со схемой:

1. Бай, бай, бай, бай,
Иди, бука, под царай,
Иди, бука, под царай,
Коням сена накидай,
Мово Колю не пугай.
(Тарбагатай)

2. Бай, бай, бай,
Иди, старик, под царай,
Под цараем ты начуй,
Маво Колю не целуй.
(Тарбагатай)

3. Баю, баю, баю, бай,
Люли, люли, бай, бай, бай,
Маленький, баю, бай,
Да Евтифеюшку
Баю, баю, бай, бай, бай,
Пади, котик, под сарай,
Пади, котик, под сарай,
Варобеичку паймай,
Варобеичку паймай,
Евтифеюшку падай.
Евтифейчик будет спать,
Варобеичку держать.
(Б. Куналей)

Следует отметить, что баек с пожеланием смерти, таких обычных в северном фольклоре, у семейских мне совершенно не встретилось.

Характерная особенность состояния фольклора у семейских в настоящее время, обусловленная чертами их бытового уклада, — отсутствие резкого разграничения песенных репертуаров молодежи и более старших возрастных слоев — сказалась и на [детском] фольклоре. Какая-то часть песенного репертуара детей всегда отбирается у молодежи: девочками — из репертуара девушек, мальчиками — из репертуара парней. Таким образом, у семейских девочки знают некоторые песни и романсы, входящие в репертуар старших возрастных слоев, и исполняют их, стараясь точно воспроизвести самый стиль исполнения, мальчикам знакома какая-то группа песен, бытующих среди взрослых мужчин. Так, например, девочки 8—15 лет в Тарбагатае поют старые жестокие романсы, как «Сгубили меня кари очи», тюремные песни «Голова ль ты моя удалая» или «Скрывалосе солнце за степи» (переработка «Колодников» А. Толстого), которые входят в основной репертуар взрослых и определяются ими как «старинные песни».[36] От группы мальчиков 14—15 лет в Б. Куналее мне удалось записать романсы еще более раннего слоя: «Пташки пели перепели», «Што ж ты, пташечка, привзулыла».

Напротив, романс новый, салонный, цыганский, а также городская песня различных прослоек мелкого городского мещанства и деклассированных: уголовная мелодрама, блатная песня и т. д. — совершенно почти неизвестны как в девичьем кругу, так и у девочек семейских. Обусловлено это главным образом тем, что при общей неграмотности девушек у них совершенно отсутствуют рукописные альбомы и песенники — обычный источник и проводник этого материала. У девочек же подростков если изредка и находили альбомы, то они преимущественно наполнены лишь традиционными альбомными стишками.[37] Альбомы-песенники мы встречаем у парней, а также у мальчиков лет четырнадцати. В них одно из главных мест занимает тюремная и блатная песня. Вообще репертуар мальчиков-подростков, которые на гулянках уже группируются со взрослыми парнями, носит в некоторой уже степени след более поздних городских влияний.

Говоря о песенном репертуаре детей, следует сказать о революционной и новой советской песне, хотя они и не являются еще фактом фольклора и обычно воспроизводят [авторский] текст и напев. Однако в исполнение все же начинает привноситься кое-что из местной манеры исполнения (начальный момент фольклоризации). Запас этих песен невелик, все же дети, усваивающие их из школы, в настоящее время при отсутствии [грамотной] молодежи являются главным проводником в деревню советской песни. Зарегистрированы случаи, когда дети сами выучивали из книжек новые песни и подбирали к ним мотив. Наиболее укрепились в детской среде следующие песни: «По долинам и загорьям», «Забайкальская (Идет страна походною колонной)», «Красноармеец был герой» и некоторые другие.

Серьезное внимание следует уделить вопросу о частушке в детском музыкально-поэтическом обиходе семейских ввиду ее большой актуаль-

---

[36] Действительно в фольклорном обращении мы находим эти песни уже в конце XIX века.

[37] Но вообще альбомы и у девочек — явление редкое.

ности. Девочки 8—15 лет владеют почти всем репертуаром девичьей частушки. Это по преимуществу бытовые и любовные частушки. Социально-острые и политические занимают значительно меньшее место среди них. [Записан] ряд антиколхозных, антисоветских, причем дети не только их знают, но и поют их, пользуясь ими в качестве аргумента для своего суждения о колхозе. Частушек колхозных, утверждающих новое мировоззрение, дети знают мало, почти совсем отсутствует в их обиходе советская книжная частушка. Наконец, что особенно характерно для семейских детей, — это полное отсутствие антирелигиозных и антиклерикальных частушек.

Также немного частушек, отразивших черты нового быта и новой идеологии.[38] Интересны записанные мною от детей частушки, выражающие отрицательное отношение к семейской одежде:

Пошла плясать —
Прикусила губки,
Мы семейски еропланы
Перешьем на юбки.

Или заключающие протест против домостроевщины:

Я на тятеньку, на мамыньку
Составлю протокол,
Приду вецером с гуляноцки,
Ложусь на голый пол.

Есть частушки и о новом милом-коммунисте:

Хорошо тебе, калина, —
На тибе широкий лист,
Харашо тебе, Калина,
Тибя любит каммунист.

Но этих частушек еще мало. Отмеченный мною состав семейской частушки и бытование классово-чуждой и враждебной [частушки] находят объяснение в указанных мною особенностях быта, идеологии семейских.

При большой действенности частушки у семейских вообще и в частности у детей одной из неотложных задач является оздоровление частушечного репертуара семейской деревни.

Скажу еще несколько слов о сказке и загадке у детей семейских. Сказка среди детей сохраняется в живом бытовании. Дети любят рассказывать их друг другу, есть такие, которые пользуются известностью как хорошие сказочники. Таковы, например, Ариша Гордеева 12 лет, дочь бедняка-колхозника в селе Тарбагатае, или Нюра Семенова 10 лет из колхоза «Победитель» села Б. Куналей, и некоторые другие. Большим репертуаром эти маленькие сказочницы не обладают, знают обычно пять-три-четыре сказки, но рассказывают их действительно

[38] Лишь в Б. Куналее зафиксировано освоение некоторых частушек из номеров местной агитбригады.

хорошо. Источниками сказки, бытующей у детей, являются, с одной стороны, рассказы матерей и бабушек, с другой стороны — книга, хрестоматия и др. Зарегистрированные мною сюжеты говорят о довольно пестром составе сказочного репертуара детей. Здесь и сказки о животных («Про лису и рыбу»), и фантастические («Ванюшка и ведьма», «Морозко», «Снегурочка», «Про двенадцать разбойников и девочку»), и социально-бытовые («Брат бедный, брат богатый», «Про Ваньку дурака», «Поп-подкулачник», «Муж с женой спорили, у кого больше работы»).

Загадки, которые знают дети, преимущественно книжного происхождения, хотя попадаются и усвоенные от старших старинные бытовые и мифологические, вроде:

1. Под лесóм, лесóм висят калёса с падвесом
(серёжки).
2. Заржал жеребец на Сиянской горе, услышал народ на сырой земле
(гром).

Попадаются и новые, занесенные уже в самое последнее время, как, например: «Я в Москве, он в Ленинграде в разных комнатах сидим, бытто вместе гаварим» (радио).[39]

Из обрядового фольклора спустился к детям и бытует троицкий обряд завивания березки и кумления.[40] Маленькие девочки приносят березку во двор, втыкают ее в песок, наряжают лентами и тряпочками и «кумятся» под ней. При этом поют плясовую песню «По улице мимо кузницы».

Наблюдения в области фольклора детей семейских, с одной стороны, убеждают нас в большой его актуальности, в живой потребности детей в нем, с другой стороны — говорят и о значительных нездоровых и вредных влияниях, идущих в детскую среду через фольклор, преимущественно усваиваемый от взрослых. Как и в области организации детского быта вообще, так и в отношении фольклора необходима большая и серьезная работа местных культработников.

Г. С. Виноградов

СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ДЕТСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Как во всяком словесном произведении, в сказке нужно различать две стороны: конкретно выраженную и потенциально данную.

Исполнитель сказки в меру опыта и таланта привлекает и рисует в основном готовые, уже существующие, уже созданные художественные образы, следует за ними уже по проложенным следам, повествует о них в традиционной форме.

Моменту рассказывания у сказочника предшествует осознанное или подспудное определение цели исполнения произведения: создать в дет-

---

[39] Очевидно, новая разгадка сменила прежнюю — телефон.

[40] Сохраняется еще у девушек, которые ходят «кумиться» на реку Селенгу.

ском кругу здоровую, жизнерадостную атмосферу, вызвать у слушателей то или иное настроение (позабавить, развеселить и пр.), ответить их смутному желанию уйти из будничного мира в мир праздничный, мир нарядный, или рассказать, чтобы научить.

В момент исполнения произведения, в момент сказывания для сказочника и — может казаться — и для слушателей существует лишь слышимая и воспринимаемая конкретно данная, для всех понятно выраженная сторона сказки, сама по себе интересующая художника-сказывателя не далее момента достижения непосредственно поставленной цели. Сказочник может и не догадываться (и обычно и не догадывается), что аудитория, слушая его повествование, слышит и воспринимает не только подносимое, готовое, конкретно даваемое, но и то, чего он не подозревает существующим в исполняемой сказке.

И это иное, если не во всем новое, то неожиданное, чего не знает и даже не подозревает сказитель в своем замысле и скрытом намерении и в своем повествовании, рождается из его сказки. Оно крылось в сказке, было в ней непреднамеренно заложено и хранилось в скрытом виде.

Не сказыватель, а слушатель в меру собственного духовного богатства раскрывает потенциальную сторону сказки, развертывает заложенные в ней, но до поры скрытые, возможности к иной жизни. И щедрые дары сказочника в обнаружении оказываются еще щедрее.

Наличием двух сторон художественных произведений — конкретно выраженной и потенциально данной — и возможностью затенения и отодвигания (иной раз граничащего с почти полным отстранением) одной и частичного или полного раскрытия другой обусловлено явление перехода словесных произведений из одних условий бытования в другие. Этот переход обычно влечет за собою изменение назначения, смысла и формы произведения и тем самым переход произведений в новый жанр.

Есть какие-то свойства, какие-то особенные черты словесных произведений или их отдельных частей, которые с легкостью обнаруживают кроющиеся в них возможности отвечать новому назначению, принять новый вид, новую форму.

Вновь создавшиеся произведения какие-то качества сохраняют от прежних, пережитых стадий своего существования, какие-то свойства приобретают вновь, беря их от того жанра, в который они перестраиваются. Переход в новый жанр, надо полагать, подчиняется какому-то порядку, каким-то нормам, которые надлежит еще найти и определить.

В сознании необходимости накопления фактов, освещающих этот давно не новый, но в должной мере не разработанный вопрос, написана настоящая заметка, являющаяся продолжением и развитием нескольких замечаний, мимоходом и по другим поводам сделанных мною ранее.[1]

Весьма показательные случаи дает история перерождения жанров при миграции произведений в новую среду, к новой группе хранителей

---

[1] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. Кн. 1. С. 217—229 (раздел «Пометки к текстам»).

и исполнителей, в частности — при перемещении из одной возрастной группы в другую.

Наблюдения показывают, что из произведений устной литературы, чаще всего и более всего подверженных перерождению в новые жанры при переходе в детскую среду, в первую очередь надо назвать те, которые входят в состав *поэзии пестования;* сюда относятся колыбельные песни, разнородные потешки, загадки.[2]

К этой же области устной поэзии должны быть отнесены некоторые группы *сказок*, предназначенных взрослыми для детей (домашние, или семейные сказки): сказки-песенки; сказки докучные; к ним можно причислить и — кажется, немногочисленные редакции общих сказок, приспособленные сказителями-пестунами для детской аудитории.

Эти группы домашних сказок через пестунов-сказителей делаются достоянием детской среды и хранятся здесь не только как оберегаемое богатое наследство, но и используются как обильный материал, питающий художество слова.

Сказки — одни больше, другие меньше, одни всею полнотою образующих их элементов, другие отдельными своими частями — то определяют *направление* поэтического творчества детей, то подсказывают или дают готовые *формы* поэтических произведений или их частей, то навевают художественные образы.

Влияние на детей и их художественное творчество народной сказки свидетельствуется богатой мемуарной и биографической литературой. Иногда это влияние, испытанное в детстве, сказывается и в последующей жизни художника.[3]

О том, как под влиянием народных сказок «зарождаются образы, которые потом через много лет оформятся, облекутся в плоть и кровь»[4] в творениях художника, недавно рассказано в биографии Коненкова.

Совсем недавно же скромный поэт «с уверенностью» поведал, что именно народные сказки определили его отношение к поэзии.[5]

От сказки в конечном счете ведет «ту линию, которая в будущем вытянулась в писательство», Андрей Белый.[6]

Если влияние сказки может пройти через всю — иной раз очень не короткую — жизнь, то, очевидно, в пору непосредственного ее воздействия, в моменты ее восприятия и усвоения, именно в детские годы, она способна обрядить, осветить и облагоухать собою многие стороны детского повседневного существования и различные обнаружения детской творческой жизни.

В одних случаях сказка, вплетаясь в детские переживания, дает освещение или осмысление жизни или ее отдельных моментов. Не

---

[2] Виноградов Г. С. Народная педагогика. Иркутск, 1926. С. 15—19.

[3] Глубокое влияние народной сказки, определяющее будущие пути развития и направление творчества художника, угадывал еще юношей Лермонтов, сетуя, что в детстве он не знал пестуна-сказочника (см.: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 4. С. 350—351).

[4] Глаголь С. С. Т. Коненков. Пг., 1920. С. 13, 18.

[5] Скиталец. Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 5.

[6] Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л., 1930. С. 217.

стремясь к обилию примеров, буду приводить только необходимые пояснительные иллюстрации.

Пятилетняя девочка слушает нянины сказки. Из другого источника она знает на память и часто «громко тянет нараспев»:

То как *путник* запоздалый
К нам в окошко *застучит* ...

И сказка несет в детский мир свою весть, и стихи поэта несут свою весть. Может казаться, что и сказка и стихи входят в содержание сознания как разрозненные элементы. В действительности оказывается, что из различных источников притекающие в сознание мысли и образы при известных условиях могут впасть в одно русло.

«...в тишине вдруг нам слышится легкий стук, точно по стеклу <...>, я прислушиваюсь, решаю, что стучат в окно, и, подойдя к нему, прислоняюсь лицом к замерзшему стеклу и стараюсь разглядеть, кто там стучит. Ставни еще не закрыты, но сквозь замерзшее двойное окно плохо видно во двор, хотя он по временам освещается луной, которую то закрывают, то открывают быстро бегущие облака <...> Мне чудится, что кто-то заглянет в окно, то опять никого нет. И мне вдруг приходит в голову, что это, верно, какой-нибудь „путник" заблудился и стучит к нам в окошко <...> Вероятно, вспомнив сказку про то, как кто-то получает от какой-то старухи-ведуньи клубок ниток, по которому он всегда найдет дорогу куда следует, — я, не долго думая, открываю ящик няниного стола, стоявшего между окнами, где лежат несколько клубков, и, выбрав самый большой, лезу на стул и стараюсь раскрыть форточку».[7]

В других случаях сказка строит рядом с текущей повседневностью иную, подлинную — прекрасную жизнь.

Хотя, казалось бы, во всем сказки художницы-сказительницы «были похожи на обыкновенную жизнь», но мальчик «знал также, что <...> он сам, маленький, некрасивый, большеглазый <...> был не в обыкновенной, будничной, а в настоящей, яркой жизни не кто иной, как царевич из Петровниной сказки». И сама сказительница «была для него живым и смелым противоречием будничной жизни».[8]

Не раз засвидетельствовано, что дети не решаются рассказывать сказки своих пестунов: [9] возможно, они боятся, что в своем исполнении лишат сказку улавливаемого смысла и художественной полно-

---

[7] Черткова А. К. Из моего детства: (Из воспоминаний)//Маяк. 1910. № 11. С. 50—51.

[8] Соловьева П. С. (Allegro). Петровна//Соловьева П. С. (Allegro). «Тайная правда» и другие рассказы. СПб., 1912. С. 81. Рассказ «Петровна» можно рассматривать как оригинальную главу из художественной автобиографии (см.: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии//ЖМНП. 1915. № 3. С. 26, 37).

[9] «Дети знали почти все сказки Петровны наизусть, но никому из них никогда не приходило в голову попробовать повторить их» (Соловьева П. С. Петровна. С. 78). См. также: Виноградов Г. С. Дитяча казка//Дитячий фольклор. Киев, 1930. С. 19. (Бюлетень Етнографічної Комісії Всеукраїнської Академії Наук. № 14).

ты.[10] Но для себя или реже для узкого круга лиц эти сказки исполняются в действии, переходят или преобразуются в игру, в драматическое произведение.

Никому неведомый мальчик из «низенького пузатенького домика в восемь окошек по улице» — Иван Царевич. «Деревянный коняжка с мочальным хвостом» — быстрый добрый друг, Серый Волк, который, конечно, добудет «ослепительную Жар-Птицу с алыми яхонтами вместо глаз и с бурмицким зерном в клюве...».[11] Так переживается сказка: отменяется текст, но живут воплощенные сказочные образы и исполняются сказочные действия.

О сложной и длительной игре в сказку находим показания в припоминаниях о детских годах Андрея Белого: «Сказка есть сказка, или — не то, что кругом, а некоторое *„как бы“*».[12] «Из этого *„как бы“* <...> вылупляется в нем (ребенке. — *Г. В.*) предприимчивость, творчество».[13] В мире сказок «все протекает не по правилам индуктивного мышления Джона Стюарта Милля», а потому «я свободно в сказку играл, то есть видоизменял материал ее фабулы, как мне угодно».[14] «Мне нечего сочинять символизм, когда у меня многолетний опыт игры», начатый игрой в сказку, «и ряд упражнений в символизации».[15]

Вывод, к которому приводят эти и подобные наблюдения, — тот, что сказка является действенной не только в момент действия, в момент ее сказывания; действие ее может длиться неопределенно долгое время, неопределенно долгие сроки: сказка не только *дается* (намеренно) испонителем-мастером, — она (помимо сознания и намерений сказителя) *задается*.

Это положение относится главнейшим образом к так называемым волшебным сказкам — к сказкам значительного объема, сравнительно сложного построения, завораживающим детскую аудиторию своей многочудесностью, оказывающей действие всей своей полнотой и полным ее выражением.

Однако было бы ошибкой утверждать, что на сказки малой формы, малого объема, несложного построения не может распространяться сделанное наблюдение.

Занимающие центральное место в ряду домашних сказок сказки с песенным элементом привлекают к себе внимание в раннем детстве и хранятся памятью всю жизнь. Достойно внимания то обстоятельство,

---

[10] «Она (няня. — *Г. В.*) одна могла их рассказывать, потому что она одна умела это делать. Произносила она какое-нибудь слово, и оно сверкало и горело в ее мягких старческих устах, а повторял это слово кто-нибудь другой — и падало оно, серое и холодное, с тупым скучным стуком, как потухший древесный уголь» (Соловьева П. С. Петровна. С. 78).

[11] Дурылин С. Журкины дети: (Из воспоминаний детства)//Маяк. 1911. № 9. С. 1.

[12] Белый А. На рубеже двух столетий. С. 164.

[13] Там же. С. 175.

[14] Там же. С. 164.

[15] Там же. С. 225; на ту же тему см. на с. 337 этого же издания.

что память взрослого человека хранит «числом не численное» множество раз слышанные в детстве сказки только в отрывках.

Можно привести не одно свидетельство, показывающее, что в памяти детей отлагается и прочно хранится *не вся сказка*, а только ее отдельные части. Несколько примеров, которые сразу приходят на память, — это страницы воспоминаний, посвященные детским годам и домашним сказочникам, и согласные с ними наблюдения фольклористов.

«Теперь, наяву, я <...> помню из них (из няниных сказок. — *Г. В.*) только отрывки», — вспоминает один автор.[16] У другого читаем: «Помню, что в одной сказке повторяется *припев*:

Месяц светит,
Мертвый едет,
Живую везет, —
Не боишься ли ты, моя душенька?».[17]

Хорошо запомнилась мемуаристу, верно, потому что со слезами слушались «раздирательные *вопли* братца Алешеньки, взывающего к сестрице Аленушке:

Кипят котлы кипучие <...>
Точат ножи булатные...».[18]

«У меня в памяти сохранились лишь *отрывки* из разных сказок, особенно *припевы*», — огорчается даже молодая женщина.[19]

В большем числе примеров едва ли есть надобность. Зачем эти отрывки могут понадобиться взрослому? Для него каждый из отрывков не может казаться ни значительным, ни живым или нужным. Они у него обычно так и остаются disjekta membra (разрозненные члены (*лат.* — Т. И., *И. К.*), без всякого использования.[20]

---

[16] Ковалевская С. В. Литературные сочинения. СПб., 1893. С. 13.

[17] Андреевский С. А. Книга о смерти. Л., 1924. С. 34.

[18] Лаврентьева С. И. Пережитое: (Из воспоминаний). СПб., 1914. С. 13. Интересно, что именно эти стихи запомнились и другим авторам воспоминаний: Фигнер В. Н. Моя няня//Сборник товарищества «Знание» за 1906 год. СПб., 1906. Кн. 14. С. 203; Я. П. Полонский вспоминает о своей крепостной няне, почти сверстнице его:

«.... Ты ж другую песню мне
Напевала при огне:
Ай, кипят котлы кипучие! ...»

(см.: Полонский Я. П. Поли. собр. стихотворений. СПб., 1896. Т. 2. С. 291).

[19] Едемский М. Б. Сказки на Севере//Сказочная Комиссия в 1926 г.: Обзор работ. Л., 1927. С. 47.

[20] Если иные и используются взрослыми, то не в качестве самостоятельных произведений, а как острое слово или присловье, — в случаях, подобных встреченному у А. С. Пушкина: «Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй — не стой» (Пушкин А. С. Капитанская дочка//Пушкин А. С. Соч.: В 6 т. СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1910. Т. 4. С. 385. (Библиотека великих писателей/Под ред. С. А. Венгерова)). Ср. сноску 37.

Но попадая в детскую среду, каждый отрывок занимает свое место, где начинает жить жизнью самостоятельного законченного произведения, приобретает свой особый смысл и жизненность.

Есть особый вид семейной сказки, где встречаются неумирающие выразительные моменты повествования, когда в тихий эпический поток сказочной речи устремляются то малые, то большие, то чуть слышные, то весьма приметные струи лирики и музыки. Так в повествовательную форму сказки входит новый элемент — песенный, который устраняет однотонность и уменьшает силу действия монолога. Обычно это — «чужая речь». В сказке она тем или иным способом выделяется, оттеняется мастером-исполнителем.[21] Верно, потому мемуаристам и запомнились на всю жизнь эти отрывки, что в детстве они с особой силой поразили детское воображение: песенные части сказок или вообще части повторяющиеся и чередующиеся с повествованием.

Нет ничего удивительного в том, что эти части запоминаются особенно прочно; именно семейная сказка и должна удерживаться памятью с особой силой: мало того, что домашняя сказка почти каждым ребенком выслушивается бесконечное число раз («в пятый или десятый раз», как сказано у одного мемуариста),[22] подряд много лет, — выра-

---

[21] Как прежние, так и современные мемуаристы, неизменно отмечают *манеру исполнения* группы сказок драматического жанра. До последних дней долгой жизни запомнились Н. И. Пирогову *«интонация в голосе*, с которой Прасквья старалась *наглядно* <...> изобразить свирепую бабушку (Ягу. — *Г. В.*) и наивную внучку» (Пирогов Н. И. Вопросы жизни: Дневник старого врача. СПб., 1885. С. 207). Этим же словом пользуется А. К. Черткова, делая попытку охарактеризовать манеру сказывания своей няни: «...она начинала рассказывать так, как рассказывали, вероятно, сказки в стародавнюю старину, — настоящей „сказочной" *интонацией* (не могу подобрать иного выражения). Речь ее текла как беспрерывный ручеек, немного нараспев, без повышений» (Черткова А. Наша нянюшка: (Из моего детства)//Маяк. 1910. № 12. С. 4). В тиши невольного уединения В. Фигнер, вспоминая нянину сказку о сестрице Аленушке, не позабыла «мелодии <...> старческого *речитатива*» (Фигнер В. Н. Моя няня. С. 203). На склоне лет Лаврентьевой звучат «непременным припевом» слова из сказки: «Я-асно, я-асно, небо чи-истое <...> Е-едет, едет добрый мо-о-лодец!» (Лаврентьева С. И. Пережитое. С. 13).

О выразительном исполнении «чужой речи» в этой группе сказок можно, будь в том необходимость, говорить еще и еще. Словно сводя к определенному единству наблюдения мемуаристов-предшественников, совсем недавно Скиталец, говоря о своей бабушке-няне, кратко записал: «...она умела рассказывать их (сказки. — *Г. В.*) артистически, великолепным сказочным языком, в лицах, с пением и прибаутками» (Скиталец. Воспоминания. С. 5).

Традиция, свидетельствуемая мемуарной литературой, хранится до самого последнего дня. О том сообщают И. Калинников (см.: Калинников И. О собирании сказок в Орловской губернии//Живая старина. 1913. Вып. 3—4. С. 358—359), Д. К. Зеленин (см.: Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. С. XXVI), Н. П. Гринкова (см.: Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи//Художественный фольклор. М., 1926. Т. 1. С. 90), М. Б. Едемский (см.: Едемский М. Б. Сказки на Севере. С. 47), А. И. Никифоров (см.: Никифоров А. И. Народная детская сказка драматического жанра//Сказочная комиссия в 1927 г.: Обзор работ. Л., 1928. С. 56—57). У А. И. Никифорова исполнение песенной «чужой речи» показано нотной, неподтекстованной, к сожалению, строчкой.

[22] Свешников Н. И. Воспоминания пропащего человека. М.; Л., 1930. С. 20.

зительные ее части, входя в повествовательную часть произведения как в раму, при каждом случае исполнения сказки произносятся не один раз; к тому же они скреплены строго определенным размером, устраняющим мертвые углы и неживые линии, а иногда и постоянной рифмой; в то время как редакция повествовательной части сказки может от раза к разу в той или иной мере изменяться, песенка или речитатив имеет устойчивый, постоянный текст.

Дети в своем кругу, как упомянуто, не рассказывают семейных сказок: мастерство пестунок-сказителей их подавляет. Но не лежать же совершенно под спудом накопленному добру.

Сила потребности есть сила творчества. Когда в детском кругу ощутится по тому или иному поводу надобность в художественном произведении, из общества выделяется мастер в художестве слова, свой rex versuum (король стиха, *лат. — Т. И., И. К.*). Его творчество, как всякое устное творчество, течет по линии наименьшего сопротивления.[23] Как навязчивый мотив, помнятся парные слова, рифмы, рифмованные отрывки — песенный элемент домашних сказок и т. д. В зависимости от спроса, от потребностей момента и, конечно, не без зависимости от находчивости и таланта поэта, из незаметно накопленных словесных сокровищ подхватывается то, что при данных обстоятельствах будет признано за лучшее.

Ясно, что не все запомнившиеся из сказки стихи могут быть использованы в детской устной поэзии, а лишь те, что отвечают вкусам детей-поэтов и нормам детской поэтики.

Используются из репертуара взрослых (будь то произведения, специально исполняемые для детей, или сказки, которые удается ребятам слушать в аудитории взрослых) стихотворные отрывки, отвечающие вкусам и потребностям в метро-ритмическом отношении, стихи, обильные рифмами. Такие отрывки и такие стихи, даже будучи подхваченными на лету, случайно, мимоходом, в аудитории не детской, напрашиваются на скорое и твердое запоминание и поступают — в том или ином виде — в обращение в детской среде.

Более всего влияние сказки обнаруживается в детском фольклоре на текстах запасного значения[24] и, естественно, на самом богатом жанре детской устной поэзии — на считалках; заметно меньшее влияние сказки можно наблюдать на произведениях сатирической лирики и молчанках.

Воздействие сказок на детское творчество выражается в разных случаях различно: то сказочный текст (обычно это так называемые кумулятивные сказки) почти без изменений переносится в детский репертуар, где исполняет новую функцию, то берется из сказки только отрывок, который в перередактированном виде несет новую службу, то заимствуются отдельные стихи, которые вводятся в какую-нибудь новую оправу, то малые части стихов из сказок встречаются в детской устной поэзии как реминисценции.

---

[23] На эту тему см.: Виноградов Г. Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925. С. 13.

[24] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. С. 19.

В одних случаях концовка сказки почему-нибудь окажется привлекательной, запомнится и при подходящем случае будет использована. Например, сказка о Снегурочке встречается в редакции, имеющей рифмованное заключение:

Ударили в до́ску,
Паехали в Мо́скву (и т. д.).[25]

Эти два стиха в разных вариациях встречаются в переплетении с другими в нескольких текстах широко распространенных (по ту и другую сторону Урала) считалок.[26]

Конечно, невозможно с непреложностью утверждать, что непременно из сказки пришли в считалку эти стихи (они встречаются и в произведениях других видов поэзии, доходящих до детей), но уже одно то обстоятельство, что стихи замыкают сказку, они воспринимаются как ее заключительный аккорд и невольно остаются в памяти.

Как шутки-поддевки, а чаще и главным образом в качестве присказки нередко исполняются так называемые *докучные сказочки*, например:

Жил-был царь.
У царя был сад,
В саду был пруд,
В пруду плавал рак,
А кто слушает,
Тот дурак.[27]

Последние стихи сказочки поражают своей неожиданностью и силой выражения. Кажется, было бы удивительно, если б их не оказалось в составе детской устной поэзии. И мы их находим там, где менее всего ожидаем, — в качестве концовок некоторых считалочных текстов:

Там был рак.
Кто слушал,
Тот дурак.[28]

Может быть, не только считалочный строй, но и приметное место (начало главы) сделало особенно заметными и обеспечило проникновение нескольких стихов из знаменитого «Конька-скакунка»[29] в считалку:

---

[25] Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи//Художественный фольклор. М., 1926. Т. 1. С. 95. № 32.

[26] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 400, 437, 458, 486-6, 343.

[27] Семенов С. На мельнице: (Из картинок деревенской жизни)//Маяк. 1914. № 1. С. 58. Текст присказки очень распространенный.

[28] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 431, варианты; ср. также № 486.

[29] Басов-Верхоянцев С. Конек-скакунок//Басов-Верхоянцев С. Собр. соч. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 59.

Царь велел его повесить.
Часты звезды набежали,
Царю месяца не дали.[30]

Стихи, связанные наиболее удачной постоянной рифмой (ермаки-колпаки и т. д.), парами вырываются из текста сказки и вплетаются в ткань считалки. Общераспространенный считалочный текст об ермаках[31] можно с достаточными основаниями рассматривать как извод или реминисценцию из сказки («Прибакулоцька-прибасеноцька»), где читаем:

Прискакали Ермаки, сини колпаки (и т. д.).[32]

Трудно указывать источник, определенно называть сказку, как невозможно и утверждать, что вообще в сказке мы имеем начало считалочных стихов, где ясные признаки «сказочности» стерлись до совсем незначительных остатков в виде упоминаний о железных столбах и королях, в виде таких выражений, как «стали думать да гадать», «красну шапочку нашел» и т. п.,[33] но направленная в эту сторону догадка или предположение не могут считаться вовсе беспочвенными.

Для обработки детьми берутся не всегда малые отрывки; при перередактировании их они часто видоизменяются до такой степени, что не сразу можно обнаружить источник детского стихотворения; пример, который сразу вспоминается, дает сказка «Лисица, петух и журавль» в записи Н. Е. Ончукова[34] и считалка из Владимирской губернии:[35]

Сказка	Считалка
Шла мати-лисичка	Колочу, молочу
на боярский дом,	На поповом лугу (гумне),
хотела съись	Я по курице цепом,
из телятника телёнка,	Я из курицы перо
из курятника курёнка,	Под Иваново село.
от бабы робёнка,	Из Иванова села
от суки щенёнка,	Мужик с пестом,
от овчи ягнёнка,	Жена с шестом,
от кобылы жеребёнка.	Маленьки ребятки
Вор-петух увидал <...>	с клюшечками,
Весь народ услыхал,	Стареньки старушки

---

[30] Виноградов Г. С. Русской детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 71, варианты; ср. также № 95-а, варианты, № 151.

[31] Там же. Разд. Тексты: № 486 и варианты, № 489.

[32] Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1909. С. 46. № 10.

[33] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 253, 508, 509, 510, 335, 310-г, 505.

[34] Ончуков Н. Е. Северные сказки. С. 50. № 11.

[35] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 398.

набежал с сковородничками,
Старые старухи с лопатами, Старенькие старички
с ухватами, с палочками.
старые старики с топорищами,
с коромыслами,
малы робята с мутовками,
с колотовками,
хотят лисичку бить и убить.

Сопоставление показывает, что перед нами одна фабула: почти одинаковая завязка (преступный замысел — в одном, преступное деяние — в другом), совершенно одинаковый исход. Несовпадение двух текстов в первой части может быть объяснено, между прочим, тем, что считалочный текст является изводом из другой редакции той же сказки, — с иным началом интересующего нас отрывка. Если в первой части (1—9 стихи сказки и 1—5 стихи считалки) при неполном сходстве в «содержании» полное различие в отношении оформления, то во второй части полное сходство в изображении действия, в способе рисовки образов и в самом стиле: в характере компонентов, синтаксическом их построении, словарном составе и пр. Разница в расположении компонентов в устном произведении значения, конечно, не имеет. Отсутствие некоторых звеньев фабулы в считалочном тексте в сравнении с текстом сказки можно рассматривать как результат сокращения объема текста, послужившего источником происхождения считалки: эта тенденция к уменьшению объема в творческой переработке произведения и перерождение его в один из жанров детской поэзии постоянна.[36]

Рассмотренный пример дает отрывок, обильный рифмами и в силу этого привлекающий к себе ребенка-поэта, но в метро-ритмическом отношении эти стихи не относятся к числу тех кованых, которые являются излюбленными в детской устной поэзии. Отсюда легкий путь к нарушению, изменению стихов, к пропускам их. Стихи более упругих ритмов и метров сами по себе устойчивее и крепче сцеплены между собою.

В одной домашней сказке говорится: «Она (баушка. — *Г. В.*) выпросила у мужика хомут, дугу, вожжи <...>; поехала на быке, приговаривавши:

Пруски, пручек!
По дорожке тычек,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй не стой».[37]

---

[36] Там же. С. 132—133.

[37] Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 233. № 80. Ср.: Русские народные сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1913. Т. 1. С. 11; Можаровский А. Из жизни крестьянских детей. Казань, 1882. С. 52. № 8.

Перейдя к исполнителям-детям и получив новую функцию, функцию самостоятельно живущего произведения считалки, этот отрывок — «чужая речь» — принимает такую редакцию:

Тпруши бычок
по дорожке течет;
хомут не свой,
погоняй не стой.[38]

Влияние сказки сказалось и на других жанрах детского фольклора. Одна сказка повествует: «Лиса его (Петушка. — *Г. В.*) ухватила <...>, хочет его съесть, да припевает:

Уж ты Петька, Петух,
На нашести протух» (и т. д.).[39]

Трагикомическое положение, в котором оказывается Петушок, подсказывает использование этого отрывка в качестве насмешки, которая первым стихом определенно указывает, на кого можно направить сатиру.

И действительно, среди стихотворений, составляющих область детской сатиры, обращает на себя внимание издевка:

Петька, Петух,
На заваленке протух (и т. д.).[40]

Несомненна связь и некоторых *молчанок*[41] со сказкой. В сказке-шутке («скороговорка») читаем:

Бывал бывалко,
живал живалко,
на<...>л на горку,
спустил под горку (и т. д.).[42]

Текст одной молчанки начинается стихами:

Живалка-бывалка
На<...>л в отымалку (и т. д.).[43]

Черты сходства между двумя текстами разного назначения замечаются в начальных стихах того и другого. Так — об этом уже упомянуто — обычно и бывает.

В данном частном случае должно было, как можно догадываться, повлиять сходство с повсюду известным сказочным начином («жил-был»): новая форма привычного начина останавливает на себе внимание.

---

[38] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. Разд. Тексты: № 452.

[39] Бессонов П. А. Детские песни. М., 1868. С. 113 (сказка № 94).

[40] Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика. С. 37—38. № 80, 100, 107.

[41] О молчанках: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Кн. 1. С. 6, 112—113, 134.

[42] Ончуков Н. Е. Северные сказки. С. 507. № 238.

[43] Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Разд. Кн. 1. Тексты: № 6.

Самый факт перерождения сказочного отрывка в молчанку мог вытекать из наблюдаемой иногда внешней связи молчанки со сказкой: иногда сказыванию сказки в детской аудитории предшествует «чурание молчаном», то есть исполнение молчанки.[44]

Эти примеры, добытые, к слову сказать, не столько специальными поисками, сколько накопленные попутно, при работе по сопредельным вопросам, и малым своим числом показывают, как произведение большого жанра — сказка — без ведома сказочника-исполнителя отделяет от себя узкие, рядом текущие малоприметные ручейки, со дна которых дети-поэты выносят новые находки, новые дары.

---

[44] Ломаченкова Т. М. Девочки-няни//Детский быт и фольклор/Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930. Сб. 1. С. 33.

К БИОГРАФИИ М. К. АЗАДОВСКОГО

Публикация И. З. Ярневского

В конце 40-х гг. выдающийся советский ученый М. К. Азадовский (1888—1954) был облыжно обвинен в космополитизме и подвергнут резкой, грубо тенденциозной критике (см., например: Дементьев А. Г. За большевистскую партийность в литературоведении//Вести. ЛГУ. 1948. № 4. С. 78—86; И. З. Заседание Ученого совета филологического факультета [Хроника]//Там же. С. 132—137; Абрамов Ф., Лебедев Н. В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения//Там же. 1949. № 7. С. 165—171; ср. также: Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме. 1948—1949//Там же. 1989. № 6. С. 157—176), отстранен от работы в Ленинградском университете и Институте русской литературы АН СССР как не справившийся с работой и допустивший крупные идеологические ошибки в своей научно-педагогической работе (приказ по главному Управлению университетов МВО СССР за № 238/УК от 29 апреля 1949 г.). Отторгнутый от педагогической и научной работы, М. К. Азадовский боролся за свою честь и достоинство, доказательно отметая клеветнические обвинения в письмах к Президенту АН СССР С. И. Вавилову и депутату Верховного Совета СССР профессору С. Ф. Баранову. В его защиту выступили также другие ученые. Копии их писем в различные инстанции (хранятся в РО РГБ, ф. 542) дополняют портрет М. К. Азадовского и раскрывают картины времени сталинско-ждановского деспотизма, о чем пока еще мало и робко сказано в работах литературоведов и фольклористов.

1

Депутату Верховного Совета СССР,
доктору филологических наук,
профессору С. Ф. Баранову.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович![1]

В ответ на Ваш запрос о научной деятельности проф. М. К. Азадовского сообщаю Вам следующее:

Я слежу за научными работами и научной деятельностью М. К. Азадовского в течение 35 лет. Он мне известен как видный советский

писатель, талантливый педагог и энергичный организатор. Мне приходилось выступать рецензентом его работ, дискутировать с ним на научных съездах, научных заседаниях по тем вопросам, в которых я с ним не был согласен. В последнее время мне приходилось неоднократно выступать в качестве рецензента его рукописных работ, и это мне дало возможность ознакомиться с его работами последнего времени, которые неизвестны другим фольклористам. Несомненно, в работах М. К. Азадовского был ряд серьезных ошибок, но я с полной ответственностью могу заявить, что научные заслуги этого крупного советского ученого покрывают и перекрывают ошибки, допущенные в его работах.

Прежде всего мне хотелось бы здесь отметить, что проф. М. К. Азадовский первый в советской фольклористике раскрыл громадное значение в развитии дисциплины, изучающей русское народное творчество, работ революционных демократов: Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, хотя в статье о Чернышевском есть и существенные ошибки. Тема о роли революционных демократов в развитии русской фольклористики имеет значение не только для историографии этой дисциплины, но и для методологии советской фольклористики.

Актуальная тема «Революционные демократы и фольклор», к сожалению, в нашей советской литературе мало разработана, и исследования проф. М. К. Азадовского на эту тему до сих пор остаются почти единственными.

В 1944 г. мне пришлось выступить официальным рецензентом большого труда проф. М. К. Азадовского «История русской фольклористики» в Комиссии по присуждению Сталинских премий.[2] На заседании, происходившем под председательством министра народного просвещения т. В. П. Потемкина, я указал на большое научное значение труда проф. М. К. Азадовского, по-новому освещавшего процесс развития русской фольклористики. Мой положительный отзыв о труде М. К. Азадовского был поддержан всеми присутствовавшими.

В нынешнем году, как главный редактор издаваемого Учпедгизом учебного пособия по русской народной поэзии, я познакомился со следующими разделами, написанными проф. М. К. Азадовским: 1) Фольклористика XVIII в.; 2) Декабристская фольклористика; 3) Собиратели 30-х годов; 4) Революционно-демократическая фольклористика; 5) между прочим, впервые поднимается М. К. Азадовским ранее не затрагиваемая советской фольклористикой чрезвычайно актуальная тема о воззрениях на народное творчество Герцена и Огарева. Разделы, написанные М. К. Азадовским, несомненно, являются лучшими в редактируемом мною пособии по народной поэзии.[3]

Большие заслуги имеет проф. М. К. Азадовский в деле изучения советского фольклора. Проф. М. К. Азадовский вместе с покойным академиком Ю. М. Соколовым явились первыми русскими учеными, указавшими на необходимость широкого изучения советского фольклора. Проф. М. К. Азадовский был организатором и редактором ряда специальных сборников, посвященных послеоктябрьскому фольклору. В годы Великой Отечественной войны он организовал в Иркутске совещание, посвященное собиранию и изучению советского фольклора, и в частности фольклора Великой Отечественной войны. Это совещание вышло далеко за пределы местного значения и сыграло значительную роль в деле дальнейшего собирания и изучения фольклора Великой Отечественной войны.[4]

Как исследователь и собиратель русской народной сказки проф. М. К. Азадовский давно занял в советской фольклористике почетное место. Его исследования и сборники сказок известны не только в СССР, но и далеко за его пределами, главным образом в Славянских странах. Им и его учениками создана целая библиотека сборников русских народных сказок, где раскрыто высокое идейное и художественное богатство русского народного творчества и показано исключительное искусство народных мастеров-сказочников. В прошлом году Гослитиздатом была прислана мне на рецензию новая работа проф. М. К. Азадовского «Русские сказки» с чрезвычайно интересными и ценными примечаниями. Проф. М. К. Азадовскому удалось сломать прежние компаративные методы комментирования сказок. В основу данного комментирования легло раскрытие идейного и художественного содержания сказок и их связь с русской художественной литературой. Многие из этих кратких экскурсов могут лечь в основу отдельных работ о связи народной сказки с русской литературой.

Проф. М. К. Азадовский является вместе с тем выдающимся педагогом, подготовившим целый ряд фольклористов, работающих ныне преподавателями высших учебных заведений и сотрудниками научно-исследовательских институтов. Многие из них зарекомендовали себя ценными научными трудами.

Рукописные работы проф. М. К. Азадовского последних лет, к сожалению, не появились в печати. Мое знакомство с ними позволяет мне утверждать, что в них вполне отражены последние постановления ЦК по идеологическим вопросам и результаты последних дискуссий, происходивших в Советском Союзе; автором учтено все ценное, что было высказано в критических выступлениях о его работах.

К сожалению, далеко не все критические выступления о работах проф. М. К. Азадовского отличались строгой принципиальностью и очень часто не отвечали истинному положению вещей. Такая критика не могла помочь ему раскрыть свои подлинные ошибки и вводила в заблуждение советскую общественность.

Последние работы проф. М. К. Азадовского ясно свидетельствуют, по моему мнению, что в его лице мы имеем весьма эрудированного советского ученого, который занимается актуальными вопросами нашей науки, стремясь разработать их в свете марксистско-ленинской методологии.

Доктор филологических наук,
зав. кафедрой фольклора МГУ,
член Ученого Совета Института славяноведения АН СССР,
почетный директор Института этнографии Словацкой АН,
профессор П. Богатырев.[5]

М., 19-го июня 1950 г.

[1] Хранится: РО РГБ, ф. 542, кол. 55, ед. хр. 5, л. 27—30. Баранов Сергей Федорович (1895—1971) — доктор филологических наук, профессор. Работал в Иркутске, в педагогическом институте, в Москве, в университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В 1946—1950 — депутат Верховного Совета СССР.

[2] «История русской фольклористики» М. К. Азадовского в 1944 г. была представлена Ленинградским университетом, Иркутским педагогическим институтом и

Иркутским университетом на соискание Сталинской премии. Работа получила высокую оценку специалистов, однако в то время еще не была опубликована, а Комитет по Сталинским премиям рассматривал только опубликованные. Первый том «Истории русской фольклористики» опубликован в 1958 г., второй — в 1963 г.

[3] Кроме названных разделов П. Г. Богатырев включил в учебное пособие главы, написанные М. К. Азадовским: «Фольклористические воззрения Пушкина» и «Фольклористические исследования в начале XX в.» (см.: Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов/Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М.: Учпедгиз, 1954. С. 41—120 и 135—140).

[4] По инициативе М. К. Азадовского совещание фольклористов и сказителей состоялось в Иркутске 21—25 марта 1943 г.

[5] Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) — доктор филологических наук, профессор. Известный советский фольклорист, этнограф, славист, театровед.

2

Депутату Верховного Совета СССР,
доктору филологических наук С. Ф. Баранову.

Профессор, доктор филологических наук М. К. Азадовский, выдвигавшийся в члены-корреспонденты АН СССР, в 1948 г. был объявлен космополитом и антипатриотом и в связи с этим отстранен от всякого участия в советской научной работе. Несомненно наличие в работах проф. М. К. Азадовского серьезных методологических ошибок. Но несомненна также большая усердная и полезная работа М. К. Азадовского, прежде всего в области русской фольклористики. Поэтому мне кажется незаслуженно строгим лишение М. К. Азадовского всяких возможностей обнаружить свою готовность и способность освободиться от прежних ошибок и содействовать развитию советского, марксистского литературоведения и советской науки о народном творчестве. У нас так мало серьезных, хорошо подготовленных и широко образованных специалистов по изучению русского народно-словесного творчества, что исключение проф. М. К. Азадовского из ряда исследователей, имеющих право работать в научных институтах литературы АН СССР или в высших филологических учебных заведениях, признание его «в науке мертвым» (при представлении ему в то же время академической пенсии), по моему мнению, не может быть оправдано реальными интересами словесной науки.

Академик Викт. Виноградов.[1]

20 июня 1950 г.

[1] Хранится: РО РГБ, ф. 542, кол. 55, ед. хр. 5, л. 32. Виноградов Виктор Владимирович (1895—1969) — академик АН СССР, советский языковед и литературовед.

3

Депутату Верховного Совета СССР,
доктору филологических наук С. Ф. Баранову.

Не являясь специалистом в области фольклора, я все же всегда интересовался этой дисциплиной, в особенности изучением текстов устного народного творчества. Проф. М. К. Азадовский, несомненно, большой знаток своего дела. Его многочисленные публикации текстов («Сказки Верхнеленского края» и др.) представляют значительную ценность не только для фольклористов, но и для языковедов, прежде всего со стороны изучения лексики и синтаксиса русской народной речи. Вероятно, в теоретических работах проф. М. К. Азадовского имеются ошибки, о чем Вам, как специалисту, судить лучше. Однако мне представляется, что в критике работ М. К. Азадовского, имевшей место на страницах печати и в устных выступлениях, было немало лишнего и несправедливого. Я считаю неправильным устранение такого крупного специалиста, как проф. М. К. Азадовский, от какой-либо работы в научно-исследовательских учреждениях и вузах страны.

Проф. М. К. Азадовский несомненно учел критические замечания в его адрес и многое передумал. Он имеет искреннее желание продолжать свою работу, которой он отдал много лет своей жизни на благо советской науки. Надо предоставить проф. М. К. Азадовскому возможность вновь включиться в изучение русского народного творчества.

Доктор филологических наук,
профессор Ф. Филин.[1]

19 июня 1950 г.

[1] Хранится: РО РГБ, ф. 542, кол. 55, ед. хр. 5, л. 26. Филин Федот Петрович (1908—1982) — доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. АН СССР с 1962 г.

4

Академику Г. Ф. Александрову.

Уважаемый Георгий Федорович![1]

Посылаем Вам ответ на статью В. Сидельникова «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике», опубликованной в № 26 «Литературной газеты».

Ответ составили и подписали московские фольклористы: действительный член АН СССР, профессор МГУ, доктор филологических наук Н. К. Гудзий; зав. фольклорным сектором Института этнографии АН СССР, зав. кафедрой русского фольклора МГУ, профессор, доктор филологических наук П. Г. Богатырев; ученый секретарь Института этнографии АН СССР, доцент МГУ, кандидат филологических наук В. И. Чичеров; доцент МГУ, член ССП Э. В. Померанцева; старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, кандидат

филологических наук В. Ю. Крупянская; зав. фольклорным отделом Гос. литературного музея, кандидат филологических наук В. К. Соколова; старший научный сотрудник Гос. литературного музея С. В. Минц; кандидат филологических наук А. В. Позднеев.

Если вы сочтете возможным, не откажите поместить наш ответ в газете «Культура и жизнь».

* * *

Перед советским литературоведением и фольклористикой стоит неотложная задача пересмотреть ряд актуальных теоретических вопросов. Круг их определяется решением ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Дискутирование по этим вопросам должно проводиться со всей остротой на высоком политическом и научном уровне. За последее время в прессе появилось несколько статей, посвященных проблемам фольклора, пытающихся поставить ряд принципиальных вопросов. Одна из них — статья В. Сидельникова[2] «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике»,[3] опубликованная в № 26 «Литературной газеты». К сожалению, статья эта изобилует грубейшими фактическими ошибками и ложными положениями, в результате чего не может не дезориентировать читателя.

Ошибочны основные методологические и теоретические предпосылки В. Сидельникова.

В. Сидельников пытается вскрыть то основное, что отделяет, по его мнению, фольклор современный от традиционного. Подчеркивая в современном фольклоре его реалистичность, жизненность и правдивость, автор противопоставляет его фольклору предшествующих эпох. «Новый фольклор по своему содержанию, — пишет В. Сидельников, — совсем не похож на традиционное народное творчество». Это основное отличие, по мнению В. Сидельникова, объясняется тем, что ранее фольклор создавали калики перехожие, знахарки, плакуши, тогда как теперь это — грамотные колхозники, рабочие, воины-победители, школьники и т. д.

Этим своим противопоставлением В. Сидельников уничтожает основную черту устно-поэтического творчества трудового народа, которое прежде всего действительно и реалистично. В. Сидельников тем самым выступает против А. М. Горького, развивавшего мысли В. И. Ленина о народном искусстве и поддерживавшего <мысль>, что фольклор — это творчество трудовых народных масс, создавших величайшие ценности человеческой культуры. Сведя традиционный фольклор к творчеству наиболее отсталых и реакционных слоев населения, В. Сидельников искажает этим представление о народном устно-поэтическом творчестве. Естественно, что при такой постановке вопроса советский фольклор оказывается изолированным от всего предшествующего периода развития народного искусства. А где же имена подлинных художников слова, которыми вправе гордиться русская культура, — таких, как знаменитые сказители былин Рябинины, как величайшая народная поэтесса XIX века Ирина Федосова, как замечательный мастер сказки Новопольцев и др.

Вспомним то большое влияние, которое оказали эти мастера художественного слова на творчество корифеев нашей литературы Н. А. Некрасова, Л. Толстого, Горького и др.

Незаслуженно принизив старое русское устно-поэтическое творчество, его создателей и носителей, В. Сидельников вместе с тем не сумел показать и то качественно новое, что наблюдается в современном советском фольклоре.

Огульное охаивание приводит В. Сидельникова и к несправедливой оценке лучших достижений советской фольклористики в целом, для которой отнюдь не характерна трактовка фольклора как архаики, как это утверждает автор статьи, а наоборот, постоянное подчеркивание и признание в фольклоре его глубоких творческих и жизненных начал. Недаром крылатым стало удачное выражение академика Ю. М. Соколова: «Фольклор — это отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего» («Русский фольклор». С. 14). Естественно поэтому, что именно в советское время и в Советском Союзе собирание и изучение современного фольклора приобрело такой широкий размах, как ни в одной другой стране.

Отличительной чертой советской фольклористики является введение явлений фольклора и науки о нем в общий процесс идейно-политической борьбы, развертывавшейся в России. Постановка этих проблем особенно ярко представлена в исследованиях проф. М. К. Азадовского, четко определившего задачи построения истории русской фольклористики в связи с историей развития общественной мысли в России. Работы М. К. Азадовского о роли Добролюбова и Чернышевского в истории русской фольклористики (см.: Добролюбов и русская фольклористика//Литература и фольклор. М., 1938. С. 154—155; Н. Г. Чернышевский в истории русской фольклористики//Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. № 12. С. 5—18) являются несомненно большим вкладом в науку. Эти работы были учтены и академиком Ю. М. Соколовым в его учебнике для вузов «Русский фольклор». М., 1938 (см. гл. VI. С. 98—100). Поэтому несколько запоздали сетования В. Сидельникова на игнорирование этих проблем советской фольклористикой.

Научная недобросовестность В. Сидельникова проявляется и в критике научных работ М. К. Азадовского, посвященных фольклоризму Пушкина. Не говоря о том, что В. Сидельников ссылается только на популярные статьи М. К. Азадовского (опубликованы в 1934 г. в «Литературном Ленинграде» и в «Резце»), обходя молчанием книгу последнего «Литература и фольклор» (М.; Л., 1938), где те же вопросы даны в развернутом и углубленном плане, В. Сидельников считает возможным совершенно искажать основную идейную направленность высказываний проф. М. К. Азадовского о фольклоризме Пушкина.

Для М. К. Азадовского прежде всего характерно понимание пушкинского фольклоризма как выражения прогрессивных тенденций русского общества. М. К. Азадовский первый указал на связь взглядов Пушкина на фольклор и понимание им народности с прогрессивными взглядами декабристов и декабристских кругов. Отсюда не случаен интерес Пушкина к революционному и бунтарскому фольклору, который не покидает поэта, как это утверждает М. К. Азадовский, до конца его жизни.

В своих специальных высказываниях, посвященных вопросу об источниках пушкинских сказок, М. К. Азадовский подчеркивает не только глубоко национальный характер последних, но и их значение в общей истории развития русской литературы. «Они (сказки) ознаменовали, — пишет М. К. Азадовский, — новый метод и новую точку зрения, они знаменовали обращение к новым социальным силам, к новому творческому источнику» (Литература и фольклор. С. 58).

По утверждению М. К. Азадовского, Пушкин одним из первых понял международный характер и значение фольклора. Из общей сокровищницы мировой поэзии он черпает сюжеты своих «сказок» и на основе их создает подлинно национальные произведения.

Основной пафос статей М. К. Азадовского о Пушкине именно и заключается в стремлении раскрыть художественный метод «Сказок». «Его метод, — пишет М. К. Азадовский, — был творческим воссозданием метода носителей народных сказок, он как бы повторял путь сказочника и стремился стать на его точку зрения. Этот художественный метод сказки открылся Пушкину, несомненно, прежде всего в сказках Арины Родионовны. Это позволяет установить подлинное значение последней в творчестве поэта» (Литература и фольклор. С. 291).

Перу М. К. Азадовского принадлежит, как известно, самая обстоятельная работа об Арине Родионовне. Используя рукописный материал, М. К. Азадовский дает портрет няни Пушкина как мастера слова и определяет ее значение в творческой биографии Пушкина. «Она была среди тех художников-мастеров слова, — пишет он, — у которых учился Пушкин. В сказках Арины Родионовны перед ним раскрылось подлинное и великое мастерство народных поэтов-сказочников» (Литература и фольклор. С. 292).

Совершенно непонятно, как с этим можно сочетать суждение В. Сидельникова, утверждающего: «Любовь Пушкина к русской народной сказке проф. М. К. Азадовский всецело приписывает влиянию сборников бр. Гримм и произведений американского писателя Вашингтона Ирвинга».

В статье В. Сидельникова путем выдернутых из контекста цитат концепция проф. М. К. Азадовского предстает перед читателем, как в кривом зеркале. Однако, несмотря на то что работы М. К. Азадовского о пушкинских «Сказках» квалифицируются автором, как «вредная теория», требующая всяческого порицания и осуждения, В. Сидельников не считает себя обязанным опровергнуть эту «вредную теорию» сколько-нибудь основательной аргументацией.

Вредность статьи В. Сидельникова усугубляется неряшливым цитированием. Искаженно использовано общеизвестное положение А. М. Горького о роли трудящегося народа как создателя общемировых ценностей. Произвольно сужая мысль Горького, В. Сидельников пишет: «Горький говорил, что русский народ — первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт». Но В. Сидельников идет и далее: статья М. К. Азадовского «Арина Родионовна и братья Гримм» (опубл. в «Литературном Ленинграде» 26 нояб. 1934 г.) превращена в статью «Арина Родионовна или братья Гримм?». Причем автор, не ограничиваясь переделкой И на ИЛИ, еще добавляет от себя знак вопроса.[4]

Приходится сожалеть, что редакция «Литературной газеты» была введена в заблуждение и опубликовала статью В. Сидельникова, изобилующую принципиальными и фактическими ошибками.[5]

Подписи.

[1] Хранится: РО РГБ, ф. 542, кол. 57, ед. хр. 2, л. 1—5. Александров Георгий Федорович (1908—1961) — академик АН СССР. В 1940—1947 гг. возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

[2] Сидельников Виктор Михайлович (1906—1982) — доктор филологических наук, профессор. Автор многих работ по фольклору и литературоведению.

[3] Сидельников В. Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике //Лит. газета. 1947. 29 июня. № 26.

[4] О статье В. Сидельникова М. К. Азадовский писал из Кавголова 25 августа 1947 г. писателю Г. Ф. Кунгурову: «...из сплошных передержек, искажений, а порой прямо и выдумок состоит статья Сидельникова обо мне. В ней нет ни одного слова правды; даже более того, обращено против меня все, что введено в науку мной и стало ее прочным достоянием после моих работ: место в фольклористике Добролюбова и Чернышевского, новое понимание фольклоризма Белинского, мысль о связи истории науки о фольклоре с историей общественного движения — все это впервые установлено мной. Статья имеет настолько клеветнический и лживый характер, что вызвала общественный протест. Московские фольклористы написали коллективное письмо по этому поводу в редакцию „Литературной газеты“, сообщив копию в ответственные и авторитетные организации. Я еще не знаю текста этого письма...» (Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1988. Т. 8. С. 250).

[5] Письмо московских фольклористов, вероятно, написано в июле 1947 г. Оно не было опубликовано ни в «Литературной газете», ни в газете «Культура и жизнь». Г. Ф. Александров оставил письмо без ответа.

А. А. ГОРЕЛОВ

П. С. БОГОСЛОВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА

Обращаясь к изучению Сборника Кирши Данилова, ни один из специалистов не минует своим вниманием Павла Степановича Богословского (17(29).VI.1890—28.II.1966), автора широко известной работы «Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница. Опыт анализа и локализации текста».[1] Богословский принадлежал к числу ученых, фундаментально мотивировавших уральскую гипотезу происхождения классического собрания русского фольклора середины XVIII столетия, когда до установления ныне бесспорной истины было далеко.

Перу П. С. Богословского принадлежат и другие исследования, которые, по мысли автора, должны были разносторонне характеризовать «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Они достойны внимания и сегодня. Наиболее законченный облик имеют три текста ученого, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:

1) «Сборник Кирши Данилова в оценке русских писателей. Черновые материалы к главе диссертаций» (1920—1940-е гг.) (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 37, л. 1—46, машинопись);

2) «О знаменитом рукописном фонде русской эпической героики XVIII века. (К 140-летию первого издания и 50-летию вторичного открытия Сборника Кирши Данилова)» (Там же, № 44, л. 1—24, с авторской датой: «26.II.45 г.»);

3) «Сборник Кирши Данилова в связи с проблемой эпической традиции» (Там же, № 34, л. 1—234, машинопись).

Кроме того, в архиве хранятся: одноименные с последней рукописью тексты № 33 (черновик рукой автора — на 942 л., из них 28 — чистовая рукопись), № 35 (158 л.) и № 42 — «Аннотация и план работы над диссертацией на соискание ученой степени доктора филологических наук» (л. 1—8), а также № 40 — «О локализации Сборника Кирши Данилова. Конспект и тезисы доклада на научной конфе-

[1] См.: Пермский краеведческий сб. 1928. Вып. 4. С. 1—116.

ренции Карагандинского учительского института» (машинопись и рукопись с датой «27.I.1944 [г.]»).

Размытость датировки и явная незавершенность рукописей, создававшихся с конца 1920-х гг., отразили драматизм судьбы незаурядного ученого, подвергшегося в 1932 г. увольнению из Пермского университета по облыжному обвинению в «протаскивании» на лекциях «поповщины и идеализма», а в 1935 г. сосланного в один из казахстанских лагерей, под Караганду.

Интенсивно протекавшая исследовательская, инициативная культурно-организаторская деятельность профессора Пермского университета, заведовавшего кафедрой русской литературы, фольклориста-краеведа, выступавшего против фальсификации актов народного творчества, была надломлена в ее расцвете. Заступничество В. Я. Шишкова за опального не принесло желанного результата.

П. С. Богословскому предоставилась возможность в 1940 г. вернуться к научной работе, он заведовал кафедрой русского языка и литературы Карагандинского учительского института и в течение двух лет (1940—1942) создал посвященную Сборнику Кирши Данилова двухтомную докторскую диссертацию (2000 страниц машинописи),[2] которая, однако, не была выдвинута на защиту, — возможно, в связи со сложностями гражданской судьбы филолога. Подготовительные материалы для труда составили 200 папок и до 30 тысяч карточек, была использована литература на семи языках (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 40, л. 26).

Первое обращение ученого к изучению великой народной книги регистрируется в его дневниковой записи 8 мая 1922 г.: «Был сегодня у С. П. Обн<орского>, беседовал относительно работы о Сборнике Кирши Данилова. Он едет в Петербург и обещает мне выписать там выпущенные цензурой места» (Там же, оп. 3, № 62. Записная книжка № 4, л. 28). В дальнейшем тщательное целенаправленное внимание к Сборнику прослеживается во многих записях, заготовках, замыслах П. С. Богословского. Нелишне отметить, что, планируя переезд в Ленинград, где ему было обещано сотрудничество в Институте русской литературы, филолог-фольклорист намечал 27 сентября 1934 г. приняться за тему «Сборник Кирши Данилова в литературном обиходе XIX в.» (Там же. Записная книжка № 10, л. 46).

Вернувшись в 1946 г. из Казахстана в Пермь, П. С. Богословский вынужден был в 1947 г. по состоянию здоровья покинуть свои занятия научно-исследовательской деятельностью, а по переезде в Москву занимался созданием мемуарной рукописи, фрагменты которой сохранились лишь как наброски и первые редакции текста (среди них — «Казахстанские фрагменты. Материалы для мемуаров о жизни в Казахстане», «Жизнь в могиле. Материалы для мемуарно-исторического повествования. (Фрагментарные заметки)») (Там же, оп. 1, № 96, 97; второй эскиз имеет авторские даты: «22.I—9.III.1964»). В числе неиз-

---

[2] Об этом писал 1.VI.1944 г. А. Н. Толстому В. Я. Шишков: Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 375—376. К глубокому сожалению, местонахождение двух томов диссертации нам неизвестно. Остается уповать на афоризм М. А. Булгакова: «Рукописи не горят».

данных работ ученого остались: монография о В. Я. Шишкове, написанная еще в 1927 г., 1-я часть романа «Костаревская бригада», материалы к роману «Университетская история».[3]

Ниже предлагается обозрение содержания трех рукописей П. С. Богословского, посвященных Сборнику Кирши Данилова.

* * *

Черновые материалы «Сборник Кирши Данилова в оценке русских писателей» представляют собой недостаточно четко систематизированные и лишенные полноты литературные извлечения, свидетельствующие об интересе отечественных писателей к «Древним российским стихотворениям, собранным Киршею Даниловым». Несмотря на то что работа носит явно компилятивный характер, она суммирует некоторые фактические данные об участии Сборника Кирши Данилова в процессе становления русской литературы XIX столетия. Среди упоминаемых лиц видим Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. А. Львова, В. К. Кюхельбекера, Ф. В. Булгарина, Н. В. Кукольника, Н. М. Загоскина, К. Н. Батюшкова, Н. Прокоповича. Источником приводимых П. С. Богословским сведений явилась известная книга Николая Трубицына «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки)» (СПб., 1912). Оттуда же привлечены материалы переписки Е. А. Болховитинова и Н. П. Румянцева, финансировавшего 2-е издание Сборника Кирши Данилова (1818).

Значительное место занимают факты использования Сборника А. С. Пушкиным («Песни западных славян», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о медведихе», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Царь Никита и сорок его дочерей», «Примечания» к «Евгению Онегину»). Сведения позаимствованы, в частности, из книги М. К. Азадовского «Литература и фольклор» (Л., 1938). П. С. Богословский с особенным ударением фиксирует, что пушкинская заметка «О Татищеве» отождествляет Урал с Сибирью, именуя уральские заводы *сибирскими*. Среди набросков встречаются, видимо, случайно обнаруженные заимствования из Сборника Кирши Данилова в более поздней литературе: А. В. Тимофеев «Богатырские сборы Ильи Муромца». Пролог к драматической поэме «Илья Муромец» (Маяк. 1843. Т. 10, кн. 9); Д. В. Аверкиев «Терентий муж Данилович» (1867). Занесен эпизод упоминания «Древних российских стихотворений» М. Горьким (из книги В. Десницкого «М. Горький. Очерки жизни и творчества». Л., 1940).

---

[3] [Сб.] В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. Л., 1956. С. 331 (о романе знал В. Я. Шишков, интересовавшийся этим произведением 2 июня 1942 г.).

* * *

Текст «О знаменитом рукописном фонде русской эпической героики XVIII века» является, с большой долей вероятности, докладом, произнесенным, как указывает подзаголовок, «к 140-летию первого издания и 50-летию вторичного открытия Сборника Кирши Данилова». Он популярно поясняет историко-культурное значение «Древних российских стихотворений», эдиционную историю Сборника, ставит задачи изучения этой народной книги в свете ее уральской локализации.

Начиная статью с фактов воздействия Сборника на литературу, автор дополняет их указаниями на музыкальные отражения произведений, составляющих его (С. П. Бородин — «Богатырская симфония»; Н. А. Римский-Корсаков — опера «Садко»; А. Т. Гречанинов — опера «Добрыня Никитич»; Р. М. Глиэр — симфония «Илья Муромец»), на связи с русской живописью (В. М. Васнецов, В. И. Суриков, М. А. Врубель, художники Палеха).

П. С. Богословский считает, что правильное разрешение вопроса о месте возникновения Сборника — это есть и установление того, где географически бытовало в XVIII в. «богатейшее гнездо эпической былинной традиции, представленное „Древними российскими стихотворениями“» (л. 9). Он ставит задачу определения «социальной среды», в которой могло жить «на Урале» названное наследие. Особенно выделяется им «вопрос о взаимосвязях между эпическими гнездами отдельных географических районов» — Урала с Олонецкой губернией, Печорой, Мезенью, Сибирью (в последнем случае подразумеваются записи С. И. Гуляева, В. Г. Богораза-Тана, М. К. Азадовского) (л. 9—11). Для П. С. Богословского это означает уяснение «источников и динамики» традиции, зарегистрированной в Сборнике.

Ради получения данных, аргументирующих гипотезу об уральском происхождении Сборника Кирши Данилова, предлагаются новые экскурсы в биографию «владельца рукописи, уральского заводчика П. А. Демидова», анализ деталей письма последнего в 1768 г. «к академику-историку Г. Ф. Миллеру». Вглядываясь в приложенный к этому письму «эпический текст», автор ищет «локальные текстуальные элементы» Сборника, созвучные фольклорным «местным материалам» уральской зоны, в особенности старшего периода (л. 11). Говоря обо всем этом, П. С. Богословский апеллировал к уже осуществленному своему «исследованию», которое вскрывало, по его мнению, «много интересных фактов» (л. 11). Так, по существу, перебрасывался мостик от статьи-доклада к главной рукописи ученого. О ней и пойдет далее речь.

* * *

Рукопись не защищавшейся официально докторской диссертации П. С. Богословского — «Сборник Кирши Данилова в связи с проблемой эпической традиции» представляет собой машинопись (при этом в большинстве случаев машинопись-копию), где по главам-разделам, не получившим нумерации и не всегда полностью сохранившимся, не выправленным автором и изобилующим опечатками, суммированы на-

копления наблюдений самого пестрого свойства, которые укореняют Сборник Кирши Данилова в уральской культурно-исторической среде XVIII столетия.

Первый раздел — «Оценка изданий Сборника Кирши Данилова» — не содержит ничего принципиально примечательного. Зато глава «Урал и Сибирь в их взаимосвязях» искупает фактографическую стереотипность преамбулы. Ученого интересуют экономические связи регионов, динамика, интенсивность, направленность колонизационных потоков населения, качественные особенности культурных контактов. Рассматриваются «общности фольклорных фондов Урала и Сибири». В качестве подраздела фигурирует текст с заглавием «Уральское эпическое гнездо XVII—XVIII веков — основная творческая база сибирского фольклора».

Исследователь справедливо полагал, что переселения уральцев в Сибирь сопровождались непрерывным переносом фольклора, равно как обратные подвижки выносили на Урал народную поэзию из сибирской глубинки. По историческим материалам, почерпнутым из «ученых путешествий по России», исторических сочинений, фольклорных записей Приуралья, Урала, Зауралья, Сибири, возникает широкая картина перемещений купцов, работных людей, земледельцев, казаков, солдат, представителей разных народностей в диапазоне Архангельск—Селенга. Несколько хаотично группируя факты, но стремясь захватить их как можно больше, Богословский отмечает и маршруты верхотурских купцов по Енисею (притом, что Верхотурье уже в 1626 г. принадлежало ведению Сибирского приказа), и посылку землемеров из Екатеринбурга к Туре, и заселение Алтайского горного округа жителями Вологды, Новгорода, Перми. Встречая наименование уральских заводов «*сибирскими*», он фиксирует, что Нижне-Тагильские заводы Прокофия Демидова в 1763 г. также были «сибирскими заводами». П. С. Богословский обращает внимание на пестрые, но сопритягающиеся детали фольклорной характеристики Сборника Кирши Данилова: находит близость «эпических фрагментов Восточной Сибири» к содержанию «Древних российских стихотворений», усматривает перекличку тавдинских текстов исторической песни о Кострюке «рядом частностей» именно с фольклором Урала. Он подводит к двум основным выводам: 1) «Уральский эпический фонд служил для Сибири <...> резервуаром поэтических сюжетов, образов, отдельных стилистических формул и приемов, а также красочной фольклорной речи» (л. 18—19); 2) сибирский фольклор в свою очередь циркулировал по Уралу.

Место возникновения или существования («локализация района эпической базы») Сборника Кирши Данилова, по П. С. Богословскому — личные владения заводчика П. А. Демидова (л. 28), точнее — уральские заводы. Указывается, что на Алтае у Демидова «не было никаких владений», а относительно Урала сообщается, что Демидов продал свои заводы Савве Яковлеву 20 января 1769 г. (л. 28, 26).

Ища комментарий к выражению «разумные дураки» из письма Демидова к Миллеру, исследователь цитирует идущее от ярославского наблюдения 1820-х гг. свидетельство, что «первое место» на свадьбе отводилось «для попов и дураков». В последних ему виделись «скоморохи» (л. 33).

Часть главы посвящена критике доводов за сибирское происхождение Сборника. Так, «сибиризм» «горносталь» трактован как обычная уральская форма слова «горностай» (л. 36). Оборот «по-нашему, по-сибирскому» из трех текстов Сборника заземляется в уральскую почву (л. 37). «Уральское происхождение» усматривается за произведением «Ермак взял Сибирь» (л. 41) и за деталью «Агафонушки» («шемшуры... тюменских баб» — л. 40). В связи с песней «Там на горах наехали бухары», несущей полонизмы, отмечено, что «на Урале были целые колонии поляков» (л. 43).

Весь раздел «Уральский фольклор и песенная культура XVIII века»[4] отдан поискам «рефлексов песенной культуры XVIII века» (л. 46 об.) в песенном репертуаре Урала и Прикамья, отраженного разнообразными публикациями и помимо Сборника Кирши Данилова. П. С. Богословский пытается связать «фольклорные произведения Урала и Прикамья с текстами XVIII в.», распространенными в других местах России, чтобы создать «древним российским стихотворениям» уральский фон практически того же возраста, хотя он мог быть зафиксирован значительно позднее.

Например, этой цели служит собственная, П. С. Богословского, запись «старинной песни, обычно распеваемой на „копотихе" (сельские помочи при трепании льна. — *А. Г.*), из Добрянского района Пермского округа», — запись, осуществленная в 1927 г.:

Как по улице молодец идет, вдоль по широкой удаленький...
Как на молодце смур кафтан, опоясочка шелковая...
Опояска шелковая, рукавички барановые...
Рукавички барановые, на нем шапочка бархатная,
На нем шапочка бархатная, а околышек черна соболя...
Есть у молодца дудочка, он к дуде приговаривает.

(л. 86 об.—87)

Текст, по содержанию близкий, полнотой не уступающий вариантам из публикаций 1790, 1791 и 1834 гг., является в цепи доказательств аргументом в пользу «связи уральской песенной культуры с фондом XVIII в.» и «хорошей сохранности на Урале песенной традиции XVIII в.» (л. 87). Исследователь констатирует в последнем случае «наличие следов скоморошьей традиции на р. Косьве и в ее районе», в чем его убеждает «общий облик молодца» и его «музыкальный инструмент» из арсенала «скоморохов» (л. 87).

Значительный интерес представляет раздел «О разысканиях на Урале в начале XIX в. эпической традиции и следов Сборника Кирши Данилова (из эпистолярного наследия гр. Н. П. Румянцева)», где анализ 19 писем Н. П. Румянцева к В. Н. Берху выявляет упорное стремление влиятельного вельможи направить поиски фольклора на Урале в русло эпики (на разыскание «богатырских исторических песен», созвучных «древним российским стихотворениям» книги Кирши Данилова, а также «древних богатырских песен или сказок» «разных наро-

[4] Раздел рукописи повторен вложением копий тех же листов и оттого имеет соответственно двойную пагинацию: 44—47 об. и 84—87 об.

дов», обитающих «по берегам» рек Тагил, Лобва, Чусовая, на разыскание «древних списков наших богатырских сказок», включая и «повести» о Бове Королевиче, Евдоне, Берфе — богатырях «иностранных», которые рекомендовалось записывать, в частности, «по изустному рассказу» — л. 48—49 об.). П. С. Богословский, по нашему мнению, справедливо полагал, что Румянцев имел «какие-то сведения о наличии в Пермской губ. <...> устной эпической традиции» (л. 50), будучи «убежден в уральском происхождении Сборника Кирши Данилова <...>, о котором собирал все сведения»: «По-видимому, в его распоряжении были данные из истории Сборника Кирши Данилова, не дошедшие до нас, но определенно указывавшие на Урал, на Пермскую губ. как на родину Сборника Кирши Данилова, как на район, где в то время бытовала еще эпическая традиция, с которой связан знаменитый сборник. <...> Особенно интересны <...> указания Румянцева на Верхотурский и Чердынский районы», связанные «с Демидовскими заводами (Тагил)» и «с печорской былинной традицией» (Там же). По мнению ученого, это «нити к ключу», способному раскрыть «тайну» (Там же).

Глава «Эпическая традиция и сказочный жанр — былинные отражения в уральской сказке» имеет точный подзаголовок: «Некоторые наблюдения». Не исчерпав всего материала, она выявляет некоторые переклички эпоса Кирши Данилова с текстами той же географической зоны в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева и «Великорусских сказках Пермской губернии» Д. К. Зеленина.

«Алеша Попович» из Шенкурского уезда Архангельской губернии (№ 312 сб. Афанасьева) «почти в точности соответствует» сюжету былины об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче Сборника Кирши Данилова (№ 20). В сказках «Данило Бессчастный» и «Василий-царевич и Елена Прекрасная» (Афанасьев, № 313, 314) есть примеры былинной традиции Южного Урала, соприкасающиеся со Сборником Кирши Данилова. «Иван-дурак» (Афанасьев, № 430) из Шадринского уезда Пермской губернии характеризуется как «своеобразная пародия на былины» (л. 53). Фиксируется присутствие сводного (из двух списков — Пермской губернии и собственно Ирбита той же губернии) текста (№ 311) «Василий Буслаевич», вариантного былинам Кирши Данилова. «Рефлексы былинной эпической традиции» отмечаются у Д. К. Зеленина в сказках «Илья Муромец» (№ 16) из Екатеринбургского уезда Пермской губернии и «Князь Киевский Владимир и Илюшка сын Матросов» (№ 96) из Шадринского уезда, где уловлены «отголоски» сюжета «О женитьбе князя Владимира» «Древних российских стихотворений». Налицо «растворение эпической (былинной. — *А. Г.*) традиции в уральском сказочном фольклоре» (л. 55).

Глава «О широком бытовании имени Кирша на Урале по архивным и топонимическим данным (экскурс)» регистрирует в Соликамском уезде конца XVI в. имена с окончанием «-ша», известные ранее в Древней Руси. «Рефлексы» подобных имен находятся в фамилиях и топонимике Урала. Имя «Кирша» (форма крестного православного имени «Кирилл») и его производные запечатлены были в названиях деревень Пермской губернии в Пермском, Оханском, Кунгурском, Чердынском, Ирбитском, Верхотурском, Екатеринбургском, Красноуфимском, Осинском, Шадринском уездах (л. 59). Любопытно, что одна и

та же пожня под Соликамском в XVII—XVIII вв. называлась то «Кириллова», то «Киршино» (л. 56).

Подборкой литературных научных сведений о деятельности М. Д. Чулкова является глава «О методике собирания и издания фольклора в XVIII в. [М. Д.] Чулков как составитель и редактор песенника».

Цитируя и перелагая работы А. В. Маркова,[5] В. Н. Перетца,[6] И. Н. Розанова,[7] П. С. Богословский выделяет некоторые стороны биографии и особенности собирательской и издательской работы М. Д. Чулкова. Он сочувствует мыслям А. В. Маркова и В. Н. Перетца, что автор «Собрания разных песен» не отличал фольклорные произведения от литературных, ибо сам не вел записей из уст народа, а приобретал целые рукописи, притом с нотами (издавал, впрочем, без нот). Исследователь вторит В. Н. Перетцу, связывавшему чулковское посвящение графине Е. П. Строгановой с получением «основного песенного материала» сборника «с Урала, из строгановской вотчины, или, возможно», благодаря «известному содействию <...> этой высокопоставленной особы» (из Перетца. — *А. Г.*) (л. 63 об.).

У А. В. Маркова он подхватывает слова о получении М. Д. Чулковым «сборников любителей пения со смешанным содержанием» и «собраний песенного фольклора, записанного непосредственно из народных уст», которые, впрочем, «преследовали другие цели», нежели специализированные «первые песенники» (л. 63 об.). Богословский видел несомненную аналогию между тем, чем был на деле Сборник Кирши Данилова, и тетрадями «безграмотных писцов», выполнявших, по мнению А. В. Маркова, указания «просвещенных любителей старины» типа М. Д. Чулкова (л. 64). Записи, по всей вероятности, делались «в разных местах России, в частности на Севере и, вероятно, на Урале» (Там же), в том числе «от солдат, среди солдатских хоров», от их «заведующих», «офицеров», грамотеев-«гренадеров», мещан, купцов, как думал И. Н. Розанов.

Цитатно излагая родственные ему взгляды, П. С. Богословский не упускает важного показания: у М. Д. Чулкова погибло от пожара «собрание богатырских песен» (л. 63 об.—64).

Анализу текста Сборника Кирши Данилова посвящен целый ряд главок-этюдов, исподволь подводящих к решению некоторых вопросов истории (прежде всего — возникновения) дошедшей до нас рукописи-копии. Ученый неизбежно обращается к тому, о чем писали предшественники, в ряде случаев пытаясь пересмотреть взгляд на объективные данные.

Специальному рассмотрению подвергаются написания заглавий произведений, помещенных в Сборнике, в этюде «Заголовки былинных

---

[5] МарковА. В. Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен: (По поводу выхода 1 тома сочинений Михаила Дмитриевича Чулкова «Собрание разних песен», ч. 1, 2 и 3 с прибавл. 1770—1773. СПб., 1913)//Известия ОРЯС. 1916. Т. 22, кн. 2. С. 81—126.

[6] Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1, ч. 1.

[7] Розанов И. Н. Песни о гостином сыне//XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1940. С. 219—258.

и песенных текстов в Сборнике Кирши Данилова (к характеристике редакторских приемов составителя Сборника Кирши Данилова)», что было ранее предметом внимания П. Н. Шеффера.[8] П. С. Богословский классифицировал их, дав свои реестры номеров текстов.

В *первую группу* им были включены названия, повторяющие первую строку, подчас с перестановками слов и опущениями элементов стиховой строки: № 32—34, 36—40, 42, 44, 46, 51, 52, 55, 56, 61, 62, 64, 67, 68. Только недосмотром, незаконченностью рукописи Богословского можно объяснить пропуск в первой группе текстов номеров 13 (заглавие «На Бузане острове» — окончание 1-й строки из рукописи Сборника), 63 («У Спаса к обедне звонят» — начало 1-й строки рукописного текста песни) и 31, 54, где заглавия извлечены не из первых, а из вторых строк данных песен рукописи Сборника Кирши Данилова. Это *песенные заглавия цитатного типа,* их насчитывается 24.

Вторая группа — заголовки с наименованиями героев и основных персонажей. Внутреннее подразделение учитывает падежные формы имен:

а) именительный падеж (№ 3—8, 12, 16, 18—20, 22—29, 57, 65);

б) родительный[9] падеж (№ 1, 2, 10, 15, 41, 43, 53, 59);

в) предложный падеж (№ 69—71).

В группе 32 текста (по подгруппам — 21, 8, 3).

Третья группа — заголовки с указанием содержания в форме предложений «прошедшего времени» (л. 66 об.): № 9, 14, 19, 21, 45, 47, 48, 50, 66. Всего 9 текстов.

К ним Богословский добавляет еще 5, которые, однако, не содержат никакой отсылки содержания в «прошедшее время»: «О женитьбе князя Владимира» (№ 11), «Взятье Казанское царство» (№ 30), «Поход селенгинским казакам» (№ 35), «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» (№ 49), «Голубина книга сорока пядень» (№ 60). Перед нами тематическая характеристика содержания. (Сюда же безосновательно попадали пропущенные выше № 13, 31, 54.) Стало быть, систематизация Богословского требует пополнения *рубрикой четвертой: заголовки с обобщенной тематической передачей содержания вне хронологического признака.*

Стараясь извлечь из названий текстов добавочные данные о «крестном отце», именовавшем произведения, исследователь попытался проанализировать последовательность, в которой расположены заглавия текстов, соотносительно с их типом:

А) *«текстуально близкие к былинам и песенным фрагментам заголовки* помещаются во второй половине Сборника Кирши Данилова» (№ 32—40, 42, 44, 46, 51, 55, 56, 58, 61—64, 67, 68);

---

[8] Шеффер П. Предисловие редактора//Сборник Кирши Данилова/Под ред. П. Н. Шеффера. С фототипическим снимком. СПб., 1901. С. XXXVII. П. С. Богословский цитировал тексты по этому, 4-му, изданию Сборника, точно воспроизводившему графику рукописи XVIII в., правда, — в отличие от последней — с отделением знаменательных слов от предлогов, союзов.

[9] По нашему мнению, это винительный падеж, в который переводились при произнесении заглавий текстов имена персонажей: формально у имен собственных мужского рода в единственном числе винительный падеж тождествен родительному.

Б) *«персонажные заголовки»* «находятся, гл<авным> об<разом>, в первой половине Сборника» (№ 1—8, 10, 12, 15—18,[10] 20, 22—29, 41, 43, 53, 57, 59, 65, 69—71);

В) *заголовки «с указанием содержания текстов»* почти исключительно падают на вторую половину Сборника Кирши Данилова (№ 9, 11, 13, 14, 19, 21, 30, 35, 45, 47—50, 54, 60, 66).

П. С. Богословский снабдил свои выводы следующими соображениями: «Персонажные заголовки, относящиеся, гл<авным> об<разом>, к текстам первой половины Сборника Кирши Данилова, касаются богатырей широко известных. Заголовки <...> с указанием содержания текстов говорят о попытках редактора уточнить сюжетный материал, связанный с тем или другим богатырем. Можно думать, что редактору известны были и другие сюжеты, связанные с данным богатырем. Что касается заголовков, текстуально связанных с песенными фрагментами, то, по-видимому, редактору трудно было самостоятельно сформулировать в заголовке содержание текста, и поэтому он прибег к повторению в нем начальных слов с некоторыми отклонениями. Отсюда можно заключить, что данные фрагменты не были типичным фольклорным материалом, постоянно встречающимся в широком употреблении. Текстуальное расхождение некоторых заголовков с самим песенным текстом <...> не представляет чего-либо исключительного. То же самое явление мы встречаем в других песенных сборниках как XVIII, так и более поздних, в частности таких, где приложены ноты» (л. 67).

В качестве одного из доказательств этой мысли П. С. Богословский сослался на рукописный сборник 1869 г. из села Кудымкор Соликамского уезда Пермской губернии, писанного Гр. Лучниковым, — «Песни свадебные». Там под нотами песни второй читается: «у заезжева да *доброва* молодца в три ряда *да* кудри завивалися», а в далее помещенном тексте эпитет сокращен (*«добра»*) и выпала вторая частица *«да»*. В Сборнике Кирши Данилова ученый выделяет текст заголовка над нотами № 38 «*Да* не жал добра моло*т*ца битова жал похмелнова» и его текстуальный источник, сокращенный редактором: «*Аи* не жаль *мнека* битова *грабленова аи тово ли Ивана Сутырина только* жаль добро*в*а моло*д*ца похмелнова» (помечаем разночтения курсивом), дабы констатировать: «Подобные текстуальные расхождения между заголовками над нотами и песенными текстами <...> объясняются не столько импровизационно-вольным обращением с песенными текстами в фольклорной живой практике, сколько обусловлены в данных случаях музыкально-ритмическими моментами, требующими от певца приспособления к нотному трафарету песенного текста, нередко разносоставного в смысле метрическом, а потому дающего вариации, которые требуют при пении вставок дополнительных слогов в виде „да“, „ой“ и также добавления или, наоборот, усечения (знаменательных слов. — *А. Г.*). Отсюда вариации: добра (доброва) и т. п. ...» (л. 67—67 об.).

П. С. Богословский заметил также «расхождения» в фонетических системах заглавий и текстов, типичные даже для песенных сборников XIX в. Например, окающий говор сборника середины XIX ст. из Крас-

---

[10] Исправляю описку автора — пропуск № 15.

ноуфимского уезда (из собрания исследователя) расходился с «аканьем» в заголовке рукописной книги: «Песни хараводные» (л. 67 об.).

«Не принадлежат ли» заголовки Сборника Кирши Данилова «собирателю, человеку, б<ыть> м<ожет>, интеллигентному, приезжему из другой местности, из другой среды, тронутой книжным влиянием?» (Там же) — спрашивал себя ученый.

Засим, нарушая логику своего повествования, П. С. Богословский заговорил об уральском отпечатке, отложившемся на некоторых редакциях текстов, либо о вероятных причинах притяжения ряда произведений к Уралу, причинах их хождения на Урале.

В песне «Йс Крыму й из Нагаю» (№ 39) путем сопоставления ее с имеющими общие черты записями П. М. Языкова (Симбирская губ.), Н. Г. Мякушина и И. И. Железнова (Оренбургская губ.) угадывается прижившийся на Урале XVIII столетии сюжет «донского происхождения» (л. 69 об.).

«Гришка Расстрига», как полагал П. С. Богословский, отразил непризнание самозванца и вражду к полякам в уральских (пермских) землях начала XVII в. (л. 70 об.).

Штрихи «пермского» народного обихода («северных уездов») зафиксировал исследователь в тексте «Свиньи хрю поросята хрю» (№ 67), где есть слова: «пивото в *шубе* вино в *зипуне* брага в *шебуре* процелыга вода и нога и боса она *бес пояса*». Этот же «ассортимент верхней одежды» отмечен «в средине XIX в. у пермяков Иньвенской дачи Строгоновых» (Соликамский уезд), что подтверждено цитированием этнографа Н. А. Рогова (Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник. Пермь, 1860. Кн. 2, отд. И. С. 12): «Летом пермячки выходят со двора в *шабурах*, б<ольшей> ч<астью> нараспашку, редко *опоясавшись*. <...> Зимой *шабур* заменялся обыкновенно *зипуном* <...>Новый синий *зипун* (иначе — *кафтан*) в большом почете у баб и девок. Носят зипун всегда с *опояской*. Жены зажиточных пермяков, зимой о праздниках, на свадьбах, носят еще *шубы*» (л. 71). Метафорическое использование терминов одежды дает повод Богословскому трактовать песенный отрывок как «завуалированную дифференциацию социального характера» (л. 71 об.). Дальнейшие слова той же песни: «кто напьетца воды, не боитца беды никакои кормолы и не дъяволшены», в глазах ученого, — признак «антиправительственной и антиклерикальной тенденции» (л. 72). Черты, общие с бытом строгановских крепостных, там же найдены благодаря привлечению свидетельства из «бытовых очерков» Ив. Вологдина «Жизнь крепостных людей гр. Строгоновых в Оханском уезде Пермской губернии» (Пермский край. Пермь. 1895. Т. 3), из сводного труда Х. Мозеля «Пермская губерния» (серия «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». СПб., 1864. Т. 2).

Попытка связать волжский и уральский песенные репертуары предпринята на примере сюжета «Князь Репнин» (№ 43).

Элементы родства усмотрены в песне «Во сибирской украине вво доурскои стороне» (№ 44) с одним из текстов XVIII в. из лирического свода «Великорусские народные песни» А. И. Соболевского (Т. 6. № 268).

Главка «К переоценке интерпретации генезиса зачина былины о Соловье Будимировиче из Сборника Кирши Данилова» оспаривает мнение М. Халанского, высказанное в его книге «Великорусские бы-

лины киевского цикла» (Варшава, 1865. С. 147—148) и поддержанное Вс. Миллером (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. С. 36), согласно которому на зачин первой былины Сборника повлияла книга. П. С. Богословский нашел в зачине указание на влияние обратное — «фольклорной эпической традиции на книжную литературу» (л. 80).

Этюд «Об эпических концовках в Сборнике Кирши Данилова» соединил известное с некоторыми новыми характеристиками текстов. Отметив общий формульный момент девяти концовок — слова «То старина, то и деянье» (тексты под № 3, 11, 20, 23—25, 27, 29, 50), исследователь заметил, что два дают «общую формулу» «в развернутом виде, с несомненным подчеркиваньем скоморошьего характера концовки». При сличении № 3 и № 29 он подчеркнул, что «примитив первого текста получил» во втором «более конкретную и цветистую разработку», а это — указание «на бо́льшую профессионализацию скоморошьей творческой среды». Деталь «синему морю на ут*и*шенье» (№ 29) в сравнении с «ут*е*шенье» (№ 3) выявляет «бо́льшую грамотность и большее понимание», присущее «исполнителю или редактору» текста № 29 (л. 81). Констатировано тождество концовок № 13 и № 26: «Тем старина и кончилась (-ся)» (л. 81 об.). Почти совпадающие (Богословский расширительно называет их «одинаковыми») заключительные слова № 17 («пришла к зятю на веселой пир, стали пити-ясти, прохложатися») и № 58 («посадил ево за столы убраныя в ту скамью богатырску хлеба с солью кушати и доволно пити, прохлажатися») «несут функцию заключительного мажорного аккорда в духе скоморошьих концовок» (л. 81 об.). Финальные слова № 30 («и с техъ поръ и великая слава»), № 31 («и пропели петье вечное тому князю Пожарскому«) и № 45 («по тои грамоте тарханныя отныне ана словет й до веку»), направляющие «мысль слушателя на тему о славе, о вечности», создают впечатление «заключительной формулы, обрамляющей содержание текста» (л. 81 об.). Концовки № 1 и № 21 сближаются в их «сатирической окраске» положения незадачливых женихов Давыда Попова и Алеши Поповича, решивших «нечестным путем жениться на чужих женщинах», о чем одинаково пропевается: «здравствуи женивши да не с кимъ спать» (Там же).

Этюд «К анализу текста Сборника Кирши Данилова № 62 (О хмеле)»[11] начинается сравнением существующих образов хмеля по разным записям песен, не являющихся в прямом смысле вариантными. В отличие от обычных идеализированных красок, Сборник Кирши Данилова, оказывается, использует уникальные реалистические: «корнем глубок», «листом широк», «шишки велики, белы, что снег» (л. 101 об.). Если русские песни о хмеле вообще дают «смык трех репертуаров: *а*) свадебного, *б*) масленичного цикла и *в*) эротического», то последний представлен «в наиболее заостренной форме» именно «в Сборнике Кирши Данилова» (л. 102 об.). П. С. Богословский находил, что элементы двух первых названных репертуарных стихий «растворились во всем содержании Сборника». Текст про хмель у Кирши Данилова «несомненно относится к репертуару свадебного и масленичного циклов». Как кажется исследователю, потому в нем и ослаблена тема

---

[11] Этюд фигурирует в рукописи дважды: на л. 82—83 об. и 101—102 об.

«социального антагонизма», присутствующая в прочих песнях подобной тематики (л. 102 об.).

Границы главки «К вопросу о Сборнике Кирши Данилова в аспекте взаимоотношений фольклорной и рукописной традиции (Библиографические и текстуальные фрагменты)», на первый взгляд, довольно точно очерчены подзаголовком. Вначале обещан разговор «главным образом» об эпике Сборника Кирши Данилова, которая должна быть избирательно оценена с точки зрения созвучия неким литературным распространенным сюжетам. Однако на деле круг былин, едва поступив на рассмотрение, сходит на нет.

«Соловей Будимирович» соотнесен, по М. Г. Халанскому, с повестью «О Василии златовласом, королевиче Чешской Земли», но П. С. Богословский принимает сторону А. И. Лященко, отвергшего связь былины с повестью. Констатация исчерпывает содержание «фрагмента».

«Дюк Степанович» сопоставляется со «Сказанием об Индейском царстве». Обзор литературы вопроса заставляет исследователя признать, что решение наукой еще не найдено.

Переходя к лирике и балладным сюжетам, П. С. Богословский сближает «песенные фрагменты Сборника Кирши Данилова о хмеле, вине и пьянстве» с памятниками книжно-рукописной традиции той же тематики. Отмечен ряд аналогий и параллелей древнерусской литературы («Сказание о молодце и девице», «Повесть о старом муже и молодой девице») и «поэтики эротических фрагментов Сборника Кирши Данилова» (л. 91 об.). Текст «Ох, в горе жить — не кручинну быть» (№ 55) связывается с «Повестью о Горе-Злочастии» (л. 92—93 об.). «Песенные фрагменты», имеющие персонажей из мира птиц, сопоставлены с древнерусской рукописной традицией («Сказания о птицах») и их фольклорным подобием.

Как аллегория трактована песня «Травник», к которой в качестве условной аналогии примыкает обзор вариантов песни о луньке XVIII—XIX вв. Как бы к случаю при этом сообщено о постановке при В. Н. Татищеве (1730-е гг.) «екатеринбургским обывателем» Андреем Греком в Тобольской губернии кабаков, в результате чего «от всегдашнего пьянства мастеровые люди в совершенное безумие приходят и мастерства доброго лишаются», а на быстринах реки Чусовой «в пьянстве струги с железом разбивают и убивают друг друга в пьяных драках» (цитата извлечена из кн.: Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 137) (л. 97 об.). Тут же при пояснении аллегоризма песни предложено трактовать слово «крючок» как «полицейский агент», несколько, на наш взгляд, модернизируя источник (л. 96).

Возможно, в связи с утратой каких-то страниц рукописи далее нет ни перехода, ни заглавия к этюду, где предпринято рассмотрение социальной среды, из которой попали в репертуар исполнителей песен на Урале представленные у Кирши Данилова и близкие Сборнику произведения. Этому предшествует, впрочем, сопоставление описаний вооружения богатыря в «Дюке Степановиче» Сборника и пермском песенном фрагменте записи Е. Н. Косвинцева (Марков А. Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 93). Общность поддержана концовкой об орлиных перьях, оброненных в море и собираемых корабельщиками. П. С. Богословский именует это «очень существенным моментом»: запись Е. Н. Кос-

винцева восходит к традиции с. Кудымкор Соликамского уезда (л. 105).

Поиски сословно-культурных корней репертуара, предстающего в Сборнике, выводят исследователя на обойденные вниманием фольклористов артели бродячих ремесленников — шерстобитов и пимокатов. В их быту Богословский видит реальное наследование искусства «скоморошьей среды» (л. 107). Например, в 1754 г., когда шерстобиты били шерсть в богадельне Камышловского уезда, они показали себя и умельцами совсем иного рода — музыкантами, ибо играли «в гудки» (следует отсылка: Шишонко В. Н. Пермская летопись. Пермь, 1887. Период V, ч. 2. С. 290—293) (окончание — на л. 115—115 об.). Однако «гудки» Г. Р. Державин и Н. П. Николев связывали также с солдатским обиходом, о чем ученый не может умолчать после экскурса в скомороший мир (л. 111—116 об.).

Фактор «динамизма» среды, создавшей Сборник Кирши Данилова, П. С. Богословский ассоциировал также с групповыми творцами — переносчиками некоторых разновидностей песен: ямщиками, портными, коновалами, сапожниками, сплавщиками, бурлаками, рыбаками, находившимися в повседневных передвижениях. Охарактеризовав «заводскую, рудничную среду» (и ее «низовой слой — массу народную, в значительной степени пришлую с разных сторон», и слой «средний» — конторский люд, сосредоточенный возле «управления», «администрации»), исследователь направил внимание на «рефлексы и реминисценции», тонко обнаруживающие приметы социальной атмосферы, где жила эпическая традиция и сопутствующие ей поэтические явления (л. 108 об., 108).

Пожалуй, впервые в литературе о Сборнике П. С. Богословский оценил значение уловленной им связи «Древних российских стихотворений» со «стрелецкой средой», расположенной к «расколу», который «чутко, бережно относился к старинной культуре, к народному искусству». Хранители «боевых традиций», стрельцы были также носителями былинной эпики, героических песен. Боевая обстановка, окружавшая воинов-профессионалов, способствовала культивированию и сохранению батального начала народной поэзии, его сюжетики, атрибутики (л. 109 об.). Но, кроме того, «связь стрелецкой среды с расколом питала оппозиционные настроения, направленные против новшеств, против церкви», что обеспечивало удержание «антиклерикальной» и иной сатиры (л. 109 об.—110).

Лейтмотив главки — углубить новыми разысканиями историко-этнографический комментарий к Сборнику Кирши Данилова ради сближения этой народной книги с органичной ей «творческой и социальной базой» (л. 110). Призыв частично реализуется самим ученым в этюдах: «О локальной лексике в Сборнике Кирши Данилова», «Уральские рефлексы архаической и локальной лексики Сборника Кирши Данилова. (Некоторые данные, в частности, из песенной культуры XVIII в.)».

Критикуя П. Н. Шеффера за путаницу в понятиях «локальная» и «нелокальная» лексика, Богословский дает изрядное число примеров общеупотребительности для Урала (его фольклора, исторических документов, письменности) слов, формул, приписываемых глубинно-сибирским землям. Раздвигая тематику своих этюдов, исследователь фиксирует сибирскую топонимику в фольклоре захожих пермяков, записанном в центре России (собрания П. Н. Рыбникова, П. В. Киреевского).

Второй из упомянутых этюдов получает продолжение в приложении — «Локальная лексика Сборника Кирши Данилова (по словарю П. Н. Шеффера) в местных рукописных словарях, живой речи, архивных актах, топонимике и фольклорном отражении Урала» (л. 146—200). Здесь можно найти уточнения к толкованиям лексики, фразеологии, предложенным в 1901 г., и подчас важные старые эпизоды употребления слов со значениями, известными по текстам Сборника (скажем, слово «ярлык» в значении «письмо» известно на Урале в 1736 г.).

Особое приложение «О древнерусских „некалендарных" именах и прозвищах в связи с рефлексами эпическими. (Заметки и библиографические данные)» богато отсылками к литературе, содержащей регистрацию и толкования имен собственных. Сюда же вторгаются случайные заметки «для памяти» (например, касающиеся «братчин» или очевидной эротической подоплеки былинной «игры в свайку»).

Завершается рукопись монографии П. С. Богословского сводкой библиографии «Русская эпическая традиция», где материал расположен в порядке алфавита и доведен до имени А. И. Мякутина. Далее текста нет. Случайной добавкой оказался листок машинописи с упоминанием стяженных просторечных глагольных форм в Сборнике Кирши Данилова.

Поле исследования знаменитой народной книги осталось не возделанным до того результата, к которому стремился автор капитально задуманного труда, получавшего солидное обеспечение материалами.

* * *

В качестве постскриптума к сказанному нельзя не привести сведений, сообщаемых П. С. Богословским в вышеупомянутой черновой рукописи № 33 (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 33, л. 229—232).

В 1930 г. Научно-этнографическое общество при Пермском государственном университете (реорганизованный тогда же Кружок по изучению Северного края при Пермском университете) осуществило поездку членов Общества Г. И. Маркова и В. Н. Серебренникова на Печору «для обследования состояния эпической традиции и поисков следов связи с Сборником Кирши Данилова. Г. И. Маркову <...> удалось одному проехать всю Печору от Якшинской пристани до устья и вернуться в Пермь через Ледовитый океан и Архангельск — по Северной Двине через Котлас. Материал экспедиции еще не опубликован. <...> Маркову удалось встретиться с рядом былинщиков, певших старины Н. Е. Ончукову». Экспедицией Г. И. Маркова «еще раз подтвердилось наличие в печорской традиции сильной сатирической (антиклерикальной) и пародийно-эротической струи. Это весьма существенное свидетельство подтверждает несомненную зависимость, связь Сборника Кирши Данилова с пермско-печорской эпической традицией». К сожалению, ничего более об экспедиции Г. И. Маркова и о нем самом П. С. Богословский нам не оставил.

Однако случай случаю нередко подают руку. В апреле 1963 г. автор данной статьи ознакомился в Нижне-Тагильском музее (ныне — Музей-заповедник горнозаводского дела) с тетрадью «Частого[во]рки» Верхотурского края (Ч. III. Гальянский р-н Нижне-Тагильского завода (г. Н. Тагила). Н. Тагил. 1930 г.), составленной членом-корреспон-

дентом Уральского Общества любителей естествознания Гавриилом Ильичом Марковым. Судя по записям «частоговорок» (частушек) и по соседствующим материалам, что содержались в музейных тетрадях, Г. И. Марков был к 1920-м гг. опытным собирателем. Он записывал русский и украинский фольклор еще в 1910 г., а в 1913 г. выезжал на Урал, в Верхотурский край, по поручению Московской музыкально-этнографической комиссии.

В тетради имелось 160 частушек и 16 загадок («Приложения») (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7, п. «Фольклор»). В том же фонде находятся свадебные и тюремные песни, записанные Г. И. Марковым в 1929 и 1930 гг. (Ч. IV. Песни Верхотурского края — ф. 7, оп. 1, ед. хр. 13/14, л. 12 — 18 об.), и особой записью зарегистрировано, что 8 октября 1930 г. в 9 ч. у П. С. Богословского собиратель докладывал о своем путешествии по Печоре.

Находки эти в 1963 г. не привлекли особенного внимания. Но когда Отдел народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН создал 2 тома серии «Былины» Свода русского фольклора — «Былины Печоры», когда обнаружились в архиве П. С. Богословского цитированные строки об экспедиции Г. И. Маркова, завязалась новая переписка с Нижним Тагилом, опиравшаяся в том числе на сведения 1963 г. о марковском фонде бывшего музея краеведения. Просматривая разысканные им в Нижне-Тагильском музее-заповеднике горнозаводского дела бумаги Г. И. Маркова, известный нижнетагильский краевед-историк С. В. Ганьжа нашел немаловажное «Сообщение» музыковеда-этнографа о его печорской экспедиции, датированное 29 декабря 1930 г. «Сообщение» о печорской поездке, инициатором которой есть все основания считать П. С. Богословского, адресовалось «Государственному Нижне-Тагильскому музею» и информировало, что Г. И. Марков «22 августа 1930 г. по предложению Научного Этнографического Общества Пермского государственного университета» отправился на «музыкально-этнографическое обследование Печорского края Коми области по маршруту: Чердынь, Якша, Троицко-Печорское и Усть-Цильма...», — отправился «в сопровождении этнографа В. Н. Серебренникова (Аргентова)», который, однако, в Якше прекратил путешествие. Видимо, не сумев душевно сблизиться с попутчиком, Марков объяснил его возвращение в Пермь весьма гадательно: «или из-за малодушия ввиду предстоящих трудностей пути (в это трудно поверить, зная биографию В. Н. Серебренникова. — *А. Г.*), или из-за боязни потерять службу (картонажная Перм<ского> Госуд<арственного> музея), или из-за скромности наших подъемных» (Архив Нижне-Тагильского Музея-заповедника горнозаводского дела, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 13/14, л. 19, 21).

С прямой помощью научных сотрудников Музея-заповедника — директора И. Г. Семенова, ученого секретаря С. В. Рудова, библиотекарей Э. Н. Овечкиной и Э. Р. Меркушевой (за что выражаю им самую искреннюю благодарность) в декабре 1997 г. состоялось новое ознакомление автора настоящей статьи с нижнетагильскими рукописями Г. И. Маркова (их объем—более 120 страниц) и новонайденным «Сообщением». В последнем, живописно изображая впечатления от поездки по могучей Печоре к Ледовитому океану, Г. И. Марков изложил ряд фактов, касающихся культуры края. Между прочим, он упомянул, что

ему стало известно о «прошлогодней бывшей здесь какой-то, видимо, большой этнографической экспедиции из „центра“», ради которой в селах водились «специальные хороводы», устраивались «игрища в костюмах, с чего делались какие-то съемки» (Там же, л. 23 об.).

Речь шла безусловно о комплексной экспедиции 1929 г. на Печору из Ленинграда, в которой ведущая роль фольклориста-филолога принадлежала А. М. Астаховой. Невольно соотнося свои возможности с отличавшейся большим размахом работой ленинградских «конкурентов» по собиранию печорской народной поэзии, Г. И. Марков констатировал: «...вне сомнения, мною проделана была бы более плодотворная работа в Печорском краю, чем выпало мне на долю экспедитора, так как я более привык к стационарному методу, чем к экспедиционному».

Собиратель из Перми так формулировал итоговые выводы: «...этот громадный край нуждается в широкой экономической колонизации при здоровых и крепких во всех отношениях людях», в настоящей агрономической и врачебной помощи населению; этнографические же обследования должны вестись более «детально», нежели «это было до настоящего времени» (Там же, л. 26 об., 27).

По ходу изложения результатов экспедиции Г. И. Марков поделился некоторыми соображениями о контактах русской и зырянской народных культур. Зырянский фольклор, по его мнению, «все время находясь под влиянием русского фольклора», утратил в процессе истории канонические угро-финские черты: «Все мелодии зырян заимствованы у великорусских песельников, завезенных к ним через Новгород, Вятку и Чердынь. Только в некоторых песенках слышится угро-финская (восточная) ритмика и мелодика, — остальное все русское — изломанное и исковерканное».

Усмотрев пиетет зырян в отношении «новомодных» русских песен, Г. И. Марков расценил это как причину сохранения зырянами «характерных черт великорусских песен, считающихся <...> „псевдонародными“» (в их числе названы «Во саду ли, в огороде», «Во поле береза стояла», «Вниз по матушке по Волге (по Печоре)») (Там же, л. 26 об.).

Одновременно собиратель подчеркнул: «Былинщина еще цела в памяти стариков Усть-Цилемского района» (Там же, л. 27).

Наконец, Г. И. Марков совершенно точно указал, куда он передал свои записи фольклора на хранение, и это должно облегчить и ускорить нынешние поиски былинных текстов региона, с которым соприкасалась урало-сибирская эпическая традиция, представленная Сборником Кирши Данилова: «Все материалы, относящиеся к печорской экспедиции 1930 г., хранятся в Научно-этнографическом обществе Пермского университета в двух тетрадях» (Там же, л. 26).

В «Сообщении» Г. И. Маркова попутно упоминается факт освещения его «эксцентрического путешествия» профессором-востоковедом Греном в пермской газете «Звезда».[12] П. С. Богословский был органи-

---

[12] Грен А. Н. Пешком по Ледовитому океану // Звезда. 1930. 27 нояб. № 272(3385). С. 4. В заметке говорилось, что «т. Марков» ездил «для исследования населения по р. Печоре в Коми области и для записывания народных мелодий», т. е. записи содержали нотировки, а это особенно ценно.

затором и второй — видимо, летней — экспедиции 1930 г., нацеленной на раскрытие репертуарных связей уральского фольклора со Сборником Кирши Данилова. В черновиках диссертации читаем: «вторая экспедиционная поездка» того же Общества Пермского университета состоялась под руководством П. С. Богословского с участием лингвиста «проф. А. В. Миртова, музыкального этнографа препод<авателя> университета А. А. Луканина и учащегося В. П. Богословского (для зарисовок и фоторабот) — в лесной район, расположенный по р. Косьве и Вильве. Здесь было открыто настоящее скоморошье гнездо с традициями, соответствующими основному стилю Сборника Кирши Данилова.[13] В частности, при помощи фонографа были зафиксированы замечательные песенные мелодии, сохранившиеся в широком народном применении (валики еще не расшифрованы). Работа по музыкальной части была выполнена по указаниям доцента Московской консерватории И. С. Тезавровского...» (на этом данный фрагмент текста П. С. Богословского обрывается).[14]

Обнаружение упомянутых печорских записей и косьвинско-вильвенских фонозаписей может стать событием в былиноведении.

---

[13] В упомянутой папке «Фольклор» Нижне-Тагильского Музея-заповедника горнозаводского дела к записям Г. И. Маркова примыкает словесный текст (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7, л. 152), не только родственный образно, но и фразеологически близкий «Агафонушке» из «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова.Текст не имеет паспортных данных, но находится в кругу фольклорных записей рубежа 1920—1930-х гг.:

Прямо Ванина Гагарина двора
солучилася беда, беда —
беда, беда не маленькая:
безрукий клеть покрал,
нагой полну пазуху наклал.
Нагой-то все растерял,
слепой разглядывает,
глухой расслушивает,
безъязыкий «Караул!» закричал,
безногий по десятку побежал,
косолапый след заметал,
а зарезанный песню поет:
«Школьная, манерная моя!
Не стуча, мати, не охаючи,
не стуча, мати, младенца принесла:
приносила в огороде, в хмельнике,
парила в баньке на полке,
купала во зеленом во вине.
Кум-от сам — голопуп,
а кума-то — голопупова жена —
под полою капитана привела —
Капитана Капитановича,
Генерала Генераловича!
Чисто золото — не тянутое,
серебро-то — не колоченное,
на болоте обмолоченное!»

[14] РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 33, л. 232.

Ю. И. МАРЧЕНКО

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОРУССКОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕСТНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Некоторые элементы мещанского быта и мировоззрения, проникшие в деревенскую среду уже в конце прошлого столетия, еще не могли полностью нарушить культурной преемственности. Вместе с тем они вызывали серьезную озабоченность у различных специалистов, активно работавших в сфере практического изучения русского народно-поэтического творчества. Об этом, в частности, свидетельствуют замечания крупнейших собирателей.

Продолжительные контакты с жителями Архангельской и Олонецкой губерний в 1886 г. привели Ф. М. Истомина к убеждению, что «крестьянская молодежь <...> начинает чуждаться древней народной песни <...> огромное большинство этой молодежи относится с пренебрежением к старому, своему домашнему и воспринимает песни новейшего сочинительства; при этом теряет мало-помалу вкус, способность оценивать воспринимаемое и без разбора берет все, что только объявляется новым и модным».[1]

С еще большей определенностью в 1889 г. высказывался Н. М. Лопатин: «В настоящее время непосредственно народное творчество иссякает. Истинно художественные произведения заключаются лишь в старинных песнях <...> на новомодных песнях лежит печать арфисток, шарманок, трактиров, именно того, что не имеет ничего общего с нравами и бытом русского народа <...> В тексте этих песен нет уже и следа истинно народных, сильных, поразительных своими яркими красками картин в соединении с краткостью и простотой выражений и оборотов речи; напротив: бессмыслие, уродство, безо-бразие формы — главная их принадлежность <...> Тратить силы и терять время на сохранение этих новомодных произведений <...> не следует собирателю, когда

[1] Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 14, 16.

каждый год дорог в интересах сохранения древних памятников истинно народной поэзии».[2]

Неподдельной тревогой наполнены строки письма Е. Э. Линевой к В. В. Стасову: «...время идет, песни тают, наша жизнь уходит, Москва увлекается новым стилем <...> фабричные бабы сводят с ума, и просто делается страшно за оставшиеся еще народные сокровища».[3]

Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, что опасения деятелей русской культуры за судьбу фольклорного наследия не были напрасными. Разрушительные процессы, которые они наблюдали, в текущем столетии быстро прогрессировали, а со второй половины 30-х гг. приняли скоротечный и, по-видимому, необратимый характер.

При изучении песенной культуры севера России обращает на себя внимание одно сильно настораживающее явление: различные жанры музыкального фольклора бесследно исчезают вместе с их последними носителями, вопреки всяким законам устного творчества. Это свидетельствует о нарушении преемственности. Возникает вопрос: когда и почему произошел обрыв традиции? Думается, он чисто риторический.

А. Д. Григорьев, крупнейший из собирателей русского эпоса, проделавший беспримерную по объему и научной точности работу по систематизации архангельских былин, отмечал бесспорный упадок эпической традиции на рубеже столетий. Но считал, что в некоторых местностях (например, на Мезени) «старины <...> продолжатся еще долго».[4]

Спустя три десятилетия А. М. Астахова, осуществлявшая записи былин практически «по следам» А. Д. Григорьева, отмечала, что «в 1928 г. на Мезени <...> можно было говорить о настоящем бытовании былин».[5]

Прошло еще 30 лет, и Н. П. Колпакова сообщает: «...на Мезени, когда-то столь богатой эпической традицией, имеются только скудные остатки прежнего былинного богатства <...> в 1958 г. <...> былина была известна всюду по воспоминаниям и по уцелевшим отрывкам, но ни одного полноценного певца, типа сказителей, живших тут прежде, собирателям найти не удалось».[6]

---

[2] Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву/Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1956. С. 50—51.

[3] Из переписки Е. Э. Линевой и В. В. Стасова 1892—1906 гг. /Публикация И. И. Шевченко//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 106—107.

[4] Архангельские былины и исторические песни, собраные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Кулой. Прага, 1939. Т. 2. С. 26.

[5] Былины Севера. Мезень и Печора/Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 45.

[6] Песенный фольклор Мезени/Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. С. 30—31. См. также: Марченко Ю. И. Некоторые вопросы изучения музыкальной стилистики эпических напевов Архангельской традиции (по материалам, записанным на Кулое, Мезени и Печоре)//Русский фольклор: Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 117.

Последующие экспедиции (Институт русской литературы РАН, Московский государственный университет, Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных) показали, что упадок эпической культуры продолжался, и к середине 1980-х гг. былина на Мезени прекратила свое существование.[7]

И все же предупреждения собирателей об угасании народно-песенных традиций не всегда соответствовали действительности. Особенно — в тех случаях, когда их выводы отталкивались от эмпирического восприятия материала без тщательного изучения обстоятельств его бытования.

Обратившись, например, к ранним записям севернорусской эпизированной поэзии, в частности — причети, наталкиваемся на важное свидетельство Ф. М. Истомина по результатам собирательской работы 1893 г.: «Все причеты и плакашки записаны исключительно от пожилых женщин-причетниц, еще довольно многочисленных в Вологодской губернии и очень редких в Костромской».[8] На первый взгляд может показаться, что речь идет опять же об упадке культуры. Но здесь причина, вероятно, в том, что запись обрядового фольклора, и в частности причитаний, требует от собирателя особой деликатности: важно учитывать определенные условия этического характера, позволяющие или не позволяющие информанту делиться с собирателем своими знаниями до достижения определенного возраста. В современных экспедициях, направляемых в районы, через которые пролегали маршруты Истомина—Ляпунова—Дютша, удавалось слышать весьма убедительные образцы местной причети именно от пожилых женщин в возрасте от 65 лет и старше. Особенно поучительным оказался опыт по обследованию песенной культуры Тарногского района Вологодской области, где в процессе изучения свадебного обряда[9] удалось добиться записей, не уступающих по полноте и художественной ценности материалам, опубликованным в начале столетия М. Б. Едемским.[10]

Не менее интересны были и результаты фольклорных экспедиций 1970-х гг. в Тотемский, Верховажский, Нюксеницкий и другие районы Вологодской области, в Устьянский район Архангельской области,[11] через который в 1901 г. пролегали маршруты Е. Э. Линевой. Однако

---

[7] Последние представительные образцы мезенского эпоса, записанные сотрудниками Института русской литературы, опубликованы в звуковом издании. См.: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Традиционные песни Мезени. Л.: Мелодия, 1982. М 20-44641-4. № 18—20.

[8] Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году/Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 14.

[9] Результаты этого изучения отражены в издании: Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области)/Ред.-сост. музыкальной части А. М. Мехнецов. М., 1985.

[10] Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге//Живая старина. СПб., 1910. Вып. 1—4.

[11] По результатам современных экспедиций на Устью были выпущены сборники: Устьянские песни/Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983. Вып. 1; Устьянские песни/Сост. А. Мехнецов, Е. Мельник, Ю. Марченко. Л., 1984. Вып. 2.

повторные заезды в некоторые из ранее обследованных районов (по крайней мере те, в которых довелось принимать участие автору этих строк: в 1985 г. — Бабушкинский, Тотемский р-ны Вологодской обл., в 1986 г. — Устьянский р-н Архангельской обл.) выявили тяжелое, в некоторых случаях безнадежное состояние местных песенных традиций. За неполное десятилетие количество носителей устного народного творчества резко сократилось, а их возраст стал исчисляться 75—80-ю годами. Из репертуара выпали целые слои народно-песенной культуры.

Почему это произошло, и произошло почти внезапно? Как известно, важнейшим условием сохранения произведений устного творчества является преемственность, передача их из поколения в поколение. Резкое изменение привычного уклада деревенской жизни, вызванное коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией экономики, привело к массовому оттоку населения в города. Новые административно-хозяйственные связи изменили сложившиеся миграционные процессы, важные для поддержания местных культур. Не способствовали воспитанию уважительного отношения к национальному наследию прошлого и политические установки «культурной революции». Пропаганда универсальной «масскультуры» в сельской среде при подчеркнуто негативном отношении к национально-художественным традициям со стороны местных идеологов различных уровней ставила под сомнение целесообразность самого существования фольклорных традиций.

Д. М. Балашов, указывая на специфические трудности при записи свадебной поэзии в районах Русского Севера, подчеркивает, что «обряд в 1920—1930-х гг. быстро разрушался, сокращался <...> женщины различных возрастов помнят разные обрядовые песни <...> причеть уже очень забыта, да и все прочее, строго говоря, помнят лишь те, кому к 1930 г. было не менее 14—15 лет».[12] Остается лишь подтвердить эти наблюдения, но с важной оговоркой: исследователь определил вероятный возраст современных носителей фольклора, исходя из наиболее благоприятных посылок в предложенных условиях. В действительности же разрушительные процессы начались в деревне несколько раньше 1930 г., да и усвоение устной культуры в необходимом объеме к 14—15 годам оказывалось не всегда возможным. Среди жителей восточновологодских деревень в 1985 г. возраст носителей традиции превысил 70 лет, исчисляясь из иных, более жестких хронологических соотношений: 1985 (год записи) — 1927 (год вероятного обрыва традиции) + 16 (средний возраст усвоения необходимого репертуара) = 74 (средний возраст носителя фольклорной традиции). Напрашивается вывод: к середине 1990-х гг. этот возраст превысит 80 лет. Вероятно, еще можно надеяться на то, что народные исполнители сохранят память, а кое-кто из них — и слух. Но невозможно не утратить певческих навыков. Легко представить, какое «состояние местных фольклорных традиций» будут наблюдать специалисты, отважившиеся продолжить изучение народно-песенной культуры «в ее непосредственном живом бытовании».

---

[12] Балашов Д. М. От полевой записи — к изданию (Современное состояние свадебного обряда)//Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 86.

Эти рассуждения наводят лишь на одну мысль: без немедленной искусственной преемственности (естественная преемственность в следующем поколении уже невозможна) культура обречена на скорую гибель. Однако искусственная преемственность фольклорной традиции вряд ли может носить массовый характер, хотя теоретически вполне допустима.

Но каковы же особенности отечественной фольклористики — науки, от которой зависят осмысление и пропаганда устного народного творчества, повышение его художественного авторитета в современной культурной жизни?

Мощная антирелигиозная пропаганда, которой сопровождались преобразования деревенского быта, надолго исключила из поля зрения исследователей многие жанры традиционного фольклора. В их число попали причитания, заговоры, легенды, не говоря уже о духовных стихах, являющих собой одну из вершин национальной эпической поэзии. Надолго был закрыт доступ к изучению устных традиций старообрядцев, оказавших серьезное и во многом решающее влияние на формирование севернорусской культуры. В особенности — в районах архангельского Поморья, на Печоре, на Мезени, на Северной Двине и на Пинеге.

В сложном положении оказались и собиратели, в профессиональные обязанности которым вменялась антирелигиозная пропаганда среди крестьян (непременное условие культпросветработы). А это лишь подрывало доверие к собирателям, лучшие из которых решительно отвергли избирательный подход в изучении жанров песенного фольклора и стремились фиксировать все доступные формы народнопесенной культуры (из ленинградцев к таковым относятся прежде всего А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, Н. П. Колпакова, З. В. Эвальд). Но до научной разработки и полной публикации материалов дело, как правило, не доходило.[13]

Неуемная волна по изучению фабрично-заводского песнетворчества прокатилась по всей стране, надолго заслонив интерес к крестьянской культуре. Лишь в конце 1950-х гг. происходит постепенное возвращение фольклористики в традиционное русло. Однако пережитое дает тяжелые рецидивы и в наше время: чего стоит попытка реанимации печально известного труда П. Г. Ширяевой «Песни российского пролетариата»![14] И это при том, что большая часть наследия ранних собирателей советского времени, еще захвативших период активного бытования фольклора в деревенской среде, неизвестна даже специалистам! Само собой разумеется, что адекватного научного отражения фольклорных традиций в советской фольклористике первой половины

---

[13] Некоторые из этих материалов смогли выйти в свет лишь недавно. См.: Архивные записи пинежского эпоса (по материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года) / Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 156—179; Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публикация Л. И. Петровой // Там же. С. 180—218. См. также публикации упомянутых авторов в настоящем издании.

[14] 100 песен русских рабочих / Сост., вступ. статья и коммент. П. Ширяевой; Общ. ред. П. Выходцев; Муз. редактор В. Лапин. Л., 1984.

текущего столетия не было и не могло быть. Науку спасала лишь сфера чистой текстологии, и то не всегда.[15]

После знакомства с материалами Всесоюзной фольклорной конференции, проходившей в Ленинграде с 7 по 11 июня 1938 г.,[16] остается лишь удивляться тому, каким образом специалистам вообще удавалось сохранять полезные направления в своей работе, добиваясь при этом ощутимых положительных результатов. Принятая на конференции резолюция была вполне в духе времени: «В ряде фольклорных организаций в течение ряда лет орудовали враги народа (троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты), стремившиеся тормозить рост народного творчества и его изучение и пытавшиеся разобщить национальные культуры братских народов».[17] Поэтому фольклористов призывают к усилению «решительной борьбы в целях быстрейшей ликвидации последствий вредительства в области теории и практики фольклористической работы».[18] Словом, мрачная атмосфера предвоенных лет наложила суровый отпечаток и на ту область знания, которая охватывает едва ли не самое безобидное направление человеческой деятельности.

Таковым оказался один из итогов двадцатилетнего периода развития советской фольклористики, разделившей печальную участь и других гуманитарных наук. Вероятно, можно было бы очень долго перечислять всевозможные факторы, отрицательно сказавшиеся на судьбе народно-песенной культуры, без конца анализировать причины, которые приводят ее к полному упадку. Однако и наука, от которой зависело (и в немалой степени) повышение роли народного творчества в современном культурном процессе, частично увязла в одиозных, далеких от профессионализма направлениях, частично оказалась парализованной. В результате она не смогла взять под защиту многие художественные ценности, созданные в сфере устной традиции, отстоять их право на жизнь в решающий, переломный момент исторического развития.

Но важно помнить, что подвижническая деятельность русских собирателей конца XIX—начала XX в., последовательность и высокий профессионализм ранних собирателей советского времени, наконец, широкомасштабная работа, развернувшаяся с конца 1950-х гг. и не прекращающаяся до настоящего времени, объединившая усилия уже не десятков — сотен собирателей, оставляют надежду на то, что народно-песенное наследие Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, районов Карелии не окажется утраченным безвозвратно. Не исключено, что вопросы реконструкции севернорусской культуры

---

[15] Полезно было бы выяснить, по каким причинам так и не вышла в свет первая часть пинежского собрания Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, содержащая поэтические тексты песен (опубликована была лишь вторая часть, включающая нотные расшифровки музыкальных материалов: Песни Пинежья/Материалы фонограммархива, собр. и разраб. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Под общ. ред. Е. В. Гиппиус. М., 1937. Кн. 2).

[16] В работе конференции приняли участие Ю. М. Соколов, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус и др. Материалы конференции см.: Советский фольклор. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 245—263.

[17] Там же. С. 248.

[18] Там же. С. 249.

устной традиции могут встать в ближайшее время с особой остротой. И поскольку современная фольклористика еще не накопила достаточного опыта в этой области, важно было бы провести подготовительный этап — наладить серийный выпуск неизвестных архивных материалов и обозначить проблемы ретроспективного анализа традиции по крайней мере в той форме, в которой позволяют это сделать публикации и записи последних полутораста лет.

* * *

Одно из направлений современной русской музыкальной фольклористики, связанное с осмыслением материалов, помещенных в ранних собраниях, пока еще не стало обязательным даже для представителей академической науки. В большинстве случаев специалисты предпочитают обращаться к современным записям, а чаще всего — к собственным материалам, добытым за последние два-три десятилетия. Между тем прямое сопоставление ранних записей с адекватными им современными помогло бы ответить на многие вопросы, возникающие при изучении особенностей эволюции фольклорных традиций.

Существует мнение, что ранние публикации русского фольклора грешат неточностью, особенно в части музыкальной. Но до сих пор известен лишь один текстологический труд, автор которого последовательно анализирует причины, приводившие к искажению музыкальной формы фольклорного текста при его слуховой фиксации.[19] Полезно было бы продолжить этот исследовательский опыт хотя бы для того, чтобы выяснить степень достоверности опубликованных материалов, которая может быть различной даже для разных образцов одного собрания.

Однако вначале важно получить некоторые представления о том, с какими именно музыкальными явлениями могли столкнуться собиратели XIX в. и насколько возможной оказывалась их точная фиксация при записи на слух.

В собрании Истомина—Дютша помещена лирическая песня «Ай, голубь, ты голубь» (пример 1). Состоявшиеся в 1980—1981 гг. совместные экспедиции Института русской литературы и Ленинградской консерватории на Северную Двину застали ее повсеместное бытование в Виноградовском и Холмогорском районах Архангельской области. Напев оказался очень устойчивым, а отклонения в вариантах незначительными. Хорошо сохранился и поэтический текст, который почти не содержит существенных разночтений с опубликованным в собрании. Мы имеем возможность привести песню в расшифровке, выполненной по записи от исполнителей старейшего поколения (пример 2).

---

[19] Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано/Ред., предисл., исслед. и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. Под редакцией Е. В. Гиппиуса вышла еще одна важная работа, продолжающая линию критического осмысления ранних материалов. См.: Традиционная музыкальная культура русского Северо-Запада: Песни Заонежья в записях 1880—1980 годов/Сост., предисл. и примеч. Т. В. Краснопольской. Л., 1987.

Беглое сравнения двух ее вариантов показывает, что в записи Г. О. Дютша много погрешностей.[20] Вплоть до того, что она носит чисто условный характер. Собиратель мог столкнуться и наверняка столкнулся в полевой практике с музыкальным явлением, мало отличным от того, которое нам довелось услышать спустя 94 года. По вполне объяснимым причинам выбор его пал на сольный вариант напева. Это прочно входило в практику фольклористов XIX в., несколько снижая ценность собранного материала. Но было бы несправедливо требовать от Г. О. Дютша сиюминутного осмысления сложного музыкального феномена, очень далекого от тех представлений о народной песне, которые сложились в музыкальной науке к концу прошлого столетия.

В иных случаях происходило обратное: внешняя простота и доступность музыкально-поэтических форм скрывала от собирателей замысловатые музыкально-этнографические явления, во многом определяющие стилистику севернорусской культуры.

К таковым в первую очередь относится причеть. Ее распространение на Русском Севере было повсеместным. Но зона наиболее активного бытования охватывала, по-видимому, районы Восточновологодского края, через которые в 1893 г. пролегали маршруты экспедиции Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. Их собрание, во всяком случае в конце прошлого столетия, оказалось центральным для публикаций музыкальных форм причети.[21]

Это обстоятельство серьезно повлияло на современных исследователей, занятых в сфере изучения севернорусской плачевой культуры. После фронтального обследования песенных традиций Восточновологодского края появилось несколько работ, в которых содержатся материалы, прямо связанные с собранием Истомина—Ляпунова. Но именно причеть представлена среди них в наибольшем объеме.[22]

Анализ причитаний из собрания Истомина—Ляпунова показывает, что основная нагрузка при записи ложилась на филолога. Несложные типовые напевы не ставили серьезных проблем перед музыкантом и в большинстве своем получили удовлетворительное отражение (пример 3). После сравнения с современными записями выясняется, что музыкальные формы причитаний не претерпели существенных изме-

---

[20] Т. В. Краснопольская, анализируя песни Заонежья из собрания Истомина—Дютша, приходит к выводу, что ряд погрешностей мог возникнуть на стадии подготовки материалов к изданию. В процессе сведения напева и текста появлялась опасность соединения поэтического и музыкального компонентов, восходящих к различным структурным версиям песни (Традиционная музыкальная культура... С. 9—11). Думается, по отношению к нашему примеру это было бы натяжкой. Скорее всего, искажения были допущены еще при полевой записи.

[21] Песни русского народа... 1899. С. 55—83.

[22] Кроме «Русской свадьбы» см.: Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области/Сост., ред., вступ. статья и коммент. М. Мазо. Л.; М., 1975; Ефименкова Б. Б. 1) Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980; 2) Причетная песня в бассейне реки Юг//Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 149—165; 3) Русские причитания стабильной структуры с цезурированными напевами//Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян: Вопросы типологии. М., 1987. С. 88—107; Народные песни Вологодской области: Песни средней Сухоны/Сост. А. Мехнецов. Л., 1981.

нений по крайней мере с 1893 г. По-видимому, региональная систематизация всех имеющихся записей второй половины текущего столетия помогла бы восстановить картину распространения жанра, сложившуюся к концу XIX в.

В 1901 г. собиратели зафиксировали феномен групповой причети[23] — явление, на которое не обратили серьезного внимания Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Это закономерно, поскольку изучение причети по записям от отдельных исполнителей в интересующем нас плане ничего не дает. Труд, выполненный современными фольклористами, со всей определенностью показал, что маршруты экспедиции Истомина—Ляпунова проходили через центры традиций, по богатству и своеобразию музыкальных форм плачевой культуры исключительных даже для Русского Севера. Простота восточновологодских напевов компенсируется многообразием их использования. На этой основе возникают сложные полиструктуры, объединяющие либо сольные голошения с контрастными им напевами групповых причитаний, либо два-три однотипных сольных напева, но с разными поэтическими текстами. Сочетания голосов оказываются настолько индивидуальными в каждой местности, что опевально-причетные формы свадебного обряда, записанные в соседних населенных пунктах, могут сильно отличаться по колориту звучания даже при типологическом тождестве составляющих их напевов (примеры 4, 5).

Художественные формы севернорусской плачевой культуры[24] складывались, по-видимому, параллельно, и их было несколько. По крайней мере две были связаны с групповым и сольным интонированием обрядовых текстов, и обе получили закрепление в самостоятельной традиции напева. Со всей определенностью можно сказать и о третьем виде причети, также имевшем, вероятно, самостоятельные музыкальные формы, — причёты плачеи — специальной причиталки, профессионально владевшей местной художественной традицией (ее нанимали для проведения обрядов за соответствующее вознаграждение).

Эволюция причети была связана с тремя процессами, проходившими синхронно. Но каждый из них протекал в специфических формах, *связанных с местными историческими и культурными условиями.* Во-первых, возможно было обогащение системы под воздействием различных музыкальных источников (например, под воздействием культуры знаменного распева).[25] Во-вторых, наблюдался процесс консервации культуры (на это, в частности, указывает сравнение ранних и современных записей). В-третьих, происходил очевидный регресс тра-

---

[23] Из ранних записей групповой причети на Русском Севере/Публикация Ю. И. Марченко//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 136—155.

[24] Концепция «плачевой культуры» предложена Т. А. Бернштам. См.: Бернштам Т. А. Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX—начало XX в.)//Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 82—100. Приоритет в применении этой концепции к музыкальной системе причитаний принадлежит В. А. Лапину. См.: Лапин В. А. Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции//Там же. С. 101—116.

[25] См., например: Руднева А. В. О двух вариантах плача «Пора встать ото сна беспечального»//Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 138—148.

диции. Он, по-видимому, выражался в стремлении к музыкальному единообразию художественной системы. Последнее имеет принципиальное значение для понимания местных особенностей восточновологодских причитаний.

Вместе с тем причитания складывались на основе разных обрядов (погребальных, свадебных, окказиональных). Их внутрижанровое деление требовало контрастного музыкального оформления различных по назначению текстов. В результате основные функциональные группы причитаний (сольные и групповые, похоронные и свадебные) получали самостоятельное музыкально-художественное решение.

Для восточных районов Вологодской области наиболее колоритны традиции, в которых исполнение причетных текстов осуществляется на три напева (один групповой, два сольных — свадебный и погребальный). Многие тексты свадебного обряда могут исполняться одновременно на два контрастных напева.

Музыкальное разнообразие в использовании напевов таково, что до сего времени не удается определить диапазон их варьирования в обрядах. Поэтому критерием этнографической достоверности материалов ранних публикаций, гарантом их верного толкования, могут быть только параллельные современные записи.

Традиция плачевой культуры в Вологодском крае была настолько мощной, что до недавнего времени кое-где удавалось записывать исполнителей, владеющих ею профессионально, способных воспроизвести местный обряд во всем многообразии его музыкально-этнографических деталей (примеры 6, 7).

Напевы восточновологодских причитаний складывались на основе единой культуры музыкального интонирования, но в местных версиях. По некоторым наблюдениям, распространение этих версий охватывает ареалы, примерно совпадающие с территориями бывших волостей. Перераспределение территорий, происшедшее в советское время, привело к противоречию границ административных с этнографическими границами (одна из форм нарушения экологии культуры). Часто исследователи, ориентированные на порайонную систематизацию материалов, оказываются обреченными на неудачу: есть много примеров, когда записи, выполненные на территории одного района, оказываются малосопоставимыми и даже типологически контрастными; и наоборот — причитания разных районов полностью согласуются (примеры 8, 9; ср. с примерами 4, 5).

При работе с ранними материалами (отчасти и с современными) возникает дополнительная сложность. Ограничивается возможность экстраполяции — перенесения данных, полученных на основе анализа музыкальной стилистики каких-либо местных напевов, на поэтические тексты причитаний соседней традиции, записанные и опубликованные без напевов. Но наличие хотя бы одной музыкальной формы существенно облегчает задачу.

Зная логику варьирования напевов и располагая одной из трех возможных форм, можно реконструировать и недостающие звенья. Конечно, в любой реконструкции есть некоторая условность. Однако современное состояние устной культуры, лишающее надежды на получение необходимых данных при ее повторном обследовании, выбора не оставляет.

Поэтому с каждым годом возрастает ценность фонографических записей, выполненных в конце XIX—начале XX в., т. е. в то время, когда собиратели застали песенную культуру в активном живом бытовании и еще без налета (или с незначительным налетом) чуждых ей музыкально-стилевых явлений.

Наблюдения над музыкальной стилистикой севернорусского обрядового фольклора по малоизвестным ранним записям показывают, что многие современные материалы представляют ее в сильном упрощении. Эти упрощения касаются, во-первых, невоспроизводимых или трудно воспроизводимых в нотной расшифровке музыкально-интонационных особенностей (тембр, строй, артикуляция), во-вторых, затрагивают важнейшие элементы музыкальной формы — склад многоголосия, мелодику. Последнее очень существенно, поскольку именно мелодическое строение напева оказывается решающим художественным фактором при характеристике местных певческих традиций, придает им неповторимый музыкальный облик. Современные же записи, пусть даже очень качественные по исполнению, чаще всего представляют некие «усредненные» варианты напевов, мало что дающие для понимания реальной жизни фольклорного текста в среде его носителей.

Заметим также, что схематизация мелодики, обеднение многоголосия, упрощение принципов варьирования — грозные симптомы, свидетельствующие о типологическом распаде традиции даже в том случае, когда внешние характеристики материала (уверенное исполнение, хорошая сохранность поэтического текста, наличие этнографических подробностей) оставляют у специалистов благоприятное впечатление. Для иллюстрации приводим две записи широко распространенной свадебной величальной песни, выполненные на Устье (Архангельская область) с интервалом в 85 лет (примеры 10, 11).

Подчинение хозяйственного уклада севернорусской деревни задачам «всесоюзной лесопилки» (в особенности в бассейнах крупных рек — Северной Двины с ее притоками Пинегой и Сухоной, на Мезени, на Печоре, на Онеге) приводило к постепенному притоку населения в укрупненные населенные пункты типа рабочих поселков. Попытки развития художественной самодеятельности на местной фольклорной основе при крайне неразборчивой репертуарной политике способствовали возникновению вторичных фольклорных коллективов, составленных из исполнителей, часто представляющих разные певческие и даже песенные традиции.

В результате с течением времени начал вырабатываться некий условный стереотип «севернорусской фольклорной традиции» с сильно обедненным репертуаром, зачастую вовсе лишенный местного колорита. Мало-помалу подверглись забвению целые жанры музыкального фольклора, не соответствовавшие вкусам и художественным установкам руководителей певческих ансамблей, опиравшихся в своей практике в лучшем случае на опыт среднего культпросветработника.

На фоне углубления этих явно кризисных процессов разворачивалась широкомасштабная собирательская деятельность, охватившая практически все районы Русского Севера и пополнившая фонды отечественной фольклористики десятками тысяч новых записей. Отдавая должное проделанной работе, учитывая положительную роль, которую она может сыграть при восстановлении утраченных форм устного народного творчества, заметим с некоторым беспокойством, что интерес

к материалам ранних собирателей за последние два десятилетия не возрос: выходящие в свет публикации по музыкальному фольклору по-прежнему включают преимущественно современные записи, обработанные непосредственно собирателями. Однако может оказаться, что материалы, добытые в современных условиях, по ряду музыкально-типологических характеристик сильно проигрывают технически безусловно менее совершенным и внешне менее привлекательным ранним записям.

Выборочная экспертиза материалов, проведенная нами по результатам собирательской деятельности в Архангельской и Вологодской областях за период с 1980 по 1986 г., показала, что большая часть записанных песен полезна лишь для статистического учета места и времени бытования конкретного фольклорного произведения и не вносит ничего существенно нового в сложившиеся представления о музыкальных системах севернорусских традиций (т. е. не меняет типологической картины). Затрагивая вопросы современного состояния народно-песенной культуры северной России, нельзя не отметить одного сильно удручающего факта. Со всей определенностью нужно сказать об уже происшедшей утрате целого ее слоя — традиции мужского группового и сольного пения. По причинам, пока еще недостаточно изученным, эта традиция угасла, по-видимому, на рубеже 1930—1940-х гг. Скромные отголоски некогда разветвленной и очень богатой культуры еще захватили собиратели 1950—1960-х гг. В дальнейшем же на огромной территории, охватывающей Архангельскую, Вологодскую, Кировскую, Мурманскую области, районы Карелии и Коми-республики, регистрировались лишь единичные случаи мужского пения, уже не оставляющие надежд на продолжение преемственности. Конечно, некоторые песни мужского репертуара сохранялись и еще сохраняются в женской среде, но в иных формах, часто — в сильно упрощенном виде. Между тем ознакомление с севернорусской культурой мужского пения приводит к выводу о том, что она имела свою внутреннюю и довольно сложную жанровую иерархию, а как традиция музыкальная — и свои художественные каноны, серьезно отличные от тех, которые известны по формам женского группового пения.

Приведем один пример из собственной практики. В Верхне-Тоемском и Красноборском районах Архангельской области широкое распространение получила свадебная песня «В лете калина». На один напев с ней исполнялась еще одна — «Солнышко высоко взошло».

Обе песни были хорошо знакомы участникам экспедиции 1981 г. по пинежским записям Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд (одну из них — см. пример 12) и, несмотря на более чем сорокалетний интервал в проведении экспедиций, сохранились практически без изменений. Имелись все основания для того, чтобы считать эти песни исключительной прерогативой женского репертуара, тем более что они были записаны еще в 1901 г. Е. Э. Линевой в Белозерском уезде Новгородской губернии как женские свадебные песни. Да и типовой напев, основанный на симметричных повторах полустиший смыслонесущего стиха, абсолютно традиционен для русского (в частности — и севернорусского) свадебного обряда. Таким образом, севернорусское происхождение песен не вызывало ни малейших сомнений.

В 1901 г. Е. Э. Линевой на Устье обе песни были записаны от мужского ансамбля (полную расшифровку песни «В лете калина» —

см. пример 13). Ясно, что проникновение свадебных величальных песен в местный мужской репертуар не было случайным фактом. Но любопытно другое. Трехголосная ансамблевая фактура со свободно вокализирующим верхним голосом скорее напоминает образцы южнорусского мужского пения. Вместе с тем ранние материалы, записанные от мужских певческих групп на Печоре и на Мезени показывают, что сходная манера могла быть типичной и для некоторых районов Русского Севера.

Нельзя не подчеркнуть еще одну любопытную параллель, пока труднообъяснимую: улавливается некоторая связь с культурой пения, свойственной мужским ансамблям семейских Забайкалья.[26]

Логично было бы предположить центральнорусское происхождение стиля, изначально укоренившегося преимущественно в мужской воинской среде, которая затем различными народными потрясениями XVI—XVIII вв. и всяческими карательными акциями царского правительства была разбросана по всем весям и на Север, и на Запад, и на Юг, и в Сибирь.

В связи с упомянутой записью Е. Э. Линевой встает еще один важный вопрос. Не исключено, что зафиксированная ею форма восходит к реликтовому песенному слою, связанному с обрядом опевания жениха. По некоторым экспедиционным наблюдениям такие песни могли существовать, но для аргументированного решения этой проблемы мы пока не располагаем достаточным материалом. Поэтому было бы важно осуществить архивные разыскания и учет всех записей, свидетельствующих о коллективном участии мужчин в свадебном обряде.

В рамках короткого очерка нет возможности более подробно охватить проблемы, возникающие сегодня при изучении севернорусской песенной культуры. Остается надеяться на то, что предложенные материалы и некоторые суждения не останутся без внимания тех, для кого небезразлична судьба фольклорного наследия.

Со своей стороны подчеркнем: по богатству и многообразию форм и жанров музыкальные традиции Русского Севера не имеют себе равных среди прочих устных традиций России. Они по праву как занимали, так и занимают центральное место в отечественной фольклористике. Однако в настоящее время очень многое в судьбе этого наследия зависит от того, насколько эффективной окажется помощь специалистов и любителей всех уровней, помощь, направленная на сохранение и поддержание огромной и своеобразной культуры, многие элементы которой уже сейчас оказываются утраченными и, по-видимому, безвозвратно.

---

[26] Напрашивающаяся параллель с музыкальной стилистикой современных казачьих песен малоконкретна и носит чисто внешний характер. По этой причине она неудовлетворительна. Наиболее надежный материал для сравнения см.: Руднева А. В., Щуров В. М., Пушкина С. И. Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979. С. 162—210. Для объяснения сходства привлекательна гипотеза В. В. Коргузалова об изначально общем происхождении стиля с последующим распространением на север и на юг через Ростово-Суздальскую землю как «промежуточную миграционную территорию» (см.: Коргузалов В. В. Музыковедческие аспекты построения свода русского эпоса // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 118).

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

1

Не скоро

Ай, го - лубь, ты го - лубь, го - лу - бо - цик,

Мой си - зень - кой, я с - ной со - ко - ло - цик.

2

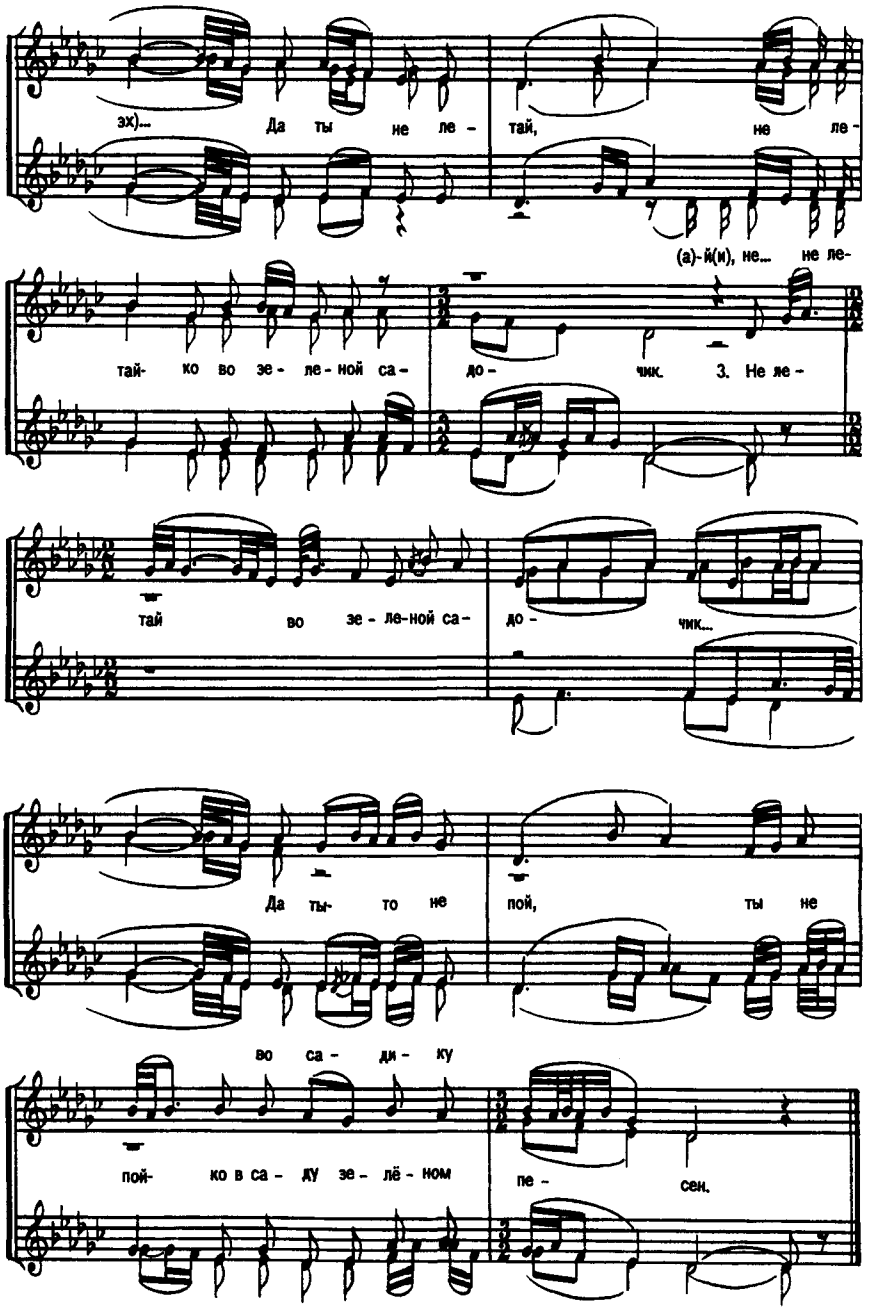
♩=60-64

1. Ой, гу - ля, го - лу - бо- чик...

Да мой- то си - зе... мой си -

зе - нюш-ка, яс-ный со - ко - ло - чик. 2. Мой си -

зень - кой яс-ный со - ко - ло - чик (э -


эх)... Да ты не ле - тай, не ле-
(а)-й(и), не... не ле-
тай- ко во зе - ле - ной са - до - чик. 3. Не ле -
тай во зе - ле-ной са - до - чик...
Да ты- то не пой, ты не
во са - ди - ку
пой- ко в са - ду зе - лё - ном пе - сен.

3

а) ♩=72

О-й дак (и) не кра - со - та не хо...

О-й(и) да-к(ы) не кра - со - та, не кра... (о)

Не кра-со - та не хо - ро - ша - я,

О-й(и) да не кра - со - та не хо - ро... (о)

Уж и те-ре- мок без верь - ху...

Уж и те-ре - мок без верь - ху... (о)

Те - ре - мок без верь - ху сто - ит...

О-й(и) да-к(ы) те - ре - мок без верь - ху... (о) сто - ит(ы), Да-к(ы)

б)

невеста: ♩=64

...да-к(ы) по - хо - ди - ти да по - гу... о... ле-ти,

девушки: ♩=64

...хо - ди - ти да по - гу - ле - ти,

Да-к(ы) по - ре - ви - ти да по - п(ы)- ла... о... ка - ти...

Да-к(ы) по - ре - ви - ти да по - п(ы) - ла - ка - ти...

невеста:

♩=96

1. Я за - цю - ла, за - слы - ши - ла,

девушки:

♩=160

1. Я за - цю-ла, за - слы - ши - ла, Да я за - цю - ла, за -

2. Да звон - ця - ты ко - ло - коль... 3. Ой да

слы - ши - ла 2. Да звон-ця - ты ко - ло - коль - ци - ки, Да звон-ця -

звон - ця - ты ко - ло - коль - ци - ки

ты ко - ло - коль - ци - ки 3. Да на тор - ны-ё до - ро - жень -

4. Да средь ши - ро - ки - е у - лоць - ки.

ки, Да на тор - ны - ё до - ро - жень - ки. 4. Да ко - ло - тив-сё лес -

5. Да ко - ло - тив-сё лес - ли - вой сват

ли - вой сват, Да ко - ло - тив-сё лес - ли - вой сват. 5. Да под кут -

6. Да под кут - ним под о - ко - шець-ком...

ним под о - ко - шець-ком, Да под кут - ним под о - ко-шець-ком. 6. Да..

невеста:

♩=96

1. Ой да стой - те, да -

девушки:

♪=132

1. Стой-те, дай-те, под - ру - жень-ки, Да стой - те, дай-те, под -

й(и)-те, под - ру - же-н(и)-ки, 2. Да м(ы)-не- ка путь да

ру - жень - ки, 2. Да мне-ка путь да до - ро-жень-ку, Да мне- ка

до - ро... 3. Ой дак мне- ка путь да до - ро - же-и(и) -

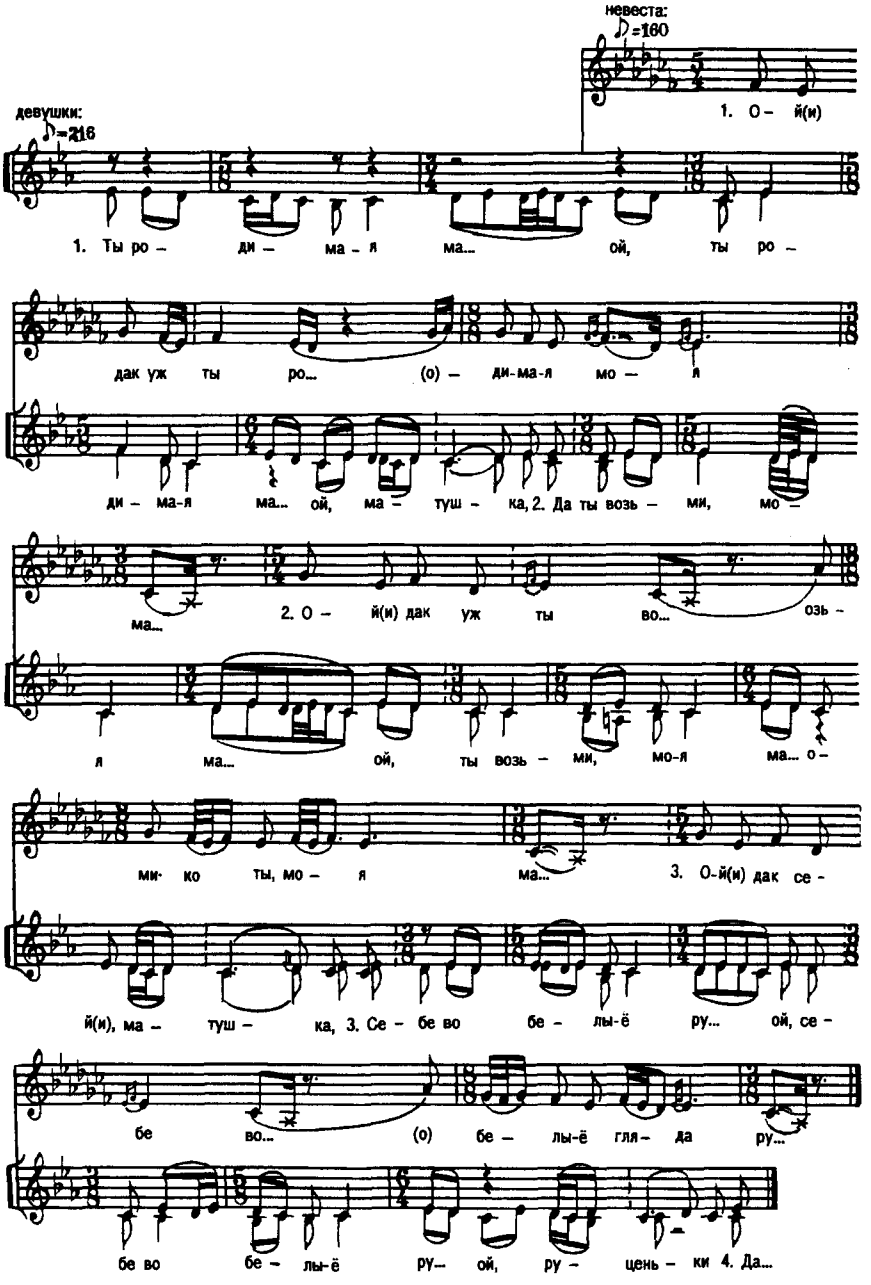
путь да до - ро - жень - ку 3. Да во ши - ро-ку - ю у - лоць -

ку 4. Да на ши - ро - ку - ю у... 5. Ой дак на ши -

ку, Да во ши - ро-ку - ю у - лоць - ку, 4. Да на то-р(ы) - ну -

ро - ку - ю у - лоць - ку ...

ю до - ро - жень - ку, Да на тор - ну - ю до - ро - жень-ку...


невеста:
♪=160
девушки:
♪=216
1. О – й(и)
1. Ты ро – ди – ма – я ма... ой, ты ро –
дак уж ты ро... (о) – ди-ма-я мо – я
ди – ма-я ма... ой, ма – туш – ка, 2. Да ты возь – ми, мо –
ма...
2. О – й(и) дак уж ты во... озь –
я ма... ой, ты возь – ми, мо-я ма... о –
ми- ко ты, мо – я ма...
3. О-й(и) дак се –
й(и), ма – туш – ка, 3. Се – бе во бе – лы-ё ру... ой, се –
бе во... (о) бе – лы-ё гля – да ру...
бе во бе – лы-ё ру – ой, ру – цень – ки 4. Да...

6а

невеста: ♪=196-200

1. О – й(и) дак уж ты ро... (о) – ди-ма – я мо – я

мать: ♪=192-196

1. О – й(и) дак уж ты мо... (о) – ё-

ма... 2. О – й(и) дак уж при – у... (у)-кры – ла ты ме – ня

то да ца – до ми... 2. О – й(и) дак уж мо – я...

ма... 3. О – й(и) дак уж мо – ю... (у) буй-ну – ю гля –

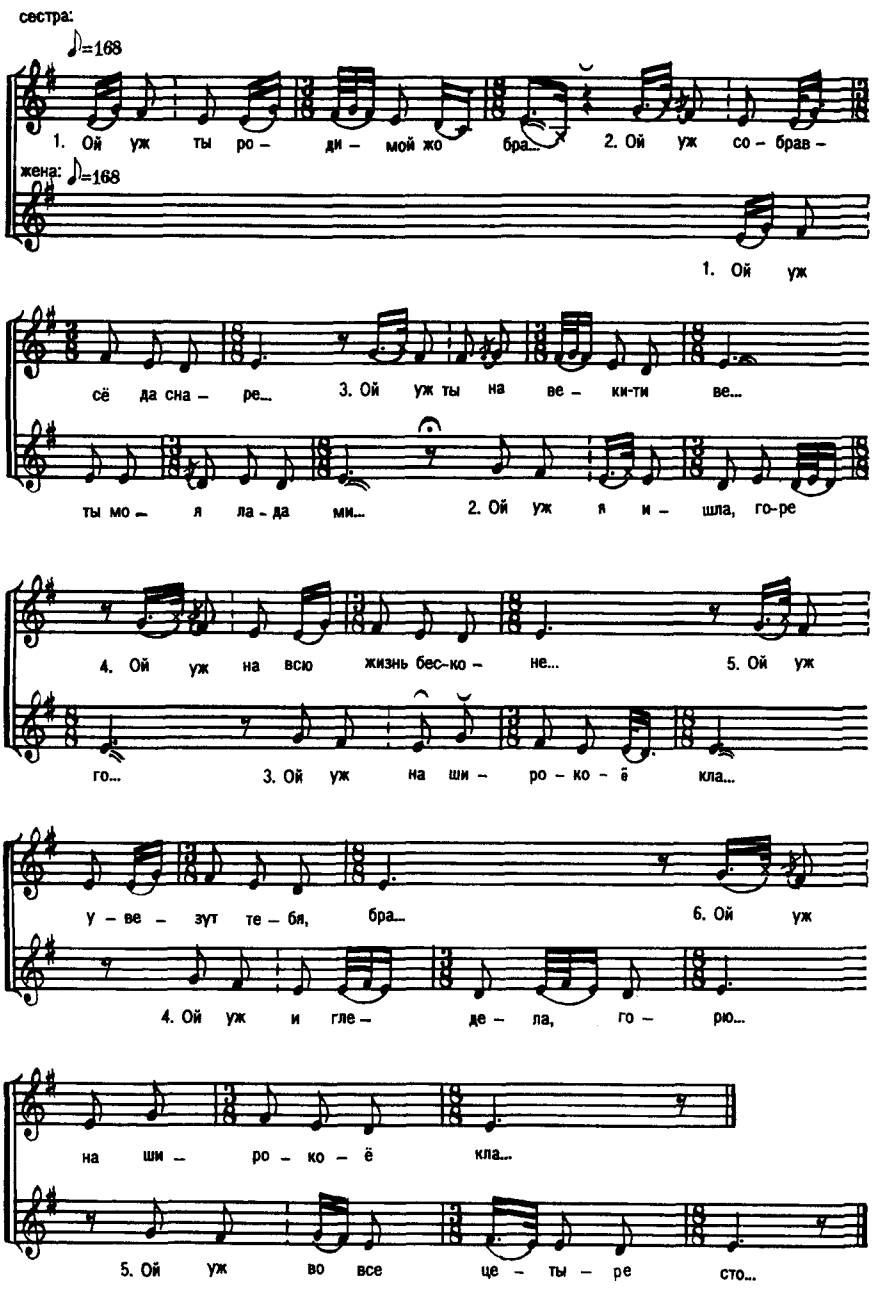
(а) до-ци- то ты лю – би... 3. О – й(и) дак не

да го... 4. О – й(и) дак уж мно – го... (о) све –

о – би... (и) – жай – сё- ко ты, го – лу... 4. О –

ту- ту гля – да бе...

й(и) дак ты на ро... (о) – ди-му – ю сво – ю ма...


сестра:
♪=168
1. Ой уж ты ро – ди – мой жо бра... 2. Ой уж со – брав –
жена: ♪=168
1. Ой уж
сё да сна – ре... 3. Ой уж ты на ве – ки-ти ве...
ты мо – я ла – да ми... 2. Ой уж я и – шла, го-ре
4. Ой уж на всю жизнь бес-ко – не... 5. Ой уж
го... 3. Ой уж на ши – ро – ко – ё кла...
у – ве – зут те – бя, бра... 6. Ой уж
4. Ой уж и гле – де – ла, го – рю...
на ши – ро – ко – ё кла...
5. Ой уж во все це – ты – ре сто...

невеста: ♩=104 – 108

1. Ой да я зо – ву те – бя, ма – муш – ка,

2. Ой я к се-бе в кут за за – на – ве – су.

девушки: ♩=112

1. ...Ой к се –

3. Ой да я не ра – ди- то сдарь –

бе в кут за за – на – ве – су 2. Да я не

и – ця, 4. Ой да не ра – ди при – но

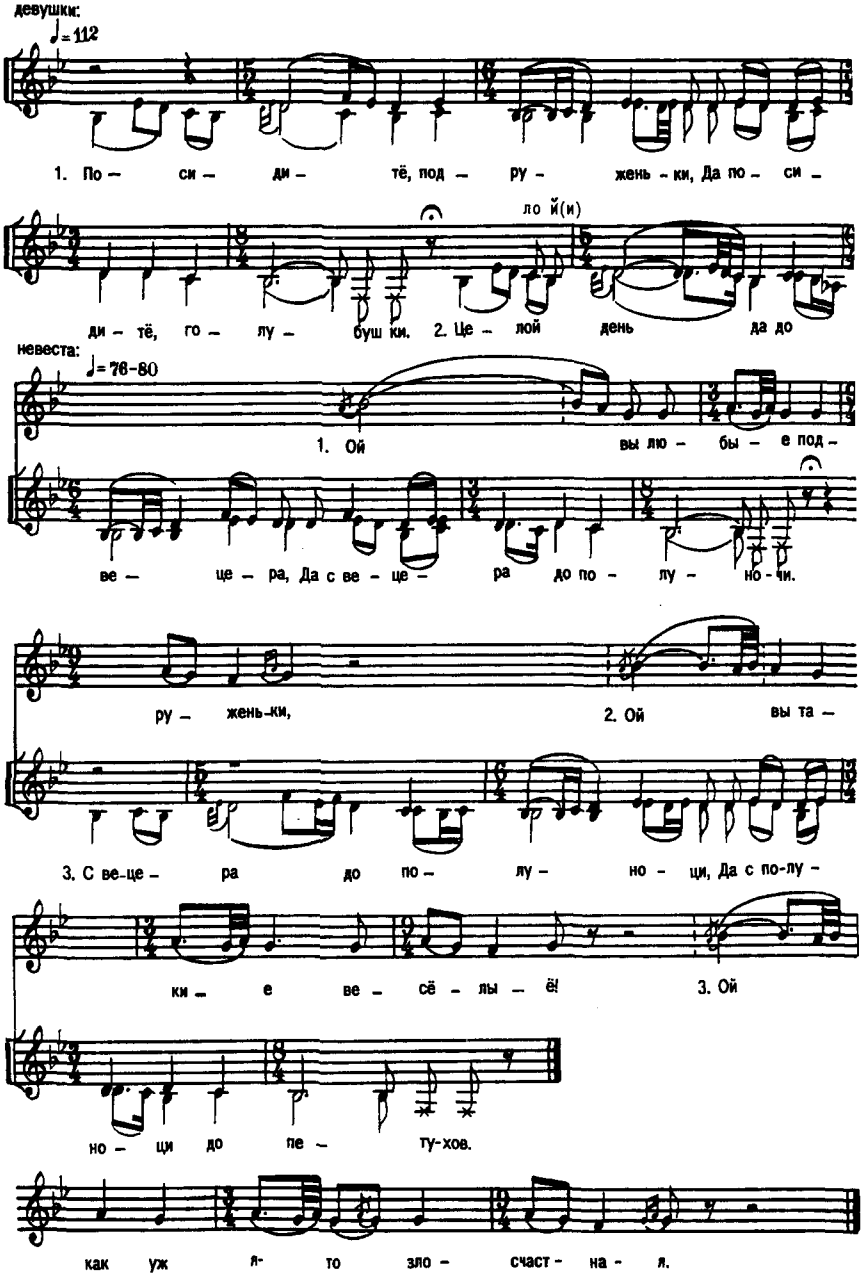
ра – ди- то сда..., Ой я не ра – ди- то

шень – и – ця – 5. Ой да я ра – ди рос-про –

сдарь – и – ця, 3. Да не ра – ди при-но – ше..., Ой не ра –

шень – и – ця...

ди при-но – шень – и – ця – 4. Да ра-ди я рос-про – ше... (Ой)


девушки:
♩= 112
1. По – си – ди – тё, под – ру – жень – ки, Да по – си –
ло й(и)
ди – тё, го – лу – буш ки. 2. Це – лой день да до
невеста:
♩= 76-80
1. Ой вы лю – бы – е под –
ве – це – ра, Да с ве – це – ра до по – лу – но – чи.
ру – жень-ки, 2. Ой вы та –
3. С ве-це – ра до по – лу – но – ци, Да с по-лу –
ки – е ве – сё – лы – ё! 3. Ой
но – ци до пе – ту-хов.
как уж я- то зло – счаст – на – я.

♩= 48

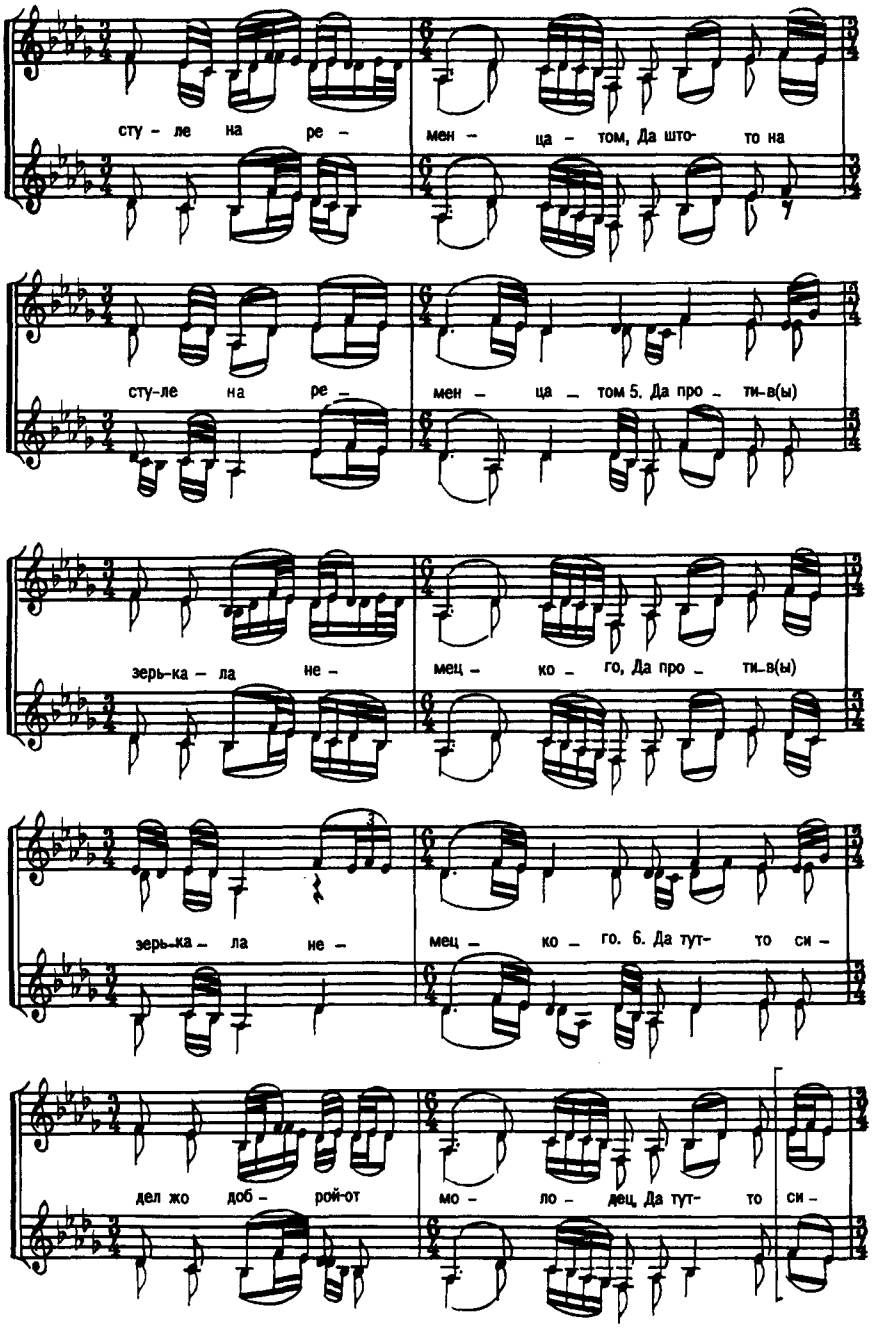
1. ...Бы - ло в го - ро - де, 2. Да во по -

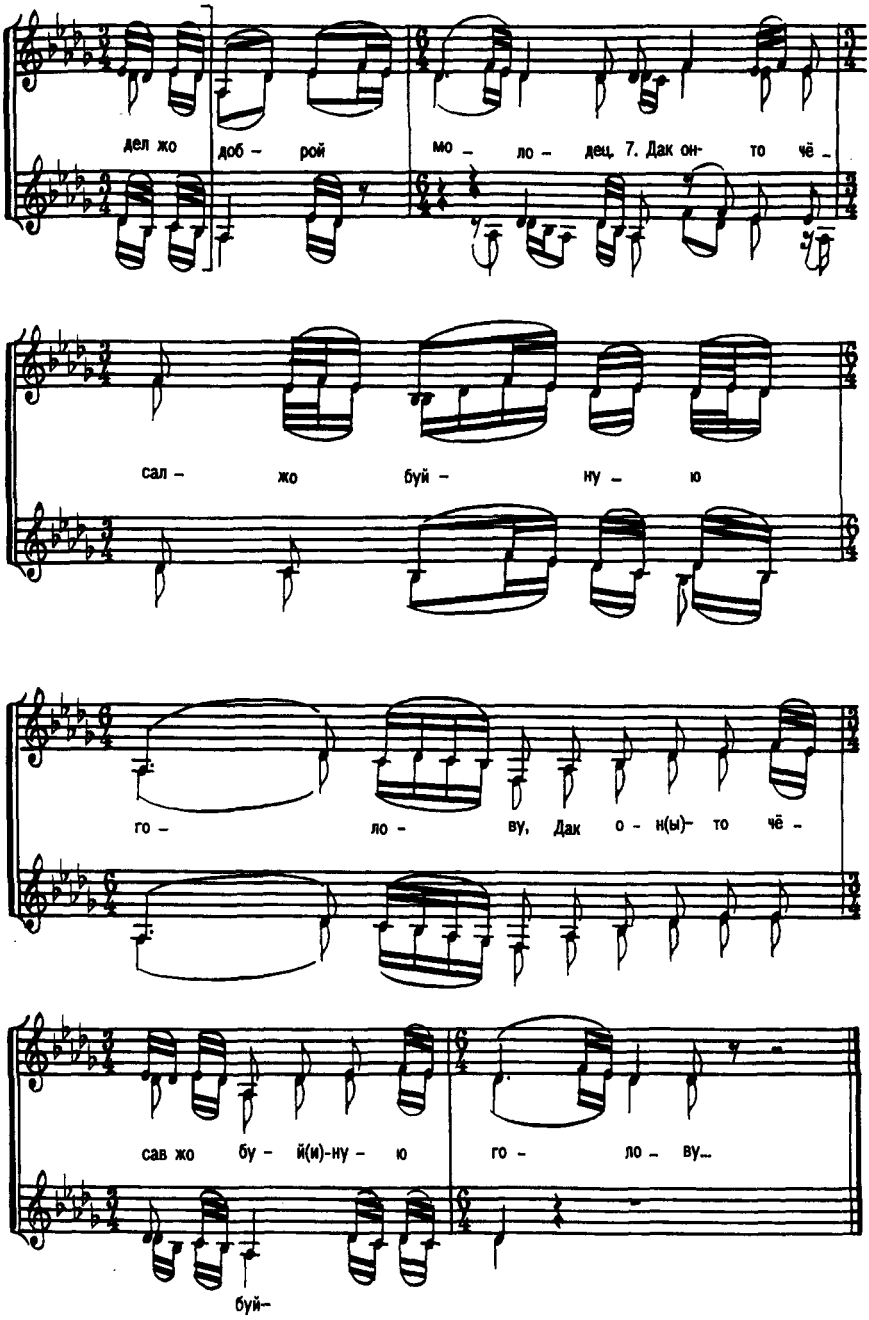
ла-те бе - ло - ка - мян - ной, Да во по -

ла - те бе - ло ка - мян - ной, 3. Да се - редь-то

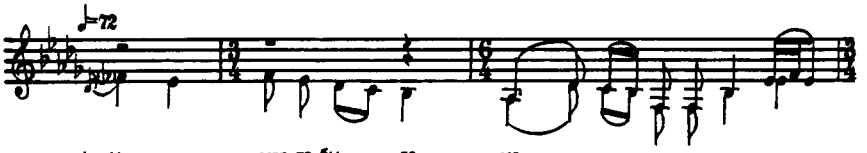
све-т(ы) - лы - е свит - ли - цы, Да се - редь

све-т(ы) - лы - е свит - ли - цы. 4. Да што на

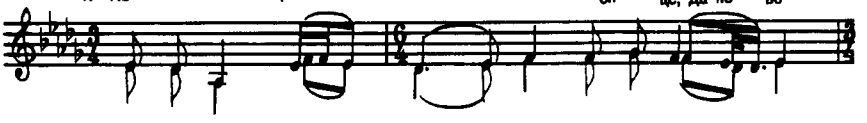

сту - ле на ре - мен - ца - том, Да што- то на
сту-ле на ре - мен - ца - том 5. Да про - ти-в(ы)
зерь-ка - ла не - мец - ко - го, Да про - ти-в(ы)
зерь-ка - ла не - мец - ко - го. 6. Да тут- то си -
дел жо доб - рой-от мо - ло - дец, Да тут- то си -


дел жо доб – рой мо – ло – дец. 7. Дак он- то чё –
сал – жо буй – ну – ю
го – ло – ву, Дак о – н(ы)- то чё –
сав жо бу – й(и)-ну – ю го – ло – ву...
буй-

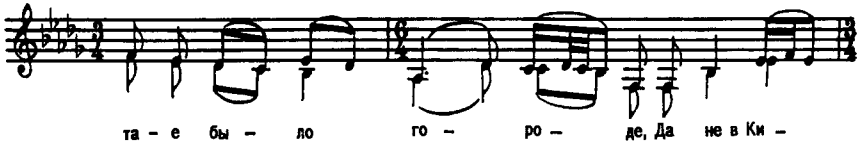
11



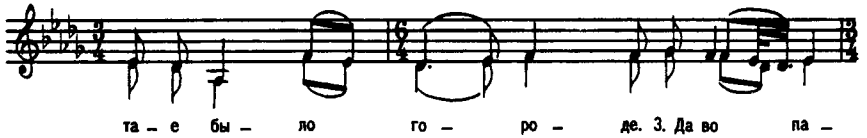
1. Не во мар-те бы – ло ме – ся – це, Да не во



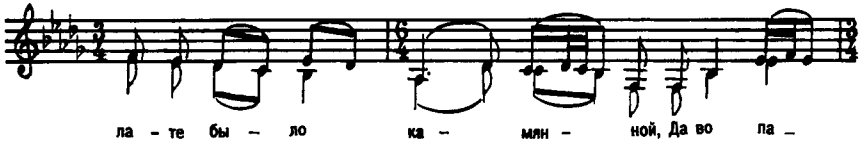
мар-те бы – ло ме – ся – це. 2. Да во Ки –



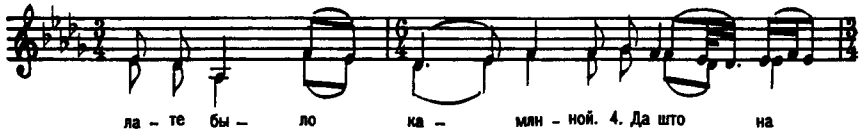
та – е бы – ло го – ро – де, Да не в Ки –



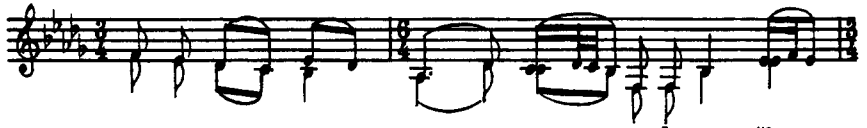
та – е бы – ло го – ро – де. 3. Да во па –



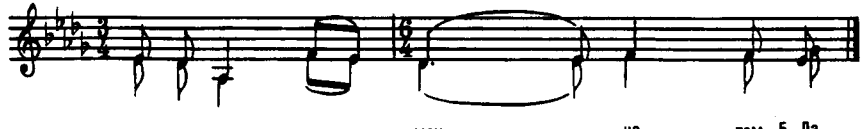
ла – те бы – ло ка – мян – ной, Да во па –



ла – те бы – ло ка – мян – ной. 4. Да што на



сту-ле на ре – мен – ца – том, Да што на



сту-ле на ре – мен – ца – том. 5. Да...

12

♩=76-80

1. В ле-те ка - ли - на... В ле-те ка-ли-на крас-на, хо - ро-ша, Крас-на, хо-ро-ша. 2. Да

кра-шэ то-го О-лё-ксан-дра во-ло-са, О-лё-ксан-дра во-ло-са. 3. По-веж-ли-ве - е... По -

веж-ли-ве-е - у Е - го-ро-ви - ця, у Е - го-ро-ви-ця. 4. Он...

13

♩=88

1. В ле - те ка - ли - на... В ле - те ка -

ли — на э — (о) — Да крас-

крас — на, хо — ро — ша, э — ой, ...

...на крас-на, хо — ро-ша, э — ой, Да крас-

на - (о) — — — — 2. Кра — ше то —

...на, хо — ро — ша (э). 2. К(ы)-ра — ше то —

на, хо — ро — ша. 2. К(ы)-ра — ше то —

во — — — — — (о) — —

во... К(ы)-ра — ше то — во да у И —

во... Ай, к(ы)-ра — ше то — во да а-й(и) у И —

— — — (о) — — Да(й) у И-ва(о) — (о) — —

ва... Эй, да(й) у И — ва — на во — ло —

ва на-та бы ли во ло са, Ай, да(й) у И ва на бы ли во ло

– – – 3. Веж – ли – ве – е (о) – –

са (э). 3. Ай, да веж – ли – ве – е...

са (э). 3. Ай, да веж – ли – ве – е... Ай, да

(о) – – – – – (о) – – – –

(о) – – веж-ли-вей – у И – ва – но – ви-

ве... ой, веж-ли-вей ска – зать – у И – ва – но – ви-

– – – у И – ва – но... (э) – – –

ца, у И – ва – но – ви – ца (э) – – –

ца (ла-ла-ла-ла-ла-ла), Да й(и) у И – ва – но – ви-ца (э). 4. Ай, ча-

(о) – ... ли куд – ри(о) – – – – – ... ли куд –

(о) – ... ли куд – ри... Ча – са – ли куд –

са – ли куд – ри... Ча – са – ли ку-д(ы)-

ри... ...ло - са - (э) - - -

ри да за - ви - ва - л(ы) во - ло-са...

ри-(я) да за - ви - ва - л(ы) во... ой, во-ло - са, Рос-че-

(о) - - (э) - - - - ...жа - ет - ца

ой, ру-сы во - ло - са. 5. Сря-жа - ет - ца

са, - л(ы) во - ло - са. 5. Сря-жа - ет - ца

ён... Сря-жа - ет - ца ё(н) - (о) - -

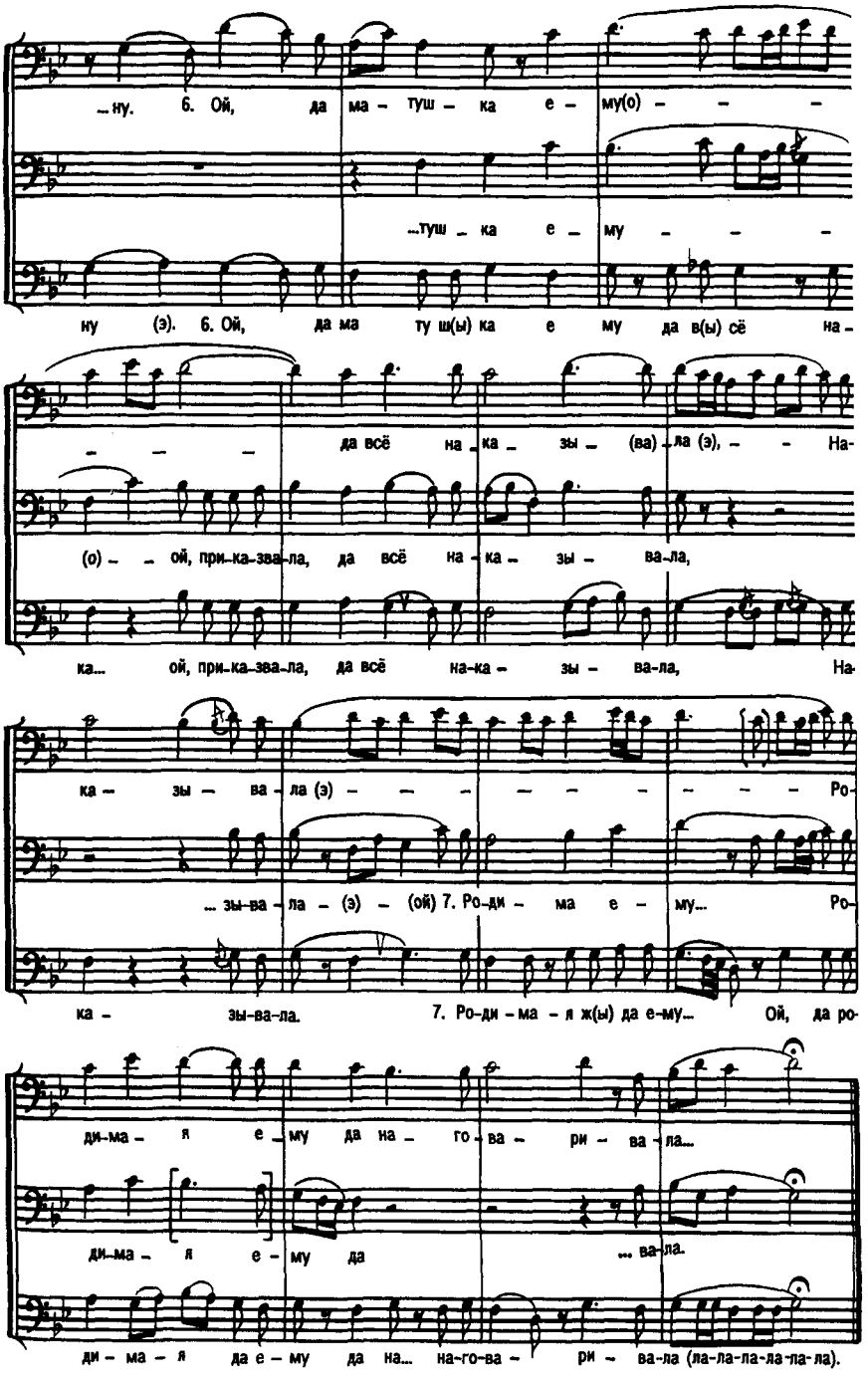
ён... Сря - жа - ит-це /ле/ ён - (э) - - -

ён... Сря - жа... - ца ё-н(ы) да ну ли на чу-

- - - - - На чу - жу... - (ой)

- - - (о) - - - На чу - жу сто -

жу - ю даль-ну сто-ро-ну (ла-ла-ла-ла-ла-ла), Ай, на чу-жу - ю сто... ой, сто-ро-


...ну. 6. Ой, да ма - туш - ка е - му(о) - - -
...туш - ка е - му - - -
ну (э). 6. Ой, да ма ту ш(ы) ка е му да в(ы) сё на -
- - - да всё на - ка - зы - (ва) - ла (э), - - На-
(о) - - ой, при-ка-зва-ла, да всё на - ка - зы - ва-ла,
ка... ой, при-ка-зва-ла, да всё на-ка - зы - ва-ла, На-
ка - зы - ва - ла (э) - - - - - - - - - Ро-
... зы-ва - ла - (э) - (ой) 7. Ро-ди - ма е - му... Ро-
ка - зы-ва-ла. 7. Ро-ди - ма - я ж(ы) да е-му... Ой, да ро-
ди-ма - я е - му да на - го - ва - ри - ва - ла...
ди-ма - я е - му да ... ва-ла.
ди - ма - я да е - му да на... на-го-ва - ри - ва-ла (ла-ла-ла-ла-ла-ла).

ТЕКСТЫ

(к примеру 2)

Ой, гуля, голубочик...
Да мой-то сизе..., мой сизенюшка, ясной соколочик.
Мой сизенькой ясный соколочик (э-эх)...
Да ты не летай, не летай-ко во зеленой садочик.
Не летай во зеленой садочик...
Да ты-то не пой, ты не пой-ко в саду зелёном песен.
Ты не пой в саду зелёном песен (ой)...
Да мне-то без пе (э-ой)..., мне без песенок, девушке, тошно.
Мне без песен, девушке, тошно (ой)...
Да тошно-то го (э-ой)..., тошно, горюшку пособить не можно.
Тошно-горько, пособить не можно (ой)...
Да кабы-то мне (э-ой)..., кабы мне, девчонку, прежня воля.
Кабы мне, девчонку, прежна воля (ой)...
Да прежная во (э-ой)..., прежня волюшка, сизоё крыльё.
Прежня волюшка, сизоё крыльё (ой)...
Да я-то бы взвилась (э-ой)..., да я взвиласе бы, девка, полетела.
Я б взвилась бы, девка, полетела (ой)...
Да я полете (э-ой)..., полетела бы, девка, в чисто полё!
Полетела бы я в чисто полё (ой)...
Да в чистое по (э-ой)..., в чисто полюшко на свою волю.
В чисто полё на свою волю (ой)...
Да на... ой, находи (э-ой)..., находилсе бы миленькой за мною.
Находилсе б миленькой за мною (ой)...
Да всё-то за мно (э-ой)..., всё за мною, за русою косою.
Всё за мной, за русою косою (ой)...
Да в косы-то ле (э-ой)..., в косы ленточка-та была алая.
В косы ленточка была алая (ой)...
Да всё-то ала (э-ой)..., всё алая-то лента, голубая...

(к примеру 4)

невеста:
Я зацюла, заслышила
Да звонцяты колоколь...,
Ой да звонцяты колокольцики
Да средь широкие улоцьки.
Да колотивсё лесливой сват,
Да под кутним под окошецьком.
Да со первово колоценья
Да терема пошатилисё.
Да со второво колоценья
Да все верьхи повалилисё.
Да со третьёво колоценья
Да захватило-то у меня
Да моё серьцё ретивоё...

девушки:
Я зацюла, заслышила,
Да я зацюла, заслышила
Да звонцяты колокольцики,
Да звонцяты колокольцики
Да на торныё дороженьки,
Да на торныё дороженьки.
Да колотивсё лесливой сват,
Да колотивсё лесливой сват
Да под кутним под окошецьком,
Да под кутним под окошецьком.
Да со пер(ы)вово колоцен(и)я,
Да со пер(ы)вово колоцен(и)я
Да терема пошатилисё,
Да терема пошатилисё.
Да со другова колоценья,
Да со другова колоценья
Да верьхи все повалилисё,
Да верьхи все повалилисё.
Да со третьёво колоценья,
Да со третьёво колоценья
Да захватило-то у меня,
Да захватило-то у меня
Да моё серьцё ретивоё,
Да моё серьцё ретивоё...

(к примеру 5)

невеста:

Ой да стойте, дай(и)те подружен(и)ки
Да м(ы)не-ка путь да доро...,
Ой дак мне-ка путь да дорожен(и)ку
Да на широкую у...
Ой дак на широкую улоцьку
Да на тор(ы)ную доро...,
Ой дак на торную дорожен(и)ку.
Да мне-то сдать, молодё...,
Да свою дивью-ту красоту
Да на веку-ту не во-первые,
Как в дивей век во-после...,
Ой как в дивей век(ы) во-последние...

девушки:

Стойте, дайте подруженьки,
Да стойте, дайте подруженьки
Да мне-ка путь да дороженьку,
Да мне-ка путь да дороженьку
Да во широкую улоцьку,
Да во широкую улоцьку
Да на тор(ы)ную дороженьку,
Да на тор(ы)ную дороженьку.
Проводить молодёшеньке,
Да проводить молодёшеньке
Да свою дивью-ту красоту,
Да свою дивью-ту красоту
На веку не во-первые,
Да на веку не во-первые,
В дивей век во-последние,
Да в дивей век во-последние...

(к примеру 6)

невеста:

Ой(и) дак уж ты ро... одимая моя ма...
Ой(и) дак уж ты во... озьми-ко ты, моя ма...
Ой(и) да к себе во... о белыё гляда ру...
Ой(и) дак уж возьми... и скатерть-ту гляда бра...
Ой(и) дак уж брану... ую-ту да перебра...
Ой(и) дак уж тонку... ую-ту да полотня...
Ой(и) дак уж приу... укрой ты, да моя ма...
Ой(и) дак уж мою... у буйную гляда го...

девушки:

Ты родимая ма... ой, ты родимая ма... ой, матушка,
Да ты возьми, моя ма... ой, ты возьми, моя ма... ой(и), матушка,
Себе во белыё ру... ой, себе во белыё ру... ой, руценьки
Да возьми скатерть-ту бра... ой, возьми скатерть-ту бра... ой(и), браную,
Да браную-перебра... ой, браную-перебраную,
Да тонкую-полотня... ой, тонкую-полотняную.
Да приукрой меня, ма... ой, приукрой(и) меня, ма... ой, матушка,
Да мою буйную го... ой, мою буйную го... ой, голову...

(к примеру 6-а)

невеста:

Ой(и) дак уж ты ро... одимая моя ма...
Ой(и) дак уж приу... укрыла ты меня ма...
Ой(и) дак уж мою... у буйную гляда го...
Ой(и) дак уж много... о свету-ту гляда бе...
Ой(и) дак уж все пу... ути-ти да все доро...
Ой(и) дак уж все до... орожки-ти ты широ...
Ой(и) дак уж перву... ую-ту да путь-доро...
Ой(и) дак уж мне ко... о пиньицю-ту церко...
Ой(и) дак уж ко зво... ону-ту да колоко...
Ой(и) дак уж со ми... илым-то своим(ы) подру...
Ой(и) дак(ы) на гу... улянки-ти на весё...
Ой(и) дак(ы) на и... игры-ти да на смирё...
Ой(и) дак уж всё про... ошло-то да минова...
Ой(и) дак уж бело... оё моё умыва...
Ой(и) дак уж баско... оё моё наряжа...
Ой(и) дак уж отхо... одила, видно, отгу...

мать:

Ой(и) дак уж ты мо... оё-то да цядо ми...
Ой(и) дак уж моя... а доци-то ты люби...
Ой(и) дак не оби... ижайсё-ко ты, голу...
Ой(и) дак ты на ро... одимую свою ма...
Ой(и) дак уж надо...ошла, видно, пора-вре...
Ой(и) дак уж отда... авать-то да тебя, ди...
Ой(и) дак уж на цю... ужую-ту дал(и)ню сто...
Ой(и) дак уж ко цю ... ужому-ту всё цюже...
Ой(и) дак уж ко цю... ужим-то да ко добрым...
Ой(и) дак уж нака... ажу-то я тебе, ди...
Ой(и) дак уж ты жи... иви-ко, моя голу...
Ой(и) дак уж на цю... ужой-то ты дал(и)нёй сто...
Ой(и) дак уж ты и... и будь-кё, моя голу...
Ой(и) дак ты будь и... и служанкой-то гляда ле...
Ой(и) дак уж будь по... осылоцькёй гляда ско...

(к примеру 7)

сестра:
Ой уж ты родимой жо бра...
Ой уж собравсё да снаре...
Ой уж ты на веки-ти ве...
Ой уж на всю жизнь бесконе...
Ой уж увезут тебя, бра...
Ой уж на широкоё кла...
Ой уж и положат жо, бра...
Ой тебя во крутую моги...
Ой тебя во сырую земе...
Ой уж и засыплют жо, бра...
Ой тебя жовтыми-то песо...
Ой тебя серыми камешо...
Ой дак ведь ты на встрице не встри...
Ой боле в стороне не откли...
Ой уж не увидим мы бра...
Ой тебя не на улице, не...
Ой уж не в избе, не на у...
Ой тебя не в тёплом(ы)-то гне...
Ой уж ты родимой жо бра...
Ой уж ты открой, сударь-бра...
Ой уж свои оци-ти я...
Ой уж погледи-ко ты, бра...,
Ой уж на все четыре сто...
Ой уж сколь со... пришло да прие...
Ой уж вся родня да роди...
Ой уж вся родня приближе...
Ой да и твои малыё де...

жена:
Ой уж ты моя лада ми...
Ой уж я ишла, горе го...,
Ой уж на широкоё кла...
Ой уж и глядела, горю...,
Ой уж во все цетыре сто...
Ой уж по широкому кла...
Ой, думала, сидишь ты ведь, ла...
Ой уж на крутой-то моги...
Ой да ты и ждёшь, лада ми...
Ой уж ты меня, горе го...
Ой дак уж не могла я уви...
Ой уж не могла догледи...
Ой дак уж видно век-то не ви...
Ой словецика мне не слы...
Ой уж от тебя, лада ми...
Ой видно росстались, голу...,
Ой дак уж мы с тобой, лада ми...,
Ой уж мы на веки-ти ве...
Ой дак уж на всю жизнь бесконе...

(к примеру 8)

невеста:
Ой да я зову тебя, мамушка,
Ой я к себе в кут за занавесу.
Ой да я не ради-то сдарьиця,
Ой да не ради приношеньиця —
Ой да я ради роспрошеньиця...

девушки:
... Ой к себе в кут за занавесу
Да я не ради-то сда...,
Ой я не ради-то сдарьиця,
Да не ради приноше...,
Ой не ради приношеньиця —
Да ради я роспроше...

(к примеру 9)

невеста:
Ой вы любые подруженьки,
Ой вы такие весёлыё!
Ой уж как я-то злосчастная.
Ой вы какие весёлыё!
Ой вам спасибо, подруженьки,
Ой вам спасибо, голубушки...

девушки:
Посидитё, подруженьки,
Да посидитё, голубушки.
Целой день да до вецера,
Да с вецера до полуноци.
С вецера до полуноци,
Да с полуноци до петухов...

(к примеру 10)

... Было в городе,
Да во полате белокамянной,
Да во полате белокамянной.
Да середь-то свет(ы)лые свитлицы,

Да середь свет(ы)лые свитлицы.
Да што на стуле на ременцатом,
Да што-то на стуле на ременцатом.
Да против(ы) зерькала немецкого,
Да против(ы) зерькала немецкого.
Да тут-то сидел жо доброй-то молодец,
Да тут-то сидел жо доброй молодец.
Дак он-то чёсал жо буйную голову,
Да он(ы)-то чёсав жо буй(и)ную голову...

(к примеру 11)

Не во марте было месяце,
Да не во марте было месяце.
Да во Китае было городе,
Да не в Китае было городе.
Да во палате было камянной,
Да во палате было камянной.
Да што на стуле на ременцатом,
Да што на стуле на ременцатом.
Да тут сидел же добрый молодец,
Да тут сидел же добрый молодец.
Да он сидел, кудри росчасывал,
Да он сидел, кудри росчасывал.
Да ко кудрям он приговаривал,
Да ко кудрям он приговаривал:
— Да приставайте, кудри русые,
Да приставайте, кудри русые,
Да к моему лицю ко белому,
Да к моему лицю ко белому,
Да к молодецкому характеру,
Да к молодецкому характеру.
Да приставай, красива девушка,
Да приставай, красива девушка,
Да к моему уму, ко разуму,
Да к моему уму, ко разуму,
Да к молодецкому характеру,
Да к молодецкому характеру.
— Да вы не клюйте, гуси серые,
Да вы не клюйте, гуси серые.
Да не щеплите незнакомую,
Да не щеплите незнакомую.
Да не сама я к вам залетела,
Да не сама я к вам залетела.
Да занесло меня погодою,
Да занесло меня погодою.
Да непогодой, буйным ветером,
Да непогодой, буйным ветером.
Да буйным ветером со вихорём,
Да буйным ветером со вихорём.
Дак нам за эту за припевоцку,
Дак нам за эту за припевоцку
Да серебра нам на тарелоцку,
Да серебра нам на тарелоцку.
Да серебра у вас не найдетце,
Да серебра у вас не найдетце.
Да по поклону нам обойдетце,
Да по поклону нам обойдетце.
Да по поклону да по низкому,
Да по поклону да по низкому.
Да по спасибу по великому,
Да по спасибу по великому.
(— Дашь спасибо — так жить счастливо,
Не дашь спасибо — жить тоскливо!)

(к примеру 12)

В лете калина...
В лете калина красна, хороша,
Красна, хороша.
Да крашэ того Олёксандра волоса,
Олёксандра волоса.
Повежливее...
Повежливее — у Егоровиця,
У Егоровиця.
Он завил <кудри>...
Завил кудри, росцёсал волоса,
Росцёсал волоса.
Сряжаецце он...
Сряжаецце он на цюжу сторону,
На цюжу сторону.
Да мати ему...
Мати ему фьсё наказывала,
Фьсё наказывала.
Родимая ему...
Родимая ему наговаривала,
Наговаривала.
— Поедёшь, дитё...
Поедёшь, дитё, на цюжу сторону,
На цюжу сторону.
Да посадят, дитё...
Посадят, дитё, за золотой стол,
За золотой стол.
Да подадут, дитё...
Подадут, дите, перву цяшку вина,
Перву цяшку вина.
Да не пей, дитё...
Не пей, дитё, первой цяшки вина,
Первой цяшки вина.
Да вылей, дитё...
Вылей, дите, комоню ф копыто,
Комоию ф копыто.
Да пузь бы комонь...
Пузь бы комонь понаступцивей был,
Понаступцивей был.
В лете калина...
В лете калина красна, хороша,
Красна, хороша... и т. д.

(к примеру 13)

В лете калина...
В лете калина красна, хороша, э-ой,
Да красна, хороша.
К(ы)рашс тово...
Ай, к(ы)раше тово да ай(и) у Ивана-та были волоса,
Ай, да й у Ивана были волоса (э).
Ай, да вежливее...
Ай, да ве... ой, вежливей сказать — у Ивановица,
Да й у Ивановица (э).
Ай, часали кудри...
Часали куд(ы)ри(я) да завивал(ы) во... ой, волоса,
Росчесал русы волоса.
Сряжаетца ён...
Сряжаитце <ле> ён(ы) да ну ли на чужую дальну сторону,
Ай, на чужую сто... ой, сторону (э).
Ой, да матуш(ы)ка ему

Да в(ы)сё нака... ой, приказвала, да всё наказывала,
Наказывала.
Родимая ж(ы) да ему...
Ой, родимая да ему да на... наговаривала...

КОММЕНТАРИИ

Публикуемые материалы хранятся в Фонограммархиве (ФА) и Рукописном отделе (РО, р. V) Института русской литературы, в Лаборатории народного творчества Санкт-Петербургской консерватории (ЛНТ). Шифры фонограмм указывают на вид хранения (МФ — магнитофонный фонд, ФВ — фонд фоноваликов), инвентарный номер пленки (валика), порядковый номер записи.

1. Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году... СПб., 1894. С. 167. Лирическая повествовательная песня. Напев приводится по оригиналу.

2. ФА ИРЛИ, МФ 2110-01. Зап. 2 августа 1980 г. Ю. И. Марченко в д. Кальи Моржегорского с/с Виноградовского р-на Архангельской обл. Исп.: Антипина Матрена Дмитриевна, 1902 г. рожд., Десятова Анна Сергеевна, 1905 г. рожд., Кулакова Мария Яковлевна, 1909 г. рожд., Пучнина Мария Степановна, 1888 г. рожд. Лирическая повествовательная песня. Нот. Ю. И. Марченко. Старейшая из исполнительниц Пучнина М. С. могла застать и слышать поколение певцов, от которых записывали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш.

3. Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году... СПб., 1899. С. 60. Свадебный групповой причет девушек в записи с сольного исполнения. Напев транспонирован на № 1 т. вниз, приводится в нашей редакции (а). Русская свадьба... С. 78—79. Свадебный групповой причет невесты и девушек (б). Сравнение никольского напева из собрания Истомина—Ляпунова с современной записью см.: Мазо М. Л. Об особенностях народнопесенной традиции одного района//Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 136—137.

4. ЛНТ МФ 468-10. Зап. в июле 1974 г. Ю. И. Марченко и О. В. Нетребко в д. Задний Двор Космаревского с/с Нюксеницкого р-на Вологодской обл. от группы женщин в возрасте от 55 до 65 лет. Опевально-причетный комплекс свадебного обряда. Нот. Ю. И. Марченко.

Вар. см.: Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть... С. 261—279, 298—303.

5. ЛНТ МФ 462-08. Зап. в июле 1974 г. Ю. И. Марченко и О. В. Нетребко в д. Матвеевская Космаревского с/с Нюксеницкого р-на Вологодской обл. от группы женщин в возрасте от 60 до 70 лет. Опевально-причетный комплекс свадебного обряда. Нот. Ю. И. Марченко. Свед. о вар. см. коммент. 4.

6. ФА ИРЛИ, МФ 2927-19. Зап. 28 октября 1985 г. Ю. И. Марченко и В. П. Шифф в д. Федотово Матвеевского с/с Тотемского р-на Вологодской обл. Исп.: Брагина Анна Сосипатровна, 1913 г. рожд., Конева Анна Михайловна, 1909 г. рожд., Федотовская Анна Ильинична, 1912 г. рожд. Опевально-причетный комплекс свадебного обряда; 6-а — встречное причитание невесты и матери (Федотовская А. И., Брагина А. С.). Нот. Ю. И. Марченко. Вар. см.: Народные песни Вологодской области: Песни средней Сухоны. С. 50—51, 53—54, 56—58. Тексты причитаний см.: Там же. С. 68—69.

7. ФА ИРЛИ, МФ 2928-08. Зап. 29 октября 1985 г. Ю. И. Марченко и В. П. Шифф в д. Федотово Матвеевского с/с Тотемского р-на Вологодской обл.

Исп.: Федотовская А. И., Брагина А. С. Причетный комплекс погребального обряда (причитания сестры и жены по умершему). Нот. Ю. И. Марченко.

8. ЛНТ, МФ 571-28. Зап. в июле 1976 г. В. Н. Буракова (Осадчая) и группа студентов Ленинградской консерватории в д. Вострово Востровского с/с Нюксеницкого р-на Вологодской обл. от группы женщин в возрасте от 60 до 70 лет. Опевально-причетный комплекс свадебного обряда. Нот. Ю. И. Марченко.

9. ЛНТ, МФ 572-18. Зап. в июле 1976 г. В. Н. Буракова и группа студентов Ленинградской консерватории в д. Чермякино Стреленского с/с Велико-Устюгского р-на Вологодской обл. от группы женщин в возрасте от 60 до 70 лет. Опевально-причетный комплекс свадебного обряда. Нот. Ю. И. Марченко.

10. ФА ИРЛИ, ФВ 2546-01. Зап. в 1901 г. Е. Э. Линева в д. Никольское Вельского уезда Вологодской губернии. Свадебная величальная песня. Нот. Ю. И. Марченко. Приводим текст песни по полевой записи Е. Э. Линевой:

Во Китае было городе,
Во палате белокаменной,
Середь светлой светлицы,
Против зеркала немецкого,
Что на стуле на ременце
Тут сидел да добрый молодец.
Он чесал да буйну голову,
Буйну-то голову, русы кудри,
Ко кудрям да приговаривал:
— Припадайте, кудри желтые,
К моему-то лицу белому,
Привыкай-ко, красна девица,
К моему-то уму-разуму,
К молодецкой сноровью.
Тебе <бить> челом припевочка,
Свет Василий Михеевич,
Свет с Калерией с Павловной.

РО ИРЛИ, р. V, кол. 34, п. 6. Лирические песни б. Вологодской губ., собранные Е. Э. Линевой. Тетрадь 3, л. 123. Вар. см.: Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году... СПб., 1894. С. 122—125.

11. ФА ИРЛИ, МФ 2893-02. Зап. 6 августа 1986 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Попова в д. Череново Череновского с/с Устьянского р-на Архангельской обл. Исп.: Баскакова Мария Степановна, 1927 г. рожд., Кашина Александра Федоровна, 1919 г. рожд., Сидельникова Лидия Александровна, 1939 г. рожд., Честнейшина Екатерина Петровна, 1929 г. рожд., Шубина Полина Михайловна, 1934 г. рожд. Свадебная величальная песня. Нот. Ю. И. Марченко. Свед. о вар. см. коммент. 10.

12. ФА ИРЛИ, ФВ 188-02. Зап. 30 июня 1930 г. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд в д. Керга Верхне-Тоемского р-на Сев. Края. Свадебная величальная песня. Нот. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд (приводится по оригиналу без изменений; ориг. хранится в Рукописном фонде Фонограммархива, п. 1, ед. хр. 58).

13.ФА ИРЛИ, ФВ 2549-01. Зап. в 1901 г. Е. Э. Линева. В паспорте собирателя помечено: Едома, дер. Фоминская. Сольвычегодский уезд Вологодской губернии. Е. В. Гиппиус при публикации одной из песен, записанных в этой деревне, указывал адрес: Сойгинский с/с, Ленский р-н, Архангельская обл. (см.: Двадцать русских народных песен в ранних записях/Составление, нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979. С. 66, примеч. 1). Из полевого дневника Е. Э. Линевой ясно, что эта деревня находилась недалеко от тракта, соединяющего с. Черевково с Синицкой волостью Вельского уезда (Синицкий с/с Устьянского р-на Архангельской обл.). В сеансе звукозаписи принимали участие Демид и Василий Андреевич Копыловы (братья Копыловы) с двумя приятелями. Свадебная величальная песня. Нот. Ю. И. Марченко. Приводим текст песни по полевой записи Е. Э. Линевой:

1. В лете калина красна, хороша,
Краше того у Ивана волоса.
Вежливее сказать — у Ивановича.
Завил кудри, расчесал волоса,
Сряжался он на чужу сторону.
Мама да ему да наказывала,
Родимая ему наговаривала:
«Поедешь, дитя,
Поедешь, дитя, на чужу сторону.
Посадят, дитя, за чужой за стол,
Подадут, дитя, первую чару вина.
Не пей, дитя, первые чары вина,
Вылей, дитя, комоню в копыто.
Пусть бы твой конь понаступчивее был».
2. (повторить сначала)
«...Не пей, дитя, вторые чары вина,
Вылей, дитя, комоню в гриву.
Пусть бы грива колесом завилась».
3. (повторить сначала)
«...Не пей, дитя, третья чары вина,
Подай, дитя, Анне своей.
Пусть бы послухмянна была,
Иванова душа послушливая.
Послушлива была да место спала,
Место спала, изголовье клала,
Изголовье клала да на место звала,
На место звала да рукой обняла,
Рукой обняла да ногой обвила,
По имени звала, по извотчинке».

РО ИРЛИ, р. V, кол. 34, п. 6. Лирические песни б. Вологодской губ., собранные Е. Э. Линевой. Тетрадь 3, л. 97.

II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАПИСИ

ЗАПИСИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ К. Д. КАВЕЛИНЫМ

Публикация Е. П. Гладких

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) известен как историк (основоположник «государственной» школы отечественной историографии), общественный деятель и участник подготовки крестьянской реформы, философ, посвятивший несколько работ вопросам этики и психологии. До сих пор малоизвестным остается тот факт, что он стоял «у колыбели» фольклористики, со второй половины 30-х гг. в течение нескольких лет записывая фольклорно-этнографический материал для собрания П. В. Киреевского. В 1848 г. Кавелин становится действительным членом Императорского Русского географического общества, одним из самых активных сотрудников Отделения этнографии, редактирует 1-й и 2-й выпуски «Этнографических сборников». Основываясь на опыте, полученном в качестве корреспондента Киреевского и во время кропотливой работы над присылаемыми в Географическое общество материалами, применяя новую методологию, разработанную им в исторических трудах, в конце 40-х гг. Кавелин в ряде статей предложил новый подход к фольклорно-этнографическому материалу, позже названный «историко-юридической» школой русской фольклористики.

Существовало множество причин, которые привлекли внимание молодого историка-правоведа к области фольклора и этнографии. Определяющим среди них было мнение Кавелина, что эта сфера народной жизни является важным источником для изучения прошлого России наряду с летописями, документами и археологией. С другой стороны, важно отметить, что вторая половина 30-х гг. ознаменовалась для исследователя увлечением славянофильскими идеями, которые он, вероятно, почерпнул из бесед с известными представителями этого направления общественной мысли в салоне А. П. Елагиной. Кавелин часто посещал дом Елагиных, с младшим поколением этой семьи его связывали дружеские отношения. Как можно предположить по архивным материалам и эпистолярному наследию историка, в 1836 г., будучи студентом второго курса юридического факультета Московского университета, он становится корреспондентом Киреевского, записывает для него материал в Калужской, Московской, Нижегородской и Тульской губерниях. Около ста его текстов было

опубликовано в сборниках: Песни, собранные П. В. Киреевским [Старая серия]. М., 1860—1871; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911—1929; Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. Повторная публикация с учетом материалов последнего сборника предпринималась только однажды в 1986 г.: в «Собрании народных песен П. В. Киреевского», изданном В. И. Калугиным в Туле, было напечатано 53 песни.

Коллекция Кавелина не только велика, но и разнообразна в жанровом отношении. В ней есть записи свадебных обрядов, обряда опахивания, любовная и свадебная лирика, баллады, сказки, скоморошины, бурлацкие, разбойничьи, солдатские и исторические песни, духовные стихи. Последние представляют особый интерес. Это шесть текстов, из которых только три были напечатаны при жизни собирателя: два — самим Киреевским в 1848 г. (Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1) и один — в «Калеках перехожих» П. Бессонова (М., 1861—1864). Киреевский опубликовал «Стих о грешной душе» (С. 64—65) и «Разговор Иоасафа царевича с пустыней» (С. 37—38). Третий сюжет под названием «Об Адаме» появился в 6-м выпуске «Калек перехожих» (М., 1864. С. 282—283), а затем был перепечатан К. П. Глухаревым в «Материалах для истории города Боровска и его уезда» (Боровск, 1913. Т. 1. С. 72—73).

Как вышеупомянутые стихи, так и три не опубликованных при жизни собирателя: «Как милостыню просить», «Стих об Алексее Божьем человеке» и «О Лазаре убогом» — были записаны в д. Богоявленье Боровского уезда Калужской губернии. Из справочной литературы конца века можно узнать, что этот населенный пункт был владельческим селом по правую сторону Верейского тракта в 12 верстах от уездного города Боровска у границы с Московской губернией. Это сельцо издавна принадлежало семье Кавелиных. По данным РГИА, штаб-ротмистру Александру Александровичу Кавелину в нем принадлежало 8 душ крестьян (ф. 1405, оп. 45, ед. хр. 7296, л. 14 об.). В Рукописном отделе Пушкинского Дома среди хозяйственных бумаг Д. А. Кавелина, отца собирателя, есть многочисленные упоминания об этом сельце. Самые ранние датируются 1833 г., поздние — 1851 г. (ИРЛИ, ф. 119, оп. 2, ед. хр. 4, 6, 12 и др.).

Черновики и копии текстов, записанных в этом сельце, находятся в двух московских архивах: Отделе письменных источников ГИМ и Отделе рукописей РГБ. Бóльшая часть текстов, хранящихся в Историческом музее, имеет помету «1839 г.», на одном из них есть число — «13 июня» (ОПИ ГИМ, ф. 56, ед. хр. 235, л. 95). Почти на всех есть полное указание места записи. На многих листах есть пометы П. И. Бессонова, который готовил тексты для публикации, в чьем фонде (№ 56) сейчас и хранятся духовные стихи, записанные Кавелиным. Эти тексты в «Калеках перехожих» были напечатаны с указанием места и имени собирателя. Если судить по черновым записям (коллекции историка), почерку и пометам, можно предположить, что, вероятно, Кавелин не сам непосредственно записывал тексты в Богоявленье и некоторых других местах, а иногда привлекал и корреспондентов. Этот вывод подтверждает помета «Кавелину» над одним из духовных стихов «Как милостыню просить» (ОПИ ГИМ, ф. 56, ед. хр. 193, л. 97—98). Последний, четвертый, духовный стих был недавно напечатан в журнале «Живая старина» (1994. № 4. С. 44—45).

Ниже приводятся тексты двух ранее не публиковавшихся духовных стихов из собрания Кавелина. Черновики и беловые копии находятся в ОПИ ГИМ в фонде Бессонова.

Стих «О Лазаре убогом» существует в двух записях — «базовой» (ф. 56, ед. хр. 235, л. 95—96 об.) и «окончательной» (ф. 56, ед. хр. 189, л. 5—6); в обоих случаях указано место записи, а в первом тексте, озаглавленном просто «Лазаря», есть дата «1839. Июня 13-го». В «окончательном» беловике проставлены ударения и нумерация строк. При публикации за основу взят первый текст («базовый»), в котором сохранены особенности местного говора.

О Лазаре убогом

Едал он сладкость, пивал он дороги напитки,
Надевал он на себя разноцветное платье.
Приходил убогой к нему, просил хлеба, милостыню;
То богатый отказал грозное слово.
5 То богатый выходил, богатой, сам за ворота,
Скричал богатай на брата своего:
«Какой ты мне брат?
Есть у меня братья, каков я и сам,
И много множество у них и злата и серебра;
10 Есть у меня твои братья, два лютые пса,
По застолью крошечки подбирывали!»
Пошел убогой сам заплакамши.
Натравил богатай двумя лютыми псами:
«Съешьте, возьмите, два лютые пса, да убогова!»
15 Зачали они убогова и рвать и метать:
Он думает, богатый-то Лазарь,
Они его рвут, мечут —
Они гноючи раночки зализывают.
Зашел убогой во чисто поле,
20 Вскричал убогой громким голосóм
«Господи, Господи, Спас милосливай!
Сошли мне, Господи, на скорую смерть,
Сошли мне, Господи, с небес Ангелов
Двух нетихиих, двух немилосливыих,
25 Двух несмирныих, по мою по душеньку по грешенною,
Чтобы вынули мою душеньку крось ребра мои!
Услышь же ты, Господи, молитву мою,
Всю мою молитву да неправедную!»
Услышал Господь Бог всю его молитву, всю праведнаю,
30 Сослал ему Господь да скорую смерть.
Сослал ему Господь с небёс Ангелóв
Двух претихиих, двух пресмирныих и милосливых
По его по душеньку да негрешенную.
Вынули его душеньку честно и хвально,
35 Посадили его душеньку на бело пелено,
Понесли его душеньку к самому Христу,
Посадили его душеньку к Абрамию в рай:
«А вот тебе, душенька, вешнеё житье бесконешное!»
Выходил богатай в зелен сад гулять.
40 Откуда ни взялися витры буйные,
Подняли богатаво вельмо высоко,

Ударили богатаво об сыру зе́млю,
Ни спомнил богатай и жену — детей,
Остался богатай один во грехах,
45 Только вспомнил богатай молитву свою,
Всю свою молитву да неправедную.
Вскричал-то богатай громким голосом:
«Господи, Господи, Спас милосливой,
Сошли мне, Господи, да скорую смерть!
50 Сошли мне, Господи, еще с небёс Ангелов
Двух претихиих, двух пресмирныих
По мою душеньку да негрешную.
Чтобы вынули мою душеньку честно и хвально,
Посадили б мою душеньку на белу пелену,
55 Понесли мою душеньку бы ко самому Христу,
Посадили б мою душеньку к Абрамию в рай.
Услышь же ты, Господи, молитву мою,
Всю мою молитву, всю праведнаю!»
Услышал Господь Бог молитву его,
60 Всю его молитву, да неправеднаю,
Сослал ему Господи скорую смерть,
Еще сослал ему Господи с небёс Анделов
Двух претихиих, двух пресмирныих, двух немилосливых
По его по душеньку да по грешную.
65 Вынули его душеньку скрость ребра его,
Посадили его душеньку в кипучу смолу, —
«Вот тебе, душенька, вешнее житье бесконечное!»
Увидел богатай убогаво,
Сговорил богатай брату своему:
70 «Братец, ты братец, убогой Лазарь!
Обмочи ты, братец, мизиной пёрст,
Промочи ты мне, братец, кровавы уста!»

Последний из неопубликованных духовных стихов, записанных Кавелиным, — «Об Алексее, Божьем человеке». Необходимо отметить, что этот вариант не был учтен В. П. Адриановой в исследовании «Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности» (Пг., 1937). И черновая и окончательная беловая запись хранятся в ОПИ ГИМ в фонде Бессонова. По-видимому, при переписке соблюдался один и тот же принцип, характерный и для вышеприведенного текста. Первый выполнялся чернилами на двойном листе большого формата, наверху перед текстом указывалось место записи, далее, посередине — заголовок, на листах — водяные знаки: на л. 95—96 (ед. хр. 235) — «1835»; на л. 12 (ед. хр. 192), на котором находится начало второго духовного стиха, — «1831». Затем тексты переписывались, предыдущие записи крест-накрест перечеркивались карандашом и на первых листах ставилась пометка «Перепис.». В «окончательном» варианте проставлялись ударения, нумеровались строки (через пять, по левому полю), ставились знаки препинания, и тексты подвергались небольшой литературной обработке с точки зрения соответствия окончаний тогдашним литературным нормам. Почерк переписчика беловых текстов напоминает почерк Киреевского, в взятых за основу — Кавелина.

«Базовый» текст стиха о «Алексее, Божьем человеке» находится на л. 12—15, ед. хр. 192, а «окончательный» — на л. 67—70, п. 786, ед. хр. 187. Далее приводится «базовый» текст, в котором сохранились особенности местного говора.

Алексей Божий человек

И да что молился, трудился и да Эфимьян-Князь
И да со своею с младой с оброчной Княгиней:
«И да что создай нам, Господи, единую чадо!
И да что при младости лет на погляденье,
5 И да что при старости лет на призренье,
И да при последнем концем на помин душам!»
И да что юслышал Господь Бог да их умолитву,
И да что создал им Господь Бог единую чадо:
И да что при младости лет на погляденье,
10 И да что при старости лет на призренье,
И да при последнем концем на помин душам.
И да что собирает Фимьян-Князь попов-архиреев,
И да нарекали ему имя, имя Алексия,
И да Алексеем-то Божьим, Божьим человеком.
15 И да что уж и много ли, мало ли было тому время,
И да уж и стал Алексей на возро́сте,
И да на возросте Алексею лет двенадцать.
И да что задумал его батюшка в грамоте ючити,
И да что скоренько ему грамотка далася,
20 И да что скорое шло во рукописанье.
И да уж и много ли, мало ли было тому времю,
И да уж и стал Алексей на возро́сте,
И да на возро́сте Алексею лет семнадцать.
И да что задумал его батюшка жени́ти,
25 И да что жениться Алексею не хотелось,
И да своему батюшку прогневать он и не смеет.
И да собирает Фимьян-Князь попов-архиреев,
И да как сажали Алексея за столы дубовы,
И да что за те ли за скатерки за браны,
30 И да за яство́ ли за питье за саха́рно.
И да повизли Алексея ко винчанью,
И да подъежжает Алексей ко церкви Божей,
И да как выходит Алексей во Церковь-та Божью,
И да уж и стал Алексей обручатсы,
35 И да что на той ли на младой на 'брочной княгини,
И да надевают на Лексея венцы золотые.
И да как поехал Алексей от винчанья,
И да приежжает Алексей от винчанья,
И да как встречаит его матушка родима,
40 И да как сажали Алексея за столы дубовы,
И да как сажали Алексея за скатерки за браны,
И да яство́ ли питво за саха́рно.

И да повили Алексея почивати,
И да как скидает Алексей с свово бела тела шулыковой пояс,
45 И да со правой-то руки золотой перстень:
«И да что на вот тебе, моя молода княгиня»,
И да что она у нево воспримает,
И да воспримает, сама слезно, сама слезно плачит:
«И да что куды же ты, мой молодой князь, собиралси?
50 И да на каво ж ты меня покидаешь?»
«И да я собираюсь в темны лесы погуляти,
И да на сине-то я море поглядети,
И да на зеленые луга посмотрети»
И да что молилси, трудилси Алексей тридцать три года.
55 И да как и лег Алексей почивати,
И да что приснилося ему во сне:
«И да что и полно тебе Богу молици,
И да что и полно тебе великому трудитьси,
И да что пора тебе в свой город явитьси,
60 И да что отцу-то с матерью показатьси,
И да показатьси ему, не сказатьси!»
И да что приходит Алексей во свой город,
И да уж и стал Алексей подле церкви соборной.
И да что выходит его батюшка родимой Эфимьян-Князь,
65 И да он упал ему он и в ноги:
«И да уж ты, батюшка родимый Эфимьян-Князь,
И да ты поставь же мне телью подле своей
каменной палаты!»
И да он поставил ему телью, телью не такую,
А да где собаки пьют, где помои льют.
70 И да что только пожил он в этой телье только трое суток,
И да что как на третьи сутки переставилси.
И да что горят перед ним свечи восковыя,
И да что пошел и ладон, ладон купарисов,
И да что пришли попы-архиреи в ету телью:
75 «И да что это такой за пустынник?
И да что лежит у него на белой груди рукописанье?»
И да никому это рукописанье не далося.
И да что приходит его батюшко родимый Эфимьян-князь,
И да как и взял он это рукописанье:
80 «И да что и сын ты мой возлюбленный,
И да что чего же ты мне не сказалси?
И да я б поставил тебе телью, телью не такую
Подле своей каменной палаты!»
И да что приходит его матушка родима:
85 «И да что и сын ты мой возлюбленный,
И да чего же ты нам не сказалси?
И да мы, мы б поставили тебе телью, телью не такую,
Подле своей каменной палаты!»
И да что приходит его молода Княгиня:
90 «И да молодой ты мой князь,
И да что чего же ты мне не сказалси?

Да я б пошла с тобой Богу молитьси,
И да чтоб великому за одно трудитьси!»
И да что и тут его батюшка переставилси,
95 И да что и тут его матушка родима переставилась,
И да что и тут его молода княгиня переставилась.

КУЛОЙСКИЕ БЫЛИНЫ В ЗАПИСЯХ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ

Публикация Т. А. Новичковой

Кулойский край не был местом, где бы поиск эпических песен — «старин» — велся с той же регулярной последовательностью, как это случилось в Заонежье. Традиции записи текстов «по следам» предыдущей экспедиции прослеживаются здесь в поездках только двух фольклористов-собирателей: А. Д. Григорьева и О. Э. Озаровской, но с одной существенной особенностью — Озаровская предполагала, что следы ее предшественника заметены событиями первой мировой войны и кулойское собрание Григорьева погибло при взятии Варшавы немцами.[1] Это заблуждение было развеяно Григорьевым, уверившим собирательницу, что «подлинные записи и переписанный чистовик второго тома, обнимающего кулойские старины», были увезены из Варшавы сначала в Вязьму, затем в Ростов-на-Дону, в Томск, в Польшу и, наконец, в Чехословакию.[2] В Праге они и были напечатаны в 1939 г., уже после смерти Озаровской, скончавшейся в 1933 г.

Свою мечту — успеть застать тех сказителей, от которых записывал Григорьев, О. Э. Озаровская пыталась осуществить еще в 1916 г., но это путешествие, «предпринятое на личные средства, без всякого покровительства, закончилось полной неудачей из-за развившейся в народе „шпиономании", — писала собирательница, — и даже едва не привело к моей гибели, и лишь северная экспедиция 1921 г. „Академического центра" дала возможность там поработать вплотную».[3]

В сентябре—октябре 1921 г. экспедиция Академического центра Наркомпроса, состоявшая из ее руководителя — О. Э. Озаровской, в ту пору профессора московского Института слова, ее учениц и художника, побывала на Кулое и Пинеге.[4] Не

---

[1] Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.//Slavia. 1928.Roč. № 2. S. 405.

[2] Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи Кулойских былин//Там же. № 4. S. 983.

[3] Озаровская О. Э. «Еруслан Лазаревич» и река Кулой Архангельской губернии//Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 162. Об обстоятельствах неудачной поездки на Кулой в 1916 г. см. также: Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. S. 406—407.

[4] Хомчук Н. И. Экспедиции Озаровской//Прометей: Ист.-биогр. альманах сер. «Жизнь замечательных людей». М.: Мол. гвардия, 1983. Вып. 13. С. 187.

имея возможности ознакомиться с кулойским томом А. Д. Григорьева, Озаровская вновь, самостоятельно, выявляла былинные очаги на Кулое, искала талантливых сказочников; ей удалось застать в живых четырех сказителей, от которых 20 лет назад записывал А. Д. Григорьев.[5]

У собирательницы был иной, чем у предшественника, подход к народному творчеству, иные установки и способы работы со сказителями. Профессиональная артистка, с 1922 г. — декан Декламационного цикла Института слова, она искала особо одаренных певцов и сказочников, быть может, надеясь на встречу с новой «Махонькой», знакомство с которой летом 1915 г. определило устойчивый интерес к фольклору О. Э. Озаровской и круто изменило жизнь «пинежской бабушки». Новой «пинежской бабушки» не встретилось, но было найдено другое — ощущение родства, слияния с жизнью Русского Севера, «Пятиречья» — пяти северных рек. Причалы стали ее вторым домом, пинежане, поморы, кулояне, мезенцы и печорцы — спутниками и друзьями: «Домой? Где дом? У Александры? В Пинеге? В Москве? Ах, да, там, где сказки: на причале, на берегу».[6] Озаровская была не только артисткой, но и писательницей, от встреч со сказителями она ждала творческих импульсов, без которых появление книги «Пятиречие» было бы невозможно.

«Пятиречие» не является научным изданием фольклора, в него не вошли записи, не отвечающие требованиям сюжетной схемы книги, выдержанной в очерковой манере, да и те тексты, которые были включены, подверглись довольно значительной редакторской правке. В этом сборнике были опубликованы сказки, былины и песни, записанные Озаровской в 1915—1927 гг., среди них — фольклор Кулоя: сказки карьепольцев Н. П. и Г. Н. Крычаковых (Крычаговых), былины соянцев Степана Крапивина и Анны Мелиховой, сказка долгожительницы деревни Сояны А. А. Горбуновой («столетней кычки»). Это далеко не все, что было собрано на Кулое. В рукописном отделе Института русской литературы в составе коллекции № 12 хранятся кулойские былины, песни и сказки в полевых и перебеленных записях. За исключением сюжета «Вор-кабаньище»,[7] кулойские былинные тексты этой коллекции не опубликованы. В полевых тетрадях лишь отдельные тексты имеют паспорт. По косвенным и прямым указаниям только 11 текстов можно считать бесспорно кулойскими, хотя Озаровская вспоминала, что лично записала на Кулое 15 былинных сюжетов: «Иван Горденович», «Женитьба Владимира», «Васька-пьяница», «Вор-кабаньишшо», «Сокольничек», «Змей Тугарин», «Чурило Пленкович и Василий Пермята», «Дюк Степанович», «Потык», «Илья Мурович и станишники», «Перва поездочка Ильи Муровича», «Микита Игнатьевич и вепреныш», «Добрыня Никитич и Дунай Иванович», «Дунай Иванович и Настасья королевишна», «Сорок калик со каликою».[8] В коллекции ИРЛИ былины «Змей Тугарин», «Потык», «Илья Мурович и станишники», «Микита Игнатьевич и вепреныш», «Дюк Степанович» обнаружить не удалось, но здесь встречаются сюжетные дубли: «Сорок калик» в записи от Я. Ф. Попова и М. А. Красиковой, «Дунай» — от Н. П. Крычагова и М. А. Красиковой.

---

[5] О записях от одних и тех же сказителей О. Э. Озаровской и А. Д. Григорьева и о расхождениях в написании фамилий певцов по документам при фоноваликах и описям см. в наст. томе статью А. Д. Троицкой «Напевы кулойских былин (По материалам коллекции О. Э. Озаровской)». См. комментарии к текстам.

[6] Озаровская О. Э. Пятиречие. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 278.

[7] Там же. № 6.

[8] Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. С. 413.

Ниже помещено девять текстов из коллекции О. Э. Озаровской по полевым и беловым рукописям. В ряде случаев, если былина полевой записи имеет беловую копию, в комментариях указаны их разночтения. Здесь же даны сведения об исполнителях. Названия былин приводятся по рукописям. Если названия нет, используется общепринятое заглавие сюжета. При публикации сохранены все диалектные и фонетические особенности текстов, за исключением обозначений, не влияющих на иное, нежели в рукописи, прочтение текста. Так, не сохраняется «ш» в слове «што», «о» в слове «пошол», обозначение мягкости «ч»: «Ивановичь», твердости «ш»: «шырокий»; «а» в безударном положении («ани»). Знаки препинания в рукописи почти отсутствуют, пунктуация современная. «Ять» и йотированное «и» старой орфографии заменены соответственно на «е» и «и». Не унифицируются особенности произношения, отмеченные О. Э. Озаровской специальными знаками: например, мягкость (или своеобразие) согласного «ч», переходящего в «ц», может быть обозначена запятой («молодеч'»); фрикативное «г» пишется как «h» (в настоящей публикации обозначено: *г*), используется j, і для йотированных гласных («jись»). Сохраняется и вариативность произношения одинаковых слов как в пределах одной былины, так и в объеме всех текстов публикации: «тысеч» встречается рядом с «тысяч», «Бладимер» чередуется с «Владимир» и «Владимер»; частица «ся» чередуется с «се» («помолитеся»—«покататисе»); «-ет» с «-от» («может»—«можот»). К большинству текстов имеются звуковые аналоги — записи на фоноваликах, номера которых указаны в примечаниях.

Первая поездка Ильи Муромца

Зазвонили заутрени раннею,
Чёсну раннею заутреню воскресенскою,
Ото сну молодець пробужаетця,
Свежой водой ключевой умывается,
5 Тонким белым[1] полотенц'ем утираетця,
Во сафьяные сапожки одеваетця,
Надевает на себя платье цветное,
Только видели, срежался добрый молодець,
А не видели поездки бо*г*атырския,
10 Только видели, в чистом поле курева́ стоит,
Курева-де стоит да дым столбом валит.
Ехал мало ли, много поры времени,
Доехал до города Чернигова,
Кругом города[2] Чернигова обошла кругом,
15 Обошла кругом, обступила сила неверная,
Неверная сила, проклята орда,
Не выходу нету им, не выезду.
Клал Jилейка заповедь великую,
Великою заповедь тежёлу́ю:
20 «Приковал я свою сбрую бо*г*атырьскою,
Приковал во городе во Муроме,
Не откаевать до города до Киева,
Отковать мне-ка будет во Чернигови».
Отковал он свою збрую бо*г*атырьскую,
25 Отковал он свою сабельку вострую
Отковал свое копiице брузоменьскоё,

Соходил Јилейка со добра коня,
Начал сабелькой помахивать,
Всю присек, прирубил, всю силу неверною;
30 Не оставил ни единаго на семена.
Увидали мужики все черниговьци:
«Бох ли нам послал посланника,
С небеси ли нам спустил Господь ангела,
Или ездит удалой какой доброй мо́лодець?»
35 Он в город едет дорогою,
Стричяют его мужеки все черниговци:
«Уж и здравствуй, удалой доброй молодець!»
— «Уж и здраствуйте, мужики все черниговьци!»
— «Хотя ты у нас топеричя царём цари,
40 Хотя ты у нас <топеричя> королем служи,
Хотя <ты у нас топеричя> и так живи;
Ты бери-ко-ся золотой казны
Сколько тебе надомно».
— «Не хочю я у вас царём царить,
45 Не хочю я <у вас королем служить>,
Не хочю я у вас и так-то жить,
И не надомна ваша золота казна,
Вы скажите мне только дорожку прямоезжою,
Котора дорожка в красен Киев град».
50 — «Окольна дорожка нать ехать три года,
Прямоежжа дорожка три месяця,
Прямоезжа-та дорожечька не так чиста,
Заростала лесами дремучима,
Запловала греземи топучима,
55 Там сидит Соловей на девети дубах,
Ясному со́колу пролету нет,
Белому кречету пропорху нет,
Не серому волку прорыску нет,
Не удалому мл́одцу проезду нет».
60 Ничему тут Јилейко не поварывал,
Он поехал по дорожке прямоезжею.
Доехал до леса дремучего,
Соходил со своего коня доброго,
Брал он коня в леву́ ру́ку,
65 Левой-то рукой он коня ведёт,
Правой-то рукой он дубьё бьёт,
Дубьё рвет он, мос мостит,
Приросчистил он все лесы ти дремучия,
Приза́слал все грези топучия,
70 Он доехал до речьки до Смородинки,
Там завидел Соловей его на девети дубах,
Засвистел Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел <Соловей> по-звериному,
75 Закричял <Соловей> по богатырьския —
Јилеюшки конь на коленки пал,
Бьёт он коня по крутым бедрам:

«Ах ты волчья-де сыть, травеной мешок!
Не слыхал ли ты свисту соловьјиного,
80 Не слыхал <ли ты> шипу змејного,
<Не слыхал ли ты> реву звериного,
<Не слыхал ли ты> крыку богатырьского?»
У Јилеюшки коничёк осержается,
От матушки сырой земли отделяется,
85 Подъехал он к Соловеюшке поблизешенько,
Вынимал он свой тугой лук розрывчивой,
Натегал он тетивочьку шолковую,
Вкладывал стрелочьку калёною:
«Полети, моя стрела калёная,
90 Повыше лесу стоечего,
Пониже облака ходячего,
Пади ко Соловеюшку во правой глаз».
Улетел Соловей со девети дубов.
Подъехал он к Соловейку поблизёшенько,
95 Брал он Соловеюшка за махалышко,
Привязал он его ко стременам,
Он повез ко жилишшу Соловјиному,
Увидали его дочери любимыя,
Одна-то говорит: «Татенько-то идет, мужика везет»;
100 Меньшая говорит: «Мужик-от едет, везет батюшка».
Одна-то хватила коромыслицё,
Друга-то хватила помёлышко,
Бежат они к удалу добру молодцю,
Хотят они убить доброго молодця.
105 Говорил тут Соловеюшко Рахмановичь:
«Уж вы гой еси, дочери любимыя!
Насыпайте вы мису красна золота,
Втору насыпайте чиста серебра,
Третью насыпайте скатна жемчюга,
110 Вы дарите удала добра молодця,
Он не спустит ле меня на свою волю».
Он ведь дары ти берёт, јим челом не бьёт,
Он поехал тут Јилейко в красён Киёв град,
Приехал ко Владимиру на широкой двор,
115 Привезал он своего[3] коня доброго,
За то же за колечико за серебрено,
Сам он пошел на новы сени[4],
Со новых сеней во светлу гридню,
Крест-от кладёт по писаному,
120 Поклон-от ведёт по ученому,
На все стороны четыре покланяется;
«Здрастуй, Владимер стольно-киевськой!»
— «Уж ты здрастуй, удалой доброй молодець!
Мы не знаем тебе ни имени, ни отчины».
125 Садил тут Владимер за дубовый стол,
Вси на пиру напивалисе,
Вси на чесном наедалисе,
Вси на пиру пьяны-веселы,
Один добрый молодець не пьёт, ни ис,

130 Не пьёт и ни ис, и не кушает,
Белыя лебедушки не рушаёт.
Вси на пиру приросхвастались,
Сидит добрый молодець, ничим не хвастает.
Говорил тут Владимер таково слово:
135 «Что же сидишь, ничим не хвастаёшь?»
— «Чем же топеря буду хвастати?
Я поехал из города Мурома —
Зазвонили заутреню ту ранною,
Чесну раннюю заутреню воскресеньскою,
140 Я доехал до города Черьнигова —
Кругом города Чернигова обошла кругом,
Обошла и обступила сила неверная,
Неверная сила, проклятá орда,
Нет ни выходу им, ни выезду.
145 Я сошел да тут со добра коня
И зачел сабелькой помахивать,
Не востра-та сабелька зачиркала,
Серебряно колечико забрякало,
Всех присек-прирубил до единого,
150 Я поехал по дорожке прямоезжея,
По которой не бывано равно тридцать лет,
Приросчистил я лéса-ти дремучия,
И зáслал вси грези топучия,
Там сидел Соловей на девети дубах, —
155 Не ясному соколу пролету нет,
Не белому кречету пропорху нет,
Не серому волку прорыску нет,
Не удалому молодцю проезду нет.
Я сострéлил Соловеюшка на девети дубах,
160 Я привез к тебе Соловеюшка на широкой двор».
Брал тут Владимир за правý руку,
Ушли-де они на широкой двор.
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахмановичь!
165 Засвисти, Соловей, по-соловьиному,
Зашипи, <Соловей по>-змеиному,
Зареви, <Соловей, по-звериному,>
И закричи, <Соловей,> по богатырьскому!»
Отвечял Соловеюшко Рахмановичь:
170 «Я не твой хлеб ем-кушаю,
Не тебя, Владимер, я слушаю».
Говорил тут Јилейко таково слово:
«Уж ты гой еси, Соловеюшко Рахман<овичь!>
Засвисти, <Соловей, по-соловьиному,>
175 Зашипи, <Соловей, по-змеиному,>
Зареви, <Соловей, по-звериному,>
Закрычи, Сол<овей, по богатырьскому,>
Засвисти только в полсвиста».
Засвистел Соловей <по-соловьиному,
180 Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному

Закричал Соловей по-богатырьскому> —
Мóлод князь Владимир с ног упал,
Только мать земля потресалася,
185 Муравлены все печьки прирозсыпались,
На столах все напиточьки поломалисе,
Все эти бояришша кособрюхие свалилисе,
Тогда Јилья роспрогневалса,
Вывёз он его на широко полё,
190 Прúрвал его на мелки ремки[5]
Розмётал он по чисту полю,
Чёрным воронáм на граяньё,
Черным волкам на растарзоньё,
Доброму молодцю на послышаньё,
195 Тут Соловеюшку славы поют.
Сидят бояришка кособрюхие:
«Досельшинка мужиченка, деревенщинка»
Все они над ним подсмехаютця.

Владимир-жених

У ласкового князя Владимира заводилось пирова<нье> —
почестен пир
Про многих кнезей, русских боéров,
Про сильних могучих богатырей,
Про тех полениць приудалых-е.
5 Все на пиру напивалисе,
Все на чесном наедалисе.
Владимир по гриднюшки похаживает,
Белыма руками розмахивает,
Русыма кудрями потряхивает,
10 Злачеными перстнями побрякивает,
Из уст таки речи выговаривает:
«Все у нас в городе поженены,
Красныя девушки взамуж выданы,
Я один Владимер холос хожу,
15 Холóс хожу, нежонат слову.
Не знаете ле мне богосуженой,
Богосуженой не знаете ле красной девици,
Возростом не мала и умом ровна,
Лúце у ей, как белый снег,
20 А шшоки у ей, как алый цвет,
Оци ясныя, как у сокола,
Того сокола перелетного,
Черныя брови, как у соболя,
Того соболя заморского,
25 А ресници у ей, как у черна бобра,
Походоцька у ей была павлиния,
Тиха-смирная рець лебединая».
Не белая березка выгибаласе —
Из-за того же стола из-за дубового

30 Добрынюшка Микитиць низко кланелса:
«Батюшко Владимер стольнокиевьской,
Благослови-тко, Владимир, мне слово́ сказать,
За́ слово меня не скоро сказнить,
Не скоро сказнить, скорей повесити».
35 — «Говори, Добрынюшка, что тебе надобно».
— «Еси во Шахове во Ляхове,
У того короля Ляховенского,
Ес у его две доцери:
Перва доць Настасья королевицьна —
40 Зла была полениця приудалая;
Втора доць есть Опраксея королевицьна:
Возростом не мала, умом ровна,
Ли́це <у ей как белый снег,
А шшоки у ей, как алый цвет,
45 Оци ясныя, как у сокола,
Того сокола перелетного,
Черныя брови, как у соболя —
Того соболя заморского,
А ресници у ей, как у черна бобра,
50 Походоцька у ей была павлиния,
Тиха смирная рець лебединая.>
Сам я не видал, а от людей слыхал,
Слыхал я от Дуная Ивановиця».
— «Уж вы, ой еси, ключьники-замоцьники,
55 Те погребны целовальники!
Берите золоты ключи, отмыкайте замоцек сорока пудов,
Одвигайте задвижецьку чугунную
И зовите Дунаюшка на почестен пир».
Звал Владимир да на почестен пир,
60 Без его ли пир не пируетця.
И пошли тут ключьники-замоцьники,
Отмыкали замоцек сорока пудов,
Одовигали задвижецьку жалезную,
Отворяли заслонку чугунную,
65 И просят Дуная на почестен пир:
«Звал тебя Влад<имир> на почестен пир,
Без тебя ли пир не пируетця».
— «Не на почестен пир звал —
Убить зовет меня, либо повешати».
70 Во второй раз кланяетця Владимир,
<И просят Дуная> на почестен пир.
Мало Дунай розговоривал,
Правой ногой вставал на ременчет стул,
А левой ногой выскакивал он из погреба,
75 И пошли они на почестен пир.
Заходил Дунай на красно крыльцё,
Заходил на новы сени —
Новы сени подгибалися,
Отворял двери с пяты на́ пяту,
80 Отпирал двери с крепка на́ крепко:
«Здрастуешь, Владимир стольнокиевьской!»

— «Здрастуешь, Дунай да сын Иванович!
Милости просим хлеба соли јись,
Хлеба <соли јись,> пива с мёдом пить».
85 Содил Владимир в место во большое,
Во большее место во стольнее,
Пониже старого козака Ильи Муром<ца>,
А повыше Добрынюшки Микитичя.
«Уж ты, ой еси, Дунай да сын Иванович!
90 Все у нас во городе поженены,
Кра<сныя девушки взамуж выданы,
Я один Владимер холост хожу,
Холост хожу, нежонат слову.
Не знаете ле мне богосуженой,
95 Богосуженой не знаете ле красной девушки?
Возростом не мала, умом ровна,
Лице у ей, как белый снег,
А шшоки у ей, как алый цвет,
Оци ясныя, как у сокола —
100 Того сокола перелетного,
Черныя брови, как у соболя —
Того соболя заморского,
А ресници у ей, как у черна бобра,
Походоцька у ей была павлиния,
105 Тиха-смирная рець лебединая>».
— «Есь во Шахове во Ляхове,
<У того короля Ляховенского,
Ес у его две доцери:
Перва доць Настасья королевицьна —
110 Зла была полениця приудалая;
Втора доць есть Опраксея королевицьна:
Возростом не мала, умом ровна,
Лице у ей, как белый снег,
А шшоки у ей, как алый цвет,
115 Оци ясныя, как у сокола,
Того сокола перелетного,
Черныя брови, как у соболя,
Того соболя заморского,
А ресници у ей, как у черна бобра,
120 Походоцька у ей была павлиния,
Тиха смирная рець лебединая>».
Говорит ему Владимир князь:
«Уж ты гой еси, Дунай да сын Иванович!
Бери-ко толпиць красных девушок,
125 И бери ты силы-армии, сколько надомно,
И бери золотой казны, сколько надомно,
Поежжай-ко во Шахов во Ляхов град,
Привези-ко мне богосужену,
И привези-ко красну девицю».
130 Говорил Дунай да сын Ивановиць:
«Не надо мне толпици красных девушок,
Твоима девицями мне не забавлятися,

А золотой казной мне не откупатисе,
С твоей силой мне-ка не ра́титьсе,
135 Только дай мне Добрынюшку Микитиця».
Пошли удалы на конюшон двор,
Седлали уздали коней добрыих
И брали всю сбрую богатырьскую.
Не видели — в чистом поле курева стоит
140 .....
.....
Горы, долы промеж ног брали,
А быстры реки перескакивали,
Приехали в город Ляховенское.
145 Становил Дунай коня не привязана,
Не привязана и не приказана,
Пошел Дунай на красно крыльцё,
Отворял двери <с пяты на пяту,
Отпирал двери с крепка на крепко>,
150 Крест кладет по писа́ному,
Поклон ведет по ученому:
«Здрастуй, король Ляховенские!»
— «Здрастуй-ко, Дунай да сын Иванович!
Ко мне в ключьники приехал ли, либо в замочник<и>,
155 Или в те погребны целовальники?»
— «Я не в клюцьники приехал, не в замоцьн<ики>,
Не в те <погребны> целовальн<ики> —
За добрым делом за сва́товсьвом,
За того жа за князя за Владимира,
160 На той жа кнегинушки Опраксиюшки».
— «Не оддам я за князя за Владимира
Кнегинушку Опраксею,
Оддам лучше за убогу сиротиночьку».
Говорил Дунай во второй након,
165 И говорил Дунай во третей након, —
«Не оддам за князя за Владимира».
Мало Дунай розговоривал,
Пошел Дунай из светлой гридни́,
Прибил прирубил двенадцать сторожов,
170 Сорвал замочьки немецькие,
Зашел он ко кнегинушки Опраксеи.
Увидела тут кнегинушка Опраксея,
Брал он ей за пра́ву руку,
Повел из светлой гридни,
175 Увидела кнегинушка Опраксея кроволитие великоё,
Тут-то кнегинушка заплакала:
«Умел ты, батюшка, вспоить, вскормить,
Не умел, батюшка, взаму́ж оддать
Без того кроволитья великого».
180 Выходил Дунай на красно крыльцо,
И выходил король ляховенские,
И говорил король ляховенские:
«Милости просим хлеба соли јись,
Хлеба <соли јись>, пива с медом пить!»

185 — «На приезде ты гостя не учёстывал,
А на отъезде гостя не учёстовать!»
Садилисе на добрых коней
И поехали в путь-дорожечьку.
Выходил король на высок болхон,
190 Затрубил король во турий рог:
«Уж ты ой еси, Настасья королевичьна,
Зла полениця приудалая!
Приехал Дунай да сын Ивановиць
И увез у нас Опраксею королевисьну».
195 И услышала Настасья королевишна,
Погонилась всугон за јима.
И поставил Дунаюшко белой шатер
И говорит Добрынюшке Микитичу:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитичь млад,
200 Припади-ко ты ко сырой земли:
Нет ли за нами сугоны великое?
Поежжай ты с кнегинушкой Опраксеей
Во тот же во город красен Киев-град».
— «Есь сугона великая».
205 Он поехал Настасьи королевисьны во стрету,
Съехались они, поздоровались,
Ударились палками боевыма
(Не велики палоцьки, <сорока> пудов)
Во руках у них палици загоралисе —
210 Тем боём друг дружку не ранили.
Саблями выстрыма рубилися —
Тем боём <друг дружку не ранили>.
Кололися копьями вострыма —
Копья по насадоцькам свернулися —
215 Тем <боём друг дружку не ранили>.
Скоцили плотным боём-рукопашкою —
Водились они с утра день до вечера.
У Настасьи права ножка повернулась,
Лева ножка у Настасьи подломилося,
220 Упала Настасья на сыру землю
И засеял он ей тут два отрока.
И согласились они ехать ко Владимиру,
Ко Вла<димиру> на почестен пир на свадьбу.
Впереди едет Дунай да сын Ивано<вич>,
225 А позади едет Наст<асья> коро<левична>,
Зла полениця приудалая.
Натегала она тугой лук розрывчивой,
Вкладывала она стрелочьку каленою,
Стрелила она в Дунаюшка Иванов<ича> —
230 Пролетела стрелочька нимо го́лову.
Говорил тут Д<унай> да сын Иван<ович>:
«Уж ты гой еси, Настасья королевисьна,
Зла полениця <приудалая>,
Не рано ли шуточьку зашучивашь,
235 Не времё ли тебе шуточка отшутьцивать?»
— «Уж ты гой еси Дунай <да сын Иванович>,

Я годила в гусей да в белых лебедей,
В малых перна<тых уточек>,
А тебе пролетела стрелочька да нимо голову».
240 — «Уж ты гой еси, Настасья королевисьна,
Зла полени<ца приудалая>,
И будешь ты у Владимира
На пиру пья́на ве́села —
Пустыма словема не захвостывайса».
245 И приехали ко Владимиру на почестен пир,
И спосодили их в место во большое,
Во бо́льшое место во стольноё,
И попоили на пиру пьяных веселых,
Тут Настасьюшка захвостала:
250 «Уж ты гой еси, Д<унай>да сын Иван<ович>!
Жил ты у нас в клюцьниках-замоцьниках,
В тех погребных цело<вальниках>,
Ездили с тобой во чисто поле,
Стрелили во метоцьки во польские,
255 Я-то тебя метней была».
Говорил тут Дунай да сын Ивановичь:
«Уж ты гой еси На<стасья королевична>,
Зла полен<ица приудалая>!
Пойдем-ко стрелять во цисто поле,
260 Во те жа во меточьки во польские».
Выходили они во чисто поле,
И схватил он ей со добра коня,
И бросил ей о сыру землю.
И скочил он ей на белы груди,
265 Ростегивал пуговки вольянския,
Ростегивал латы кольчюжные,
И выхватывал он кинжал и нож —
Роспорол у ей груди белые.
И увидел у ей два отрока —
270 И ростегнул у себя латы кольчюж<ные>
И роспорол у себя груди белыя.
И протекла с той крови Дунай-реченька.

Дунай

Да во том жа во городи во Кииве
Да у того жа князя Владимера
Собиралось пированьице-стол, почесен пир.
Да ише все ли на пиру да пьяны веселы,
5 Да ишо все ли на чесном да прирасхвастались:
Да ишо богатое-т хвастат золотой казной,
А ежалое-т хвастат добрым коницьком,
Умное-т хвастат отцем-матерью,
А безумное-т хвастат молодой женой.
10 А Владимер князь по гринюшки похаживаёт,
Он белыми-то руками поразмахиват,

Он златыми-то перснями принашалкиват,
Он русыми-то кудрями принатряхиват,
Из уст таки реци выговариват:
15 «Уж ай еси удалы да добры молодци,
Да уж вы все ли у меня на пиру да пьяны веселы,
Да уж вы все ли на чесном да прирасхвастались,
Не знаете ли мне невесты богосуженой,
Белым лициком будто-аки белый снег,
20 Ише щецьки у ней да будто алой цвет,
Ише оци-то ясны, как у сокола,
Ише черны-то брови, как у соболя,
Ише русы-то кудри—у сиза бобра».
А ведь бо́льшой хоронитце за середнего,
25 А ведь середнеё-т хоронитце за меньшого,
Да ведь от меньшого Владимеру ответу нет.
Да на той же на скамеецки да поперецнею
Да сидел тут удалой да добрый молодець
Да по имени Добрынюшка Никитиць млад.
30 Он не пьет, не ес да не кушает,
Да он белой-то лебедушки не рушаёт,
Да из ус таки реци выговариват:
«Уж ты еси Владимер да сколь ты не киевской!
Позволь-ко се, Владимер, да слово молвити.
35 Уж я знаю невесту тебе да Богом сужену:
Во том жа во городи во Шахове,
Во том жа во городи во Ляхове,
У того жа короля у Ляховинского,
Да ишо есь у него две доцери прекрасныя.
40 Первая-то Настасья Лиходеевна,
Она зла полениця да преудалая,
Она ездит во цисто поле полякует,
Она бьет побивает силу неверную.
А вторая-то Апраксея да лебедь белая.
45 Я не сам-то видал — от людей слыхал,
Да от того же Дунаюшка сына Ивановиця».
Говорил-то тут Владимер таково слово:
«Да ты ай еси Добрынюшка Никитиць млад,
Да сходи-ко ты, Добрынюшка, в цисто полё,
50 Отмыкай-ко се, Добрынюшка, темной погреб,
Отмыкай-ко се замок да сорока пудов
И зови-ко-то Дунаюшка сына Ивановиця,
Ты зови-ко на почесен пир:
Без тебя у нас пир да не пируитце,
55 Без тебя у нас пир да не на веселе».
Пошел-то тут Добрынюшка в цисто поле,
Да отомкнул он темной погреб,
Откатил он замок сорока пудов,
Глядел он смотрел в темной погреб:
60 И сидит там Дунаюшко сын Ивановиць
И горит у него свецька стерлиновая.
«Поедем-ко се, Дунаюшко, на почесен пир,

Звал-то тебя князь да ниско кланялса».
Отвецял тут Дунаюшко:«Нейду я.
65 Не пир вы зовете пировать,
А хотите голову сказнить».

Бой Добрыни с Дунаем

Уж как прежде Рязань слободою слыла,
Уж как нынеце Рязань да славным городом.
В этом городе жил Микитушек, состарилса,
Состарилса и представилса,
5 Осталась у Микиты любима семья,
Любима семья, молода жона,
Молода жона Омельфа Тимофеевна,
Осталося его чадышко милое,
Милое чядышко любимое,
10 Любимо чядышко Добрынюшка,
Осталса Добрынюшка в <двенадцать> лет,
Пошел ко Владимиру во служеньјице.
Три года Добрынюшка клюшницял,
Три года Добрыня подворотницял,
15 Три года Добрынюшка стольницял,
На двадцатом-то летички гулять пошел
По тем по конюшным славным стоилам:
Выбирал он себе коня доброго,
Седлал он, уздал коня доброго,
20 Подстегивал двенадцать тугих подпругов,
Тринадцату тенул через хребётну кось
Не для́ ради басы, ради крепости,
Не оставил бы доброй конь в чисто́м поле.
Надевал на себя латы кольчюжныя,
25 Брал себе палицу боёвую,
Не велику не малу — сорока пудов,
Брал он сабельку вострую,
Не велику, не малу — сорока пудов,
Брал он тугой лук розрывчиво́й,
30 Брал стрелы калёныя,
Брал тяги железныя.
Не видели поездки богатырьския,
Только видели — в чистом поли́ курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит,
35 Из ушей из ноздрей пламя огненно.
Выехал на шоломя окатисто,
Глядил-смотрил в трубку подзорную
На все на четыре дальние стороны —
Увидел на чистом поли чарно́й шатер.
40 Поехал он ко чарну́ шатру,
Приехал Добрыня ко чарну шатру.
На шатры глубокия подписи подписаны,

Глубокия подрези подрезаны:
«Хто к шатру приедет — живому́ не быть,
45 Живому не быть и проць не уехати».
Стояла тут боцька у его с зеленым вином
И стояла братыня серебрена,
Не великая чярочка, полтора ведра.
Перву-то он наливал для весельиця,
50 А вторую наливал для здоровьця,
А третью <наливал> для похмельиця.
Хмелина в голову его появиласе —
Розорвал он чёрной шатер,
Ростоптал он боцьку с зеленым вином,
55 Убросил братыню во чисто поле,
Сам повалилса на кровать кисовую,
Заспал он тут богатырьским сном.
Не маленька там тученька востучилась,
Не велика с дожжём подымаетця —
60 Едет из чиста поля́ Дунай да сын Ивановичь.
Не видит своего черна шатра —
Только видит кроваточку кисовую.
Доежжал до кровати до кисовыя,
Соскоцил он со добра коня,
65 Хватил он саблю вострою,
Хотел он у Добрыни буйну голову —
Укоротать веку долгого, —
Сам по себе природумалса:
«У сонного отсеку, аки мертвого —
70 Не чесь-хвала будет молодецькая,
Не выслуга будет богатырьская».
— «Полно спать, пора вставать,
Ехать в чисто поле бра́татьця!
Зачем у меня розорвал черной шатер,
75 Ростоптал боцьку с зеленым вином,
Бросил бр<атыню> в чисто поле?»
Мало Добрыня розговаривал —
Свежой водой клюцевой умываетця,
Тонкой длинной ширинкой одеваетця,
80 Скакал Добрыня на добра коня.
И разъезжались они на три по́пришша[1],
И съехались они — побратались
Палками боевыма —
Тем боём друг дружку не ранили.
85 Рубились они саблями вострыма —
И тем они друг дружку не ранили.
Кололисе копьями вострыма —
Копья по насадкам свернулисе —
Тем боём друг дружку не ранили.
90 Тянулисе тягами железныма
Через гриву лошадиную —
Тяги жалезны разорвалисе.
Тогда скоцили плотны́м боем-рукопашкою,
Водились они с утра день до вечера.

95 И не маленька там тученька востучилась,
Не <велика с дожжём> подымаетце —
Едет из чиста поля́ старое седатое
Как по имени старой казак Илья Муромець
И сам себе прироздумыват,
100 Сам по себе приразгадыват:
«Бютця-дерутця два сильных богатыря.
Ежели неверный с неверным — стану стакивать,
А руський с руським — стану розговаривать,
А неверный с руським — надо помошь дать».
105 И приехал старой казак Илья Муровиць:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Об чем вы бьјитéсь, об чем деритесь,
Об чем бой стоит?»
Говорил Дунай да сын Ивановиць:
110 «Оставил я свой шатёр на чистóм поле,
Уехал на вёшны тихи заводи
Стрелеть гусей, белых лебедей,
Малень<ких> серых утушек.
Приехал ко мне Добрынюшка Микитич блад —
115 Розóрвал у меня черной шатер,
Ростоптал бочьку с зеленым <вином>,
Бросил братыню <во чисто поле>».
Тут стал сказывать Д<обрынюшка> М<икитич> блад:
«Уж ты гой еси, старой казак Илья Муромець,
120 Мы ездим в поле, казáкуем —
Оставлям шатры во чистом поли.
Глубоких подписей не подписывам
И глубоких подрезей не подрезывам,
А у его <глубокия подписи подписаны>
125 И глубок<ия подрези> подрезаны:
„Хто к шатру приедет, тому <живому не быть>,
<Живому не быть и> прочь не уехати“,
А стояла тут у его боцька с зеле<ным вином>,
Я перву чяру наливал <для весельиця,
130 А вторую наливал для здоровьиця,
А третью наливал для похмельиця> —
Хмелина у меня появилася:
Розорвал у его да черной шатер,
Растоптал боцьку с зеленым <вином>,
135 Бросил братыню <серебрену>».
Говорил старой казак Илья Муровичь:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Бери-ко Дуная за русы кудри
А поведем-ко Дуная ко князю ко Владимеру».
140 Осудил его Владимер выкопать глубок погреб
И посадить его во глубок погреб на сорок лет.

Иван Гордеевич

Заводился пир про всех людей, боярушек,
Все-те на пиру пили-ели, напивалисе,
Все на пиру стали веселы,
Один на пиру добрый молодец,
5 Сидит он за столами да за дубовыма,
Он не пьет, не кушает, белые лебедушки он не рушоёт,
Повесил свою буйну голову со могучих плеч,
И потупил свои очи ясные в мать сыру землю.
И за дубовыма столами
10 Ходил тогда Владемер князь по своей светлой светлице
И глядел по столам окольным,
Усмотрел он молодця да свет Иван Горденыча,
Что он печален, да что он кручинен,
Подходил он к ему близко,
15 Говорил он ему низко:
«Что же ты, Иванушка, печален,
Что же ты кручинен —
Не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Коку ты знашь над собой незгодушку,
20 Каку ты чашь немúнушку?»
И ставал Иванушко из-за тех столов дубов<ых>,
Из-за окошечек белодубовых,
Ставал-то он да на резвы ноги,
Кланялса он да своему Владимиру:
25 «Ой еси, Владимер князь!
Никакой я не знаю неминушки,
Никакой я не знаю незгодушки,
Об том я закручинился, об том я запечялилса —
Ноньце у нас во Киеве во городе
30 Удалы добры молодци все поженены,
Красны девушки замуж повыданы,
Я один, удалой доброй молодец, холо̀ст я хожу
Да как слугой служу.
Благослови-ко мне да ехать женитисе».
35 — «Поезжай-ка ты, Иванушко, де те надомно,
Поезжай-ка ты, де тебе хо̀тится
И ишши-ка себе ты обруч'ницю,
Ишши-ка себе да молоду жону».
Выходил-ка Иванушко из-за столов из дубовыя,
40 Из-за <окошечек> белодубовых,
Одевал Иванушко платье да одноцветное,
Брал с собой да палицю боéвою,
Брал с собой да востру сабельку,
Копье да долгомерное.
45 И выходил он на паротный двор.
Сымал узду тосмяную[1],
Снимал он седелышко зеркальцято.

Пошел он да по паратному двору,
Брал он да[2] как добра коня,
50 Надевал уздициньку тосмяную,
Выводил его из двора паратного,
Накладывал седелышко зеркальчято,
Правóй-то ногой да во ремень ступал,
Левую ногу через хребетну кось кинал.
55 Тогда взял он в правую руку шóлков повод[3]
В леву рученьку да шелкову плёточку,
Понюгал коня да по тухлым[4] ребрам —
Не видели Иванушки поезки.
Только видели: в чистом поли
60 Да курева стоит.
Ехал Иванушка день до вечера —
Красна солнышка да как ко зáкату —
Нихто Иванушку да не встречался,
Нихто Иванушку да не случался.
65 Выехал он[5] в цисто поле да на украјянку
И роздернул свой бел-полотенной шатер,
Переночевал он да тёмну ночёньку.
Поутру он ставал, ключевой водой да умывался,
Тонким полотенышком да утиралсе,
70 Отправлялся он тогда[6] в Кортоусово цярсво
К королю да королевичю:
Ес у яво дочь Овдотьюшка.
Приежжал Иванушко в Кортоусово цярство
К королю да Кортоусово,
75 Ко тому же ко красну крыльцю,
Везал он добра коня да ко крыльцю,
Пошел он да на красно крыльцё,
Ступал он да на белы сенѝ,
Пошел он да по белым сеням,
80 Зашел он да в светлу светлицю,
Богу помолилса, поздоровалса
С королем да королевицем Кортоуским:
«Милости просим, Иванушко да свет Гординович,
Хлеба-соли у меня кушати да переваров пить,
85 Переваров пить да во слугѝ служить».
— «Я приехал к[7] тебе да не во слугѝ служить,
Не хлеба-соли кушати,
Не переваров-те пить,
Приехал я к тебе за добрым делом за сватосьвом
90 Овдотьюшка да бела лебедь».
Отвечал ему Черниговец:
«Ох Иванушко да свет Гординович!
Опоздал ты — ныньче приехал ко мне,
Нет у меня ныньче Овдотьюшк<и>,
95 Ноньче у меня Овдотьюшка просватана».
— «И за кого у тебя Овдотьюшка просватана?»
— «За Издолишшо да за великого да проклятово».
Тут-то Иванушко запышел да завздыхал,
Надел на себя шапоцьку пуховую:

100 «Прошшай-ка-се, король да ты Черниговец',
Не слуга я тебе был».
Вышел он да на белы сени,
У дверей прирубил всех придверников,
У ворот да приворотничьков —
105 Дошел он до той же светлой светлице:
Здерьгивал он да как крепки замки,
Отворял да двери на́ пяту,
Запирал да крепко-на́крепко,
Он *Г*осподу Бо*г*у да помолился,
110 С Овдотьюшкой да поздоровалсе,
Овдотьюшка скочила да на резвы́ ноги:
«Милости просим, да свет Иванушко,
Приходи, Иванушко, да хлеба-соли кушати
Да переваров пить по-старому»[8]
115 — «Нет, Овдотьюшка, я приехал не хлеба-соли кушати,
Не переваров пить,
Хочю увезти тебя с собою́».
Стала Овдотьюшка собиратьсе да во котомоцьку,
Стала срежаться да во дорожецьку,
120 Брал Иванушко ей да за праву руку,
Повел Иванушка да из светлой светлици,
Вывел Иванушко да на белы сени —
Заплакала Овдотьюшка да голосом:
«Ах ты мой батюшка свет Черниговец,
125 Умел ты меня выпоить да выкормить
Не умел меня замуж выдати
Без бою меня, без драки».
Вывел он, повел ее да со красна крыльця,
Приводил ее да ко добру коню,
130 Садил ей да во седёлышк<о>,
Сам садился позади за ей —
И поехали они от Черниговця во чисто поле.
Ехали они день до вечера, —
Красна солнышка да ко за́кату, —
135 Они же здёрнули да бел полотенной шатёр,
Попили, поели они тут, обночевались.
Услышило Издолишо, да свет-проклятоё:
Увезёна у его Овдотьюшка
Иваном да свет Гординовичем.
140 Издолишшо проклятоё,
Приехало оно ко Чернигову,
Юкается да под окном у него.
Отворил окно Черниговец,
Закричал тут Издолишше:
145 «Есть ли моя тут Овдотьюшк<а>?»
— «Увезёна твоя Овдотьюшка Иваном да свет
Гординовичем».
Отвернулся Издолишше от окна
И полетел в чисто полё в су*г*он,
Настыг Иванушка в чистом поле́,

150 Где у них были раздёрнут бел полотеной шатёр,
Свернулса Издолишшо да со добра коня,
Привязал он своего добра коня да ко шатру,
Открыл он бел полотяной шатёр:
«Что вы долго спите? Во́ры долго не спят,
155 Рано вставают!»
Пробужался Иванушко от глубокого сна,
И садился на белу́ жопу —
Овдотьюшка тут прикрылася.
Ставал-то Иванушка да на резвы́ ноги́,
160 Умывалса он да ключевой водой,
Утирался он тонки́м полотном,
Одевал же он на себя да платье цветное,
Брал он палицю буе́вую,
<Брал с собой да востру сабельку,
165 Копье да долгомерное>.
И выходили они на зеленый луг,
Вуздали они, седлали своих добры́х коней,
Роз'ежжались они да по чисту́ полю,
С'езжалис' они да близко-по́близку —
170 Билис они палицеми буе́выма,
Рубилис' они востры сабельками,
Ты́кались' они копьеми да долгомерныма,
Копья все да по насатоц'кам да поломалисе,
Востры сабельки да пошербалисе,
175 Буевы палици все да поломалисе,
Соходили они да со добрых коней,
Хватались они да во охобоч'ку,
Возились они да трои суточьки.
Стал Иванушко да из сил выходить.
180 Змолилсе Иванушко да пресветой Богородице:
«Присвета мать Богороди<ца>!
Стоял я близ Киев-град,
Пропадаю теперь во чистом поли».
И прибыло у Иванушки силушки;
185 Подопнул Издолишшо да правой ногой[9] —
Пал Издолишшо на мать сыру земл<ю>.
Сел Иванушко да на белы́ груди:
«Ах, Овдотьюшка, забыл я свой корманной нож
во котомоц'ке».
Выхватила Овдотьюшка да как корманной нож,
190 Побежала она ко Иванушку,
Хотела она подать Иванушк<е> да булатной нож —
Подёрнула Иванушка за могучи́ плечи́,
Скатилса Иванушка да со белых грудей с Издолишша.
Справилсе да как Издолишше,
195 Вывернулса с-под Иванушки:
«Будем мы, Иванушко, тебя
Не бить, не мучить».
Повели-ка Иванушка да ко сыру дубу́,
Привезали Иванушка да ко сыру дубу,

200 Привезали на шолковы опутин<ки>,
Пошли они ко шатру да ко поло́тненном<у>,
Пили и ели они, беседничели,
Выходили они да из бела шатра —
Прилетел же на этот дуб
205 Да серый голуп тут,
Увидала Овдотьюшка на дубу да голуба:
«Ох ты, Издолишшо, да свет-проклятое!
Натени ты лук калёное:
Увидала я да голубетину
210 И захотелос мне да голубетинки,
Со́стрели мне да голубетинку».
Издолишшо натенуло да лук каленую,
Стрелил он этого да голуба —
В голуба стрелоц'ка да не попаласе,
215 Отскочила[10] стрелочка да как от дуба жа,
Прилетит к Издолишшу на белы груди́,
Прострелит как белы груди,
Пало Издолишшо на мать сыру землю,
Помертвел Издолишше на матушке сырой земле.
220 Овдотьюшка тут заплакала горько́й слёзой:
«От того берегу отстала, а к другому не пристала».
Услыхал Иванушка у[11] дуба
У Овдотьюшка да горечу́ слезу,
Закричал Иванушка:
225 «Ой, Овдотьюшка да лебедь белая!
Найди же мой нож булатной,
Куда ж его ты укинула?»
Нашла Овдотьюшка, она нашла нож булатную,
Принесла Овдо<тьюшка> да нож булат<ную>,
230 Отрезала Овдотьюшка да шолковы —
У Овдотьюшки руки дрожали жа, —
Обрезала опут<ины> шолковы.
«Не буду я тебя, Овдотьюшка, ни бить, ни резать,
Только дам тебе поуч'ку я робечию».
235 Вот пошел Иванушко да от сыра́ дубу,
Пришел Ив<анушко> да ко белу шатру,
Стал давать ей поучку да робечию:
Постегал Овдотьюшку плёточкой да шолковой,
После децькой да поученьи
240 Оголил свою востру сабельку —
Срубил у Овдотьюшки да буйну голову,
Буйну голову да со могучих плеч.
Присказал Иванушко:
«Мне-ка видно ты не молода жона»
(сам голову срубил, дак уж кака молода жона),
245 Взял Иванушко, розрезал их на мелки́ куски,
Взял Иванушка да разметал да по комыш-травы,
Приходит Иванушко да ко белу шатру,
Снимал Иванушко да бел полотнен шатер,
Собиралса Ив<анушко> да во котомоц'ку,

250 Поезжал Ив<анушко> да во Киёв-град.
Приез<жал> да как во Киёв-град,
Встречели Иван<ушка> да проздровляли Ив<анушка>
Да с молодой жоной,
Говорили: «Иванушки да не с кем спать!»
255 Иванушку да за беду да за велику показалосе.
Не успел у Владимера ни попить он, не поjисть,
Вышел он из светлой светлици
Да на паратной двор,
Поставил он копьё вострым конц'ём,
260 Навалилса Иванушко да как белой грудью
На востро копье —
Принял Иванушко да как свою тут смерть.

Василий-пьяница и Ку́рган-царь

Не из Шалова города, из Ляхова
Шло-де прошло два гнедых тура́,
Два гне́дые тура златорогие,
Им настречю туриця родная матушка:
5 «Уж вы здрастуйте, туры, дети рожоные!
Уж вы где, туры, были, вы куды пошли,
Уж вы чито, туры, чюли и чего видели?» —
«Во полден мы прошли поле Потоньскё,
Во полноць мы плыли море синёё,
10 По утру мы шли нимо красен Киёв град.
Видели мы чюдушко немалое,
Немалое чюдушко[1] велико:
Из того ли из собору, из Божье́й церквы
Выходила девиця наубел-бела,
15 Наубел-бела, наурус-руса,
Наурус-руса да ростом высока».
Отвецяла им ту́риця родна матушка:
«Уж вы ой еси, мои дети рожоные!
Не девиця выходила-то, Богородиця,
20 Выносила книгу евангельску,
Она чтёт книгу, сама слёзно плачет,
Чяла-ведала незгодушку великою над новым градом».
Подымаетця Ку́рган-злой собака царь,
Он ведь хочет победить красен Киев-град,
25 С любимым зятем со Ко́нчуком,
Со милым со сыном со Коршуном.
Под Кончуком силы двадцать тысяч,
Под Коршуном силы сорок тысеч,
Под самим-де Ку́рганом цисла-смёту нет.
30 Приежжали тут Бладимеру от Кургана послы-посланницьки,
Привозили они ярлыки скорописчяты,
Кинали они да на дубо́в стол,
Говорили они, послы-посланничьки:
«Уж ты ой еси, Бладимер стольно-киевскёй!

35 Отдай ты нам да красен Киев-град
Без бою, без драки, без кроволития.
Добром не оддашь — и так возьмем».
Говорил тут Бладимир и таково слово:
«Уж ой еси, вы послы-посланницьки!
40 Дайте вы мне строку на три де́ничька
Старым-то людем покаетьсе и причаститисе».
Уежжают послы посланницьки:
Дали ему строку на три деничька.
Собирал тут Бладимер князей и королей на почестен пир,
45 И садил тут Бладимер за дубовы стола,
И думали думу заедино.
Сказал тут Бладимер:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодци!
Хто же из вас едет во цисто́ полё
50 Пересметит да эту силушку?»
Все они седят да помалкивают:
Старший хоронитце-бронитця за средняго,
А средней хоронитце за меньшого,
А от ме́ньшого никакого ответу нет.
55 Говорил тут По́тык да сын Ивановичь:
«Уж ты ой еси, Владимер да стольно-киевской!
Есь у нас Василий да горька пьяниця,
Сидит он во погребе глубоком е,
Можот быть не съиздит он да во цисто полё?»
60 Приводили Василья да ко Бладимеру,
Подовали ему чярочьку зелена вина
(Не малая чярочька — полтора ведра) —
Выпиваёт Василий на един-от дух.
Наливают Василию втору чярочьку:
65 Выпиваёт к едному́ духу́ —
Плечи его зашевелилися[2],
Руки его замахалися,
Ножками он да притаптыват —
Стал тут Василий да наве́сели,
70 Говорит тут Бладимер да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василий да горька пьяниця!
Не съездишь ли ты, Васильюшка, да во́ чисто́ полё?»
Отвечял тут Василей да горька пьяница:
«Уж ты батюшка Владимер да стольно-киёвскёй!
75 Дай-ко-ся ты мне да добра́ коня,
Того ты мне дай коня, который лучше всех».
Выходил Василий тут из-за столиков дубовыех,
Он по гринюшки похаживат[3],
Схватил он пальтё да тут боярина,
80 Зачял ко пальтю да приговаривать:
«Бладать бы мне также и тотаринк<ой>!»
Приводили Василия к погребу глубокому,
Отворяли решеточки железныя —
Брал тут Василий да добра коня.
85 Выводил коня да на белый свет,
Опутал в опутечки шелковыя,

Обуздал, обседлал коня да лошадь доброю,
Садилса Васильюшко на добра коня —
Не видели поезки богатырьское,
90 Только видели: в поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Уехал Василей на цисто́ полё,
Увидил орду — силу неверную.
Приежжаёт Василей близко да по́близко,
95 Наступил на тотар он да проклятыих —
И в одну сторону махнёт — улками,
А в другу сторону — дак переулками,
Выбил он всех да до единого,
А остальние-те дак назад сдались.
100 Приежжаёт Василей да ко Бладимиру —
Стричяёт Василья да горьку пьяницю,
Его с радосью да со великою:
Собирали для Василия да почестен пир,
И дозволено было Васильюшку —
105 Что и где ему надобно.

Сорок калик

Уж как от моря да моря морюшка синяго[1],
От синяго морюшка студеного[2],
От того же от камешка от Латыря[3],
От озера Масляева[4]
5 Собиралисе калики, соезжал<исе>[5],
Еще сорок калик со каликою[6]
Ко тому же[7] кресту к Леванидову,
И клали они заповедь великою,
Великою заповедь тежолою:
10 «Хто из нас, братци, заворуетця,
Хто из нас, братци, заплотуетця,
И хто из <нас, братци>, за блудом пойдет —
Нам судить такова жа штобы своим судом,
Не ходить к х царям, не х царевичям,
15 Не ходить не х королям, не х королевичям,
Копать во сыру землю по по́есу,
Речис язык тянуть теменем,
Очи ясны — косицями,
Ретиво сердяюшко[8] — промежду плечя
20 И оставить казнёного на чистом поле́».
Пошли калики в Ерусалим град,
Господу[9] Богу помолитеся,
На плакуни травы покататисе,
В Jордани реки[10] покупатисе.
25 День они идут и другой идут,
Настрету каликам идет[11] Владимир-князь.
Не доехал до калик, — с коня сошел,

С коня сошел, низко кланялса:
«Здрастуйте, удалы добры мо́лодци[12]»
30 — «Здрастуй, Владимир стольне-киевьской![13]»
— «Куда вы пошли, куда вас Бог[14] понёс?
Уж вы ой еси, удалы добры молодци,
Спойте вы мне еленской стих,
Захотелось мне от вас его послушати».
35 Тут калики не отслышали:
Во сыру землю копьјиця испотыкали,
На копья сумки исповешали
(А сумки были рыта бархата,
А подсумоцья были хрущятой камки)
40 И садилиса[15] калики во единой круг,
Во единой круг на зеленой луг,
Запели калики еленской стих.
Запели, закатили только вполкрыка —
Земля-мати потрясалася,
45 В озерах вода сколыбалася,
Темные леса пошаталися,
Во чистом поли травка зајилејила,
Не можот Владимир стоючи стоять,
Не можот <Владимир> сижучи[16] сидеть,
50 Не мож<от[17] Владимир> лежучи лежать,
Увалилса Добрынюшка-извошшичек,
Увалилса Алешенька-запяточек.
Говорил Владимир стольно-киевской:
«Уж вы ой[18] если удалы добры молодци!
55 Полно петь еленской стих.
Не могу я, Владимир, стоюци[19] стоять,
<Не могу я, Владимир> сижучи сидеть,
<Не могу я, Владимир, лежучи лежать,
Увалилса Добрынюшка-извошшичек,
60 Увалилса Алешенька-запяточек>».
Встали удалы добры молодци[20] и пошли они
в путь-дорожечьку.[21]
Говорил Владимир стольно-киевскей[22]:
«Уж вы ой еси, удалы добры мо́лодци,
По́йдите мимо красен Киев-град,
65 Милости просим хлеба-соли есть,
И пива с медом спить
Ко молодой кнегине ко Опраксеи.
Я поехал на вёшны тихи заводи
Стрелеть гусей, белых лебедей,
70 Маленьких пернастых серых уточек».
Пошли удалы добры молодци в путь-дорожечьку,
Доходят до города до Киева.
Приворацивали в красен Киев-град,
Заходили в ограду княженецкую,
75 Заходили они на красно крыльцё,
Ко той же к околенки стеклянное,
Запросили они милостинку Христову

Для-ради Христа царя небесного,
Эти калики запросили только вполкрика.
80 Лежала она на печьки на муравленой,
Услыхала — соходила со пецьки со муравленой,
Отворила окощецько стекляное
И высоёвилась[23] в окошечько по поесу:
«Уж вы здрастуйте, удалы добры молодци,
85 Милости просим хлеба-соли јись,
Хлеба-соли јись, пиво с медом пить
Ко мóлодой кнегине ко Опраксеи».
Тут же калики не ослышались:
Впереде пошел Дунай да сын Иванович,
90 Во-вторых идет Касьян да сын Иванович,
Во-третьих идет Михайло да сын Иванович —
Тех калик тут же краше нет.
Пошли они все калики на красно крыльцё —
Ступешек до ступешка догибаетця.
95 Заходили калики на новы сени —
Новыя сени подгибалисе.
Заходили они во светлу гридню,
Крест кладут по писáному, а поклон ведут по ученому:
«Здраствуешь, кнегина Опраксея!»
100 Заходили они за столы за дубов<ыя>,
За те скатерти берчятыя,
За те кушанья за различныя,
Пóпили, поели, покушоли,
Биленькай лебедушки порушали,
105 И выходили из-за столов из-за дубовыих,
И благодарили они кнегинушку Опраксею.
Говорила тут кнегинушка Опраксея:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодци,
Все ли калики перехожие,
110 Перехожие калики, переброжие!
У вас дéнечек гнёт ко вéчеру,
Солнышко катитця ко западу.
Катитця ко зáкату,
Не время ли вам, ребятушка, опочив держать?
115 Розвожу я вас всех по единому».
Разводила их всех по единому,
К себе брала Михайлушку сына Михайловичя,
Во свою гриднѝю,
Повалила на кроваточьку кисовую,
120 На мяхку перину на пуховую,
На маленьки подушецьки тежолые,
Под то одеяло соболиное —
Не простого соболя, заморского,
Сама повалилась на печьку на муровлену.
125 Случилося ночью во первом чясу:
Соходит княгинушка Опра<ксея>,
Соходит со печьки со муровленой
На ту на кроваточьку тесовую
На <ту на перину на пуховую>,

130 Под то одеяло черна соболя,
Накинула на Михайлушка руцьку правую,
Накинула на Михайлушка ножку правую,
Прижала она Михайла к ретиву серьцю:
«Уж ты ой еси, Михайло сын Михайловиць!
135 Ты влюбись в меня, в кнегинушку в Опраксею».
Говорил тут Михайло сын Михай<лович>:
«Ты поди проць, кнегинушка Опраксия!
Была кладена великая заповидь,
Великая заповидь, тежолая:
140 „Хто у нас, братци, заворуетця,
Х<то у нас, братци, заплутуетця,
И хто из нас, братци, за блудом пойдет —
Нам судить такова жа чтобы своим судом,
Не ходить не х царям, не х царевичям,
145 Не ходить не х королям, не х королевичям:
Копать во сыру замлю по поесу,
Речис язык тянуть теменем,
Очи ясны — косицями,
Ретиво сердечушко — промежду плечя
150 И оставить казнёного на чистóм полé“».>
Ушла кнегинушка Опраксея.
Случил<ося ночью> во втор<ом чясу:
Соходит кнегинушка Опраксея,
Соходит со печьки со муровленой
155 На ту на кроваточку тесовую
Под то одеяло черна соболя,
Накинула на Михайлушка руцьку правую,
Накинула на Михайлушка ножка правую
Прижала она Михайла к ретиву серьцю:
160 «Уж ты ой еси, Михайло сын Михайловиць,
Ты влюбись в меня в кнегинушку в Опраксею».
Говорил тут Михайло сын Михайлович:
«Ты поди проць, кнегинушка Опраксея!
Была кладена великая заповидь,
165 Великая заповедь тежолая:
„Хто у нас, братци, заворуетця,
Хто из нас, братци, заплотуетця,
И хто из нас, братци, за блудом пойдет —
Нам судить такова жа штобы своим судом,
170 Не ходить не х царям, не х царевичям,
Не ходить не х королям, не х королевичям:
Копать во сыру землю по поесу,
Речис язык тенуть теменем,
Очи ясны — косицями,
175 Ретиво сердечушко — промежду плечя
И оставить казнёного на чистом поле“».
Случилося ночью> во третьем чясу:
Ночевали тут калики перехожия[24].
Осердилася кнегинушка Опраксия:
180 Положила братынецьку серебрену,
С которой братыни князь с приезду пьет,

Положила в сумку рыта бархоту.
Собрались калики перехожие и пошли они
в путь-дорожецьку,
И вышли калики во чисто поле.
185 Во ту ли порочьку во то́ время́
Приехал Владимир-князь из чиста поля́,
Заежжял Владимир на широкой двор,
Говорил своей кнегинушки Опраксеи:
«Где моя братынюшка серебреная,
190 С которой братыни я с приезду пью?»
Говорила кнегинушка Опраксея:
«Уж ты ой еси, Вл<адимир князь!>
Ночевали у меня во Киеви калики перехожие
И украли у меня братынюшку серебрену,
195 Из которой ты у меня с приезду пьешь».
Кому была служебка надмечена,
Олешеньки была служба явлена:
«Садись-ко, Олеша, на добра коня
И поежжай, Олеша, во чисто полё».
200 Выходил Олешень<ка> Поповець млад,
Седлал, уздал коня доброго
И выехал на шоломя окатисто,
И смотрел глядел в трубку подзорную
На все на четыре на дальния стороны —
205 Увидел калик на чистом поле́,
Закрычял-зазычял громким голосом:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
Ноцевали вы во городе во Киёви
У ласкова князя Владимира,
210 Украли вы братынецьку серебряну,
Из которой братыни князь с приезду пьёт».
Подъеждали калики близко-наблизко
И схватали Олёшу со добра коня,
У Олеши штанишка приобтыкали,
215 Нахлопали жопу, сколько надомно,
И посодили Олёшу на добра коня,
И привезали Олешу ко стременам.
Выходил Владимир на высок балхон
И глядел смотрел в трубку подзорную —
220 Увидел Олешеньку Поповиця —
Едет Олеша не по-старому,
Не по-старому едет, не по-прежному,
Подстречает его князь Владимир:
«Что же ты, Олешенька, едешь не по-старому?»
225 — «Выехал на шолом<я окатисто
И смотрел глядел в трубку подзорную
На вси на четыре на дальния стороны,
Увидел калик на чистом поле,
Закрычял-зазычял громким голосом:
230 „Уж вы ой еси, калики перехожие!
Ноцевали вы во городе во Киёви
У ласкова князя у Владимира,

Украли вы братынецьку серебрену,
Из которой братыни князь с приезду пьёт".
235 Подъеждали калики близко-наблизко
И схватали Олешу со добра коня
У Олеши штанишка приобтыкали,
Нахлопали жопу, сколько надомно,
И посодили Олешу на добра коня
240 И привезали Олешу ко стременам».>
Кому служебка была надм<ечена>,
А Добрынюшке служба была явл<ена:>
«Поежжай, Добрынюшка Микитичь млад,
Знаешь ты, Добрынюшка, съехотьсе,
245 Знаешь, Добрыня, поздороватця,
Поежжай-ко, Добрыня, во чисто полé».
Мало Добрынюшка розговаривал;
Пошел Д<обрынюшка> на конюшон двор,
Седлал, уздал коня доброго,
250 Поехал Добрын<юшка> во чисто,полé,
Выехал на шеломя окатисто,
Гледел, смотрел в трубку подзорную
На вси на четыре на дальни стóроны —
Увидел калик на чистом полé,
255 Объехал дорожками посторонныма
И поехал он к им во стрету.
Не доехал до калик — с коня сошел,
С коня сошел, низко кланелса:
«Здрастуйте, удалы добры молодци!»
260 Сели калики перехожие,
Перехожия калики береброжия, —
«Ноцевали вы во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира,
Не попалась-ле как братынецька серебрена,
265 Из котор<ой братынецьки> кня<зь> с приезду пьет?»
Тут жа калики не ослышались:
Во сыру землю копјиця испотыкали,
На копјиця сумки исподвешали —
Стали они по сумоцькам похоживать,
270 Стали сумки перебрасывать,
И доходят до сумоцьки до Михайлушковой,
И росшили его сумочьку, вынел<и> братынечьку серебрену,
Из <которой братынечки князь с приезду пьет>,
И отдали Добрынюшки Микитичю.
275 Скоцил Добрын<юшка> на добра коня —
Привез он братыню серебрену
Тому жа князю Владимеру.
Стали казнить Михайла Михайловичя:
Копали во сыру землю по поесу,
280 Речис язык тенули теменем,
Очи ясныя — косицями,
Ретиво сердецюшко — промежду плечя,
И оставили казненого на чистом поли,
Пошли калики во чисто полé,

285 Овернулися в обратный путь —
Идет Михайло по-прежному, по-старому:
Никако место не врежоное.
Казнили второй раз,
Казнили в третьей раз
290 <И оставили казненого на чистом поли.
Пошли калики во чисто поле.
Овернулися в обратный путь —
Идет Михайло по-прежному, по-старому:
Никако место не врежное.>
295 Тут калики испугалисе,
Дождали близко-наблизко, ей,
И стали его распрашивать:
«Как теби попаласе братынецька?»
— «Не знаю, братци, как попалосе,
300 Поло́жила, видно, княгинушка Опраксея по на́середки».
И пошли они в путь дорожечьку,
И пришли они в город Еруçалим,
Это свое дело все справили[25]
И потом вси представились.

Былина о сорока каликах

Ише от моря, моря синего,
От того же от озерышка гусинаго,
От того же от креста да Леванидова
Собиралисе калики да перехожия,
5 Ише сорок калик да со каликою.
Они клали тут заповедь великую,
Да великую заповедь тяжелую:
«Ише кто из нас, братци, заплутуютце,
Ише кто из нас, братци, заворуитце,
10 Ишо кто из нас, братци, за блудом пойдет,
Судить, братци, такова молодця своим судом:
Копать такова молодця в землю по поясу,
Рецистый язык тенуть теменем,
Ишо оци-то ясны тенуть косицями,
15 Ретивое сердецько — режучьми плецьми,
И оставить такова молодця во цистом поли».
И отправились калики перехожия,
Они день идут да они два бредут,
А навстрецю каликам сам Владимер-князь,
20 Не доехал до калик да сам с коня сошел,
С коня сошел да низко кланялся:
«Да уж здрастуйте, удалы да добры молодци,
Уж вы куда идите да куда правитесь?»
Отвецяли тут калики да перехожия:
25 «Да уж мы правимся, Владимерушко, в Ерусалимский град».
Говорил тут Владимерушко:

«Да уж вы ай еси, удалы да добры молодци,
Да уж вы спойте-ко мне еленский стих».
Они копьиця в землю да приутыкали,
30 На копьиця сумоцки понавешали
И сами сели во единой круг,
Во единой круг да на зеленой луг
И запели-закатили они еленский стих
Не во весь они голос, ровно вполголос —
35 Ише матушка сыра земля да потрясаласе,
Да в озерах вода да всколыхаласе,
Дремучие лесы да пошатилисе,
Не мог князь Владимер да седючи сидеть,
И не мог князь Владимерушко лежучи лежать,
40 У Владимерушка конь да на коленци пал.
«Перестаньте вы, калики, петь еленский стих, —
Говорит тут Владимерушко таково слово, —
Да пойдите вы удалы да добры молодци,
Да пойдите вы в Ерусалимский град,
45 Заходите-ко вы ко княгини моей Апраксеи,
Хлеба-соли ись да пива с медом пить».
И отправились калики да перехожия,
И пришли они да в Ерусалимский град,
И пришли они ко княгинюшки Апраксеи,
50 И пришли они под окошецько стекляноё.
Увидела она Михайлушка Михайловиця:
«Заходите вы, добры молодци, да в светлу гриню
Хлеба-соли ись ко мне да пива с медом пить».
И зашли они тут во светлу гриню,
55 Посадила она их всех за дубовый стол,
Накормила, напоила она их чем надобно
И повалила она их спать всех да по особым коецькам,
А к себе она взяла да Михайлушка Михайловиця,
Повалила она его на кроватоцьку тесовую,
60 А сама легла на пецьку на муравленую.
Соходит она со пецьки со муравленой
И ложитца она на кроватоцьку тесовую.
Накиныват на его да руцьку правую,
Да накиныват на его да ножку правую,
65 Говорит тут Михайлушко таково слово:
«Отойди ты проць, княгинюшка Апраксея,
Да иша кладена у нас заповедь великая,
Великая заповедь тяжелая —
Да ишо кто из нас, братци, заплутуитце,
70 Ишо кто из нас, братци, заворуитце,
Да ишо кто из нас, братци, за блудом пойдет,
И судить такова, братци, своим судом».
Сошла тут княгинюшка Апраксея
Да повалилась она на пецьку на муравленную,
75 И соходит она со пецьки со муравленной,
И берет она братынецьку серебряну,
Из которой князь Владимер с приезду пьет,

И положила она ему в котомоцьку.
И отправились тут калики да перехожия.
80 Приехал тут Владимер князь
И хватилса тут братынецьки серебряной,
Говорит тут княгинюшка Апраксея:
«Ноцевали у меня тут калики перехожия,
Украли они братынецьку серебряную».
85 И послал тут Владимерушко Добрынюшку Никитиця:
«Достиги, Добрынюшка, да добрых молодцев
И спроси, не взяли ли они братынецьки серебряной».
Садилса тут Добрынюшка на добра коня
И поехал он во цисто поле,
90 И настыг он удалых добрых молодцев:
«Уж вы ой еси, да добры молодци!
Да ноцевали да вы у княгинюшки Апраксеи,
Да не взяли ли вы братынюшки серебряной,
Из которой князь Владимер со приезду пьет?»
95 И они копьиця в землю приутыкали,
И стали искать у всех в котомоцьках,
И нашли они братыню у Михайлушка Михайловиця.
Закопали они его в землю по поясу,
Рецистый язык тянули теменем,
100 Оци-то ясны тянули косицями,
Ретивое сердецько — режучьми плецьми,
И оставили такова молодця в цистом поли.[1]

Лединушка

А была-жила лединушка-кнегинушка,
А ростаела о Ивани дни.
А не стало у нас в городе управителя,
Управителя не стало, да предводителя,
Розодралисе невески да со золовками,
Розодралисе они да о Петрове дни,
Они вострыма штыками — да как ухватами,
Они тупыма копьями — да как лопатами.
А у их кислы шти да на уход ушли,
Они кашу-то горюху обезвечили,
А пошол-то горшок, да изломал шосток.

КОММЕНТАРИИ

Первая поездочка Ильи Муромца

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6. Полевая запись (*пз*) карандашом от Трохи Широкого (Трофима Ильича Широкого). Текст не датирован, но, очевидно, о нем упоминает Озаровская в рассказе о своей первой поездке на Кулой в 1915 г.: «За год до

экспедиции (1921 г. — *Т. Н.*) скончался в Долгощельи замечательный сказитель по прозвищу „Ляба“, веселый старичок 112 лет со своей столетней старушкой. От него в 1915 году я записала „Голубиную книгу“ и „Первую поездку Ильи Муровича“ с живым предварительным рассказом о том, как Jлейко после посещений калик побежал на пожню к отцу, который не хотел этому верить; как он настаивал на покупке новорожденного жеребенка у попа, как отец отказывался, а поп подымал цену, наконец Jлейко купил его за 300 р<ублей> и выростил сам, прокатав в трех росах лошадь добрую» (Озаровская О. Э. «Еруслан Лазаревич» и река Кулой Архангельской губернии. С. 162). *Действительно эта побывальщина во фрагментарной* записи предшествует в полевой тетради стихотворному тексту былины о первой поездке Ильи Муромца. Эту же былину от Т. И. Широкого в 1901 г. записал А. Д. Григорьев, она очень близка к публикуемому тексту, отличаясь количеством стихов (227 у А. Д. Григорьева), но не сюжетной полнотой. В тексте О. Э. Озаровской присутствует концовка, которой нет в собрании Григорьева: это стихи 195—198, явно ориентируюшие на дополнение былины о первой поездке сюжетом о ссоре Ильи Муромца с Владимиром (конфликт на пиру не исчерпан, бояре готовы отомстить Илье за временный триумф).

[1] В *пз*: «белым». [2] В *пз*: «городом», очевидно — описка собирательницы. [3] В *пз*: «своего» вписано поверх строки. [4] В *пз*: «во светлу гридню» зачеркнуто, поверх строки вписано: «на новы сени». [5] В *пз*: «речики».

Владимир-жених

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6. Печатается по полевой записи. Имя сказителя и место записи не указано, но в полевой тетради этот текст следует за былинами «Бой Добрыни с Дунаем» и «Сорок калик». Последняя записана от крестьянина д. Долгощелье Федора Попова (Нечаева) по прозвищу «Порхаль». Начало былины отчасти совпадает с зачином фоновалика: ФВ 838. 01, записанным от этого сказителя. В полевой тетради прозвище «Порхаль» также уточнено как Яков Федорович Попов; «Порхаль из Долгощелья». Вероятно, это «Якунька Порхаль», Я. Ф. Попов, которого знал А. Д. Григорьев (см. комментарии А. Д. Троицкой к нотировке 11), но «Дуная» не записал. Былина о Дунае в исполнении Я. Ф. Попова — один из лучших текстов по полноте записи и стройности построения сюжета. Убийство Настасьи не ставится в вину Дунаю благодаря введению дополнительного, обычно отсутствующего эпизода: Настасья еще до венчанья покушалась на жизнь Дуная, но он простил ее в первый раз, посоветовав «не захвастываться», не показывать свой злой нрав. Но Настасья не последовала совету мужа, в сцене на пиру подчеркнуто ее вызывающее поведение. Смерть Настасьи не будит сочувствия еще и потому, что в финале былины нет просьбы пощадить ее ради детей. Поэтому самоубийство Дуная, неожиданно для себя открывшего, что он погубил не только жену, но и две безвинные души неродившихся отроков, выглядит поступком мужественным, достойным богатыря, собственной кровью искупившего смерть безвинных младенцев. Таким образом, мотив истечения великой славянской реки — Дуная — из крови эпического героя в варианте Порхаля оказался логически подготовленным.

Дунай

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 1, ед. хр. № 2, л. 1—2 об. Беловая копия на желтоватой бумаге. Чернила выцвели. Перед текстом примечание: «Записано от М. А. Краси-

ковой в с. Карьеполье б<ывшего> Пинежского уезда Архангельской губ. 1921 г.»; «Записано от Марии Красиковой, с. Карьеполье, перенятый ею от отца в детстве стих». Примечание собирательницы в конце текста: «Дальше сказительница стиха не помнит. Про Апраксею передала, что последняя была посватана князем Ляховинским за Идолища Проклятого, сидела она за 12 замками, которые Дунаюшко разбил, стоптал и свел Апраксею ко Владимиру, а сам был убит Идолищем Проклятым». Зачин былины соответствует записи фоновалика: ФВ 797. 01 (см. в следующей публикации комментарий А. Д. Троицкой к напеву-нотировке № 1). А. Д. Григорьев этой сказительницы не знал.

Бой Добрыни с Дунаем

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6. Полевая запись карандашом. В *пз* нет названия былины и указаний, от кого она записана. Предыдущая былина «Сорок калик» записана от Я. Ф. Попова (Порхаля), крестьянина д. Долгощелье. Начало публикуемого текста сходно с зачином записи фоновалика: ФВ. 838. 02 (см. примечание А. Д. Троицкой к напеву № 11—12) от Порхаля. В нижнем правом углу страницы полевой тетради с началом текста былины примечание: «Онуфриевы кельи в западе от Койды» (возможно — указание места, где была перенята былина). Перед текстом помета: «Рязань. Кн<язь> Вл<ладимир>. Влад<имир>-жен<их>». Былина «Владимир-жених» следует за настоящим текстом. «Бой Добрыни с Дунаем» от этого сказителя А. Д. Григорьевым записан не был, хотя собиратель был знаком с певцом.

[1] Под строкой пояснение: «3 версты».

Иван Гордеевич

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6 Полевая запись карандашом от Н. П. Крычагова, д. Карьеполье. В 1921 г. ему было около 70 лет. Название былины приведено по полевой тетради. Начало текста обнаруживает некоторое сходство с записью фоновалика: ФВ 823. 01 (см. комментарий А. Д. Троицкой к нотировке № 3). В первую встречу с О. Э. Озаровской в 1916 г. сказитель из-за подозрительного отношения к собирательнице со стороны местного населения петь былины отказался. В 1921 г. помимо «Ивана Гордеевича» он исполнил «Женитьбу Владимира на Опраксее королевишне» и сказки: «О царе Далмате и Иване-царевиче», «Марко богатой», «О Еруслане Лазаревиче» (Озаровская О. Э. «Еруслан Лазаревич» и река Кулой Архангельской губернии. С. 163). Озаровская так характеризует сказителя: «Никита Прокопьевич выдающийся хозяин, превосходный птицелов, искусник на всякие поделки из дерева, и за все эти качества, разумеется, считается колдуном. Птицы попадаются именно в его силки потому, что он знает „слово“. В глазах невестки „батюшко“ стоит высоко, его слово непреложно, невестка и внучки не наглядятся на него, и, когда он начнет сказывать сказки, то отношение такое: „батюшко делает важное дело, никто лучше его не может сказать“. Сказывает Никита спокойно, истово, уверенно и непреложно» (Там же).

В 1901 г. Никита Прокопьевич спел А. Д. Григорьеву две былины, в том числе и «Ивана Горденовича». Текст Григорьева полнее (304 стиха), в нем присутствуют мотивы, опущенные при исполнении 1916 г.: в записи 1901 г. Овдотья во сне видит прилетевшего голубя, в настоящем тексте мотив «вещего сна» отсутствует, нет также сцены, когда Иван Горденович, «проучив» Овдотью поркой, решил было оставить

ее в живых, но она отказывается назвать его мужем, а только «братом», и Иван Горденович убивает ее.

[1] В *пз* исправлено на «уздицю тисмяную». [2] В *пз* «да» вписано поверх строки. [3] В *пз* «шолков повод» выделено в отдельную строку. [4] Пояснение сказителя к «тухлым» (ребрам): «Да, да, ведь ребер не видать там» (из-за «пухлых», толстых боков). [5] В *пз* «он» вычеркнуто. [6] Над словами «он тогда» вставка: «Черниговец», далее это имя короля. [7] В *пз* «к» вписано поверх строки. [8] Примечание сказителя: «Он прежде ихной был». [9] В *пз* зачеркнуто «рукой». [10] Исправлено на «отскочит». [11] Исправлено на «от».

Василий-пьяница и Ку́рган-царь

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6 Полевая запись карандашом, следует за эпическими песнями от Анны Мелиховой: «Зверь Воркабаньјишша» и «Алексей человек Божий», вероятно, была выполнена в семье Мелиховых, но не от Анны Мелиховой, а от ее мужа, Алексея Степановича Мелихова в д. Сояна Пинежского района. Зачину былины соответствует запись валика: ФВ 837. 01 (см. в публикации А. Д. Троицкой примечания к напеву № 10). Название былины в полевой записи отсутствует.

[1] Исправлено на «чюдошко». [2] В начале строки добавлено: «опять же». [3] Под строкой вписано: «светлой гридни».

Сорок калик

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6 Полевая запись карандашом, без названия. Перед текстом указано: «Порхаль» (Я. Ф. Попов, д. Долгая Щель). Зачин близок записи: ФВ. 835. 02 от Порхаля (см. примечание А. Д. Троицкой напеву № 13). Существует беловая копия былины с иным паспортом, вероятно, ошибочным: Федор Красиков, д. Кулой 6. Пинежского уезда Архангельской губ. 1921 г. (запись на обложке ед. хр: РО ИРЛИ, кол. 12, п. 1, ед. хр. 6). В полевой записи некоторые строки правлены карандашом, очевидно, при повторном прослушивании. При публикации исправления не учитываются, но они отражены в комментарии.

А. Д. Григорьев в 1901 г. эту былину записал от Порхаля в более полном виде (447 стихов), объем настоящей записи сократился главным образом за счет снятия повторов — рассказов Михайлы о том, что с ним произошло в отсутствие калик, дословно повторяющих предыдущие места былины, где об этом идет речь.

[1] Вид 1-й строки после правки: «От моря, моря, моря синего». [2] В *пз* строка вычеркнута. [3] В *пз* строка вычеркнута, в *бз* отсутствует. [4] *Бз*: «от того же озера». [5] *Пз*: исправлено: «соежжал<исе>. [6] *Пз*: строка вычеркнута. [7] *Пз*: исправлено на «ле». [8] *Бз*: «сердечушко». [9] *Бз*: «Косподу». [10] *Бз*: «Иордани реке». [11] *Бз*: «едет». [12] *Бз*: «молодцы». [13] *Бз*: «киевской». [14] *Бз*: «Бог». [15] *Бз*: «садилиси». [16] *Бз*: «Не может Владимир сиджучи». [17] *Бз*: «не может». [18] *Бз*: «гой». [19] *Бз*: «стоючи». [20] *Бз*: «молодцы». [21] *Бз*: «дороженьку». [22] *Бз*: «киевской». [23] «высоёвилась»: второе «в» в *пз* вычеркнуто. [24] *Пз*: строка вычеркнута. [25] Далее в *пз* отточием отмечен пропуск двух строк.

Былина о сорока каликах

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 1, ед. хр. 3, л. 1—2. Записано от М. А. Красиковой, 32 лет, в с. Карьеполье Пинежского уезда Архангельской губ. в 1921 г. Беловая запись чернилами на больших листах бумаги нестандартного формата 220×350 мм. Былина озаглавлена: «стих». Началу былин соответствует запись: ФВ 797. 02 (см. примечание А. Д. Троицкой к напеву 2).

[1] Примечание О. Э. Озаровской: «Далее рассказчица стиха не помнит, передала, что Мих<айло> Михайлович был освобожден, так как калики после его закопки в землю не могли никуда уйти, хотя шли два дня: Михайлушко Мих<айлович> рассказал, как очутилась у него братыня князя Владимера, и т. п.».

Лединушка

РО ИРЛИ, кол. 12, п. 6. Старина-пародия, небывальщина (или, как иногда еще называли на Севере, «шутова старина»), в полевой тетради не паспортизована, но, судя по расположению близлежащих текстов, она записана в семье Мелеховых (Мелиховых, как указана эта фамилия в «Алфавитном указателе» «Пятиречия»), скорее всего — от жены сказителя А. С. Мелехова Агриппины, жительницы д. Сояны (на реке Сояне, притоке Кулоя), так как далее следуют фрагменты разговора с нею. Предшествуют небывальщине баллады женского репертуара, очевидно, также от нее записанные.

НАПЕВЫ КУЛОЙСКИХ БЫЛИН

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ)

Публикация **А. Д. Троицкой**

Алена Дмитриевна Троицкая (1951—1994), музыковед-фольклорист, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, внезапно скончалась от сердечного приступа за несколько дней до своего сорокатрехлетия.

Глубокий профессионализм, исключительное владение жанровой системой фольклора предопределили ее незаменимую роль в качестве каталогизатора фондов уникального в стране Фонограммархива Пушкинского Дома. Великолепное знание английского языка способствовало оживлению международных связей Фонограммархива, включению его в программы деятельности ЮНЕСКО (см. некролог в изд.: Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 427—428).

Предлагаемая публикация связана с планами полного комплексного издания звукозаписей знаменитой коллекции 1915—1921 гг. О. Э. Озаровской, участницы экспедиции ГАХН на Русский Север (Пинега, Кулой, Беломорье), а также издания тома «Былины Кулоя» серии «Былины» Свода русского фольклора.

Ольга Эрастовна Озаровская известна в русской фольклористике как собиратель и неутомимый пропагандист народного творчества, однако значение ее деятельности до сих пор не может получить адекватной оценки, так как материалы ее собирательской работы опубликованы далеко не полностью. В фондах Фонограммархива Пушкинского Дома хранится коллекция фоноваликов,[1] записанных О. Э. Озаровской в 1921 г. на Русском Севере,[2] и опись этой коллекции.[3] Записи О. Э. Озаровской являются единственным сохранившимся звуковым

---

[1] ФА ИРЛИ, кол. 12, ФВ 797-891.

[2] См.: Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.//Slavia. 1928. Roč 7, № 2. S. 405—413. Статья содержит подробное описание путешествия и некоторые итоги экспедиции. В ответ появилась реплика А. Д. Григорьева «Мои воспоминания о записи Кулойских былин» (Ibid. № 4. S. 982—983). Историю публикации А. Д. Григорьевым его труда и судьбу материалов см.: Иванова Т. Г. А. Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни»//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 43—60.

[3] ФА ИРЛИ, РФ, п. 60, ед. хр. 2.

материалом, представляющим состояние фольклорной традиции в селениях бассейна р. Кулой в начале 20-х гг. XX в.[4] На Кулое ею записано 53 фоновалика, на которых содержится 140 фрагментов произведений народного творчества; из них 34 звукозаписи эпических произведений (в том числе 17 отрывков былин), свадебные, лирические, хороводные, плясовые песни, сказки, колыбельная и свадебная причеть. Жанровый состав коллекции указывает на стремление собирательницы возможно полнее представить местную фольклорную традицию,[5] причем преобладающее количество эпических жанров указывает на особый интерес О. Э. Озаровской к формам напевной декламации, который, возможно, связан с ее целенаправленными исследованиями в области художественного чтения и речевого интонирования.[6]

Записывая произведения народного творчества, собирательница прежде всего ставила перед собой задачу сохранить уходящие сокровища народной культуры. Это предопределило некоторые особенности ее подхода к материалу, в частности запись небольших фрагментов произведений, недостаточное внимание к научной документации. Краткие отрывки былин не всегда позволяют с достаточной уверенностью определить сюжет, в паспортных данных не указывается отчество исполнителей, весьма приблизительно обозначается возраст, записи датированы только годом, без уточнения месяца и числа.

Публикуемые 17 нотировок былин значительно расширяют наше представление о местной эпической традиции. Звукозаписи, выполненные через 20 лет после А. Д. Григорьева,[7] дают уникальную возможность для изучения бытования эпоса в историческом аспекте. На фонограммах из коллекции О. Э. Озаровской записано 10 сюжетов былин и 3 варианта зачина «Пир у князя Владимира». Все сюжеты были зафиксированы А. Д. Григорьевым. Вольно или невольно,[8] О. Э. Озаровская встретилась с исполнителями, от которых производил записи А. Д. Григорьев. Таких исполнителей четыре: Н. П. Крычаков[9] из д. Карьеполье, Е. К. Мелехов[10] из д. Сояна, Я. Ф. Попов, по прозвищу «Порхаль»,[11] и П. Н. Широкой[12] (оба из д. Долгощелье). Сравнение фрагментов текстов и напевов публикации А. Д. Григорьева с фонозаписями О. Э. Озаровской поражает совпадениями вплоть до деталей, что позволяет говорить о высокой стабильности местного

---

[4] Следующая экспедиция на Кулой, повторившая маршруты А. Д. Григорьева и О. Э. Озаровской, состоялась в 1975 г. (Экспедиция ИРЛИ; ФА ИРЛИ, кол. 272). Записей былин нет.

[5] Озаровская О. Э. Северная экспедиция... S. 405.

[6] Озаровская О. Э. 1) Моей студии: Этюды по художественному чтению. М.; Пг., 1923. Вып. 1; 2) Школа чтеца // Хрестоматия для художников слова и педагогов. М., 1923. Вып. 1.

[7] См.: Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 2. Кулой. Прага, 1939. (В дальнейшем — Григорьев, 2).

[8] У нас нет достоверных фактов о знакомстве О. Э. Озаровской с материалами коллекции А. Д. Григорьева, но отрицать такую возможность нельзя.

[9] В паспорте при ФВ: Никита Кричигин, в описи — Никита Крычагов.

[10] В паспорте при ФВ: Ефим Мелихов.

[11] В паспорте при ФВ: Федор <Попов> Нечаев (Порхаль). См. примеч. к напеву 11.

[12] В паспорте при ФВ: Павел Широкий.

стиля,[13] которая, как правило, свойственна коллективным формам исполнения, зафиксированным, например, на Мезени.[14]

Из 17 напевов 15 относятся к одному ритмосинтаксическому типу, который также преобладает в публикации А. Д. Григорьева.[15] Этот тип напева (13-мерный музыкально-временной период) в ряде исследований отмечается как характерный для кулойско-мезенской традиции, однако имеющий распространение на значительно большей территории Русского Севера.[16] Специфическим признаком для кулойско-мезенского региона является кадансовая формула: 𝅗𝅥 𝅗𝅥 𝅗𝅥 (сравни печорский вариант: 𝅗𝅥 𝅗𝅥 𝅗𝅥), которая здесь принимает различные виды в зависимости от индивидуального стиля исполнителя.

Все напевы этого типа, кроме одного, однострочные. Единственный образец строфической формы представлен напевом 10. Два строфических напева у А. Д. Григорьева (с этим же сюжетом — «Васька-пьяница»)[17] обнаруживают близкое сходство, свидетельствующее о стабильности напева и его твердой прикрепленности к этому сюжету. Кадансовая формула со сменой ритмических долей, которая не встречается на Кулое в однострочных напевах этого типа, в строфической форме способствует более четкой структурной организации строфы.

Другой тип представлен всего двумя напевами (примеры 16, 17). Характеристика этого однострочного типа дана Е. Е. Васильевой на материале собрания А. Д. Григорьева.[18] Его специфической особенностью является сочетание двух- и трехдольности, причем четные и нечетные ритмические фигуры в типовой формуле имеют строго закрепленное место в строке. Само по себе это сочетание не является признаком локальной традиции или жанра, однако часто встречается в эпических напевах Мезени, Печоры и Белого моря. Нарушения

---

[13] Сравни:

настоящая публикация,	Григорьев, 2.
№ 3,	№ 5, с. 62,
№ 11,	№ 76, с. 379, нап. 40,
№ 7,	№ 65, с. 329,
№ 13,	№ 78, с. 396, нап. 42,
№ 15,	№ 85, с. 435,
№ 16.	№ 83, с. 428, нап. 45.

[14] См.: Былины. Русский музыкальный эпос/Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. № 50. С. 264, примеч. на с. 544.

[15] Григорьев, 2, напевы 1—8, 10—15, 19—21, 25—27, 29—30, 35—36, 39—44.

[16] См.: Коргузалов В. В. Музыковедческие аспекты построения свода русского эпоса//Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 123; Селиванов Ф. М., Канчавели Л. Г. Песня на былинный сюжет в Калужской области//Музыкальная фольклористика. М., 1960. Вып. 3. С. 80. Характеристику этого типа с кратким перечнем примеров из различных регионов см. также: Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: Методологические заметки//Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 128, пример д).

[17] Григорьев, 2, нап. 24, 32.

[18] См.: Васильева Е. Е. Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева//Проблемы музыкальной науки: Сб. статей. М., 1979. Вып. 4. С. 148—150. Также отмечен у В. В. Коргузалова в статье: «Музыковедческие аспекты...» (С. 122, формула напева 4).

стабильной ритмической конструкции, фиксация напевов этого типа только у одного сказителя, некоторые особенности исполнения (см. примеч. к напеву 16) позволяют предположить меньшую сохранность напевов этого типа по сравнению с предыдущим.[19]

В основе мелодики напевов обоих типов лежат либо квинтовые, либо квартовые обороты, причем опорный интервал выявляется уже в инципите (см. примеры 1, 2, 5, 6 — квинтовые; 9, 15 — квартовые). Встречаются и переходные типы (пример 8), в которых исполнитель, начав напев как квартовый, постепенно раздвигает мелодический диапазон и меняет опорный тон на квинтовый. Среди интонационных особенностей отмечается переменность III (примеры 3, 9, 5) и повышение IV (примеры 11, 13, 14) ступеней. В отличие от ладовой игры терции, характерной для севернорусского музыкального стиля,[20] повышение IV ступени можно рассматривать как проявление индивидуальной манеры исполнителя (в записях О. Э. Озаровской встречается только у Я. Ф. Попова).

Качество звучания фонограмм далеко от совершенства, однако почти все звукозаписи поддаются расшифровке. Реконструкция фрагментов поэтического текста и напева заключается в квадратные скобки. Незначительные повышения или понижения тона обозначаются стрелками соответственно под и над нотой. Некоторые примеры для удобства чтения транспонированы, что отмечается в комментариях. В поэтических текстах сохраняются только те особенности произношения, которые не соответствуют современным орфоэпическим нормам. Написание прилагательных и местоимений в родительном падеже соответствует их произнесению.

Тексты, зафиксированные О. Э. Озаровской, не всегда точно совпадают с фанограммами, а иногда значительно с ними расходятся. Наличие в них начальных фрагментов, отсутствующих на фоновалике, показывает, что собирательница не расшифровывала текст с фонограммы, а либо фиксировала его в процессе звукозаписи, либо записывала со слов исполнителя, поэтому они прилагаются под литерой «а». В текстах О. Э. Озаровской сохраняются отмеченные ею диалектные особенности, в частности «цоканье» и редукция гласных, хотя они и не всегда прослушиваются на фонограммах. Зачеркнутые собирательницей фрагменты поэтического текста восстанавливаются в угловых скобках.

В комментариях к нотировкам приводятся шифры хранения (инвентарный номер фоновалика и номер записи на валике), фамилия и возраст исполнителя по паспортным данным с привлечением сведений из описи. Место записи указывается единожды для группы напевов, записанных в одном населенном пункте. Заголовок дается по паспорту при фоновалике. Если у собирателя заголовок отсутствует, то приводится первая строка текста. Для удобства читателя перечислены сюжеты с аналогичным зачином по кулойскому тому А. Д. Григорьева.

---

[19] Аналогичное явление наблюдается на Мезени. См.: Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 3. Мезень. СПб., 1910; Песенный фольклор Мезени. Л., 1967.

[20] «Щегольская игра различно окрашенных ступеней» в эпических напевах Кулоя отмечена Е. Е. Васильевой. См.: Васильева Е. Е. Композиция однострочных эпических напевов... С. 155.

1

♩ = 54

[Да во то- м(ы) же во го-] ро- де во Ки- [е-] ве,

У то- го же у кня- зя да у В(ы)- ла — ди- ме- ра

Со- би- ра- лось пи- ро- вань- и- цо, ста- л(ы) по — че- стен пир.

И- ще все ле на пи- ру да пья- ны — ве- се- лы...

[Да во том же во го]роде во Ки[е]ве,
У того же у князя да у Владимера
Собиралось пированьицо, стал почестен пир.
Ище все ле на пиру да пьяны-веселы...

1а

Да во том жа во городе во Киеве,
Да у того жа князя Владимира
Собиралось пированьцчё почесен пир.
Да ишше все ли на пиру пьяны-веселы...

2

♩ = 52

[И-] шо от мо- ря, мо- ря да мо- ря си- не- го,

От то- во же от о- зё- рыш- ка гу- си — на- го,

От то- во же от кре- ста да Ле- ва — ни- до- ва...

[И]шо от моря, моря да моря синего,
От тово же от озёрышка гусинаго,
От тово же от креста да Леванидова...

2а

Иша от моря, моря да моря синего,
От того же от озёрышка гусиного,
От того же от креста Леванидова...

3

♩ = 56

...Вла- ди- ми- ра кня- зя...

Да за- во- ди- л(ы)- са по- че- стён тут [пир]...

За- во- ди- л(ы)- ся по- че- стё- н(ы) пир

Да про мно- ги- ех кие- зей, про кни- зей, бо- я- ру- шук,

Да про те- х(ы) да хре- стья- ну- шок про- жи- то- чьих.

Е- щё все ле на пи- ру да на- пи- ва- ле- си,

Е- щё все те на чес- ном да на- е- да- ле- си...

...Владимира князя...
Да заводилса почестён тут...
Заводился почестён пир
Да про многиех кнезей, про книзей боярушук,
Да про тех да хрестьянушок прожиточьих.
Ещё все ле на пиру да напивалеси,
Ещё все те на чесном да наедалеси...

4

♩ = 58

А п(ы)- ре- жде Ре- за-н(и) да сло- бо- дой слы- ла,

Е- щё но- ни- че в Ре- за- ниш-ки в слав-ном го- ро- ди

А жи- л(ы) ли Не- ки- туш- ка Ро- ма- но- вич.

Не со- ста-рил-ся Не- ки- туш- ка пре- ста- вил- ся.

А прежде Резань да слободой слыла,
Ещё нониче в Резанишки в славном городи
А жил ли Некитушка Романович.
Не состарился Некитушка — преставился.
Он с...

4а

А прежде Резань да слободой слылась,
Ишшо нониче Резанюшки в славном городи
Жил да Микитушка Романович.
Не состарился Микитушка — приставился.

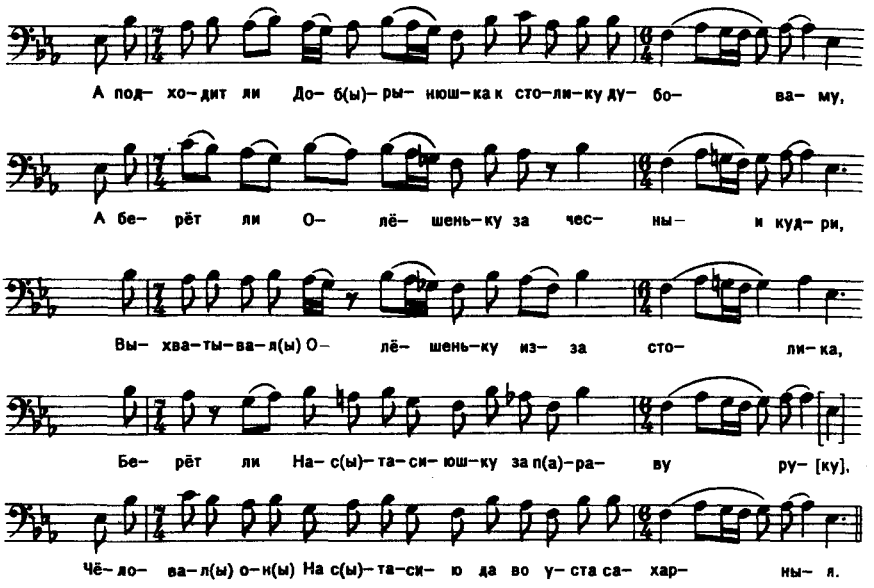
5

♩ = 68

[А под- хо-дит ли До- б(ы)-ры- нюш-ка к сто-ли-ку] ду- бо- ва- му,

Бе- рёт ли О- лё- ше-н(и) -ка...

Да бе- рёт ле ка О- лё- шень-ку за чес- ны- и куд- [ри],

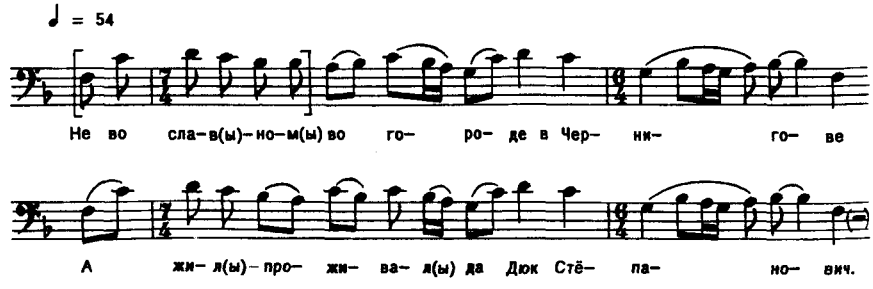


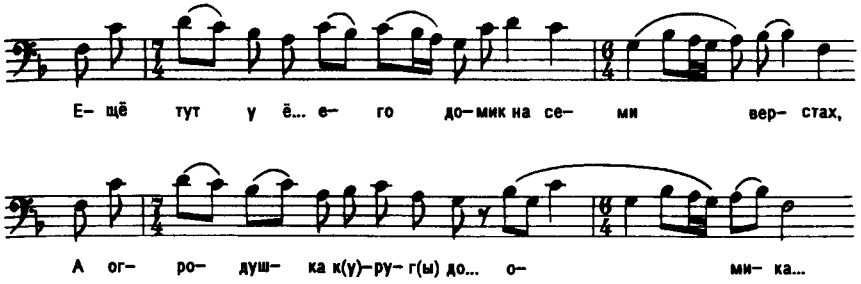
[А подходит ли Добрынюшка к столику] дубоваму,
Берёт ли Олёшенька...
Да берёт ле ка Олёшеньку за чесныи куд[ри],
А подходит ли Добрынюшка к столику дубоваму,
А берёт ли Олёшеньку за чесныи кудри,
Выхватывал Олёшеньку из-за столика.
Берёт ли Настасиюшку за праву ру[ку],
Чёловал он Настасью да во уста сахарныя.

5а

А подходит де Добрынюшка ко столику дубовому,
Берёт Олёшеньку да за чесны кудри,
Выхватывал Олешеньку из-за столика.
Берёт Настасьюшку за праву руку,
Чёловал он Настасьюшку во уста сахарныя.

6



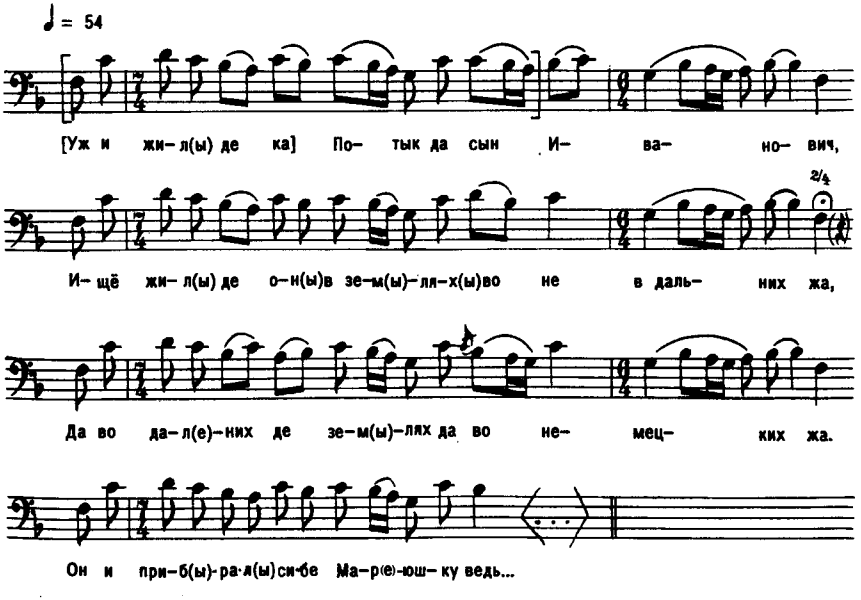


Не во славном во городе в Чернигове
А жил-проживал да Дюк Стёпанович.
Ещё тут у ёго домик на семи верстах,
А огродушка круг домика...

6а

А во славном во городе Чернигови,
А жил <де> проживал де Дюк Стёпанович.
Ишшо тут у его домик на семи верстах,
А оградочка была круг домика...

7



[Уж и жил де ка] Потык да сын Иванович,
Ищё жил де он в землях во не в дальних жа,
Да во дальних де землях да во немецких жа.
Он и прибрал сибе Марьюшку ведь...

7а

Уж и жил де ка Потык да сын Иванович,
Ишшо жил де он в землях в дальних жа,
А во дальних землях да во немецких жа.
Он и прибрал сибе Марьюшку—лебедь белую.

8

♩ = 76

Вы- па- да- ла по- рош- ка да сне- ш(и)- ку бе- ло- го,

Да по- то- й(и) ле по- рош- ке, да по бе- лу с(ы)- иеш- ку

Да не за- юш- ко ска- ка- л(ы), да не бе- л(ы) го- р(ы)- но- сталь,

И- що шё- л(ы) да про- шё- л(ы) да до- б(ы)- рой мо- ло- дец

5/8

Да по и- ме- ни Чу- ри- л(ы)- ко да блад ведь Плё- и(ы)- ко- веч.

Он хо- дил- гу- ляя Чу- ри- я(ы)- ко да по чу- жи- м(ы) до- мам...

Выпадала порошка да снешку белого,
Да по той ле порошке, да но белу снешку
Да не заюшко скакал, да не бел горносталь,
Ищо шёл да прошёл да доброй молодец
Да по имени Чурилко да блад ведь Плёнковеч.
Он ходил-гулял Чурилко да по чужим домам...

8а

Выподала порошка да снежку белого,
Да по той де порошки да по белу снежку
Да не заюшко скокал, да бел горносталь,
Да и шол прошол да удалой молодец

Да по имени Чурила да <Плекович молодой Пленкович>
ведь Пленкович
Да ходил Чурилко по чужим домам...

9

♩ = 68

[Го- во- рит- то Ве-] ча- ра – све- т(ы) Ла- зорь- е- вич:

„Я ведь зна- ю: есть у кня- зя да у Да- ни- луш- ка,

Е- щё есть тут у не- го да мо- ло- да жо- на,

Мо- ло- да- я ведь жо- на да вот О- прак- се- я.

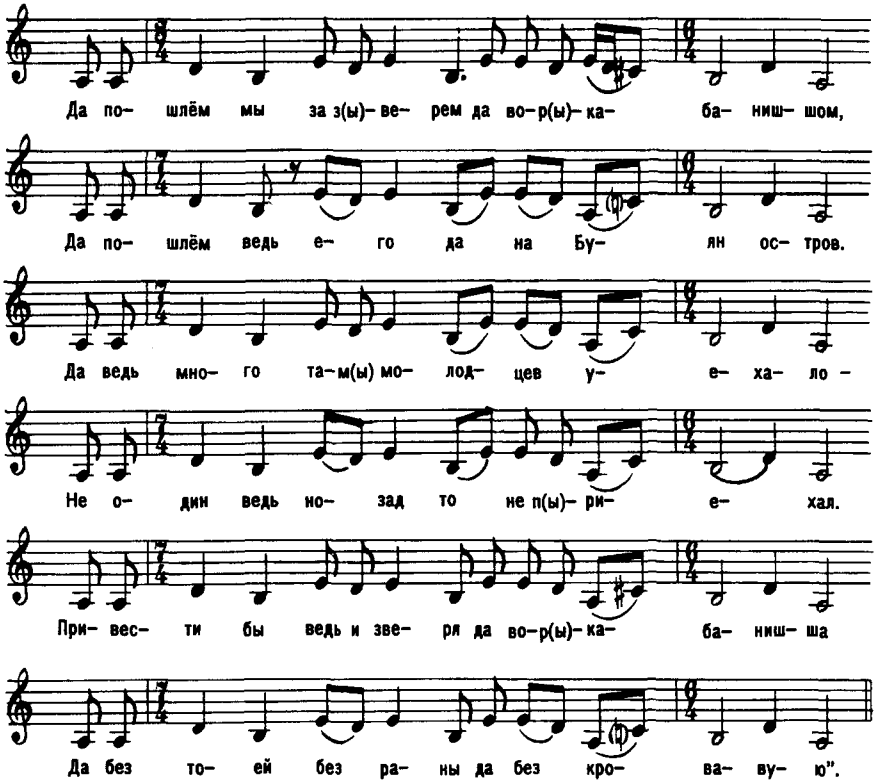
Да по- ход- ка у ей бы- ла пав- ли- на- я,

Да ведь ти- ха- то речь да ле- бе- ди- на- я,

Да ведь яс- ны- ти г(ы)- ла- зы да как у со- ко- ла".

[„Да ведь как жа ведь] мо- жно жи- ва му- жа же- ну от- нять?"

„Со- зо- вём мы е- го да [на по-] це- сек пир,



[Говорит-то Вечара] — свет Лазорьевич:
«Я ведь знаю: есть у князя да у Данилушка,
Ещё есть тут у него да молода жона,
Молодая ведь жона да вот Опраксея.
Да походка у ей была павлиная,
Да ведь тиха-то речь да лебединая,
Да ведь ясны-ти глазы да как у сокола».
[«Да ведь как жа ведь] можно жива мужа жену отнять?»
«Созовём мы его да [на по]цесен пир,
Да пошлём мы за зверем да вор-кабанишшом,
Да пошлём ведь его да на Буян-остров.
Да ведь много там молодцев уехало —
Не один ведь нозад-то не приехал.
Привести бы ведь и зверя да вор-кабанишша
Да без тоей без раны да без кровавую».

9а

Говорит тут ведь Веча да сын Лазурьевич:
«Я ведь знаю: есть у князя да у Данилушки,
Ишша есть у его да молода жёна,
А есь молода жёна да Опраксея.
Походоцька была бы у ей павлиная,

Да ведь тихая речь да лебединая,
Да ясны те глаза как у сокола».
«А как жа можно у жива мужа жёну отнять?»
«Созовём мы его да на поцесен пир,
Да пошлем же его за зверем да вор-кабанишшом,
Да пошлем его на Буян-остров.
<За тем же за зверем да>
Да много там молодцов да уехало,
Не один ведь назад да не приехал.
Привести бы ведь зверя ды вор-кабанишша
Без тоей без раны без кровавоей».

10

♩ = 68

[Не из Ша- хо- ва из го-] ро- да из Ля- хо- ва-(у)

Е- щё шло де про- шло да два гне- дых ту- ра,

Да два гне- дых ту- ра да эла- то- ро- ги- я-(у).

А два гне-ды-е ту- ра да эла- то- ро- ги- я, ох,

Им на- встре- чу ту- ри- ца-ро-д(ы)на-я ма- туш- ка.

[Не из Шахова из го]рода — из Ляхова
Ещё шло де прошло да два гнедых тура,
Да два гнедых тура да златорогия.
А два гнедые тура да златорогия,
Ох, им навстречу турица — родная матушка.

10а

Не из Шахова города — из Ляхова
Шло де прошло два гнедых тура.
Два гнедых тура,
Два гнедые тура злоторогия.
Им навстречю туриця — родная матушка.

11

♩= 84

[О- т(ы) мо- ря, мо-] рюш-ка(й)от си- не- го,

От- то- го же о-т(ы) ка- меш-ка от Ла- ты- ря,

А от то-й(и) же от ба- буш-ки от Зла- ты- (а)- го-р(ы)-ки.

Уж как бы-ло у ей ча- ды-ш(и)-ко ле- би- (э)- мо- ё,

Уж как ми-ло ей- но ча- ды-ш(и)-ко лю- би- (э)- мо- ё,

А лю- би- мо-ё- то ча- ды-ш(и)-ко Со- ко- л(и)-ни- чок.

[От моря, мо]рюшка от синего,
От того же от камешка от Латыря,
А от той же от бабушки от Златыгорки.
Уж как было у ей чадышко лебимоё,
Уж как мило ейно чадышко любимоё,
А любимоё-то чадышко Сокольничок.

11а

От моря, морюшка синего,
От того жа камешка от Латыря,
От тоёй жа от бабушки Златыгорки.
Уж как было чадушко любимоё,
Уж как любимое чадушко Сокольничёк.

12

♩ = 80

[И о- ста- ло- се у] Не- ки- ты ро- ди- ма се-м(и)-я,

А лю- би- ма- я се- ме- юш-ка мо- ло- да жо- на,

Мо- ло- да же- на О- ме- я(и)-фа да Ти- мо- фе- е- в(ы)-на.

А о- ста- л(ы)- ся До- бры- нюш-ка две- над- цать лет.

А по- шё- л(ы) ко Вла- ди- ме- ру во слу- же- ни-йи- цо.

Уж как три го- ды До- бры- нюш-ка- то клюш- ни- чал,

Уж как три- го- ды До- бры- нюш- ка под- во- ро- тни- чал...

[И осталосе у] Некиты родима семья,
А любимая семеюшка — молода жона,
Молода жена Омельфа да Тимофеевна.
А остался Добрынюшка двенадцать лет,
А пошёл ко Владимеру во служеньицо.
Уж как три годы Добрынюшка-то клюшничал,
Уж как три годы Добрынюшка подворотничал,
Уж как...

12а

И осталосе у Микиты любимая семья,
А любимая семеюшка — молода жона,

Молода жона Омельфа Тимофеёвна.
А осталосе Добрынюшка двенадцать лет,
Пошёл Добрынюшка в услуженьицё.
Три года Добрынюшка ключ^{ш}ни^{ц}чал,
Три года Добрынюшка подворотни^{ц}чал.

13

♩=84

Как от мо- ря, мо- ря, мо- рюш-ка от си- не- го

Со- би- ра- ли- сэ ка- ли- ки со- ез- жа- ли- ся.

Е- щё со- рок ли- (а) ка- лик до са ка- ли- (а)-ко- ю

Ко то- му ли- (а) кре- сту-(а) да Ле- а- ва- ни- до- ву.

Со- би- ра- ли- ся ка- ли- ки ро... ров-но три- (а) го- да...

Как от моря, моря, морюшка от синего
Собиралисэ калики соезжалися.
Ещё сорок ли калик до са каликою
Ко тому ли кресту да Леванидову.
Собиралися калики ро... ровно три года...

13а

Уж как от моря, морюшка синего
Собиралисе калики соежжалисе,
Ишша сорок калик со каликою.
Собиралисе калики да ровно три года
Ко тому же кресту да к Леванида<ву>.

14

♩=72

За- во- ди- лось пи- ро- ва- ни- е- цо по- че- сё-н(ы) пир

У то- го ле у к(ы)- ня- зя в(у) В(ы)-ла- ди- ми- ра.

Е- щё все ли на пи- ру да на- пи- ва- ле- ся,

Уж как все на че- с(ы)-ном ну да на- е- да- ле- ся,

А Вла- ди- мер от по г(ы)- ри- нюш- ке по- ха- жи- вал.

Заводилось пированьецо почесён пир
У того ле у князя у Владимира.
Ещё все ли на пиру да напивалеся,
Уж как все на чесном ну да наедалеся,
А Владимер-от по гринюшке похаживал.

14а

Заводилось пированьицё почесен пир
У того же у князя у Владимера.
И<шо> все на пиру напивалисе,
Ишшо все на чесном наедалисе,
А Владимер по гриднюшки похаживал.

15

♩= 108

А и пер- ва- то по- езд- ка бо- га- дир- ска- я

А ста- ра ка- за- ка да И- льи Му- ром- ца.

По- ез- жал он и- з(ы) го- [ро-] да и- з(ы) Му- ро- ма,

А при- га- ни- вал сво- ю сбру- юш- ку ко стре- ме- нам.

А и перва-то поездка богадирская
А стара казака да Ильи Муромца.
Поезжал он из го[ро]да из Мурома,
А приганивал свою сбруюшку ко стременам.

15а

Перва поездочка богатырская
А стара казака да Ильи-Муромца.
А поехал он из города из Муромца.
Поежжал он из города из Мурома,
А прикаjивал свою сьрушку богатырскую.

16

♩= 108

А во том бы- ло во го- ро- ди во Га- ли- чи -

♩= 66

Жил- то здесь был да Дьюк Стё- па- но- вич.

Ай бы- ло у Дю- ка всё- у- стро- е- но,

Ай бы- ло у Дю- ка всё у- де- ла- но:

[Вы-] со- кой был двор да на се- ми вер- стах.

А во том было во городи во Галичи —
Жил-то здесь был да Дьюк Стёпанович.
Ай было у Дюка всё устроено,

Ай было у Дюка всё уделано:
[Вы]сокой был двор да на семи верстах.

16а

Во том было во городи во Галичи
Было у Дюка все устроено,
Было у Дюка все уделано,
Широкой был двор на семи верстах.

17

♪= 228

На- ки- нем на е- го служ- бу те- жё- лу- ю,

А ко- то- рой е- му служ- бы не со- слу- жить бу- дёт:

А сколь- ко ведь на о- стров у- е- ха- [ло,]

А с о- стро- ва взад да не вы- ез- [жи-] ва- ло.

О- ста- нет- ся у е- го да мо- [ло-] да [же-] на

По и- ме- ни На- ста- сья Ли- хо- де- ев- на.

О- на ро- стом не ма- ла и у- мо- м(ы) чё- сна.

Накинем на его службу тежёлую,
А который ему службы не сослужить будёт:
А сколько ведь на остров уехало,
А с острова взад да не выез[жи]вало.

Останется у его да мо[ло]да [же]на
По имени Настасья Лиходеевна.
Она ростом не мала и умом чёсна.

17а

Накинем на его службу тяжёлую
А которой ему службы не сослужить будё.
А сколько на остров уежживало и назад не выежживало.

КОММЕНТАРИИ К НОТИРОВКАМ

Все звукозаписи выполнены О. Э. Озаровской в 1921 г.

Напевы 1—3 записаны в д. Карьеполье Пинежского р-на Северного края «ныне Мезенский р-н Архангельской области».

1. Да во том же во городе во Киеве... ФВ 797. 01. Марья Красикова, 40—45 лет. Краткость фрагмента не позволяет определить сюжет былины. Полный поэтический текст с аналогичным зачином от той же исполнительницы см: наст. изд., публикация Т. А. Новичковой, с. 345, далее: Новичкова с указанием страницы. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Охрана Добрыней Киева и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича — 35 (247), нап. 21; Бой с богатыршей, женитьба на ней и отъезд Добрыни за данью и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича — 68 (280); Добрыня на заставе и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича — 82 (294), нап. 44; Женитьба Добрыни (Иван Годинович) — 67 (279); Дунай — 5 (217), 8 (220), нап. 4, 33 (245), 70 (282), 72 (284), нап. 39, 86 (298); Дунай сватает невесту князю Владимиру — 15 (227); Иван Годинович — 6 (218), 88 (300); Потык — 50 (262), нап. 25; Данило Игнатьевич — 4 (216), нап. 3; 22 (234), 40 (252); Данило Перемякин (Игнатьевич) — 63 (275); Мекитушко (Данило) Егнатьевич — 80 (292), нап. 43, 84 (296); Сухматин Етихматович — 62 (275), нап. 36; Данило Игнатьевич и его сын Михайло — 19 (231), 77 (289), нап. 44, 81 (293); Васька-пьяница и Курган-царь — 7 (219); Женитьба молодца — 79 (291).

2. Ишо от моря, моря да моря синего... ФВ 797. 02. Марья Красикова, 40—45 лет. Текст см.: Новичкова, с. 368. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Молодость Сокольника... — 76 (288), нап. 40, 87 (299); Сорок калик со каликою — 3 (215), 9 (221), нап. 5, 27 (239), нап. 14, 43 (255), 75 (287), 78 (290), нап. 42.

3. Пир у Владимира. ФВ 823. 01. Никита Кричигин, ок. 80 лет. В описи: Никита Крычагов. Встреча с исполнителем в 1916 г. и работа с ним в 1921 г. описана О. Э. Озаровской в статье «Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.» (Slavia. 1928. Roč. 7, № 2. S. 408), где он упоминается под фамилией Кырчигин. Контекст статьи не позволяет усомниться, что именно этот исполнитель записан А. Д. Григорьевым (см.: Григорьев, 2, с. 61 — Крычаков). Озаровской от него же записан духовный стих «Алексей, человек Божий». Сравнение фрагмента публикуемой записи с публикацией А. Д. Григорьева позволяет предположительно атрибутировать отрывок как начало былины «Дунай». Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: см. коммент. к нап. 1.

Напевы 4—10 записаны в д. Сояна Пинежского р-на Северного края (ныне Мезенский р-н Архангельской области).

4. Добрыня Никитич и поездка его в Киев. ФВ 831. 01. Ефим Мелихов. Дополнительные данные об исполнителе см.: Григорьев, 2, с. 316. А. Д. Григорьевым от него также записаны былины: Сухматин Етихматович, Данило Перемякин, Камское побоище, Потык. Кроме публикуемых былин О. Э. Озаровской записаны духовный стих «Адрик» и песня «На горы два дома рядом». Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Бой Добрыни с Ильей Муромцем — 42 (254), 54 (266), нап. 29; Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем — 17 (229), 23 (235), нап. 11; Добрыня и Змей и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича — 89 (301); Бой Добрыни с Дунаем — 14 (226), 69 (281).

5. Добрыня Никитич и Алеша Попович (конец былины). ФВ. 830. 01. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 4.

6. Дюк Степанович. ФВ 831. 02. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 4. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Дюк Степанович — 18 (230), нап. 10, 45 (257), 51 (263), нап. 26, 83 (295), нап. 45, 90 (302).

7. Потык. ФВ 831. 03. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 4. Все напевы, записанные от Е. Мелихова, отличаются своеобразным ритмическим оформлением типового каданса (см. напевы 4—7). Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: 65 (277).

8. Чурило Пленкович. ФВ 832. 01. Степан Крапивин, ок. 50 лет. Напев транспонирован на полтона вниз. Полный текст см.: Озаровская О. Э. Пятиречие. Л., 1931. С. 124—127. От него же О. Э. Озаровской записан духовный стих «Егорий». Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Чурило и неверная жена Перемяки — 26 (238), 56 (268), нап. 31

9. Вор Кабаньище (со слов «Говорит тут ведь Веча да сын Лазурьевич»). ФВ 827. 01. Анна Мелихова, 35 лет. Фрагмент из середины былины. Начало и окончание текста на фонограмме отсутствуют. Полный текст опубл.: Озаровская О. Э. Пятиречие. Л., 1931. С. 55—59. Фрагмент записи опубл.: Былины. Русский музыкальный эпос//Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов М., 1981. № 45. С. 241. В примеч. к напеву (с. 543) ошибочно указан номер фоновалика. От этой же исполнительницы О. Э. Озаровской записаны: духовный стих «Алексей, человек Божий»; лирические песни «Из-под камешка, камня серого», «Ты детинушка-сиротинушка», «Шел Иванушка долиною»; свадебные песни «По утру по ранному», «Из-за моря, моря синего»; плясовая «Из-под дубу, дубу» (в ансамбле с Николаем Мелиховым).

10. Не из Шахова города — из Ляхова... ФВ 837. 01. Алексей Мелихов (в приложенном к фоновалику тексте указано отчество — Степанович). Пример строфического напева (ср.: Григорьев, 2, нап. 24, 32). Полный поэтический текст см.: Новичкова, с. 366. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Васька-пьяница... — 15 (237), нап. 13, 38 (250), нап. 24, 58 (270), нап. 32.

Напевы 11—17 записаны в д. Долгощелье Мезенского р-на Северного края (ныне Мезенский р-н Архангельской области).

11. От моря, морюшка синего... ФВ 835. 01. Федор <Попов> Нечаев (Порхаль). В тексте при фоновалике местом записи указано Карьеполье, исполнитель — Нечаев (Порхаль) из Долгощелья. На ФВ 834, записанном от того же исполнителя, после окончания музыкального фрагмента прослушивается фраза: «Поёт Яков с Долгой Щельи... Фёдоров Попов». А. Д. Григорьевым опубликованы былины, записанные от Якова Федоровича Попова, 50 лет, по прозвищу Якунька Порхаль. Сведения о нем см: Григорьев, 2, с. 378. Сопоставление возраста исполнителей, сравнение текстов и напевов позволяет утверждать, что это одно и то же лицо. Напев транспонирован на полтона вниз. Фрагмент текста предположительно см: Новичкова, с. 368. Кроме опубликованных былин от этого же исполнителя О. Э. Озаровской

записаны духовные стихи: «Два Лазаря», «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы», «Егорей», «Ходил человек», «Расставанье души с телом». Григорьевым опубликованы записанные от него былины: «Молодость Сокольника», «Первая поездка Ильи Муромца», «Дунай», «Сорок калик со каликою», «Данило Игнатьевич и его сын Михайло». Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: Молодость Сокольника — 76 (288), нап. 40, 87 (299).

12. Добрыня Никитич. ФВ 838. 02. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 11. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2 см.: коммент. к нап. 4.

13. Уж как от моря, морюшка синего... ФВ 835. 02. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 11. Напев транспонирован на полтона вниз. Текст см.: Новичкова, с. 368 и коммент. с. 379. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2, см.: коммент. к нап. 2.

14. Заводилось пированьице почесен пир... ФВ 838. 01. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 11. Предположения об атрибуции сюжета см.: Новичкова, с. 377. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: см. коммент. к нап. 3.

15. Илья. ФВ 839. 01. Павел Широкий, ок. 65 лет. В паспорте при фоновалике местом записи указана д. Великий Двор на р. Пинеге. В описи — Долгощелье Мезенского р-на. А. Д. Григорьевым в д. Долгощелье произведены записи от Павла Никифоровича Широкого, 50 лет. Сравнение репертуара, текстов и напевов былин позволяет утверждать, что это одно и то же лицо. Кроме опубликованных здесь былин О. Э. Озаровской от него записаны: духовный стих «День Христова рожденья»; песни: «Как пошли наши подружки», «Как задумал меня батько», «Мы во Питере живали», «Ехали солдаты». А. Д. Григорьевым от него записаны: «Добрыня на заставе», «Дюк Степанович», «Мекитушка Игнатьевич». Дополнительные сведения об этом исполнителе см.: Григорьев, 2, с. 424. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2: 73 (285), 85 (297).

16. Во том было во городи во Галичи... ФВ 839. 02. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 15. Фрагмент былины спет без перерыва после предыдущего, этим объясняется постепенное формирование структуры напева. Григорьевым эта былина также записана от П. Н. Широкого см.: Григорьев, 2, 83 (295), нап. 45. Напевы очень близки, хотя зафиксированный А. Д. Григорьевым имеет более типичную и стабильную ритмическую структуру. Былины с аналогичным зачином по Григорьеву, 2, см.: коммент. к нап. 6.

17. Микита Игнатьевич. ФВ 839. 03. Сведения об исполнителе см. коммент. к нап. 15. Фрагмент былины из середины. Начало и окончание текста отсутствуют. Напев транспонирован на полтона вверх.

ЭПИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ ОБОНЕЖЬЯ В ЗАПИСЯХ 1926—1934 ГОДОВ

Публикация А. Ю. Кастрова

Собрание поэтических текстов русского эпоса Обонежья, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, широко представлено в научных публикациях.[1] Его основу составляют материалы экспедиций 1926, 1931—1932 гг., дополненные записями В. Н. Всеволодского-Гернгросса, выполненными в Петрограде (1921 г.). Менее известна коллекция звукозаписей обонежских сказителей, собранная в тот же период стараниями различных фольклористов. Записи, произведенные на фонографических цилиндрах, хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ. В научный оборот вошли содержащиеся в указанных изданиях единичные нотные расшифровки фонограмм. Их количество было расширено за счет нотаций, представленных в тематических антологиях 1960—1980-х гг.[2] Однако опубликованные напевы не исчерпывают всего фонографического собрания обонежского эпоса. В круг неизданных материалов входит значительное число музыкальных образцов баллад и духовных стихов, ознакомление с которыми может дополнить устоявшиеся представления о напевной системе олонецкой эпической традиции.

За пределами настоящей публикации остаются образцы музыкального эпоса из обширного фонографического фонда ученого-лингвиста С. И. Бернштейна, материалы которого нуждаются в специальной разработке и самостоятельном издании. Принимая участие в комплексной экспедиции Крестьянской секции Государственного института истории искусств (ГИИИ), проводившейся на территории Обонежья в 1926 г., собиратель (совместно с Т. В. Поповой) работал автономно, согласно собственному плану и маршруту. Целенаправленная деятельность по

---

[1] Былины Севера. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье/Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951 (далее: Астахова, 2); Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева/Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

[2] Исторические песни XIII—XVI веков/Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. Нотные приложения № 36—39, 42, 43; Исторические песни XVII века/Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. Нотные приложения № 2, 4, 5; Былины: Русский музыкальный эпос/Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.,1981 (далее: Былины). № 1, 10—13, 15а, 132.

выявлению обонежских сказителей и звуковой фиксации образцов нарративных форм принесла ощутимые результаты: из 60 фоноваликов, записанных С. И. Бернштейном в экспедиции, 34 содержат напевные фрагменты 27 эпических текстов.[3] Группа музыковедов — сотрудников ГИИИ, входивших в состав участников данной экспедиции и осуществлявших звукозапись, ориентировалась на фиксацию образцов местной музыкальной культуры в многообразии ее современных форм.[4] В состав группы, возглавляемой известным музыковедом, ученым секретарем ГИИИ А. В. Финагиным, входили З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус.[5] Незначительность числа звукозаписей эпических напевов (из общего числа 50 фоноваликов на 5 из них записано 8 музыкальных инципитов) обусловлена в первую очередь широтой научно-собирательских интересов членов группы. Однако, на наш взгляд, отсутствие музыкальных аналогов большинству записанных филологами эпических текстов представляется следствием методических просчетов в работе собирателей, многие из которых впервые принимали участие в экспедиции. Применение метода автономной фиксации вербальных и музыкальных компонентов фольклорных текстов, традиционно бытующих в напевной форме, объективно вызывало раскоординированность в действиях групп филологов и музыковедов.[6] Последние также вели запись полных поэтических текстов к музыкальным образцам, зафиксированным с помощью фонографа.

В комментариях к нотировкам некоторых песен, записанных в экспедиции 1926 г. и подготавливаемых З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиусом к публикации (см.: ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, ед. хр. 63, 78), встречаются отсылки к полным поэтическим текстам, находящимся в полевых тетрадях собирателей. Однако в Фольклорном архиве РО ИРЛИ указанные материалы отсутствуют. Место их нахождения неизвестно.[7]

По прошествии 6 лет работа по обследованию фольклорной традиции Обонежья была возобновлена благодаря инициативе А. М. Астаховой. В течение 1931—1932 гг. состоялась серия экспедиций, организованных Отделом народного твор-

---

[3] Годом позже, во время пребывания Н. С. Богдановой и П. И. Рябинина-Андреева в Ленинграде, им было записано несколько эпических напевов.

[4] См.: Гиппиус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья//Крестьянское искусство СССР: Сб. Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств: Искусство Севера. Т. 1. Заонежье. Л., 1927. С. 147—164.

[5] Отсутствие в паспортной документации к фонограммам фамилии А. В. Финагина находится в противоречии с записями в дневнике экспедиции (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 11, ед. хр. 2), данными официального отчета о результатах экспедиции (см.: Крестьянское искусство... С. 7), а также сведениями мемуарного порядка (см.: Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 3—51). В комментариях к настоящей публикации указывается фамилия руководителя группы МУЗО, как одного из соавторов звукозаписей 1926 г.

[6] Н. П. Колпакова придерживается иной точки зрения (см.: Колпакова Н. П. У золотых родников... С. 47, 51).

[7] Аналогичная судьба постигла рукописи З. В. Эвальд, содержащие поэтические тексты, которые были выполнены собирательницей в нескольких экспедициях на Русский Север (1926—1931 гг.). Очевидно, в отличие от остальных участников экспедиций, собиратели полагали излишней передачу в архив полевых тетрадей.

чества Института по изучению народов СССР (ИПИН) совместно с Карельским научно-исследовательским институтом (КНИИ).[8] В двух экспедициях, маршрут которых проходил по территории северо-восточного Обонежья (включая деревни Кижской и Сенногубской волостей), производилась звукозапись. Собирателям удалось не только повторить некоторые из звукозаписей С. И. Бернштейна, но также запечатлеть с помощью фонографа уникальные образцы старин в исполнении заонежских и пудожских сказителей.[9] К сожалению, слуховые записи поэтических текстов производились не синхронно фонографическим. В ряде случаев временной разрыв между фиксацией напевного инципита и полного поэтического текста доходил до одного года, поскольку собиратели не дублировали тексты, записанные летом 1931 г. М. Б. Каминской и Н. Котляровой. В период экспедиции фольклористам не удалось встретиться с известным к тому времени пудожским сказителем Ф. А. Конашковым. Первые фонограммы сказителя, датированные 1934 г., выполнялись во время его пребывания в Ленинграде. За один день (15 января) Е. В. Гиппиусом были записаны образцы напевов двух былин: «Добрыня и Алеша», «Чурило Пленкович» (ФА ИРЛИ, ФВ 3499. 01—02), духовного стиха «Вознесение» (ФА ИРЛИ, ФВ 3498) и песни «Кудри мои, кудри» (ФА ИРЛИ, ФВ 3497).

Обращение к материалам различных фольклорных экспедиций, осуществлявших в 1920—1930-х гг. на территории Обонежья активную собирательскую деятельность, позволяет отметить наличие некоторых характерных для того времени упущений в полевой работе. В стремлении к фиксации максимально большего числа фольклорных текстов участники экспедиции не всегда уделяли должное внимание проблемам традиционного бытования напевных форм эпоса, наблюдениям над местными особенностями их исполнения. Поэтому факты существования артельного сказительства в Обонежье[10] не получили надлежащего обобщения. Основываясь на рассмотрении единичных фонограмм, зафиксировавших формы артельного сказительства, а также записей поэтических текстов, выполненных от исполнительских коллективов, учитывая разрозненные замечания, содержащиеся в комментариях к эпическим текстам, и привлекая современные этнографические материалы, можно составить определенное представление о ныне утраченной традиции артельного исполнения напевного эпоса, существовавшей некогда на территории Олонецкого края.

Согласно воспоминаниям местных старожилов, детство и юность которых пришлись на период 1-й четверти XX в., эпические баллады и духовные стихи имели наиболее широкое бытование в женской среде. Обозначаемые обобщенным термином «стихи», они традиционно исполнялись в начальные недели Великого поста крестьянками среднего и преклонного возраста (реже — девушками), собиравшимися друг у друга в гостях для бесед и рукоделия. Допустимой являлась форма индивидуального исполнения (дома, за работой). «Стихи» можно было услышать в пении различных групп нищих, просивших подаяния на ярмарках или ходивших по дерев-

---

[8] Подробнее см.: Астахова А. М. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933 гг.)//Сов. этнография. 1934. № 1—2.

[9] Среди 207 звукозаписей, выполненных на 51 фонографическом цилиндре, представлены 40 образцов напевного эпоса.

[10] Краткий перечень источников, содержащих сведения по данному вопросу, см.: Кастров А. Ю. Вопросы структурной типологии олонецких нарративных напевов («вепсская мелострофа» и «рунический ритм»)// Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27.

ням в течение великопостных недель, а также — богомольцев, направлявшихся на поклонение в монастыри «по завету».

Результаты структурно-типологического и стилистического анализа напевов обонежских эпических баллад и духовных стихов подтверждают достоверность приведенных сведений. Большинство публикуемых музыкальных форм характеризуется свойственной нарративным напевам коллективной традиции упорядоченностью слогоритмических, временны́х и композиционных параметров. Незначительные нарушения слогоритмических нормативов, выраженные вариативностью долготы первой и последней позиций музыкального периода (№ 4, 6, 7, 9, 10), следует рассматривать в качестве агогических отклонений. Наблюдающееся в ряде образцов возрастание значимости выразительных средств, свойственных рапсодическому стилю, на наш взгляд, обусловлено сменой формы исполнения напевов, традиционно бытовавших в коллективной среде.[11] Указанное явление выражается в тенденции к преодолению слогочислительной упорядоченности стиха и музыкально-временной периодичности напева (№ 11), модификации стабильной формы слогового ритма (№ 5). Один из главных признаков, свойственных артельным эпическим напевам, просматривается в концентрическом способе организации музыкально-поэтической строфы. Каноническая для песенных форм структура «постоянной цепи»[12] наиболее свойственна развитым в интонационно-ладовом отношении напевам строфической композиции, двенадцатимерный музыкальный период которых опирается на силлабический стих десятисложного состава (сдвоенный пятисложник с фиксированным ударением на третьем слоге). Ритмическая конфигурация напевов данной типологической группы базируется на шестимерной форме произнесения пятисложной синтагмы, в которой долготой выделен последний слог (№ 4, 5, 8).[13] На территории Обонежья напевы указанной группы зафиксированы в составе музыкально-поэтических текстов следующих сюжетов: «Алеша Попович и сестра Петровичей», «Голубиная книга», «Мучения Егория», «Егорий и Змей», «Муж жену губил», «Небылица» («Старина сказать»), «Братья-разбойники и сестра». Поэтический текст последней баллады был записан в 1926 г. А. М. Астаховой от группы исполнительниц.[14] Метрическая регулярность стиха с отмеченной собирательницей напевной акцентуацией создает предпосылки для реконструкции музыкальной формы данного образца на основе соотнесения поэтического текста с одним из местных вариантов напева. В некотором противоречии между собой находятся форма исполнения и композиционная струк-

---

[11] Наблюдается при сопоставлении сольных и коллективных версий однотиповых эпических напевов. См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1910. Т. 3. Напевы № 23, 37, 38, 40, 41 — напевы № 16, 20, 21, 46; Песенный фольклор Мезени/Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. Напевы № 208, 238, 256 — напевы № 205, 228.

[12] Термин Б. М. Добровольского (см.: Добровольский Б. М. Цепная строфика русских народных песен//Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 237—247).

[13] Список источников публикаций, исследовательских описаний напевов данного типа и ряд нотных примеров приводится нами в статье: Кастров А. Ю. Вопросы структурной типологии...

[14] Астахова, 2. № 177. В комментарии указаны фамилии двух ведущих исполнительниц. Там же отмечено, что «присутствовавшие женщины подтягивали, но в унисон, без подголосков» (С. 704).

тура стиха баллады, поскольку нарушение композиционного канона более свойственно версиям, записанным от одиночных сказителей (№ 5). Однако при сопоставлении 2-й и 3-й стихотворных строк заметны остаточные элементы концентрической структуры. Вероятно, неповторная форма стиха была избрана шуньгскими певицами для сокращения времени исполнения протяженой баллады.[15]

Одноименные поэтические тексты с регулярной концентрической структурой стиха имеются в материалах онежских экспедиций Государственной академии художественных наук (ГАХН).[16] Принцип цепного соединения поэтических строк наиболее показателен для эпических текстов, конструктивную основу стихосложения которых составляет форма силлабического десятисложника.[17] Цепную структуру стиха эпических текстов, звуковысотный компонент которых не зафиксирован, возможно, следует рассматривать в качестве реликтового признака, указывающего наличие строфической композиции напева и определяющего вероятность реализации данных образцов в артельной форме исполнения. Не случайно собиратели обратили внимание на существование взаимосвязи между возникновением цепной строфики в музыкально-поэтическом тексте и тенденцией к его коллективному исполнению.[18]

Значительно реже встречаются случаи бытования баллады «Братья-разбойники и сестра» с типологически представительным напевом однострочной композиции, характеризующимся восьмимерностью музыкального периода, который охватывает трехиктный тонический стих переменного количественно-слогового состава (№ 6). Объем стиха колеблется от 8 до 15 единиц.[19] В обонежской традиции типологически родственные напевы широко распространены с текстами баллады «Василий и

---

[15] Сходное суждение, касающееся «случаев исчезновения цепи в песне, начатой в указанной форме», высказано Б. М. Добровольским в упомянутой статье (С. 241—242). Также см.: Песенный фольклор Мезени. Коммент. к № 251. Фрагмент музыкально-поэтического текста канонической структуры был записан на Терском берегу от переселенки из с. Шуньга (см.: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Часть вторая. Терский берег Белого моря//Труды муз.-этногр. комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1911. Т. 2. № 47).

[16] Описание текстов А. И. Камериловой из д. Филимониха и А. Моисеевой из д. Тухино см.: Былины-баллады и исторические песни, записанные экспедицией 1926—1928 гг. (не вошедшие в сборник)//Онежские былины/Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948 (далее: Соколов—Чичеров). С. 903, 905.

[17] См.: Соколов—Чичеров. № 58 (Небылица), № 161 («Добрыня и Алеша»), № 189 («Добрыня и Алеша»).

[18] Отмечая различия форм стиха в двух водлозерских версиях былины «Добрыня и Алеша» (сказительницы А. Я. Креховой и ее дочери, Д. Я. Фокиной), В. И. Чичеров акцентировал настойчивое стремление последней привлечь односельчан к исполнению былины (Соколов—Чичеров. № 189. С. 61, 690). Напомним также точку зрения Б. М. Добровольского относительно координации концентрической структуры стиха и строфической формы напева (Добровольский Б. М. Цепная строфика... С. 241—243).

[19] Описание указанного музыкального типа см.: Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: Методологические заметки//Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 128; Беляев В. М. Сборник Кирши Данилова: Опыт реставрации песен. М., 1969. С. 14—21.

Софья» (№ 1, 2, 3) и духовного стиха «Два брата Лазаря» (№ 9).[20] Единичными музыкальными записями представлены однотипные образцы: «Насильственный постриг» (№ 7), «Плач Богородицы» (№ 10), «Птицы на море» (Истомин—Дютш. Ч. 2. № 14). Нельзя не заметить присутствия в ряде музыкальных вариантов следов тирадной организации одностихового напева, проявляющихся в звуковысотной оппозиции кадансов (№ 1, 9, 10). Обращая внимание на факт фиксации экспедицией ГАХН поэтического текста баллады «Василий и Софья» в исполнении двух жительниц д. Зиновьево (родственниц сказительницы Н. С. Богдановой), [21] в качестве примера ансамблевой версии напева рассматриваемого типа приводим инципит баллады «Братья-разбойники и сестра», обнаруживающий ритмосинтаксические и звуковысотные параллели с иными музыкальными образцами данной группы: [22]

Пример 1

♩=66 да

Де- вять сы- но- вей да во раз- бой о- ны по- шли,

да

Во раз- бой о- ны по- шли, да во раз- бо- й(и)- ни- ч(и)- ки.

В экспедиции 1932 г. собирательницам удалось осуществить звукозапись редкой баллады-небылицы в исполнении двух заонежских крестьянок.[23] Ее фривольное содержание контрастирует со строгим, интонационно аскетичным напевом, традиционно бытующим на Русском Севере в качестве музыкального компонента духовных

---

[20] Музыкальные аналоги среди публикаций обонежского эпоса см.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году/Записали: слова, Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894 (далее: Истомин—Дютш). Ч. 1. № 6, 7. Ч. 2. № 13, 14. Наблюдения над указанными напевами содержатся в работе: Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакрева//Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано/Ред., предисл., исслед. и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. С. 225.

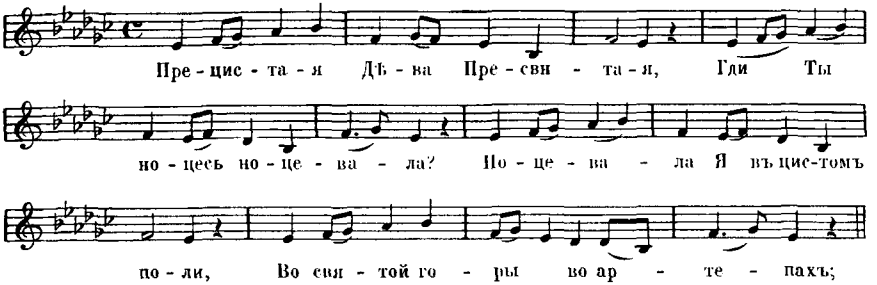
[21] Соколов—Чичеров. С. 909.

[22] ФА ИРЛИ, МФ 437. 06. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Сенная Губа. Исп.: Трегубова Е. П., Блоханова А. Ф. Запись 1956 г.

[23] См.: вариант текста, озаглавленного «Корнелий» и записанного в Кижской волости: Из архива Б. М. и Ю. М. Соколовых/Статья и публ. В. А. Бахтиной. № 1//Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки/ Сост. и научн. ред. А. Топоркова. М., 1995. Сюжетный коммент. и замечания собирателей см.: Там же. С. 555—556.

стихов. Двенадцатимерный музыкальный период сдвоенной метрической пульсации в различных напевных версиях опирается на трехиктный тонический стих 8—11-сложного состава. В основе типовой ритмической конфигурации лежит равномерное пиррихическое движение с увеличенным музыкальным временем звучания двух последних слогов (девятая и десятая позиции периода), которые могут подвергаться слоговому дроблению. Среди опубликованных материалов экспедиции Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша находятся типологически близкие образцы обонежских напевов духовных стихов:[24]

Пример 2



Свойственная напевам данной группы однострочная структура композиции в некоторых сольных вариантах усложняется за счет чередования интонационно-разомкнутой и замкнутой форм каданса, приобретая черты тирадности. С напевами рассматриваемого типа в Обонежье различными собирателями записаны, помимо указанных выше, духовные стихи «Милослива жена милосердна» (пример 3б), «Егорий и Змей», «Трудник и Пятница» (пример 3в), «Алексей человек Божий».

---

[24] Истомин—Дютш. Ч. 1. № 1 («Сон Богородицы»). См. там же: № 2 («Вознесение»), № 3а («Алексей человек Божий»). В последнем образце модификация слогоритмического норматива затрагивает седьмую позицию периода, музыкальное время которой удвоено. Также см. заонежскую версию напева «Птицы на море»: Былины. № 132.

Рассматривая записанный Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем духовный стих «Сон Богородицы», Е. В. Гиппиус отмечал наличие «в ритме напева» признаков «позднего виршевого силлабического стиха (характерное для него ударение на хореическом окончании)»: Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен... С. 226.

Аналогичные ритмоструктуры с характерной формой каданса обнаруживаются среди песнопений Русской Православной Церкви. Наиболее показательным представляется один из вариантов Задостойника Пасхи «Ангел вопияше» (пример 3д). Следует признать, что ранее сходство между эпическим и культовым напевами уловил и отразил на звуковысотном уровне автор одноименной хоровой композиции, традиционно приписывающейся М. П. Мусоргскому (пример 3е).

Нельзя не отметить существование ритмосинтаксических параллелей между описываемыми напевами и музыкальными образцами первой группы (несмотря на различия в композиции). Наиболее отчетливо черты сходства проявляются в однострочных напевах, музыкальный период которых опирается на десятисложный расширенный стих (см.: 50 песен русского народа для смешанного хора из собранных в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым. Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб., 1902. № 1 «Голубиная книга»).

Артельная версия последнего зафиксирована на прилегающей к обонежскому ареалу территории — в верховьях реки Кены (пример 3а).[25]

Пример 3

♩= 112

Рим- ско- м(ы)

а) Во сла- в(ы)- но- м(ы) во Рим- ском го- су- да- р(ы)- стве

♩= 216

б) Бро- сай сво- е ча- до в о- гонь - пла- мё!

♩= 120

в) Во сла- в(ы)- но- м(ы) во Ки- ев- ско- м(ы) го- ро- де

[Ста- ре- ц(и) во пу- сты- нюш- ке спа- сал- са (да)]

♩= 116

г) Пре- сла- вна- я Ма- ти Де- во Ма- ри- я,

Где ж ты но- чесь но- че- ва- ла?

---

[25] Пример 3:

а) ЛУР МГУ 62/02. 04. Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Округа. Исп.: М. П. Истомина, Е. С. Перепелкина. Запись 1962 г.

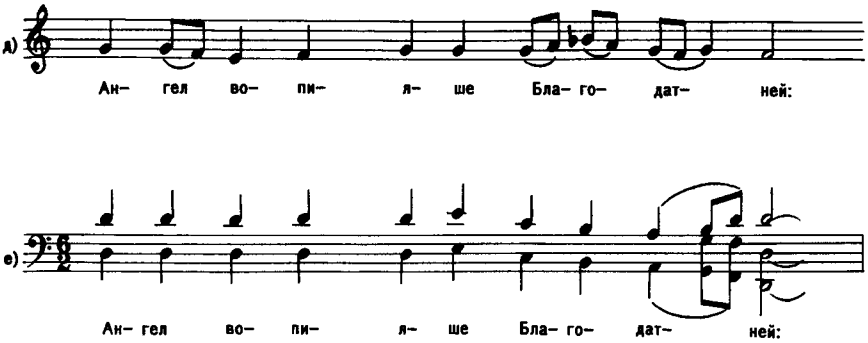
б) ФА ИРЛИ, ФВ 756. 02. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Конда. Исп.: А. К. Лучина. Запись 1926 г.

в) ФА ИРЛИ, МФ 2713. 18 [МФ 2712. 01]. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Лебещина. Исп.: Е. И. Ермолина. Записи 1986 г.

г) ФА ИРЛИ, ФВ 321. Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Латьюга. Исп.: И. К. Букин и Вася-юродивый. Запись 1928 г.

д) Обиход церковный нотного пения разных роспевов. Л. CKS. Длительности сокращены вдвое.

е) Левашев Е. М. Неизвестное сочинение//Сов. музыка. 1981. № 3. С. 112. Напев транспонирован на 1 тон ниже.



Музыкальные формы, типологически близкие рассматриваемым, имели повсеместное бытование на Русском Севере. Наиболее часто они встречаются с текстами «Алексей человек Божий», «Сон Богородицы», «Трудник и Пятница», «Вознесение».[26] Отмечены случаи контаминации двух последних из перечисленных сюжетов.[27] Не является случайностью сходство обонежской и мезенской версий напева духовного стиха «Сон Богородицы» (пример 3г). Различия между ними касаются главным образом формы исполнения. Особый интерес представляет пинежская баллада-небылица «Ехал Каршиня из пустыни»,[28] пародирующая одну из местных версий напева данной группы. Обращает на себя внимание текстуальная близость пинежской небылицы с обонежской (№ 12). Примечательно, что пинежские старожилы указывают на принадлежность данного текста к мужскому репертуару, а также вспоминают случаи не только индивидуального, но и коллективного исполнения небылицы. Среди записей пинежского эпоса известны однотипные образцы напевов

---

[26] См.: Материалы, собранные в Архангельской губернии... № 10—11 («Алексей человек Божий»), № 12 («Сон Богородицы»); Богатенко Я. А. Напевы народных стихов и псальм (В пении «нищей-братии» и в крюковых старообрядческих сборниках)//Труды Гос. ин-та муз. науки: Сб. работ этногр. секции. М., 1926. Вып. 1. Нотные примеры: № 4 («Михайло Архангел»), № 5 («Алексей человек Божий»). Напевы записаны в Архангельске от Б. В. Шергина.

Из большого числа неопубликованных материалов обратим внимание на две фонограммы, выполненные на северо-восточной территории: «Алексей человек Божий» (ФА ИРЛИ, ФВ 596. 01. Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, с. Усть-Цильма. Запись 1929 г.), «Вознесение» (ФА ИРЛИ, ФВ 846. 01. Архангельская обл., Мезенский р-н, д. Долгощелье. Запись 1921 г.).

Однотипные музыкальные формы свойственны также среднерусским балладам и духовным стихам. Отметим некоторые из них: 40 народных песен собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М., [1882]. № 1 «Алексей человек Божий» (г. Ржев); 50 песен русского народа для одного голоса с сопровождением фортепьяно из собранных в 1894, 5, 6, 7, 8, 9 и 1901 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским преложил Анатолий Лядов. М., 1903. № 4 «Алексей человек Божий» (Пензенская губ.), № 5 «О птицах» (Нижегородская губ.).

[27] ФА ИРЛИ, МФ 1168. 03 (Архангельская обл., Онежский р-н, д. Кянда), МФ 1282. 03 (Архангельская обл., Приморский р-н, с. Лопшеньга).

[28] ФА ИРЛИ, МФ 2413. 10 (Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Марьина Гора. Запись 1983 г.).

духовных стихов: «Алексей человек Божий», «Трудник и Пятница», «Царевич Иоасаф, пустынник», «Два брата Лазаря», «Вознесение».[29]

Сопоставление напева духовного стиха «Вознесение», записанного от Ф. А. Конашкова (№ 11), с типологически родственными севернорусскими образцами позволяет отметить исключительность рапсодической версии сказителя на фоне одноименных музыкально-поэтических форм, характеризующихся структурной урегулированностью.[30] Закономерности структурирования напева, моделью которого служит описанный выше двенадцатимерный музыкальный период, подчиняются стилевым нормам рапсодической традиции, в русле которой находится творчество пудожского сказителя. В процессе развертывания исходной музыкальной структуры варьированию подвергаются слогочислительный, стихометрический, ритмический и временнóй параметры напевного текста. Звуковысотная оппозиция акцентных слогов каданса-клаузулы придает напеву черты тирадности. Можно предположить наличие взаимосвязи между формой исполнения и уровнем урегулированности структурных элементов музыкально-поэтического текста.

Входящие в состав настоящей публикации нотные расшифровки фонограмм служат дополнением ранее изданных записей напевных форм обонежского эпоса, выполненных участниками группы Музыкальной секции ГИИИ в экпедиции 1926 г., а также — М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной в 1931—1932 гг. Из материалов последних собирателей за пределами публикации остаются два музыкальных образца П. И. Рябинина-Андреева и один — Н. С. Богдановой. Исполнительски дефектный вариант баллады «Братья-разбойники и сестра», записанный от сказительницы 12.I.1932 г. в д. Зиновьево (ФА ИРЛИ, ФВ 3492. 03), отличается от звукозаписи 1927 г. (нотировка опубл.: Астахова, 2, нап. № 9) меньшим объемом. Незначительные различия с вариантами Н. С. Богдановой обнаруживает музыкальный текст одноименной баллады в исполнении П. И. Рябинина-Андреева (ФА ИРЛИ, ФВ 3487. 01. Зап. 1.I.1931 г. в д. Гарницы), усвоенный последним от сказительницы во время совместной гастрольной поездки 1927 г.[31] Не публикуется также нотная расшифровка звукозаписи четырехстрочного инципита баллады «Худая жена, жена умная», выполненной от П. И. Рябинина-Андреева 30.XII.1931 г. в д. Гарницы (ФА ИРЛИ, ФВ 3486. 03). Значительно более полный фрагмент баллады, исполненный сказителем, зафиксирован на фонограмме С. И. Бернштейном в 1926 г. (ФА ИРЛИ, ФВ 715. Расшифровка поэтического текста опубл.: Астахова, 2, Приложение 1, № 9). Напев сходен с вариантом И. Г. Рябинина-Андреева.[32]

В основу группировки публикуемых материалов положен сюжетный принцип. Нотация напевов № 1—3, 5—8, 11—12 выполнена автором публикации. Ряд фонографических цилиндров не сохранился до настоящего времени вследствие неоднократных перемещений фонда Фонограммархива в 1930-х гг. Некоторые из недошед-

---

[29] Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 121; Архивные записи пинежского эпоса (По материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года)/Публ. А. Ю. Кастрова//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. Напевы № 4, 7, 8.

[30] См. напевные версии сказителей Рябининых: Былины. № 123, пример 42.

[31] Астахова, 2, с. 159.

[32] Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Нап. 5.

ших звукозаписей были расшифрованы З. В. Эвальд не позднее октября 1934 г. (даты составления акта на списание разбитых фоноваликов).

В число нотированных ею музыкальных материалов экспедиции 1926 г. помимо эпических напевов вошли образцы песенных форм и причети.[33] Выполненные карандашом расшифровки носят предварительный характер, содержат следы исправлений, имеют лакуны в подтекстовке.

Публикация напевов № 4, 9, 10 базируется на рукописных материалах З. В. Эвальд. Стабильность напевных форм позволяет представить нотный текст в сокращенной редакции. Структурно упорядоченные зачинные фрагменты дополняются вариабельными музыкальными строками, содержащими отклонения от нормативов.

Разночтения с рукописными текстами и возможные варианты нотной транскрипции указаны в комментариях. Не оговариваются в каждом отдельном случае графические расхождения, а также предложенная версия тактировки, отсутствующей в рукописи З. В. Эвальд.

Реконструкция элементов публикуемых музыкально-поэтических текстов, вызванная наличием лакун на фонограммах (технические дефекты звукозаписи), отмечена квадратными скобками. Аналогичным способом обозначены фонемы, не прослушивающиеся в звукозаписи. Конъектурная правка и реконструкция рукописных текстов заключена в угловые скобки.

Отточиями в квадратных скобках отмечены случаи нарушения стабильной передачи музыкально-поэтического текста в процессе исполнения (остановки, ошибки, оговорки и пр.). Отточиями в угловых скобках обозначены пропуски в нотном тексте.

Расшифрованные с фонограмм поэтические тексты передаются по нормам современной орфографии с сохранением особенностей местного диалекта. «*Г*» фрикативное выделено курсивом. Не отражены фонетические явления, соответствующие нормам литературного произношения. Тексты № 1а, 12а, 12б публикуются по беловым рукописям (далее: *бркп*), поскольку полевые записи (далее: *пз*) обонежских экспедиций 1931—1932 гг. не сохранились.

В комментариях указываются шифры хранения фонограмм в валичном фонде ФА ИРЛИ (инвентарный номер ФВ и номер записи на цилиндре), а рукописных текстов — в Фольклорном архиве Рукописного отдела ИРЛИ. Нотные расшифровки З. В. Эвальд имеют шифры Рукописного фонда ФА ИРЛИ.

Сведения, включающие указания фамилий собирателей и исполнителей, мест и дат записей, выполненных в 1926 и 1934 гг., приводятся по паспортам к фоноваликам. Данные, относящиеся к несохранившимся звукозаписям, почерпнуты из Фондовой книги и нотных рукописей. Паспортизация фонограмм 1931—1932 гг. осуществлена согласно записям в экспедиционных журналах (ФА ИРЛИ, РФ, п. 60, ед. хр. 3, 4).

---

[33] Хранятся в ФА ИРЛИ (РФ, п. 05). Часть из них опубликована в качестве примеров к статьям Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд в сб.: Крестьянское исскусство... С. 189—202.

Василий и Софья

♩=88

1

Жи- ла да бы- ла у- вдо- вуш- ка,

Бы- ло у у- вдо- вуш- ки де- вять до- че- рей.

Вси до- че- ри по спа- се- ни- я- м(ы) по- шли,

Вси до- че- ри по Божь- им церь- квям по- шли,

5. Вси о- ны за- пе- ли: „Бо- жа, бла- го- сло- ви!"

Од- на - та Со- фе- юш- ка про- моў- ви- ла- си,

Ла- ди- ла ска- зать: „Бо- жа, бла- го- сло- ви!"

По- па- ла ска- зать, што: „Ва- силь- юш- ко - дру- жок!"

Жила да была увдовушка,
Было у увдовушки девять дочерей.

Вси дочери по спасениям(ы) пошли,
Вси дочери по Божьим церьквям пошли,
5 Вси оны запели: «Божа, благослови!»
Одна-та Софеюшка промоўвиласи,
Ладила сказать: «Божа, благослови!»
Попала сказать, што: «Васильюшко-дружок!
Васильюшко-дружочик, потроньсе ко мни,
10 Потроньсе ко м(ы)ни да поближа-й до мни!»
Проведала Васильева матушка,
Скорёшанько бежала во Киев(ы)-град,
На гривенку купила зелено́го вина,
На дру́гую купила зелье лю́того.
15 Василью подносила зелено́го вина,
Софеи подносила зелье лю́того...

1а

Жила да была ўдовушка,
Было у ўдовушки 9 доцерей.
Вси доцери по спасеньям пошли,
Вси доцери по Божьим церквам пошли,
5 Вси оны запели: «Боже, благослови!»
Одна-то Софеюшка промолвиласи,
Ладила сказать: «Боже, благослови!»
Попала сказать, что: «Васильюшка-дружок!
Ты Васильюшко-дружок, да потроньси ко мни,
10 Потроньси ко мни да поближе ко мни!»
Проведала Васильева матушка,
Скорехонько бежала во Киев-град,
На гривенку купила зеленово вина,
На другую купила зелья лютово.
15 Василью подносила зеленого вина,
Софеи подносила зелья лютого.
— Васильюшка, пей, да Софеи не давай!
Софеюшка, пей, да Василью не давай!
Васильюшка пил, да Софеи подносил,
20 Софеюшка пила, Василью подносила —
А тут оны оба переставилиси.
Василья поднесли на бели́х на руках,
Софею понесли на буйны́х головах.
Василья хоронили о прави́ую руку́,
25 Софею хоронили о леви́ую руку́.
На Василье выростала золота́я верба́,
На Софеи выростало кипарицно деревцо.
Оны ду-другу сросталиси,
В одно место листоцкамы слипалиси.
30 А стара идет — она наплачетце,
Вполвеку идет — надивуетце,
Малой-то идет — он натешитце.
Проведала Васильева матушка,
Скорешенько бежала во Киев-град,

35 Хватила тупиценко нехитрую.
Кипарицьно деревце она повырубила,
Золотую вербу она повысушила.

♩= 92

2

Как у вдо- вуш- ки - вдо- вы да бы- ло де- вять до- че- рей,

Бы- ло де- вять до- че- рей, о- ди- на- кой сын,

О- ди- на- ко- й(и) сын был Ва- силь- юш- ка.

Все й-о- ны по- шли да в церь- ковь Бо- жи- ю,

5. А да все й-о- ны по кры- ло- су рос- ста- ви- ли- ся...

Как у вдовушки-вдовы да было девять дочерей,
Было девять дочерей, одинакой сын,
Одинакой(и) сын был Васильюшка.
Все й-оны пошли да в церьковь Божию,
5 А да все й-оны по крылосу росставилися...

♩= 62

3

[Ва- си- ль(и)-е- ва мать ли- хо-] де- й(и)- ка бы- ла:

По го- ро- ду по Ки- я- ву по- ха- жи- ва- ла,

На гри- вён- ку ку- ли- ла зе- лё- но- го ви- на,

На дру- гу- ю ку- пи- ла зе- лья лю- то- го.

5. Ва- си- лью под- но- си- ла зе- лё- но- го ви- на,

Со- фи- и под- но- си- ла зе- лья лю- то- го.

– Ва- си- ль(и)- юш- ка, пе- й(и), ды Со- фи- и не да- аай!

8. Со- фи- юш- ка, пей, ды Ва- си- лью не да- вай!

10. Со- фи- ю-ш(и)-ка пи- ла, ды Ва- си- лью под- нес- ла.

С ве- чё- ра го- ло- вуш- ка по- ба- ли- ве- ла,

[Василь(и)ева мать лихо]дей(и)ка была:
По городу по Кияву похаживала,
На гривёнку купила зелёного вина,
На дру́гую купила зелья лютого.
5 Василью подносила зелёного вина,
Софии подносила зелья лютого.
— Василь(и)юшка, пей(и), ды Софии не давай!
Софиюшка, пей, ды Василью не давай!
Василь(и)юшка пил, ды Софии подносил,
10 Софиюш(и)ка пила́, ды Василью поднесла.
С ве́чёра головушка побаливела,
С полу́ночи серьдечко пощипливело...

Братья-разбойники и сестра

♩=70

4

Жи- ла да бы- ла в(ы)- до- ва Па- ши- ца,

Вдо- ва Па- ши- ца - од- на го- рю- ши- ца,

Вдо- ва Па- ши- ца - да и го- рю- ши- ца.

Как у той вдо- вы да у Па- ши- цы,

Как у той вдо- вы да и у Па- ши- цы

Мно- го де- ту- шек, да ма- ло де- ву- шек,

Мно- го де- ту- шек, ма- ло де- ву- шек:

Де- вять сы- но- вей и о- ди- на- ка дочь.

5. Де- вя- ть(и) сы- но- вей во раз- бой по- шли,

О- ди- на- ку дочь -то за- муж вы- да- ли,

О- ди- на- ку дочь за- муж вы- да- ли

Как за сла- вно- е да за- си- нё мо- рё,

7. Ка- к(ы) за сла- вно- ё за си- нё- мо- рё -

За О- не- гуш- ко за стра- хо- ви- то- ё,

12. Сы- на ро- ди- ла - сто- ско- ва- ла- си.

<Я у свё- кру- шка да по- да- ва- ла- си...>

Жила да была в(ы)дова Пашица,
Вдова Пашица — одна горюшица,

Вдова Пашица — да и горюшица.
Как у той вдовы да у Пашицы,

Как у той вдовы да и у Пашицы
Много детушек, да мало девушек,

Много детушек, мало девушек:
Девять сыновей и одинака дочь.

5 Девять(и) сыновей во разбой пошли,
Одинаку дочь-то замуж выдали,

Одинаку дочь замуж выдали
Как за славное да за синё морё,

Как(ы) за славноё за синё морё —
За Онегушко за страховитоё,

За Онегушко страховитоё.
<Она год жила́ — да не стоскнуласи,>*

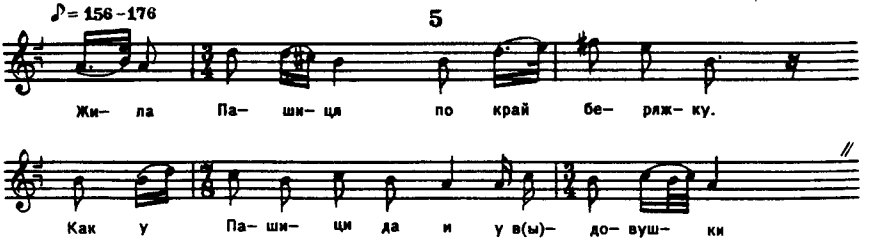
Она год жила́ — <не стоскнуласи,**
А другой*** жила́ — да в умах не было,

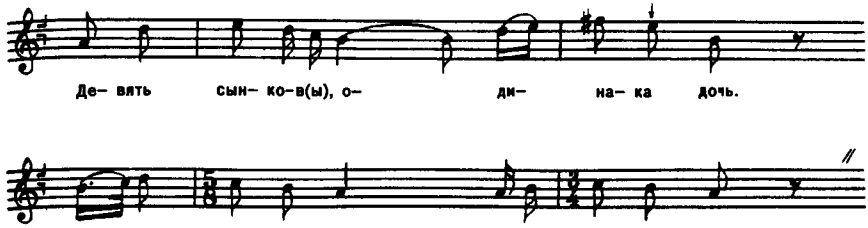
10 А другой жила́ — в умах не было.>
Я на третий год да сына родила́,

Я на третий год сына родила́,
Сына родила́ — да стосковаласи,

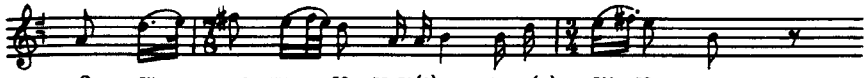
Сына родила́ — стосковаласи.
<Я у свёкрушка**** да подаваласи...>

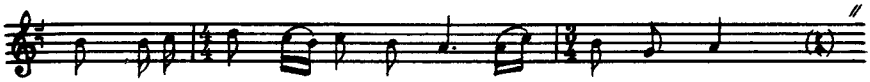
* В рукописи подтекстовка отсутствует. Здесь и далее предложена конъектура, базирующаяся на текстах баллады, записанных в шуньгских деревнях. ** В рукописи стерто: «и другой жила». *** В рукописи стерто: «на другой». **** В рукописи: «и все грустна». Далее подтекстовка отсутствует.

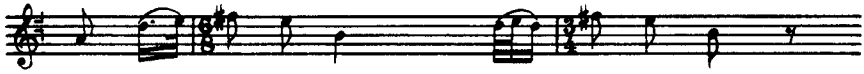


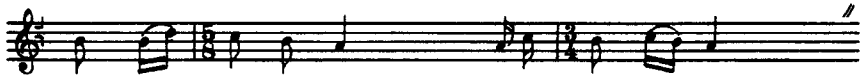

Де- вять сын- ко-в(ы), о- ди- на- ка дочь.

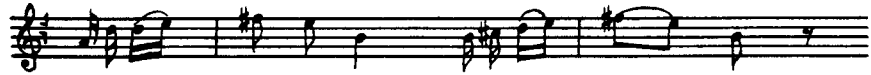
Де- вять сын- ков во ро- з(ы)- бой по- шли,


О- ди- на- ку до- че-рь(е) за- му- ж(ы) вы- да- ла,

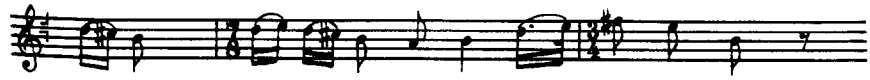

За- му- ж(ы) вы- да- ла да за си- нё мо- рё,


За си- нё мо- рё ши- ро- ко- ё,

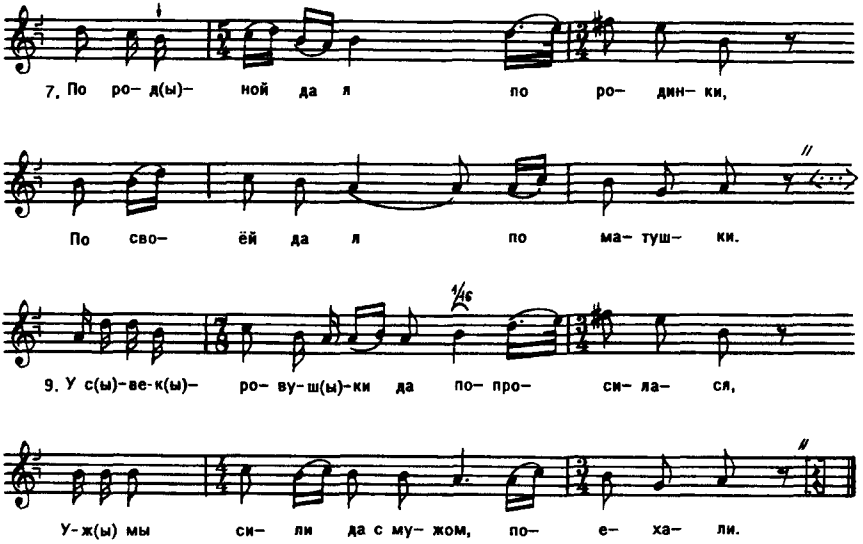

За ши- ро- ко- ё, Ба- ў(ы)- тий- ско- ё.


5. У- ж(и) я год жи- ла - не с(ы)- ку- ча- ла,

1/16
И д(ы)-ру- гой - да в у- ма-х(ы) не бы- ло.


А на тре- тей год да сы- на ро- ди- ла,

Сы- на ро- ди- ла - да со- ску- ча- ла- си



Жила Пашиця по край беряжку.
Как у Пашици да и у в(ы)довушки

Девять сынков(ы), одинака дочь.
Девять сынков во роз(ы)бой пошли,

Одинаку дочерь(е) замуж(ы) выдала,
Замуж(ы) выдала да за синё морё,

За синё морё широкоё,
За широкоё, Баў(ы)тийскоё.

5 Уж(и) я год жила — не с(ы)кучала,
И д(ы)ругой — да в умах(ы) не было.

А на третей год да сына родила,
Сына родила — да соскучаласи

По род(ы)ной да я по родинки,
По своёй да я по матушки.

Уж(ы) я мужа всё под(ы)говори́ла,
Я у с(ы)вёкрушка да доложилася,

У с(ы)век(ы)ровуш(ы)ки да попросилася —
Уж(ы) мы сили да с мужом, поехали.

10 Уж мы выехали на синё морё,
На синё морё, [Баў(ы)тийскоё...]

6

♩=48

Жи- ла да бы- ла у- вдо- вка Па- ши- ця.

У й-э- той у- до- вуш- ки - де- вять сы- но- вей,

Де- вять сы- но- вей да о- ди- на- ка- я до- чирь.

О- ди- на- ку- ю да до- че-рь(и) за-муж вы- да- ли

5. За шу- ме- чо́, да за г(ы)- ре- ме- чо за О- не- гу- ш(и)- ко.

Го- дик я жи- ла - не ду- ма- ла,

(И) на д(ы)- ру- гой я го- дик сто- ско- ва- ла- си,

Сто- ско- ва- ла- си да по- да- ва- ла- си:

А що да му- жа - ѕо- спо- ди- на я- ѕо вы- з(ы)- ва- ла...

Жила да была увдовка Пашиця.
У й-этой удовушки девять сыновей, [...]
Девять сыновей да одинакая дочирь.
Одинакую да дочерь(и) замуж выдали

5 За шумечо, да за г(ы)ремечо за Онегуш(и)ко.
Годик я жила — не думала,
(И) на д(ы)ругой я годик стосковаласи,
Стосковаласи да подаваласи:
А що да мужа-господина яго выз(ы)вала...

Насильственный постриг

7

♪=136

[...Взгля- ну-] ла в о- ко- шач- ко - тут та- тинь- ка и- дёт,

Та- тинь- ка и-дёт да за со- бой кне- зя ве- дёт.

-И моў- чи, моў- чи, ма- ме-нь(и)-ка, вот к Нас-тинь-ке я схо- жу,

[К] Нас- тинь- ке я схо- жу да сво- ю во- лю от- пуш- шу.

5. Ой, сдо- га- да- лась тут то- тар- ка, зло- де- й(и)- ка, в ок-но.

Ой, взгля- ну- ла в о- ко- шач- ко - там та- тинь- ка и- дёт,

Та- тинь- ка и- дёт да за со- бой кне- зя ве- дёт...

[...Взгляну]ла в окошачко — тут татинька идёт,
Татинька идёт да за собой кнезя ведёт.
— И моўчи, моўчи, мамень(и)ка, вот к Настиньке я схожу,
[К] Настиньке я схожу да свою волю отпушшу.
5 Ой, сдогадалась тут тотарка, злодей(и)ка, в окно,
Ой, взглянула в окошачко — там татинька идёт,
Татинька идёт да за собой кнезя ведёт...

Егорий и Змей

8

♪=104

[Со-]гря- ши- ла ца- рь(и)- ство Ра- х(ы)- миль- ско- е.

На- пус- тил Гос- подь да З(и)- ме- ю да лю- ту- ю,

На- пу- с(ы)- тил Го- с(ы)- подь Зме- ю лю- ту- ю,

Ой, Зме- ю лю- ту- ю, З(и)- ме- ю т(ы)- рё- г(ы)- ла- ву- ю.

Ста- ла да исть о- на да до- б(ы)- ры- х(ы) лю- дю- шак,

Как - то сье- ла о- на да-й до е- ди- на- го.

До- ш(ы)- ло - то ту- т(ы) до са- мо- го ца- ря,

Ой, за- кру- чи- ния- са да за- пе- ча- ли- л(ы)- са.

5. -Не пе- чаль- ся, царь, да не к(ы)- ру- чи- нь(и)- ся, царь:

Ес- тя до- че- нь(и)- ка у на- с(ы) да

всим не- ве- р(ы)- на- я,

[Со]гряшила царь(и)ство Рах(ы)мильское.
Напустил Господь да З(и)мею да лютую,

Напус(ы)тил Гос(ы)подь Змею лютую,
Ой, Змею лютую, З(и)мею т(ы)рёг(ы)лавую. [...]

Стала да исть она да доб(ы)рых(ы) людюшак,
Как-то съела она да-й до единаго.

Дош(ы)ло-то тут(ы) до самого царя,
Ой, закручинилса да запечалил(ы)са.

5 — Не печалься, царь, да не к(ы)ручинь(и)ся, царь:
Естя дочень(и)ка у нас(ы) да всим невер(ы)ная,

Всим неверная и неиз(и)мен(ы)ная,
Ой, отда[д]им мы З(и)меи да на сь(и)едения,

Отда[д]им Змеи да на съедения,
На съедения да З(и)меи да лютаёй...

Два брата Лазаря

9

♩=69

Жи- ли да бы- ли два бра- та Ла- зы- ря:

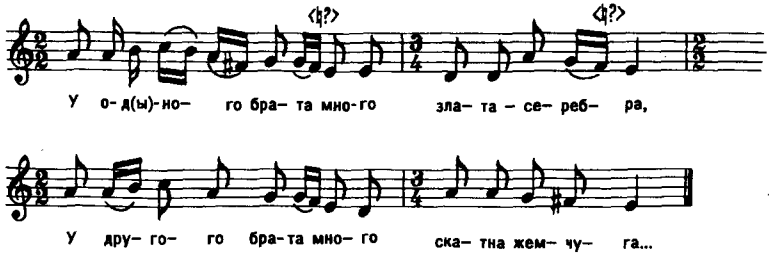
2. О- дин - то быя бра- тец бо- га- той че- ло- век,
4. По- п(ы)- лыл у- бо- гой к бра- ту сво- е- му,

8. За- к(ы)- ри- чал бо- га- тый на бра- та сво- е- го:

10. Проць от ок- на по- ди да от дво- ра!

Есть у ме- ня бра- ть(и)- я по- луч- ше те- бя,

И луч- ше те- бя,да мно- го лас- ко- ве- я:

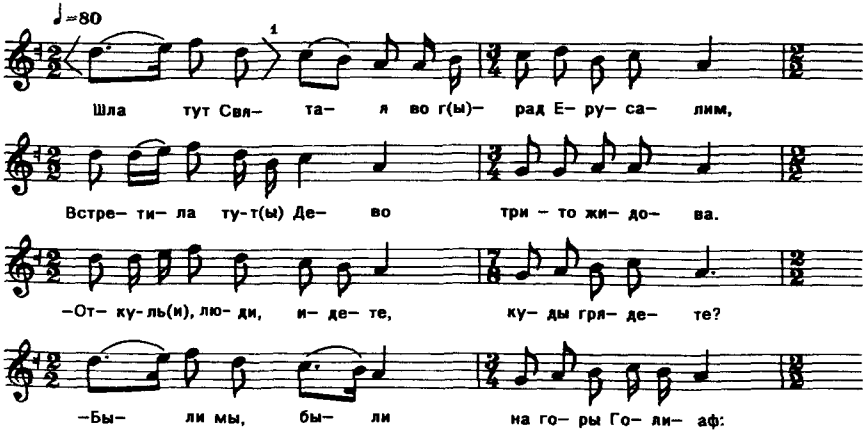


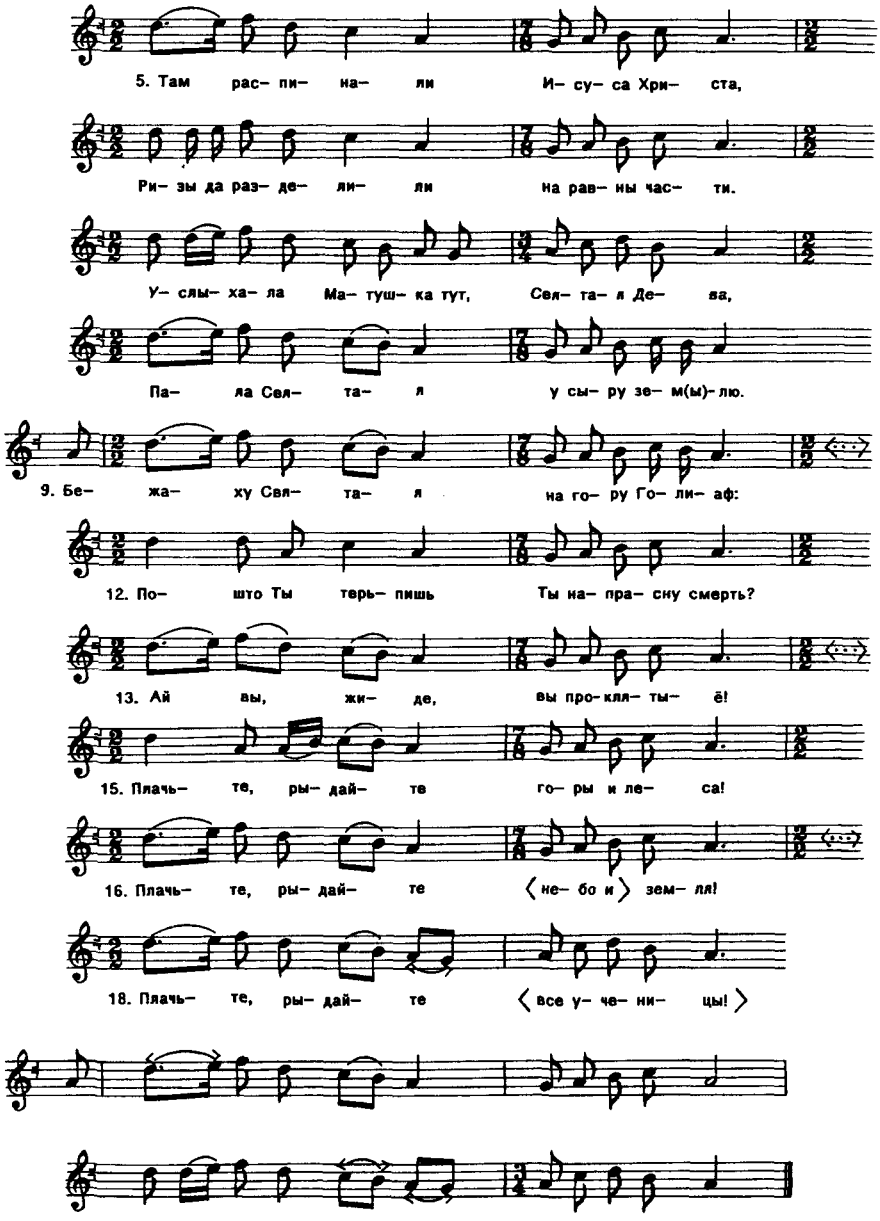
Жили да были два брата Лазыря:
Один-то был братец богатой человек,
Другой был братец убогой человек.
Поп(ы)лыл убогой к брату своему,
5 Зак(ы)ричал убогой тухлым голос(ы)ком:
«Братец ты, братец, немилос<т>ливой!
Дай-ка хоть ты, братец, милостиньку м(ы)не!»
Зак(ы)ричал богатый на* брата своего:
«<Отойди, калика, ты> проць от окна,
10 Проць от окна поди да от двора!
Есть у меня брать(и)я получше тебя,
И лучше тебя, да много ласковея:
У од(ы)ного брата много злата-серебра,
У другого брата много скатна жемчуга...

* Предположительно расшифрованный текст («Отвяжись убогой-то») в рукописи заключен в квадратные скобки, причем последнее слово стерто. Предлагаемый вариант реконструкции основывается на традиционном лексическом обороте, характерном для местных версий духовного стиха (см. в настоящем издании публикацию Л. И. Петровой, № 17—19).

Плач Богородицы

10





<Шла тут Свя>тая во г(ы)рад Ерусалим,
Встретила тут(ы) Дево три-то жидова.
— Откуль(и), люди, идете, куды грядете?
— Были мы, были на горы Голиаф:
5 Там распинали Исуса Христа,
Ризы да разделили на равны части.

Услыхала Матушка тут, Святая Дева,
Пала Святая у сыру зем(ы)лю.
Бежаху Святая на гору Голиаф:
10 Тут оны увидела Сына на кресте.
— Ай да Ты, цадо мое, Исусе Христе!
Пошто Ты терьпишь Ты напрасну смерть?
Ай вы, жиде, вы проклятыё!
За́чем распинали сына моего?
15 Плачьте, рыдайте горы и леса!
Плачьте, рыдайте <небо и>* земля!
Плачьте, рыдайте бедныя вдовы!
Плачьте, рыдайте <все ученицы!>** ...

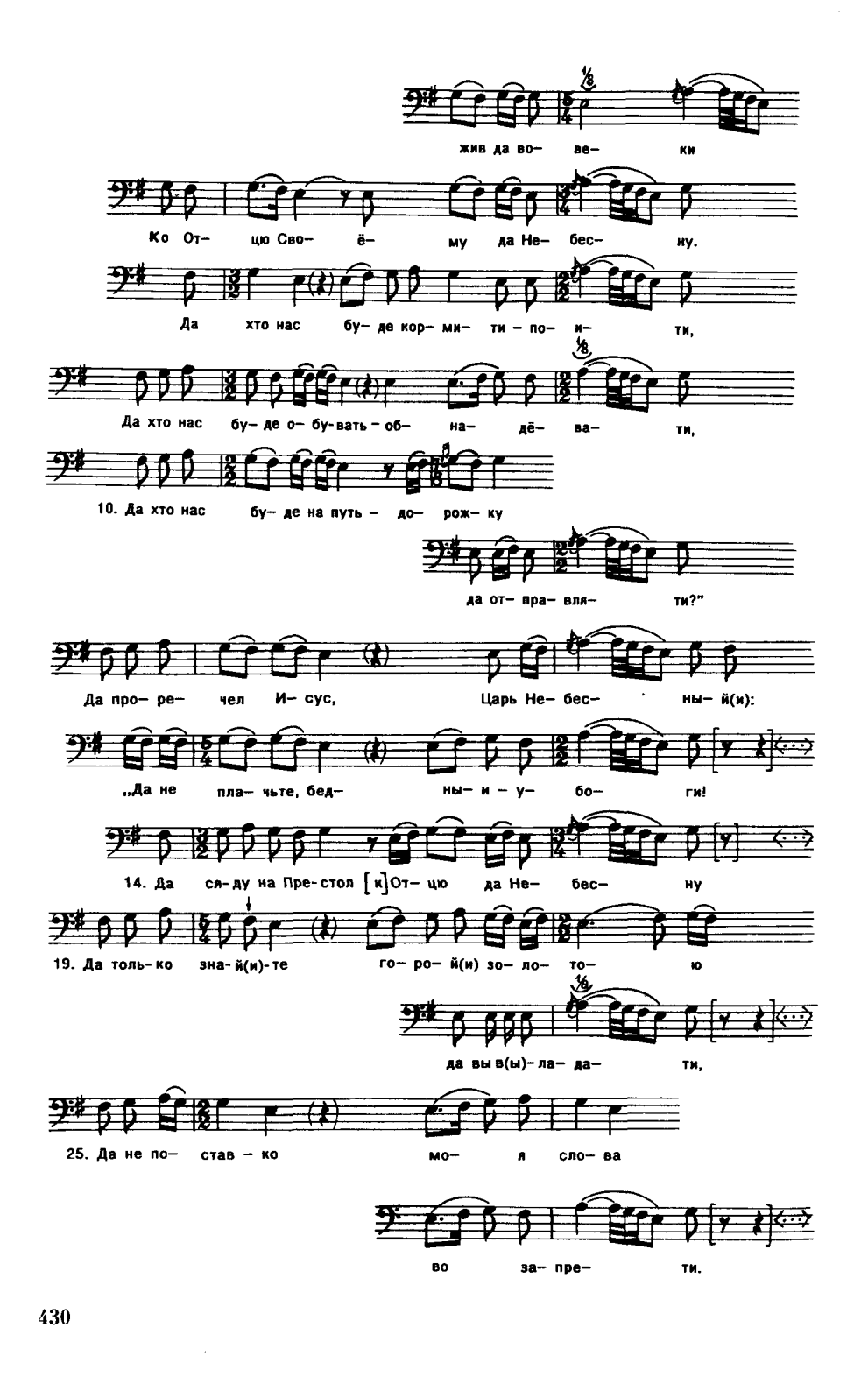
* В рукописи стерто: «людине». Конъектура базируется на устойчивых словосочетаниях канонических текстов (см. вариант, записанный в д. Педасельга Олонецкой губ.: Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1863. Ч. 2, вып. 4. № 382). Сокращенная обонежская версия духовного стиха представлена в настоящем изданнии (см. публикацию Л. И. Петровой, № 24).
** Поэтический текст до конца не расшифрован. Возможны несколько вариантов его реконструкции.

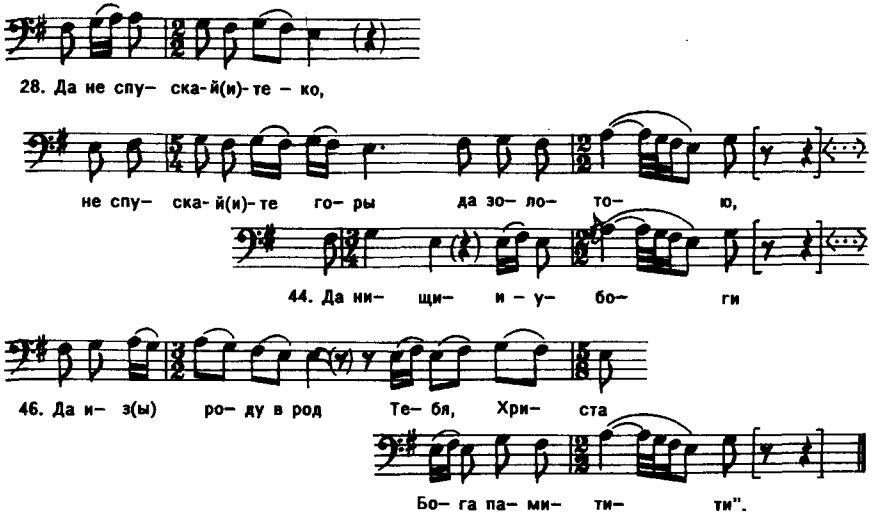
Вознесение

11

♩=90

На шос- той да ие- де- ле, во чет- ве- рик,
Под- ни- мая- се И- сус да на не- бе- са.
Об- сту- пи- ла мень- ша- я бра- ти- я,
Да об- сту- пи- ли ни- ще- и да у- бо- ги:
5. „Да ай видь же, И- сус Хри- стос, да Ца-рь(и) Ты Не- бес- ный!
Да ка-к(ы) во- з(ы)- но- сишь- се Ты на- ве- ки,


жив да во- ве- ки
Ко От- цю Сво- ё- му да Не- бес- ну.
Да хто нас бу- де кор- ми- ти - по- и- ти,
Да хто нас бу- де о- бу-вать - об- на- дё- ва- ти,
10. Да хто нас бу- де на путь - до- рож- ку
да от- пра- вля- ти?"
Да про- ре- чел И- сус, Царь Не- бес- ны- й(и):
„Да не пла- чьте, бед- ны- и - у- бо- ги!
14. Да ся-ду на Пре-стол [к]От- цю да Не- бес- ну
19. Да толь-ко зна-й(и)-те го- ро- й(и) зо- ло- то- ю
да вы в(ы)-ла- да- ти,
25. Да не по- став - ко мо- я сло- ва
во за- пре- ти.



На шостой да неделе, во четверик,
Подымалсе Исус да на небеса.
Обступила меньшая братия,
Да обступили нищеи да убоги:
5 «Да ай видь же, Исус Христос, да Царь(и) Ты Небесный!
Да как(ы) воз(ы)носишьсе Ты навеки, жив да вовеки
Ко Отцю Своёму да Небесну.
Да хто нас буде кормити-поити,
Да хто нас буде обувать-обнадёвати,
10 Да хто нас буде на путь-дорожку да отправляти?»
Да проречел Исус, Царь Небесный(и):
«Да не плачьте, бедныи-убоги!
Да вознесу́се Я на небе́са,
Да сяду на Престол [к] Отцю да Небесну
15 Да по праву Ёго святую руку.
Да упрошу Я Отця Небесна —
Да спустим мы вам(ы) го́ру золотую,
Да проточим вам(ы) во́ду-ре́ку медвяну́ю.
Да только знай(и)те горой(и) золотою да вы в(ы)ладати,
20 Да как умий(и)те-ко во́ду медвяну́ю розливати».
Да проречел Иване Богослове:
«Да ай(и) же, Исус Христос, да Царь Небесный!
Дозволь(и)-ко мне в бесёды посидити,
Да дозволь(и)-ко м(ы)не ричь проговорити,
25 Да не постав-ко моя слова во запрети.
Да как вознесешьсе на небе́са
Да ко Отцю Своему Небесну —
Да не спускай(и)те-ко, не спускай(и)те горы да золотою,
Да не точи́те реки-воды́ медвяно́ю.
30 Да как пройдет(ы) слава велика́я
Да по всей матушки Святой Зем(ы)ли —
Наедут силь(и)ны-могучии да бога́тыри,

Дак ведь отнимут от нищих-убогих,
Отнимут(ы) гору золотую,
35 Да сделают вели́ко кроволи́тиё.
Да узна́ют купци, люди богаты,
Да как про реки-воду́ медвяну́ю —
Нагóня лодья великúи,
Да как росчер(и)пают вóду медвяну́ю.
40 Да тут и нищим-убогим
Да как горы́ золотóй не влада́ти
Да воды медвянóй не пива́ти.
Да остав-ко Своё Слово Христово:
Да нищии-убоги
45 Да будут с-по миру́ й-оны ходити,
Да из(ы) роду в род Тебя, Христа Бога памити́ти».
Да пророчел Исус, да Царь Небесный:
«Ай же ты, Иване Богосло[ве!..]

Небылица

12

♩=116

Е- ха- ли ка- ли- ки по ка]- на- ва- м(ы)

Со мел- ки- м(и) то- ва- ром - со му- да- мы.

Ко- ню- ши по- д(ы) го- ру воз- бе- жа- ли,

Му- душ- ки - то- ва- ры да рос- те- ря- ли.

5. -Бы- ла бы да та- к(и) пре- жня по- ра в(ы)- ре- мя,

О- бра- ла бы да вси му- я ды в бе- ре- мя...

Ехали калики по канавам(ы)
Со мелким(и) товаром — со мудамы.
Конюши под(ы) гору возбежали,
Мудушки-товары да ростеряли.
— Была бы да прежня пора в(ы)ремя,
Обрала бы вси муды в беремя...

12а

Ехали калики по каналу
Со мелки́м товарам — со мудами.
Конюшки под гору побяжали,
Мудушки да вси да растеряли.
— Было бы досюльно да поры время,
Собрала б да вси муды в беремя.
Села бы на печку согреваца,
Стала бы с мудами розбераца.

13

Ехали кали́ки по канавы
Со мелким товарам — со кускамы.
Конюшки под гору разбежались,
Ку́сочки под гору роскатились.
Шли-прошли моло́ды молодушки —
Моло́ды молодушки удивились.
Шли-прошли тут красныи деви́цы —
Красныи девицы усмехнулись.
Шли-прошли тут старыи старушки —
Старыи старушки прослезились:
«Была бы как стара-прежня время,
О́брали бы вси куски в беремя».

КОММЕНТАРИИ

Василий и Софья

1. ФА ИРЛИ, ФВ 3496. 02. АКССР, Заонежский р-н, Кижский с/с, д. Кургеницы. Анна Кузьмична Лучина, 74 г., <уроженка д. Любосельга Сенногубской волости>. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 21.I.1932 г. Публ. в альбоме грампластинок: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Эпические стихи и притчи Русского Севера/Сост. А. Ю. Кастров. П2М 49311-14, № 11. СПб.: «Историческое наследие», [1994]. Напев транспонирован на 1/2 тона выше. Биографические сведения об исполнительнице, характеристику ее репертуара см.: Соколов—Чичеров. С. 588; Астахова, 2. С. 275. В этой же экспедиции осуществлена фонографическая запись напевного инципита исторической баллады «Гришка-расстрижка» в исполнении данной сказательницы (ФА ИРЛИ, ФВ 3496. 01). Расшифровка более раннего варианта фонограммы, выполненной С. И. Бернштейном в 1926 г., опубл.: Исторические песни XVII века. Нотное приложение № 4. В исполнении А. К. Лучиной С. И. Бернштейном в д. Конда записаны на фонографи-

ческих цилиндрах обширные фрагменты: баллады «Василий и Софья» (ФА ИРЛИ, ФВ 757. 03 — 758. 01), духовных стихов «Сон Богородицы» (ФА ИРЛИ, ФВ 756. 01), «Милослива жена милосердна» (ФА ИРЛИ, ФВ 756. 02—757. 01), «Алексей человек Божий» (ФА ИРЛИ, ФВ 757. 02), «Два брата Лазаря» (ФА ИРЛИ, ФВ 758. 02).

Расхождения в указании места записи различными собирателями обусловлены особенностями жизненного уклада сказительницы, вынужденной батрачить и работать «в няньках».

1 а. Полный поэтический текст баллады записан от А. К. Лучиной Б. М. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 20.I.1932 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 1, ед. хр. 1, л. 36—36 об.— *бркп*). Редакторская конъектура затрагивает способ передачи мягкой аффрикаты *ц'* (в рукописи — *т*).

2. ФА ИРЛИ, ФВ 3492. 05. АКССР, Заонежский р-н, Сенногубский с/с, д. Зиновьево. Настасья Степановна Богданова-Зиновьева, 73 г. <так!>. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 12.I.1932 г. Перечень изданий, содержащих биографические сведения об исполнительнице и характеристику ее творчества см.: Астахова А. М. Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой (некролог)//Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1941. № 7. С. 239—243. Также см.: Астахова, 2. С. 45—47. Указание возраста сказительницы в экспедиционном журнале не согласуется с иными источниками.

Полный поэтический текст в экспедиции зафиксирован не был. Вероятно, собирателей удовлетворило наличие более ранних записей баллады от Н. С. Богдановой. Первая — производилась А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой в Петрозаводске 12.VI.1926 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 2, ед. хр. 16, л. 2—4 — *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 118). Повторная запись была выполнена Н. Котляровой в д. Зиновьево 29.VII.1931 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 7—8 об.— *бркп*).

3. ФА ИРЛИ, ФВ 45. 01. АКССР, Заонежье, Шуньга, д. Мишкарёво. Мария Васильевна Могучева, 43 г. Зап. <А. В. Финагина>, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса 5.VII.1926 г. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже. Биографические сведения об исполнительнице и характеристику ее репертуара см.: Астахова, 2. С. 454. Полный поэтический текст записан Н. П. Колпаковой 6.VII.1926 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 16, л. 100—100 об.— *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 176).

Братья-разбойники и сестра

4. ФА ИРЛИ, ФВ 42. 02. АКССР, Заонежье, Шуньга, д. Лазарево. Анна Гавриловна Истомина. Зап. <А. В. Финагина>, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса 5.VII.1926 г. Рукопись полного поэтического текста не обнаружена. В материалах экспедиции ГИИИ отсутствуют какие-либо сведения об исполнительнице. Собирателями-филологами в деревнях Шуньгской волости зафиксировано несколько поэтических текстов указанной баллады:

а) от Надежды Яковлевны Истоминой, около 50 лет. Зап. А. М. Астаховой 4.VII.1926 г. в д. Истомина (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 48—49 — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 82—83 — *бркп*);

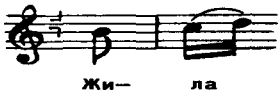
б) от Марии Васильевны Рогозиной, 16 лет. Зап. И. В. Карнауховой 5.VII.1926 г. в д. Дерегузино (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 24—25 об.— *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 147). В публикации замечание, касающееся концентрической структуры стиха баллады, вынесено в комментарии и носит общий

характер (Астахова, 2. С. 704). В рукописи возле повторяющихся стихотворных строк имеются пометы: «2 р» или «2». Не повторяются строки: 8, 12—16, 32—33, 38, 45—56, 58—63;

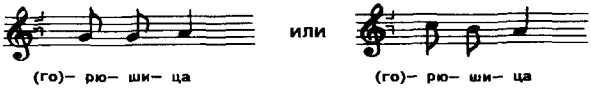
в) от Авдотьи Дмитриевны Егоровой, 23 лет и Анны Ивановны Егоровой, 26 лет (остальные «присутствовавшие женщины», подтягивавшие «в унисон, без подголосков», не упомянуты собирателем). Зап. А. М. Астаховой 7.VII.1926 г. в д. Звяговщина (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 95 об.—96 об.— *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 88—89 — *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 177).

Нотация З. В. Эвальд публикуется по рукописи: ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, ед. хр. 66. Нотная расшифровка содержит 18 строф напева (последняя музыкальная строфа — неполная).

[1] Начальная нота заключена автором расшифровки в круглые скобки. Завышение высоты и сокращение длительности первого звука вызвано, вероятно, нестабильностью скорости вращения вала фонографа в момент его включения. Вероятно, следует:

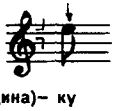


[2] Квадратные скобки выставлены автором нотации. Мелодический контур каданса расшифрован предположительно. Возможны варианты реконструкции:



[3] Скобки проставлены редактором.

[4] Возможен вариант нотации:



5. ФА ИРЛИ, ФВ 24. 03. АКССР, Заонежье, Космозеро, Погост. Пелагея Никифоровна Коренная, 60 лет, <уроженка с. Фоймогуба>. Зап. <А. В. Финагина, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса> 25.VI.1926 г. (В паспорте к фоновалику авторы записи не указаны.) Напев транспонирован на 1/2 тона выше. Рукопись полного поэтического текста не обнаружена.

Биографические сведения об исполнительнице и характеристику ее репертуара см.: Астахова, 2. С. 328—329. В экспедиции ГИИИ от П. Н. Коренной зафиксированы также напевные фрагменты: «Два брата Лазаря», «Плач Богородицы» (см.: наст. публикацию, № 9, 10), «Было у доброго молодца погуляно» (ФА ИРЛИ, ФВ 24. 02; опубл.: Крестьянское искусство... Нотное приложение № 5). Три сказки П. Н. Коренной — «Про петуха, курочку, лисицу», «Колобок», «Про девку Пашку» (ФА ИРЛИ, ФВ 768, 769. 01, 769. 02) — записал с помощью фонографа С. И. Бернштейн 30.VI.1926 г. Звукозапись напевного инципита баллады «Птицы на море» (ФА ИРЛИ, ФВ 4811. 01; опубл.: Былины. № 132) в исполнении сказительницы была выполнена в экспедиции 1932 г.

6. ФА ИРЛИ, ФВ 3494. 01. АКССР, Заонежский р-н, Сенногубский с/с, д. Зиновьево. Наталья Тимофеевна Зиновьева, 47 лет Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 12.I.1932 г. Сведения об исполнительнице см.: Астахова, 2. С. 121. Полный текст баллады от сказительницы в период зимней экспедиции

1931—1932 гг. записан не был. Фиксация полного поэтического текста Н. Т. Зиновьевой была осуществлена Н. Котляровой 12.VIII.1931 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 69—70 об.— *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 119). Зимой 1932 г. на фонографическом цилиндре от сказительницы был записан напевный фрагмент духовного стиха «Егорий и Змей» (см. наст. публикацию, № 8).

Насильственный постриг

7. ФА ИРЛИ, ФВ 3495. 01. АКССР, Заонежский р-н, Сенногубский с/с, д. Обозеро. Матрена Кузьмична Пашова, 54 г. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 17.I.1932 г. Аналогично датирована запись полного поэтического текста (РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 1, ед. хр. 1, л. 51—51 об.— *бркп*; опубл.: Астахова, 2. № 128). Напев транспонирован на 1/2 тона ниже. Биографические сведения об исполнительнице и характеристику ее репертуара см.: Соколов—Чичеров. С. 629; Астахова, 2. С. 147.

Между рукописным и печатным текстами обнаруживаются значительные разночтения, не оговоренные автором публикации, которые затрагивают зачинный раздел баллады. В приводимом ниже фрагменте нами принята конъектура А. М. Астаховой, унифицирующая способ передачи мягкой аффрикаты *ц'*:

Вдовка в Осьманьськом саду доць родила,
На руки подня́ла и страх ю забрал:
Мужа-то нету, как воспитать?
Ехали татары с Нова́-города,
Вдовку увидли и спрашивали:
«Об чем ты тужишь, скажи нужду свою?»
Плакала горько, сказала нужду:
«Купите-ко дочьку малу мою!»
Татарин ей в оци смотрел,
Жалу́юци, ребенка взяли себе.
Дали ей золота горьсьти дьве.
Привезли домой, осмотрели кругом,
Красавицю доцькой назвали своёй.
Кру́живом было лицё окружено,
Белота́ была взята от снегу белого,
Красота была взята от со<л>нця красного,
О́оценьки горят, быдто звездоцьки,
Волоса у ей были́ белорусыи.
Ростили доценьку до 17 лет,
Клали ю в терем высокоей. <...>

Далее на протяжении всего текста просматриваются мелкие разночтения.

Обратим внимание на слабую координацию рукописного текста с зафиксированным на фонограмме напевом. Последний обладает репрезентативными свойствами и согласуется с иными местными вариантами баллады (см.: ФА ИРЛИ, ФВ 767. 02. Запись 1926 г. в д. Мичуры Сенногубской волости; ФА ИРЛИ, МФ 443. 02, 06. Записи 1956 г. в с. Сенная Губа). Достаточная урегулированность музыкально-временны́х и слогоритмических параметров напева находится в противоречии с подвижностью метрической структуры и количественно-слогового состава стиха. Остается неразрешимым вопрос, почему для звукозаписи был избран краткий фрагмент заключительного раздела баллады, обнаруживающий наибольшее сходство с каноническими вариантами. Нельзя не заметить также тенденцию к забвению текста.

проявляющуюся в исполнении трех последних строк (из семи), запечатленных на фонограмме. Принимая во внимание исключительность интерпретации сюжета сказительницей (см.: Астахова, 2. С. 786, коммент. № 128) и не отвергая полностью сомнений в достоверности рукописного текста, можно предположить, что баллада была зафиксирована собирателями либо в декламационной форме, либо в пересказе.

Егорий и Змей

8. ФА ИРЛИ, ФВ 3494. 02. Паспортные сведения см. коммент. № 6. Публ. в альбоме грампластинок: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Эпические стихи и притчи... № 8. Полный поэтический текст был записан Н. Котляровой 17.VIII.1931 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 117—121 об.; см. в наст. изд. публикацию Л. И. Петровой, № 15).

Два брата Лазаря

9. ФА ИРЛИ, ФВ 31. 02. Сведения о месте записи и исполнительнице см. коммент. № 5. Зап. <А. В. Финагина>, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса 29.VI.1926 г. Рукопись, содержащая полный поэтический текст, не обнаружена. Нотная расшифровка З. В. Эвальд (ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, ед. хр. 14) содержит 14 строк музыкально-поэтического текста. При публикации длительности сокращены вдвое (в рукописи обозначение метронома: ♩=138).

[1] В рукописи над нотой поставлен знак вопроса, рядом записана четверть «d» без подтекстовки. Вероятно, подобная форма записи отражает сомнения автора нотации в транскрибировании деталей звуковысотного контура.

Плач Богородицы

10. ФА ИРЛИ, ФВ 31. 01. Сведения о месте записи и исполнительнице см. коммент. № 5. Зап. <А. В. Финагина>, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса 29.VI.1926 г. Запись полного поэтического текста не обнаружена. Нотная расшифровка З. В. Эвальд (ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, ед. хр. 6) содержит 20 строк музыкально-поэтического текста. В публикации длительности сокращены вдвое (обозначение метронома в рукописи: ♩=80). Слева от нотного стана имеется пометка *b-moll*, указывающая на факт транспозиции напева при расшифровке.

[1] Вероятно, начало духовного стиха оказалось не зафиксированным на фонограмме. Автором нотации слова «Шла тут» заключены в квадратные скобки. В предлагаемом варианте реконструкции зачинного фрагмента напева использована первая строка текста, выписанная в паспорте фоновалика.

Вознесение

11. ФА ИРЛИ, ФВ 3498. Ленинград. Федор Андреевич Конашков, 74 г., из д. Семеново Пудожского р-на АКССР. Зап. Е. В. Гиппиуса 15.I.1934 г. Публ. в альбоме грампластинок: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Эпические стихи и притчи... № 6. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже. Рукопись

полного поэтического текста не найдена. Перечень изданий, содержащих биографические сведения о сказителе и анализ его творчества, см.: Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 254.

Небылица

12. ФА ИРЛИ, ФВ 4802. 02. АКССР, Заонежский р-н, Великогубский с/с, д. Вигово. Марья Степановна Вичурина, 60 лет, Агафья Тихоновна Кузнецова, 48 лет. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 31.V.1932 г.

12а. Полный текст, записанный собирательницами там же, не датирован. В рукописи (РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 3 — *бркп*) фамилии исполнительниц не указаны. Текст атрибутирован на основании пометки: «Запис. на фон. от 2-х пожил. женщ., Вал. № 14». Две последние строки текста, выполненного чернилами, приписаны карандашом. Слева на полях карандашом поставлен знак вопроса. Комментарии к тексту и сведения об исполнительницах отсутствуют. Вариант баллады-небылицы см. № 13 наст. публикации.

13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 38 — *бркп*. АКССР, Заонежский р-н, Космозерский с/с, д. Погост. Анаст<асия> Афан<асьевна> Сазонова (возраст не обозначен). Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной не датирована. Сопоставление настоящего текста с вариантами, зафиксированными в д. Вигово (№ 12, 12а), позволяет предположить, что замена характерной лексемы во 2-й, 4-й и 12-й строках вызвана соображениями нравственной щепетильности. В рукописи имеется указание сказительницы на источник формирования ее эпического репертуара. «Мы все моло́ды-то ходили в пос<т> на беседу: не плясали, а пели сти́хи да сказки рассказывали. Хозяин с хозяйкой нам все рассказывали — всякую бывальщину да сказки, а я переимсьливая была, все запоминала, а нунь забыла много» (л. 37). Собирательницы приводят список эпического репертуара А. А. Сазоновой. «Сти́хи: „Насильственное пострижение“, „Про Егорья-света“, „Три сестрицы, Василий и Софея“, „Про вдову Па́шицу“, „Про 3 братьев Лазарей“ <так!>, „Мучилсэ трудник во пустыни“, „Ехали калики по канавы“, „Про Змею лютую“» (л. 37). Из перечисленных сюжетов кроме публикуемого от сказительницы записан лишь текст баллады «Василий и Софья» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 38 об. — 39 — *бркп*).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ОБОНЕЖЬЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 1926—1932 гг.)

Публикация Л. И. Петровой

Вряд ли в год выхода из печати широко известного специалистам фундаментального труда «Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности» можно было предположить, что на долгие десятилетия останется неразрешимой обозначенная В. П. Адриановой-Перетц «очередная задача изучения духовных стихов»: «точно привести в известность изданные и опубликовать рукописные записи всех духовных стихов, что значительно облегчит научную работу над ними».[1]

На сегодняшний день, если иметь в виду печатные источники, мы располагаем почти тем же материалом, каким располагала наука в начале XX в. Появившиеся за последние годы публикации текстов духовных стихов из архивов и личных фондов крайне малочисленны и не меняют картины в целом. Это касается и такого региона, как Обонежье.[2]

Обследовавшие обонежский край в 60—70-е гг. XIX столетия П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, судя по ряду сделанных им замечаний, застали традицию духовного стиха в устойчивом живом бытовании. Однако в собрание П. Н. Рыбникова[3] включено всего 2 текста «Аники-воина». Остальные из записанных произведений этого вида народной поэзии были переданы собирателем П. А. Бессонову. Последний поместил часть текстов в «Каликах перехожих»,[4]

---

[1] Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 8.

[2] 6 обонежских вариантов духовных стихов из архива Карельского филиала АН СССР (см.: Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981), стих о Вознесении в записи С. Е. Никитиной (см.: Живая старина. 1994. № 3. С. 34) и 12 музыкальных образцов духовных стихов, представленных в альбоме грампластинок: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Эпические стихи и притчи Русского Севера/Сост. А. Ю. Кастров. П2М 49311-14. СПб.: «Историческое наследие», [1994] — вот, пожалуй, и все, что было введено в научный оборот за последние десятилетия.

[3] *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым.* М., 1861—1862.

[4] Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6.

«рассыпав» их, однако, по разным выпускам и снабдив лишь самым общим указанием на источник информации. Что же касается А. Ф. Гильфердинга, то он намеренно отказывался от записи духовных стихов, видимо, не воспринимая их в системе русской народной эпики в целом,[5] хотя и отмечал, что «почти все крестьяне и крестьянки, которые поют былины, сверх того знают и духовные стихи», и не без оснований полагал, «что эти стихи ими выше ценятся и чаще поются, чем народные былины».[6]

Из более поздних обонежских записей духовных стихов в распоряжении исследователей имелось лишь 9 текстов из собрания Ф. М. Истомина—Г. О. Дютша[7] и разрозненный, зачастую не атрибутированный материал периодических изданий конца XIX—нач. XX в.

В этой связи существенным дополнением должны были стать издания эпики, подготовленные по материалам экспедиций конца 1920-х—начала 1930-х гг. в районы Обонежья, проводившихся «по следам Рыбникова и Гильфердинга». Однако ни Ю. М. Соколовым и В. И. Чичеровым,[8] ни А. М. Астаховой [9] не были и не могли быть включены в издания духовные стихи, хотя исследователи-филологи (как, впрочем, и музыковеды З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус) прекрасно понимали значение народной религиозной поэзии для изучения русской сказительской культуры (а музыковеды — для изучения поющихся форм повествовательного фольклора). Религиозное содержание на долгие десятилетия наложило на эти замечательные произведения печать запретности.

В настоящую публикацию вошли тексты духовных стихов, записанные в Обонежье участниками Комплексной северной экспедиции 1926 г., организованной Секцией изучения крестьянского искусства Социологического комитета Государственного института истории искусств,[10] а также экспедиций 1931—1932 гг., организованных Фольклорной секцией Института по изучению народов СССР АН и Карельским научно-исследовательским институтом.[11]

Публикуемые материалы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (разряд V).

Записи, которыми мы располагаем, обладают бесспорной научно-исторической ценностью, хотя и не отражают в полной мере, со всей достоверностью картины

---

[5] На это указывают, в частности, его слова, сказанные одному из исполнителей: «Духовных стихов мне не нужно, а нужны былины» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1. С. 26).

[6] Там же. С. 15.

[7] Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году/Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894.

[8] Онежские былины/Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова; Подгот. тома к печати, примеч., словарь В. И. Чечерова. М., 1948. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 13).

[9] Былины Севера/Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л, 1951. Т. 2 (далее: Астахова, 2, с указанием страницы).

[10] Общие сведения о составе экспедиции, характере и количестве собранного материала см.: Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. Т. 1. С. 6—8.

[11] См.: Астахова А. М. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1932 гг.) Сов. этнография. 1934. № 1. С. 215—219. Материалы этих экспедиций частично вошли в указанное выше издание «Русские эпические песни Карелии».

бытования духовного стиха в Обонежье на рубеже 20—30-х гг.[12] Разумеется, итоговые материалы любой экспедиции отражают не только реальную картину состояния фольклорной традиции, но и интересы самих собирателей, степень их профессиональной подготовки, способность эту традицию выявить и зафиксировать с максимальной объективностью. Что же касается результатов работы обонежских экспедиций 1926—1932 гг., то необходимо учитывать следующие моменты.

Во-первых, не могло не сказаться отсутствие опыта собирательской работы практически у всех фольклористов.[13]

Во-вторых, участники экспедиции не имели специальной установки на обследование состояния традиции духовного стиха. Запись текстов велась выборочно, многие из текстов не фиксировались, лишь указывалось их наличие в репертуаре исполнителей былин (да и то, вероятно, далеко не всегда). Единичными были случаи одновременной фиксации и текста, и напева стиха, столь важные для изучения музыкально-поэтических явлений народной культуры.

И в-третьих: начала сказываться вполне оправданная в период активной борьбы с народной религиозностью боязнь исполнения духовных стихов, тем более исполнения «прилюдного», да еще и регистрируемого. «А как ехала я в Москву, — вспоминала одна из известных сказительниц Н. С. Зиновьева-Богданова, — так женщины такие интеллигентные все спрашивали, что, да куда еду <...> А как узнали, что сказывать еду, говорит одна: „Не говори стихи духовния — там тебя большевики и вздернуть". Так вот мы и напуганы».[14] «Я Кузьме-то Дмитричу говорю, — делилась она же с собирателями, — чтоб былину вам спел. А он говорит: все забыл. Может, и не забыл, а так: ведь он партейной, так, может, им за то что будет. А только я думаю, уж раз со мной, с беспартейной, ничего не делают, так что с ним-то сделают!».[15] Если духовные стихи и пелись, то не без своего рода «оправданий». «Тут этто все такое божественное, так уж не знаю, не было бы худа, что пою. Теперь ведь в ето не верят, прежде только все „Бог да Бог". Ну, может, Он тогда и был», — оговаривалась одна из сказительниц после пения «Двух Лазарей».[16]

Объективные трудности сбора такого материала, как духовные стихи, усугублялись все настойчивее звучавшим требованием записи нового советского фольклора, вынужденной необходимостью в процессе собирательской работы заниматься еще и

---

[12] Более объективной картина жизни духовного стиха в Обонежье могла бы быть, по-видимому, воссоздана с одновременным введением в научный оборот хранящихся в архивах Москвы записей экспедиций Фольклорной подсекции Государственной Академии художественных наук, которые проводились в 1926—1928 гг. под руководством братьев Соколовых и ставили своей конкретной целью обследование эпической традиции Обонежья.

[13] Одна из участниц экспедиции 1926 г. Н. П. Колпакова позднее отмечала: «Ни у кого в секции, кроме К. К. Романова, опыта экспедиционной работы не было» (Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 5).

Что касается записей 1932 г., то они проводились в Обонежье студентками этнографического отделения Ленинградского историко-лингвистического института и очень проигрывают в качестве из-за слуховых ошибок неопытных собирателей.

[14] РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 23.

[15] Там же, л. 62.

[16] Там же, ед. хр. 9, л. 2.

агитацией, в том числе и антирелигиозной пропагандой, что, естественно, отнюдь не способствовало установлению доверительных контактов с исполнителями.[17]

И все же. Ценность произведенных в 1926—1932 гг. записей духовных стихов неоспорима. Был собран материал, на который можно опереться при рассмотрении вопроса об эволюции этого вида народной поэзии, уточнить распространение сюжетов, степень их популярности в том или ином регионе и пр. Весьма немаловажно, что записи духовных стихов производились в период, когда «калики перехожие» (традиционно считавшиеся носителями этой культуры) практически уже прекратили свое существование, и фиксировались таким образом только стихи, прочно «осевшие» в местном эпическом репертуаре. Публикуемые ниже тексты — за исключением № 14, 24[18] — были восприняты исполнителями от своих же односельчан в период Великого поста: «Стих слышала от старух. Говорит, что в Великом посту поют про себя стихи. Иногда ходят старики нищие, но теперь уж редко»;[19] «Мы все моло́ды-то ходили в пос<т> на беседу, не плясали, а пели сти́хи да сказки рассказывали, всякую бывальщину да сказки, а я переимсьливая была, все запоминала...».[20]

Характеризуя репертуар одной из юных сказительниц М. Рагозиной, участница экспедиции 1926 г. И. Карнаухова писала о ней как об исключении: «Дома она постоянно напевает про себя духовные стихи. Сейчас, когда духовные стихи забываются и хранятся только в памяти немногочисленных стариков, когда молодежь знает их только понаслышке, эта девочка, обладающая большим запасом духовных стихов и постоянно поющая их для себя, — редкий и интересный факт».[21] Горькая справедливость этих слов сомнений не вызывает. Тем не менее экспедиционные записи (особенно 1926 г.) в целом свидетельствовали о все еще прочной традиции духовного стиха в Обонежье. Из 23 исполнителей,[22] от которых записаны тексты или фрагменты текстов духовных стихов (более половины из исполнителей былин не пели), 9 — в возрасте от 16 до 51 года. Среди сказителей двое мужчин (один 47 лет), три молодые девушки (две 16 и одна 23 лет.) О том, что духовные стихи знают и молодые, свидетельствовали сами местные жители. В рабочей тетради А. М. Астаховой есть, например, такая запись: «Женщина, которая приносила полотенца, говорила, что в деревне мно<го> знают стихов, и молодые тоже зна<ют> и поют».[23]

---

[17] «Из других видов общественной работы, — писала А. М. Астахова в отчете о карельских фольклорных экспедициях, — <...> следует еще отметить консультации, которые давались при обследовании культурно-бытовой работы, антирелигиозные выступления, организацию заонежским отрядом зимой 1931—1932 г. антирождественского вечера в Сенногубском сельсовете и активное участие членов беломорского отряда в антипраздничном собрании в Ильин день в дер. Воринже» (Сов. этнография. 1934. № 1. С. 218).

[18] См. примеч. к № 14, 24.

[19] РО ИРЛИ, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 57 об.

[20] Там же, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 37.

[21] Карнаухова И. Сказочники и сказки в Заонежье//Крестьянское искусство СССР. С. 113.

[22] Сведения приводятся по материалам 1926, 1931 и 1932 гг., хранящимся в РО ИРЛИ, р. V.

[23] РО ИРЛИ, кол. 2, п. 12, ед. хр. 11, л. 11.

Если сопоставить материал экспедиций 1926, 1931—1932 гг. с обонежскими публикациями XIX в., то можно говорить о довольно хорошей еще сохранности многих текстов. Появляющиеся же в них «нетрадиционные» мотивы, концовки, повороты сюжета, перевод чисто христианских отвлеченных образов в сферу крестьянского быта[24] — это не столько свидетельства разрушения традиции странствующих нищих (певцов-«профессионалов»), сколько усвоение этой традиции народной эпической культурой.

Несколько изменилась и степень популярности тех или иных сюжетов. Если А. Ф. Гильфердинг отмечал, что «почти все крестьяне и крестьянки, которые поют былины, сверх того знают и духовные стихи, особенно про Алексея человека Божия, Егория Храброго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную книгу»,[25] то в 20-е гг. «Голубиная книга», например, перешла в разряд редких, забываемых сюжетов, а наиболее распространенным стал стих «Егорий и змей». Можно считать это естественным в силу привлекательности сюжета (в том числе и для самих собирателей), его распространенности в разных жанрах и особенно в сказке.[26] Однако той же А. М. Астаховой в 1927 г. этот сюжет на Пинеге не фиксировался.[27]

Материалы первых советских экспедиций не могли не запечатлеть, разумеется, все отчетливее проступающие следы разрушения, угасания, насильственного отторжения традиции от ее возможных носителей. Это проявлялось и в забвении исполнителями певшихся когда-то текстов, и в ущербности части записанных. Столкнулись собиратели и с фактом пародирования духовного стиха. На сюжет «Трудника в пустыне» ими записана своего рода эротическая «скоморошина», явно позднего происхождения.[28] Влияние революционного нигилизма все сильнее сказывалось и на отношении к духовным стихам.

Но сам по себе факт, что они продолжали звучать в годы беспощадной борьбы с любыми проявлениями религиозного мышления, свидетельствовал о безусловном духовном авторитете этого жанра в народной среде.

Публикуемый материал группируется по сюжетам, внутри сюжета — по хронологии записей. Все сведения справочного характера, а также текстологические при-

---

[24] Ср., например, набор «правил поведения» в стихе «Пятница и Трудник» в записи 1932 г. с близким вариантом в записи Истомина—Дютша (№ 12). Или нарушающий традицию зачатия Елисафии от Святого Духа сказочный мотив в «Алексее человеке Божием»: «Съездил Ефимьян в Римско царство,/Купил он шелковый невод,/Наловил он свежей рыбки,/Накормил обручную княгиню,/С тых пор княгиня понеслася» (РО ИРЛИ, кол. 2, п. 2, ед. хр. 10, л. 1). Или смену имен (на более понятные): «Елисафия» — на «Софья» (см. № 15), «Ефимьяне» — на «Ефим» (РО ИРЛИ, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 71). Или появление местных реалий: «Распростился с княгиней, сам уехал от ей./Зашумел, загремел да Онегушко» (Там же) и т. п.

[25] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 1. С. 15.

[26] См.: Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора//Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 190—208.

[27] См.: Архивные записи пинежского эпоса (По материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года) (Публикация А. Ю. Кастрова); Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года (Публикация Л. И. Петровой)//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 156—218.

[28] РО ИРЛИ, кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 98—98 об. Правда, по словам исполнительницы, это «старики раньше пели».

мечания к текстам даны в комментариях. Там же приводятся заглавия стихов, принадлежащие самим исполнителям.

Тексты печатаются по рукописям собирателей с сохранением всех орфоэпических особенностей местного говора. Во всех записях снята фиксация ассимиляции согласных и оглушения согласного на конце слова — как явление полного совпадения диалектного произношения с литературной нормой. В окончаниях глаголов 2-го лица ед. числа сохранен «ь» (как чисто орфографический знак). «Г» фрикативное обозначено буквами ***«Г, г»***.

Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами грамматики. Сохранены проставленные собирателями знаки ударения.

Реконструированные нами части текста, вставленные для удобства восприятия отдельные буквы в словах заключены в угловые скобки. В круглые скобки взяты так называемые вставные гласные.

Вместе с тем имеются некоторые отличия в подаче текстов, обусловленные различной степенью доверия к записям тех или иных участников экспедиции.

Во всех записях, кроме записей А. М. Астаховой и Т. В. Поповой,[29] снимается фонетическая фиксация произношения, адекватного литературному. Но поскольку мы допускаем, что непоследовательность в передаче фонетики сходных слов могла быть вызвана и реальными колебаниями произношения в пределах одного текста (тем более пропетого), то заменяемые нами буквы выделены курсивом. Все числительные, обозначенные в рукописях цифрами, переданы словами без дополнительных оговорок.

Такого рода фонетическая правка — за исключением единичных случаев, специально оговоренных в комментариях, — не производилась в текстах указанных выше собирателей, хотя, естественно, и они не могли при записи «с голоса» в точности воспроизвести услышанное. Поэтому трудно категорически утверждать, с чем мы сталкиваемся в каждом конкретном случае: реальной вариацией при пении (к примеру, «свое*г*о» и «своёво») или различной передачей одинаково звучащего слова.

Следует особо отметить, что полевые записи сохранились лишь у А. М. Астаховой, что и позволяет воспринимать ее тексты как наиболее достоверные. Слова (части слов), отсутствующие в полевой записи и публикуемые по перебеленной рукописи,[30] заключены в прямые скобки[31] и дополнительно оговариваются в комментариях лишь по мере необходимости. При неразборчивости полевой записи (неясности написания отдельных букв, окончаний слов, что существенно для правильного восприятия диалектного произношения) текст печатается по беловой рукописи с выделением курсивом сомнительных мест. Таким образом, в текстах А. М. Аста-

---

[29] Во время экспедиции 1926 г. Т. В. Попова работала сначала совместно с ученым-лингвистом С. И. Бернштейном, в группе филологов считалась его заместителем, ей было поручено, в частности, вести «наблюдения над говором изучаемых местностей» (РО ИРЛИ, кол. 2, п. 12, ед. хр. 1, л. 9. Дневник А. М. Астаховой).

[30] В примечаниях — *бркп* (полевая запись — *пз*).

[31] Исключение составляют случаи, когда в полевой записи при повторе слова или части строки ставится прочерк (вполне естественный прием при записи «с голоса», отнюдь не «компрометирующий» сам по себе эту запись), а точность воспроизведения опущенного в беловой рукописи сомнений не вызывает.

ховой (при наличии и полевой, и перебеленной записей) курсив уже имеет иное значение — не связанное с нашим вмешательством в фонетическое оформление текста.

За редким исключением, случайные оговорки исполнителей нами не фиксируются.

Голубиная книга

1

Наставала тут тучка[1] темн*ая*,
Тучка[1] темная, страховитая,
А со громом туценька, со молнией,
Со великоей со страстью Господнеей.
5 Вси тучку[1] боялись, вси тучку ужасал*ись*,
Как со той тученьки[1] темноей,
Как со той со страсти Господнеей
Выпадала книга Голубин*ая*.
В вышину-то книга дес*яти* сажён,
10 В ширину книга[2] — двадц*ать* сажён,
В долину книга — тридц*ать* сажён,
Ай кругом вся книга — сорока сажён.
Вси ко книге собиралися,
Вси книгу дивовал*ися*.
15 Собиралися дьяки да протопопики,
Протопопики и архирейчики ,—
Никто к той книге пристать не смел,
Прочитать не умел[3].
Приезжали к книге сорок царей,
20 Сорок царей, сорок рыцарей,
Царевицей и королевицей.
Вси ко книге собиралиси,
Вси книгу дивовалиси —
Никто к той книге пристать не смел,
25 Прочитать не умел.
Никому книга не сдаваласи,
Никому святая не открыласи.
Приставал ко книге Волото́ман-царь,
Волотоман-царь Давыд Евсеевич.
30 Он стал книгу просматривать,
Он стал книгу прочитывать,
Читал[4] книгу по три года —
Просмотрел во книге только три листа.
Приезжали к ему цари оп*е*ть рычари[1],
35 Стали его оны выспрашивать:
«Ты скажи-ко, братец, поповедай нам,
Читал ли эту книгу всю с конца,
Об чем книга составлена,
Что в книге там написано,
40 И как она там под названием?»
Отвечал им Волото́ман-царь:

«Когда стали выспрашивать,
Я[5] же буду р*а*ссказывать.
Просмотрел во книге ровно три листа.
А уж знаете ли вы, знаете, ведаете,
А какия книги всем книгам книга?
А Голубиная эта книга есть, Голубиная!»
А оны говорят:
«А почему она Голубиная?»
—«Оттого ль она Голубиная:
У Господа книга составлена,
У самого Христа напечатана,
И по воздуху на землю пущена.
Как Дух Святой явился на воздухе в виде голубя —
Так и книга названа Голубиная.
Вот на первоем листу написано.
Уже вы знаете, знаете, ведаете,
От чего начался белый свет?
Бел[ый] свет начался[1] от лица Его,
От лица Господнего!
А знаете ль, ведаете ль,
Отчего пекёт солнце красное?
Солнце красное от очей Его пекёт,
От очей Господни*их*!
А зори ясные — от бровей Его от Господн*их*!
А звезды частые — от[6] косиц Его от Господн*их*,
А млад светел месяц пекёт от Его темени!
А вы знаете ли, знаете ль, ведаете ль,
Какия моря́ всем морям моря?
Океан-море — всем морям море!
А знаете ли, какия рыбы всем рыбам рыбы?
Кит-рыба всем рыбам рыба!
Какие леса всем лесам лесы,
Какие древа всем древам древа?
Кипарисно древо всем древам древо!
Отчего оно всем древам древо?
На том древе кипарисном
Был распят Иисус наш Христос —
Оттого оно всем древам древо.
Иордан-река всем рекам река:
Во той реке, во святой воде
Крестился наш И*и*сус Христос.
А какие травы всем травам травы,
А какие корни всем корням корни?
А плакун-трава всем травам трава!
Отчего плакун-трава всем травам трава?
Растет она по бережкам, —
Ходила Матушка Божия по крутым бережкам,
Искала сына своего родного,
Ронила она слезы горькие.
От тых от слез горьких
Выросла трава: плакун-трава.

2

... Ты скажи-ка нам, да Исай-пророк:
От чего начался весь-то белый свет?
— Весь-то белый свет сотворил Господь
Да сам Иисус Христос.
5 — Ты скажи-ка нам, да Исай-пророк:
От чего зачиналось солнышко красное?
— Солнышко красное — от лица Господнего.
— Ты ещё скажи нам, Исай-пророк:
От чего нача́лись зве́зды частые?
10 — Звезды частые — от воло́с Господниих.
— Ты еще скажи, Исай-пророк:
От чего нача́лась луна́ Божия?
— Луна Божия — от главы Господнией.
— От чего у нас да ре́ки про́текли?
15 — Реки протекли от слёз Господних.
— Ты ещё скажи нам, Исай-пророк:
Да который зверь всем зверя́м-то зверь?
— Ай же лев-то зверь всем зверя́м-то зверь.
— Ты еще скажи нам, поведай-ка:
20 Да кака́ птица́ всем птица́м птица́?
— Ястреби́л-птица́ всем птица́м птица́.
— Ты скажи ещё, да поведай-ка:
Да како́ морё все<м> морям морё?
— Окиан-морё всем морям морё.
25 — Ты ещо́ скажи да поведай-ка:
Да какая мать всем матя́м мати?
— Мать сыра́ земля́ всем матя́м мати́.
— Ты ещё скажи нам, Исай-пророк:
На чем земля основана?
30 —Мать сыра́ земля́ на трех китах основана.

Страшный суд

3

Кончитця[1] жизнь белого света
Во[2] мгновени<е> наш<его>[3] ока.
Солнце, луна потаитця,
Звезды на землю спадут,
5 Пролетит стрела огнен[н]а́я
От Во́стока ко Запа́ду.
Не поспеет мать к дитю повернуться—
Со всех сторон огни <разольютця>[4],
Загорятця горы и моря,
10 Загорятця мо́ре[5] и Онега,
Загорятця города и деревни.
Только не будут гореть Божьи церкви,
Будут стоять на возду́сях[6].
Будут тут зубамы скрипети,

15 Заплачуть тут грешныи души,
Будут ре́вом ревети,
Будут зу́бом скрипети,
Будут власы с глав срыва́ти,
Будут убиваться — не убьются,
20 Будут тонуть — не потонут.
Возгорит*ця* земля свет мирск*ая*[7],
Будет вся земля, как скатерть, нова́я.
Встанет[8] тут Михайла свет архангел,
Встанет тут на гору высоку́ю,
25 Затрубит в трубу́ золоту́ю:
«Встаньте, живые и мертвые, из гроба!»
[9]Вси тут они встанут,
Вси равныи возрастом будут[10],
Друг друга узнают,
30 А возглаголить не возмо́гут.
Пуститця на землю су́дья праведный,
С ангелом и со херувимо́м,
Будет тут судья суди́ть живых и мертвых,
Возречет Христос тут, Царь Небесный:
35 «Праведных, вратитесь[11] ко Востоку,
Грешных, вратитесь[11] ко Запа́ду!»
Кости наши по́йдут червям на истоценье,
Души наши по́йдут, что где согрешили.
Не поможет тут душам нашим грешным
40 Не именье наше, ни богатство,
Ни гор(о)дость — высокоумье.
Поможет ли только <'л>и[12] не[11] поможе
Тихо-плач — наше покаянье,
Тихо-смирно наше покаянье.
45 Чтобы права рука подавала,
А лева совсем не знала.
Блудотворцы[13], душегуб*цы*[14] —
В грозу лютую ко злым ко зверям розъяренным,
Ко злым к змеям розъяренным!
50 Пьяницы — в смолу кипелую!
Расплацутся грешныи души:
«Ай же ты, Христос, Царь Небесный!
На что ты нас покида[е]шь,
Небесного царства лишаешь,
55 Вместе с другими не полагаешь?»
Возречет Христос, Царь Небесн*ый*:
«Ай же вы, грешны*е* души!
За ваше за большое согрешенье,
За ваше жит*ье* за беззаконное
60 Сотворен<а>[15] вам вечная мука,
Вечная мука бесконечна.
С конца вы будете горети,
А с другого расте́ти!
Жили вы на вольноем свете—
65 Заповедей моих не сполняли:
В среду вы, пятницу не постились,
Во воскресн*ый* день Богу не молились;

Очи ваши были ямы,
Руци ваши были грабли;
70 Что ваши оци завидали —
То ваши руци забрали;
Беднаго не одели,
Голодного вы не накормили,
Голого вы не одели,
75 Странного не принимали!»
Возречет Иван Архипильский:
«Будет ли грешным прощенье?
Будет ли с аду вороченье?»
Возречет Христос, Царь Небесный:
80 «Не есть конця и не будет!»
Потяните, ангелы, землю[16],
Чтобы не было слышно писку и вереску.
Будут тут ревом реветь,
Будут родителей[17] своих проклинать:
85 «Будьте прокляты, наши отцы-матери!
На добрыи дела нас не учили».

Вознесение

4

Светлое Христово да Воскресенье
На шестой-то недели в Вознесение:
Со всеми святыми-та ангела́ми,
Со всею небесною-та свитой
5 Вознесся Исус Христос на небо.
Плачет тут меньшая братия:
«Ай же ты, Исус Христос — Царь Небесный!
Ай же ты куда от нас уходишь?
Ай же на кого нас оставляешь!
10 Будем мы холодны и голодны,
Будем мы босы и голы».
— «Не́ плачь, мо́я ме́ньшая тут братия!
Оставлю вам горы золоты́и,
Пропущу вам реки медовы́и».
15 — «Ай же ты, Исус Христос, Царь-то Небесный!
По́зволь мне-ка слово сказати,
За мои-то за сло́ва да не ругати,
За мои за речи не казнити.
Не оставь нам гор(ы)[1] золотыих,
20 Не пропускай рек медовыих:
Будут у́ нас страшни судии,
Отсудят у нас горы золотые,
Отсудят у нас реки медовы́е.
Оставь ты нам Божие слово!
25 Будем мы-то по миру ходити,
Будем милостыню просити».
— «Не плачь, мо́я меньшая братия!

Оставлю вам Божие слово!
Будете одеты и обуты,
30 Будете и сыты, и согреты,
Будете вы по миру ходити,
Будете вы милостыньку просити».

5

В пос<т> то было на седьмой недели,
После Вербново Христово Воскресенья.
Порасплакались меньшие братья,
Порасту́жились малы сиро́ты:
5 «Ты куды же, ***Г***осподь Бо***г***, уезжаешь?
На ково же ты нас оставляешь?
Хто нас будет кормить да поити,
Хто нас будет обувать, одевати,
Хто нас будет теплом согревати?»
10 — «Вы не плачьте-ко, меньшии братья,
Не тужите-ко, малы сиро́ты!
Я оставлю вам гору золотую,
Оставляю вам реку медову́ю,
Я оставлю вам сады виноградны.
15 От горы вы будете одеты и обуты,
От реки вы будете сыты и пьяны,
От садов вы будете теплом обогреты».
Тут пришол Иоан Златоустой,
Стал он перед ***Г***осподом на колени:
20 «Ай же ты, ***Г***осподи — Царь Небесной!
Не оставь-ко ты им го́ру золотую,
Не оставь-ко ты им реку медовую,
Не оставь-ко ты им сады виноградны!
Над горою будет драка большая,
25 Над рекою будет голоубийсьво велико,
Над садами будет кроволитьё.
Остав-ко ты им Христовоё слово!
Пусь-ко эты меньшии братья
И пусь-ко эти малы сиро́ты
30 Пусь-ко ходят оны по́ миру просят,
Господа Бо***г***а споминают.
За твоёго за Христовоё слово
Будут оны сыты и пьяны,
Будут обуты и одеты
35 И будут теплом обогреты».
— «Ай же ты, Иоане, раб Божей!
За твоё благоугодноё слово
Наложу я тебе уста золотыи,
Наложу я те празнички часты».
40 Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!

Алексей человек Божий

6

Во славном во Римском царсьве
У славно*г*о князя у Яфимьяна
Нé было ни сына, ни дочéри,
Нé было никáко*г*о отплóдья.
5 День-то он молился со слезамы,
Всю-то ночь молился со свещамы:
«Создай-ко мне, милостивый Боже,
Создай-ко хоть сына либо дóчерь,
Создай хоть како-нибудь отплодье!»
10 Бо*г*ородица *г*ласом тут про*г*ласила,
Князю Яфимьяне *г*оворила:
«Ай же Яфимьянь ты, князь бо*г*атый,
Поди проць с соборней Божей церькьви,
Вó свои во кáменны палаты,
15 Вó свою во тёплую спáльну.
Возьми свою обручную кня*г*иню,
Обручную кня*г*иню Катерину,
Поцелуй в уста её во сахáрьнии—
Тут твоя кня*г*иня понесётся.
20 Не от то*г*о *г*реха от худо*г*о—
От то*г*о от Духа от Свято*г*о
Прúнесет кня*г*иня тебе сына,
Даст ему имячко святое,
Святой Алексей, целовек Божий».[1]
25 ...Пóшол князь Ефимьян
Сбирать попóв да патриархов
Крестить своё*г*о сына Алексия.
Не по *г*одам е*г*о чадо возрастае — по часам.
Рóстили Алексия до семи лет —
30 И стали éго *г*рамоти учить.
Алексию-свету *г*рамотка далась,
Божье писание потому же.
Рóстили Алексия лет семнадцать.
Захотелось родителям женить.
35 Пóшол Яфимьян, князь бо*г*атый,
Выбирать своему сыну кня*г*иню,
Он по всем *г*ородам, по всем по царсвам.
Прúбрал он кня*г*ину Котерину
Во своём во Римском во царьсве.
40 Сталы оны́ свадебку и*г*рать,
Стали оны́ пир пировать.
В Божью церьковь ходили,
Брак оны́, венец принимали,
Прицюден крес целовали,
45 И за стоў Алексея посадили
Со своёй со обруцьной кня*г*иней.
Кушаний никаких он не воскушает,

Медовых напиток не спивает.
Говорит ему князь Ефимьян:
50 «Што же ты, Алексий человек Божий,
Кушаний никаких не воскушаешь,
Питьев никаких не испиваешь?
Знать, мы тебя молода женили,
Аль тиби княгина не по мысли?»
55 На это слово Алексий ничего не скажет.
Повели их тут в тёплую во спальну
Со своёй с обручной со княгиней.
Господу он Богу помолился,
С о́тцем он и со матушкой простился,
60 Взял он тут родительско прощенье,
На вси века благословленье;
Сам пошол во тёплую во спальну
Со́ своей со обруцной со княгиней.
Молится всё он Господу, трудитца,
65 Говорит ему обруцная княгина:
«Ай же ты, Алексий человек Божий!
Молишься ты Господу, трудишься,
Што же ты спать не ложишься?»
Во втором часу ноци
70 Встал Алексий-свет со ложденья,
И отрушил от сердецька шолков пояс,
И скинул с правой руцьки зла́тен перстень,
И обруцьней он княгины подавает:
«Вот тебе, обруцьная княгина!
75 Когда шолков пояс расплетётся —
Ты-то да меня, княгиня, дожидайся.
А когда зла́тен перстень распоитца —
Тогда меня живого не буде».
Тут его княгиня слёзно плацет,
80 А он на ёйны слёзы не взирает.
В одноконецьну[2] Алексий поезжает,
А он обруцьную княгиню обнимает:
«Не плачь, моя обруцьная княгиня!
За тебя я буду Господу молитца,
85 За твои за мла́дая лета».
И схватился тут князь Яфимьян
За́ своего сына Алексея,
И полки полками солдатов рассылает
По всим градам, по всим <весям>[3]
90 И по всим пустыням, бого<мо>льям[4].
И нигди Алексея не находят.
А и нашли Алексия — да не узнали
И милостинькой ёво наделяли,
Самы Олексия вспоминали.
95 Со своих рабов милостыньку взяў
И за своих рабов Бога молиў.
Тридцать лет в одной пустыни он молился,
Кажную неделю споведался
И кажную субботу причащался.

100 И Бо*г*ородица ему *г*ласом про*г*ласила:
«Ай же ты, Олексий человек Божий!
По́лно тебе *Г*осподу молитца,
Своих о́тца-матерь про*г*невлять,
Свою мла́ду обруцьную кня*г*ину!»
105 *Г*осподу он Бо*г*у помолился,
Вы́ходил он во чи́стое во по́ле,
Приходил ко синему ко мо́рю,
Садился он на маленький кораблик.
Олексееву по помоленью[5],
110 По е*г*о святому упрошенью,
Понесло корабль за сине мо́ре,
Ко етому ко *г*ороду ко Риму.
Сходи[6] Олексий-свет со корабля,
При́ходил во собо́рну Божью церьковь,
115 Становился в церьквы во папе́рьти.
Ид<е>[7] Ефимьян, князь богатой,
От великой от обидни
И милостинькой света наделяет,
А сам он Олексия вспоминает :
120 «Ай же ты, калика есь убо*г*а,
Убо*г*а ты калика перехожа!
Не слыхал ли ты сына Олексия?»
Становился калика перед князем на колено.
«Как же мне, — скажет, — е*г*о не слыхати:
125 В одной пустыни мы молились,
Кажную неделю споведались,
Кажную субботу причащались,
И за единым *Г*осподом молились,
И за единым мы спасенье получали».
130 И *г*оворит ему князь Ефимьян:
«Ай же ты, калика перехожа!
Ради ты мое*г*о сына Олексея,
По́йдем ко мне в белокаменну палату,
За единым столом будем хлеба кушать».
135 И *г*оворит ему калика перехожа:
«Ай же ты, князь Ефимьян!
Ради же ты сына Олексея,
Ради же ты *Г*оспода Бо*г*а,
Со́строй-ко мне келью под ступеньма,
140 Под своим перёным под крылецьком».
И состроил ему князь Ефимьян келью под ступеньма,
И завели туда калику убо*г*у,
И преставили ему слу*г*у верну.
Она пищу сама поедала,
145 А ему помои туды приносила,
Скрозь ступени на́ *г*олову лила, —
А он принимал всю нужду с бла*г*одареньем.
Потом он про́знал свою кончину,
За́ три дни и за́ три ночи,
150 И *г*оворит своей слу*г*и келейной:
«Принеси мне чернила и бума*г*у
И не ходи ко мне три дни и по́ три ночи!»

Он стал писать себе рукописанье,
И преставился [8]<калика перехожа>[9].
155 И понесло по́ *г*ороду духи ла́данныи,
И стали искать во́ *г*раде свято*г*о,
И пришли к князю Ефимьяну.
С молитвой келью отпирали —
Там преставился калика перехожа,
160 А в руках держал рукописанье,
И нихто не мог прочитать е*г*о рукописанье.
Тут при́звали князя Ефимьяна,
И ему рукописанье ето сдало́сь.
Он читат рукописанье, а сам плачет,
165 И вла́сы с *г*олов́ы сорывает,
Ризу на сиби роздирает,
Жалобно словамы причитает:
«Сын ты наш возлюбленный,
Святой Олексей человек Божий!
170 При́шел из великия пустыни, —
Што же ты нам не сказался?
Было́ бы нам в одной палаты место!»
Тут при́звали е́*г*о матушку родную.
Она идет ко святому, сама плачет,
175 И власы со *г*оловы сорывает,
Жалобно словами причитает:
«Сын ты наш возлюбле́нный,
Свя́тый Олексей человек Божий!
Што же ты нам не сказался?»
180 При́звали тут е*г*о обруцьную кня*г*иню.
Она идёт ко святому, сама плачет,
Жалобный *г*лас роспущает,
Жалобно словамы причитает:
«Князь ты мой возлюбле́нный,
185 Муж ты мой, Бо*г*ом сужденный!
При́шел ты из великия пустыни, —
Што же ты мне-кова не сказалси?
Я бы в <келью>[10] к тебе приходила,
Пищу бы я тя́бе да носила,
190 И ризу бы на теби́ переменила».
И тут стали Олексея хоронить,
Злато-се́ребро по доро*г*и князь Ефимьян рассыпает —
Нихто за злато не бросался,
Все ко святым мощам прила*г*ались.
195 От святых мощей было прощенье.
Глухим давал ***Г***осподь прослышенье[11],
Слепым давал прозренье,
Грешным давал ***Г***осподь прощенье.
Несли е*г*о три́ дня и по́ три но́чи,
200 И стали Олексея хоронить.
Лица е́*г*о пишут на иконы,
Житьё пишут на бума*г*у:
В котором *г*ороде родился
И в котором ***Г***осподу молился.

7

Жил-был Ефимьян, князь богатый,
Не было ни сына, ни дочéри,
Не было никакой перемены.
Хóдил он по городу по Риму,
5 По святым по Божиим по цéрквам.
Первый день молился со слезами,
Дрýгой день молился со трудами,
Третий день молился со свещами.
Богородица глаз проглазúла,
10 Пречистая лицо объявила:
«Ай же Ефимьян, князь богатый,
Пой-ка[1] в свои белокаменны палаты!
Станет тебя княгиня востретати,
В сахарны уста целовати —
15 От Духа Святаго понесется:
Принесет княгиня она сына,
Принесет тебе перемену».
Пóшел Ефимьян, князь богатый,
В свои́[2] белокаменны палаты;
20 Тут его княгиня востретала,
В сахарны уста целовала,
В сахарны уста целовала —
От Духа Святаго понесласи:
Прúнесла княгиня она сына,
Прúнесла она перемену.
25 Собрали попов-протокопов[3],
Стали ему имя налагати.
Имячко святое наложили:
Наложили имя Алексеем.
Ай же Алексей человек Божий
30 Рос он не по годам, а по часочкам,
По малыим единыим минутам.
Вырос Алексей человек Божий,
Стали его грамоте учити,
Хочут Алексея поженити.
35 Стали тут княгиню прибирати,
Прибрали княгиню Катерину.
Стали оны пир пировати,
Стали оны стол столовати,
Стали оны свадебку играти,
40 Стали оны день провожати.
— «Что же, Алексей, не пьешь, не кушаешь?
Éдушка ль тебе не пó мыслям,
Питьице ль тебе не пó устам,
Аль тебе княгиня не по ндраву,
45 Аль тебя молóдого женили?»
— «Едушка-то ваша мне по мыслям,
Питьице-то ваше мне по ýстам,
Мне-ка да княгиня-то по ндраву,
Ай меня молóдого женили».

50 Пошел Алексей человек Божий
Во́ свою он темную во спальню
Со своей княгиней Катериной.
Стал он у княгини-то проситься:
«Ай же ты, княгиня Катерина!
55 Спусти меня к синему морю[4]
Настрелять гусей-лебедей,
Сереньких малых уток».
Снял он с ру́ки зла́тый свой ведь перстень,
Отвязал он шелковый свой пояс:
60 «На-ка ты, княгиня Катерина!
По́ка златый перстень не распа́йтся,
По́ка шелков пояс не расплетется —
Вы меня живым все считайте.
Когда златый перстень распа́йтся,
65 Когда шелков пояс расплетется —
Вы тогда меня поминайте».
Пошел Алексей человек Божий,
Пришел он ко синему морю,
Сел он на маленький кораблик,
70 Приехал в пустыню в богомолье.
Тридцать лет в пустынюшке спасался,
Отростил он волосы по пле́чам,
Отростил он бороду во пояс.
— «Нынько меня дома не узнают!»
75 Вышел он с пустыни с богомолья,
При́шел он ко князю Ефимьяну,
При́шел он к княгине Катерине.
— «Здравствуй, Ефимьян, князь богатый!
Здравствуй ты, княгиня Катерина!
80 Вы держите меня вместо сына Алексея.
Состройте мне-ка келью под ступеньми —
Стану я во келейке спасаться,
Стану Алексея поминати».
Состроили ему келью под ступеньми.
85 Е́душку медову не доносили,
Пи́тьице саха́рное не подставляли:
Слуги все его выпивали,
Выпивали слуги и съедали.
На́писа он грамотку ручную,
90 На́писа княгине Катерине;
На́писа он князю Ефимьяну:
«Не умели вы ме́ня востреті́ти,
Не умели ме́ня угости́ти!
Я ведь Алексей человек Божий».
95 Тут ведь златый перстень распаялся,
Тут ведь шелков пояс расплелся.
Стали тут его поминати,
Горько плакать по нем стали, рыдати.

Мучения Егория

8

Наезжал царище Кудреянищо,
Кудреянище-то сам-то Наянищо,
Всех князей и бояр повыломал,
Одного оставил — князя Федора,
5 Князя Федора, Петра́ Павлова.
Тут стали Егория как света-то мучити:
Топором рубить, —
Топоров лезвие́ всё приломалось.
А тая мука́ Егорья не́ яла,
10 Ничего-то святому не поде́яла.
Тут стали Егорья как света-то мучити:
Эй, пилой пилить, —
Да во пилы зубья,
Во пилы зубья все прикрошилиси.
15 Эй, ничто Егорья тут света не́ яло[1],
Ничего святому не поде́яла.
Тут стали́ Егорья как света-та мучити[2]:
Во котли́ варить, — он стойком стоит,
Он стойком стоит ды сам стихи-то поёт,
20 Он стихи поёт да херувимьськии,
Херувимьськии, он монастырьськии[3].
Он славу́ творит самому Христу,
Самому́ Христу, Царю Небесному.
За стих Егорья-света — мучити[4]:
25 Копали тут Егорью широк погрёб.
В ширину погрёб десять сажён есть,
В глубину погрёб два<д>цать сажён есть.
Эй, хватал неверный Егорья за желты́ кудры́,
Он бросал Егорья да во широ́к погрёб,
30 Во широ́к погрёб да о сыру́ землю́.
А и призарыли тут оны[5] пеньём-хламьём,
Эй, пеньём-хламьём да тут сыро́й землёй,
Замура́вили травой шелко́вою,
Накатили ка́менья катуции.
35 Отошел[6] неверный, похваляется:
[7]«Ни бывать[8] Егорью на бело́м свету́,
Ни топтать Егорью муравой травы[9],
Муравой травы да сырой земли[9],
Не видать Егорью о<т>ця-ма́тери,
40 О<т>ця-ма́тери да роду-пле́мени!»[10]
Откуль-ниотку́ль старицёк идёт,
Старицёк идёт — да Мико́ла-свет.
Призавеяли тутка ветры буйныи[9],
Откатилися каме́нья катуции,
45 Отмура́вилась да мурава-трава[11],
Пораздвинулась да мать сыра́ земля[12].
Тут хватал Мико́ла Егорья за желты́ кудры́,

Он бросал Е*г*орья как на добра́ коня.
— «Поезжай ты, Е*г*орей, на добры́ кони́,
50 На добры́ кони к отцу-матери!»
Эй, поезжает Е*г*орий на добры́ кони́.
Эй, стоит все неверный, похваляется:
«Не проехать Е*г*орью[13] к отцу-матери!»
Попадёт Е*г*орью тут три да за́ставы,
55 Эй, три заставы да три великии[9].
Одна застава — да *г*оры высо́кии,
Друга́ за́става — лесы да маху́чии[14],
Эй, третья за́става — змеи́ клеву́чии[15]».
Приезжал Е*г*орий к первой-то за́ставы:
60 Стоят *г*о́рушки, да стоят высокии.
— «Горы, сто́лкнитесь да расто́лнитесь!»
Горы сто́лнулись да расто́лнулись —
Проезжал Е*г*о́рей пе́рву за́ставу.
Приезжал-ка Егорей ко друго́й за́ставы:
65 Стоят лесушки, стоят да махуции.
— «Эй, лесы́, сма́хнитесь да разма́хнитесь!»
Ле́сы сма́хнулись да разма́хнулись —
Тут проехал Е*г*орей дру́гую за́ставу.
Приезжал Егорий к третьей за́ставе:
70 Ле́жат змеюшки, лежат клеву́ции[16]
— «Росплывайтесь, змеи́ клеву́ции[17],
По всему меру́, по всей Росиюшке!»
Змеи́ да по́плыли да по всему меру́,
По всему меру́, по всей да Росеюшки.
75 Тут проехал Егорий к отцу, к матери,
К отцу, к матери да к роду-племени[9].

9

Как в восьмом году, в восьмой тысяще,
В восьмой тысяще, в марте месяце
Выпадала книга Голубиная.
И читали книгу ровно три году́,
5 Прочитали в книги ровно три листу́.
Наезжал царище Кудриянище,
Кудриянище, сам Наянище.
Он князей-бояр всих повырубил —
10 Благоверново князя Федора
Он в полон склонил
Да голову́ срубил.
Оставалоси чадо милое,
Чадо милое, дитё единое,
15 Единое, одинакое:
Егорий-свет был двенадцать лет.
Над ним стал неверный надругатися,
Он начал Егорья-света мучити,
Он уж всякима муками разноличныма.
20 Стал перво́й муко́й: он топором рубить, —
В топори лезьё да пригибалоси.

То ништо Егорья-света нé яло,
Ништо свя́ту не придеяло.
И тово неверной не пытаючи,
25 Он начал Егорья-света мучити,
Он второй мукой: стал пилой пилить, —
Во пилы зубьё да прикрошилоси.
И то ништо Егорья-света нé яло,
Ништо святому не придеяло.
30 И тово неверной не пытаючи,
Он начал Егорья стругом стругать, —
Во стругу лезьё приломалоси.
И то ништо Егорья-света нé яло,
Ништо святому не подеяло.
35 И тово неверной не пытаючи,
Он начал Егорья во котли варить,
Во котли варить да во смолы кипить.
Во котли Егорий стойма стоит,
Он стойма стоит да Богу молитце,
40 Што ништо Егорья нé яло,
Ништо Егорью не подеяло.
И того неверной не пытаючи,
Он начал Егорья в воды топить,
В воды топить да каменьём тушить, —
45 На воды Егорей гоголём плывет,
Гоголём плывет да сам стихи поет,
Он поет стихи херуимськии,
Херуимськии да монастырскии.
Што ништо Егорья-света нé яло,
50 Ништо святому не подеяло.
И того неверной не пытаючи,
Он уж брал Егорья за желты кудри
И повел Егорья во чисто полё.
Он копал Егорью глубок погрéб.
55 В долину́ копал он сорок пять сажóн,
В глубину копал он пятьдесят сажóн.
Зарывал Егорья он сырой землей,
Он пеньём-колодьём заворачивал.
Он пеньём-колодьём заворачивал,
60 Желтым песком призасыпливал[1] —
Муравой травой да замуравливал.
Пошол неверной — сам расхвасталсэ:
«Не бывать Егорью на святой Руси!
Не видать Егорью свету белово,
65 Свету белово и сонця[2] красново!»
По Еторьеву по молению
Да по Божьему по велению
Провеяли буйны ветрушки.
Желты пески раскатилиси,
70 Мать сыра земля расступиласи —
Выходил Егорий на святую Русь.
(А тут уж больше не помню).

10

Наезжал царища Кудиянища,
Кудиянищо да сам Наянища.
Он под мор склонил да голову срубил;
Остовалоси да дите малое,
5 Дите малое — Егорий-свет,
Егорий-свет во двенадцать лет.
И зачали Егорья-света мучати
Всякома мукома да разноличнома,
Разноличнома: да топором рубить, —
10 Топорилья все да преломалоса,
Лезьвие все да прекрашилоса.
Тут ничто Егорью-свету <не> яло,[1]
Тут ничто святому не подеяло.
И зачали Егорьюшка пилой пилить —
15 Его пилы зубья все прекрошилися.
Тут ничто Егорью-свету <не> яло,[1]
Тут ничего святому не подеяло.
Зачали Егорьюшку в котле варить —
Под костром растет трава шелковая,
20 В его котле цветут цветы лозоревы.
И ногам Егорья-свет в котле стоймя стоит,
Стоем стоит — смола ключем кипит,
Стоем стоит — сам стихи поет,
Стихи поет да хируимские,
25 Хируимские да моностырские.

Егорий и Змей

11

Посторонь было́ да Еруса́лима.
Там стоило три града́ неверныи.
Первый город — Помор-город,
Другей город — Вавилон-город,
5 Третье царсво Араклинское.
Помор-город Господ огнем сожгал,
Вавилон-город Господ водой стопил,
На третье царсво Арахлинское
Напустил Господ великий гнев:
10 Змию лютую, девятиглавую.
Стала Зми́я та во град летать,
По головы́ хватать,
По го́ловы да по куриныя,
По другия — лошодиныя.
15 Голов во граде мало станется,
Головы во гради вси приедаются.
Говорит Змея арахлянам всим:
«Ай же вы, мужики арахлянские!
Собирайтеси да скопляйтиси,

20 И думайте думу заединую,
И ройте же́ребий между́ собой.
Давайте-ка мне голову целовеческу!»
Тут мужики арахляна вси
Собиралиси да скоплялиси
25 И думали думу заединую,
Рыли же́ребий между́ собой.
Выпал же́ребий на царский двор,
На того царя на Агапита.
Пошел царь с пиру, закручинился,
30 Клонит голову ко сырой земли.
Вот стретат царица Агапиевна,
Говорит таково слово:
«Ты чего, царю, закручинился?
Ты чего, царю, запечалился?
35 Не местицком ли тебя обнизили,
Не словом ли тебя обидели,
Не чарочкой ли о́бнесли?»
— «Не местечком меня обидели,
Не словом меня обидели,
40 Не чарочкой меня о́бнесли —
Выпал жеребий на царский двор,
На меня, на царя на Агапита».
— «Не кручинься, царь, не печалуйся:
Есть тобя кем заминутися!
45 У нас есть с тобой одинака дочь —
Прекрасна девица Алисафия.
Она не нашу веру верует,
Не нашим бо́гам молится!
Она верует веру хрестианскую,
50 Она молится Господу Роспятому, —
Отдадим Змеищу на съедение,
Ко пещерской на сожрение!
Ты пройди во хлебню во столовую
И скажи девице Олисафии:
55 „Ай же ты, красна́ деви́ца Олисафия!
По тебе с России женихи приехали,
Женихи приехали — да святорусские бога́тыри.
Ты вставай поу́трушку ранёшенько,
Ты умывайся белёшенько,
60 Скидовай с себя платье чорное,
Надевай-ко ты платье цветное!“»
Тут девица срадовалася,
И вставала <поутрушку ранёшенько,
Умывалася белёшенько,
65 Скидовала с себя платье чорное,
Надевала платье цветное,>[1]
Выходила на крыльцо дворовое.
Тут стоят кореты чорнобархатны,
Лежат извозчечки пова́рены.
70 Брали девицу за белы́ руки
Да за[2] златы персты —
Тут девица слезно-слезно плакала.

Повели девицу ко синю морю.
Привозили на крутой берег
75 Да на жолтой песок —
Оставалась девица одинёшенька
И чуть живёшенька,
И слезно-слезно плакала.
Откуль-неоткуль из чиста поля
80 Бежит добрый конь,
На кони сидит да добрый молодец.
Приезжал к девице Олисафии
И садился к девице Олисафии,
Сам говорит: «Поищи, девица, да в буйной голови!
85 Когда на мори волна сходится,
<Змея>[3] покажется, —
Тогда буди меня со крепкого сну».
Змея пловет да говорит:
«Где бы съесть мни-та голову!
90 А тут лежит три головы:
Две целовеческих, третья лошадиная.
Сыта буду и довольня буду»
Стала слёзно плакати девица,
Стала будить добра молодца.
95 Будит-будит — не добудится.
Стала девица слёзно плакать,
И выпадае слёзка на бело лицо —
Пробудился добрый молодец,
Вскочил на добра коня
100 И сразил Змея поганого.
И жозлом колёт,
И конём топчот,
И приговаривает:
«Будь, Змея, ты кротка, смирна,
105 Как скотинина,
Как скотинина крестьянская да дворовая!»
Стала Змеюшка кротка-смирна.
— «Отвяжи, девица, шелков пояс
Да привяжи, девица, на шелков пояс
110 И веди во царсвие Арахлянское.
И кричи народу — арахлянам всим:
„Ай же все народ, а арахляне!
Поверуйте веру христианскую,
Состройте три церкви соборниих и богомольниих:
115 Но перву церков — Егорию-свету Храброму,
А другу церков — Миколе Можайскому,
А третью церков — Благовещенью Богородицы, —
Так не спущу Змею по всему граду.
А как не поверуйте — так спущу Змею по всему граду:
120 Не оставит народу на семени“».
Тут вси поверили в веру христианскую,
Стали строить три церкви соборниих и богомольныих —
Так и свела Змею, и сожгла Змею,
И спустила пепел на ветер.

12

Содом-город сквозь землю прошел,
А Гомор-город огнём выжгло.
И напустил на Рохлым-горо́д Господь да Зме́ю лютую,
(За беззаконие)
Змею лютую, Змею пещерскую.
5 Начала Змея да во Рохлым ходить.
Раз Змея съела по го́ловы по скотинные,
Потом съела Змея по го́ловы лошадинные,
Третий раз Змея съела голову да человеческу.
Тут стали рахлымляне да жеребьё бросать.
10 На кого падет жеребий, —
Того отдать люто́й Змее на съедение,
Ко пещерскому да на съедение.
Выпал же́ребий да на царский двор,
На самого царя да на Ага́пита.
15 Тут Агапит-царь да запечалился,
Запечалился да закручинился.
Говорит жена царю Ага́питу:
«У нас есть дитё да не жалимое,
Что ль не нашей оно веры верует —
20 Она верует веру христианскую.
Отдадим ее ко люту Змею́ на съедение,
Ко пещерскому да на сожрение!»
Тут приходит царь Агапит
К своёй дочери во комнату
25 И говорит-то ёй таковы слова:
«Умывайся-ко, Елисафия, белёхонько,
Снаряжайся-ка да хорошохонько!
Тебя сватають да во землю греческу,
Поутру рано женихи буду́ть.
30 Есть ведь пригнаны да две лошади,
Лошади хорошие, кареты разукрашены»
Умывалась Елисафия белёхонько,
Снаряжалась хорошохонько,
Надевала платье разноцветное.
35 Выходит она да на белый двор,
На улицу широкую.
И видит Елисафия: пригнана лошадёночка,
И сидит в кареты поворишечка,
Поваришечка-кучеришечка в кареты тёмныя.
40 Тут садилась Елисафия в карету тёмную,
Обливалась горючьми слезмы.
И говорит она да таковы слова:
«Ай, за что Господь да распрогневался!»
Приезжали тут они да ко сину́ морю́,
45 Тут выходит Елисафия с кареты тёмныя на́ берег.
Тут осталась Елисафия на берегу
Одна да одиношенька, сама плачет.
Вдруг затопало копыто лошадиное,
Приезжает тут к ней добрый молодец

50 На добром кони́ на се́роем.
Тут соскакиват добрый молодец с добра коня,
Говори́т он ей да таковы́ слова́:
«Поищи́-ка у меня на буйной го́ловы!»
Красна де́вица Елисафия
55 Стала́ искать у его на го́ловы.
Тут заснул-то молодец крепким сном.
Вдруг счернело тут да море синее,
Показалася Змея да лютая и пещерская,
Говорит она голосом человеческим:
60 «Теперь я, Змея, сыта буду́:
Съем две головы человеческих».
Тут заплакала Елисафия,
Уронила слезу́ Егорью на бело́ лицо́.
Просыпается Егорий-свет:
65 «Что же, девица, меня да ты огнём палишь?»
— «Не огнём палю — я слезы́ роню!»
Тут соскакиват Егорий-свет на добра́ коня́,
И начал Егорий Змею́ конем топтать —
На коня Змея поощетинилась.
70 Тут нача́л Егорий Змею копьем колоть —
На копье Змея взмолиласи.
Тут отвязыват Егорий свой шелко́в пояс,
Тут обвязыват Змею шелко́вым по́ясом,
Говорит он Елисафии:
75 «Ты послушай-ко, да Елисафия!
Ты веди Змею́ ко отцу-ма́тери.
Если поверуют веру христианскую,
Если выстроят церковь Егорию-свету Храброму —
То не отдавай отца-матери Змеи на съедение.
80 Если не поверуют веру христианскую —
То отдай Змеи на съедение!
Потом, после этого, сведи Змею во чисто́ поле,
Отвяжи от шеи шелко́в поя́с
И ударь Змею́ шелко́вым по́ясом, и скажи Змеи:
85 „Разрывайся, Змей, на мелки́ части́!
Расплывайся, Змей, по всей земле вселенной,
Бойся пя́ты человеческой!“».

13

Было три царства, три неверныих:
Как одно царство́ был Садон-горун,[1]
А другое царство́ — Еруслан-горун,
А еще третье царство — Арахлимский град.
5 Как Садон-горун на огне сгорел,
Еруслан-горун сквозь землю́ прошел,
На Рахлимской град напустил Господь,
Напустил Господь Зме́ю лютую,
Зме́ю лютую, ненадёжную.
10 Стала брать Змея она по головы,
По головушке по куриноей,

Как по дру́гоей — лошадиноей,
Как по третьеей — человеческой.
Того в граде стало мало ставиться.
15 — «Кинем жеребий на Рахлимский град!»
Выпал жребий в царский белый двор
К самому царю ко Агапию,
Ко Агапию, царю богатому.
Закручинился царь, запечалился:
20 [2]На <дь> пойти[3] ко Змее на съедение!
— «Не кручинься царь, не печалуйся:
У нас есть с тобой кем заме́ниться.
У нас есть дочи́ одинакая
Гелисафия да Агапеевна.
25 Она не нашей веры веру верует,
Она не нашим богам Богу молится!
Она верует веру христианскую,
Она молится богам не нашиим:
Она молится Спасу Пречистому,
30 Ай, Пречистой Матери Богородице,
Молится Егорью-свету Храброму,
Молится Миколушке Мужейскому,
Святым ангелам, святым архангелам».
Он пошел к девице к одинакоей,
35 К Гелисафии да Агапеевне:
«Ты дочи моя да одинакая!
Уж ты стань поутрышку ранёшенько,
Умывайся-ка да набелёшенько,
Снаряжайся-ка да поскорёшенько, —
40 Уж ты жди к себе скорых сватоев!»
Тут его дочи́ да срадовалася.
Она встала по́утру ранёшенько,
Умывалася да набелёшенько,
Снаряжалася да поскорёшенько, —
45 Она ждет к себе да скорых сватоев.
Сватовей да к ёй аще долго нет.
Выходила девица в царский белый двор:
Там стоит каретушка ведь темная,
Запряжен жеребчик необъезжанный,
50 Там сидит детинушка поваренный.
На отца, на матерь разгневилася,
С оцом, с матерью да не простилася,
В свои палаты воротилася,
Всем богам Богу́ да помолилася —
55 Молила́сь она Спасу́ Пречистому,
Ой, Пречистой Матери Богородице,
Молила́сь Егорью-свету Храброму,
Молила́сь Миколушке Мужейскому,
Святым ангелам, святым архангелам.
60 Выходила девица в царский белый двор,
Садилась в каретушку во темную.
Побежал жеребчик необъезжанный,
И повез детинушка пова́ренный.
Привозил девицу ко сине́ю морю́,

65 Выпускал девицу на зеленый луг.
А откуль взялся тут к ёй Егорий-свет,
Аще дал девице он шелкóв повóд:
«Когда солнышко да во полдён уйдет,
Сине морюшко да разволнуется,
70 Во кряжах вода станет вздыматися,
Оттоль вылетит да Змéя лютая.
Закричит Змея женским голосом:
„Слава Богу нынько, слава Господу!
Недавнó была я голоднёшенька —
75 Нынько я буду сыта-сытёшенька.
Мне прислал Господь о три головы:
Одну голову прислал куриную,
Другу голову да лошадиную,
Третью голову да человечию“, —
80 Ты тогда меня да ото сна буди!»
Ото солнышко во полдён зашло,
Сине морюшко разволновалося,
Во кряжах вода стала вздыматися,
Оттоль вылетела Змéя лютая,
85 Закричала Змéя женским голосом:
«Недавнó была я голоднёшенька —
Нынько я буду сыта-сытёшенька.
Мне прислал Господь о три головы:
Одну голову прислал куриную,
90 Другу голову да лошадиную,
Третью голову да человечию».
Начала Егорья ото сна будить,
Стал Егорий-свет да пробуждатися.
Уж как стал Змею он конем топтать,
95 Он конем топтать, копием колоть —
А ничто Змее да не подеялось.
Уж как Змею он — упрашивать,
Стал упрашивать да уговаривать:
«Ты не трожь девицы одинакоей,
100 Одинакоей да Гелисафии да Агапеевны!»
Он связал Змею да на шелкóв повод
И сказал девице Гелисафии:
«Ты сведи Змею да в Арахлимский град,
Ты вели состроить им-ка три церквú:
105 Одну церковь Егорью-свету Храброму,
Другу церковь Миколушке Мужейскому,
А третью — святым ангелам.
Не состроят тебе ежель трех церквей —
Ты спусти Змею в Арахлимский град:
110 Пусть приест Змея всю святую Русь.
А состроят ежель тебе три церквы́ —
Ты сведи Змею да во чистó полé,
Разруби Змею да на мелкú кускú,
На мелкú кускú, на желты́ пескú.

14

На белóм свету было три царьства,
Было три царьства беззаконниих.
Как на ихнеё да беззаконие[1]
Напускал Господь Змею лютую,
5 Змею лютую, трехголовую.
Как брала Змея́ в день по гóловы,
В день по гóловы да целове<це>ской.
Тут и начали они жеребья́ кидать.
Выпал жéребий да на царский двор,
10 На[2] того на царя на Агапия.
Закручинился царь, запечалился:
«Мы кого дадим ко лютóй Змее?»
Говорит цариця своему царю:
«Не круцинься, царь, не печалуйся,
15 У нас есть с тобóй доць немúлая,
Доць немúлая да нелюбимая.
Отдадим мы доць нелюбимую,
Отдадим[3] Змее[4] на съедениё.
Она нашему Богý не молитця,
20 Веру верует христиáнскую,
Богу молитця она распя́тому, —
Отдадим Змее на съедениё!»
Говорит он [девице Олисафии:][5]
«Умывайся-тко ты [белёшенько],
25 Снаряжайся-ко хорошохонько,
Тебе сватуют купцы́ богатыи, —
Отправляйся-ко ты ко синю морю!»
Умывалась она белёшенько,
Наряжалася она хорошохонько,
30 Отправляласи она ко синю́ морю.
Горько плакала Олисафея.
Наезжал Егорий-свет Храбрыя
Ко Олисафии да Огапеевне,
Он заставил искать да [на][6] буйной гóловы:
35 «Поищи-ка на буйной гóловы!
Как на море вáлны расходятця,
Как покажетця Змея лютая, —
Так меня крепко со сна буди́!»
Расходились как вáлны на синем море,
40 Показаласи Змея́ лютая, —
Она нацалá Егорья крепко со сна будить,
А никáк Егорий не просыпается!
Змея́ лютая все приближается.
Выпалá слезинкá на бело лицё —
45 Тут Егорий-свет просыпается,
Тут садился он на добрá коня́,
Змею́ лютую он жежлóм колóл,
Он жежлом колóл да приговаривал:
«Уж ты будь, Змея, кроткá-смирнá,

50 Кротка́-смирна́ и по́водка!
Ты вяжи Змею да на шелко́в по́яс,
Ты веди Змею[7] ко отцу, к матери.
Поверуют веру христианскую —
Не давай Змее на съедениё!»
55 Тут брала Змею на шелко́в пояс,
Привела Змею к отцу-матери.
— «Если поверуйте[8] веру христианскую
Да помолитесь Богу распя́тому —
Так не дам Змее на съедение!»
60 Тут поверовали[9] Богу распятому,
Стали веровать веру христианскую,
Поклоняться стали Богу распятому.
Сказал Егорий:
«Распадись, Змея, на змеёнышей,
65 Расплывитесь, змеёныши, по всей земле!»

15

Согряшила царьство Хмильское[1]:
Напустил[2] Господь да Змею, да Змею лютую.
Напустил Господь да Змею лютую,
Змею лютую, Змею трёхглавую.
5 А она стала исть людей,
По едину аще съела в царстве всих добрых людей.
Що съела в царьстве всих добрых людей,
Дошло времячко да до самого царя.
Дошло времячко да до самого царя,
10 Закручинился царь, запечалился.
Закручинился[3], да запечалился, —
Говорила ему да государыня:
«Не печалься, царь, да не кручинься, царь!
Ай есь у нас доци, доци неверная.
15 Да<д>им [4]доци к им[5] на съядение,
Дади неверная, она изменная,
На съедения да Змеи лютая,
На съедения да Змеи лютая!»
Закручинился царь, запечалился:
20 Да как доченьки ему отправити.
Жалко дочери ему отправити
Змеи лютоей, Змеи трёхглавой.
Неродная да мать наступила тут,
Неродная мать да наступила тут.
25 Наступила <на> доць, доць <на неверную>[6],
Наступила тут доць на неверную.
Как отправили мы да эту доцаньку,
Как отправили мы эту доцаньку,
И мы отправили ю, отправили ю,
30 Мы стеганим ю, да отправим ю,
Скажем: замуж ю, во замужестья,
Скажем: зовут ю во замужестья.

Приедут туды ей жанихи туда,
Туды приедут ей жанихи туда.
35 Так оны то дело сделали,
Так оны тут дело сделали.
Пришли к своёй, своёй оны доцари,
Пришли к своёй оны доцари:
«Снаряжайся ты да во замужастьва,
40 Снаряжайся ты во замужастьва
За князя да верного, да неизменного,
Во замужестьво за князя верного!»
Снаряжаятце, да всё кручинится,
Снаряжаятце, сама кручинитце —
45 Домякнулась ихна доць неверная,
Что повезут ю Змеи на съедения.
Повезут-то ю на съядение,
Ой на съедения да Змеи лютаго.
Пригнали ей карету тёмную,
50 Карету тёмную да страховитую,
Карету тёмную да страховитую.
Ой повезли тут да Софеюшку,
Повезли Софею к морю синему,
Синяму, да на съядения,
55 К морю синему да на съядения.
Как расплакалась Софея, раскалякалась,
Стала просить она, просить милосливо,
Просить милосливо Царя Небесного:
«Ты пошли, Господь, мне заступинку,
60 Ай заступушку, забаронушку!
Сохрани, Господь, от Змéи лютояй,
От Змéи лютояй, да от трёхглавоёй»
Откуль взялся да тут Ягор-свет,
Ягоряй-свет да на белóм коне,
65 Ягоряй-свет да на белóм коне,
Ой на бялом коне, да на большом сядле,
На бялом коне, да на большом седле.
— «Ты цаго, Софея, да закручиниласи,
Ты цаго, Софея, запечалиласи?»
70 — «Как жа-кова да не кручиницци,
Как жа мне-кова да не печалиться!
Как сецась придёт да Змéя лютая,
Как сецась придёт да Змéя лютая,
Змея лютая, она трёхглавая.
75 Она съела людей у нас до единова,
Съела всих людей до единова».
— «Ты не плачь, не плаць, как Софеюшка,
Ты не плаць, не плаць, хорошая!»
Наставала тучка, тучка тёмная,
80 Да ой наставала тучка, тучка тёмная,
Ой тучка тёмная да страховитая,
Да ой туца тёмная да страховитая.

Откуль вышла Змея, Змея великая,
Откуль вышла Змея, Змея великая.
85 Ай великая, сама трёхглавая,
И великая Змея, трёхглавая.
Как скоцил Ягорий на добра́ коня,
Как скоцил Ягорий <на>бела́ да коня,
Аще взял Ягорий саблю вострую,
90 Ашше взял Ягорий да саблю вострую,
Саблю вострую, да штыком колол[7] у ей.
Одну-то *г*олову Змеи срубил видь ей,
Дру*г*у да *г*олову штыком колол[7] у ей.
— «Ты будь, Змея, кротка-смирна,
95 Аще будь, Змея, ты кротка-смирна!
Ай кротка-смирна, да Змея, по́вадка,
Кротка-смирна, да Змея, по́вадка!»
Как скармиласи[8] Змея, змолиласи,
Как скармиласи[8] Змея, змолиласи
100 Она *г*олосом да цаловецкиим,
Она *г*олосом да цаловецкиим:
«Ку́ды знаешь меня — да ту́ды кладывай,
Ку́ды знаешь меня — ту́ды кладывай.
Только [9]последнюю мени[10] да не руби башки!
105 Только [9]последнюю мени[10] не руби башки, —
Ай спусти меня на до́бру волюшку,
Ай спусти меня на до́бру волюшку!»
Отвеца*л* Ягорий-то на бяло́м коне[11]:
«Н*е* спущу тебя на до́бру волюшку,
110 Н*е* спущу тебя на до́бру да волюшку!
А ты поди да с Софеей да во етот град,
Ты поди-сходи да во естот град, —
Штобы сделали три церкви богомольныих,
Штобы сделали три церкви да богомольныих:
115 Одну церковь — Ягорью-свету Храброму,
Одну церковь — Ягорью-свету Храброму.
Дру́гу церковь — Софеи-государыни,
Дру́гу церковь — Софеи-государыни,
Третью церковь — Змеи, Змеи лютоей,
120 Змеи лютоя<й> да трехглаваяй».
Повяла Софея Змею лютую,
Повяла Софея Змею лютую,
Ой Змею люту она трехглавую.
Привяла-*то* в своё царство великое —
125 Устрашилиси да удивилиси,
Устрашилиси да удивилиси
Ай все людушки да православныи,
Ай все людушки да православныи.
А как сказала им Софея добрая:
130 «Що людюшки вы православныи!
Если состроитя три церкви богомольнии,
Если состроитя три церкви богомольнии —
А н*е* с(ы)пущу Змеи, да Змеи лютоей,
Н*е* с(ы)пущу Змеи, да Змеи лютоя,

135 Змею да лютую, Змею трёхглавую[12].
Ой она съест всих вас да до единого,
Она съест тут вас да до единого!»
Побяжали люди, да люди добрыи,
Побяжали люди, люди добрыи
140 Ай строить церкви богомольнии,
Строить-то церкви богомольнии.
Шла Софеюшка да государыня,
Шла Софеюшка да государыня.
Свела Змею, Змею великую,
145 Свела Змею, Змею великую
Ай во чистая она во полюшка,
Ай во чистая она во полюшка.
— «Расплывайся ты, Змея, да Змея лютая,
Расплывайся-ка, да Змея лютая,
150 На четыре на сторонушки,
Да на маленький на гадёнышка,
На три, на три, на четыре да сторонушки —
Што и не <ела> бы[13] да и людей добрыих,
Што не ела бы да людей добрыих!»

(*Ну вот, отсюда и пошли гады все, змеи по всей земле. Расползлись они из головы Змея трёхглавого.*)

16

Как во том городе, да аще городе,
Аще жил ведь царь, да там Агапин-царь.
У того царя да у Агапина
Одинока дочь да Елисафия.
5 Она истин<н>ому Богу верует:
Самому Христу, да Христу клонитце.
Напустил Господь да как на этот град,
Он на этот град да Змею лютую,
Змею лютую да трехголовую.
10 Стали головы давать скотинные —
А скотинные да приедать стала.
Стали головы давать куриные —
Куриные да приедать стала.
А собирались народ да к самому царю:
15 «Уж ты царь, наш царь, да ты Агапин-царь!
Уж ты рой-ко на нас жеребей —
Кому идти да на змеиное,
На змеиное да на съедение».
Выпал жеребий да на сама царя,
20 На сама царя да на Агапина.
Закручинилса царь, запечалилса,
И повесил царь буйну голову.
Государыня здогадаласе:
«Ты чево, наш царь, закручинилсэ,
25 Ты чево, наш царь, запечалилсэ
И повесил буйну голову?»

— «Как же мне-кова не кручинитце,
Как же мне-кова не печалитце:
На<д'>[1] идти мне на змеиное,
На змеиное да на съедение».
30 — «Не кручинься, царь, не печалися!
У нас есь дочи одинокая,
Одинокая да Елисафия.
Она истинну Богу верует,
Саму Христу, да Христу клонитце.
35 Отда<д>им ею да на змеиное,
На змеиное да на съедение».
(*Тут отец пришол к доцери*)[2]
— «Не спугайся, дочь, да не сплохайси!
Ты ставай утром ранешенько,
Умывайсе ты белешенько,
40 Одевай-ка ты да платье цветное.
Пригонят тебе карету светлую.
Мы тебя ведь не в полон кладем —
Мы тебя ведь замуж выдадим,
Мы за белово, румяново,
45 Мы за чистово, речистово».
Елисафия да догадаласи,
Ночку всю она да Богу молитце,
Богу молитце да спать не ложитце.
Она стала утром ранешенько,
50 Умываласи да не белешенько,
Одеваласи да не баестенько.
И пришла на двор карета темная,
Лошаденочка да водовозная,
Мужиченочек да водоносноей.
55 Привезли ко синю морю
И оставили у синя моря.
Приезжал тут млад отецкой сын —
Елисафия да напугаласи,
Да ему-то тут скориласи,
60 Што «уезжай скорей отсюдова:
Я привезена на змеиное,
На змеиное на съедение».
— «Не пугайся да не полохайся!
Я приехал ведь тебя спасти».
65 Вдруг сине море взволновалоси,
Змея лютая да показаласи.
Он садилсэ на бела коня,
Он брал свое копье в руки,
Он колол да Змею лютую,
70 Он колол да приговаривал:
«Будь смирна, как скотинина!
Разойдись ты на змею, змею,
На змею, змею, да на змеенышей,
Ты на маленьких да на гаденышей!»
75 Он отвязал шелков пояс,
Он привязал Змею лютую
И отправил к самому царю,

К самому царю да Агапию.
И вела тут Еласафия
80 Змею лютую на шелков пояс
По всему граду да аще городу.
Люди добрые да удивилисе,
Елисафии да поклонилисе:
«Не спускай ты Змеи лютоей
85 Ты на этот град!»
Покорилиси да помирилиси,
Што «мы поверуем да самому Христу».

Два брата Лазаря

17

Жило-было два брата Лазаря.
Один был братец богатый Лазарь,
А второй был братец бедный Лазарь.
И приплыл бедный братец к брату своему,
5 И крикнул бедный братец своим тухлым голоском:
«Братец ты, братец, сотвори молитву,
Дай-ка ты мне, братец, милостиньку[1]!
Накорми-ка ты, братец, голодн*аго*[2] меня,
Напой-ка ты, братец, жаднаго меня,
10 Обнадень-ка ты, братец, голаго меня,
Обуй-ка ты, братец, бо́саго меня!»
Смолвил тут братец братцу своему:
«О́тойди кали́ка, проць от меня!
Есть у меня братциков получше тебя,
15 Получше тебя и побогаце тебя».
По́плыл бедный братец во цисто полё,
Приплыл бедный братец во цисто полё,
И крикнул бедный братец тухлым голоско́м:
«Господи, Господи милостливый!
20 Услышь-ка ты, *Г*осподи, моление мое,
Моление есть все неправедное».
Услышал *Г*осподи моление е*г*о,
Моление его есть все праведное.
Послал тут Господи двух ангело́в,
25 Двух ангело́в гласных, а двух немилостливых.
Взяли его душеньку бла́гословясь,
Клали его душеньку на́ Христов поднос,
Па́несли душеньку к Богу на престол.
Богатый брат обеднял <...>[3]
30 У богатого Лазаря все огнем прошло.
Пошел богатый во цисто полё,
Крикнул богатый своим громким голоском:
«Господи, Господи, милостливый Спас!
Услышь ты, Господи, моле*ние* мое[4],
35 Моление моё[5] есть неправедное».
Услы*шал* Господи моле*ние* его,

Моленье его есть неправедное,
Послал тут Господь двух ангелов,
Двух ангелов гласных, а двух немилостливых.
40 Взяли его душеньку вытянули
Железными крюками да медными це<пя>ми[6],
Клали его душеньку нá проклят поднос,
Понесли душеньку в ад на самый зад.
У бедного Лазаря душенька белая, как лебедь, —
45 У богатого Лазаря душенька черна, как головёнко.

18

Жили да были два брата Лазаря.
Один был братец богатый человек,
А другой был убогий человек.
Приходил убогий к богатому просить:
5 «Братец, братец,
Дай-ко ты, братец, мне-ко милостыни!»
Закрицял богатый громким голосом:
«Отойди, калика, прочь от окна!
Ты мне-ка не брат, ты мне не родня,
10 Есь у меня братья получше тебя:
Все купцы-бояры — то братья мои».
Заплакаў убогий — да проць от окна.
Вы́ходил убогий во цистое поле,
Закричал, говорил унылым голоском:
15 «Господи, Господи, Спас милосливый!
Пошли-ка ты, Господи, с нёба ангелóв,
С нёба ангелов да всё немилосливых!
Выньте[1] мою душеньку нечéсну из грудей.
Поцарьсьвовала душенька на вольном на светку —
20 Пусь[2] теперь душенька постраньсьвует».
Послал тут Господи с нéбес ангелов
Всё ведь милосливых.
Вынели душеньку цéсну из грудей,
Прúносили душеньку кó Господу:
25 «Кýды эту душеньку положить будёт?»
— «Положите душеньку ко Овраму за престол!
Давно етой душеньки местьяцько готово.
Постраньсьвовала душенька на вольном на светку —
Пýщай теперь душенька поцарьсьвует».
30 Через малое время у богатого Лазаря
Всё его именье скрозь землю прошло,
Злато его, сéребро вóдой пóняло,
Хóромны строенья огнем сóжгло.
Напала на богатого скорбнась больша[3].
35 Вы́ходил богатый во чúстое полё,
Закрицал богатый громким голосом:
«Пóшли-тка ты, Господи, с нéбес ангелóв
Всё ведь милосливых!
Выньте мою душеньку цéсну из грудей.

40 Постраньсвовала душенька на вольном на свету —
Пусь теперь душенька поцарьсвует».
По́слал-ка тут *Г*оспо*д*и с небе́с ан*г*елов.
Вынели е*г*о душеньку нечесну с *г*рудей,
По́несли душеньку ко́ *Г*осподу:
45 «Ку́ды эту душеньку по́ложить будёт?»
— «Положите вы душеньку в смо́лу кипяцю!»
Увидал бо*г*атый брата свое*г*о:
«Брате́ц ты, братец мой, у*б*о*г*ий человек!
Схо́ди-ка ты, братец, на синеё морё,
50 При́неси-ко, братец, на мизинец воды,
Роспечатай, братец, пецальны уста:
Мне́-ка зде<сь>-ка, братец, очень горяцё!»
Отвецял[4] убо*г*ий брату своему:
«Жили как мы были на вольном на светку —
55 В ты́ поры ты меня братцем не́ называл,
В те́ поры родимым не́ нарека́л.
Те́перь мне-ка, братец, не́ своя воля,
Теперь-ка мне, братец, воля *Г*оспода».

19

Жило-было два брата Лазаря.
Один-то был-то, был братец богатый Лазы́рь,
А другой-то был братец бедный Лазы́рь.
Приходил убогий ко брату своему:
5 «Братец ты, братец, богатый Лазы́рь,
Создай-ка ты мне, братец, милостыньку!»
— «Отойди, калика, от моих ворот,
По́куль я, калика, кобеле́й не спущу!»
Пошел убогой во чисто́ полё,
10 За́кричал убогой тухлым голоско́м:
«Господи, Господи мило́стливый,
Пошли-ка мне, Господи, двух дьяволо́в,
Двух дьяволо́в, двух нем*и*лостливых,
Пусть-ка вынут душеньку не с м*и*лости».
15 Услыхал Господь молитву Лазаря,
Создал ему Господь двух ангело́в,
Двух ангелов, двух-то м*и*лостливых.
Вынули его душеньку с милости,
Клали его душеньку на́ пелену,
20 Вознесли его душеньку на небеса в рай.
Пусть-ка эта душенька там поживет,
Там поживет, там поцарствует.
Пошел богатый во чисто полё,
Закричал богатый громким голосом:
25 «Господи, Господи милостливый!
Пусть-ка вынут душеньку с милости,
Честью и ладо́м и с демьяном, ладано́м».
Послал ему Господь двух дьяволо́в.
Вознесли его душеньку не с м*и*лости,
30 Не честью, не ладом, не с демьяном, не с ладаном.

Там два брата встретились, и бедный стал просить,чтобы Господь простил богатого. Через молитву убогого Лазаря простил Господь и богатого Лазаря.

Борис, Глеб и Святополк окаянный

20

Стольняй Владимир представлялся,
Разделял Россию да на три части:
Што меньшóму брату, да то бóльшому.
Светополку пожаловал Цернигов-град,
5 Глебу, Борису — Переяславль-град.
Злой был ненавистник супостат Святополк.
Блáга можечь[1], он завидуя,
Скороя письмо он написýя:
<«Ай жа вы>,[2] рóдны братьича[3]!
10 Приезжайте во славный во Цернигов-град
Чес<т>на пиру да пи́ровати,
Сахар есть-воскушати,
Медвяных питьёв воспи́вати,
Роднова отца помянати».
15 Пришли óны к родненькой матери:
«Ай же ты, наша родня<нь>ка матушка!
Дай-ка нам прощен(ы)я-благословения
Ехать нам-то во славной во Цернигов-град
Чес<т>ново[4] пиру-то пи́ровати,
20 Роднова отца поминати».
— «Ня дам вам прош(и)чения-благословения:
Вам оттуль живым не бывати,
Роднова отца не поминати».
— «Дай ты нам прощеньица — да мы поедям,
25 Ня дашь ты прощенья — да мы поедям!»
Садились на добрых своих коней,
Поехали во славный во Цернигов-град
Честново-то[4] пира пи́ровати,
Рóднага отца поминати.
30 Приезжают ко славному Цернигову.
Святопоўк во поле стречает,
Яры(е)м воком взира<е>т[5] —
Видят, что бяда неминучая.
<Сопускаются>[6] с добрых своих коней,
35 Становились перед <братом>[7] на колени:
«Ай же ты, род(е)ненький братец!
Ня пожни пшаници да недозрелой,
Ня порви[8] наших младыих головушак.
Возьми[9] от нас царства-государства,
40 Возьми ты от нас и городочки незнакомыя,
Возьми ты от нас всё богас(и)во —
Только нас пусти на добру волю!»

Ничаго Святопоўк не взирал —
Яры(е)м воўком подбягал:
45 Борисá копьём зак(а)лал,
<Глеба он>[10] мяцом убивает.
Поехаў он, порасхвастаўся:
«Я на государсви один еси!»
Тут Господь Бог воспрогневался,
50 Обрязаў землю крýгом около —
Он прогрязнул во сквозь землю.

(Ну ведь Бог всё может, вот и обрязаў землю крýгом, никуда и не выйти.)

Аника-воин

21

Поехал Ника-воин в Ерусалим-град
Победить и церкви ограбить.
Там Господен гроб на воздусях.
А Господь не допустил, вишь, —
5 И послал смерть навстрету.
Она попала,[1] а он[2] говорит:
«Куды ты поехал?
Я не допущу тебя Божьи церкви грабить
И разорить град Ерусалимов!»
10 — «Ай же ты, чудо чудно, дивно диво,
Какое ж ты попало?
Не царь ли ты царевич, не король ли королевич,
Што меня не пропускаешь?»
— «Не царь я есь царевич, не король королевич —
15 Есь я смерть прекрасна, душа повинна».
Он стал молитце:
«Дай мне хоть помолитце,
Дай мне по сроку пожить на три году!»
Отвечает смерть прекрасна:
20 «Не дам я тебе сроку на три недели.
Было времени-сроку грехи помолити!»
— «Дай-ко мне сроку на три году —
Съездить в свой город с отцом-матерью проститце,
С родом-племенем проститце,
25 Раздать свое имение по церьквам и по часовням,
И по нищей братии!»
Говорит смерть прекрасна:
«Было тебе сроку на тридцать неделей,
Было времечки отдать свое именье,
30 С отцом, с матерью повидатце.
Ноньку не дам тебе сроку на три недели!»
— «Ах же ты, смерть прекрасна,
Душа бесповинна,
Дай ты сроку хоть на три дня!»

35 — «Не дам я те сроку на три дня.
Было тебе сроку съездить в свой град проститце,
С отцом-матерью повидатце,
Раздать свое имение по церквам и по часовням.
Не дам я тебе сроку и не на один час!»
40 Подрезала она в руках-ногах жи́лья,
И добрый конь пал на колена.

Пятница и Трудник

22

Мучилсэ Трудник во в пустыни,
Не́ мог ни руками, ни ногами,
Не́ мог никоторыма местами.
Пятница к нему приходила,
5 Трудника свещою осветила.
В пятницу платьев не мойте,
В субботу родителей поминайте,
В воскресенье *Г*осподу Бо*г*у молитесь,
Матерныим словом не бранитесь!
10 Матерное слово проклятое:
Матушка земля <вострсетце>,[1]
На море волна всколыбнется.

Сон Богородицы

23

— Матушка Мария,
Пречистая Дева Святая,
Где же ты ночесь ночевала?
— Спала я ночесь, ночевала
5 На святой горы Верпепы[1].
Бризень[2] мне-ка сон прибризилсэ[3]:
Будто тебя, чадо, спородила,
Я во колены не ложила,
Я во поясы поясила,
10 [4]Будто во пояс<ы> шелковые[5].
Во Ярдани Господа крестила,
Под Ярданом б<ы>ло под рекою:
Объявилось дело святое,
Объявилсэ крес животворящий.
15 На кресту было на распятьи:
Копьем ребра пробожденн<ы>я,
Гвоздямы ручи прогвозденные,
Свята Божья кровь проливенна.
Хто этот сон может знать,
20 Хто этот сон рассуждает —
Тот сбавлен от вечные муки.

— Ай же ты, матушка моя,
Пречистая Дева Святая!
Сам этот сон я могу знать,
25 Сам этот сон я рассуждаю:
Быть моей крови проливенной,
Быть моим ручам пригвозден<ны>м,
Быть моим ребрам прободен<ны>м.
В пятницу меня, матушка, распятят,
30 В суб<б>оту буде погребенье,
А на шесь[6] недели — Вознесенье.
Вознесетце Бо*г* на небеса.
На третий день, матушка, я воскресну.
На небеса я вознесусь со всей со небесной силой. —
35 Росплакалась Матушка Мария,
Пречистая Дева Святая:
«Ой же ты, чадо мое милое,
Ой же ты, Исус Христос — Царь Небесный!
На кого ты меня покидаешь,
40 На кого меня оставляешь?»
— «Не плачь, Матушка Мария,
Не плачь, Пречистая Дева Святая!
Оставлю Ивана Пред(о)теча:
Держи вместо своего сына.
45 Сам к тебе, матушка, буду,
С телес твою душеньку выну.
Телеса твои похоронят,
Лико твое спишу на икону,
Икону снесу в Божью церьков,
50 Ставлю икону за престолу.
Будут тебя, матушка, знати,
Будут тя, Мария, почитати!»
Расплакались нищи убоги,
Расплакалась нищая братья:
55 «Ай же ты, Исус Христос — Царь Небесный!
На́ кого ты нас здесь оставляешь,
На́ кого ты нас здесь поки<д>аешь?»
— «Не плачьте, нищие убоги,
Не тужите, нищая братья!
60 Оставлю я вам гору золотую,
Дам я вам реку медяную[7].
Умейте горой, рекой поделяти[8],
Меж собой гору, реку разделяти».
Поговорил Иван Пред(о)теча:
65 «Ай же ты, Исус Христос — Царь Небесный!
Благослови словцо мне промолвить,
Не прикажи за́ слово казнити.
Нищим горой, рекой не владати,
Меж собой горы, реки не поделять:
70 Отоймуть князья-бояры,
Отоймуть прожиточны кресьяны.
Остав им Христово свое слово!
Будут оны сыты, одеты,
Будут оны теплом обогреты».

75 — «Ай же ты, Иван Пред(о)теча!
За твои умильныи речи
Пусь тебе уста золотыи,
Пусь тебе праздники частыи,
Пусь тебе гора золотая,
80 Пусь тебе река медяная,
Пусь тебе имя святое!»

Плач Богородицы

24

Про́роки проро́цили за сто годов,
Другие сказали — за двести лет;
Во гра́де гуляла Свя́тая Дева́,
Не одна́ гуля́ла — с мироносицами.
5 По́падало Деве стречу два жида,
Спрашивала у́ жидов Свя́тая Дева́:
«Где вы, жиды, были, откуль идёте?»
Отвецали жи́ды Свя́той Де́ве:
«Жили мы были в Ярусалиме,
10 Му́чили мы Хри́ста, ра́спяли его,
Руци и нози гво́здем ковали,
Гла́за и но́здри ко́пьем кололи,
Про́лилась от *Г*осподу кровья вся земли».
Па́дала тут о́ землю Свя́тая Дева́.
15 Сказал *Г*оспо́дь ро́дной матери своей:
«Плацьце, стониця, солнце и луна,
Плацьце, стониця, зоря и звезды́,
Плацьце, стониця, вдо́вы, сироты!
Не́ плаць, не́ плаць, мати, не рыда́й моя:
20 В третий день воскресну, прославлю я тебя.
Радости, веселья не будет ти конца!»

КОММЕНТАРИИ

Голубиная книга

1. «Книга Голубиная». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 5, л. 22 об.— 25 об. — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 78—80 об. — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 16.VII.1926 г. от Настасьи Степановны Богдановой, 65 лет, в г. Петрозаводске бывш. Олонецкой губ. О Н. С. Богдановой (Зиновьевой) см.: Астахова, 1, с. 76; Астахова, 2, с. 45—47. Н. С. Богданова — двоюродная сестра жены Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина (о нем см.: Астахова 1, с. 72). Кроме публикуемых здесь «Голубиной книги» и «Страшного суда» (см. № 3) в репертуар исполнительницы входили такие духовные стихи, как «Два Лазаря», «Алексей человек Божий», «Егорий Храбрый», что отмечено в рукописи А. М. Астаховой (кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 75). Там же рядом с названием «Егорий Храбрый» стоит дата (записи?): 20.X.1927 г. «Не от матери я былины да стихи всякие узнала, — свидетельство-

вала сказительница, — от разных людей. Была старушка одна, с ней я всё ходила» (кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 20). Н. С. Богданова имела в виду, вероятно, «бабушку Шапшу», перенявшую свой репертуар от известного певца Конона из Зяблых Нив (см.: Астахова, 2, с. 46).

Судя по полевой записи собирательницы, текст исполнялся дважды. Публикуется второй, уточненный вариант. В комментариях — при необходимости — указывается и первый вариант исполнения.

[1] А. М. Астахова явно затруднялась в передаче звучания слова. В *пз* поверх «ц» написано «ч». В *бркп* над «ц» написано «ч». Печ. по правленому варианту *пз*. [2] В *пз* «книгу», что считаем опиской собирателей (или случайной оговоркой исполнительницы — по аналогии с предыдущим словом). Печ. по *бркп*. [3] Первоначальный вариант исполнения: «А пристать не смел, прочитать не умел». [4] В *пз* и *бркп* «читали» — вероятно, оговорка исполнительницы. Для удобства восприятия текста употребляем ед. ч. [5] В *пз* зачеркнуто «Тогд<а>», т. е. стих был начат иначе, отсюда стилистическая дисгармония фразы. [6] В *пз* предлог написан дважды, вероятно, ошибочно.

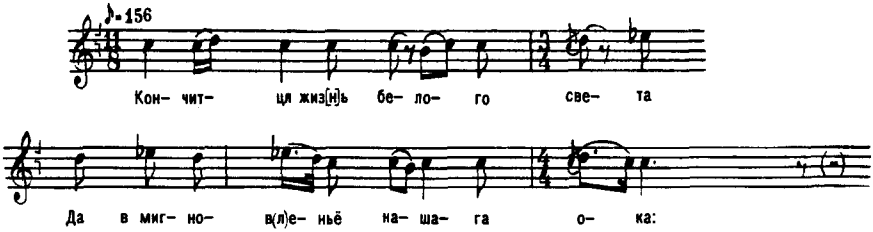
2. Без названия. РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 2—2 об. — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 29.VI.1926 г. от Матвея Егоровича Самылина, 47 лет, в д. Демидово Космозерской вол. О М. Е. Самылине см.: Астахова, 2, с. 377—378; Крестьянское искусство СССР. С. 78, 81, 82, 84—85. Среди духовных стихов, которые исполнял М. Е. Самылин, А. М. Астаховой ошибочно не назван публикуемый здесь «Егорий Храбрый» (№ 12).

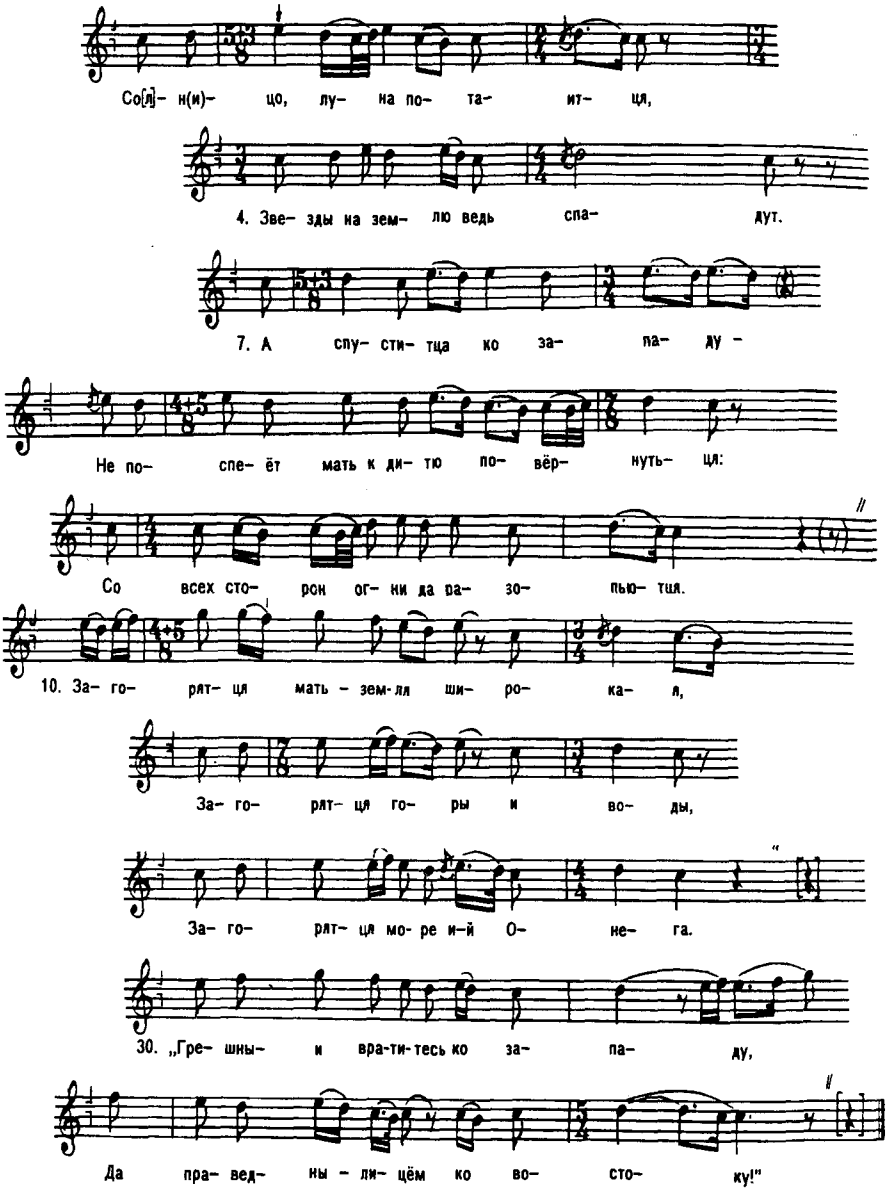
Кроме фрагмента «Голубиной книги», включенного нами в публикацию, А. М. Астаховой был записан в 1926 г. еще один, совсем небольшой фрагмент стиха от О. А. Сидоровой, 89 лет, в д. Ти́пеницы-Бережняя (кол. 2, п. 12, ед. хр. 11, л. 32—32 об.). В том же году С. И. Бернштейном от А. Б. Сурикова, 68 лет, в д. Конда было записано начало «Голубиной книги» на фонограф (ФА ИРЛИ, ФВ 744).

Страшный суд

3. «Страшный суд». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 5, л. 19 об.—22 об. — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 75 об.—77 об. — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 16.VII.1926 г. от Настасьи Степановны Богдановой, 65 лет, в г. Петрозаводске. О Н. С Богдановой см. примеч. 1. Ниже приводится текст, записанный от сказительницы на фонограф С. И. Бернштейном в Ленинграде год спустя — 20.IX.1927 г. (ФА ИРЛИ, ФВ 791. Расшифровка звукозаписи А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на 1/2 тона выше). Запись на фоновалике использовалась нами при внесении некоторых поправок в текст № 3. Все случаи правки оговорены в текстологических примечаниях.

О страшном суде





Кончитця жиз<н>ь белого света
Да в мигнов<л>еньё нашага ока:
Со<л>н(и)цо, луна потаитця,
Звезды на землю видь спадут.
5 Пролётит стрела ог(ы)нённа́я
Да-й от Во́стока, ну, ко Запа́ду,
А спуститца ко Западу.

Не поспеёт мать к дитю повёрнутьця —
Со всех сторон огни да разольютця,
10 Загорятця мать-земля широкая,
Загорятця горы и воды,
Загорятця море и-й Онега,
Загорятця грады и деревни.
Да только не будут гореть Божьи церьквы:
15 Будут так стоять на возду́сях.
Выгорит земля широка́я,
Да бу́дёт поле скатер(ё)тям бра́нам.
А опуститца на землю Судья праведной
Дак с ан(ы)ґеламы, со херувивамы,
20 Й-он со всёй небес(ы)ною силой:
Бу́дёт-то Судья судить живых и ме́ртвых.
Стане тут Михайло свет архан(и)гёл,
Да выстанё на гору высокую,
Затруби́т в трубу золотую:
25 «Встань(и)те живы́ да ме́ртвы из гро́ба!»
Вдруг они тут во(и)сстанут,
Да друг друга они тут признают,
Да глаголить совси́м не возмогут.
Возрече́ Христос, Царь Небесной:
30 «Грешныи, вратитесь ко Западу,
Да праведны — лицём ко Востоку!».
Будё тут Судь(и)я судить живых и мер(ы)твых.
Да не поможат нам тут, душам грешным,
Ни име́нья наша, ни боґатьс(и)<т>во,
35 Да ни гордость наша, высокоу́меньё.
Да помо́жа нам ли, не помо́жа
Да молитвы денны́ё,
Да поклоны нам(ы)-то ночны́ё,
Да ти́хо-ладно-й-то покая́ньё
Да тихо-смирно нашо пода́ньё.

Этот текст опубликован в издании: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Эпические стихи и притчи..., № 5, но приведен в соответствие с современными орфоэпическими нормами.

[1] В *пз* «концитця». Печ. по *бркп* [2—3] В *пз* окончания в словах написаны неразборчиво. При перебеливании стих 2 был прочитан А. М. Астаховой иначе: «Во мгновении нашем она потаитця», позднее карандашом внесена поправка: «она» — «ока». [4] В *пз* и *бркп* «раздаються», что считаем слуховой ошибкой. [5] В *пз* «мо́ря». Печ. по *бркп*. [6] В *пз* можно прочесть и как «возду́хах». Печ. по *бркп*. [7] В *пз* «мирскя а». В *бркп* «мирская» со знаком вопроса [8] В *пз* слово написано со строчной буквы, перед ним — пропуск. Печ. по *бркп*. [9—10] Судя по *пз*, исполнительница сначала пропела (или сказала) «Равные голосом будут тогда оны». Но, видимо, спохватившись, сказала стих 27 — он вписан между строк. Далее (вероятно, вместо процитированного выше стиха) был сказан стих 28. [11] В данном случае нами снята фонетическая фиксация произношения, соответствующего литературной норме (ср. с расшифровкой фонозаписи). [12] В *пз* «и» вписано сверху. В *бркп* «и». Считаем, что, скорее всего, звучало «'ли». [13] Воспроизведение слова вызвало сомнение у собирателя: в *пз* над конечным «ц» стоит «ч». [14] В *пз* читается «душегубоч(е)цы». В *бркп* «душегубцы», над конечным «ц» стоит «ч». [15] В *пз* читается «сотворення». В *бркп* «сотворенны» и далее существительное и прилагательное во мн. числе. [16] Так в *з*. В *бркп* рядом со стихом знак вопроса. [17] В *пз* «родитей», что считаем погрешностью скорописи. Печ. по *бркп*.

Как вариант «Страшного суда» рассматриваем мы и стих «О Михайле-архангеле», записанный 12.VII.1926 г. прикомандированным к экспедиции Ленинградским отделением Главнауки фотографом Ф. М. Морозовым. Запись сделана в д. Бесов Нос Пудожского уезда от «бабки Петровны» (других сведений об исполнителе нет). Текст печатается по *бркп* А. М. Астаховой: кол. 2, п. 12, ед. хр. 16, л. 110 об.—111.

Михаил-архангел и выстал на гору высоку,
Вострубел в трубу золотую:
«Вставайте, мертвые, <в>[1] гробу!
Становитесь вы, праведные,
5 Во рай всесветлый,
А грешные — во шую».
Праведные души срадовалися,
Грешные души идут, плачут,
10 Плачут они и рыдают,
Михайло-архангела вспоминают:
«Ах, уж ты, Михайле-архангеле!
Зачем нас прочь отсы<л>аешь,[2]
Небесного царствия лишаешь?»
15 — «Отойдите прочь, проклятые!
Жили вы на вольном свете:
Брат-от же брата ненавидит,
Сусед суседа проводили,
Нищих и убогих не кормили —
20 За то будет вам вечная мука,
За то будет вам плач неутешный...»

[1] В *ркп* «у». Вряд ли это «ў», уловленное на слух неспециалистом. [2] В *ркп* «отсыпаешь». Вероятно, А. М. Астахова не разобрала здесь почерк Ф. Морозова при перебеливании его записи.

Вознесение

4. «Светлое Христово воскресенье». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 25 об.—26 об. — *бркп*. Зап. И. В. Карнауховой 5.VII.1926 г. от Марии Васильевны Рагозиной, 16 лет, в д. Дерегузино Шуньгской вол. Повенецкого у. бывш. Олонецкой губ. О М. В. Рагозиной (в *ркп* Рогозиной) см.: Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1934. С. 380—381; Астахова, 2, с. 444—445. В издании И. В. Карнауховой местом записи названа д. Дергузово (с. 380), д. Дрегузово (с. 432); в томе А. М. Астаховой — д. Дерегузово.

[1] В *ркп* «горы». Считаем «ы» огласовкой согласного, не отмеченной собирателем.

5. Без названия. РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 49 — брк*п*. Зап. 20.VI.1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной от Александры Федоровны Силкиной, 68 лет, Погост Заонежского р-на Фоймогубского с/с АКССР.

Кроме публикуемых текстов (см. № 9) от А. Ф. Силкиной записана сказка «Муха-полетуха» и присказка. Других сведений об исполнительнице нет.

Публикацию напева одного из обонежских вариантов «Вознесения» см. в настоящем издании (А. Ю. Кастров. Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов. Нотный пример № 11).

Алексей человек Божий

6. «Стих об Алексее человеке Божием». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 17, л. 3—8 об. — *бркп*. Зап. Т. В. Поповой 6.VII.1926 г. от Анны Васильевны Ивановой, 60 лет, и Авдотьи Михайловны Кирилловой, 73 лет, в д. Кулгосово Шуньгской вол. Повенецкого у. бывш. Олонецкой губ.

Стих — за исключением, вероятно, некоторых строк — был спет.

[1] Дальше А. В. Иванова текст не помнила, его продолжила А. М. Кириллова. [2] Смысл слова неясен, в *ркп* оно заключено в круглые скобки: по-видимому, собирательница сомневалась в точности услышанного ею. [3] В *ркп* пропуск. [4] В *ркп* «бого( )льям». [5] Вм. «По Олексееву моленью». [6] Так в *ркп*: возможно, конечный согласный «л» (или «т») был произнесен невнятно, и надо читать «сходи<л>» (или «сходи<т>). [7] В *ркп* «Иди», что считаем неточной фиксацией произнесенного. [8—9] В *ркп* «слуга келейный» — вероятно, оговорка исполнительницы. [10] В ркп «погай» (?). [11] В *ркп* слог «лы» взят в скобки: доб. собирателем?

От А. М. Кирилловой и ее внучки К. В. Кирилловой, 16 лет, Т. В. Поповой был записан «Стих о Егории и змее». Клавдия Васильевна Кириллова переняла от бабушки и стих «Мучения Егория» (фрагмент записан Т. В. Поповой).

Об А. В. Ивановой имеются лишь самые общие сведения: родом из Кажм, в Кулгосово живет 40 лет, ездила в Петрозаводск.

7. «Об Алексее человеке Божием». РО ИРЛИ, кол. 2, п. 12, ед. хр. 16, л. 98—100 — *бркп* А. М. Астаховой. Зап. Н. П. Колпаковой 5.VII.1926 г. от Марии Васильевны Могучевой, 43 лет, в д. Мишкарёво Шуньгской вол. Повенецкого у. бывш. Олонецкой губ.

О М. В. Могучевой см.: Астахова, 2, с. 454. В репертуаре исполнительницы А. М. Астаховой ошибочно не назван публикуемый здесь «Стих об Алексее человеке Божием». См. также № 13.

[1] Т. е. «пойди». [2] В *ркп* «свойи», рядом — знак вопроса, проставленный карандашом. Считаем, что второе «и» указывает лишь на продолжительность звука. [3] Искаженное «протопопов». [4] Два последних слова вызвали, видимо, сомнение у А. М. Астаховой при перебеливании рукописи Н. П. Колпаковой: рядом со словами — вопросительные знаки.

Кроме публикуемых участниками обонежских экспедиций 1926, 1931 гг. было записано еще несколько вариантов «Алексея человека Божия»: А. М. Астаховой в д. Демидово от М. Е. Самылина, 47 лет — стихи и прозаич. пересказ (кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 3—6 — *бркп*); А. М. Астаховой в д. Ти́пеницы от Огафьи Александровны Сидоровой — стихи и пересказ (кол. 2, п. 12, ед. хр. 11, л. 31—32 — *пз*); А. М. Астаховой в д. Якорь-Ледина от С. М. Сверлова, 79 лет (из д. Пайницы, Фоймгуба) — стихи и пересказ (кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 21—23) — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 85 об.—86 об. — *бркп*); Н. Котляровой в 1931 г. в д. Зиновьево от Н. Т. Зиновьевой, 45 лет — 71 стих (кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 71—73). 24.VI.1926 г. С. И. Бернштейном была произведена запись напева «Алексея человека Божьего» в д. Конда от А. Б. Сурикова, 68 л. (ФА ИРЛИ. ФВ 739, 757).

Мучения Егория

8. «Егорий Храбрый». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 16, л. 107—109. Зап. 1.VII.1926 г. А. М. Астаховой и Т. В. Поповой от Пелагеи Никитишны Фи-

липповой, 73 лет, в д. Комлево Космозерской вол. Петрозаводского у. О П. Н. Филипповой см.: Крестьянское искусство СССР. С. 88; Астахова, 2, с. 385—392.

Текст, судя по всему, записывался параллельно А. М. Астаховой (кол. 2, п. 12, ед. хр. 8, л. 10—11 об.) и Т. В. Поповой (ед. хр. 16) 28.VI.1926 г. Затем — при повторном посещении исполнительницы 1 июля (на что есть указание в дневниковых заметках собирателей) — более четкая и полная запись Т. В. Поповой правилась А. М. Астаховой во время вторичного исполнения стиха. Публикуется этот правленый текст, т. е. второй вариант пения. В примечаниях приведены опущенные при повторном исполнении стихи, а также содержательно значимые для публикуемого текста варианты стихов и их частей. Обращено внимание на различие в фиксации собирателями цоканья. Заметим также, что в рукописи Т. В. Поповой встречается лишь «*г*», замененное в отдельных словах А. М. Астаховой на «г». Таким образом, остается неясным, насколько соответствует действительности фонетическая вариативность ряда аналогичных слов (хотя фиксировать текст по уже сделанной предварительно записи, естественно, легче, потому регистрация слышимого — точнее).

[1] «Та мука́ Е*г*орья не́ яла». [2] Далее: «Стали Е*г*орья во котли́ варить». [3] «досюльные» — примеч. исполнительницы. [4] Строка при первом исполнении отсутствовала. При вписывании ее в *ркп* Т. Поповой А. Астахова, возможно, не дописала слово «стих<и>», в результате чего оно оказалось зафиксированным в ед. ч. [5] «его». [6] «А стоит» [7—8] «А и не бывать нунь». [9] Стих при первом исполнении отсутствовал. [10] Далее: «Как завеяли тут ветры буйные». [11] «Размура́вилась трава шелко́вая». [12] Далее: «Потащила тут пеньё-хламьё». [13] «...на добры кони/К отцу-ма́тери, роду-племени». [14] Т. В. Поповой зафиксировано здесь цоканье: «маху́ции». [15] В записи Поповой «клеву́ции» и далее: «Змеи клеву́ции, змеи еду́ции». [16] Далее: «Змеюшки клевуции, змеи́ иду́ции». [17] Далее: «Расплывайтесь да по всему меру́».

9. «Мучения Егория». РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 2, л. 48—48 об. — *бркп*. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 20.VI.1932 г. в д. Погост Фоймогубского с/с Заонежского р-на АКССР от Александры Федоровны Силкиной, 68 лет. Сведения об исполнительнице см. примеч. 5.

[1] В *ркп* этот стих помещен после 61-го. Но указано на необходимость поменять стихи местами. [2] В *ркп* «сонтя», что, на наш взгляд, не совсем точно фиксирует произнесенное «сонця».

10. Без названия. РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 11, л. 53 — *бркп*. Зап. М. Б. Каминской 11.VIII.1931 г. от Федосьи Кузьминичны Чивиной, 81 г., в д. Леликово.

По свидетельству собирателя, «Федосья Кузьминишна является бабушкой Андреева-Рябинина (Петра Ивановича. — *Л. П.*). Она не сказительница, а просто пожилая женщина, знающая много песен, частушек и прич<е>тов. Песни она поет с удовольствием, хотя сперва и отнекивается. Поет их не на определенный напев, а каждый раз изменяет мотив, так что запомнить его трудно. Сидит она обычно, подперши одной рукой под подбородок, или просто, сжав руки, кладет их на стол. Очень не любит, если ее перебьют, и повторяет всегда уже по-другому. После окончания песни следу<е>т или присказка „тем стих и кончается“, или говорит просто: „Ну, вот и всё“. Часто, кончив одну и не говоря ничего, начинает следующую» (ед. хр. 11, л. 52). От Чивиной записаны (все названо «стихами»): баллада «Братья-разбойники и сестра», описание пира (былинное, но с концовкой: «Безумной хвастал женой молодой,/Приданного-то много — человек худой,/ Приданному лежать надо на грядочке,/ А моей худой жене да на белой руки»), шуточная «Комарище».

[1] В *ркп* «деяло» (ст. 12), «делало» (ст. 16) — слуховая ошибка собирателя.

Кроме публикуемых текстов «Мучений Егория» в 1926 г. произведены записи: А. М. Астаховой в д. Кулгосово от К. В. Кирилловой, 16 лет — 32 стиха (кол. 2, п. 12, ед. хр. 17, л. 2—2 об.); С. И. Бернштейна на фонограф в д. Мичурово от Т. П. Рагозиной, 40 лет (ФА ИРЛИ. ФВ 766—767).

Егорий и Змей

11. «Про Егория Храброго». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 29—32 — *бркп* А. М. Астаховой. Зап. И. В. Карнауховой 6.VII.1926 г. от Авдотьи Петровны Мерзляковой, 87 лет, в д. Шуньгский Бор Повенецкого у. бывш. Олонецкой губ.

О А. П Мерзляковой (родом из д. Зяхнóво-губа Шуньгской вол. Повенецкого у.) см.: Крестьянское искусство СССР. С. 81; Астахова,2, с. 460.

[1] В *ркп* вместо части текста, заключенной в угловые скобки, — прочерк (вероятно, знак аналогии со стихами 58—62). [2] В *ркп* «Да за» из «Вязали». Рядом знак вопроса, проставленный карандашом. [3] В *ркп* «Земля»: либо оговорка исполнительницы, либо слуховая ошибка собирателя.

12. «Егорий Храбрый». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 7 об.—10. Зап. А. М. Астаховой 29.VI.1926 г. от Матвея Егоровича Самылина, 47 лет, в д. Демидово Космозерской вол. бывш. Олонецкой губ.

О М. Е. Самылине см. примеч. 2.

13. «О девице Гелисафии». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 16, л. 101—102 об., 110 — *бркп* А. М. Астаховой. Зап. Н. П. Колпаковой 6.VII.1926 г. от Марьи Васильевны Могучевой, 43 л., в д. Мишкарёво Шуньгской вол. Повенецкого у. бывш. Олонецкой губ.

О Могучевой М. В. см. примечание 7.

[1] Вм. «город». [2]—3 В *ркп* «На потти».

14. «Про Егория Храброго». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 11, л. 6 об.—8 — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 64—65 об. — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 11.VII.1926 г. от Марфы Александровны Белоусовой, 79 лет, на Падмозере.

М. А Белоусова, «родом из Шуньги», «былины и стихи переняла от бродячих стариков. Кроме записанного стиха довольно твердо знает о мучении Егория Храброго. Знала и о Лазарях, и Алексее, теперь забыла. Говорит, что „теперь уже не спевает“, потому и забывает» (*бркп*, л. 63 об.). От нее собирателем записана — но очень плохо, с большими пропусками в записи текста былина «Про Добрыню» (*пз*, л. 8 об.—10 об.) По замечанию Астаховой, «былина явно разлагается, былинный ритм нечеткий». Знала А. М. Белоусова раньше и былины о Дюке Степановиче, Ставре Годиновиче. Собирателем отмечено, что исполнительница знает свадебные причеты, сказки («С большим увлечением рассказывала сказку про Жар-птицу <...> Знает про Ивана, набитого дурака», восклицает: «Колько я этих досюльных сказок про государей знала, да все забыла!»). Но, кроме указанных записей, в рукописях Астаховой других текстов от Белоусовой не обнаружено.

[1] В *пз* «беззакониие». Считаем, что второе «и» указывает лишь на продолжительность звука. Печ. по *бркп*. [2] В *пз* и *бркп* «Но»: скорее, это ослышка собирателя под воздействием последующего «то*г*о». [3] В *пз* «Отдим» — вероятно, описка собирателя. Печ. по *бркп*. [4] В *пз* «змеие». Видимо, «и» — дополнительный призвук, образующийся при пении. Печ. по *бркп*. [5] Слова, взятые в квадратные скобки, в *пз* отсутствуют. [6] В *пз* «да»: скорее всего, слуховая ошибка собирателя. [7] В *пз* здесь и в ряде аналогичных случаев «змию». Остается неясным, имеем ли мы дело с фонетической вариативностью распетого слова или с различной фиксацией

одинаково звучащего. Поскольку последнее все же вероятнее в данном случае, то здесь и далее в тексте слово воспроизводится по *бркп* с выделением курсивом замененной буквы. [8] Возможно, нужно читать «поверуете», поскольку слово могло просто оказаться невыправленным собирателя при замене предыдущего: в *пз* «Если» написано поверх «Вы». В *бркп* «Вы». [9] В *пз* «поверововали» — вероятно, погрешность скорописи. Печ. по *бркп*.

15. «Про змея лютого». РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 18, л. 117—121 об. Зап. Н. Котляровой 17.VIII.1931 г. от Натальи Тимофеевны Зиновьевой, 45 лет, в д. Зиновьево Сенногубского с/с Заонежского р-на АКССР. Текст «Егория и Змея» назван Н. Т. Зиновьевой «былиной».

О Н. Т. Зиновьевой см.: Астахова, 2, с. 121. Запись напева произведена от исполнительницы 12.I.1932 г. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной (см. публикацию А. Ю. Кастрова в наст. изд. — № 8). Строфика реконструирована нами.

[1] При расшифровке фонозаписи — «Рахмильское» (см. публикацию А. Ю. Кастрова). [2] В *ркп* на конце «у»: выправлено нами на основании указанной расшифровки фонозаписи. [3] В *ркп* «закружцилился». [4—5] В *ркп* «доцик им», что считаем неточным воспроизведением услышанного. При этом исполнительница, вероятно, оговорилась: сказала «им» вместо «ей». [6] В *ркп* «Наступила доць, доць не наверную». [7] В *ркп* читается «колом». [8] Вм., видимо, «скорилаcи». [9—10] Возможно, звучало: «последню (й)у мени». [11] Стих вписан между строк: вероятно, исполнительница вначале пропустила его. [12] Далее явный пропуск исполнительницей стиха типа «А не построите...». [13] В *ркп* «не дело бы», что относим к слуховым ошибкам собирателя.

16. «Елисафия». РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 1, л. 22—23. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 6.VII.1932 г. от Марии Михайловны Клюхиной, 48 лет, в д. Клюхино Яндмозерского с/с Заонежского р-на АКССР.

Других сведений об исполнительнице (кроме свидетельства о том, что в ее репертуар входила баллада «Братья-разбойники и сестра») нет.

[1] В *ркп* «Над» выправлено на «Нап», последнее считаем неточным. Вероятнее — «Надь», т. е. усеченное «Надо». [2] В *ркп* «дотери». Скорее, в корне слова было произнесено мягкое «ц» или по крайней мере звук, средний между «ць» и «ть».

Кроме указанных выше записей духовного стиха «Егорий и Змей» в 1926 г. в Обонежье были сделаны еще три: А. М. Астаховой в д. Демидово от М. П. Горшковой — стихи и прозаич. пересказ (кол. 2, п. 12, ед. хр. 12, л. 139 об.—141 — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 83 об.—85 — *бркп*); Т. В. Поповой в д. Кулгосово от К. В. Кирилловой, 16 лет, и А. М. Кирилловой, 73 лет — 86 стихов (кол. 2, п. 12, ед. хр. 17, л. 16 об.—19); С. И. Бернштейном в д. Конда от А. Б. Сурикова, 68 лет (ФА ИРЛИ. ФВ 746, 747).

Два брата Лазаря

17. «Стих о двух Лазарях». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 10, л. 11 об.—12; кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 1 об.— *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 57 об.—59 — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 28.VI.1926 г. от Анны Петровны Парфеновой, 23 лет, в д. Комлево Космозерской вол. бывш. Олонецкой губ.

По свидетельству собирателя, А. П. Парфенова седьмой год замужем, имеет трех детей, «много поет, все песни знает и сказки знает». Владела исполнительница и искусством причета. От нее записано три свадебных причитания. Однако других записей от Парфеновой произведено, к сожалению, не было.

Текст спет, но некоторые строки, вероятно, сказаны. «Двух Лазарей» слышала от старух (см. также вступит. заметку, где цитируется сказанное ею о бытовании

духовных стихов — сноска 19). Во время пения (судя по *пз*) исполнительница иногда сбивалась, но тут же поправлялась; сбивы нами не фиксируются.

[1] Последующие 4 стиха А. П. Парфенова вспомнила не сразу — после того, как пропела строки 12—15 и начала было петь дальше: «И по́плыл убогий...». [2] В *пз* «голоднов<о>». Печ. по *бркп*, где окончание приведено в соответствие с аналогичными окончаниями прилагательных в последующих стихах: вероятно, собиратель сочла фиксацию этого слова в *пз* неточной. [3] Сокращенно записанный конец стиха в *пз* расшифровке не поддается. В *бркп* стих зафиксирован как пояснение исполнительницы и без указаний на отсутствующий конец. [4] В *пз* «мою» — оговорка исполнительницы? В *бркп* — «моё», сверху написано «ю» со знаком вопроса. [5] В *пз* «мою», сверху над «ю» написано «ё». В *бркп* «моё(ю)». [6] В *пз* из-за обветшалости рукописи часть слова не прочитывается. В *бркп* слово отсутствует. Далее текст печатается по *бркп*, так как *пз* этой части текста не обнаружена.

18. «Стих о двух братьях Лазарях». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 17, л. 19—20 об. Зап. Т. В. Поповой 7.VII.1926 г. от Авдотьи Михайловны Кирилловой, 73 лет, в д. Кулгосово Шуньгской вол. Повенецкого у.

О А. М. Кирилловой см. примеч. 6. Стих, вероятно, спет.

[1] В *ркп* из «Вынуть». [2] В *ркп* «Пусьть», что считаем не совсем точной передачей звучащего текста (мягкое «т» — по-видимому, уже начало следующего слова). Ср. стих 41. [3] В *ркп* «большаа». Считаем, что второе «а» указывает лишь на продолжительность звука. [4] Возможно, звучало «отвецяў», но конечное «ў» слилось при пении с начальным «у» следующего слова — «убогий».

19. «Про братьев Лазарей». РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 6 об.—7 об. — *бркп*. Зап. А. М. Астаховой 29.VI.1926 г. от Матвея Егоровича Самылина, 47 лет, в д. Демидово Космозерской вол.

О М. Е. Самылине см. примеч. 2.

Кроме включенных в публикацию текстов духовного стиха «Два брата Лазаря» в 1926 г. А. М. Астаховой был записан в д. Якорь-Ледина текст от С. М. Сверлова — 54 стиха (кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 23—24 об.— *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 86 об.—87 об. — *бркп*); в 1931 г. Н. Котляровой в д. Зиновьево был записан стих от Н. Т. Зиновьевой, 45 лет — 39 строк (кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 113—114). Публикацию напева одного из обонежских вариантов «Двух Лазарей» см. в наст. изд. в указанной работе А. Ю. Кастрова (№ 9). Запись другого напева была произведена в 1926 г. С. И. Бернштейном в д. Конда от А. Б. Сурикова, 68 лет (ФА ИРЛИ, ФВ 758).

Борис, Глеб и Святополк окаянный

20. «Стих о Святополке, Борисе и Глебе». РО ИРЛИ, р. V, кол. 26, п. 3, ед. хр. 12, л. 65—66 об. Зап. Н. Котляровой 12.VIII.1931 г. от Натальи Тимофеевны Зиновьевой, 45 лет, в д. Зиновьево Сенногубского с/с Заонежского р-на АКССР.

О Н. Т. Зиновьевой см. примеч. 15.

[1] Возможно, нужно читать «благоможечь»: от «блажить», «благоматный» — взбалмошный (см.: Словарь русских говоров Приамурья/Сост. Ф. П. Филин. М., 1983) и «можиться» — страдать, мучиться от боли (Там же). Т. е. в значении «обезумев, лишившись рассудка»: ср. варианты, приведенные в издании П. Бессонова (Калики перехожие. Вып. 3. С. 626, 629, 633, 648 и др.). Или же в значении «возлюбив блага», «владея благами»? [2] В *ркп* «А ижа был» — явно слуховая и смысловая ошибка собирателя. [3] В *ркп* «брачьича». [4] В *ркп* после «ч» — «а». [5] В ркп «взирают»: оговорка исполнителя или слуховая ошибка собирателя.

[6] В *ркп* «Выпускают»: скорее, слуховая ошибка собирателя. чем оговорка исполнителя [7] В *ркп* «рядом» — вероятно, собиратель не расслышала текст. [8] В *ркп* рядом в круглых скобках помещено слово «поруби» и помета «2 р». (т. е. при повторе стиха или лишь отмеченного слова произошла его замена, по всей видимости). [9] В *ркп* здесь и далее «Васьми». [10] В *ркп* «Глебовым»: слуховая ошибка собирателя или оговорка исполнителя.

Аника-воин

21. «Ника-воин». РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 3, л. 34—34 об. Зап. Н. Н. Тяпонкиной и М. Б. Каминской 4.VII.1932 г. от Надежды Ильиничны Морозовой, 73 лет, в д. Коровниково Пайницкого с/с Заонежского р-на АКССР.

О Н. И. Морозовой см.: Астахова, 2, с. 416. Текст, вероятно, записан с пересказа.

[1] Т. е. попалась, встретилась. [2] Ошибочно вм. «она» (либо вместо «ему» ошибочно «а он»).

Пятница и Трудник

22. Без названия. РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 1, л. 29. Зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной 16.VI.1932 г. от Анастасии Афанасьевны Сазоновой в д. Погост Космозерского с/с Заонежского р-на.

О А. А Сазоновой. см. публикацию А. Ю. Кастрова в наст. изд. (примеч. 13).

[1] В *ркп* ошибочно «вознесетце».

Небольшой фрагмент этого стиха был записан и в 1926 г.: А. М. Астаховой в д. Ти́пеницы от О. А. Сидоровой — 5 строк (кол. 2, п. 12, ед. хр. 11, л. 33 об.).

Сон Богородицы

23. «Богородицын сон». РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 3, л. 35—36. Зап. Н. Н. Тяпонкиной и М. Б. Каминской 4.VII.1932 г. от Лазаревой (другие данные об исполнительнице не приведены) в д. Коровниково Пайницкого с/с Заонежского р-на АКССР.

[1] Искаженное «Вертеп». [2] Вероятно, искаженное «Грозен». [3] Вероятно, искаженное «пригрезился» («привиделся»). [4—5] В *ркп* «Будто в посе том святии/ Будто во пясах шелковые» — явное непонимание смысла сказанного у исполнительницы (но, возможно, и искаженная запись собирателей). То же касается слов: «боло» в *ркп* вм. «было» в ст. 12; «пробожденная» вм., вероятно, «пробожденныя» в ст. 16; «ригвозденим» вм. «пригвозденным» в ст. 27; «прободеним» вм. «прободенным» в ст. 28. [6] Вм. «шестой». [7] Т. е. «медовую». [8] Вероятно, вм. «владети»: ср. стих 68.

«Сон Богородицы» бытует как молитва-оберег: «Это читают для того, штобы не было пожаров».

Запись напева одного из обонежских вариантов стиха была произведена С. И. Бернштейном в 1926 г. в д. Конда от А. Б. Сурикова, 68 лет (ФА ИРЛИ, ФВ 756).

Плач Богородицы

24. Без названия. РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 12, ед. хр. 6, л. 47—47 об. — *пз*; кол. 2, п. 12, ед. хр. 15, л. 81—81 об. Зап. А. М. Астаховой 2.VII.1926 г. от Ириньи Михайловны Гириной, 50 лет, в д. Нефедово Шуньгской вол. Повенецкого у.

По свидетельству А. М. Астаховой, текст исполнительница выучила из книги, но напев переняла «от старух». Традиционность эпического напева, на который исполнялся стих, и заставила нас включить текст в публикацию (см. работу А. Ю. Кастрова в наст. изд., № 10). Кроме того, в момент записи книги у И. М. Гириной не было. Запись велась в доме Н. Н. и П. Я. Белковых; в *пз* помечено собирателем: «...посмотреть книже<чку> со стихами, которые она поет» (*пз*, л. 47). В *бркп* Астаховой зафиксировано: «На друг<ой> день была у самой — дала заговоры и показала книжечку». «Книжечка, вероятно, конца 18 или нач. 19 века, печатная, слав<янский> шрифт — духовные стихи, псальмы. Видимо, книжечкой очень дорожит. Раскрыла книжку, одела очки и начала петь» (*бркп*, л. 81), т. е. уже повторно. Знала Гирина немного «Алексея человека Божия», в девушках пела стих о двух Лазарях. «Выучила стихи из книги, а мотивы переняла от старушек» (*пз*, л. 47).

Кроме включенных в публикацию сюжетов духовных стихов участниками Комплексной северной экспедиции в Обонежье 1926 г. был зафиксирован и сюжет «Жена милосердная» (запись С. И. Бернштейна в д. Конда от А. Б. Сурикова: ФА ИРЛИ, ФВ 756, 757).

МЕЗЕНСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В РАННИХ ЗАПИСЯХ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ 1927 г.)

Публикация Ю. И. Марченко

Серьезное научное обследование традиционного фольклора в бассейне р. Мезени, начало которому было положено экспедиционной и издательской деятельностью А. Д. Григорьева,[1] получило продолжение в советское время лишь через 17 лет после выхода в свет третьего тома его собрания.[2]

Это состоялось благодаря деятельности Секции крестьянского искусства Государственного института истории искусств, объединившей в 20-е гг. специалистов разного профиля. В 1926—1929 гг. Секцией под руководством проф. К. К. Романова, специалиста по деревянному и каменному зодчеству Древней Руси, осуществлялись экспедиции в районы Русского Севера по плану комплексного изучения крестьянской культуры.[3]

---

[1] Первое знакомство с Мезенью произошло благодаря книге С. В. Максимова «Год на севере» (СПб., 1859). В дальнейшем вплоть до начала XX в. фольклористика располагала лишь случайными записями: несколько десятков песен, зафиксированных в 40-е гг. корреспондентами П. В. Киреевского (см.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. СПб., 1911. № 9—32; Вып. 2, ч. 1. СПб., 1917. № 1185—1276); 4 былины и 167 песен были записаны в мезенском крае в 1860-е гг. политическим ссыльным Л. М. Никольским (см.: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность//Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. Т. 30, вып. 2. (Труды этногр. отд. ОЛЕАиЭ при Моск. ун-те. Кн. 5, вып. 2).

[2] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3. Мезень. СПб., 1910.

[3] В состав экспедиций входили филологи, музыковеды, художники, театроведы, архитекторы, фотографы (см.: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера: Заонежье. Вып. 1. Л., 1927. С. 6—8; То же: Пинежско-мезенская экспедиция. Вып. 2. Л., 1928. С. 8; Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 4).

В 1927 г. проводилась вторая по счету экспедиция. Ее маршруты охватили районы Пинеги и Мезени (первая годом раньше обследовала территории Заонежья).

Мезенской группой руководил В. Н. Всеволодский-Гернгросс — театровед, член Института. В состав группы входили: А. В. Рыков, А. Я. Козырева, С. С. Писарев и Н. Ф. Ефремов (кинооператор). За месяц работы был собран богатый материал по обрядовому фольклору,[4] отснят документальный фильм по народной хореографии. В шести населенных пунктах (Мезень, Малые Нисогоры, Пылема, Верхний Березник, Койнас, Кузьмин Городок) осуществлялись фонографические записи.[5]

Судя по всему, снаряжением мезенского отряда преследовались разведывательные цели. Одновременно его работой определилось одно из традиционных направлений отечественной фольклористики, которое усилиями ленинградских и московских собирателей народно-песенной культуры получило интенсивное развитие в последующие (главным образом послевоенные) годы.

Некоторые научные результаты экспедиции нашли отражение в работах В. Н. Всеволодского-Гернгросса.[6] В дальнейшем же материалы, записанные на Мезени в 1927 г., фактически были преданы забвению.[7] Лишь сравнительно недавно, в 1990 г., автору этих строк удалось опубликовать в одной из работ их незначительную часть — шесть напевов, представляющих культуру мезенской групповой причети.[8]

Между тем задачи, стоящие перед современной фольклористикой, требуют ответственного отношения к наследию ранних собирателей советского времени. Угасание народно-песенных традиций в районах Русского Севера, а также серьезные типологические изменения, происшедшие в крестьянской культуре за последние 60 лет, ставят фонографические записи 1920—1930-х гг., наряду с записями русских фольклористов конца XIX—начала XX в., в особое положение. Это, по сути, единственные и, увы, немногочисленные документальные свидетельства общего состояния народно-песенной культуры при старом деревенском укладе. Поэтому, несмотря на

---

[4] РО ИРЛИ, р. V, кол. 4, собр. А. Я. Козырева (около 150 текстов).

[5] ФА ИРЛИ, кол. 8. ФВ 680—694 Собр. В. Н. Всеволодский-Гернгросс.

[6] Всеволодский-Гернгросс В. Н. Крестьянский танец//Крестьянское искусство СССР. Вып. 2. С. 236—248. Единичные тексты, записанные экспедицией на Мезени, вошли в антологию: Игры народов СССР: Сб. материалов/Сост. В. Н. Всеволодским-Гернгросс, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. М.; Л., 1933. С. 98—99, 224, 248, 252—253, 271, 328, 331—333.

[7] Любопытно, что в издании «Песенный фольклор Мезени» содержится лишь краткое упоминание об экспедиции без какой бы то ни было оценки проделанной работы (см.: Песенный фольклор Мезени /Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. С. 5—6. Далее: Пес. фольклор Мезени...). Между тем рукописные материалы экспедиции с 1938 г. находились в ИРЛИ (см.: Советский фольклор. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 271 решение Президиума АН СССР о переводе фольклорной комиссии в Институт русской литературы), в дар Фонограммархиву были переданы В. Н. Всеволодским-Гернгроссом и фоновалики.

[8] Из ранних записей групповой причети на Русском Севере/Публикация Ю. И. Марченко//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 147—154.

несовершенную звукозапись, фрагментарность, а подчас и непоследовательность в полевом изучении традиции, несмотря на известные трудности в обработке материалов,[9] должны предприниматься попытки введения их в научный оборот.

Особенность коллекции, собранной мезенской группой экспедиции ГИИИ 1927 г., определяется направленностью на изучение народного театра. Отсюда — повышенный интерес к музыкально-хореографическим формам и к обрядовому фольклору (более 90% всех записей). Имея ограниченное количество фоноваликов (всего 15, остальные пошли на снабжение пинежской группы),[10] В. Н. Всеволодский-Гернгросс вынужден был фиксировать до семи коротких фрагментов на каждом валике (всего около 100 песенных фрагментов), целиком отказавшись от записей эпического жанра.[11]

Отобранный для публикации материал содержит 27 нотировок, выполненных нами по фонографическим валикам В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Это около трети его коллекции, включающей различные жанры песенного фольклора.[12] Параллельно в комментариях приводятся полные тексты песен из коллекции А. Я. Козыревой (тексты публикуются по рукописям собирателя с исправлением строфики и пунктуации).

Важно подчеркнуть, что работа по собиранию напевов и текстов проводилась разными лицами, зачастую — и в разное время (запись большинства музыкальных

---

[9] Е. В. Гиппиус, последовательно использовавший фонограф в своей собирательской деятельности и имевший весьма многосторонний опыт обработки звуковых материалов с фоноваликов, отмечал ряд существенных проблем, возникающих при их расшифровке, указывая на пропорцию 3:1 в норме соотношения рабочих и архивных валиков (см.: Гиппиус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья//Крестьянское искусство СССР. Вып. 1. С. 149—151). Однако современное состояние песенных традиций, зачастую не оставляющее надежды на повторную фиксацию многих материалов, ставит нас перед необходимостью полной расшифровки ранних звукозаписей независимо от качества их звучания.

[10] Пинежской группой, работавшей под рукуводством К. К. Романова, было записано 264 номера на 150 валиках (см.: Крестьянское искусство СССР. Вып. 2... С. 8). Многие из этих образцов вошли в известное собрание Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд (Песни Пинежья: Материалы фонограммархива/Собр. и разраб. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд; Под. общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1937. Кн. 2).

[11] Работая практически «по следам» А. Д. Григорьева, В. Н. Всеволодский-Гернгросс не стал дублировать на фонограф образцы мезенского эпоса, разумно полагая, что главная работа в этом направлении уже сделана. Собиратель не мог знать, что фоновалики А. Д. Григорьева погибли (это ошеломляющее известие А. Д. Григорьев обнародовал годом позже — см. подробнее: Иванова Т. Г. А. Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни»//Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 55). В 1928 г. состоялась большая повторная экспедиция ГИИИ на Мезень. Ее участники записали на фонограф несколько фрагментов былин и духовных стихов. Среди дошедших до нас звуковых источников, связанных с мезенской эпической традицией, они и оказались наиболее ранними по времени выполнения (публикацию былинных напевов см. в кн.: Былины Севера. Т. 1. Мезень и Печора/Запись, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938).

[12] Всего на фонограф были записаны: 2 календарно-обрядовые песни, 7 хороводных песен, 6 лирических песен, свыше 30 песен свадебного обряда, 9 похоронных и свадебных причитаний (из них — 6 групповых), более 10 плясовых песен, 1 трудовая припевка «Дубинушка». Многие образцы дублированы.

и поэтических материалов датирована разными числами). Более того, В. Н. Всеволодский-Гернгросс фиксировал на фонограф хоровое звучание, А. Я. Козырева выспрашивала тексты преимущественно у отдельных исполнителей, причем запись велась чаще всего с пересказа. Во многих случаях напев и текст оказались зафиксированными в различных населенных пунктах. К отдельным музыкальным образцам и вовсе не удалось отыскать текстов в рукописном архиве экспедиции. Но несмотря на это, публикуемые материалы вносят существенное дополнение в сложившиеся представления о мезенской песенной культуре, известной (разумеется, за исключением эпического жанра) главным образом по собранию «Песенный фольклор Мезени» и по репертуарному сборнику А. С. Абрамского.[13]

При отборе песен для публикации мы стремились соблюсти пропорцию жанрового состава коллекции, включая наиболее показательные образцы. В их число вошли: две календарно-обрядовые песни (№ 1, 2), четыре хороводные песни (№ 3—6), три лирические песни (№ 7—9), восемнадцать песен свадебного обряда (№ 10—27).

1

♩ = 72

1. [У] Ми- ха- и- ла да у Ар- хан- ге- ла, Да ви- но- град- ё, крас- но - зе- лё- но- ё! 2. Да за- зво-

[13] Абрамский А. С. Песни русского Севера. М., 1959 (далее: Абрамский). Среди публикаций по мезенскому песенному фольклору кроме упомянутых отметим следующие: Песни Лешуконья/Собрал М. Н. Мякушин. Архангельск, 1940; Песни Мезени. Архангельск, 1983; Резниченко Е. Напевы свадебных причитаний Мезени и Зимнего берега Белого моря//Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян: Вопросы типологии. М., 1987. С. 108—127; грампластинки: Вокальный ансамбль Лешуконского РДК Архангельской обл. Д-00016665-66; Народный хор Мезенского РДК Архангельской обл. 33Д-31807-8; Фольклорный ансамбль села Лебское Лешуконского р-на Архангельской обл. Мелодия, 1978. С20-09875-76; Из собрания фонограммархива Пушкинского Дома: Традиционные песни Мезени. Мелодия, 1982. М20-44641-4.

ни- ли чест- ну ран- ну за- у- тре- ну, Да ви- но-

град- ё, крас- но - зе- лё- но- ё! 3. Да чест- ну

ран- ну за- у- тре- ну рож- дест- вен- ску, Да ви- но-

град- ё, крас- но - зе- лё- но- ё!

[У] Михаила да у Архангела,
Да виноградьё, красно-зелёноё!
Да зазвонили честну ранну заутрену,
Да виноградьё, красно-зелёноё!
Да честну ранну заутрену рождественску,
Да виноградьё, красно-зелёноё!

2

♪=96

1. На- но! Ой, и- ще цей же- ре- бей те- бе, И- ва- но- ва?

2. На- но! Ой, и-ще свет на- ша И- ва- на И- ва- но- ви- ца.

3. На- но! Ой, и- ще це-й(и) же тут, це- й(и), цей-от ма- н(ы)- нит- це?

4. На- но! Ой, и- ще вы-й(и)-мет- це те- н(и) перс-тень - на то сбу- дит- це!

5. На- но! Ой, на жить- ё, на быть- ё да на бо- га- цест- во!

-но! На Ивану Ивановицу - Марью Ивановну!

Нано!
Ой, ище цей жеребий тебе, Иванова?
Нано!
Ой, ище свет наша Ивана Ивановица.
Нано!
Ой, ище цей же тут, цей, цей-от манитце?
Нано!
Ой, ище выйметце перстень — на то сбудитце!
Нано!
Ой, на житьё, на бытьё да на богацество!
Ивану Ивановицу — Марью Ивановну!

3

♩=84

1. За ре- ко- ю, за ре- цень- кой, Да е- хи! 2. За ре- ко- ю, за ре- цень-кой, Да за ре- кой на дру- гой сто- ро- не, Да е- хи! 3. За ре- кой на дру- гой сто- ро- не, Да на ра- ки- то- вом кус- тыш- ке, Да

е- хи! 4. На ра- ки- то- вом

кус- тыш- ке, Да на ма- ли- но- вом

пру- тиц- ке, Да е- хи! 5. На ма-

ли- но- вом пру- тиц- ке, Да...

За рекою, за реценькой,
Да ехи!
За рекою, за реценькой,
Да за рекой на другой стороне,
Да ехи!
За рекой на другой стороне,
Да на ракитовом кустышке,
Да ехи!
На ракитовом кустышке,
Да на малиновом прутицке,
Да ехи!
На малиновом прутицке...

4

♩ = 92

1. Што сва- ри- ли ки- сель на хо- лод- ней во-

ды, Да ведь ой да й(и) лё- ли. 2. На хо-

лод- ней во- ды не из се- я- ной му- ки,

Да ведь ой да й(и) лё- ли. 3. Я по- став- лю ки-

сель во пус- ту- ю из- бу, Да ведь

ой да й(и) лё- ли. 4. Во пус- ту- ю из- бу...

Што сварили кисель на холодней воды,
Да ведь ой да й лёли.
На холодней воды не из сеяной муки,
Да ведь ой да й лёли.
Я поставлю кисель во пустую избу,
Да ведь ой да й лёли.
Во пустую избу...

5

♩=80

1. О, вдо- л(и) по мо- рю, Вдо- л(и) по мо- рю, Вдоль по мо- рю, мо- рю си- нё- му, Вдоль по мо- рю, мо- рю си- нё- му. 2. По си- нё- му, По си- нё- му, По си- нё- му ли Во- лын- ско- му, По си- нё- му ли Во- лын- ско- му. 3. Плы- вё- т(ы) ле- бедь, Плы- вё- т(ы) ле- бедь, Плы- вёт ле-бедь с ле-бе- дя- та- ми, Плы-вёт ле-бедь с ле-бе- дя- та- ми.

О, вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синёму,
Вдоль по морю, морю синёму.
По синёму,
По синёму,
По синёму ли Волынскому,
По синёму ли Волынскому.
Плывёт лебедь,
Плывёт лебедь,
Плывёт лебедь с лебедятами,
Плывёт лебедь с лебедятами.

6

♩=112

1. Во са- ду дев- ки гу- ля- ли, Да ка- ли- на, да ма- ли- на. 2. Да о- не, крас- ны- е, гу- ля- ли, Да ка- ли- на, да ма- ли- на. 3. Да о- не р(ы)- ва- ли цве- тоць- ки, Да ка- ли- на, да ма- ли- на. 4. Да о- не р(ы)- ва- ли, со- ры- ва- ли, Да ка- ли- на, да ма- ли-

на. 5. Да о- не ви- ли ве- ноць- ки, Да

ка- ли- на, да ма- ли- на. 6. Да о- не...

Во саду девки гуляли,
Да калина, да малина.
Да оне, красные, гуляли,
Да калина, да малина.
Да оне рвали цветоцьки,
Да калина, да малина.
Да оне рвали, сорывали,
Да калина, да малина.
Да оне вили веноцьки,
Да калина, да малина.

7

♩ = 48

1. Ты ка- ли- ну- ша да с ма-

ли... (эй), с ма- ли- но- ю (э). Ла- зу- ре- ё- вой

цвет. 2. Цвет... ла- зу- рё- вый цвет... Да тут-то

ве- сё- ла- я бе- се... (эй), бе-се-душ-ка, Где

мо- й(а) мил - хо- ро- шой пьёт.

1 Здесь, по-видимому, испорчен валик. Эти 2/16 на фонограмме не звучат, поэтому реальный размер 6/4 трансформирован в 11/8.

Ты калинуша да с мали... (эй), с малиною (э),
Лазуреёвой цвет.
Цвет... лазурёвый цвет...
Да тут-то весёлая бесе... (эй), беседушка,
Где мой мил-хорошой пьёт.

8

♩=48=52

1. Не в до- лин- ках я - то ё- го, не в луж-

ках. 2. Не в луж- ка- х(ы)... Тут не в до-

ли- н(ы)- ках- то ё- го, не в лу-

жоч- ках, Не во

ном

зе- лё- но... ой, во зе- ле- ном са-

ду. [3. Во зе- лё- ном...] Я толь- ко - то

го

ви- дя- ла е- го, ми- ло- го ой, Да позд-но на бе-

се- де друж- ка позд- но ве- це- ром.

...не в долинках я-то ёго, не в лужках.

Не в лужках...

Тут не в долинках-то ёго, не в лужочках,

Не во зелёно... ой, во зеленом саду.

[Во зелёном...]

Я только-то видяла его, милого ой,

Да поздно на беседе дружка поздно вецером.

♩ = 56

1. Э- ой, што (ё) цве-

ли ой в по- ле, цве- ли ой да в по- ле

цве- ти- ки, цве- ли да по-

вя- ли, Ой дак вот цве- ли да по- вя... (ой), да вот по-

Ой дак цве- ли

вя- ли. 2. Э- ой, тут ведь лю-

би- л(ы)-то, да лю- бил да па- рень

де- вуш- ку, лю- бил [па- рень] да спо-

ки- ну-л(ы), Да(й) лю- бил да спо- ки... ой, да вот спо-

ки- нул.

Э-ой, што цвели ой в поле, цвели ой да в поле цветики,
Цвели да повяли,
Ой дак вот цвели да повя... (ой), да вот повяли.
Э-ой, тут ведь любил-то, да любил да парень девушку,
Любил [парень] да спокинул,
Да любил да споки... ой, да вот спокинул.

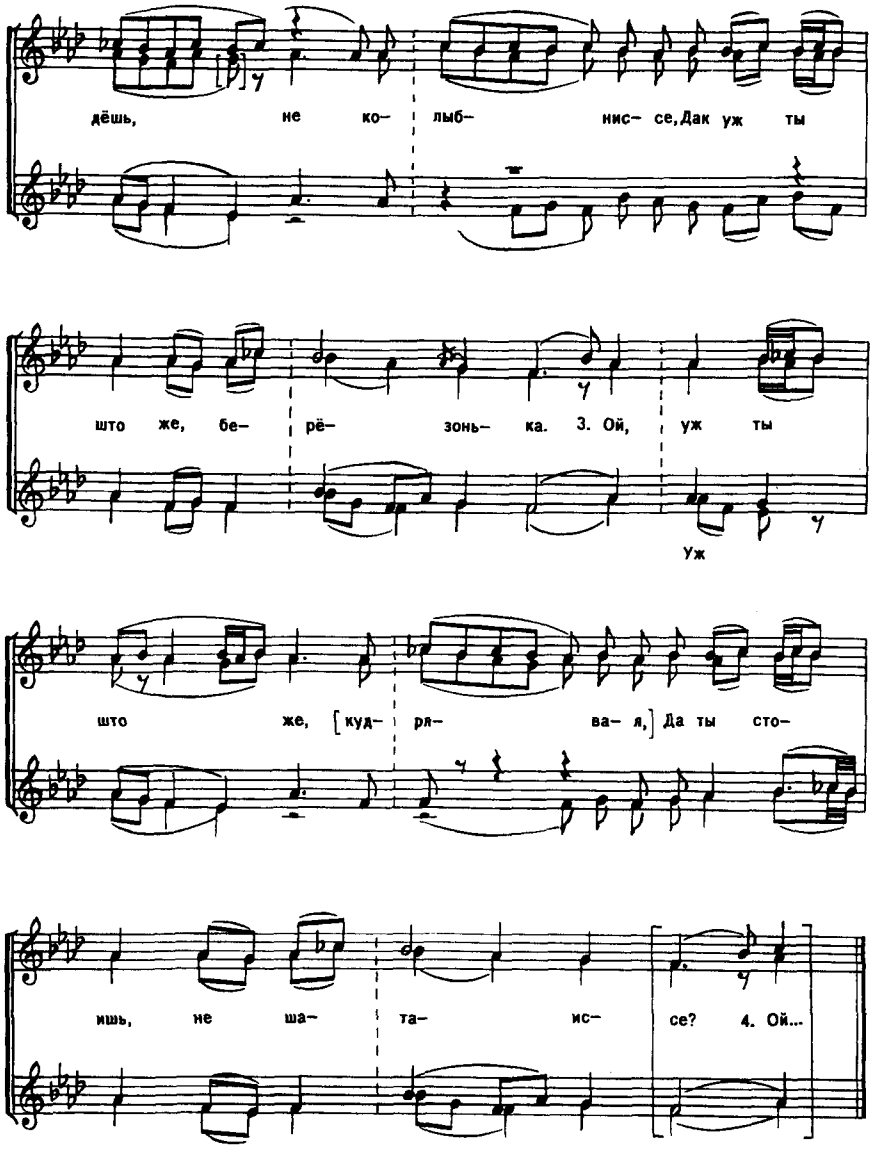
10

♩=84

1. Уж ты што ты, си- нё мо- рё, Да ты и-

дёшь, не ко- лыб- нис- се? 2. Ой, ты и-

Ты



Уж ты што ты, синё морё,
Да ты идёшь, не колыбниссе?
Ой, ты идёшь, не колыбниссе,
Дак уж ты што же, [берёзонька].
Ой, уж ты што же, [кудрявая],
Да ты стоишь, не шатаиссе?

11

♩ =96

1. Уж ты што же, си- нё мо- рё, Да ты сто-
ишь да не ко- лыб- нес- се? 2. Ой, ты сто-
ишь да не ко- лыб- нес- се, Да уж ты
што же, Ма- ри- юш- ка. 3. Ой, уж ты
што же, Ва- силь- ёв- на, Да ты си-
дишь да не у- смех- нес- се?

Уж ты што же, синё морё,
Да ты стоишь да не колыбнессе?
Ой, ты стоишь да не колыбнессе,
Да уж ты што же, Мариюшка.
Ой, уж ты што же, Васильёвна,
Да ты сидишь да не усмехнессе?

♩ = 88

1. От- ста- ва- ла ле- бё- душ- ка Да прочь от ста- да ле- бе- ди- на- го. 2. Ой, прочь от ста- да ле- бе- ди- на- го, Да при- ста- ва- ла ле- бё- душ- ка. 3. Ой, при- ста- ва- ла ле- бё- душ- ка Да всё ко ста- ду ко се- рым гу- сям (э). 4. Ой, всё ко

Прочь

При-

ста- ду ко се- рым гу-сям, Да не щып-

ли- те, гу- си се- ры- я. 5. Ой...

Отставала лебёдушка
Да прочь от стада лебединаго.
Ой, прочь от стада лебединаго,
Да приставала лебёдушка.
Ой, приставала лебёдушка
Да всё ко стаду ко серым гусям.
Ой, всё ко стаду ко серым гусям.
Да не щыплите, гуси серыя.

13

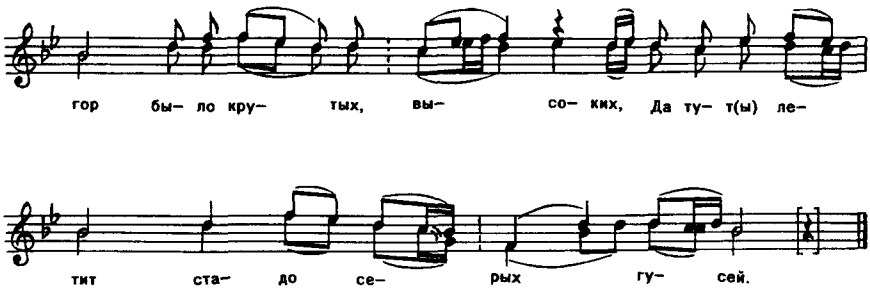
♩=84

1. Из - за ле- су, ле- су тем- но- го, Да из - за

тем- но- го, дре- му- че- го. 2. Из - за

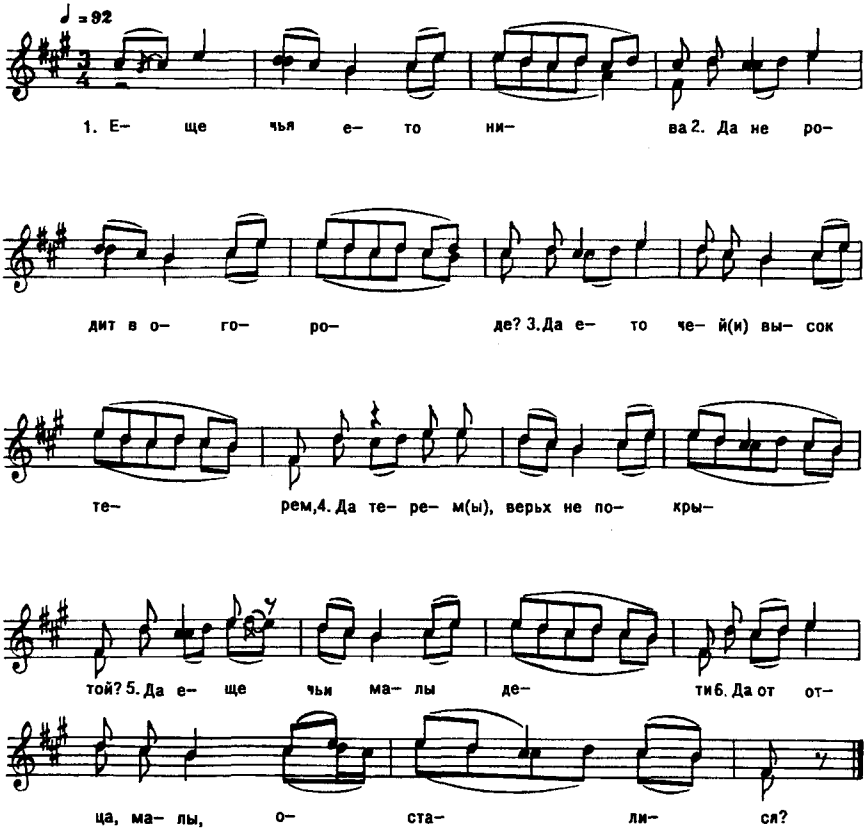
тем- но- го, дре- му- че- го, Да из - за

гор бы- ло кру- тых, вы- со- ких. 3. Из - за



Из-за лесу, лесу темного,
Да из-за темного, дремучего.
Из-за темного, дремучего,
Да из-за гор было крутых, высоких.
Из-за гор было крутых, высоких,
Да тут летит стадо серых гусей.

14



Еще чья это нива
Да не родит в огороде?
Да ето чей высок терем,
Да терем, верьх не покрытой?
Да еще чьи малы дети
Да от отца, малы, осталися?

15

♩=88

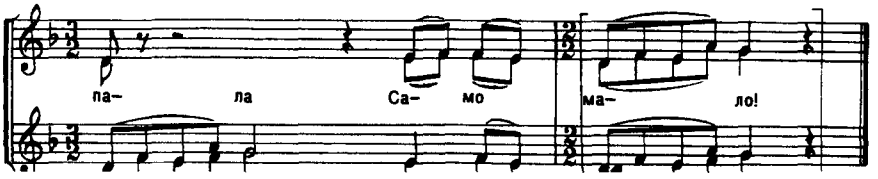
1. На го- ры на вы- со- ко- ю,
Е- хи, е- ле- ю! 2. Да на кра-
сы на ве- ли- ко- ю, Е- хи,
е- ле- ю! 3. Да сто- я- л(ы) хра- м(ы) бе- ло-
ка- ме- н(ы)- ной, Е- хи,
е- ле- ю! 4. Да что во то- й(и) во Божь-
ей це- р(и)-квы, Е- хи,
е- ле- ю! 5.Да что во то- й(и) бе- ло-
ка- ме- н(ы)- ной, Е- хи, е- ле- ю!

На горы на высокою,
Ехи, елею!
Да на красы на великою,
Ехи, елею!
Да стоял храм белокаменной,
Ехи, елею!
Да что во той во Божьей церьквы,
Ехи, елею!
Да что во той белокаменной,
Ехи, елею!

16

♩=96

1. Свать- я до- род- на, до- род- на, Да по- цёт- на! 2. У нас Ан- на Он- дре-ёв- на по- цёт- на, Да по- рад- на! 3. Да и вдоль по ви- но- градь- ю хо- ди- ла, Да гу- ля- ла! 4. Да и слад- ко- ё ви- шань- ё щы-



Сватья дородна, дородна,
Да поцётна!
У нас Анна Ондреёвна поцётна,
Да порадна!
Да и вдоль по винограду ходила,
Да гуляла!
Да и сладкоё вишаньё щыпала
Само мало!

17

♩ =100

1. Го- род, го- род -то бо- га- тый, Да бо-

га- тый! 2. До- ро- го- ё по- ку-

пань- ё, По- ку- пань- ё! 3. Да и

лас- ко- во гле- дю- цы, Да гле- дю- цы! 4. Да во

гос- ти ко тес- тю хо- дя- ци, Да е(з)-

дя- ци! 5. Да ко- му ж, ко-му хо- ди- ти, Да гу-

ля- ти? 6. Да хо- дить-то в гос- ти в те- рём, Да свет

те- рём! 7. Да свет те- рём - от...

Город, город-то богатый,
Да богатый!
Дорогоё покупаньё,
Покупаньё!
Да и ласково гледюцы,
Да гледюцы!
Да во гости ко тестю ходяци,
Да е(з)дяци!
Да кому ж, кому ходити,
Да гуляти?
Да ходить-то в гости в терём,
Да свет терём!
Да свет терём-от...

18

♩ = 112

1. Ты- сец- кой ты- сец- кой, боль-

сам боль-

шо- й(и) це- ло- ве- к(ы), Да боль- шо- й(и) це- ло-

ве- к(ы)! 2. Да на ты- сец- ком шу- ба со- ро-

ка со- бо- ле- й(и), Со- ро- ка со- бо-

ле- й(и)! 3. Да це- ты- ре- ма боб- ра- ми о-

пу- шо- на- я, Да о-

пу- шо- на- я! 4. Ай и- ще - то бо-

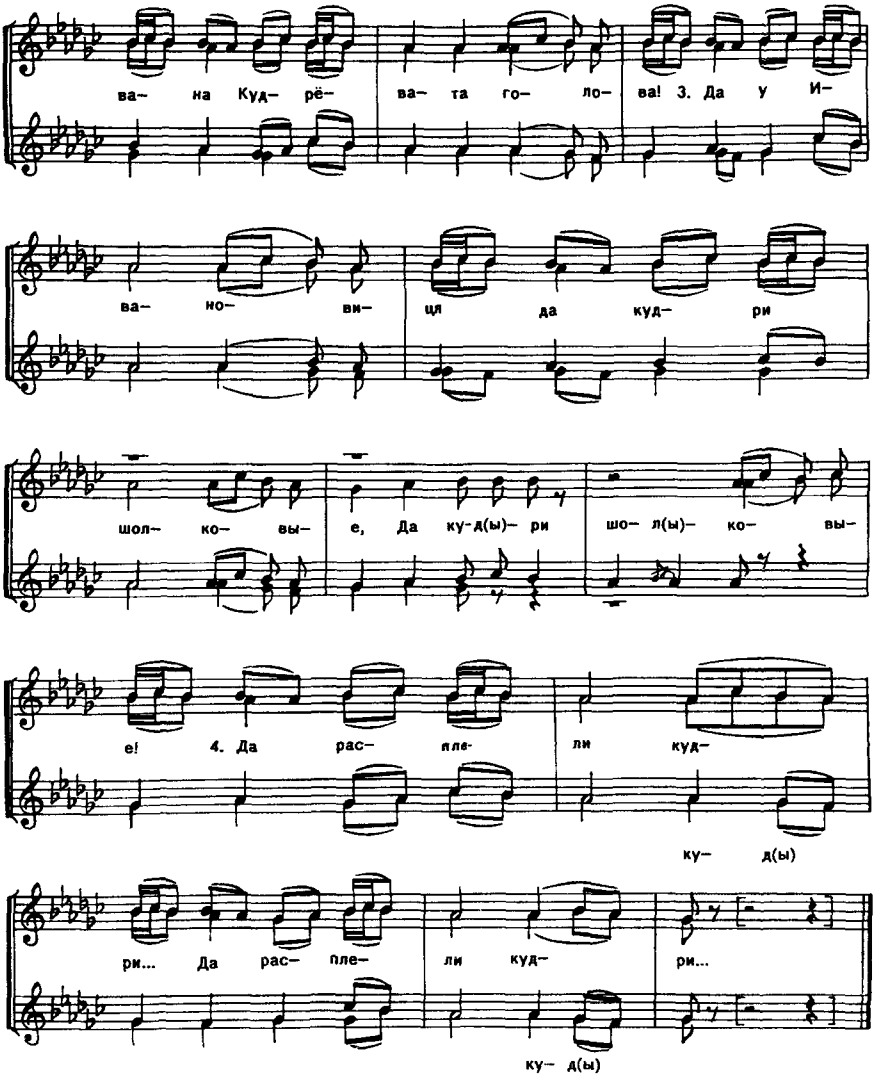
бё- р(ы)... Да и- ще - то бо- бё- р(ы)...

Тысецкой, тысецкой большой человек,
Да большой человек!
Да на тысецком шуба сорока соболей,
Сорока соболей!
Да цетырема бобрами опушоная,
Да опушоная!
Ай ище-то бобёр...
Да ище-то бобёр...

19

♩=120

1. У ме- ся- ца... Бы- ло у ме- ся- ца да бы- ла свет- ла- я за- ря, Да бы- ла свет- ла- я за- ря! 2. Да в све- те у мо- лод- ца... Да в све- те у мо- лод- ца да у све- та у И-



У месяця...
Было у месяця да была светлая заря,
Да была светлая заря!

Да в свете у молодца...
Да в свете у молодца да у света у Ивана
Кудрёвата голова!
Да у Ивановиця да кудри шолковые,
Да кудри шолковые

Да расплели кудри...
Да расплели кудри...

20

♩=72

1. На- м(ы) ска- за- ли, что

Пё- то- р(ы) све-т(ы) гро-зён, Да на- м(ы) ска- за- ли, что Пет-

свет

ро- вич све-т(ы) гро- зён. 2. Да он гро- зё- н(ы), гро- зё-н(ы), не-

ми- лост- лив, Да что г(ы)- ро- за е- го ве-

ли- ка- я. 3. Да что гро- за е- го ве-

ли- ка- я, Да гро- за

кня- за и- з(ы)-ре- чён- на- я.

Нам сказали, что Пётор свет грозён,
Да нам сказали, что Петрович свет грозён.
Да он грозён, грозён, немилостлив,
Да что гроза его великая.
Да что гроза его великая,
Да гроза князя изречённая.

21

♩=80

1. Е- ще до- л(ы)- го, до- л(ы)- го со-

ко- л(ы) не бы- ва- л(ы), О- й(и), ра- но -

ра- но, ра- не- ше- н(и)- ко! 2. Да е- ще

до- л(ы)- го, до- л(ы)- го я- сё- н(ы) не бы-

ва- л(ы), О- й(и), ра- но - ра- но, ра-

не- ше- н(и)- ко! 3.Да е- ще ви- д(ы)- но со-

ко- л(ы) за го- ры у- ле- тел...

Еще долго, долго сокол не бывал,
Ой, рано-рано, ранешенько!
Да еще долго, долго ясён не бывал,
Ой, рано-рано, ранешенько!
Да еще видно сокол за горы улетел...

22

♩ = 96

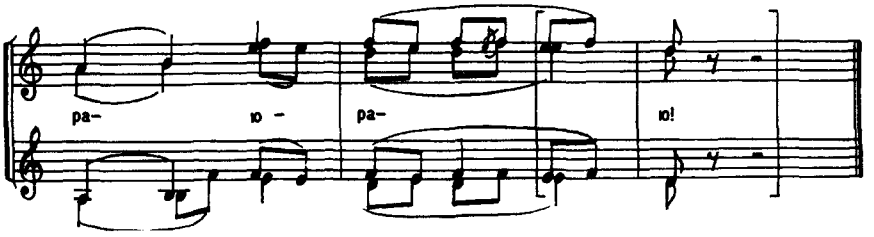
1. Во гор- ни- це стол сто- ит, Стол сто- ит! 2. Во свет- ли- це ду- бо- вой, Ду- бо- вой! 3. За сто- лом сто- ит князь мо- ло- дой, Мо- ло- дой! 4. За сто- лом о- н(ы) вы- ше всех, Вы- ше всех! 5. На сто- лах сто- ят ця-ры зо-ло- ты, Зо- ло- ты!

Во горнице стол стоит,
Стол стоит!
Во светлице дубовой,
Дубовой!
За столом стоит князь молодой,
Молодой!
За столом он выше всех,
Выше всех!
На столах стоят цяры золоты,
Золоты!

23

♩=88

1. Да тут бе- жа- ла ка- ре- та, Да ра- ю - ра- ю! 2. Да тут бе- жа- ла ко- ва- на, Да ра- ю - ра- ю! 3. Да што й ко- ва- на, под- ко ва- на, Да ра- ю - ра- ю! 4. Да тут си- де- ла де- ви- ца, Да



Да тут бежала карета,
Да раю-раю!
Да тут бежала кована,
Да раю-раю!
Да што й кована, подкована,
Да раю-раю!
Да тут сидела девица,
Да раю-раю!

24

♩ = 144

1. Е- ще по мос- ту, мос- ту, Да ра- ю ра- ю,
ра- ю! 2. Да по ка- ли- но- ву
мос- ту, Да ра- ю - ра- ю, ра-
ю! 3. Да ту- т(ы) бе- жа- ла ка- ре- та, Да
ра- ю - ра- ю, ра- ю! 4. Да ту- т(ы) ка-
ре- та не про- ста- я, Да ра- ю - ра- ю,

ра- ю! 5. Да тут ка- ре- та зо- ло-
та- я, Да ра- ю - ра- ю, - ра-
ю! 6. Да па- ра ко- ней во- ро- на- я, Да
ра- ю - ра- ю, ра- ю!

Еще по мосту, мосту,
Да раю-раю, раю!
Да по калинову мосту,
Да раю-раю, раю!
Да тут бежала карета,
Да раю-раю, раю!
Да тут карета не простая,
Да раю-раю, раю!
Да тут карета золотая,
Да раю-раю, раю!
Да пара коней вороная,
Да раю-раю, раю!

25

♩ = 88

1. Што ска- за- ли: И- ван - от хи- тёр да му- дёр, Што ска-
за- ли: И- ван - от, всё хит- ре е- го нет. 2. Да што ска-
за- ли: И- ва- н(ы), што хит- ре- е е- го нет, Ой, што хит-

ре, муд- ре да е- го не бы- ло ни- где. 3. Да што хит-

ре, муд- ре да е- го не бы- ло ни-г(ы)-де, Ой, е- го ни- где,

не бы- ло ни- где, да ни в ко- то- рой сто- ро- не.

Што сказали: Иван-от хитёр да мудёр,
Што сказали: Иван-от, всё хитре его нет.
Да што сказали: Иван, што хитрее его нет,
Ой, што хитре, мудре да его не было нигде.
Да што хитре, мудре да его не было нигде,
Ой, его не было нигде, да ни в которой стороне.

26

♩ = 96

1. Как не во по- ле, по- ле, Да е- хи! 2. Да во зе-

лё- но-м(ы) роз- доль- е, Да е- хи! 3. Да что по- д(ы)

яб- ло-н(м)- ю кро- ва- т(и), Да е- хи! 4. Да под зе-

лё- ной те- со- ва, Да е- хи! 5. Да на кро-

ва- ти пе- ри- на, Да е- хи! 6. Да на пе-

ри- не про-сты- ня, Да е- хи! 7. Да на про-

сты- не ж(ы) мо- ло- дец, Да е- хи! 8. Да на зго-
ло- в(ы)

ловь- е мо- ло- де- ц(ы), Да е- хи! 9. Да...

Как не во поле, поле,
Да ехи!
Да во зелёном раздолье,
Да ехи!
Да что под яблонью кровать,
Да ехи!
Да под зелёной тесова,
Да ехи!
Да на кровати перина,
Да ехи!
Да на перине простыня,
Да ехi!
Да на простыне ж молодец,
Да ехи!
Да на зголовье молодец,
Да ехи!

27

♩ = 108

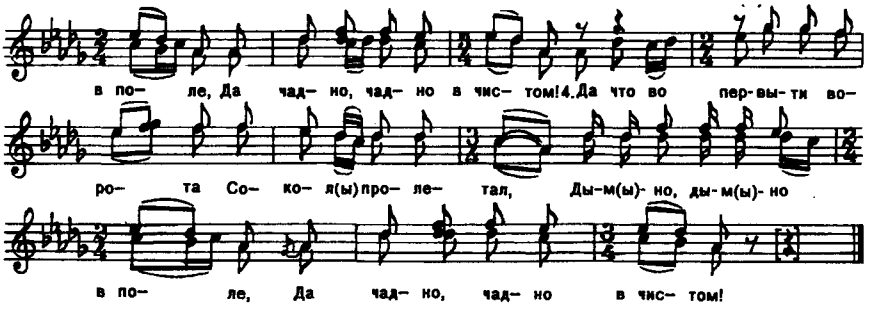
1. Ды- м(ы)- но, дым- но в по- ле, Да чад- но, чад- но

в чис- том! 2. Да у И- ва- но- ва д(ы)- во- ра Бы- ли

тро- и во- ро- та, Ды- м(ы)- но, ды- м(ы)- но в по- ле, Да

чад- но, чад- но в чис- том! 3. Да у Ва- си- л(и)- е- ви-

ча Тро- и ши- ро- ки- я, Ды- м(ы)- но, ды- м(ы) но



Дымно, дымно в поле,
Да чадно, чадно в чистом!
Да у Иванова двора
Были трои ворота,
Дымно, дымно в поле,
Да чадно, чадно в чистом!
Да у Васильевича
Трои широкия,
Дымно, дымно в поле,
Да чадно, чадно в чистом!
Да что во первы-ти ворота
Сокол пролетал,
Дымно, дымно в поле,
Да чадно, чадно в чистом!

КОММЕНТАРИИ

1. ФВ 682-01. Рождественская празднично-поздравительная песня («Виноградье»). Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 231—235.

2. ФВ 682-02. Подблюдная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 236.

3. ФВ 683-03. Хороводная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 160—163.

4. ФВ 683-04. Хороводная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 182.

5. ФВ 683-05. Хороводная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 20.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры от Татьяны Андреевой, 23 лет (вечорочная игровая песня):

Вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему.
Плывет лебядь,
Плывет лебядь,

Плывет лебядь с лебедятами,
Плывет лебядь с лебедятами,
Со малыми утятами.
Под ней вода,
Под ней вода,
Под ней вода не сколыбнется,
Под ней вода не сколыбнется.
Подлетает тут ясен сокол.
Он сшиб, убил лебядь белую,
Он пух пустил по синему по морю,
Сизы перья — по чистому полю.
Откуда взялась красна девица-душа,
Собирает пух, приговаривает:
«Кому же этот пух достанется?
Достанется милому дружку,
Милу дружку на подушечку,
Сердешному на периночку!»
Откуда взялись два удалых молодца:
«Божья помощь, красна девица-душа!»
Ему девушка не склоняется,
Ему красна не поклонится.
Грозил парень красну девицу-душу:
«Смотри, девка, смотри, красна!
Будешь, девка, будешь, красная,
Будешь, девушка, в моих белых руках,
В моих руках, в моей волюшке —
Стоять будешь у кровати тесовой,
Держать будешь шелковую плеть в руках,
Ронять будешь горючи слезы из глаз!»
Тогда девушка дозналася,
За молодцем погонялася.
— «Прости, милый, виновата пред тобой!
Уж я думала, не мой милый идет,
Не мой миленький, чужой идет за мной.
Уж я думала, не буду за тобой!»
Мил смирился, во гуляньеце пошол.

(кол. 4, п. 1, л. 51)

6. ФВ 687-01. Хороводная песня. Зап. 20.VI.1927 г. в д. Койнас. Текст записан 29.VI.1927 г. в д. Вожгоры от Ксении Зосимовны Грязновой, 23 лет (игра с платком — «рвут цветочки»; поднимают будто с пола платок):

Во саду девки гуляли,
Да калина, да малина.[1]
Во саду красны гуляли.
Они рвали цветоцки
И вили веноцки.
Они вили, совивали,
На Дунай-реку ходили
И мыли, полоскали.
Веноцек уронили,
Зеленый утопили.
К венку приговорили:
«Кто бы перенял веноцек,

Кто зеленый перехватил —
За того взамуж пойду».
Тут купался бросался
Добрый молодец удалый.
Спереди не красовитый,
С боков не пластовитый,
И с заду не становитый.
За того я замуж нейду,
Откажи, мати, пожалуй.
Во саду девки гуляли,
Во саду красны гуляли.
Они рвали цветочки,
Отрывали, сорывали,
Вили веноцки,
Вили, совивали.
На Дунай-реку ходили,
Мыли веноцки,
Мыли, полоскали.
Веноцек уронили,
Зеленый утопили.
К венку приговорили:
«Кто бы перенял веноцек,
Кто за мной перехватит —
За того замуж пойду».
Кидался-бросался
Добрый молодец удалый.
Спереди он красовитый,
С боков пластовитый,
С заду становитый.
И за того я замуж пойду!
Созвала я дружка в гости,
За дубов стол посадила,
Чаем-кофием угостила,
Со двора я спроводила.
(кол. 4, п. 1, л. 9)

[1] Припев «Да калина, да малина» повторяется после каждого стиха.

7. ФВ 684-01. Лирическая повествовательная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 29.VI.1927 г. в д. Вожгоры от Ксении Зосимовны Грязновой, 23 лет:

Ты развей, развей, погодушка,
С калинкой и со мной.
Что калиное с малиною,
Лазоревый свет.
Что лазоревый да цветоцек
С калиною да со мной.
Что невесела у нас беседушка,
Где милого нет.
Развеселая есть у нас компаньюшка,
Где мой милый пьет.
Он и пить не пьет, да голубцик мой,

За мной младой шлет,
Что я млада да замешкалася,
Я за утками да за гусями,
За лебедушками.
Я за вольную да за птичкою,
За журавонькой.
<Тут>[1] журавонька да травиночка
Спохаживала.
С сера камешка да на камешек
Поскакивала.
Сладки яблоньки да разливные
Сокле<вы>вала.
Ключевой водой да <холодною>
Захлябывала.
И за реченьку да за быструю
Посматривала.
За речень<кой> да за быстр<ою>
Крута есть гора.
Но на этой же на крутой горы
Слобода стоит.
Не малая слобода, <не великая> —
Четыре двора.
У каждого да у дворика
По горенке стоит.
У каждой у горенки
По окошечку есть.
У каждого окошечка
По кумушки сидит.
Уж мы кумушки, мои голубушки,
Пойдите в зимний сад гулять —
Возьмите меня.
Уж вы будете да венки срывать —
Сорвите мне.
Уж подите да венки спускать —
Опустите и мои.
Еще все венки по верху плывут —
Один мой спотонул.
Как у всех мужья все домой пришли —
Один мой не пришол.

(*кол. 4, п. 1, л. 13*)

Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 89—90.

[1] Здесь и далее реконструированные слова и части слов заключены в угловые скобки.

8. ФВ 683-01. Лирическая повествовательная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 24.VI.1927 г. в д. Верхний Березник от Агриппины Михайловны Кычиной, 18 лет:

Нигде дружка не вижу,
Я не в долинках, ни в лужках.
Ни во зеленом саду...
Я только увидала его милаго

Поздно вечерком.
Вечерком...
Да было с той беседы со веселою,
<Унимала> дружка его ночевать.
Ночку спать...
Унимала, совесть, уверяла, я сказала:
«Будь уверен, дружок милый мой.
Хороший мой...
Будь уверен, мой милый, достоверен, за(й)уверен,
Ночуй ноченьку, радость моя.
Погости-ка ты темну у меня...»
— «Рад бы радешенек с тобой остаться, рад остаться,
Боюсь, до свету просплю»
Я боялась, что долго пролежу...
Ты только-то мой <милой> не печалься,
До зорюшки, молодец, тебя разбужу.
Я пораньше тебя-то до зорюшки,
Недалеко, молодец, тебя спровожу.
Я далеко во чисто поле, во раздолье,
Вплоть до зеленых лужков.
Я до тех-то лужечков зеленых, до зеленых,
Где скончалась с миленьким любовь.
Где скончалась, я с милым расставалась,
Слезно плакала девушка по ем.
Слезно плакала девка, рыдала, горевала,
<Со слез речка>, быстра речка протекла.
Со слез речка текла...
Текла реченька быстра Казанка-расказанка,
Не широка реченька наша, глубока,
Сколь-то широка реченька, глубка,
Со слез Мезень текла.
Бережками реченьк<а> наша крутыма,
Песочками реченька желтыма,
Перевоза через реченьку нет.
Этот и есть да перевоз не здесь —
На другой на реченьке было стороне.

(кол. 4, п. 1, л. 36)

9. ФВ 689-01. Лирическая протяжная песня. Зап. 20.VII.1927 г. в д. Койнас. Текст записан 2.VII.1927 г. в д. Койнас от Марии Федоровны Михеевой, 60 лет:

Вот цвели, цвели цветики,
Да цвели, да повяли.
Любил да парень девушку,
Любил да спокинул.
Лада насмеялся...
При всем при народе
В большом хороводе.
Он срывал-то, срывал
Шолковый новый платоцек.
Отпоясывал у красной девушки
Шолковый новый поясочек.
Еще же он срывал
С правой же руки со мизенышка

Золото вито колечушко.
Мне не жаль-то, не жаль,
Красной девушки,
Нового платоцка.
Мне не жаль-то, не жаль,
Красной девушки,
Шолковый новый поясочек.
И еще что не жаль
Красной девушке
Золото же вито колечко.
Растошнехонько красной девушке
Милого жаль дружочка.
Не по городу ли по Саратову
Девушка гуляла.
Красная гуляла...
Не шолку она, бархату
Зацерпала.
Не <купив> же бумажку,
Она писаря в гости зазывала
И просьбу написала.
Ты пиши, пиши-ка просьбу,
Просьбу поскорее.
(кол. 4, п. 1, л. 18)

10. ФВ 684-03. Свадебная опевальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан там же, время записи и информанты не указаны:

Уж ты что, разсине море,
Ты стоишь да не колыхнешься?
Уж ты что-то, березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Уж ты что-то сидишь, Марьюшка,
Сидишь, не усмехнешься?
Уж ты что-то сидишь, Марьюшка,
Говоришь, не <проговоришьсе>?
— «Я об цем буду смеятися,
Я об цем радоватися?
Мне ноцей мало спалося,
Мне во сне много виделось.
Привидался мне страшон сон,
Страшон сон, немилос<т>ливый:
Что на нашей на гороцке,
На проезжей дорожецке
Есть пуста стоит хоромина,
Есть пуста, непокрытая...»
(кол. 4, п. 1, л. 89)

Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 204—205.

11. ФВ 688-06. Свадебная опевальная песня. Зап. 20.VI.1927 г. в д. Койнас. Текст записан 2.VII.1927 г. в д. Койнас от Марии Федоровны Михеевой, 60 лет:

Уж ты что же, сине море,
Ты стоишь, не колыхнешься?
Уж ты что же, Марья Васильевна,
Ты сидишь, не усмехнешься?
— «Уж как что же мне смеятися,

Мне цему же радоваться?
Мне ночесь да мало спалося,
Мало спалось, много виделось:
Что на нашей на улице,
Что на нашей на широкой
Есть пустая хоромина,
Не покрыта, не построена.
<Углы проц отвалилися>,
По бревну да расшаталася.
По бревну да по бревеницку,
По одному запролетоцку.
На пеплиште кошица лежит,
По полу да ходит гусыня,
По лавоцкам — ластоцка,
По окошечкам — голубь,
В новой горнице — ясен сокол.
Уж вы что же мне скажите?
Я сама да ныть дозналася,
Я сама да догадалася:
На печище котище лежит —
Тут ведь мой да свекор-батюшка;
По полу да ходит гусыня —
То моя свекрова матушка;
По лавоцкам ластоцки —
Тут мои золовки-сестрицы;
По окошечкам голуби —
Тут мои деверья-брателки;
В новой горнице ясен сокол —
Тут ведь мой да богосуженый,
Тут ведь мой да богоряженый
Мой Ефим-от Павлович»

(кол. 4, п. 1, л. 17)

Свед. о вар. — см. коммент. 10.

12. ФВ 685-02. Свадебная опевальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 24.VI.1927 г. в д. Верхний Березник от Агриппины Михайловны Кычиной, 18 лет:

Отставала лебедушка[1]
Против стада лебединого.
Приставала лебедушка
Ко стаду ко серым гусям.
Не умела лебедушка
По мелким ручьям плавати,
По-гусиному гикати.
— «Не сама я к вам залетела!
Занесли меня добры кони,
Все заправили извозчички —
Два удалых-то молодца
Да родимых-то брателка,
Два названных брателка»

(кол. 4, п. 1, л. 32)

Вар. см.: Абрамский... С. 78—79; Пес. фольклор Мезени... С. 202—203.

[1] Каждая строчка при пении повторяется.

13. ФВ 680-05. Свадебная опевальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текст записан 15.VI.1927 г. в г. Мезень от Анны Фуфулевой и девушек в возрасте от 17 до 23 лет:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного, дремучаго
Тут летит стадо серых гусей,
<Серые малы утицы>.
Замешалася лебедушка
Что во стаде во серых гусях,
Серы маленькие утицы.
Не сумела лебедушка
По мелким ручьям плавать,
По-гусиному гикать.
Еще начали серы гуси
Как белую лебядь щипати.
Как белая лебядь кикати
Лебядиным тонким голосом:
«Не щиплите вы, серы гуси!
Не сама я к вам залетела,
Не своею я охотою —
Злой великою неволею.
Занесли-то ветры буйные,
Злы погодушки великие»
Отставала Ариаднушка
Прочь от матушки, от батюшки,
Прочь от братьев, от сестрицей,
От велика роду-племени.
Приставала Ариаднушка
Ко чужу роду-племени,
Ко чужу сыну отецкому.
Не сумела Ариаднушка
На головушке управить,
Злой свекровушке уладить,
Злой золовушке уважить.
Еще начали чужи люди
Как Ариаднушку журить-бранить.
Как Ариаднушка плакати:
«Не журите вы, чужи люди!
Не сама я к вам во двор пришла,
Не своею я охотою —
Злой великою неволею.
Как завез меня сам молодец
На своих на дорогих конях,
На добрых конях на ступчатых»

(кол. 4, п. 1, л. 74)

Свед. о вар. см. коммент. 12.

14. ФВ 680-03. Свадебная опевальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текст записан 15.VI.1927 г. в г. Мезень от Анны Фуфулевой и девушек в возрасте от 17 до 23 лет (хвалебная песня вдове):

Еще чья эта нива,
Нива без огороду?
И чей высок терем,

Терем, верх не покрытый?
Чьи новы сени,
Сени без потолков?
Еще чья кунья шуба,
Шуба без поволоки?
Еще чей златень перстень,
Перстень без позолоты?
Еще чья бедная вдова,
Еще чьи малы дети?
Сговорилась, промолвила
Во всю буйную голову
Авдотья Александровна:
«То моя это нива,
Нива без огорода.
То мой высок терем,
Терем, верх не покрытый.
То мои новы сени,
Сени без потолков.
То моя кунья шуба,
Шуба без поволоки.
То мой злачен перстень,
Перстень без позолоты.
Да это я бедна вдова,
То мои бедны дети
От отца осталися»

(кол. 4, п. 1, л. 77)

15. ФВ 680-04. Свадебная опевальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текст записан 15.VI.1927 г. в г. Мезень от Анны Фуфулевой и девушек в возрасте от 17 до 23 лет:

На горы на высокой,
Ехелью![1]
На красе на великой
Стоит храм белокаменный.
Что во той во Божьей церкви
Тут стояло два отрока,
Еще отрок с отроцитою,
Жених со невестой.
В Божьей церкви стоючи,
На главах венцы держите
Закон Божий принимаючи.
Сговорилась, промолвила
<Во> всю буйную голову:
«Уж ты сватенька, сватенька,
Восприемна крестна матушка.
Ты прикрой одеялышком,
Одеялышком шелковым.
Мне не столь будет тошнехонько,
Мне не столь будет горчехонько.
Вы попы, отцы духовные,
Вы печатники церковные.
Напечатайте грамотку
Не по белой бумажечке,

Что по ро<з>ному бархату
Не пером, не чернилами —
Литерами немецкими.
Отошлите вы грамотку
В дом к родителю батюшке,
В дом к родительнице матушке.
Благодарствуйте, батюшка,
Благодарствуйте, матушка,
Что вспоили, вскормили меня
Что до полного возраста,
До крепкого ума-разума,
До моего богосуженного,
До моего богоряженного»

[1] Припев «Ехелью!» повторяется после каждого стиха.

16. ФВ 684-06. Свадебная окликальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 213.

17. ФВ 685-04. Свадебная окликальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено.

18. ФВ 684-04. Свадебная величальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 26.VI.927 г. в д. Пылема от Ульяны Алексеевны Чашевой, 20 лет (поют тысяцкому):

Федор тысяцкой...
Федор Тысяцкой,
Сын Дмитриевич — *большой* человек,
Да большой человек!
На тысяцком шуба
Семи ли бобрами опушена,
Сорока соболей обложенная.
Еще та ему шуба не по тысяцкому,
Не по тысяцкому!
Не по богатеству, не по богатеству,
Не по доротеству!
Не по тысяцкому...
Не по богатеству, не по богатеству,
Не по доротеству!
Еще первый бобер по подолу ушел,
Да второй бобер по подолу ушел,
Третий бобер по карманам ушел,
Четвертый бобер по зарукавьям ушел,
Пятой бобер по прорехам ушел,
Шестой бобер — он туда и сюда,
Седьмым бобром опоясался.
И еще эта ему шуба не по тысяцкому,
Не по богатеству, не по доротеству!
Еще нать ему шуба получше того,
Получше того да позавистнее.

(кол. 4, п. 1, л. 22)

Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 221—222.

19. ФВ 685-03. Свадебная величальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 26.VI.1929 г. в д. Пылема от Ульяны Алексеевны Чашевой, 20 лет (поют холостым):

Что у светлого месяца золота луна,
Что у красного солнца желтые моря,
Что свет у Василья кудревата голова,
Ой, у Ивановича кудри шелковые!
Как на всякой на кудринке по цветочку цветет,
По цветочку цветет, по жемчужинке висят.
Расплетывала его нянюшка,
Его нянюшки да стары бабушки,
Стары бабушки, красны девушки,
Красны девушки да все молодушки.
(кол. 4, п. 1, л. 20)

Вар. см.: Абрамский... С. 117—118; Пес. фольклор Мезени. С. 211—212.

20. ФВ 681-04. Свадебная величальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 228.

21. ФВ 680-01. Свадебная величальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 220—221.

22. ФВ 685-05. Свадебная величальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 26.VI.1927 г. в д. Пылема от Ульяны Алексеевны Чашевой, 20 лет (женатых опевают):

Во горнице стол стоял,
Во светлице дубовой.
На столе чар золотой
Полно меду налитой.
Еще кто чар наливал,
Золотой дополнял?
Тут Трофим чар наливал,
Сын Андреевич дополнял,
Свою Афимью покликал:
«Ты Афимья, <свет-душа>,
Ты Михайловна хороша!
Дойди, допусти до стола,
Выпей чару от меня.
<Роди> сына сокола,
<Брови> черна соболя.
Уж ты ростом <во себя>,
Умом-разумом в меня!»
(кол. 4, п. 1, л. 21)

Вар. см.: Абрамский... С. 121—122; Пес. фольклор Мезени... С. 206—207.

23. ФВ 688-04. Свадебная величальная песня. Зап. 20.VI.1927 г. в д. Койнас. Текст записан 2.VII.1927 г. в д. Койнас от Марии Федоровны Михеевой, 60 лет (когда молодых поведут к венцу, девушки поют эту песню):

Тут бежала карета,
Да раю-раю![1]
Тут бежала кована,
Тут кована, подкована.
Что во той во карете
Тут сидела девица,

Светло имечко-то Марья.
Она плакала, рыдала,
Свою волю вспоминала:
«Это батюшкова воля,
Это матушкина нега.
Я у батюшки вольная,
Я у матушки не знала!
Куда пойду — не спрошуся,
Откуль приду — не скажуся»
Тут сокол-от налетает,
Молодицы надъезжают,
Свою радость утешают:
«Ты не плачь, моя радость,
Ты не плачь, дорогая!
Уж я дам тебе волю,
Уж я дам тебе негу.
Уж ты спи, просыпайся,
Ты ко времени разбужайся.
Куда пойдешь — спросишься,
Откуль придешь — скажешься!»
Тут есть непочаты колодцы
Со студеную водой...
(кол. 4, п. 1, л. 15)

[1] Припев «Да раю-раю!» повторяется после каждого стиха.

24. ФВ 681-06. Свадебная величальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текст песни см. коммент. 23.

25. ФВ 684-05. Свадебная величальная песня. Зап. 19.VI.1927 г. в д. Малые Нисогоры. Текст записан 26.VI.1927 г. в д. Пылема от Ульяны Алексеевны Чашевой, 20 лет (поют жениху):

Сказали про Алексея, что хитер да мудер,
Хитрее да мудрее его не было нигде,
Еще не было нигде, ни в которой стороне.
Он ходил в торги, закупал шелки,
Шелки разные да разноличные.
Он сплел колыбель из семи шелков,
Он повесил колыбелюшку на улоцку.
Он на улоцку, на дорожецку,
Против тестева двора да против батюшкова,
Против тещина двора да против матушкина.
Против тестя Ивана Никифоровича,
Против тещи Василисы Егоровны,
Против суженой Ульяны Алексеевны.
— «Уж ты что же, моя суженая, посуживаешь,
Уж ты что же, моя ряженая, поряживаешь,
С руки на руку колецко перекладываешь?»
— «Воду лью, воду лью, ко двору приду,
Ко двору приду, на красно крыльцо зайду!
Я по сеницкам шла, шла девицею,
В нову горницу взошла да молодицею,
Молодицей, слугой верною,
Слугой верною да неизменною

Что с-по имени Ульяной Алексеевой,
Что с-по имени Алексею Александровичу!»

(кол. 4, п. 1, л. 24)

Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 213—214.

26. ФВ 681-01. Свадебная окликальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текст записан 26.VI.1927 г. в д. Пылема от Ульяны Алексеевны Чашевой, 20 лет:

Что под яблоней кровать,
Де ехи![1]
И вот под новой тесовой.
На кровати перина
Не простого полотна.
На перины сголовья
Ново ситцевое.
На ногах-то одеяло
Черна соболя лежит.
Что под этим одеялом
Лежит князь-от молодой,
Первобрачный молодой
Алексей Александрович сокол.
Еще ходят круг его
Три друзецка молодых,
Самозванных отобранных.
Перво друзецка — Иннокентий сын Егорович сокол,
Второй друзка — Трофим сын Андреев сокол,
Третий друзецко — Василий сын Петрович сокол.
Они ходят круг его,
Разувают, раздевают,
Спать укладывают,
Договаривают:
«Уж ты спи спокойно, князь,
Первебрачный молодой.
Скоро час пробьет,
Пароход с моря прийдет,
Скоро тысяцкой прийдет!»
— «Надо, надо, братцы встать,
Да голову свою поднять.
Как мне в церкви сходить,
Золоты венцы сдержать,
Законный брак принять,
Знать, хозяюшкой назвать,
Слугой верною,
Неизменною,
Что с-по имени Ульяна Алексеевна!»

(кол. 4, п. 1, л. 23)

Вар. см.: Абрамский. С. 119—120; Пес. фольклор Мезени... С. 225—226.

[1] Припев «Да ехи!» повторяется после каждого стиха.

27. ФВ 681-03. Свадебная величальная песня. Зап. 16.VI.1927 г. в г. Мезень. Текста песни в рукописном архиве экспедиции не обнаружено. Вар. см.: Пес. фольклор Мезени... С. 230—231.

А. М. ЛИСТОПАДОВ

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ В ДЕНИСОВСКОЙ СТАНИЦЕ САЛЬСКОГО ОКРУГА В НОЯБРЕ 1902 ГОДА

Публикация В. К. Шивляновой

Среди неизданных рукописей А. М. Листопадова значится сборник 30 калмыцких народных песен.[1] В этот сборник вошли песни, записанные ученым в Денисовской станице Сальского округа[2] в ходе фольклорной экспедиции 1902—1903 гг. по собиранию старинных казацких песен. Некоторая часть материала экспедиции издана посмертно в пятитомном труде А. М. Листопадова «Песни донских казаков».[3]

Попытка опубликовать калмыцкие песни предпринималась. В 1936 г. к Листопадову обратился редактор готовившейся серии «800 песен народов СССР» и сборника «500 русских народных песен» Е. В. Гиппиус с предложением предоставить для этих изданий донские и другие песни с напевами. Посылая редактору калмыцкие песни, А. М. Листопадов пишет о трудностях, связанных с публикацией текстов этих песен: «Требуется латинизация. <...> так как специалистов по калмыцкому языку я не мог разыскать здесь (в Ростове-на-Дону. — *В. Ш.*), то через Бюро (краеведения. — *В. Ш.*) пришлось отправить тексты в станицу Кутейниковскую — районный центр национального калмыцкого района. <...> Там должна быть произведена и проверка переводов, сделанных тогда же или самими певцами, или в

---

[1] Беловая рукопись А. М. Листопадова «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г.», хранится в Фонограммархиве ИРЛИ: ФА ИРЛИ, РФ, п. 30, ед. хр. 215, 216, 240—267. Еще одна рукопись этого же сборника — черновой автограф — обнаружена автором данной публикации в 1988 г. в семейном архиве Бурдуковых в Ленинграде. В отличие от беловой рукописи, черновая содержит «Приложение» с текстами песен, их переводами на русский язык и комментариями к последним. Хранится ныне в Рукописном отделе ИРЛИ: РО ИРЛИ, р. V, кол. 284, п. 1, ед. хр. 1. В настоящем издании цитируется черновая рукопись.

[2] До 1917 г. по административно-территориальному делению Денисовская станица относилась к Сальскому округу области Войска Донского.

[3] Листопадов А. М. Песни донских казаков. М., 1949—1954. Т. 1—5.

большинстве случаев местными учителями-калмыками».[4] Однако планы по изданию серии «800 песен народов СССР» так и не осуществились.

А. М. Листопадов явился первым русским исследователем, собравшим и расшифровавшим целый ряд калмыцких народных песен, бытовавших на Дону.[5] Рукопись его нотных расшифровок ценна еще и тем, что представляет в большей своей части песни, нотированные с фонографических валиков. В Аннотации Фольклорной Комиссии Института этнографии АН СССР 1939 г. на все собранные и нотированные донские песни, в том числе и калмыцкие, сказано о качестве работы А. М. Листопадова: «...записи (нотировки. — *В. Ш.*) первоклассные как в отношении записи самого напева, так и передачи народного многоголосия».[6] Высоко ценил профессионализм Листопадова А. Д. Кастальский, ставя его нотные расшифровки «выше всех известных в литературе записей русской народной песни».[7]

В сборнике А. М. Листопадова содержится 18 песен, собранных в 1902 г. в Денисовской станице, 11 песен советского времени (30-е гг.) и 2 танцевальные мелодии. В рукописи отражены два этапа работы ученого. Вторая ее часть открывается «Песней о Ленине», под заголовком которой стоит дата записи 30 октября 1933 г. и место записи — Новочеркасск. Все последующие записи калмыцких песен были произведены Листопадовым в Ростове-на-Дону в 1937 г. В настоящем издании публикуется только первая часть сборника, поскольку именно она представляет, на наш взгляд, историко-культурную ценность: здесь помещены записи подлинного фольклора. Кроме того, на примере первой части, в которой все нотные образцы имеют тексты песен и их переводы, отчетливо прослеживаются принципы исследовательской работы фольклориста.[8]

В собирательской работе Листопадов никогда не отделял текст от напева. О себе он говорил как о собирателе, «лично и непосредственно заносящем в свои нотные и словесные записи каждый звук, каждое слово, создающие песню, которые он непосредственно слышит».[9] Фиксируя «текст на музыке» (при пении), Листопадов воспроизводил особенности диалекта донских калмыков как лексические, так и фонетические. Не допуская «олитературивания» текста, он сохранял характерные повторы слов, словообрывы, междометия, дополнительные слоги и звуки, употребляемые в распевах протяжных песен.

---

[4] См. письмо А. М. Листопадова Е. В. Гиппиусу от 7 мая 1937 г.: ГЦММК, ф. 147, № 696.

[5] Несколько позднее А. Д. Руднев опубликовал калмыцкие народные мелодии и комментарии к ним. См.: Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен//Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Записки имп. Рус. геогр. об-ва. СПб., 1909. Т. 34. С. 395—430. Впервые же четыре калмыцкие мелодии встречаются в кн. : Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С. 252—269.

[6] ГЦММК, ф. 147, № 243.

[7] Там же.

[8] Во второй части сборника отсутствуют тексты к четырем песням.

[9] Листопадов А. М. Песни донских казаков. Т. 1, ч. 1. С. 20. К сожалению, этот принцип не был проведен при публикации донских песен. См. об искажениях рукописей оригиналов в изданиях А. М. Листопадова в статье: Добровольский Б. М. Заметки о методике текстологической работы с записями народных песен//Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 138—159.

Названия песен даны автором рукописи преимущественно по первому стиху поэтического текста. Иногда рядом с названием песни собиратель указывает ее жанровые особенности, например: «плач по умершему мужу», «уличная» и др. В публикации после каждой песни эти обозначения приводятся в сносках. Песни расположены в рукописи в зависимости от последовательности их записи на фонографические валики. При публикации этот порядок сохраняется. Тексты песен, их переводы и комментарии к ним представлены А. М. Листопадовым на 23 рукописных страницах, нотный материал — на 11.[10] В осуществлении переводов на русский язык текстов песен большую помощь Листопадову оказал учитель Приходского училища в станице Кутейниковской Даланта Шалбурович Гечинов.

В Фонограммархиве ИРЛИ РАН хранится отзыв известного монголоведа А. В. Бурдукова, которому, по-видимому, Е. В. Гиппиус давал на рецензирование рукопись А. М. Листопадова. В отзыве справедливо отмечено: «В целом, поскольку рукопись имеет ноты, тексты и переводы, то она представляет интерес <...>, но в этом виде печатать тексты не следует, нужны исправления и уточнения, также перетранскрибирование». В настоящей публикации в тексты песен внесены некоторые исправления, касающиеся грамматических норм (такие слова выделены курсивом). В переводах отдельных песен сборника, выполненных сплошным текстом, сделана разбивка на стихотворные строки согласно тексту оригинала. Пятые, десятые и т. д. строки нами нумеруются. Комментарии А. М. Листопадова в значительной своей части откорректированы, расширены и дополнены. В конце текста каждой песни эти комментарии даны в виде сносок от лица автора публикации. Вносимые нами в текст оригинала и перевода песен слова-дополнения и слова-уточнения взяты в квадратные скобки. Все дополнительные слоги в тексте оригинала отделены косыми скобками.

А. М. Листопадов включил в сборник песни, различные по жанру и мелодическому стилю. В первой его части преобладают старинные протяжные песни — *ут дуд*. Лишь пять песен этой части сборника относятся к «коротким» песням — *ахр дуд*. Всю вторую часть сборника составляют песни с регулярной метрической организацией, т. е. «короткие» песни. В протяжных песнях форма мелострофы обычно складывается из двух и более музыкальных фраз, совпадающих со стиховыми строками. Довольно продолжительная мелострофа может складываться из двух вариантных по отношению друг к другу мелостроф (см. примеры № 1, 6), а также из двух относительно самостоятельных мелостроф (см. № 3, 4, 5). «Короткие» песни имеют, как правило, куплетное строение, в котором музыкальный период содержит два предложения (см. № 2,13). Нотирование песен ограничено в рукописи рамками одной или двух мелостроф, тексты и переводы приводятся Листопадовым почти полностью.

Песни отмечены своеобразием поэтического содержания. Военно-казацкая тема пронизывает как великорусские, так и калмыцкие песни донского казачества. По словам собирателя, в донском песенном фольклоре отразилась история Русского государства, в которой Войско Донское принимало активное участие. Поэтому большое место в фольклоре этого региона принадлежит историческим песням. В то же

---

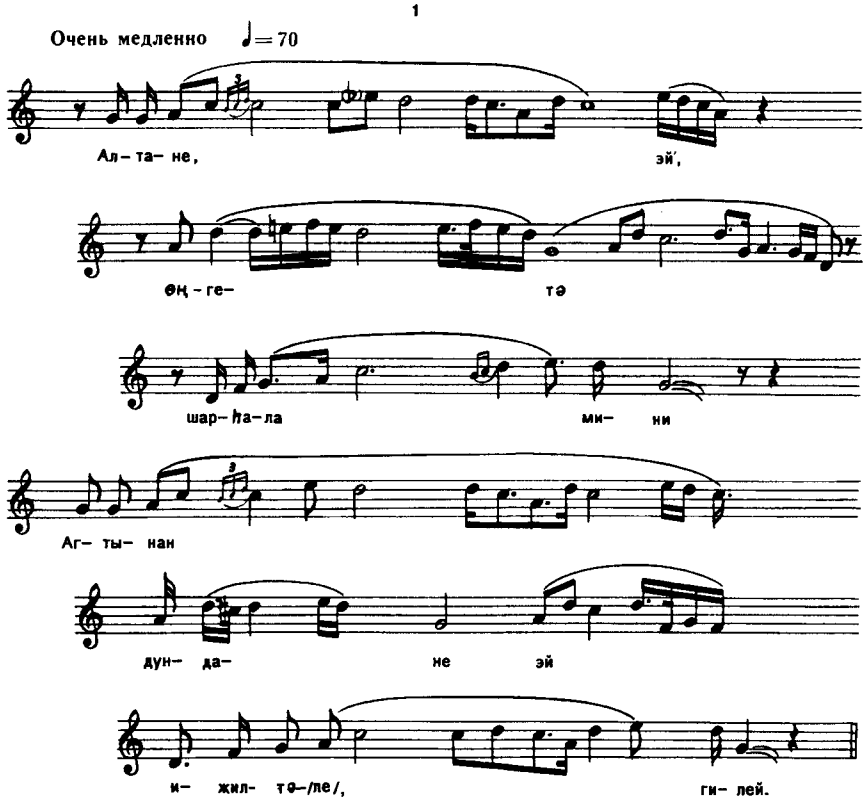
[10] Речь идет о черновой рукописи данного сборника. На ее титульном листе А. М. Листопадов записал: «В июне 1921 года сверены по валикам все расшифровки калмыцких песен».

время многие из записанных калмыцких песен испытали влияние ламаизма. Сравнение вариантов некоторых из этих песен, распространенных в других регионах Калмыкии, показало, что в тексты донских песен проникли имена бурханов, лам, слова из буддийских молитв.

Настоящая публикация рукописи А. М. Листопадова — еще одно свидетельство вклада ученого в изучение песенного фольклора народов России и, несомненно, ценный материал в области исследования локальных особенностей музыкального фольклора калмыков.[11]

ТЕКСТЫ И ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

№ 1 «Алтн өнгтə шарһ» О золотисто-буланом коне



[11] Известно, что за годы работы в Таджикистане Листопадову удалось записать и расшифровать немало образцов таджикского, узбекского, иранского, памирского, уйгурского фольклора. В большинстве своем они остаются неизданными. О работе по расшифровке этих образцов фольклора Листопадов пишет Е. В. Гиппиусу в письме от 8 апреля 1937 г.: ГЦММК, ф. 147, № 165.

Алтан *өнгетә* шарһы/ла/ мини
Агтынан дундане ижилтә/ле/.

Алтар *бичегсен* жодвитын

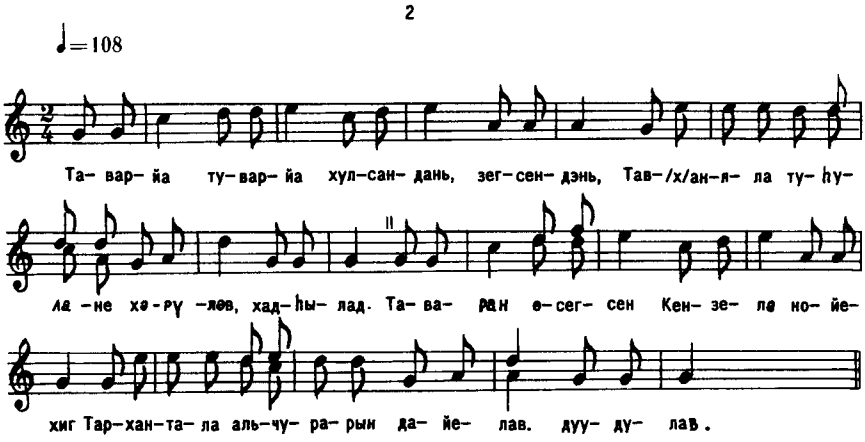
Әмендене тусылхта болтаха/ла/!
5 Мөнгәр биччүлегсен жодвитын
Мөнке тусылхта болтыха/ла/.
Бекәр *бичегсен* жодвитын
Бийдем тусылхта болтыха!

Мой золотисто-буланый конь
Привычен в родном табуне [меринов].
Джодве[1] [ваша], написанная золотом,
Пусть приносит пользу жизни!
5 Джодве [ваша], написанная серебром,
Пусть вечно приносит пользу.
Джодве, написанная тушью,
Пусть приносит пользу мне[2]!

Исполнитель: Анчар Мусов.

[1] Джодве — одна из священных буддийских книг. [2] В оригинале переведено «для моей души».

№ 2 «Тавар-йа, тувыр-йа» О пастушке



Тавар-йа, тувыр-йа хулсандань зегсендэнь
Таван туһулан *хәрүләв* хадһылад.
Таваран *өсегсен* Кензелә *нойхиг*
Тарханта/ла/ альчурарынь *дайелав*, дуудулав.
5 «Номһын/-йа/ болһы/ла/ мөренчен, — гиләлев, —
Ногтарын бәрүлже цемшенә/л/,

Номһын/-йа/ төләчен Кензелә күүкитен
Ноһанинән *идегәр* уулүлад, шугшулад».

В редком камыше и чакане[1]
Пас и охранял я пятерых телят.
Выросшую вольно девушку Кензюлю,
Расшитым цветами платочком махая, зазывал.
5 «Смиренный конь твой, — говорю, —
Не дает спокойно держать себя в недоуздке,
Скромную, тихую девушку Кензюлю
Заставляет на пастбище плакать и рыдать».

Исполнители: Анчар Мусов и Бембе Манджуков.

[1] Чакан — разновидность болотного тростника.

№ 3 «Ижлин өндр моднднь» В высоком волжском лесу

3

♩=104

Иж-лин өн-дөр- /ла/ ла

модн- дынь, ги- ле - и,

Ит- лиг - /йа/

шо- ву- не

/а- э- лай / цер- вел-де- не ги- лей,

Эй, Ил-ве-ңге заңгта- /ла/

Тө-рә-чен ги-лей,

Ир-хе-йа бол- зга- сан

/ х х х х /

а- эй өн- гер- нә-лө, ги-лей.

Ижлин өндөр/ла/ модондынь
Итлиг/-йа/ шовуне *червелнə*,
Илвен зангта Төрə/ла/
Ирхе/-йа/ болзогасань өнгерве/лə/.
5 Нохан давтамар *бишмудень*
Нурһаныла кевəр *зокаста*,
Нойон бəəделтə Төрəчен
Ноханин Ижеллань *зокаста*.

Алхлад һарад чальчагтынь
10 *Ардак*/ла/ хормане норһала,
Тере юуна/ла/ шалтаби
Авһна бергенə шалтан/ла/.

В высоком волжском лесу
Летает птица-сокол.
Льстивого Тёре
Время возвращения прошло.
5 Зеленый плотный бешмет
Хорошо сидит на нем.
Тёре, похожий на нойона,
Привычен [под стать]
травянистому берегу Волги[1]
В луже, которую можно перешагнуть,
10 Задние полы [его бешмета] намокли.
Какова же причина этого?
Его старшая невестка причина тому.

Исполнитель: Анчар Мусов.

[1] В рукописи эти две строки переведены иначе:
Тёре, имеющий барский вид,
Пристал к берегу Волги.

№ 4 «Өрүн һарсн нарн» На восходе солнца[1]

♩=56

Ө- рүн һар-сан на-ран би- ләй,
Өн-ге- тə сөə -хен со-лын- һо би- ләй.
Э- не- /йа/ бəə-сен ə - ме- те- не
Но- ми- на йо- сар җир- һи - йə.

Өрүн һарсан наран билə,
Өнгетə сəəхен солынһо билə.
Эне *бəəсен* əметень
Номинан йосар жирһийə.
5 Томарагсан *оһторһу* билə,

Туг нарань мандална,
Тусхылта ламин зеергеде
Бүгдəр күрче мөргийə.
Бум *күрегсен* хуврыһуд билə,
10 Бурхыд *дүүрегсен* сүме билə,

Будһулег ламын зергеде

Утреннее солнце взошло,
Разноцветная радуга сияла.
Пусть все, здесь находящиеся,
По Божьему закону благоденствуют.
5 Сквозь обложенное тучами хмурое небо
Просвечивает, все-таки, яркое солнце.
Пусть все идут поклониться
Высокому, помогающему людям ламе.
Число гелюнгов[2] доходило до ста тысяч,
10 Храм весь был наполнен священными бурханами.
Пусть все идут поклониться

Бүгдәр күрче мөргийә!

Высокому, заботящемуся о людях ламе!

Исполнитель: Андрей Котуков.

[1] Местное население определяло эту песню как гимн (калм., частр дун). [2] Гелюнг — ламаистский монах, прошедший обучение в духовной семинарии.

№ 5 «Кер халтр мөрн» О Джимбо-богатыре[1]

♩ =63

Кер хал- тар- /лай/
мө-рен-чен ги- ле- ой,
Кер- мен /ня- лай/
күл- тер- ня сай- глад ги-лей.
Кел/е/ зан- та- /лай/
Жим- бо-/ла/ Шар-вэ- /ой/
Кер- ме- ня - ла /ой/
сәә-дүд-лө та- нил - та-ла.

Кер халтар мөренчен
Кермен күлтерень сайгалад.
Келе *зангта Жимбо* Шарва
Керменин сәәдүдлә танелтә.

5 Маңһыд бор мөренчен
Маләаһин аюһар *һанхана.*
Мана нойон *Жимбо* Шарва
Маниһән яһтха гисембе.
Өмсен өнгөтә цемген лавшиг
10 Өнчехен сөвәдэнь зокаста.

Гнедой мухрастый конь твой
Иноходью идет в Новочеркасск.
Речистый Джимбо Шарва
Знакомство водит с начальством Новочеркасска.
5 Татарский серый конь твой
Идет по указке плети.
Наш нойон Джимбо Шарва
Почему не сказал, как нам быть?
Цвета золы суконный бешмет
10 Хорошо сидит на [его] стройной фигуре

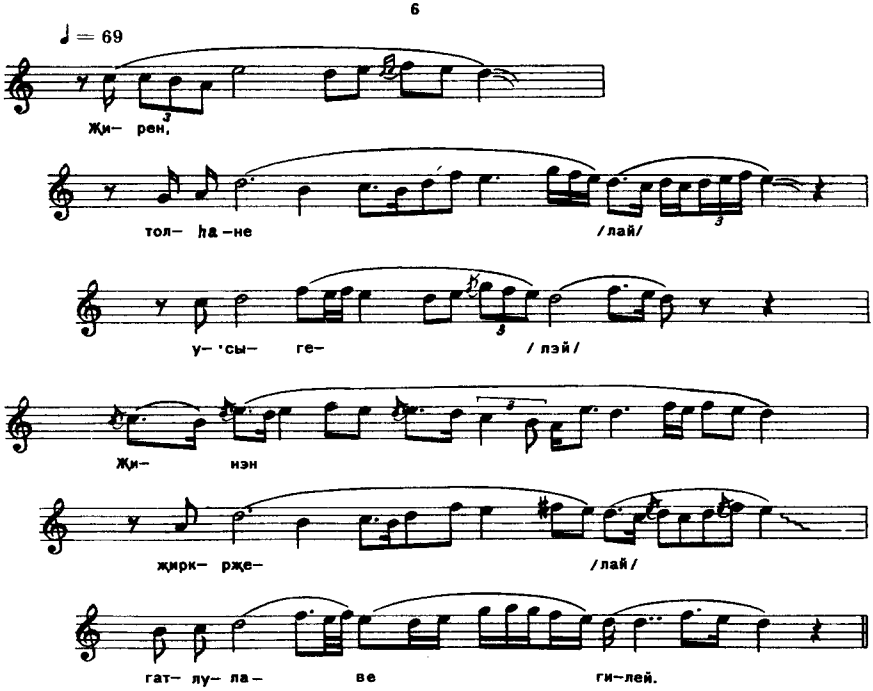
Өнчәр *өсегсен Жимбо* Шарва
Өргөмж буулемжидень ортха.

Сиротой выросший Джимбо Шарва
Войди равноправным в круг
высокопочтимых[2].

Исполнитель: Санджима Саранова.

[1] Перевод этой песни на русский язык выполнен Т. А. Бурдуковой. [2] А. М. Листопадов в комментарии к этой песне пишет: «Песня, очевидно, старинная; отражает тот период, когда кочевые удальцы (вожди), отличившись в походах, начинали выдвигаться в ряды русского (дворянства) офицерства, что, с одной стороны, льстило сородичам, но, с другой стороны, вызывало тревогу: „сдружившись с русским начальством, т. е. сам сделавшись влиятельным человеком, что же он будет приказывать (в угоду русскому начальству)?“».

№ 6 «Жирн толһан усыг...» Песня калмыка, бежавшего из плена



Жирен толһан *усыг*
Жинэн жиркрже гатлулав,
Жирһл юуһан санхэне
Уйин *седкл* орна.
5 Хара тешәсин *усыг*
Хәәвин күчәр гатлулав,
Хәәрин залу насндан
Хәәвин күчәр гатлулав,
Цаһан *тенгсин усыг*

Шестьдесят рек, текущих с гор,
Долго и медленно переплывал.
Как только вспомню о счастье,
Тоскливые мысли приходят.
5 Воды Черного моря [озера]
С помощью весел переплыл,
Молодость, дорогую мне,
Провел в казахском табуне[1].
Воды Белого моря

10 Цавжиһин күчәр гатлулав,
Цань *жирһгче* маниге
Цаһан *Шүкертэнь евәтхә.*

10 Благодаря лебедю переплыл,
Пусть наше дальнейшее счастье
Охраняет Цаган Шюкертен[2].

Исполнитель: Санджима Саранова.

[1] Речь идет, по-видимому, о том, что герой песни пас казахский табун. [2] Цаган Шюкертен — одно из ламаистских божеств, почитаемое калмыками.

№ 7 «Буйн кишегтә Бокшранк» Слава Денисовской станицы[1]

7

♩= 76

Бу- йн /лә/ ки- шег- тә Бок-шран-кла о- ток,

Бур- хан- /ла/ дүү - ре- гсэн се- ме- дэ

Бур- хан- /ла/ дүү - рег- сэн се- ме- де- не

Буй- ни- /ле/ ху- тык- /та/ ла- ма- та.

[1] См. текст данной песни после нотного примера № 8.

№ 8 «Буйн кишегтә Бокшранк» Слава Денисовской станицы

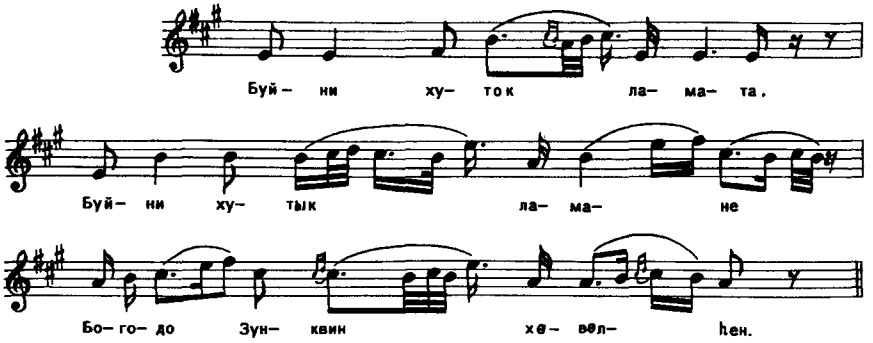
8

Бу- йн ки- ше- гтә Бок-шран-кла о- ток

Бу- ро- хан дүү-ре- гсэн се- ме- дэ,

Бу-ро-хан дүү- ре- гсэн се - ме- дэ

Бу- ро- хан дүү- ре- гсэн се- ме- де- не



Буйн кишегтə Бокшранк/ла/ оток

Бурохан *дүүрегсен* сөмедə,
Бурохан *дүүрегсен* сөмедене
Буйни хуток ламта.
5 Буйни хуток ламынь
Богдо Зунквин хөвелһен
[хүвлһн]
Богдо Зунковин хөвелһен ламдан
Бөгдəрен күрче мөргийə.
Һанжур, Данжур шүтəтəвидн

10 *Һал* бадргсын *чөөжинтə*,

Һал бадргсын *чөөжинтə* маниге

Һалдан-тенгəр *евəтха* / ла / .
Өрəг шарһ мөринь
Окн-тенгəртə / не / таалмжата,

15 Урлюк [Эрлик] ухата одмн
Санчир / ни /
Олни улсдəнь таалмжата.
Олни улсдəнь таалмжата Санчириге
Учирвани [Очирвани] *евəтха.*
Учирвани *эвəл* хальдад,
20 Уртə насн түлдə күртхə.
Дөнен шар кер мөрн

Дүнгерин Гегəндəн таалмжата.

Делүн бəəделтə Санчир одмн
Дəрвыд нутогтан таньлта.
25 Дəрвыд нутогтан таньлта
Санчириге
Дүнгерин Гегəн *евəтха.*
Элнциг эцекин нутгасн
Ижилин жирн зурһан шиирəсə,
Ижилин жирн зурһан шиирəсен

30 Эрднь *аагтан* авла.
Эрднь *аагтан* авхларн,
Эзен церегтə белдлə,
Эзен церегтə белдхнь

Эсерин-тенгəр *евəтха.*

Религиозная счастливая Денисовская
станица
Имеет храм, наполненный бурханами.
В наполненном бурханами храме
Служит благочестивый лама.
5 Благочестивый тот лама
Посвящен в этот сан Богдо
Зунквой[1].
К посвященному в сан ламе
Пойдемте поклониться всем миром.
У обладателей священных «Ганджура»
и «Данджура»[2]
10 Пламенное стремление
к совершенству[3],
Нас, стремящихся пламенно
к совершенству,
Пусть охраняет Галдан тенгри[4].
Буланый золотистый конь
Приличен для езды верхом самой
Окон тенгри[5].
15 Умный атаман Санчир

Почетаем всем обществом.
Почетаемого всем обществом Санчира
Пусть Очирвани[6] охраняет.
Когда охраняет Очирвани,
20 Долгие годы тебе жить.
Четырехгодовалый желто-пестрый конь
Приличен для езды верхом Дюнгр
Гегену[7].
Приветливый атаман Санчир
Почитаем дербетами.
25 Почитаемого дербетами
Санчира
Пусть Дюнгр Геген охраняет.
На родине прадедов
У шестидесяти шести устьев Волги,
Там, у шестидесяти шести устьев
Волги,
30 Скупает он отборных коней.
Купив отборных коней,
Поставляет их на царскую службу.
Поставляющего коней на царскую
службу
Пусть Эсрин тенгри охраняет.

35 Алтан шарһа мөрн билə
Авдевин Гегəндень таалмжата.

Асрəллу седклтə Санчир одмн
Авнарин көвүдень *цуглулна*.
Авнарин көвүдень *цуглулхнарн*,
40 Аажин Алешкарнь ахлулна.

Аажин Алешкарнь ахлулхнь

Алваһин *олже* сургахыт.
Алваһинь *олже* сурхларн,
Алешкин Адьянларн *селвелднə*.

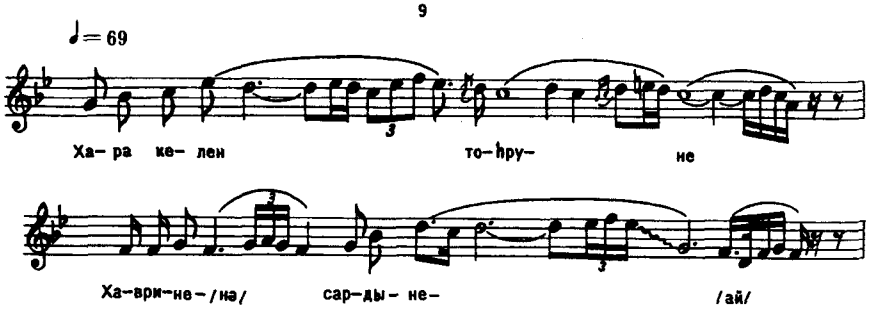
45 Алешкин Адьянларн *селвлəрн*
Альдне *болвчин* буулемжта.
Альдне *болвчин* буулемжта
Адьяныге
Авдевин Гегəн *евəтха*.

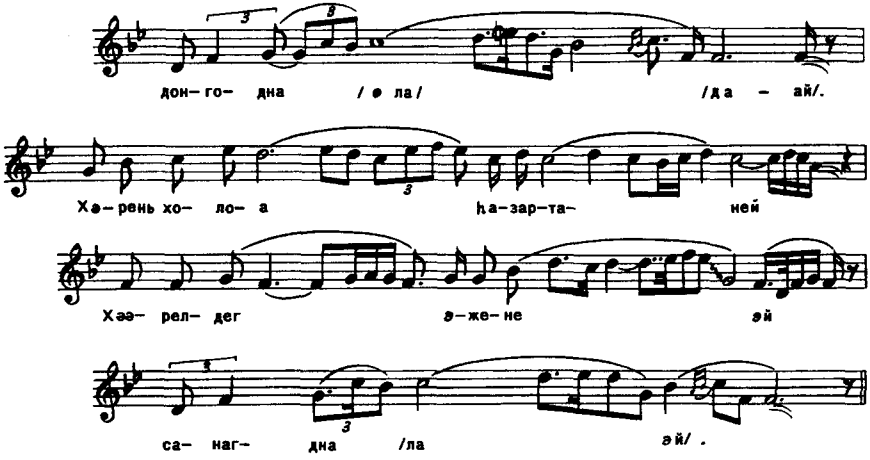
35 Золотисто-соловый конь
Приличен для езды верхом Авдевин
Гегену.
Милосердный атаман Санчир
Собирает всех отцовских сыновей.
Собрав всех отцовских сыновей,
40 Назначает старшим Аджинова
Алешку.
Назначенный старшим Аджинов
Алешка
Искусно обучает их.
Искусно обучая их,
[Алешка] советуется с Алексеевым
Адьяном.
45 Советуя, Алексеев Адьян
В разных краях заслуживает похвалу.
Прославленного в разных краях
Адьяна
Пусть Авдевин Геген охраняет[8].

Исполнитель: Эр. Алексеев.

[1] Богдо Зунква — реформатор буддизма, основатель ламаистской секты желтошапочников. [2] «Ганджур» и «Данджур» — священные буддийские писания. «Ганджур» насчитывает 108 томов, «Данджур», содержащий комментарии к «Данджуру», — 225 томов. [3] Эту строку можно перевести иначе: «Есть храм, отсвечивающий пламенем». [4] Галдан тенгри — небесное божество в ламаизме. [5] Окон тенгри — небесное божество в ламаизме (упоминается в группе докшитов), наделенное функциями божества времени, судьбы. [6] Очирвани — грозное буддийское божество (докшит). В мифах монгольских народов — громовержец. [7] Дюнгр Геген — иконизированное священное изображение в буддийской религии. [8] На полях рукописи А. М. Листопадов записал: «Песню эту сочинил сам певец Эренцен Алексеевич Алексеев, знаток калмыцкой народной поэзии, автор многих песен. Напевом „Славы" служит старинная калмыцкая мелодия, почти забытая» (см. рукопись: РО ИРЛИ, р. V, кол. 284, п. 1, ед. хр. 1, л. 28).

№ 9 «Хар келн тоһрун» Тоска по родине[1]





Хара келен *тоҩруне*
Хаврин сардане донгодна.
Хәрень холо *ҩазартане*
Хәәрелдег ээжене санагдана/ла/.
5 Жирин мошкомар ногтоне

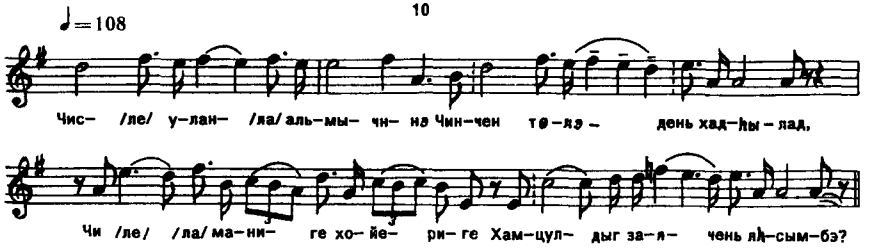
Жиргигсен богшорҩын дуута/ла/.
Жирин наста/л/ ээжене
Жирилҩен болже санагдана.
Делсулегсен дееверигэн
10 *Деесен* арҩамжар дарула/-йа/,
Дәнь тусагсан зүркиҩән
Демсерин *утаҩар* дарула/-йа/.
Буулулыгсан ботхиҩан
Ээжедене күргеже ханҩаҩита.
15 *Бульгулыгсан* зүркидән
Ээжедень күргеже байрула/-йа/

Черноголовый журавль
Поет в весеннюю пору.
В далекой чужой стороне
Любимая мать вспоминается.
5 Недоуздок, свитый из шестидесяти колец,
Щебетанье воробья напоминает.
Шестидесятилетняя мать
Как мираж вспоминается.
Развивающийся полог кибитки
10 Привяжем арканом,
Бьющееся сердце
Успокоим турецким табаком.
Жалобно кричащего верблюжонка
Доведите до матери.
15 Трепетно бьющееся сердце мое
Успокоится только при свидании с матерью.

Исполнитель: Анчар Мусов.

[1] А. М. Листопадов под названием песни поясняет, что она исполняется женщинами на свадьбах.

№ 10 «Чис улан альмчн» Плач по умершему мужу



Чис/ле/ улан/ла/ альмычен
Чинчен *төләдень* хадһалад,
Чи/ле/ маниге хойериге
Хамцулдыг заяачень яһсымбэ?
5 Зуун/ла/ улан/ла/ үкерчен
Зудын *түрүндень* чилве/ле/.
Зураг/ла/ болыгсын Дорже *зәәсен*
Зурһан/ла/ *дүүнерән*/ла/ өнчерүләд.
Әдел/лә/ зүстә *һурван* шарһа
10 Әәдерхенән темцәд/ле/ жиркерәд,
Айтахан бәәделтә Дорже *зәәсен*
Ардан намаһан өнчерүләд.
Далдаһар чеежтә *күренчен*
Дәәвүр дахже дальтырна.
15 Далдаһар *ирегсен* дәәситенлә

Дордыг Дорже яһсымбэ?
Күрдү/ле/ эрәтә тергенчен
Күүтер болһандань куржинләд,
Күмнә/лә/ ухата Дорже *зәәсен*
20 Күрзәр/ле/ шорадынь дарагдад.

Ярко-красное яблоко
Я приготовила для тебя.
Где же ты, судьба,
Нас обоих сведешь?
5 Сто красных коров твоих
Пали в начале тяжелой зимы.
Прекрасный, словно на картине, зайсанг[1] Дорджи
Шестерых братьев осиротил.
Три одномастных буланых коня
10 Бегут по направлению к Астрахани.
Добрый зайсанг Дорджи
Меня следом осиротил.
Твой широкогрудый бурый конь
Умеет прекрасно увиливать.
15 Усмирявший неведомо откуда пришедших врагов
Дорджи, где же ты?
Дрожки, разрисованные как кюрдэ[2],
Гремят по каждому хутору.
Умнейший среди людей Дорджи
20 Засыпан землей.

Исполнитель: Бембе Манджуков.

[1] Зайсанг — калмыцкий аристократический титул. [2] Кюрдэ — красочно расписанный барабан, в который вкладываются буддийские молитвы.

№ 11 «Хар бор мөрн» Любовная

♩=100

11

Ха- ра бо-ро мө-рен-че- не Ха- сыг цем- ген нем- нө-тө.
Хал-дын дүү То- шу- һи- тэн Хал- хин гер-лэ-рень шов-шоря-дад. Э,
Кө- ке бо-ро мө - рен- че- не Кө - вен тор- һон нем- нэ-тэ
Көөр-кен бич-кен То- шу- һи-тэн Көө-кинь ат- хад жал-жа-дад.

Хара боро мөренчен
Хасаг цемген немнәтә.
Халдын *дүү* Тошуһитэн
Халхин герләрнь шовшорылдад.
5 *Көке* боро мөренчен
Көвен торһон немнәтә.
Көөркен бичкен Тошуһитэн
Көкинь атхад жалжадад.
Зерлег *зеерде* мөренчен

Темно-серый твой конь
Под персидской суконной попоной.
Сестру Халдына — Тошугу
Целовал я в розовую щеку.
5 Светло-серый твой конь
Под ватной шелковой попоной.
Милую маленькую Тошугу
Ласкал я, касаясь ее груди.
Дикий [горячий] рыжий твой конь

10 Зегсен *үүдинь* чавчына.

Зеегтə нүдтə Тошуһа

Зергеләд суусын билəв.

10 Бьет копытом чакановую дверь кибитки.

С Тошугой, имеющей прекрасные глазки,

Рядом я сидел.

Исполнитель: Андрей Котуков.

№ 12 «Манцн һурвн толһаднь» Про атамана Платова

♩ =69

12

Ман- цын һор- вын /э- лай/

тоя- һа- дэ- не- я ги- ле, ой.

э- а- ла Мат-вей-ла,

э, и-не рле- не, /ай/

/а/ нəəр-ле- нə, ги-лей.

Манцын һурвын толһадэне
Матвей инерлене нəəрленə,
Матвей инерлин нəəрте
Олон залусни *цуглырна* / ла / .
5 Олон залусни *цуглырхалаһа,*
Шажин күрəд мордына.

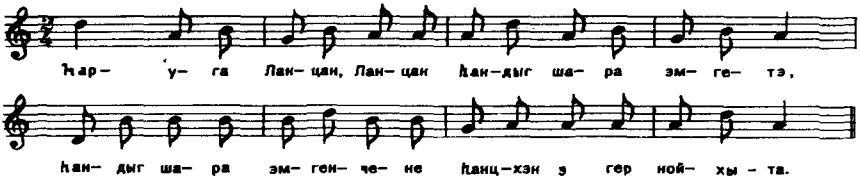
Шажин күрəд мордыхыла,
Шашкин үзүр шаржинна.
Шашкин үзүр шаржинхыла,
10 Жидин үзүрень жирелзнə.
Жидин үзүр *жирелзевчигн,*
Йаһсан жирке һазырва?

У трех курганов Маныча[1]
Устроили пир в честь атамана Матвея,
На пир в честь атамана Матвея
Множество войнов собралось.
5 Собрав множество войнов,
К священному хурулу[2] отправился верхом [на коне].
Приехав к священному хурулу,
Острием шашки гремит.
Острием шашки гремя,
10 Кончиком пики сверкает.
Кончиком пики сверкая,
Почему [он] оказался тут[3]?

[1] В топонимике Калмыкии «Маныч» — это название соленого озера. [2] Хурул — буддийский храм. [3] Перевод на русский язык выполнен автором публикации.

№ 13 «Һар уга Ланцан» Неловкий Ланцан[1]

13



Һар уга Ланцан, Ланцан
Һаньдг шара эмгетэ,

Неловкий [безрукий] Ланцан
Живет со вздорной рыжеволосой старухой,

Һаньдг шара эмгенчень
Һанцхэн *энгер нойхота,*

У той вздорной рыжеволосой старухи
Была единственная светлолицая дочь[2],

5 Һанцхэн *энгер нойхынчен*
Һаза хондыг эрдемтэ.
Терень кенэ *сурһымжеви?*
Һанцыхын Пүрвэн *сурһымже.*

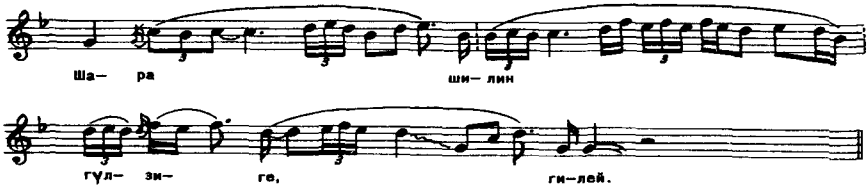
5 У той единственной светлолицей дочери
Привычка ночевать на улице.
Кто приучил ее к этому?
Одинокий Пюрвя приучил.

Исполнитель: Ур. А. Ямчегеров.

[1] В оригинале переведено «Безрукая Ланцан». Эту песню исполнитель назвал «уличной» песней. [2] Первые четыре строки в оригинале переведены следующим образом:

Похожа на важную рыжеволосую старуху.
У той важной рыжеволосой старухи
Живет одинокая светлолицая девушка.

14



Шара шилин гүлзиге[2]
Шартха гиже мордлав.
Шалһдг *дагни* Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла.
5 Хо шилин гүлзиге
Хорахар *шииджи* мордлав.
Хулсндан бултасн Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла.
Көк шилин гүлзиге
10 *Көөхэр шииджи* мордлав.
Көөрк бичкин Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла.
Булн уга һазртэ
Бурһсн *юн гиже* урһсымбэ?

На газель, живущую у золотистой горы,
Я выехал охотиться.
Тебя, преданный друг Бюмен,
Ака[3] твой по недоразумению ранил[4].
5 Газель, живущую у белоснежной горы,
Я выехал убить.
Тебя, спрятавшегося в камыше Бюмена,
Ака твой по недоразумению ранил.
Газель, живущую у синей горы,
10 Поймать я выехал.
Тебя, милый маленький Бюмен,
Ака твой по недоразумению ранил.
В местности без впадин
Зачем вырос кустарник?

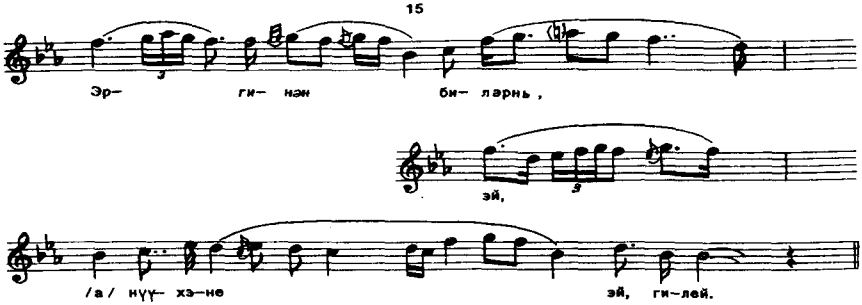
15 Бурһсиднь *булталгсн* Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла.
Дзеерин арсыг зүслсн
Ээжин эркэ таниг йаһ/ыя/?
Герин эмтн гемжһə, гилə,
20 Гертəн/ла/ юуһан келнэт?
Ардэ эмтн *ээмтхə* билə.
Ардан юуһан келнэт?
— Аав мини йаһв гихлə,
Аашна гиже келитə.
25 Ээжи мини йаһва гихлə,
Ирхэ гиже келитə.
Гелүн мини йаһва гихлə,
Гертəн гиже келитə.
Цусн цаһан киилге мини
30 Цустаһинь оражи ганзһлтн
Цурха цаһан *бийи* мини
Цулвртын менд өгит.

15 Тебя, спрятавшегося в кустарнике Бюмена,
Ака твой по недоразумению ранил.
Одетый в шкуру дзерена,
Любимый матерью, что делать с тобой?
Домашние что подумают,
20 Дома что скажете?
Оставшиеся дома боязливы.
Что Вы им скажете?
— Отец мой если спросит,
«Идет он» — скажите.
25 Мать моя если спросит,
«Скоро я буду» — скажите.
Гелюнг если спросит,
«Дома я» — скажите.
Белую окровавленную мою рубашку
30 В торока завяжите.
Блестящее белое, как у щуки, тело мое
Пусть [Ваш конь] на поводьях повезет[5].

Исполнитель: Ур. А. Ямчегеров.

[1] Песня с подобным сюжетом распространена в Северо-Западной Монголии у дербетов. См.: Яцковская К. Н. Дэрбэт Хархүүгийн Гүнзэн и его песни // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 236—237. [2] *Гулзе* — в оригинале переведено как «газель». Вероятно, в диалекте донских калмыков это слово заимствованное. «Газель» в калмыцком языке — «зеерги», а антилопа-сайгак — «гөрəсн». [3] Ака — здесь означает «старший брат». [4] А. М. Листопадов комментирует: «На охоте ака нечаянно убил (ранил. — *В. Ш.*) спрятавшегося в камышах Бюмена, брата своего». См.: *РО ИРЛИ*, р. V, кол. *284*, п. *1*, ед. хр. 1, л. 22 об. [5] Последняя строка в оригинале переведена: «Бросьте сому на съеденье».

№ 15 «Эргинəн билəрнь» О кочевьях



Эргинəн билəрнь *нүүхне*
Элə шовун *церведенə/лə/*.
Энкрлүлн өксн ээже
Эндəн кентə *суудгва*?

Когда кочуют по косогорам
Над головой кружит птица-коршун.
Нежно воспитавшая меня мать
С кем теперь живет?

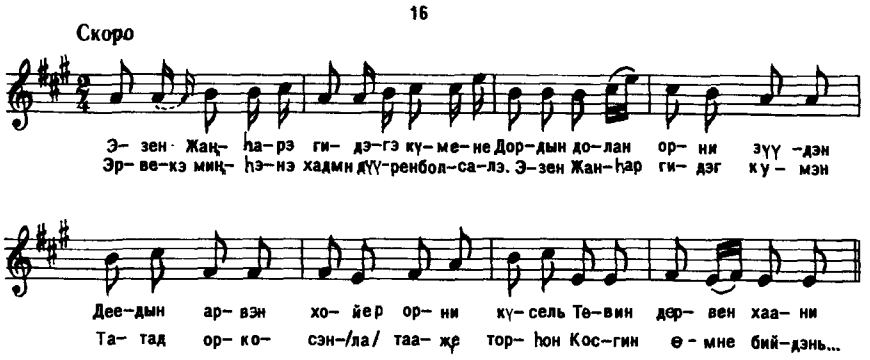
5 Темэн үнтэ кер мини
Тенгсин шалуһинь *хазна*.
Тенкерлүлн өксн ээже мини,
Тендэн *кентәһән* суудгва.

5 Мой дорогой гнедой жеребенок
Ест прибрежную морскую траву.
Ласково воспитавшая меня мать
С кем теперь живет[1].

Исполнитель: Анчар Мусов.

[1] Эта песня, поясняет А. М. Листопадов, «поется от лица женщины, едущей к кочевьям матери» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 284, п. 1, ед. хр. 1, л. 23).

№ 16 «Җаңһрин тускар» О Джангаре[1]



Эзн Җаңһр гидг күмн
Дордын долан орн зүүдэн,

Деедын арвн хойр орни күсель,

Төвин дөрвн хаани зүркн,

5 Эрвәкэ *минһн хадмн* дүүрен болсл.
Эзн Җаңһр гидг күмн /татад орксн/
Тааже торһн *көсигин* өмне бийднь
Дөчн дөрвн көлтэ
Долду *мөнгн* ширэ деере,
10 Долахн наста күүкд кевтэ.
Лаври *торһн түнтгиг*, гиже,
Дурта талан талвалдгсн,
Болд харэ тохаһар

Болцо-болцо тохалдгсн.
15 Догшн *Һәрудн* нүдэр
Дор деерин сольвад.
Өрүн цаһан *тенгсин гетллһнд*
Ачта цаһан уулын бельдэ
Арвн хойр *тенгсин ниилвртэ*

Владыка Джангар —
Мечта [сновидение]
для живущих на земле,
Желание для обитателей двенадцати
небес,
Сердце повелителей четырех сторон
света,
5 Страстное желание для тысячи других.
Владыка Джангар
Перед растянутым шелковым шатром
На стоящем на сорока четырех ножках
Серебряном троне восседает,
10 Как семилетнее дитя [он] прекрасен.
Облокотившись на шелковые подушки,
Свободно восседает.
Будто выточенный из черной стали
локоть
Утопает в глубине подушек.
15 Ястребиный его взор
Обращается вверх и вниз.
У прозрачных волн моря
В долине священной белой горы
У слияния двенадцати [рек] морей

20 Алтн шар цоохр бәәшн *делдулгсн* бәәдг.

Жаһр гидг күмн
Деерәсн татха делинь онһа уга, — гинә,
Дорасл өргене сүүлин унгә уга, — гинә,
Һал деернь *һанцхн*
25 Һазр деернь өнчен,
Делкә деернь *дегдәмл*.
Бодон[2] Зула хаани ачи гилә,
Бомба Зула хаани жиче гинә,
Үзн Алдр хаани үрн гинә,
30 Үклдтлән чавчлдәдг
Өнчн *һанцхн* Жаһр гинә.

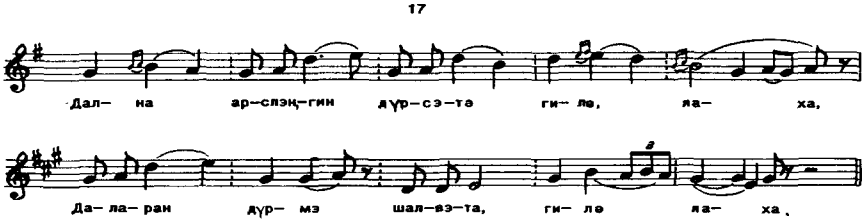
20 Возвышается его золотисто-пестрый дворец.

Владыка Джангар
Не имеет [на родине] сородичей,
Не имеет наследников,
Нет у него никого на свете...
25 *Сирота на земле*,
Единственный во Вселенной.
Внук Бодон-Зула-хана,
Правнук Бумба-Зула-хана,
Сын Узюнг-Алдар хана,
30 Бесстрашный сражающийся насмерть
Единственный в поколении Джангар.

Исполнители: Эр. Алексеев и Х. Николаевский.

[1] Данная песня — это довольно свободный вариант традиционного Пролога эпоса «Джангар», в котором излагается родословная правителя сказочной страны Бумбы — Джангара.
[2] Бодон — вероятно, имеется в виду слово «богдо» — «святой» в переводе на русский язык.

№ 17 «Дална арслнгин дүрстә» Описание милой



Дална *арслнгин* дүрстә гилә, яах,

Даларн дүрм шалвта гилә, яах,
Хорха *арслнгин* дүрстә гилә, яах,

Хө мөстә күүкдин *бәәдлтә*, яах,

5 Эцке Хонһр *шалута*, гилә, яах,

Эн эрдәмтә ховршг гилә, яах,
Хөн нүдтә билә/ле/, яах,
Хошуһин *әмтендень* ховршг билә/ле/, яах,
Тоһрг шара чирәтә билә/ле/, яах,
10 Терень төрскендень ховршг билә/ле/, яах,
Алтнасәнь *өнгетә* чирәтә билә/ле/, яах,
Ажинь Алешкодынь сетклтә билә/ле/.

Лицо у нее было подобно серебряной монете,

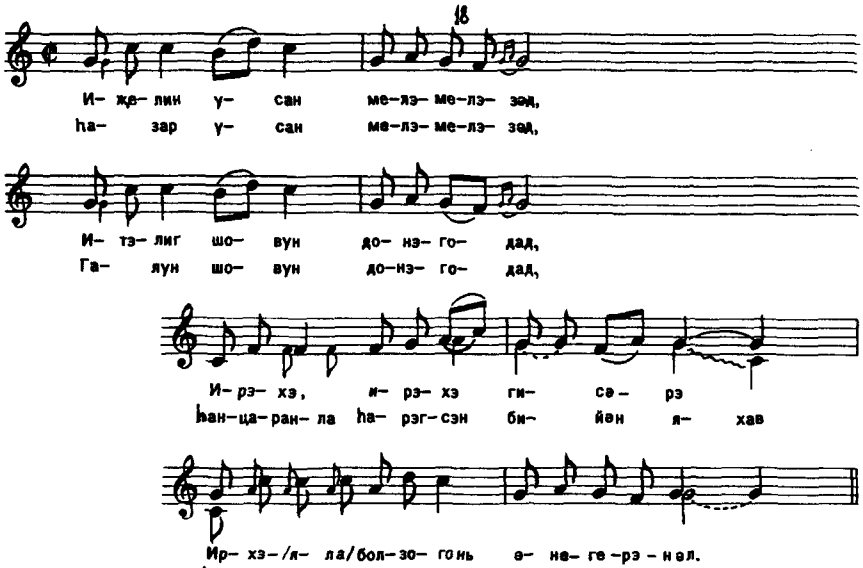
Во всю спину у нее были косы,
Лицо у нее было подобно мелкой серебряной монете,
Была [она] похожа на двухлетнего ребенка.

5 Косы [локоны] у нее, как у отца Хонгора,
Редкая мастерица *она была*,
У нее были приятные глазки,
Единственная среди соседей она была.

Круглолицей и светлолицей она была,
10 Она была редкой по красоте среди родных,
Лицо у нее было ярче золота,
Она любила одного Аджинова Алешку.

Исполнитель: Эр. Алексеев.

№ 18 «Ижлин усн мелмелзәд» Воды Волги волнуются[1]



Ижлин усн мелмелзәд,
Итлиг шовун донгодад,
Ирхэ, ирхэ гисэр,
Ирхэ/я-ла/ *болзогнь өнгрнэл.*
5 Һазр усн мелмелзәд,
Һалун шовун донгодад,
Һанцаран/ла/ һарһсн бийән яахв,
Һанцаран шиидгсн сән шиидврән, яахв?

Нуурин усн мелмелзәд,
10 Нурсн шовун донгодад,
Нурһта бийтә чамаганла
Нүүрцәд/я-ла/ *суухэм* лавта/ла/?

Воды Волги волнуются,
Птица-сокол призывно кричит,
Время его возвращения
Давно прошло.
5 Родные воды волнуются,
Гусь птица призывно кричит,
Что мне делать одинокой от роду,
Что мне делать с принятым мною одною решением?

Воды озера волнуются,
10 Утка-птица призывно кричит,
С тобой, имеющим стройный стан,
Сидеть лицом к лицу придется?

Исполнитель: Эр. Алексеев.

[1] Под назанием песни собирателем указана ее жанровая принадлежность — «уличная».

ИЗ НАСЛЕДИЯ Н. Е. ОНЧУКОВА

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ

Публикация В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной

В историю нашей фольклористики Н. Е. Ончуков (1872—1942) вошел как автор трех фундаментальных сборников, содержащих его экспедиционные записи произведений устного народного творчества севернорусских крестьян. Открыв в 1901 г. во время первой экспедиции на Печору богатейший пласт живой народной традиции — бытование эпических песен, считавшихся давно утраченными, Н. Е. Ончуков в 1904 г. издает сборник «Печорские былины», который стал событием в культурной жизни России. Таким же событием становятся и два других сборника Н. Е. Ончукова: «Северные сказки» — первое собрание народной прозы европейского Севера России и «Северные народные драмы» — первое монографическое издание этого фольклорного жанра.[1] За сборники «Печорские былины» и «Северные сказки» собиратель был награжден малой и большой золотыми медалями Русского географического общества. Дореволюционные сборники оказались по сути дела единственными крупными изданиями собирателя и ученого, хотя в его фольклорной коллекции до сих пор хранится неопубликованный материал, которого хватило бы не на один сборник, каждый из которых по своему значению не уступал бы трем вышеназванным.[2]

Почти до конца своей жизни Н. Е. Ончуков записывал в разных районах России (на Русском Севере, на Урале, в Забайкалье, на Волге) все, что удавалось услышать из уст исполнителей, но особое внимание в последнее время он уделял сказкам. Специальная «сказочная» экспедиция 1926 г. в Тавдинский край (Тюменский уезд Тобольской губернии) дала собирателю значительный материал (87 сказок), полностью вошедший в его сборник «Тавдинские сказки». Наряду с классическими волшебными сказками сюда включены сатирические сказки, легенды и анекдоты. Сборник остался неопубликованным, несмотря на все усилия собирателя и помощь коллег-ученых.

---

[1] Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904; Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.): Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (далее: Сев. сказки); Северные народные драмы: Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1911.

[2] Все неопубликованные статьи и фольклорные записи хранятся в РГАЛИ, ф. 1366.

В 1928 г. во время экспедиции в Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии, организованной Русским географическим обществом с целью монографического изучения одной деревни, Н. Е. Ончуков в четырех небольших деревеньках, объединенных названием Шокшозеро, записал более 100 сказок от 28 жителей. Материалы экспедиции вошли в новый сказочный сборник, подготовленный собирателем к изданию, — «Сказки Шокшозера (Лодейнопольские сказки)», который, как и другие фольклорные записи и многочисленные статьи и исследования, представляющие несомненный интерес для современной фольклористики, также остался в архиве ученого.[3] Человек поразительной работоспособности, за семь предреволюционных лет издавший три уникальных фольклорных собрания, автор многих известных статей и публикаций, обладатель трех почетных медалей Русского географического общества, за годы советской власти не только не сумел издать ничего из собранного в экспедициях, но и разделил судьбу многих русских ученых, закончив свою жизнь в политической тюрьме.

Данной публикацией мы хотим хоть в малой степени исправить несправедливость по отношению к наследию крупного собирателя и ученого, который с горечью писал о пренебрежительном отношении властей к его труду и работе его коллег: «Каждый год этнографы, фольклористы делают экскурсии в разные губернии и области России, записывают, приготовляют к печати и <...> материалы поступают в засол <...> И когда они увидят свет, и увидят ли когда — гадательно».[4]

Так пусть увидит свет небольшая часть Лодейнопольского сказочного сборника до того времени, как появится в недалеком будущем в печати все сказочное наследие Н. Е. Ончукова.

«Детские сказки» — часть вступительной статьи к разделу «Сказки, записанные от детей»,[5] открывающему шокшозерский сборник. Н. Е. Ончуков впервые, пожалуй, за все годы своей собирательской деятельности обратил внимание на маленьких хранителей народной устной традиции. Его заинтересовал духовный мир деревенских детей, особенно живущих в таких глухих деревеньках, как шокшозерские. Умение общаться с людьми, выработанное собирателем во многих предыдущих экспедициях, помогло ему сблизиться с шокшозерскими детьми, результатом чего и стали записи 17 сказок от шести малолетних исполнителей.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Шокшозеро до того на устороньe от остальных деревень Винницкого района, до того глухо и мало посещаемо посторонними людьми, что когда мы с товарищем, возвращаясь из Винницы в полдень, пришли туда из Сергозера, где заночевали, и встретившись с ребятами, спросили у них, где дом Тимохина, в котором нам предстояло жить, — ребятишки, испуганно посмотрев на нас, брызнули в разные стороны

---

[3] Сборники хранятся в РГАЛИ, ф. 1366, и подготовлены В. И. Еремино й и В. И. Жекулиной к публикации в составе трехтомного собрания Н. Е. Ончукова.

[4] РГАЛИ, ф. 1366, оп.1, ед. хр. 14, л. 5.

[5] Сказки одной деревни. Н. Е. Ончуков//С. Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 339—413.

и с ревом пустились бежать. Начало не предвещало ничего хорошего. Казалось нечего было и думать о каких-либо записях у детей.

И однако прошло всего 4 дня моей жизни в Шокше, как по дороге из Кузьминской меня встретила Надя Карачева, 9 лет, поднесла мне пучок полевых цветов (дети подметили, что я в первый же день по приезде набрал букет цветов себе на стол) и, робея и краснея, сказала, что она согласна рассказать мне сказку. Я провел ее к себе, и Надя рассказала мне две: «Подмороза» и «Старик да старуха». Я записал сказки в тетрадку, а Наде дал серебряную монету и несколько конфеток. Это событие (серебрушка и конфеты), разумеется, с быстротою молнии разнеслось по всему детскому сословию всех четырех деревень Шокшозера, и в этот же день вечером из деревни Мокрушиной ко мне уже смело заявился сын моего лучшего сказочника Смирнова и сказал, что он знает сказки и согласен мне их рассказать. Это был мальчик лет 13, бойкий, разбитной, грубоватый, порой даже бранчливый. Он «работал» у меня исключительно из-за денег.

После него пришел ко мне 13-летний же Володя Марков, из зажиточной семьи деревни Гавриловской, хорошо грамотный, умный, рассудительный. Потом он, можно сказать, так и влип в интересы нашей экспедиции и оказал бездну услуг моим товарищам, работавшим в Шокшозере одновременно со мною, но по материальной культуре. Мне Володя рассказал весьма прилично три сказки; к делу он относился совершенно серьезно и, когда я писал, часто заглядывал в мою тетрадку, как бы проверяя, так ли я записываю то, что он рассказывает.

Этих занятий с тремя детьми, о которых, конечно, сейчас же стало всем известно, было совершенно достаточно, чтобы через пять дней я в шокшозерском детском мире стал самым популярным человеком (дает за сказки деньги и конфеты). Меня не только перестали бояться и дичиться, но дело пошло и гораздо дальше. Стоило мне только появиться на улице деревни, и если только на крыльце дома или под окнами были ребятишки (а если только не был проливной дождь, они всегда там были), как со всех сторон неслись детские возгласы: «Дядя, сказку расскажу. Дядя, сказку расскажу». Правда, из этого обычно ничего не выходило, все крики были впустую: стоило мне подойти и вынуть тетрадку и карандаш, как дети или со смехом разбегались в стороны, или начинали отнекиваться, что ничего не знают. Таким образом у детей создалась какая-то своеобразная игра на моем интересе шокшозерскими сказками.

Вот самые краткие характеристики остальных детей-сказочников и их сказок. Самый редкостный мой сказочник-ребенок — это, конечно, Коля Сенькин, которому было всего 5 лет. Коля с трудом согласился рассказывать мне и рассказал свою сказку сначала на улице в кругу детей, страшно волнуясь и в волнении теребя вокруг себя траву. Затем я уже заманил к себе на квартиру, и здесь он сравнительно спокойно снова повторил свой рассказ, а я записал его. Коля рассказал очень хорошо всем известную, долго печатавшуюся в хрестоматиях сказку «Про кота, петуха и лису». Кроме свойственного возрасту Коли языка и яркого отражения местного говора в сказке Коли Сенькина новые имена детей лисы, сыновей Малафея и дочери Куклы-Панаклы.

Вот Колина сказка:

Кот, петух и лиса

Жили-были кот, да петух, да курица. Кот пошел в лес. И потом лиса пришла. «Петя-петушок, золотой гребешок, масляна головушка, шолкова бородушка, выглени в окошечко: лапку согрию, другу согрию, вон убижу». Он выгленулось, лиса взяла, да и попёрлась. Петух кричит: «Кота-коток, меня тащит лиса за тёмны леса». Кот и пришел, да и о́тнял от лисы петуха-то, да и опять попёр домой. Принёс домой, да и опять ушел в лес. «Топере не выглядывай, я далёко уйду». Опять лиса пришла: «Петя-петушок, золотой гребешок, маслена головушка, шолкова бородушка, отворь-ко окошко». Отворил, да и лиса опять попёрла. Ну: «Кота-коток, меня тащит лиса за тёмные леса, за горы высу́чи, за леса дрему́чи». Кот пришел, чаю попили и пошел за петухом. Пришел к лисы, у ворот и колотит: «Кол-кол-кол. Золотые ворота, другие серебренные. Один сын Малафи́й, другой Дорофи́й, кукла-Пана́кла». Лиса говорит: «Малафи́й, бежи отворь ворота, хто там е». Малафи́й о́тпер, кот ёму голову россе́к. Пошел Дорофи́й и у того россе́к. Кукла-Пана́кла пошла, он иё в пазуху сунул. Петух пошел отворять, кот его за пле́ча взял и пошел домой.

* * *

Надя Карачева была моя первая сказочница из детей по порядку. Ее язык — хороший образец местного говора. Конец второй сказки Нади «Про Морозка», мне кажется, есть образец детского творчества Нади, может быть, тут же у меня на квартире. Всем известную сказку «Про Морозка» (Афанасьев) Надя кончает так: «...Мороз ей и заморозил. Костяная нога (вторая жена старика) скаже: „Съезди, старик, за девкой за моёй“. Ён приехал, а она в колач застывши. Костяная нога скаже: „Запехай в печь, ёна пускай ростае“; старик в печь затолкал, ёна (баба) стала плакать, она ростаела, не ожила. Костяная нога скаже: „Дави топерь свою дочерь“. Старик скаже: „Я своей дочери не задавлю, тебя задавлю“. Баба ушла, да у их избу и зажгла. Боле — вся».

У моей сказочницы Кати Павшуковой, 9 лет, прекрасный местный язык. Но сказки она путает, например, Ягу-Бабу в колодце не называет таковой, а Баба-Яга у ней ее мачеха. Привнесла в свои сказки много местных черт. Так, в деревне Гавриловской, откуда Катя, на самом берегу озера, жители летом после мытья в бане почти все лезут в озеро — купаться. В сказке Кати падчерица «сама в баенке вымылася, в озере выкупалася».

Черт местного быта вообще много в детских сказках. Так, чаепитие — один из способов питания в Шокшозере. И в детских сказках персонажи: «чай стали пить», «чай напилися», «чай попили». Даже в сказке 5-летнего Коли Сенькина: «...кот пришел, чаю попили...».

В сказке «Рак-рыбина» Катя Павшукова ярко рисует такую жизненную обстановку вражды двух баб из-за одного мужика и во время перебранки этих баб вкладывает им в уста такие речи, что так и чувствуется, что Катя взяла эту картинку с натуры:

Жена ищет скрывшегося от нее мужа, находит его, он живет у царя во дворце с царской дочерью Марьей.

«...Она спросила (жена): „Вы видали моего мужика?“ — „Видали, видали, с нашей Марьей-царевной живут в двух комнатах“.— „Пошли-ко ей суда“. Марья пришла и говорит: „Дайте-ко мни-ка, тетушка, золотого еичка на золотом блюдечке“.— „А дай мужика на ночь“.— „Возьми“.

Марья стала катать, а ёна ушла в ейну комнату. Мужик спал. Она пришла и легла на кровать к нему.

Мужик пробудился и ска: „Уходи, блядь“. А та скаже: „Не я блядь, а ты блядь“.

Утро подходит, а пришла Мария. „Уходи, бледища, от моего мужика“.

Вдруг оне розодралися. Мужик вышел, самовар налил и согрел и со своёй бабой стал чай пить. Марья пошла за отцом.

Отец пришел, самовар взял да и вверёх унёс. Мужик со зáстолья выде, тройку коней со двора возьмёт и в тарантас запрегёт. „Одявайся, жона, поедём домой“. Взяли оне у царя четыре перины, две подушки и поехали домой.

Приехали домой, стали жить да быть, да и теперь живут».

Записанные мной в Шокшозере немногие детские сказки не составляют своего совершенно особого детского творчества, возможность которого допускает Г. С. Виноградов («Детский фольклор и быт»).[1]

Но все же все без исключения детские шокшозерские сказки носят яркий облик и возраст каждого ребенка-сказочника, и в каждую очень известную всем сказку дети непременно привносят свою детскую психологию и трактуют сказочные темы по своему детскому разумению.

Богато отражают сказки эти и местный говор Шокшозера, и семейный, и вообще быт Шокшозера. Каждый маленький рассказчик доверчиво и наивно передает иногда очень ярко то, что он видел и знает, то, что ярко воспринял от жизни.

Всего больше дети, самые свободные существа в деревне, имеют дело и разговаривают со старухами и стариками, также сравнительно свободными в деревне. Отсюда «детский язык» будущих граждан наиболее близок к языку отживающих, бывших граждан.

* * *

Сенькин Коля

1. Кот, петух и лиса

Жили-были кот, да петух, да курица. Кот пошел в лес. И потом лиса пришла. «Петя-петушок, золотой гребешок, масляна головушка, шолкова бородушка, выглени в окошечко: лапку согрию, другу согрию,вон

---

[1] Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925.

убижу́». Он выгленулось, лиса взяла, да и попёрлась. Петух кричит: «Ко́та-кото́к, меня тащит лиса за тёмны леса». Кот и пришел да о́тнял от лисы петуха-то да и опять попёр домой. Принёс домой, да и опять ушел в лес: «Топере не выглядывай, я далёко уйду». Опять лиса пришла: «Петя-петушок, золот<ой>[2] греб<ешок>, масл<ена> голов<ушка>, шолк<ова> бородушка, отворь-ко окошко». Отворил, да и лиса опять попёрла. Ну: «Ко́та-кото́к, меня тащит лиса за тёмные леса, за горы высу́чи, за леса дрему́чи». Кот пришел, чаю попили и пошел за петухом. Пришел к лисы, у ворот и колотит: «Кол-кол-кол, золотые воро́та, другие серебренные. Один сын Малафи́й, другой Дорофи́й, кукла-Пана́кла». Лиса говорит: «Малафи́й, бежи отворь воро́та, хто там е». Малафи́й о́тпер, кот ёму голову россе́к. Пошел Дорофи́й и у того россе́к. Кукла-Пана́кла пошла, он иё в пазуху сунул. Петух пошел отворять, кот его за пле́ча взял и пошел домой.

Карачева Надя

2. Старик да старуха

Старуха скаже: «Старик, едь за рыбой». Старик поехал. Купил рыбы воз, поехал домой. Лежит на дороге лиса. Ст<арик> ее в сани взял. Ёна дыру выскребла, ки́дала рыбка за рыбкой, выкидала всю. Собрала в кучу и сидит на дороге и ест. Волк идет. Ска: «Дай, лиса, мни-ка рыбы». Лиса ска: «У тебя долгой хвост, сядь в пролубу, нау́дишь». Волк пошел, сел. В одной пролубы нет, он в другую сел. Мужики пришли: «Ты чего, — ска, — сел в пролубу?» Клеча́ми стали дуть. Выдули, он убежал. Ст<арик> приехал, говорит: «Старуха, рыбы привёз да на воротник привёз. Мужики, идите, рыбы дам». Мужики с безменом пришли, погледели — рыбы нету. Стали его дуть: «Чого омманил, теперь тебя отдуём».

3. Подморо́за

Жил старик да старуха. Была у них дочи́. Старуха-то умерла. Ён на другой женился, на костяной ноги. Она пришла с дочерью. Баба говорит: «Старик, ты вези свою дочерь под ёлочку, в лес». Увёз, посадил: «Посиди, я вечером за тобой приеду». Дожидала-дожидала, его нет. Морозичек по ёлочкам поскакивает: «Девушка, тепло или холодно?» — «Богово тепло, богово холодно». Мороз ей дал каньги (*сапоги суконны*). Мороз по ёлочкам поскакивает, в головушку девушку пона́кивает. Спрашиват: «Девушка, тепло или холодно?» — «Богово тепло, богово холодно». Ей дал сундук платья. Старик приехал за дровам. «Батюшко, свези меня домой». Уехал домой, не взял. Она пришла домой разодевшився.

Кост<яная> нога ска: «Вези мою дочерь». Привёз старик под ёлочку, сам уехал. Морозичёк по ёлочкам поскакивает, девушку в головушку понакивает. «Тебе, девушка, тепло или холодно?» —

---

[2] В угловые скобки заключены восстановленные составителями части слов, в круглые — ремарки исполнителей, в прямые — уточнения собирателя.

«Смертьё». Мороз ей и заморозил. Кост<яная> нога скаже: «Съезди, старик, за девкой за моёй». Ён приехал, а она в колач застывши. Кост<яная> нога скаже: «Запехай в печь, ёна пускай ростае»; старик в печь затолкал, ёна (*баба*) стала плакать, она ростаела, не ожила. Кост<яная> нога скаже: «Дави топерь свою дочерь». Старик скаже: «Я своей не задавлю, тебя задавлю». Баба ушла, да у их избу зажгла.

Боле — вся.

Павшукова Катя

4. Дочь и падчерица

Жил-был мужик и баба, у них была девушка. Баба умерла, мужик женился на другой бабы, у ей была девушка. Эта баба посадила старикову-то девушку на колодечок прясть. Девушка веретено сронила в колодечок, пряло клала под полешко, сама отпустилась в колодечок по ниточке. В колодце избушка. Пришла в избушку: сидит баба, ноги в большом углу, а голова на печи. Эта девушка пришла — «Фу-фу-фу, какой руськой дух поевился». — «Бабушка, накорми да напой, тогда говори». Баба пёрнула, стол здёрнула, насмороде́ла, щи согрела, девушку накормила, спать повалила. Девушка выстала, баенку затопила и заготовила. «Чим, бабушка, водичку наносить?» — «На решето». Девушка стала решетом носить, гни́лой замазала решето да и стала воду́ носить. Наносила, баенку истопила. Эта старушка дала ей га́довей, ми́денников, жижликов, лягух. Девушка положила их в корзиночку желтенькую на клеточках (*клеточками из драни*), в баенку понесла, вымыла, в корзиночку склала, досчечкой прикрыла (*скочат да клюнут!*) и домой принесла к старушке и на кроватку клала. Старушка ей веретёнцо дала с сундучком. Ёна по ниточке поднелась и ушла домой. Открыла сундучок — там полно золота. Сундучок клала на лавку.

Еги-баба это увидала и свою дочку на колодечок посадила. Дочка нарошно веретёнышко спустила, пряльца под полешко клала и отпустилась в колодечок по ниточке. Старуха сидит, ноги в большом углу...[3] «Девушка, стопи баенку». — «Чем вода носить?» — «На вот решето». Девушка гнилой не замазала и вода не наносила в ушатчик. Старуха опять всих гадов в корзинку склала и мыть велела. Девушка всих кого сожгла, кого убила, кого выбросила, которы при́плыли домой. Сама в баенке выпарилась, в озере выкупалась. Бабушка спрашиват: «Хорошо ли, деточки, вымылися?» — «Худо, худо, мамушка, которого сожгла, которого убила, а нас в окошко выбросила». Старуха говорит: «Ну, ладно, я дам ей красный сундучок». Дала да девушка домой по ниточке и выстала. Пришла домой, отворила сундучок, а там огонь в сундучке. Да и сгорела.

---

[3] Повторяется дословно. — *Примеч. собирателя.*

5. Рак-рыбина

Жил мужик с бабой, мужик надевал платьё рак-рыбины. Баба это платьё у него сожгла. Он и россердился. Ён пошел: «Ну, прощай, баба, я пошёл за тёмные леса, не приду пока железных просьвирь двух не съешь и жел<езных> двух лаптей не сносишь и железн<ой> дубины не сломаешь, — меня не увидишь».

Баба пошла его искать. Шла, шла, просьвиры съела, лапти сносила и дубина раскрошилася. Пришла — стоит избушка на веретёной пятке. «Избушка, <избушка>, вернись к сончу лицом, ко мне — крыльчом. Пособи, Господи, в эту избушку затти и вытти». Пришла в избу. Сидит баба за столом, пьёт чай, на золот<ом> блюдечка качает золот<ое> еичко. Старушка ей дала еичко золот<ое> на блюдечко. Баба надела железны лапти (*сковала*), сковала железны просвиры, взела жел<езну> клюку и пошла.

Пришла — видит изб<ушку> на веретняшке, рядом дворец. Пришла в избушку, стар<ушка> чай пьёт. «Садись, девушка, (*не знала!*) со мной чай пить». Чай попили, дала ей золот<ые> пяльца, шолков<ые> ниточки, то́чиво дала сшить узоры. Идут царевы роботницы, старуха крикнула: «Идите сюда!» Ёны пришли в избу. «Здесь я́сте девушка в шолковых платьицах». Ёна спросила: «Вы видали моего мужика?» — «Видали, видали, с нашей Марьей-царевной живут в <дву>х комнатах». — «Пошлите-ко ей суда». Мария пришла и говорит: «Дайте-ко мни-ко, тетушка, зол<отое> еичко на зол<отом> блюдечке». — «А дай мужика на ночь». — «Возьми». Мария стала катать, а ёна ушла в ейну комнату. Мужик спал. Она пришла и легла на кровать к нему. Мужик пробудился и ска: «Уходи, блядь». А та скаже: «Не я блядь, а ты блядь». Утро подходит, а пришла Мария. «Уходи, бледища, от моего мужика». Вдруг оне розодралися. Мужик вышел, самовар налил и согрел и со своёй бабой стал чай пить. Мария пошла за отцом. Отец пришел, самовар взял да и вверёх унёс. Мужик со за́столья выде, тройку коней со двора возьмёт и в тарантас запрегёт. «Одявайся, жона, поедём домой». Взяли оне у царя <четыре> перины, <две> подушки и поехали домой.

Приехали домой, стали жить да быть и теперь живут.

Тимохин Федя

6. Репка. Звери плакальщики

Жил старик, старуха. У старика и у старухи была дочь. Засеял репку на крышу. Наутро старуха выстала, говорит: «Старик, сходи, погледи репку». Старик репку погледел. «Старуха, репка уже с ложечку». — «Пусь ростёт». На дру́го утро старуха ставае и говорит: «Старик, сходи, погледи ужо репку». Ст<арик> погледел. «Репка ужо с чайну чашку». — «Пусь росте еще». Наутро стар<уха> ставае и говор<ит>:«Старик, сходи, погледи, ужоль репка вырости?» Старик говор<ит>: «Уж репка с горшечик». — «Ну, — ска, — завтре пойдём рвать».

В четвёрто утро пошли они репку рвать на крышу. Рвали, рвали, старуха сказала: «Старик, я исть хочу». Старик ска: «Пойдём ужо

поедим, этта недалеко с крыши спуститься». Старуха стала спускаться, оборвалася, пала да убилася.

Старик плакал, плакал и снёс ие в лес, в избушку, пошел плакальщиков наживать. Попадает заец. «Куды ты, дедушко, идёшь?» — «Иду плакальщиков наживать». — «Возьми меня». — «Умиешь ли плакать?» — «Умию». Стар<ик> говорит: «Иди в портки». Заец и сел в портки. Пошел дальше, попадает лиса: «Куды, дедушко, пошел?» — «Иду плакальщиков наживать». — «Возьми меня». — «Умиешь?» — «Умию». — «Иди в портки».[4]

Свёз их всих в избушку в лесную да ска: «Плачьте, я пойду домой». Оны старуху и съили, две косточки в коробочку оставили и ушли в лес. Старик пришел да погледел, да эти <две> косточки взял домой да и стал жить-поживать.

7. Про жерново

Жил старик да старуха, у их бы́ла дочи да сын. Старик да старуха и умерли, двоё осталося. У их был жорнов в подполье. Эта сестра намолола всякой всячины. День прошел, другой прошел, барин пришел, ночь ночевал. На другую ночь приходит, она самовар ему согрела, спустилась в подпольё и говорит жорнову: «Блин да пирог, каши горшок, масла масленичок». Жорнов всё ей и дал.

Барин всё это слышал. Барин чаю попил, лёг спать. Ёны заснули, он спустился в подпольё и жорнов утащил. Сестра выстала поутру, спустилась в подполье — жорнова нету. Брат и сестра и заплакали. Топере нечем боле кормитця. У их петух да курица, да жорнов, только и живота было. Петух выскочил с подпечки середи полу и говорит: «Не плачьте, дети, принесу жорнов через трои сутки».

И полетел петух. Прилетел барину и сел на окошко и говорит: «Кукоре́ку, барин, подай жорново». Баринска (*бароня*): «Клади ты петуха жеребятам, они его стопчут». Пет<уха> клали к жеребятам. Петух и́нного жеребёнка росклевал, инного — глаза выкопал. Барин говорит: «Откройте двери, погледите, наверно уж готовой, у жеребят дак». Двери открыли, пет<ух> сел на окошко: «Кукореку! Барин, отдай жорново». Барин и говорит: «Топите баню докрасна, кладите его на каменку». Петух говорит: «Жопа, лей воды». Жопа и залила, каменка остыла. Барин гов<орит>: «Погледите, уже сгоревши?» Дверь открыли, петух сел на окошко: «Кукореку, барин, подай жорново!» Барин и гов<орит>: «Секите петуху голову, зажарим и съедим». Петуха поймали, голову ссекли, сожарили и съели. Барин через трои сутки пошел срать и выср*ал* петуна. Петух сел на окошко и запел: «Кукореку! Барин, отдай жорново». — «Кладите жорново на крыльцо, не утащить этому петуху».

Жорнов клали, петух запел:

Перышки лехки,
Подперите жорновок
На мой хребеток.
Унесу я за высоки горы,

---

[4] Попадают волк и медведь — те же разговоры. — *Примеч. собирателя.*

За тёмные леса,
За глубоки воды.

Вокруг жорнова ходил, ходил да как на хребёт его крылом бросил да и полетел. Домой прилетел, на старо место клал. Да и сейчас живут.

8. Тоню тену

Тоню тену,
Рыбы ловлю,
В кошель кладу,
Домой несу.
Щучки в кучки,
Плотички на калички,
Один ершок
Да и тот в горшок.
Ухи наварю,
Детей накормлю
И спать уложу.

Смирнов Вася

9. Колоколошны подолы

Жил-был старик да старуха. Не было у них ничóго, на было у них никóго, так, двоё. Избёнка была худа-а-я, худая, соломушкой крыта. Старуха и говорит: «Старичок, сходи-ко, насеки дров». Старик в лес — тюкнул дубище, скочил котище, хрустально хвостищо, земчурны глазище. «Что, — ска, — дед, надо?» — «Нету дровишок, надо дров накáрзать». Кот говорит: «Иди, всё, дед, буде». Дед идёт, дак и избёнка не видна, всё дрова кругом. Старуха говорит: «Дед, иди, не кладёт ли тебя царём, меня царицой?» Ст<арик> пошел в лес, тюкнул в дубищо, скочил котищо, хрустально хвостище, зем<чур>ны глазище, спраш<ивает>: «Что, дед, надо?» — «Не кладёшь ли меня царём, старуху царицой?» — «Иди, всё будет». Старуха говорит: «Стар<ик>, иди, не кладёт ли тебя Богом, меня Богородицой?»

Старик пришел в лес, тюкнул в дубище, скочил котище, хрус<тально> хвостище, земч<урны> глазища: «Что, дед, надо?» Ст<арик> гов<орит>: «Не кладёшь ли меня Богом, старуху — Богородицой?» Кот отвечат: «Ступай-ко, колоколочны подолы (*разные вси рябушки висят, рваной*)».

И не стало ничего, стал такой жо, как был.

10. Козонька

Жил-был старик да старуха. Старуху отправил старик козу пасти. Старуха пасла, пригнала домой. Старик спрашиват: «Козонька ты, коза, ела ли ты, пила ли ты?» — «Нет, дед, не ела и не пила, бежала через мосточик, ухватила калиновой листочик. Только и ела». Дед и прогнал старуху из дому. Старуха неизвестно куда ушла. Связал старик козу к столбу за веревку, сам пошел ножик в кузницу точить. Коза обрадовалась да в лес, в зайкину избушку на печь.

Пришел зайко: «Хто-хто в зайкиной избушке?» Коза отвечае: «Я коза дереза, полбока облуплено, за <три> гроша куплено, топы-топы ногами, заколю тебя рогами». Заец убежал со страху со своей избушки.

Коза стала жить-поживать, добра наживать, и сейчас живёт.

11. Соломенны дворцы

Жили-были старик да старуха. У их было двоё робят, да три овцы было, дви коровы, дви лошади. Поводился к ним волк. Идёт и наговариват: «Соломенны хлевцы, соломенны дворцы, что во этых во хлевцах, во этых дворцах живе? Баба да мужик, сын да дочи, дви овцы, две лошади, дви коровы. Подавай, старик, старуху».

Жалко показалось старику старуху дать, он взял да кинул две овцы наместо старухи. Волк их и съел. И опять идёт: «Солом<енные> дворцы, солом<енные> хлевцы, что во этых во дворцах, что во этых во хлевцах живе? Баба да мужик, [сын да дочи, две лошади, дви коровы]. Подавай, старик, старуху».

Старику жалко старухи, бросил дви коровы. Волк съел и опять идёт: «Соломенны [дворцы, соломенны хлевцы, что во этых во дворцах, что во этых во хлевцах живе? Баба да мужик, сын да дочи, две лошеди. Подавай, старик, старуху]». Старик бросил двух коней. Волк пока ел, оны и переселилися на другой край деревни и теперь живут.

12. Лопоток

Жили-были старик да старуха. Старуха и говорит: «Сплети-ко, старик, лопоток, я пойду наживатця». Старик сплёл, она и пошла. Стар<уха> пришла в деревню, зашла в избу: «Пустите-ко начевать». Ей и спустили. Она ска: «Лопотка-то некуда клась». — «Клади с лопоткам». — «Нет, замешаетця, мой лопоток живёт с кошечкой». Положила с кошечкам. Утром выстала и говорит: «Где моя кошечка?» — «Да ведь у тебя был лопоток?» — «Нет, кошечка». И взяла кошечку. И пошла дальше.

Пришла в чужу деревню и даваетця к ночи у одного хозяина. «Где кошечка клась?» — «Клади с кошечкам». — «Моя кошечка живёт с курочкам». С курочкам и положила. Утром вставае и говорит: «Где моя курочка?» — «У тебя была кошечка?» — «Нет, курочка». Курочку взяла и опять пошла.

Шла, шла, шла, пришла в село третье. Давалася, давалася — нехто не спустил, и сичас не может квартиру натти.

13. Журав да цапля

Журав да цапля жили на болоте: журав жил на краю, а цапля на другом. Журав думал жениться на цапле. Журав пришел к цапле, прихлёпал: «Что, цапля, пойдёшь ли за меня взамуж?» А она и говорит: «Ступай-ко, долговязой черт! Сам-то голодом ходишь, да еще меня ладит взять». Журав и ушел.

Цапля роздумалася: «Чего это я не пошла? Одной мне этта жить?» И дунула к жураву. «Что, — ска, — журав, возьмёшь ли меня взамужь?» Ён и говорит: «Ступай, короткодырая». Она и ушла.

Он роздумался: «Чего мне одному тут жить?» И опять туды пошлёпал. Приходит к цапле: «Что, цапля, пойдёшь ли за меня взамуж?» Ена говорит: «Ступай, долговязой, сам голодом ходишь, убирась!» Ён и ушёл. И живёт.

Цапля опять роздумалась: «А чего этта мне — одна буду жить, пойду за журава взамуж».

14. Иван Бабкин

Жили-были старуха и сын Иван. Оны жили бедно, у них не было хлеба нечó. Иван где-то смыслил петачок денёг и говорит: «Мамка, насуши сухарей, я пойду в город гулять». Мать насушила, и пошел в город.

Идёт — везут кота убивать. Ён спрашивает: «Куды кота?» — «Убивать». — «Продайте мне». — «Купи». — «Сколько?» — «Петачок». — «На». Деньги дал, кота повёз (*на веревке, пешком*). Привёз домой, клал на двор, в хлев. Пришел в избу и говорит: «Мамка, животину купил». — «Каку ж?» — «Кота». — «Чим ты будёшь кормить?» — «Кладу в хлев, пусть сидит». Опять где-то роздобылся петачком. «Мамка, суши сухарей, я пойду в город гулять». Мать насушила в мешок, и пошел опять.

Идёт, по дороге кобеля везут убивать. «Куды кобеля?» — «Убивать». — «Продайте мне». — «Купи». — «Сколько?» — «Петачок». Дал петачок, кобеля на верёвочке повел домой, в хлев клал. «Мамка, животинку купил». — «Каку?» — «Кобеля». — «Чим будёшь кормить?» — «Кладу в хлев, пусть сидит». Опять где-то роздобылса деньгам, петачком. Мать сухарей насушила.

Идёт по дороге, везут змею убивать. «Куды змею?» — «Убивать». — «Продайте мне». — «Купи». — «Сколько?» — «Петачок». Деньги отдал, взял на верёвку и повёл домой. Клал на двор, говорит матери: «Я, мама, животинку купил». — «Каку?» — «Змею». — «Ой ты, глупой, глупой! Нашто ты купил? Чем ты будёшь кормить?» — «В хлев кладу, пусть сидит».

Пообедал, выстал и пошел. И слухае на дворе, что там в хлеву и розговаривают. Змея спрашиват: «Кот, чем ты будёшь помогать хозяину? От смерти спас». Кот говорит: «Будёт хозяин богатой, я буду лáбазы караулить, мышей ловить, чтобы они мешки не трепали». Змея говорит: «Кобель, ты чем будёшь хозяину помогать?» Кобель говорит: «Хозяин будёт богатой, я буду лаеть, в лабаз воров не пускать». Кобель спрашиват: «Ты что, змея, будёшь? Как его спасёшь?» Змея говорит: «Свёз бы меня хозяин домой, от меня бы стал богатой». Ванюшка пришел домой: «Мамка, сухарей суши, я змею повезу». Мать говорит: «Куды ты повезёшь змею?» — «Куды пойдёт, туды я взаде». Мать насушила сухарей, он в мешок — и пошел. Спустил змею: она вперёд, он сзаде. Шли, шли, пришли к норы. Змея и говорит: «Смотри, Ванька, я вперёд, а ты сзаде иди. Придём к старику, он тибе золота, всего, ты ничего не зимай, проси из-за правой щеки перстень».Пришли в нору, там старик ему всего: золота, серебра, а Ив<ан> говорит: «Ничего не надо, дай из-за правой щеки перстень». Старик говорит: «Посторонись». Этот Ванюшка посторонился, старик выхоркнул из-за правой щеки перстень. Ванюшка взял перстень, змея повела его обратно с норы. Ванюшка думаёт: «Начто перстень мни? Взять бы лучше золото и серебро». И вальнул с руки на руку перстень. Выско-

чило несколько молодцов: «Что, Иван Бабкин, прикажошь делать?» — «Прикажу достать тройку коней, всяких закусок, вина, — всего». Тройка коней появилась, вино, закуски, всё. Напилса пьяной и еде домой. Понаехал домой пьяной, перстень потерял. Приехал домой так, как и раньше был, бедной.

Марков Володя

15. Глиняный паренёк

Мужик да баба сделали паренька из глины и поставили в печь. Вышол паренёк из печи и съел мужика да бабу. Пошел, встречу ему разные люди, звери и целая артель косцов. Он всех приел.

Идёт, увидела его коза. Розбежалась с горы да как боднула его пó брюху — глин<яный> паренёк и россыпался. Все живые из его и вышли. И пошли: мужик да баба, звери, артель косцов.

16. Лягушечье, мышье и рачье царство

Жил-был один мужичок, у его был сын Иван. Отец его ходил по лесу, бил зверя и птицу. Вот отец помер, оставил всю принадлежность [сыну]: ружье и собаку. Иван не полéсовалса: не бил зверьё и ружьё продал, а собаку оставил. Нанялся Иван в роботники, посулили ему мешок песку сахарьнёго. Ив<ан> жил, житьё было плохоё, он взял и вышол от хозяев. Ему дали мешок песку, вместо сахарьнёго дали озерного, вот по берегам-то. Вот Ив<ан> идёт, видит: горит огонёк, сидит у огня девица, плачёт, огня не можот погасить. И говорит: «Доброй человек, затуши этот огонь. Что хошь отдам за это, отдам с левой руки с мезинца золотой перстень». Вот Ив<ан> песком огонь и затушил. Девица говорит: «Иди в девятоё царство. Там есть большой камень, заходи под этот камень, там живёт мой отец».

Ив<ан> и пошел. Девица хлопнулась об землю, сделалась змеёй и бросилась ему на грудь. Вот и пошли в <девято>е царство под большой камень. Приходят к отцу-батюшку, к царю. И змея говорит: «Папа, отдай моё маленькое колечко этому человеку». Царь ему колечко и дал. Ена скочила с груди, хлопнулась об землю и стала прекрасной девицой и говорит: «Я пойду за этого человека взамуж». Вот они стали делать свадьбу. Перевернул Ив<ан> колечко на леву сторону, пришло к нему триста палачей. Он наказыват им: «Сделайте на <тысячу> верст хрустальной мост». Мост сделали и стали свáдьбовать. Они приехали к венцу, яблони у церквей расцветали, а когда вышли от венца, яблоки уже поспели. Вот они вышли, угощались гости этыми яблоками и поехали к Ив<ану> свадьбовать. Ив<ан> перевернул колечко на леву сторону и стал у его дом — царской дворец. Вот приехали и стали свадьбовать.

А эта невеста взяла у него колечко, перевернула на леву сторону и гов<орит>: «Чтобы этот мост рухнулса, а церкви чтобы погибли, и яблоки чтобы повяли, и чтобы меня увело ветром к отцу-батюшку, а Ивана чтобы подняли в железны столпы и заковали». Так все и сделалось. Его заковали в столпы и ён стал роздумовать, как бы достать это колечко. У его была собака и кот, он им приказал приготовить пищи на год и идти искать колечко. Пришли, видят лягушие

царство. Они и стали с краю ись лягушок. Лягушки некоторые не знают, где это колечко. Вот оны пошли дальше. Приходят в мышье царство и давай с краю ись мышей. Мышь один навернулса маленькой, усы большие, хвост длинной, говорит: «Я знаю, где это колечко, могу натти». Кот и собака отправили этого мыша искать это колечко. Вот мышь и побежал. Приходит в царской дом и дожидается, когда лягёт эта девица спать. Вот легла эта дев<ица> спать, а колечко клала в рот. Мышь набежал и начел в носу шевелить хвостом. Девица чихнула, а колечко улетело у ей с рота. Мышь колечко взял и побежал. Прибежал к собаке и коту, дал им колечко. Кот колечко у собаки вырвал и пошли попадать к Ивану.

Попадая им синёё моря, они поплыли. Собака поплыла, кот сел собаке на спину. Откуль не возьмись чёрной ворон и начел долбить коту в голову. Кот оскалил зубы, и колечко улетело в моря. Они переплыли через моря и пошли к Ивану и видят царство раков. Вот они начели в краю ись раков. Один рак вывернулся и говорит: «Я знаю, куда колечко упало и кака́ рыбина хватила». Они этого рака отправили в морё. Он поплыл в морё искать рыбину, пригнал рыбину на берег. И стала собака да кот эту рыбину ись. Кот начел ись брюшину, а собака ела с головы (*кот похитрее дак*). Кот хватил колечко и побежал, и собака погналась сзади. Забежал кот в деревинину, а собака не може его достать. Лает собака целую ночь, потом с котом помирилися и пошли вместях, понесли Ив<ану> колечко, он розвернул на леву сторону, вырвался из этого столба и стал жить по-прежнему.

17. Про попа и роботника Фому

Жил-был поп с попадъёй. Роботы у их было много, поп и говорит: «Матка, надо, — ска, — роботника нанять». Попадья говорит: «Нужно нанять, — ска, — роботника». Вот попадья и говорит: «Батько, только Фомы не нанимай, Фомы — имя не люблю». Поп поехал, попадается ему навстречу здоровой парень. «Здорово, батько, куды отправился?» — «Роботника наживать». — «Возьми меня, сряди моя цену». Поп и говорит: «А как тебя звать?» — «Фомой». — «Матка не велела Фомы-то нанять. Я, — ска, — откажусь от тебя». А ён и говорит: «Батько, не поеждяй, у нас в деревне всё Фомы». Поп и поехал дальше. Фома побежал лесом его опередить. Обежал попа, попадается ему опять встречу. «Здорово, батька». — «Не покажошь ли мне, — ска, — роботника?» Он ска: «Возьми меня». — «Как тебя звать?» — «Фомой». — «Матка мне не велела Фомы нанимать. Ну ладно, давай, — ска, — найму — всё Фомы у вас в деревне». Фома гов<орит>: «Только, батько, не сердитця, если я что тебе сделаю или ты мне». Поп говорит: «Ладно, не буду сердитця». И повёз Фому. Попадья и спрашивае: «Как зовут?» Поп говорит: «Фомой». — «Я не велела наживать Фому, ну да ладно, — ска, — сойдёт».

Вот отправили Фому орать. И отправили с ним собаку. Поп и говорит: «Вот, — ска, — Фома, пока собака не пойдёт домой, дак ты всё ори́». Доорал тот-то день, собака пошла и он поехал. На <второ>й день его отправили и собаку с ним. Ён орёт день, собака нейдёт домой. Он возьмёт палку и даёт собаке, чтобы бежала домой, а сам на лошедь и тоже домой. Больше поп не отправляет его орать: рано приехал

домой. На <трети>й день отправил его волов пасти. Он пас день, да собака не пошла, он и вола убил. Поп собрал мирян и говорят: «Куда мне этого Фому девать?» А миряна ему и гов<орят>: «Отправь: за <шесть> в<ерст> есть остров, там есть медведь, лежит, не допускаёт. Отправь его на остров вместо коровы». Поп его и отправил на остров, будто за коровой. Ф<ома> пошел и зашел в кузницу, сковал молот и цепь и пошел за коровой. Приходит, вместо коровы спит медведь. Ф<ома> ударил его по́ боку молотом. Медв<едь> скочил и гов<орит>: «Не бей меня, я с тобой пойду». Ф<ома> клал ему цепь в рот и повёз. Приводит домой и спраш<ивает> у попадьи: «Куда, матушка, коровушку зопереть?» Она ска: «Запри к коровушки, а сам иди чай пить». Вдруг рев на дворе пошел, прибежали в конюшну — мед<ведь> съел корову. Попу велено не сердитца. Поп и отправил его молоть ржи на мельницу, чтоб там съел мельничной хозяин, склал его под жорнов. Приходит Ф<ома> к мельнице, ударил молотом в ворота, оттуль выход<ит> хозяин мельн<ичной> и гов<орит>: «Ты тише бей, ты чего пришел?» Ф<ома> ударил хоз<яина> по боку молотом, хоз<яин> крыкнул: «Не бей меня, я с тобой пойду». Вот смолол Ф<ома> рожь и пошли. Приходят домой. Фома запер мельн<ичного> хозяина в конюшну к медведю, пришел домой, а попадья и говорит: «Что худую муку смолол?» Фома пошел в конюшну, привёз оттуль самого хозяина: «Ешь на месте попадью — чего она говорит. Сам хозяин муку молол». Хозяин попадью съел. Поп собрал мирян: «Куда бы этого Фому мне девать?» Мир<яне> говорят: «Отправь его в лес дрова сечь, там хозяин лесовой его съест». Поп и отправил Фому: «Насеки, Фомушка, дров печь затопить». Вот Фома и отправилса. Приходит в лес и крыкнул медведя и мельн<ичного> хозяина. Они к нему пришли. Фома и гов<орит>: «Медведь и мельн<ичной> хозяин, возьмите, треплите сколько можите». Они стали его трепать, чёрт говорит: «Не треплите меня, я с вами пойду». Вот оны стали рвать лес с кореньями. Нарвали лесу много, склали в кучу и запреглись: медведь, мельн<ичной> хозяин и сам чёрт, и повезли лес в деревню к попу. Задело корнем у этих мирян изба, избу повернуло кверху дном. Поп взглянёт в окошко, так и обомрёт.

КОММЕНТАРИИ

Сенькин Коля, 5 лет

1. **Кот, петух и лиса**. СУС 61 В.[1] Зап. 21.VII.1928 г.

Подробно и хорошо рассказанный сюжет одноименной сказки. В СУС сюжет учтен в 49 русских, 11 украинских и 8 белорусских записях. В АТ[2] зафиксированы сербохорватские, литовские и лопарские варианты. Известны также эстонские, мордовские и чешские сказочные материалы. Сказка популярна на Русском Севере.

---

[1] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. Здесь и далее: СУС.

[2] The types of the folktale. A classification and bibliography/Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by Stith Thompson. 2 — revesion. Helsinki, 1964. Здесь и далее: АТ.

Имена детей лисы встречаются нечасто и всегда варьируются. В настоящем варианте сыновья лисы — Малафей и Дорофей, а также кукла Пана́кла.

Карачева Надя, 9 лет

2. **Старик да старуха**. СУС 1, 2. Зап. 29.VII.1928 г.

Традиционная контаминация сказок о животных: «Лиса крадет рыбу с воза (саней)» и «Волк у проруби». Тип 1 зарегистрирован в СУС в 31 русском, 17 украинских и 7 белорусских вариантах. Тип 2 учтен в 28 русских, 13 украинских и 10 белорусских записях. Подобное объединение сюжетов характерно и для северной традиции. Особенностью данного варианта служит схематическое воспроизведение классических сюжетов и своеобразное «бытовое» завершение сказки: «Старик приехал, говорит: „Старуха, рыбы привёз да на воротник привёз. Мужики, идите, рыбы дам". Мужики с безменом пришли, погледели — рыбы нету. Стали его дуть: „Чого омманул, теперь, тебя отдуём"».

Подобная сказочная контаминация связана с басней Федра «Лисица и волк» (I в. н. э.), которая в IV в. была переложена латинской прозой, а в XI—XII вв. переводилась на ряд европейских языков. Русские литературные обработки принадлежат В. И. Далю, Г. П. Данилевскому, А. Н. Толстому.

3. **Подмороза.** СУС 480=АА 480ˣВ. Зап. 29.VII.1928 г.

Вариант международного сказочного типа о мачехе и падчерице, не разделенный в АТ 480 на версии. В СУС настоящий подтип сюжета учтен в 40 русских, 30 украинских и 11 белорусских вариантах. Сюжет о Морозке широко распространен на Севере. Для поморских вариантов характерен оригинальный мотив о том, как мачеха, собирая падчерицу в лес, дает ей вместо муки пепел, вместо соли — песок и пр. Версия о Морозке, который испытывает и награждает девушку, зафиксирована также у латышей.

В публикуемом варианте сюжет о мачехе и падчерице своеобразно интерпретирован девочкой-рассказчицей. Мачеха заменена «Костяной ногой» — в восприятии ребенка, очевидно, показатель степени злобности. Испытание и награждение (или погибель) падчерицы и родной дочери сохранена. Конец сказки оригинален: замерзшую дочь старик привозит из леса, «Кост<яная> нога скаже: „Запехай в печь, ёна пускай ростае". Старик в печь затолкал, ёна (*баба*) стала плакать, она ростаела, не ожила. Кост<яная> нога скаже: „Дави топерь свою дочерь". Старик скаже: „Я своей не задавлю, тебя задавлю". Баба ушла да у их избу зажгла».

Формирование восточнославянских сказок о Морозке связано с их взаимодействием с быличками и легендарными рассказами. История сюжета связана со средневековыми сборниками «Gesta Romanorum» и с «Пентамероном» Базиле. Сказочный тип 480ˣВ нашел свое отражение в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос», в пересказах В. Ф. Одоевского и других писателей. Литературные обработки сюжета: «Двенадцать месяцев» Божены Немцовой (1854), одноименная «Сказка для чтения и представления» С. Я. Маршака (1942).

Павшукова Катя, 9 лет

4. **Дочь и падчерица.** СУС—480ˣ=АА 480А. Зап. 3.VII.1928 г.

В настоящем варианте сказочного сюжета «Мачеха и падчерица» отсутствуют мотивы о том, как девушка по дороге к дому колдуньи выполняет определенную работу (трясет яблоню, доит корову и пр.). Здесь героиня сразу попадает в дом бабы-Яги (моет ее гадов, за что и награждается). Дочь по традиции плохо выполняет работу — в наказание ее сжигают. С точки зрения изучения детского сознания интересны поясняющие уточнения исполнителя: «Девушка положила их (гадов) в корзиночку желтенькую на клеточках (*клеточками из драни*), в баенку понесла,

вымыла, в корзиночку склала, досчечкой прикрыла (*скочат да клюнут!*) и домой принесла...».

5. **Рак-рыбина.** СУС 433 В. Зап. 8.VII.1928 г.

Сюжет «Царевич-рак» (змея). В СУС русские варианты не отмечены. Сюжет учтен в 8 украинских записях. Начальные мотивы сказки (женщина рождает сына-рака; девушка освобождает его от чар) в настоящем варианте отсутствуют. Традиционное сказочное утроение (три купленных ночи) не соблюдается. Волшебная сказка в исполнении Кати Павшуковой по ходу изложения все время переводится в бытовой план: баба-Яга сидит «в избушке на веретёной пятке» и чай пьет. После того как героиня съела просвиры, лапти сносила и железные дубины раскрошила, она находит мужа в ином царстве, где он живет с Марьей-царевной. Вот как передает девочка встречу двух жен. Законная супруга говорит Марье: «„Уходи, бледища, от моего мужика". Вдруг оне розодралися. Мужик вышел, самовар налил и согрел и со своёй бабой стал чай пить. Мария пошла за отцом. Отец пришел, самовар взял да и вверёх унёс. Мужик со за́столья выде, тройку коней со двора возьмёт и в тарантас запрегёт. „Одявайся, жона, поедём домой". Взяли они у царя <четыре> перины, <две> подушки и поехали домой».

Тимохин Федя, 9 лет

«Учится в первом классе в Сяргозере» (Примеч. Ончукова).

6. **Репка. Звери плакальщики.** СУС 37, 1960G. Зап. 5.VII.1928 г.

В основе настоящей сказки — сюжет о лисе-няньке (плачее), учтенный в АТ у скандинавских и балтийских народов, а также у поляков, индийцев, китайцев, индонезийцев и африканцев. В СУС русских вариантов — 20, украинских — 3.

В отличие от традиционного сюжета, мертвую старуху съедают вместе приглашенные в плакальщики лиса и заяц. Сюжет о лисе-плачее традиционно для русского фольклора контаминирован с сюжетом «Горох до неба», который известен славянским и скандинавским народам, немцам, итальянцам, испанцам и фламандцам. Встречается он и у балканских народов. По данным СУС, русских вариантов 27, украинских 8, белорусских 14. Литературная обработка сюжета: Шергин Б.«Лиса плачея или низвержение долу»//Пионер. 1936.

7. **Про жернова.** СУС 715А=АА 715. Зап. 5.VII.1928 г.

Хорошо разработанный сюжет «Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы». В СУС учтен в 33 русских, 8 украинских и 8 белорусских вариантах. В большинстве восточнославянских сказок петуха по приказу барина бросают в воду, в печь, затем жарят и съедают. (Здесь — бросают к жеребятам, в раскаленную баню и, наконец, съедают.) Петух всегда возрождается, забирает жерновок и возвращается к брату и сестре. Песенные вставки, характерные для этого сюжета, в настоящей сказке сохранены. «Сказки этого типа распространены во всех частях света, но неравномерно: они не отмечены, например, в чешских и словацких сборниках. В отличие от характерных для западноевропейского фольклорного материала волшебных сказок о петухе-великане, проглатывающем на своем пути разбойника, лиса, льва, огонь и т. п. (такие варианты сюжета имеются в западноукраинском, западнобелорусском материале), восточнославянские сказки о петушке, отнявшем у барина украденные или захваченные тем у бедных старика и старухи чудесные жерновцы и проучившем жадного и надменного барина, в своем большинстве социально заострены, сатиричны. Русские народные сказки этого типа неоднократно издавались в литературно обработанном виде. Первая русская публикация: Ваненко И. Народные русские сказки и побаски. М., 1849. Кн. 2, № 1. — Афанасьев, 2.[3] С. 393—394.

---

[3] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 2. Здесь и далее: Афанасьев, 1, 2.

8. **Тоню тену.** Детская припевка. Зап. 5.VII.1928 г.

Смирнов Вася, 12 лет

9. **Колоколошны подолы.** СУС 555. Зап. 30.VII.1928 г.

Коротко, но колоритно рассказанный сюжет сказки «Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)». «Сюжет учтен в СУС в 26 русских <...>, 10 украинских и 3 белорусских вариантах. Образ чудесного исполнителя всех желаний встречается во многих памятниках фольклора и литературы древнего Востока. Только в тех восточнославянских сказках, которые близко соответствуют пушкинской, главным действующим лицом является золотая рыбка, как в западноевропейских, и, в частности, в сказке сборника бр. Гримм, творчески использованной Пушкиным, может быть, наряду с русскими. Описания волшебных превращений в сказке „Золотая рыбка" лишены ряда подробностей, известных по сказке Пушкина <...> Исследования: Майков Л. Н. Сказка о рыбаке и рыбке и ее источники//ЖМНП. 1892, май. С. 146—157; Rommel M. Fon dem Ficher und seinen Frau. Karlsruhe, 1935; Азадовский М. К. Литература и фольклор. М., 1938. С. 65—75; Волков Р. М. Народные истоки поэмы-сказки „Руслан и Людмила"//Учен. зап. Черновицкого гос. ун-та. 1955. Т. 14, вып. 2. С. 136—154; Евсеев В. Я. Карельские варианты пушкинских сказок//Известия Карело-финского филиала АН. Петрозаводск, 1949. № 3. С. 75—88; Токарева Е. И. Народные варианты „Сказки о рыбаке и рыбке" А. С. Пушкина//Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972. С. 3—130; Пропп В. Я. Кумулятивная сказка//Фольклор и действительность. М., 1976. С. 252—253.[4] По мотивам гриммовской сказки и ее лубочной шведской переделки созданы оперы: „Изебилл" Клозеса (1903) и „Рыбак и его жена" Шоецкса (1930)».[5] Детский балет «Сказка о рыбаке и рыбке» (композитор В. Бояшов, балетмейстеры И. Сафонова, В. Иванов), 1983 г.

10. **Козонька.** СУС 2I2=К 2015. Зап. 30.VI.1928 г.

Сюжет «Коза луплена», учтенный в СУС в 30 русских, 27 украинских и 9 белорусских вариантах. Сказка в изложении В. Смирнова схематична, без троекратных повторов и мотивировок, с алогичными переходами: старик прогоняет старуху из дома за то, что она плохо пасла козу, и тут же идет точить нож, чтобы козу зарезать. Коза почему-то обрадовалась и в лес убежала. Выгнав зайца из избушки, она мирно живет-поживает. В отличие от большинства восточнославянских сказок данного сюжета, здесь отсутствует мотив о том, как разные животные помогают выгнать козу из избушки.

«Характерной особенностью восточнославянских вариантов сюжета о лупленной козе являются стилистические формулы, которыми коза дает сама себе характеристики («Я — коза рухлена, половина бока луплена...») и другие (например, формула: «Летела через мосток, схватила кленовый листок»)» — Афанасьев, 1. С. 452. Исследования: Пропп. Кум. сказка. С. 253—254.

11. **Соломенны дворцы**. СУС 163. Зап. 30.VI.1928 г.

Сказочный сюжет «Пение волка». В СУС учтен в 31 русской записи. Хорошо известен и на Украине, и в Белоруссии. При традиционном развитии сюжета волк требует одно животное за другим и только потом пытается съесть старуху или внучку. В сказке В. Смирнова ему нужна старуха. На обмен старик отдает волку животных и, пока тот ест, переселяется со старухой на другой край деревни.

12. **Лапоток.** СУС 170. Зап. 30.VI.1928 г.

---

[4] Далее: Пропп. Кум. сказка.

[5] Афанасьев, 1. С. 455—456.

Сюжет «За скалочку — гусочку» зафиксирован в АТ в русских, украинских, турецких и балтских вариантах. Учтена и одна вест-индская (негритянская) сказка. В СУС сюжет известен в 19 русских и 7 украинских записях. В отличие от традиционного сюжета, где лиса требует за скалочку, гусочку, овечку и т. д., в настоящем варианте цепочка состоит всего из двух звеньев: старуха за лапоток получает кошечку, а за кошечку курочку. Как и предыдущую, Вася Смирнов завершает данную сказку вполне бытовым образом: никто не хочет больше пускать старуху к себе ночевать, она «и сичас не может квартиру натти». Примеч. Ончукова в рукописи: В. Смирнов сам сознался, что сказку «знает плохо, не всю».

Исследование сюжета: Лойтер С. М. К вопросу о современном состоянии традиционной сказки//Вопросы историзма и художественного мастерства: Межвузовский сб. Л., 1976. С. 8—12.

13. **Журав и цапля**. СУС 244 A^x=AA^x 244 I. Зап. 30.VI.1928 г.

Вариант редкого для русской традиции сказочного сюжета: «Журавль (аист) и цапля». В СУС учтен в 1 русском, 4 украинских и 1 белорусском вариантах.

Журавль и цапля поочередно ходят друг к другу с предложением жениться (выйти замуж) и всякий раз получают очередной отказ. Сказка построена по принципу докучных — СУС 2020. Примеч. Ончукова в рукописи: исполнитель не знал, как кончить сказку.

14. **Иван Бабкин.** СУС 560. Зап. 30.VI.1928 г.

Начало сказки «Волшебное кольцо». Сюжет «Волшебное кольцо» учтен в СУС в 55 русских, 28 украинских и 12 белорусских вариантах. Истоки данного сюжета восходят к древнему индийскому сборнику «Двадцать пять рассказов» Веталы (рассказ 8); параллели имеются в тибетском сборнике «Игра Веталы с человеком» и в монголо-ойратском сборнике «Волшебный мертвец». Первые европейские публикации относятся к XVII в. («Пентамерон» Базиле). Лубочные переделки многократно издавались в России (например, «Сказка об Иване, купеческом сыне» лубочной книги «Деревенская забавная старушка». М., 1804).

В настоящем варианте завязка сюжета традиционна: Иван последовательно покупает кота, собаку и змею, которых везли убивать, и звери помогают ему добыть волшебный перстень. В отличие от классической формы сюжета, в настоящем варианте нет истории с похищением кольца. Конец сказки сугубо бытовой: Иван Бабкин, получив с помощью волшебного перстня тройку лошадей, вино и закуски, напивается пьяным, теряет кольцо и возвращается домой таким же бедным, каким и был раньше. Примеч. Ончукова: конец скомкал, видимо, не знает.

Марков Володя, 12—13 лет[6]

15. **Глиняный паренек.** СУС 2028. Зап. 1.VII.1928 г.

Схематично рассказанный сюжет «Глиняный Иванушка (Пыхтелка)», учтенный в СУС в 21 русском варианте. Сюжет многократно записывался на Русском Севере.

16. **Лягушачье, мышье и рачье царство.** СУС (409 A^X); 560. Зап. 29.VI.1928 г.

Контаминация сюжетов: «Жена-змея» (Сказки Филиппа Павловича Господарева/Запись текста, вступ. статья и примеч. Н. В. Петрозаводск, 1941) и «Волшебное кольцо». Сюжет «Жена-змея», учтенный в СУС в 1 русской, 4 украинских и 2 белорусских записях, оригинально интерпретирован исполнителем. В сказке Господарева № 17 (единственный вариант для сравнения) герой вытаскивает из огня змею, она тут же превращается в прекрасную женщину и выходит замуж за своего

---

[6] В рукописи возраст мальчика указан по-разному — в одном случае 12 лет, в другом — 13.

избавителя. В настоящем варианте В. Маркова герой встречает плачущую девицу у огня. Она просит его затушить огонь, тот выполняет ее просьбу, и только тогда девица оборачивается змеей, и они вместе идут в «девятое царство под большой камень», где герой и получает волшебное кольцо и жену. О сюжете 560 см. коммент. к № 14.

17. **Про попа и работника Фому**. СУС 1000; 1003; 1004[xx]; 1007; 650 А. Зап. 29.VI.1928 г.

Контаминация сюжетов «Уговор не сердиться» и «Пахота с собакой». Сюжетный тип «Уговор не сердиться» зафиксирован в СУС в 33 русских, 31 украинском и 5 белорусских вариантах. В АТ он учтен в значительном числе европейских, турецких, индийских и индонезийских вариантах. Сюжет «Пахота с собакой» отмечен в СУС в 3 русских, 4 украинских и 3 белорусских вариантах.

В состав данной контаминации вошли еще сюжеты: «Медведь в упряжке» и «Иван — медвежье ушко». Работник проявляет необычайную силу, хозяин мечтает избавиться от него и посылает его на выполнение сложных задач. Сюжет об Иване — медвежьем ушке бытует в разных частях света. В СУС он учтен в 42 русских, 22 украинских и 13 белорусских вариантах. Старейшая русская обработка контаминированной сказки о герое, обладающем необыкновенной силой, и трех подземных царствах относится к XVIII в. (Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок/Издано для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. Ч. 1—3. М.: тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 1, № 10). Литературная обработка: Платонов А. Сказка «Иван-чудо»//Волшебное кольцо. М., 1950). Сюжет «Медведь в упряжке» весьма редкий — в СУС он зарегистрирован в 1 русской и 1 белорусской записях. В отличие от этих двух вариантов, в настоящей сказке в повозку впрягаются одновременно медведь, мельничный хозяин и черт. В целом контаминированный сюжет разработан в общерусской традиции.

III. БИБЛИОГРАФИЯ

Т. Г. ИВАНОВА

ВОПРОСЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «Slavia» (1922—1940)

(Материалы к библиографии)

Одной из насущных задач фольклорной библиографии является учет материалов по русскому устно-поэтическому творчеству, опубликованных за рубежом. Настоящая библиографическая подборка представляет первый опыт разысканий подобного рода.

Журнал «Slavia» был организован в Праге в 1922 г. Один из его основателей, М. Мурко (1861—1952), видный славист, специалист по сравнительному литературоведению и фольклористике, выпускник Венского университета, в течение двух лет стажировавшийся в России (1887—1889) у А. Н. Веселовского и А. Н. Пыпина, словенец по национальности, в 1920 г. стал профессором языка и литературы южных славян в Пражском университете.[1] Благодаря его авторитету и энергии, а также усилиям его коллеги, другого профессора Пражского университета, лингвиста О. Хуера (1880—1942),[2] и был создан новый славистический орган. «Slavia» ставила себе целью освещение проблем славянских языков, литератур, фольклора и искусства. Журнал с самого начала был задуман как интернациональный орган. Здесь

---

[1] О М. Мурко см.: С-в Н. Мурко Матвей Мартынович//Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 20, кн. 39. С. 213; Мурко//Новый энциклопедический словарь. Пг., [1916]. Т. 27. Стб. 525; Pata J. Prof. dr. Matyas Murko. [Praha], 1931; Kudělka M., Šimeček Z. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanskych národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovnik. [Praha], 1972. S. 324—327. См. также библиографию работ М. Мурко, подготовленную сотрудницей Библиотеки Академии наук А. Д. Александровой (рукопись хранится в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки). (Шифр БАН: С 011П/Мурко М. М).

[2] Kudělka M., Šimeček Z. Československé práce o jazyce... S. 175—176.

публиковались статьи чешских, русских, югославских, болгарских, польских, французских, немецких авторов. Работы печатались на всех перечисленных языках. Редакция журнала внимательно следила за развитием мировой славистики и откликалась многочисленными рецензиями на труды ученых разных стран. С 1922 по 1940 г. было выпущено в свет 17 томов «Slavia» (по четыре выпуска в каждом томе). Вторая мировая война прервала издание, и оно возобновилось лишь в 1947 г. Издание это продолжается и по настоящее время.

Для русской филологии особенно интересен и значителен довоенный период существования «Slavia». В 1920—1930 гг. этот орган охотно предоставлял свои страницы русским ученым, оказавшимся после революции в эмиграции. И надо отметить, что порой они становились ведущими авторами журнала, определявшими его лицо. Здесь печатались Е. В. Аничков, Н. Н. Дурново, Е. А. Ляцкий, А. Д. Григорьев и мн. др. В то же время «Slavia» имела постоянные контакты с советскими филологами, что особенно было характерно для 1920-х—начала 1930-х гг. Так, в «Slavia» этого времени мы встретим имена Д. К. Зеленина, В. Н. Перетца, О. Э. Озаровской, М. К. Азадовского, А. И. Никифорова и других исследователей, работавших в Советском Союзе.

Настоящая публикация представляет собой опыт фронтального просмотра зарубежного периодического органа на предмет выявления работ, связанных с проблематикой русского фольклора и фольклористики. В предложенной библиографической подборке учтены как статьи по русскому фольклору, так и рецензии на советские и зарубежные фольклористические труды. Материал расположен в хронологическом порядке. В квадратных скобках дан перевод названий работ, публиковавшихся на иностранных языках. В необходимых случаях после библиографического описания дается краткая аннотация. Указатель завершается именным и жанрово-тематическим индексами.

Перечень публикаций

Ročník 1

1. **Аничков Е. В.** Александр Веселовский. 1838—1906//1922. St. 2—3. S. 302—315; 1922—1923. St. 4. S. 524—551.

2. **Якобсон Р. О., Богатырев П. Г.** Славянская филология в России за гг.1914—1921//1922. St. 2—3. S. 457—469.

Обзор литературы.

С. 460—463: Народная словесность и этнография; с. 463—467: Отражение фольклора в нов<ой> русс<кой> литературе; с. 467—468: Духовные стихи; с. 468—469: Лирические песни.

3. **jpa.** [Рец.] Кондаков Н. П. Мифическая сума с земной тягою (//Списание на Българската Академия на науките. София, 1921. Кн. 22. С. 53—66)//1922. St. 2—3. S. 465.

На чеш. яз.

Ročník 2

4. **Аничков Е. В.** Последние работы по славянским религиозным древностям//1923. St. 2—3. S. 527—547; 1924. St. 4. S. 705—778.

Обзор исследований: Niderle L. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturni. Život starých slovanů. Díl 1. sv. 2 a 3; díl 2. sv. 1; díl 3. Praha, 1912—1921 [Славянские древности. Культура. Жизнь древних славян]; Brückner A.

Mitologja słowiańska. Krakow, 1918 [Славянская мифология]; Jagič V. Zur slavischen Mythologie//Archiv für slavische Philologie. 1920. Bd 37 [К вопросу о славянской мифологии]; Mansikka V. Die Religion der Ostslaven. I. Quellen. Helsinki,1922 [Религия восточных славян].

5. **Сперанский М. Н.** Поп-разбойник Емеля//1924. St. 4. S. 655—659.

6. **Polívka J.** [Рец.] Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922//1923. St. 1. S. 181—182.

На чеш. яз.

7. **Veselý J.** [Рец.] Богатырев П. Г. Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин; Петербург, 1923//1923. St. 2—3. S. 552—554.

На чеш. яз.

Ročník 3

8. **Богатырев П. Г.** [Рец.] Афанасьев А. Н. Народные русские сказки и легенды. Берлин, 1922. Т. 1—2// 1924. St. 1. S. 189.

9. **Седельников А.** Эпическая традиция о Мануиле Комнине//1924—1925. St. 4. S. 606—618.

Анализ былины «Князь Роман и Марья Юрьевна».

Ročník 4

10. **А. Б.** Русская литература и язык на Съезде русских ученых в Праге//1925. St. 1. S. 194—198.

С. 195—196: изложение доклада С. Г. Вилинского «К вопросу о научном курсе народной поэзии» и дискуссии по нему.

11. **jpa.** [Рец.] Соколов Б. М. Сказители. М., 1924//1925. St. 2. S. 416.

На чеш. яз.

12. **Грушка А., Дурново Н. Н.** Федор Евгеньевич Корш: К десятилетию со дня его смерти (1.III.1915)//1925. St. 3. S. 623—628.

13. **Polívka J.** [Рец.] Серова М. М. Новгородские сказки. Л.; М., 1924//1926. St. 4. S. 834—836.

На чеш. яз.

14. **jpa.** [Рец.] Озаровская О. Э. Бабушкины старины. 2-е изд. М., 1922//1926. St. 4. S. 854—855.

На чеш. яз.

15. **jpa.** [Рец.] Федорченко С. З. Народ на войне. М., 1923//1926. St. 4. S. 855—856.

На чеш. яз.

В книге С. З. Федорченко стилизованы тексты песен, рассказов, изречений времен первой мировой и гражданской войн.

Ročník 5

16. **Седельников А.** Деятельность Общества истории литературы (Москва) в 1923—25 гг.//1926. St. 1. S. 187—190.

С. 187—188: изложение докладов по фольклору, прочитанных в Обществе.

17. **Бузук П.** [Рец.] Волков Р. М. Исследование о сказке. Одесса, 1924//1926. St. 1. S. 180—181.

18. **Перетц В. Н.** К вопросу о еврейско-русском литературном общении//1926. St. 2. S. 267—276.

Анализ христианских легенд — на материале древнерусской письменности с привлечением устных источников.

19. **Зеленин Д. К.** Женские головные уборы восточных (русских) славян//1926. St. 2. S. 303—338; 1927. St. 3. S. 535—556.

С привлечением материалов по обрядовому фольклору.

Ročník 6

20. **Седельников А.** Литературно-фольклорные этюды//1927. St. 1. S. 64—98.

С. 64—71: Псковские писцы XIV века и фольклор; с. 71—79: К поэтике стиха про нищую братию; с. 79—89: Стих «Похвала пустыне» по записям XVI века; с. 89—98: Об источниках Хутынского видения Тарасия Прохора.

21. **Аничкова Ел.** Происхождение пушкинской Сказки о царе Салтане//1927. St. 1. S. 99—119; St. 2—3. S. 335—351.

С. 99—103: Сказка о царе Салтане и гунно-монгольские рассказы о рождении Аттилы и Чингис-хана; с. 103—106: Сказка о царе Салтане и Тысяча и одна ночь; с. 107—113: Пушкинская сказка о царе Салтане и повесть Chaucer'a о Констанции; с. 113—119: Повесть о Констанции Chaucer'a и ее источники; с. 335—339: Был ли Пушкин знаком с Chaucer'om?; с. 338—339: Прозаическая запись Сказки о царе Салтане, изданная Анненковым под заголовком сказки Арины Родионовны; с. 339—347: Пушкинская Сказка о царе Салтане и русская народная сказка; с. 347—351: Пушкинская Сказка о царе Салтане в ряду западноевропейских вариантов на тему об «оклеветанной жене».

22. **Копецкий Л.** К изучению языка и стиля русской сказки//1927. St. 2—3. S. 281—307.

На материале сказок Абрама Новопольцева из сборника Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» (СПб., 1884).

23. **Ржига В. Ф.** Проблема стихосложения Слова о полку Игореве//1927. St. 2—3. S. 352—379.

Обзор точек зрения А. Х. Востокова, М. Максимовича, Ф. Е. Корша и других ученых. «Слово» и народная поэзия.

24. **Селищев А. М.** Заметки по великорусской диалектологии//1927. St. 2—3. S. 455—479.

С. 459, 477—479: анализ аканья на примере свадебной лирики.

25. **jpa.** [Рец.] Художественный фольклор. М., 1926//1927. St. 2—3. S. 622—624.

На чеш. яз.

26. **Moszyński K.** [Рец.] Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927 [Восточнославянская этнография]//1928. St. 4. S. 809—814.

На чеш. яз.

Ročník 7

27. **Соболевский А.** Заметки по славянской мифологии. По поводу труда проф. Л. Нидерле «Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturni». Díl 2, sv. 1. Praha, 1924 [Славянские древности. Культура]//1928. St. 1. S. 174—178.

28. **Озаровская О. Э.** Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.//1928. St. 2. S. 405—413.

29. **Богатырев П. Г.** К вопросу об этнологической географии//1928. St. 3. S. 600—611.

Метод картографирования в фольклористике и этнографии.

30. **Григорьев А. Д.** Мои воспоминания о записи кулойских былин//1929. St. 4. S. 980—983.

31. **Елеонская Е. Н.** Вредоносные заговоры: Три заговора из Сборника 17-го века//1929. St. 4. S. 934—939.

32. **Перетц В. Н.** «Клятва с землей» в частушке//1929. St. 4. S. 919—921.

Ročník 8

33. **Азадовский М. К.** Библиография сибирского фольклора. 1917—1926//1929. St. 1. S. 201—213.

Материал расположен по разделам: «Народный календарь», «Заговоры», «Колядки» и т. д. Учтены работы по русскому фольклору и устной поэзии коренных народов Сибири.

34. **Пушкаревич К.** Ф. Л. Челяковский в украинских переводах: (К истории чешско-украинского литературного обмена)//1929. St. 2. S. 289—296.

С. 293—294: о книге Ф. Л. Челяковского «Отголоски русских песен».

35. **Зеленин Д. К.** Русское «закуды́кать»: Этюд из социальной психологии языка//1929. St. 3. S. 493—502.

К толкованию идиоматических выражений типа «На кудыкину гору».

36. **Чернышев В. И.** Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен//1929. St. 3. S. 585—596.

37. **Дурново Н.** Академик Алексей Иванович Соболевский (род. 8 янв. 1857 г., ум. 25 мая 1929 г.)//1930. St. 4. S. 831—839.

Ročník 9

38. **Яворский Ю. А.** К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI-го века//1930. St. 1. S. 57—80; St. 2. S. 273—299.

С. 279—288: фольклорные основы «Повести о Петре и Февронии Муромских».

39. **Шелудько Д.** Об источниках драмы Блока «Роза и крест»//1930. St. 1. S. 103—138.

Средневековые французские поэмы как источник драмы. С. 120: французские народные песни, взятые из монографии Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» как источник драмы.

40. **Gavazzi M.** [Рец.] Bogatyrev P. Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpathique. Paris, 1929 [Магические обряды, ритуалы и верования в прикарпатской Руси]//1930. St. 3. S. 638—639.

На чеш. яз.

41. **Висковатая Я.** Разбор произведения Ю. Зейера «Alexej, člověk boží» [Алексей, человек Божий]//1930. St. 3. S. 537—557.

Анализ произведения чешского автора, написанного по мотивам русского духовного стиха.

Ročník 10

42. **Ржига В. Ф.** Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе//1931. St. 1. S. 40—66; St. 2. S. 288—315.

43. **Богатырев П. Г.** Б. М. Соколов//1931. St. 4. S. 838—845.

Даны «Список печатных работ»; «Подготовленные к печати труды»; «Список докладов с 1924 по 1928 г.».

44. **Копецкий Л.** [Рец.] Стрелков П. Г. Синтаксис пермских сказок (// Учен. зап. Пермского гос. ун-та. 1931. Вып. 2. Отд-ние обществ. наук. С. 1—60)//1931. St. 4. S. 846—847.

Статья П. Г. Стрелкова основана на материалах сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (Пг., 1914).

Ročník 11

45. **Чернышев В. И.** Заметки о русских песнях. I. Великорусские народные песни в собрании А. И. Соболевского. II. Песня об «Усах» в местном освещении. III. Великорусские песни в рукописях Н. В. Гоголя//1932. St. 1. S. 167—183.

46. **Polívka J.** [Рец.] Поп и мужик. Русские народные сказки/Под ред. Ю. М. Соколова. М.; Л., 1931//1932. St. 1. S. 183—184.

На чеш. яз.

47. **Перетц В. Н.** К истории древнерусской лирики («Стихи умиленные»)//1932. St. 3—4. S. 474—479.

К вопросу о русских духовных стихах.

Ročník 12

48. **Jirát V.** [Рец.] Studer E. Russisches in der Thidreksaga. P. Haupt, Bern, 1931 (Sprache und Dichtung, herausgegeben von Dr. H. Maync und Dr. S. Singer; Heft 46) [Русские элементы в саге о Тидреке]//1933. St. 1—2. S. 278—280.

На чеш. яз.

49. **Ржига В. Ф.** Слово о полку Игореве и древнерусское язычество//1933—1934. St. 3—4. S. 422—433.

50. **Смирнов-Кутаческий А. М.** Кадрильные песни: (По материалам фольклорно-краеведческих экскурсий 1926—1928)//1933—1934. St. 3—4. S. 465—480.

51. **Л[яцкий] Е.** [Рец.] Mazon A. Mikula, le prodigieux laboureur (// Revue des études slaves. Paris, 1931. T. 11, fasc. 3—4) [Микула, чудесный пахарь]//1933—1934. St. 3—4. S. 638.

Ročník 13

52. **Никифоров А. И.** Важнейшие стилевые линии в тексте северной русской сказки//1934. St. 1. S. 52—69.

53. **Чернышев В. И.** Заметки о русских песнях. 1. Народные песни о Стеньке Разине. 2. Песенные прелюдии в детских играх. 3. Русская песня в истории русской музыки//1934. St. 1. S. 126—147.

54. **Ляцкий Е.** Историческая песня и былина: (К вопросу о терминологии и опрощении сюжетов)//1935. St. 2—3. S. 328—344.

55. **Якобсон Р. О.** [Рец.] Штокмар М. П. Библиография работ по стихосложению. М., 1933//1935. St. 2—3. S. 416—431.

С. 423—424: проблемы русского народного стихосложения.

56. **Погодин А.** [Рец.] Ляцкий Е. Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция. Стиль. Прага, 1933; Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Leipzig, 1934 [Варяжские саги как источники древнерусских летописей]//1935. St. 2—3. S. 486—492.

Устные предания как основа древнерусских письменных произведений.

57. **Плетнев Р.** [Рец.] Viskovataja J. Ruské motivy v tvorbě Julia Zeyera. Praha, 1932 [Русские мотивы в творчестве Юлиана Зейера]//1935. St. 2—3. S. 503—508.

Использование сюжетов «Алексей, человек Божий», «Песня о Горе-Злочастии» и других в творчестве чешского писателя.

58. **Kuraszkiewicz W.** W sprawie końcówki 3 sg., pl. praes. -ti w gwarach białoruskich i północno-wielkoruskich [По поводу окончания «ти» 3 лица мн. числа настоящего времени в белорусских и северновеликорусских говорах]//1934—1935. St. 4. S. 690—698.

На польск. яз.

На материале песенной лирики.

59. **Колесса Ф.** [Рец.] Mersmann H. Grundlagen einer musikalischen Volksliedforschung. Leipzig, 1930 [Основы музыкального исследования песенного народного творчества]//1934—1935. St. 4. S. 735—741.

На укр. яз.

Проблемы исследования и систематизации мелодий народных песен.

Ročník 14

60. **Беркопец О.** Пушкинские переводы сербохорватских народных песен//1937. St. 3. S. 416—440.

61. **Францев В. А.** Две заметки. 1. К вопросу об источнике песни «Яныш-Королевич» [А. С. Пушкина]//1937. St. 3. S. 441—445.

Ročník 15

62. **Лапшин И. И.** Людвиг Куба — собиратель народных песен//1937. St. 1. S. 87—102.

С. 97—100: интерес чешского собирателя фольклора к русским народным песням.

63. **Ляцкий Е.** [Рец.] Mazon A. Les bylines russes (Extrait de la Revue des Cours et Conférences (30 mars 1932). Paris, 1932). [Русские былины]; Mazon A. Svjatogor ou Saint-Mont le geant (// Revue des études slaves. Paris, 1932. T. douziéme, fas. 3—4 [Святогор, или великан Святая гора]; Mazon A. Ilja de Murom dans l'épopee germanique (Extrait des Mélanges Jorga. Paris, 1933) [Илья Муромец в германском эпосе]; Krzyżanowski J. Byliny (Studium z dziejów rosyjskej epiki ludowej). Wilno, 1934 [Исследования из истории русского народного эпоса]//1937. St. 1. S. 115—119.

64. **Ляцкий Е.** [Рец.] Mahler E. Die russische Totenklage. Leipzig, 1936 [Русские плачи]; Русские плачи/Вступ. статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Л., 1937//1938. St. 4. S. 575—577.

Ročník 16

65. **Погодин А.** [Рец.] Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1. Песни детские, хороводные, обрядовые, заговоры, духовные стихи и др. Свадебный обряд. Причитания. Колядки и святочные игровые/Собр. И. Д. Фридрихом. Рига, 1936//1938. St. 1. S. 140—142.

66. **Андреев Н.** [Рец.] Ljackij E. Historisky přehled ruské literatury. Část I. Staré ruské pisemnictvi. Praha, 1937 [Исторический обзор русской литературы. Ч. 1. Древнерусская литература]//1939. St. 2—3. S. 384—387.

Книга Е. Ляцкого посвящена устной народной поэзии и древнерусской литературе.

67. **Бем А.** [Рец.] Neumann F. W. Geschichte der russischen Ballade. Königsberg; Berlin, 1937 [История русской баллады]//1939. St. 4. S. 609—611.

Книга Ф. В. Неймана посвящена изучению русской литературной баллады и ее связям с народным творчеством.

Ročník 17

68. **Jansen O.** Собака Калин царь: Светлой памяти Всеволода Федоровича Миллера//1939. St. 1—2. S. 82—98.

69. **Бем А.** Заметки о книгах по русской литературе//1939. St. 1—2. S. 313—315.

Реферат книг: Волжский фольклор/Сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. М., 1937; Русская баллада/Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Л., 1936.

70. **Мошин В.** Славянство, Русь и Византия в трудах Е. В. Аничкова (1866—1937)//1939. St. 1—2. S. 300—304.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

А. Б. — 10
Азадовский М. К. — 33
Андреев Н. П. — 66
Андреев Н. П. — 64
Аничков Е. В. — 1, 4
Аничков Е. В. — 39, 70
Аничкова Ел. — 21
Афанасьев А. Н. — 8

Бем А. — 67, 69
Беркопец О. — 60
Блок А. А. — 39
Богатырев П. Г. — 2, 8, 29, 43
Богатырев П. Г. — 7, 40
Бузук П. — 17

Веселовский А. Н. — 1
Вилинский С. Г. — 10
Виноградов Г. С. — 64
Висковатая Я. — 41
Висковатая Я. — 57
Волков Р. М. — 17
Востоков А. Х. — 23

Гоголь Н. В. — 45
Григорьев А. Д. — 30
Грушка А. — 12

Дурново Н. Н. — 12, 37

Елеонская Е. Н. — 31

Ермолай-Еразм — 38

Зейер Ю. — 41, 57
Зеленин Д. К. — 19, 35
Зеленин Д. К. — 26, 44

Кондаков Н. П. — 3
Колесса Ф. — 58
Копецкий Л. — 22, 44
Корш Ф. Е. — 12, 23
Крупянская В. Ю. — 69
Куба Л. — 62

Лапшин И. И. — 62
Ляцкий Е. А. — 51, 54, 63, 64
Ляцкий Е. А. — 56, 66

Максимович М. — 23
Миллер В. Ф. — 68
Мошин В. — 70

Нидерле Л. — 4, 27
Никифоров А. И. — 52
Новопольцев А. — 22

Озаровская О. Э. — 28
Озаровская О. Э. — 14

Перетц В. Н. — 18, 32, 47
Плетнев Р. — 57
Погодин А. — 56, 65

---

[1] Курсивом выделены имена лиц, о сочинениях или научных трудах которых идет речь в перечисленных статьях.

Пушкаревич К. — 34
Пушкин А. С. — 21, 36, 60, 61

Разин С. Т. — 53
Ржига В. Ф. — 23, 42, 49

Садовников Д. Н. — 22
Седельников А. — 9, 16, 20
Селищев А. М. — 24
Серова М. М. — 13
Сидельников В. М. — 69
Смирнов-Кутаческий А. М. — 50
Соболевский А. И. — 27
Соболевский А. И. — 37, 45
Соколов Б. М. — 11, 43
Соколов Ю. М. — 46
Сперанский М. Н. — 5
Стрелков П. Г. — 44

Трубецкой Е. — 6

Федорченко С. З. — 15
Францев В. А. — 61
Фридрих И. Д. — 65

Челаковский Ф. Л. — 34
Чернышев В. И. — 36, 45, 53
Чернышев В. И. — 69

Шелудько Д. — 39
Штокмар М. П. — 55

Яворский Ю. А. — 38
Якобсон Р. О. — 2, 55, 68

Bogatyrev P. см. Богатырев П. Г.
Brückner A. — 4

Chaucer — 21

Gavazzi M. — 40

Jagič V. — 4
Jansen O. см. Якобсон Р. О.
Jirát V. — 48
jpa см. Polivka J.

Krzyżanowski J. — 63
Kuraszkiewicz W. — 58

Ljackij E. см. Ляцкий Е.

Mahler E. — 64
Mansikka V. — 4
Maync H. — 48
Mazon A. — 51, 63
Mersmann H. — 59
Moszyński K. — 26

Neumann F. W. — 67
Niderle L. см. Нидерле Л.

Polívka J. — 3, 6, 11, 13—15, 25, 46

Singer S. — 48
Stender-Peterson A. — 56
Studer E. — 48

Veselý J. — 7
Viskovataja J. см. Висковатая Я.

Zelenin D. см. Зеленин Д. К.
Zeyer Ju. см. Зейер Ю.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Библиография — 33, 55
Былины — 3, 9, 14, 28, 30, 48, 51, 54, 63, 68
Детский фольклор — 53, 65
Духовные стихи — 20, 47
Заговоры — 31, 65
Исторические песни — 5, 53, 54
Легенды — 18
Литература и фольклор — 21, 23, 34, 36, 38, 39, 41, 42, 49, 56, 57, 60, 61, 67
Народный театр — 7
Обрядовый фольклор — 19, 24, 40, 65
Персоналия — 1, 12, 37, 43, 70
Песни — 15, 45, 50, 53, 58, 59, 62, 65
Пословицы — 15, 35
Причитания — 64
Рецензии — 3, 6—8, 11, 13—15, 25, 26, 44, 46, 48, 51, 55—57, 59, 63—66, 69
Сказки — 6, 8, 13, 17, 22, 44, 46, 52
Частушки — 32
Язычество и мифология — 4, 27

Т. А. НОВИЧКОВА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВА

I. Исследования по фольклору

1. В. Я Пропп. Русский героический эпос//Вечерний Ленинград. 1955. 24 нояб. № 277.

Рец на кн.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.

2. Отражение исторической действительности в фольклоре: (Русские исторические песни XIV—XVI веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956. 27 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

3. Сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1954—1955 годах//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 282—289. [Совместно с О. Б. Алексеевой и Н. В. Новиковым].

4. Некоторые вопросы генезиса исторической песни//Историко-литературный сборник. М.; Л., 1957. С. 32—92.

5. Научная сессия, посвященная семидесятилетию А. М. Астаховой//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 326—331. [В соавт. с О. Б. Алексеевой].

6. Из истории определения исторической песни: (К вопросу о предмете изучения)//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 5—25.

7. Чем должна быть фольклористика?//РЛ. 1960. № 2. С. 168—173.

8. Проблема художественности устного рассказа//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 247—264.

9. Понятие «фольклор» в советской фольклористике//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 5—33.

10. Экспедиция в Костромскую область. Макарьевский район; Судайский район//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 135—140, 144—146.

11. Путь в творчество//Литература и жизнь. 1961. 6 сент. № 106. С. 2.

12. О природе фольклоризма современной литературы//РЛ. 1961. № 3. С. 108—122.

Полемика по вопросам современного фольклора.

Рец.: Гусев В. Е. Творчество коллектива//Литература и жизнь. 1969. 31 янв. № 13.

13. По поводу статьи Ф. И. Лаврова//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 164—170.

См.: Лавров Ф. И. Против нигилистического отношения к современному поэтическому творчеству: (В порядке обсуждения)//Там же. С. 153—163.

14. К вопросу о фольклоризме древней русской литературы//Рус. фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 26—43.

Рец.: Лихачев Д. С. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого//ВЛ. 1963. № 3. С. 107—109.

15. Нерешенные проблемы в изучении современного народного творчества//Проблемы современного народного творчества. Рус. фольклор. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 39—59.

16. Изучение отношений литературы к фольклору//Вопросы методологии литературоведения. М.; Л., 1966. С. 256—283.

17. Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. (Сер. «Памятники рус. фольклора»). [В соавт. с О. Б. Алексеевой, Б. М. Добровольским, В. В. Коргузаловым, А. Н. Лозановой, Б. Н. Путиловым, Л. С. Шептаевым].

18. Исторические песни и действительность//Рус. фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 196—227.

19. Давлетов К. С. Фольклор как вид искусства/Отв. ред. Л. И. Емельянов. М., 1966.

20. Устная народная поэзия//История русской поэзии: В 2 т. Л., 1968. Т. 1. С. 13—26.

21. Современная художественная самодеятельность и проблемы фольклористики//Фольклор и художественная самодеятельность. Л., 1968. С. 20—43.

22. Л. В. Домановский. [Некролог]//Рус. фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 340—341.

23. Следы отзвучавших поэм//Звезда. 1970. № 8. С. 210—211.

Рец. на кн.: Чердынская свадьба/Записал и сост. И. В. Зырянов. Пермь: Кн. изд-во, 1969.

24. Введение//Русская литература и фольклор (XI—XVIII века). Л., 1970. С. 9—19.

25. Исторические песни XVIII века. Л., 1971. (Сер. «Памятники рус. фольклора»). [В соавт. с О. Б. Алексеевой].

26. Русские исторические песни XVIII века//Там же. С. 7—19.

27. Принципы отражения исторической действительности в былине//Фольклор и ист. действительность: Всесоюзная научная конференция, 12—14 октября 1976 г. Тезисы докладов. Махачкала, 1976. С. 19—20.

28. Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике//Рус. фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. 16. С. 3—34.

29. В новом приближении//РЛ. 1978. № 4. С. 169—172.

Рец. на кн.: Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество: Учебник для филол. факультетов университетов. М., 1977.

30. Природа предмета и специфика проблемы: (О функциях фольклора)//РЛ. 1978. № 1. С. 82—98.

31. Методологические вопросы фольклористики/Отв. ред. В. Г. Базанов. Л., 1978. 206 с.

Реф. кн.: Хазанова И. В. Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. Литературоведение. 1979. № 3. С. 154—160.

32. Методологические вопросы фольклористики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 36 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

33. О границах метода и «единицах измерения»//Рус. фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 113—125.

34. Литературоведение и фольклористика//Взаимодействие наук при изучении литературы. Л., 1981. С. 102—130.

35. Василий Григорьевич Базанов. [Некролог]//Рус. фольклор: Поэтика рус. фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 223—226.

36. Вспоминая В. Г. Базанова//Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982. С. 297—302.

37. Былина и факт: К дискуссии об историзме былин//РЛ. 1984. № 3. С. 145—152.

38. Исторические песни//Русская историческая песня/Сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987. С. 5—44. («Библиотека поэта». Большая сер.).

39. Исторические песни//Русская историческая песня/Сост. и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1990. С. 5—40. («Библиотека поэта». Малая сер.).

40. Термин «советский фольклор» в 1930-е годы//Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 217—223.

41. Русский былинный эпос. [Ч] 2//Свод рус. фольклора. Былины: В 22 т. СПб. Т. 1. Север Европейской России. Былины Печоры. С. 61—78 (в печати).

II. Литературоведение

42. Злаки и плевелы «Синего поля»//Нева. 1962. № 12. С. 175—176.

Рец. на кн.: Бабич В. Ф. Синее поле. Роман. Петрозаводск., 1961.

43. Свобода родного языка//Нева. 1963. № 6. С. 174—175.

Рец. на кн.: Югов А. К. Судьбы родного слова. М., 1962.

44. Труды и дни Ивана Африкановича//Звезда. 1966. № 8. С. 210—212.

Рец. на кн.: Белов В. Привычное дело. (Из прошлого одной семьи). Повесть//Север. 1966. № 1.

45. Продолжение знакомства//Звезда. 1967. № 12. С. 204—206.

Рец. на кн.: Корнилов Б. П. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966.

46. Повествование продолжается. [О кн.: Андреев Вадим. Возвращение в жизнь]//Звезда. 1969. № 5. С. 85—87.

47. На путях к человеку//Звезда. 1969. № 7. С. 222.

Рец. на кн.: Вагнер Н. П. В поисках друга. Л., 1968.

48. В новом приближении//Звезда. 1969. № 3. С. 210—212.

Рец. на кн.: Воронин С. А. Роман без любви. Рассказы. Л., 1968.

49. [Предисловие]//Яшин Александр. Короткое дыхание//Звезда. 1971. № 5. С. 68.

50. Два лета//Звезда. 1971. № 6. С. 212—215.

Рец. на кн.: Симонов К. Последнее лето. Роман. Кн. 1—2//Знамя. 1970. № 6—8; 1971. № 1—2.

51. Веление темы: Рабочий класс в современной советской прозе//Звезда. 1972. № 4. С. 205—212.

52. Разрушение тишины//Звезда. 1972. № 11. С. 217—220.

Рец. на кн.: Белов В. Кануны. Роман// Север. 1972. № 4—5.

Рец.: Суровцев Ю. О национальной самобытности и «фантастически» вычурной любви к ней//Лит. обозрение. 1973. № 2. С. 67—69.

53. Деревянные пятачки//Ленингр. правда. 1972. 16 авг.

Рец. на кн.: Воронин С. А. Дом на бугре: Повести и рассказы. Л., 1972.

54. Деревянные пятачки//Наш современник. 1972. № 10. С. 123—125.

Рец. на кн.: Воронин С. Деревянные пятачки: Повесть//Москва. 1971. № 5.

55. Веление жизни//В начале семидесятых. Л., 1973. С. 102—128.

56. Единство нравственного отношения: О творчестве писателя С. А. Воронина//Молодая гвардия. 1973. № 6. С. 275—287.

57. Единица измерения: Заметки о прозе В. Шукшина//Наш современник. 1973. № 10. С. 176—187.

58. Сергей Воронин: Критико-биографический очерк. Л., 1975.

Рец.: Мельгунов Б. Единство нравственного отношения//Север. 1978. № 1. С. 126; Ширмаков П. Преодоление жанра?//Нева. 1977. № 4. С. 188—189; Стаднюк Ю. Обнаженное чувство времени//Москва. 1977. № 4. С. 212—214.

59 Уроки жанра: (Рассказ в творчестве Сергея Воронина)//Портреты и проблемы. Л., 1977. С. 115—143.

60. Развитие литературы и проблема народности//О прогрессе в литературе. Л., 1977. С. 163—208.

61. Единство исторического и эстетического принципов в литературоведческом анализе//Анализ литературного произведения/Под ред. Л. И. Емельянова Л., 1976. С. 20—66.

Книга переиздана на болгарском языке в Софии в 1979 г.

62. Герои Толстого в историко-литературной концепции Аполлона Григорьева//Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 158—172.

63. Чернышевский и проблема народности//Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литературная критика. Л., 1979. С. 52—67.

64. Второе прочтение: (К пятидесятилетию со дня рождения В. М. Шукшина)//Наш современник. 1979. № 7. С. 162—170.

65. Обретение устоев//Малышкин А. Г. Люди из захолустья. Кемерово, 1979. С. 327—335.

66. Музей Дружбы народов. Шестилетие Музея Дружбы народов Грузинской ССР//Аврора. 1979. № 9. С. 164—139.

67. «Двух станов не боец...»//Толстой А. К. Избр. произведения/Вступ. статья и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1980.

68. Как работал Василий Шукшин//Аврора. 1981. № 1. С. 133—138.

69. Литературный факт и его контекст: (О выпусках серии «Контекст»)//РЛ. 1982. № 2. С. 197—204.

70. Не просто метод: О соцреализме//Лит. учеба. 1983. № 1. С. 170—171.

71. Об интерпретации художественного произведения//РЛ. 1983. № 1. С. 145—151.

72. Природа в творчестве Соколова-Микитова//Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л., 1983. С. 93—103.

73. А. К. Толстой//Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 5—44. («Библиотека поэта». Большая сер.).

74. После дебюта: новые имена в ленинградской прозе//Лит. обозрение. 1984. № 1. С. 8—11.

75. О границах применения специальных методов в изучении литературы//Методологические вопросы науки о литературе. Л., 1984. С. 21—43. (Перепеч.: Обществ. науки. 1985. № 1. С. 112—126).

76. Василий Шукшин. Очерк творчества. Л., 1983. 152 с.

Рец.: Васильев Ф. Новая книга о Шукшине//Звезда. 1985. № 1. С. 197—199; Крундышев А. О Василии Шукшине и его героях//Нева. 1984. № 12. С. 167—168.

77. «Слава есть право на счастие...»//Карамзин Н. Избранное. Л., 1985. С. 5—21. (То же, 2-е изд.: 1995).

78. Рассказы Чехова//Чехов А. П. Маска: Рассказы/Сост. и вступ. статья Л. И. Емельянова. Л., 1985. С. 5—12.

79. Послесловие//Бунин И. А. Повести и рассказы. Л., 1985. С. 737—751.

80. Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года: Записки кавалерист-девицы/Сост., предисл. и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1985.

81. Наследие Н. А. Добролюбова сегодня//Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1986. Т. 45, № 4. С. 293—298.

82. «Идеальный, истинный филолог...»: (К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского)//РЛ. 1988. № 1. С. 119—128.

83. У истоков великой темы//«России верные сыны...»: Отечественная война 1812 года в русской литературе первой половины XIX века: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 3—24.

84. «Князь добродетельный, храбрый и мудрый»: (О князе Данииле Романовиче)//Деловая жизнь. 1994. № 13 (27). Июль.

85. Расчеты и просчеты гетмана Мазепы//Деловая жизнь. 1994. № 14 (28). Июль.

86. Классик науки побеждать: (О Ф. Ф. Ушакове)//Деловая жизнь. 1994. № 19 (33). Октябрь.

87. «Из пламя и света рожденное слово...»: (О М. Ю. Лермонтове)//Деловая жизнь. 1994. № 20 (34). Октябрь.

III. Литературное творчество

88. Четвертая седмица: Рассказ//Звезда. 1968. № 6. С. 42—66.

89. Веселые песни: Рассказ//Звезда. 1969. № 10. С. 29—44.

IV. К биографии Л. И. Емельянова

Горелов А. А. Емельянов Л. И.//Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. Стб. 295.

Бахтин В., Лурье А. Емельянов Леонард Иванович//Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. справочник. 1934—1981. Л., 1982. С. 124.

Памяти Леонарда Емельянова. [Некролог]//Звезда. 1996. № 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (Москва).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).
ЛУР МГУ — Лаборатория управления речью при Московском государственном университете.
РАН — Российская Академия наук.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РГО — Российское географическое общество (С.-Петербург).
РЛ — «Русская литература» (журнал; С.-Петербург).
РО — Рукописный отдел.
РФ — Рукописный фонд Фонограммархива.
ФА ИРЛИ — Фонограммархив ИРЛИ (С.-Петербург).
ФВ — Фонографические валики.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА (БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СТАТЬИ)

Письма А. Д. Григорьева в архивах Праги
Публикация *А. Н. Мартыновой* 5
«Верю, мы для России пригодимся». Переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921—1923)
Публикация *В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой и Э. В. Померанцевой* 9
Указатель имен 185
Указатель учреждений, организаций, съездов и конференций 209
Список сокращений 215
Л. И. Емельянов. Термин «советский фольклор» в 1930-е годы .. 217
А. Н. Мартынова. Научное наследие Г. С. Виноградова 224
Детский фольклор в работах 1930-х годов (неизвестные статьи А. М. Астаховой и Г. С. Виноградова)
Публикация *И. М. Колесницкой и Т. Г. Ивановой*) 241
К биографии М. К. Азадовского
Публикация *И. З. Ярневского* 271
А. А. Горелов. П. С. Богословский — исследователь Сборника Кирши Данилова 280
Ю. И. Марченко. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций 298

II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАПИСИ

Записи духовных стихов К. Д. Кавелиным
Публикация *Е. П. Гладких* 338
Кулойские былины в записях О. Э. Озаровской
Публикация *Т. А. Новичковой* 345
Напевы кулойских былин (По материалам коллекции О. Э. Озаровской)
Публикация *А. Д. Троицкой* 381

Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов
Публикация *А. Ю. Кастрова* 403
Духовные стихи Обонежья (По материалам экспедиций1926—1932 гг.)
Публикация *Л. И. Петровой* 439
Мезенский песенный фольклор в ранних записях советского времени (По результатам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 г.)
Публикация *Ю. И. Марченко* 492
А. М. Листопадов. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года
Публикация *В. К. Шивляновой* 541
Из наследия Н. Е. Ончукова. Детские сказки одной деревни
Публикация *В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной* 561

III. БИБЛИОГРАФИЯ

Т. Г. Иванова. Вопросы русского фольклора и фольклористики на страницах журнала «Slavia» (1922—1940) (Материалы к библиографии) 581
Указатель имен 588
Жанрово-тематический указатель 590
Т. А. Новичкова. Хронологический список опубликованных трудов Л. И. Емельянова 591

Список сокращений 596